И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

3

Ив. Тургенев

И. С. ТУРГЕНЕВ.
Акварель А. Н. Никитина, 1857 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ПИСЬМА

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

♦

*Издание второе,
исправленное и дополненное*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
1987

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

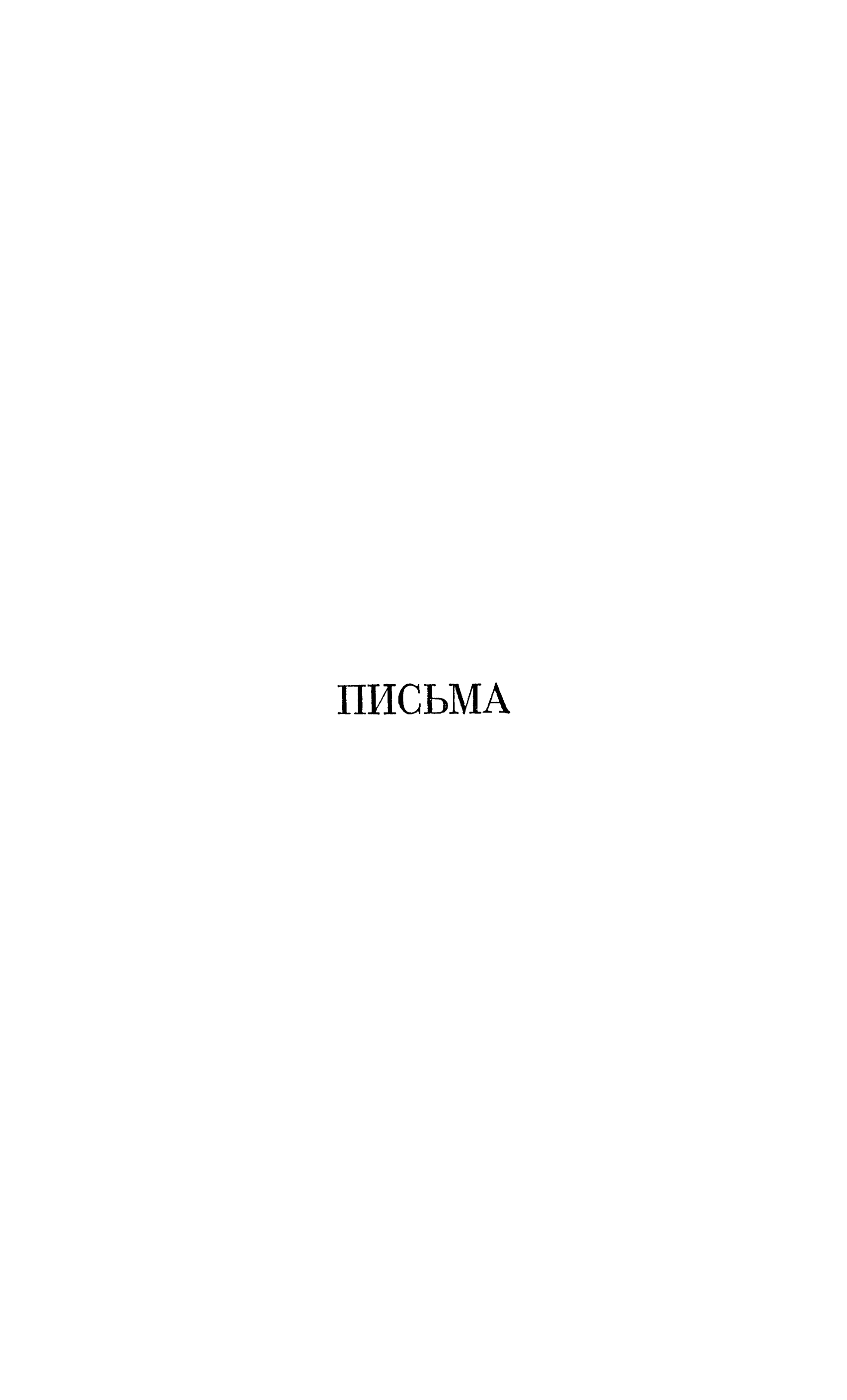
Том третий

1855—1858

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
1987

Т $\frac{4702010200-372}{042(02)-87}$ Подписное



ПИСЬМА

1855

370. В. П. ТОЛСТОМУ

3(15) января 1855. Петербург

С. Петербург.
3-го января 1855 г.

Ваше письмо очень обрадовало меня, любезный граф — а то я боялся, что уеду отсюда, не получивши Вашего московского адресса. Я непременно — если буду жив и здоров, выезжаю отсюда 7-го числа, т. е. в пятницу — и в субботу Вас увижу [1].— Я от моей кумы получил такое милое письмо [2], что непременно написал бы ей большой ответ, если б она не сказала мне, что мое письмо уже ее в деревне не застанет. Итак, до скорого свидания. Явлюсь с фотографом [3], «Постоялым двором» и т. д. и т. д. Надеюсь, что мы несколько дней очень приятно проведем вместе. Я думаю в Москве остаться до 18-го числа [4]. Будьте здоровы и веселы — жму вам обоим крепко руки — и до свидания через пять дней.

Душевно любящий Вас
Ив. Тургенев.

371. О. А. ТУРГЕНЕВОЙ

6(18) января 1855. Петербург

Любезная Ольга Александровна,

Посылаю Вам мою запрещенную повесть. Будьте так добры — прочтите ее сегодня же — потому что я завтра еду и хочу ее взять с собой [1]. Впрочем, я Вас сегодня увижу и прощусь с Вами перед отъездом в Москву.

Остаюсь
преданный Вам
Ив. Тургенев.

6 янв. 1855.

На конверте:

Ее превосходительству
Ольге Александровне
Тургеневой
(в собственные руки).

372. О. А. ТУРГЕНЕВОЙ

6(18) января 1855 г. Петербург

Ольга Александровна, позвольте прежде всего поблагодарить Вас за Ваше решение написать ко мне. Я сам давно желал откровенно поговорить с Вами — но без Вашего письма, вероятно, наши отношения так бы и кончились немо и глухо [1].

Благодарю Вас за Вашу доверенность — благодарю Вас особенно за то, что Вы дали мне возможность выразить Вам те чувства искреннего уважения и сердечной дружбы, которые Вы мне внушили и которые я надеюсь сохранить навсегда.

Вы просите у *меня* прощения... но из нас двух, Ольга Александровна, конечно, виноват я один. Я старше Вас, *моя* обязанность была думать за обоих; я не должен был позволить себе поддаться безотчетному увлеченью — и в особенности я не должен был дать Вам это заметить, пока я сам не сознал ясно, какого рода было это увлечение... я не должен был забывать, что Вы рисковали многим — я ничем. И между тем я — всё это сделал! В мои лета смешно оправдываться необдуманностью первых порывов — но другого оправдания я не могу представить — потому что одно оно истинно. Когда же я убедился, что чувство, которое во мне было, начало изменяться и слабеть — я и тут вел себя дурно. Вместо того чтобы предаваться тем бессмысленным желчным выходкам, которые Вы переносили с такой простотой и кротостью — я должен был тотчас уехать... Вы видите, что виноват я один — и только женское — скажу более, только девственное великодушие чистой души — может еще даже не пенять на человека, сделавшего всё это — чуть не обвинять само себя!

Вы просите меня не *ненавидеть* Вас... но я бы считал себя самым недостойным человеком, если бы я глубоко не уважал Вас! Поверьте — я сумел Вас оценить — и, несмотря на всё, что произошло, я все-таки считаю мое знакомство с Вами одним из счастливых случаев моей жизни. Избегать частых встреч, близких сношений с Вами — теперь моя прямая обязанность. Нужно прекратить слухи и сплетни, повод к которым подало мое поведение [2]. Но я был бы душевно огорчен, если б Вы приписали мое теперешнее отдаление от Вас какой-нибудь другой причине... Напротив, я смею надеяться, что когда всё войдет в обычную колею — мы сблизимся опять, если только Вы сами это по-

желаете. Верьте, что какая бы ни была будущая Ваша и моя судьба, чувство глубокой привязанности к Вам никогда не умрет во мне. Простите Вы меня, Ольга Александровна — а я сам себе прощу только тогда, когда увижу Вас окруженною тем счастьем, которого Вы так достойны. Дайте мне Вашу руку, позвольте мне крепко пожать ее — и примите вместе с моей глубокой благодарностью выражение самой искренней преданности

Вашего

6-го января 1855. Ив. Тургенева.

373. Е. А. ЧЕРКАССКОЙ

17(29) января 1855. Москва

Любезная княгиня, у меня есть до Вас покорная просьба — мне моя «Переписка» непременно нужна завтра к обеду — то сделайте одолжение, распорядитесь так, чтобы она была готова завтра часа в 2 часа[a] , а я за ней зашлю или сам заеду, тем более, что мне нужно переговорить с князем о дне нашего отъезда в Абрамцево[1]. До свидания.

Душевно преданный Вам

Понедельник. Ив. Тургенев.

374. В. А. ЧЕРКАССКОМУ

(18 или 19) (30 или 31) января 1855. Москва

Я все-таки намерен ехать в Абрамцево — возьму с собой старика Щепкина. Спасибо за возок,— но я думаю — веселее ехать в повозке. Вечером буду непременно часов в 10½. И Боткин, может быть, будет. До свиданья.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

375. М. Н. ТОЛСТОЙ

Январь (после 8) ст. ст. 1855. Москва

Желание моей милой кумы [1] мне дороже всяких приказаний — я и без того хотел завтра быть у Вас вечером — а уж теперь-то непременно. До свидания.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

На обороте:

Ее сиятельству
графине Марии Николаевне
Толстой.

---

[a] *Так в подлиннике.*

376. М. Н. ТОЛСТОЙ

Январь (после 8) ст. ст. 1855. Москва

Жалею, что граф не может приехать — а я бы его обыграл. Впрочем, здоровье мое поправляется — и если не завтра, то уже послезавтра наверное увижу Вас, милая моя кума. Будьте здоровы сами — это главное. До свиданья.

Ваш
И. Т.

На обороте:

Ее сиятельству
графине Марии Николаевне
Толстой.

377. М. Н. и В. П. ТОЛСТЫМ

8(20) февраля 1855. Петербург

С. Петербург
8-го февр. 1855
Вторник.

Вообразите себе, милые друзья мои, что выехавши в четверг [1] — я только вчера, т. е. в пятые сутки, прибыл сюда! Трое суток с лишком сидели мы в Завидове по милости метели — и нерасчистки дороги — холодали, кормились бог знает чем — предавались на съедение клопам и т. д. В Завидове, на беду, нету станции — а существуют только две маленькие казармы. Весьма скверное было дело — и если б кто-нибудь из нас занемог, пропал бы — потому что сообщения никакого за сугробами не было! Однако всё сошло кое-как — кашель у меня, правда, усилился — но ничего воспалительного в нем нет. Устал я только ужасно — и сегодня и завтра намерен высидеть дома. Как только выеду, тотчас устрою дело Mlle Vergani — и дам вам знать.— «Постоялый двор» у вас остался — берегите его до случая [2] — а корректуру «Переписки» отдайте Боткину — когда он за нею явится [3]. Он теперь здесь — живет у меня — и не совсем здоров — тоже простудился.

Часто я вспоминал вас во время дороги — и теперь мне всё мерещится ваша квартера с своими фантастическими стульями и ужасными картинами. Надеюсь, что графиня здорова и весела. В другой раз напишу больше — а теперь голова трещит. Кланяюсь всем и жму всем руки. До свиданья через два месяца [4].

Ваш
Ив. Тургенев.

378. ПОЛИНЕ ВИАРДО

10(22) февраля 1855. Петербург

St. Pétersbourg,
le 10/22 février 1855.

Il y a quatre jours que je suis de retour de Moscou [1], chère et bonne Madame V⟨iardot⟩. Une lettre de vous m'attendait chez moi et m'a rendu bien content, non pas précisément par son contenu, mais par la certitude qu'elle m'a donnée de la continuation de notre correspondance. Hélas! elle ne bat que d'une aile, cette pauvre correspondance — et cependant, Dieu m'est témoin que jamais mes amis ne m'ont été plus chers! — Il me serait bien pénible de penser que mon souvenir est affaibli là-bas, et je vous suis bien reconnaissant pour les paroles affectueuses qui terminent votre lettre...[2]

Au nom du ciel, débarrassez-vous bien vite de votre grippe et donnez-moi des nouvelles de vos concerts. Je suis affreusement grippé dans ce moment (la moitié de Pétersbourg l'est avec moi) et je sais combien c'est impatientant. Je suis resté à Moscou un mois à peu près [3], j'y ai passé mon temps fort agréablement, j'y ai fait beaucoup de nouvelles connaissances [4]. Beaucoup de projets littéraires s'agitent dans ma tête...[5] mais le temps n'est pas à la littérature.— Il s'organise maintenant une levée en masse dans tout l'Empire — les officiers de la milice seront élus au mois d'avril dans mon gouvernement. Si je me trouve dans le nombre, eh bien! j'échangerai bravement la plume contre le mousquet, et je tâcherai de remplir mon devoir aussi énergiquement que je le pourrai. Notre pays entre dans une grande crise — les bras de nous tous ne lui feront pas défaut [6].

Pardon de cette digression, mais il est difficile de ne pas parler de ce qui remplit tous les cœurs russes dans cet instant...

Vous ne me dites rien de Pauline, j'espère qu'elle va bien et ne fait pas trop la paresseuse. Mille remerciements au bon V⟨iardot⟩ pour son affectueuse complaisance. Je regrette vivement d'être toujours en retard avec mes payements, mais je suis bien décidé à ne pas quitter P⟨éters-bour⟩g (ce sera vers la fin du mois de mars) [7] sans avoir envoyé toute la somme annuelle d'avance.— Je travaille en même temps à assurer l'avenir de la petite et si Dieu me prête vie, ce sera fait dans le courant de l'année.

Il paraît que Mme Lagrange ne revient pas l'hiver prochain. On parle de Mme Bosio... si... mais voilà un si

bien fou! Il ne faut pas même se permettre de penser à des choses si bonnes et si impossibles [8]. L'opéra a bien mal marché, c'était du reste assez naturel... Je vous prie de ne pas oublier votre promesse et de me parler de vos concerts.

Votre dernière lettre est bien courte et, pardon de l'expression, bien sèche! Pourquoi me taquiner à propos de Mlle T⟨ourguénev⟩? [9] Vous ne me dites rien de Mme Garcia — dites-lui que je lui garde un souvenir bien tendre. Rappelez-moi à Mme Sitchès, à votre frère... Quand je pense que Louise, cette petite Louise que j'ai laissée à Courtavenel, est déjà une grande demoiselle de 13 ans! En vérité, la vie fuit et disparaît trop vite... Vous verrez que je ne reviendrai à Paris (si tant est que j'y revienne) que pour être le parrain du quatrième enfant de votre fille cadette.

Avez-vous complètement oublié le russe?

Voici pourquoi je vous fais cette question. Un de mes amis vient de faire paraître les deux premiers volumes d'une magnifique édition de Pouchkine [10]. Je le sais par cœur, mais il y a telle pièce de vers, qui, replacée de nouveau sous mes yeux, m'a fait aussi une impression nouvelle. Si vous avez quelqu'un là-bas qui sache le russe, faites-vous traduire les vers suivants. Sinon, je vous enverrai ma traduction dans ma prochaine lettre : (N. B. Faites-vous expliquer chaque mot).

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас...
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего —
Как овдовевшая супруга —
Как друг, обнявший молча друга
Перед изгнанием его [11].

Adieu, chère et bonne Mme V⟨iardot⟩. Portez-vous bien, soyez heureuse et que le bon Dieu vous protège. J'embrasse avec tendresse vos chères mains.

Votre J. T.

379. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

10(22) февраля 1855. Петербург

С. Петербург.
10-го февраля 1855.

Милостивый государь
Александр Николаевич!

Вы, может быть, уже знаете, что я на другой день после моего посещения у Вас [1] в Москве занемог — и целую неделю сидел дома — потом я попал в тот несчастный поезд железной дороги, который трое суток с лишком был задержан метелью; а прибывши, наконец, сюда, я опять занемог и опять не выхожу из комнаты. Этому неприятному стечению обстоятельств следует приписать, что я до сих пор ничего не мог Вам написать о г-не Горбунове — потому что не видел еще Федорова, но как только выздоровею, тотчас пойду к нему и подробно напишу Вам результаты нашего свидания[2].— Теперь же, по поручению редакторов «Современника», обращаюсь к Вам с вопросом: не хотите ли Вы поместить Вашу последнюю комедию у них в журнале — они примут ее с радостью и предлагают Вам за нее 250 руб. серебр. Если Вы согласитесь, то можете выслать ее на мое имя — и поскорее — потому что они хотели бы поместить ее в мартовской книге [3]. Также я попросил бы Вас, если это возможно — прислать ко мне несколько рисунков г-на Боклевского (если не к «Бедность не порок» — то хоть другие) — я бы их здесь показывал людям со влиянием — и это могло бы послужить в пользу г-ну Б⟨оклевскому⟩, произведения которого очень бы нужно было вывести на свет [4]. Прошу Вас ответить на оба мои запроса, чем весьма меня обяжете.

Я видел Писемского, который велел Вам кланяться. Он уже поступил на службу — и дела его на хорошей дороге [5]. Нечего говорить, что рисунки г. Б⟨оклевского⟩ будут возвращены в совершенной целости и исправности.

Прошу Вас поклониться от меня Садовскому — гг. Горбунову и Эдельсону (надеюсь, что здоровье его супруги поправилось) — желаю Вам здоровья и деятельности — и остаюсь с совершенным уважением

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Мой адресс: на Фонтанке, близ Аничкова моста, в доме Степанова.

380. К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

11(23) февраля 1855. Петербург

С.-Петербург,
11-го февраля 1855.

Я виноват перед Вами, любезный Константин Николаевич — вот уже третье большое письмо я получаю от Вас и до сих пор не ответил [1]. Извинением мне отчасти может служить моя поездка в Москву, продолжавшаяся гораздо долее, чем я ожидал (я уехал отсюда 8-го янв⟨аря⟩ и вернулся только три дня тому назад, больной)[2]. Сейчас берусь за перо с намерением поговорить с Вами. Прежде всего должен, к сожалению, сказать Вам, что пока Ваша повесть не напечатается, от Краевского денег ждать нечего; дела его журнала — как и всех журналов — идут плохо — и он не далее как третьего дня разошелся с постоянным и деятельным своим сотрудником, Михайловым, за то, что тот у него попросил денег вперед. Впрочем, он намерен печатать Вашу повесть в следующем номере — и ценсура об ней еще не имеет понятия [3]. Краевский надеется на благополучный исход. Как только повесть пропустится, деньги Вам будут высланы. Драмы Вашей буду ждать [4]. Кстати, адресс Вы ставите не совсем верно; вот он — на Фонтанке, близ Аничкова моста, в доме Степанова. Я ошибся — сообщая Вам мою критику на «Лето на хуторе» [5] — я хотел сказать «Ночь на пчельнике» [6]. Вы уже знаете, что и этот очерк запретили [7]. Для драмы Вашей постараюсь сделать всё возможное.

Положение Ваше не совсем легко — что же делать? — потерпите; перемелется, авось мука будет. Главное, старайтесь, чтобы здоровье Ваше не повихнулось. Присланные вами 2 главы у меня в целости; первая в особенности мне понравилась [8]. Старайтесь (Вы мне позволите быть откровенным с Вами) быть как можно проще и яснее в деле художества; Ваша беда — какая-то запутанность хотя верных, но уже слишком мелких мыслей, какое-то ненужное богатство задних представлений, второстепенных чувств и намеков. Так, напр⟨имер⟩, я должен сознаться, что я решительно многого не понял в Ваших замечаниях насчет моих произведений, хотя я чувствовал, что в них много дельного и верного [9]. Вспомните, что как ни тонко и многосложно внутреннее устройство какой-нибудь ткани в человеческом теле, кожи напр⟨имер⟩, но ее *вид* понятен и однороден; как медик, Вы должны сочувствовать этому сравнению — а у Вас иногда теряешься — и сами Вы в

самом себе теряетесь. Глядите больше кругом себя и возитесь меньше с самим собою.

Greift nur hinaus in's volle Menschenleben...
Und wo Ihr's *packt*—da ist's interessant[10].

Еще раз прошу у Вас извинения за мои советы; но их мне внушает искреннее участие к Вам и желание, чтобы из Вас всё то вышло, что может и должно выйти.

О себе ничего особенного не скажу; разные мысли бродят в голове — разные литературные предположения — но пока — ничего не делаю, собираюсь издавать Фетова *Горация* [11]. Время такое тяжелое и смутное... Я остаюсь здесь до первых чисел апреля, а к 15 апреля я уже непременно буду в деревне [12].

Прощайте, любезный К〈онстантин〉 Н〈иколаевич〉. Авось когда-нибудь придется увидеться, но во всяком случае прошу Вас быть всегда уверенным в искренней приязни

преданного Вам
Ив. Тургенева.

381. А. А. КРАЕВСКОМУ

14(26) февраля 1855. Петербург

Любезный Краевский,

Во-первых, посылаю Вам стихотворение Фета [1], а вовторых, позвольте обратиться к Вам с просьбой довольно странной — и заранее попросить у Вас извинения, если Вы найдете ее вмешательством в чужие дела. Вот в чем дело: я знаю, что Вы с Михайловым расстались довольно неприязненно [2] — и мне бы хотелось Вас съютить опять, тем более, что во всем этом одно недоразумение и Вы друг другу нужны. Я знаю, что у Вас, при теперешних обстоятельствах, денег лишних нет; но Михайлову они крайне нужны — и Вы, давши ему если не 500, то хоть 300 руб. сер., оказали бы ему действительную и великую услугу, за которую он был бы Вам благодарен. Деятельностью своею он скоро это вознаградит — и мне останется только приятная мысль, что я послужил средством к восстановлению согласия между двумя людьми, которые и для своей пользы, и для пользы литературы не должны расходиться. Повторяю свою просьбу — не пенять на меня за мое вмешательство — и надеюсь, что вы уважите побуждения, которые мною[a] руководили при начертании этого письма.

---

[a] *Было*: меня

Ответ Вы можете прислать мне, я его передам Михайлову. Мое здоровье поправляется, и я думаю скоро выйти. До свиданья. Будьте здоровы.

Преданный Вам

Понедельник. Ив. Тургенев.

P. S. Исполнением моей просьбы Вы бы лично меня одолжили, любезный А⟨ндрей⟩ А⟨лександрович⟩.

382. М. Н. и В. П. ТОЛСТЫМ

14(26) февраля 1855. Петербург

С. Петербург.
14-го февр. 1855.

«Мороз и солнце — день чудесный!» [1], как сказано у Пушкина — а я всё сижу дома и только об вас вспоминаю, любезные друзья. Грипп всё не хочет меня оставить в покое — впрочем, он здесь почти у всех. Спасибо вам за ваши милые письма — очень я сочувствую неприятному положению, в которое Вас поставил князь Г., любезный граф, но на всё судьба и во всем судьба! Эта же самая судьба была причиною, что я, не дождавшись «Бедности не порока» [2],— уехал из Москвы, словно меня гнал кто — и просидел четыре дня в Завидове... Что делать! Против судьбы не пойдешь... и если б человек всегда знал наверное, что ему готовит будущее, он бы поступал гораздо благоразумнее... Нужно покориться, не желать невозможного — и, спокойно сдерживая свои желанья, ждать у моря погоды... Какой я философ стал — а всё по милости гриппа!

С тех пор, как я приехал, я не выхожу из квартеры — но вижу довольно много людей, большей частью литераторов, которые приходят ко мне посидеть и поболтать. Нового, впрочем, ничего по этой части нету — разве только что Гоголь весь пропущен цензурой безо всяких исключений. Это очень приятная весть [3]. Биография Пушкина производит самое отрадное впечатление — и отовсюду слышатся самые лестные отзывы труду Анненкова [4]. Мы в благодарность ему намерены дать обед в четверг — надеюсь, что мое здоровье позволит мне на нем присутствовать [5]. Очень мне досадно, что, по милости проклятого гриппа — я до сих пор не был в состоянии исполнить поручение Mlle Vergani, однако я думаю завтра попробовать выехать — а то эдак конца не дождешься. Здесь происходят выборы на Ополчение — начальниками С.-Петербургского ополчения выбраны Ермолов [6] и наш

сосед князь И. Л. Шаховской [7] — дружинными начальниками выбраны А. Зиновьев [8] и Струков. Вот вам и все здешние новости.

Напишите мне, когда вы думаете выехать из Москвы и нет ли известий от Льва Николаевича? Да что это за хорошая вещь, по поводу которой графиня хотела поговорить со мной — и не поговорила? Как Ваше здоровье, моя любезная кума? Надеюсь, что хорошо — а в деревне, летом, Вы совершенно поправитесь. Главное — берегите себя.

Делать — по правде сказать — я ничего не делаю. Для этого нужно спокойствие и уединение — а у меня ни того, ни другого нет. Начал одну вещицу — да только три страницы написал — и остановился [9]. Когда Боткин уедет, у меня больше будет времени.

Пока, прощайте, будьте здоровы и веселы, крепко жму вам руки и желаю всех возможных благ.

Преданный вам
Ив. Тургенев.

383. В. П. БОТКИНУ

22 февраля (6 марта) 1855. Петербург

Посылаю тебе, любезный Боткин, твои штаны... А в какой ты день уехал! [1] — Я выехал, опять простудился и опять сижу. До другого разу.

Твой
Вторник. И. Тургенев.

384. М. Н. и В. П. ТОЛСТЫМ

25 февраля (9 марта) 1855. Петербург

С. Петербург.
25-го февр. 1855 г.

Любезные друзья мои,

Пишу вам сегодня только несколько строк. Не стану говорить вам о потрясающем событии, которое занимает теперь все умы... [1] Хочу сказать вам два слова о себе. Вообразите вы себе, что я до сих пор нездоров и вышел только раз — а именно на другой день кончины государя — опять простудился и опять сижу дома — и поручение Mlle Vergani исполнить до сих пор не мог! Это очень досадно! Надеюсь, что дня через три опять поправлюсь — и тогда первым моим делом будет исполнение этого поручения. Что вы примолкли? На последнее мое письмо к вам я еще не получил ответа [2]. Может быть — вы уже выехали в деревню — или собираетесь выехать? Как здоровье

графини? Пожалуйста, уведомьте меня обо всем этом. До свидания — могу сказать — до скорого свидания. Жму вам всем руки и остаюсь

преданный вам
Ив. Тургенев.

385. В. П. БОТКИНУ

28 февраля (12 марта) 1855. Петербург

С. Петербург
28-го февр. 1855.

Не постигаю, вследствие каких причин твое письмо дошло до меня только сегодня, милый Боткин,— что тут спрашивать — если ты хочешь сюда приехать — разумеется, остановись опять у меня — я очень буду этому рад — и ты сам видел, что ты меня нисколько не стесняешь. А я, вообрази себе, всё так же болен, если не хуже — пробовал выходить два раза — и теперь закаялся — буду сидеть дома, пока совсем поправлюсь. Это очень скучно — и действует на мой характер.

До свидания — приезжай — и главное, будь здоров.

Твой
И. Тургенев.

386. М. Л. МИХАЙЛОВУ

Вторая половина февраля 1855. Петербург

Увы! любезный Михайлов, наши старанья остались тщетными [1] — прилагаю при сем ответ Краевского [2]. Нечего делать. Хотел было Вам услужить — да не удалось [3].

До свиданья. Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На обороте:

Михайле Иларионовичу
Михайлову
(от Тургенева)
на квартире г-на Авдеева [4].

387. М. Н. ТОЛСТОЙ

2(14) марта 1855. Петербург

2-го марта 1855.
С. Петербург.

Сегодня Ваше рождение, любезная графиня — поздравляю Вас — и желаю Вам всех возможных благ на

земле. Я получил дня два тому назад Ваше письмо, в котором гораздо больше скрытой горечи, чем бы следовало — по-настоящему, ей совсем не следует быть. Вы пеняете на меня за мое молчанье — или, говоря правильнее — за краткость и сухость моих писем — но Вы знаете, иногда пишешь коротко, потому что слишком много есть, что писать — а я именно в таком положении нахожусь. Притом я до сегодняшнего дня никак не могу развязаться с моей глупой болезнью — до сих пор не выхожу (надеюсь, однако, в первый раз выйти завтра) — и вследствие этого несколько омрачился духом. Гигиенических снарядов я на себя еще не надел — это делать можно, только когда здоров.

Меня беспокоит приписка Вашего мужа — он говорит о Вашей болезни — надеюсь, что она незначительна и не более как грипп, который решительно погостил в нынешнем году у всех. Вы не можете себе представить, с каким я нетерпеньем жду весны. Жить теперь в Петербурге — особенно не выезжая никуда — тяжело. Притом же мне здешний климат решительно вреден. На весну, лето и осень у меня очень много литературных планов — и я заранее радуюсь возможности толковать о них с Вами — и подвергать их Вашему суду [1]. Я рад, что по крайней мере охота к литературе во мне не упадает — во всех других отношениях я становлюсь тупым стариком.

Пожалуйста, графиня, позаботьтесь о Вашем здоровье — и не предавайтесь Вашей наклонности к хандре и мрачным мыслям. Хандра — своего рода смерть — а в жизни все-таки нет ничего лучше жизни, как она ни бывает подчас тяжела.

До скорого свидания. Крепко жму Вам и графу руки и остаюсь

преданный Вам душою

Ив. Тургенев.

P. S. Пакет Mlle Vergani меня сокрушает — в несчастный час она мне его дала! Первый мой выезд будет ей посвящен.

388. В. П. БОТКИНУ

4(16) марта 1855. Петербург

Милый В⟨асилий⟩ П⟨етрович⟩,твои панталоны давно к тебе отправлены — и письмо тогда же послано на твое имя, со вложением нумеров железной дороги [1]. Если ты

это письмо не получил, то вели, пожалуйста, осведомиться на станции Московской о пакете, адрессованном на твое имя.

Жаль, что ты отложил свою поездку. Мое здоровье поправляется — но медленно — скверную я провел зиму! Я отсюда выезжаю, если буду жив, во вторник на Фоминой [2].— Напиши мне слова два о здоровье графини [3].

Все здешние [4] живы и здоровы. Прощай — жму тебе руку.

Твой
Ив. Тургенев.

С. Петербург.
4-го марта 1855.

P. S. Твои панталоны уложены в небольшом пакете, клеенкой навыворот и с буквами: В. П. Б.

389. А. А. КРАЕВСКОМУ

Конец февраля — начало марта ст. ст. 1855. Петербург

Любезный Краевский,

Повесть, которую я Вам обещал, кончена [1]. Остается ее переписать. Пришлите мне, пожалуйста, порядочного переписчика.— Я всё нездоров и всё не выхожу. Чёрт знает, что со мною делается. До свиданья.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. В повести будет листа три печатных с небольшим. Не говорите, пожалуйста, о том, что я написал Вам повесть [2].

390. А. А. КРАЕВСКОМУ

Середина марта ст. ст. 1855. Петербург

Любезный Краевский,

Тяжкие времена, в которые мы находимся, заставляют меня обратиться к Вам с просьбой: не можете ли Вы заплатить мне за последнюю мою повесть [1], а деньги, которые я Вам должен, считать за мною в качестве задатка других работ? (Кстати, будьте так добры и напишите, сколько я Вам должен.) В «Пасынкове» не с большим 2 листа — кажется, не будет дорого, если Вы дадите мне за него 125 руб. сер. «Совр⟨еменник⟩» мне дает 75 р. с листа — но мне хочется доказать Вам, что я помню Ваши услуги и мое долгое бездействие.

До свидания вечером.

Ваш Тургенев.

P. S. Если б Вы могли дать мне 200 р.— прибавив 75 к тому, что я уже должен, это было бы великолепно — но надо и честь знать.

P. S. Вы можете вручить деньги этому посланному.

На обороте:

Андрею Александровичу Краевскому
от Тургенева.

391. М. Н. и В. П. ТОЛСТЫМ

22 марта (3 апреля) 1855. Петербург

С. Петербург.
22-го марта 1855.

Милые мои друзья, я получил ваше письмо, в котором вы меня извещаете о вашем отъезде в деревню; если буду жив и здоров, надеюсь увидать вас через две недели — не позже — я отсюда хочу выехать 30-го марта — весна зовет в деревню — да и здесь делать нечего [1]. Надеюсь застать вас всех в хорошем здоровье. Я видел здесь графа Сергея Николаевича — он сообщил мне несколько известий о Льве Николаевиче. Пожалуйста, перецелуйте за меня всех ваших детей — и кланяйтесь всем знакомым, начиная с Дельвигов [2]. Мое здоровье теперь порядочно — а в деревне, я уверен, мы все заживем припеваючи. Ваше ружье, любезный граф, отделано весьма хорошо — я Вам его привезу. Итак, до скорого свиданья — жму вам всем руки.

Преданный вам
Ив. Тургенев.

P. S. Боюсь, как бы меня не выбрали в ратники [3] — это было бы плохо.

392. Е. Я. КОЛБАСИНУ

28 марта (9 апреля) или 4(16) апреля 1855. Петербург

Любезный Колбасин,

Соллогуб приезжает завтра с Кавказа — и меня попросили ⟨отложить⟩ отъезд свой до середы — о чем Вас предуведомляю. Зайдите в течение дня.

Ваш
И. Тургенев.

Понедельник вечером.

На конверте:

Алексею [a] Яковлевичу Колбасину.

---

[a] *Так в подлиннике, по-видимому, описка, вместо*: Елисею

393. А. Ф. ВИДЕРТУ

5(17) апреля 1855. Петербург

С. Петербург,
5 апреля 1855.

Я еду завтра в деревню [1], любезный Видерт (кстати, вот Вам мой полный адресс: Ивану Сергеевичу Т<урге-нев>у. Орловской губернии, в город Мценск, в село Спасское. Лучше, если к этому прибавить немецкий перевод) — и только вчера получил Ваше письмо [2]. Благодарю за присылку рецензий, которые только уже слишком лестны — должно приписать это новости предмета и представляемого быта [3]. Некрасов теперь у себя в деревне [4] — в мае месяце будет у меня [5], а осенью непременно поедет за границу [6]. С ним я перешлю Вам все обещанные книги. Оказия, на которую я надеялся — лопнула, да и вообще теперь трудно что-нибудь переслать. Вот если мир сделаем — другое дело! [7] Но это всё в мраке будущности. Очень сожалею о Вашем нездоровье и надеюсь, что деревенский воздух Вас восстановит. Пишите ко мне, и я буду писать к Вам. При оказии пришлите 2-ю часть Вашего перевода [8] на имя Панаева (т. е. в редакцию «Современника»). Кланяйтесь всем добрым знакомым, не забывая Пича [9]. Жму Вам руку — из деревни напишу письмо побольше, а теперь некогда — хлопот полон рот. Прощайте, будьте здоровы и веселы.

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

394. А. А. ФЕТУ

8(20) февраля — 6(18) апреля 1855. Петербург

Некрасов, Панаев, Дружинин, Анненков, Гончаров — словом, весь наш дружеский кружок вам усердно кланяется. А так как вы пишете о значительном улучшении ваших финансов, чему я сердечно радуюсь, то мы предлагаем поручить нам новое издание ваших стихотворений, которые заслуживают самой ревностной очистки и красивого издания, для того чтобы им лежать на столике всякой прелестной женщины [1]. Что вы мне пишете о Гейне? [2] Вы выше Гейне, потому что шире и свободнее его.

395. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

7(19) апреля 1855. Москва

Любезный Александр Николаевич, я сегодня приехал в Москву — и очень желаю Вас видеть — будете Вы завтра вечером около 8 часов дома? Я непременно буду у Вас. До свидания.

Преданный Вам

Четверг. Ив. Тургенев.

На обороте:

У Николы в Воробине, в доме Островского.
Его высокоблагор⟨одию⟩
Александру Николаевичу
Островскому.

396. Н. А. НЕКРАСОВУ

29 апреля (11 мая) 1855. Спасское

С. Спасское.
29-го апреля 1855.

Любезный Некрасов, наконец ты дал об себе весточку [1] — а то я бы и рад был написать к тебе — да не знал куда.

О прошедшем не стану тебе говорить — оно так невесело, что чем скорее забыть его, тем лучше [2] — а главное, чтó твое здоровье — и где ты собираешься прожить лето? [3] Комната твоя здесь тебе готова, и, если б ты вздумал приехать сюда, пока охота еще не началась, очень бы ты меня обрадовал. Я только вчера вернулся из поездки за 250 верст на дупелей [4] — охотился изрядно — всякой дичи убито 220 штук. Я теперь до Петрова дня никуда ни ногой [5] — стало быть, ты меня во всякое время застать можешь. Это было бы очень не дурно — и для твоего здоровья полезно — потому что я боюсь, что у себя в деревне ты заскучаешь и расхандришься.

Порфирий тебе кланяется и повторяет, что он тебя вылечит. Он Колбасину уже значительно помог [6]. Он его лечит одним молоком. Ты бы здесь приготовил собрание твоих стихотворений к печати, которое непременно надо издать зимой [7]. Напиши мне, что ты намерен с собой делать. До свиданья.

Твой
Ив. Тургенев.

397. Д. Я. КОЛБАСИНУ

4(16) мая 1855. Спасское

С. Спасское.
4-го мая 1855.

Любезный Колбасин!

Брат Ваш Вам пишет, и потому Вы знаете, что̀ мы здесь делаем [1]. Не стану об этом распространяться — пока — недурно — что будет далее. Благодарю Вас за хлопоты о квартере и проч. Теперь прибавлю еще два поручения к прежним — а именно: сделайте одолжение, вышлите нам сюда (из аптеки Гаугера) тильмановских капель — несколько склянок — и коробку в 50 порошков *nux Vomica* Мандта. У нас здесь появились холерические признаки — должно надеяться, что они скоро исчезнут. Деньги на эти покупки — а равно и на другие —возьмите от моего имени у Анненкова, которому я отдам их здесь— вот средство заставить его приехать [2]. Впрочем, так как, может быть, у него сейчас не будет, то посылаю Вам 8 р. сер. (восемь) [3]. Что касается до Панаева, то я ему напишу по получении книжки, и также напишу Некрасову, что будет действительнее [4].

Погода у нас стоит чудесная — всё зеленеет и цветет. (Не забудьте порошков против собачьей болез<н>и и седла — и высылки остальных старых нумеров журналов — и *pastilles Vichy* от Гаугера.) За всё Вам очень благодарен и кланяюсь низко.

Передайте также мой поклон всем добрым знакомым.

Ваш
Ив. Тургенев [5].

398. П. В. АННЕНКОВУ

13(25) мая 1855. Спасское

С. Спасское.
13-го мая 1855.

Любезный Анненков,

Во-первых, прилагаю Вам письмо к А. К. Толстому [1]; во-вторых, извещаю Вас, что вчера приехали сюда Боткин, Григорович и Дружинин.— Очень часто вспоминаем об Вас — и жалеем, что Вас также нет здесь. Мы надеемся провести время здесь приятно [2] — устраиваем, между прочим, кегли — вино нам привезли и т. д. Некогда писать подробно — Вы опять скажете, что мои письма коротки — но что же делать!

Погода славная — других новостей у нас нет — но какая новость может быть лучше этой? Я всё еще надеюсь, что Вы сюда приедете — хотя Вы с такими светлыми взорами обещали, что нельзя было не усомниться!

Кстати, не забудьте написать, куда именно поехали Тургеневы [3] и как их адресс?

До свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

399. А. К. ТОЛСТОМУ

13 (25) мая 1855. Спасское

Любезный граф,

Во-первых, пользуюсь случаем напомнить Вам о себе — а во-вторых, обращаюсь к Вам с следующей просьбой (Вы меня избаловали). У меня есть давнишний приятель, Михайло Александрович Языков, прекраснейший, честнейший и милейший человек, которого я люблю от души. Он находится в обстоятельствах весьма тесных, боится лишиться небольшого казенного местечка, которым живет — и судьба его вообще принимает вид не очень веселый [1]. Позвольте рекомендовать его Вашему вниманию; всякое одолжение, которое Вы ему окажете, я сочту гораздо более чем за личное одолжение. Мне совестно так часто беспокоить Вас просьбами — но что прикажете делать? Пеняйте на себя сами — будь Вы иной,— Вас бы не беспокоили.

Я живу в деревне — и предаюсь всем удовольствиям «сельской тишины» — насколько это возможно при нынешних обстоятельствах. Погода чудесная. Что Вы делаете, и где Вы? Пишу Вам на всякий случай в Петербург. Напишите, пожалуйста, о себе. Куда идет Ваш полк — и начинаете ли Вы втягиваться в военную службу [2]. Передайте мой почтительный поклон Вашей матушке — а также поклонитесь всем хорошим знакомым, начиная с Софьи Андреевны. Будьте здоровы и не забывайте

искренно Вам преданного
Ив. Тургенева.

На конверте:

Его сиятельству
графу Алексею Толстому
от Ив. С. Тургенева.

400. Н. А. НЕКРАСОВУ

21 мая (2 июня) 1855. Спасское

С. Спасское.
21-го мая 1855.

Любезный Некрасов, не могу не сообщить тебе, что вот уже более недели, как у меня живут Григорович, Боткин и Дружинин [1] — мы очень весело проводим время, затеяли домашний театр, у нас биллиард, кегли и т. д. Что бы тебе также приехать? Охоты теперь никакой нет. Дай о себе по крайней мере знать, как твое здоровье? Все они тебе кланяются. Я тебе отвечал на твое письмо и теперь пишу по тому же адрессу [2]. Кстати, у меня есть до тебя важная просьба — Колбасину очень нужны деньги — ты распорядись так, напиши Панаеву, чтоб их выдали его брату в Петербурге [3]. Пожалуйста, не забудь — этим и его и меня очень обяжешь. Да приезжай — я боюсь, ты там захандришь.

До свидания.

Душевно тебе преданный
Иван Тургенев.

401. М. Н. ТОЛСТОЙ

21 мая (2 июня) 1855. Спасское

Любезная графиня,

Спасские литераторы чрезвычайно были удивлены и обрадованы Вашей милой присылкой — и прочли ее с истинным наслажденьем. Непременно надобно разыграть Вашу пословицу, разберите у себя женские роли, а кто-нибудь из нас возьмет на себя мужскую! [1] Ждем Вас с нетерпеньем в понедельник не слишком поздно — театр уже совершенно готов [2]. Кланяемся всем Вашим и соседям Вашим — и еще раз благодарим. До свидания.

За всё общество:

Ив. Тургенев.

На обороте:

Ее сиятельству
графине Марии Николаевне
Толстой.

Виноват: забыл написать, что посылается роль к барону Дельвигу [3] — и попросите ее выучить к понедельнику.

С. Спасское.
21-го мая 1855.

402. Д. Я. КОЛБАСИНУ
29 мая (10 июня) 1855. Спасское

Любезный Колбасин!

Пишу Вам сегодня всего два слова: прежде всего благодарю Вас за исполнение поручений — всё прекрасно! [1] Брат Ваш здоров, мы здесь веселимся, у нас был домашний театр [2], теперь опять несколько утихло. Сделайте одолжение, позвольте подателю сего, Соломатину, поселиться на моей квартере, в комнате Захара [3], с тем, чтобы он жил там тихо и чисто. Будьте здоровы и не озлобляйтесь слишком.

До свидания.

Преданный

29-го мая 1855. Ив. Тургенев.

403. С. Т. АКСАКОВУ
2(14) июня 1855. Спасское

С. Спасское.
2-го июня 1855.

Раз десять собирался я к Вам писать, любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, но у меня полон был дом гостями, которые разъехались только вчера, прожив три недели — и я не имел минуты свободного времени. Ваше письмо, полученное мною на днях, заставило меня покраснеть — мне стало стыдно своей лени, и я поспешил взяться за перо.— Гостили у меня Григорович, Боткин и Дружинин; мы проводили время очень весело — разыграли на доморощенном театре доморощенный же фарс [1] и т. д. и т. д. Теперь опять в доме всё пусто — и я не прочь отдохнуть. Я должен, однако, Вам отдать отчет в своих охотничьих похождениях. Я приехал сюда 12-го апреля — и, к изумлению, не застал уже ни одного вальдшнепа — они уже протекли — в нынешнем году всё делается двумя неделями раньше обыкновенного — и реки прошли в половине марта, наделав много разорения и убытков. 18-го апреля я отправился на весенних дупелей и бекасов на берега Десны, в 200-х верстах отсюда. Дупелей и бекасов мы уже застали на яйцах, однако еще были точки́ — и охота вышла недурная. В 5 полей мы на 4 ружья убили 220 штук. На мою долю пришлось 52. Я стрелял довольно плохо, зато собака моя меня порадовала. Время стояло превосходное — и я вполне насладился весною. В одном из моих полей — я убил странную птицу: помесь курочки и коростеля. Рост ее и весь склад был коростелиный —

перья на спине, как у него; перья на груди, животе и боках — как у курочки, нос весь красный и длиннее и острей, чем у коростеля. К сожалению, чучелы я не мог сохранить.— Я до сих пор вовсе не знал, как кошка ловит рыбу — и даже всегда удивлялся, отчего она так до нее жадна — теперь это мне понятно. Век живи — век учись. Мне очень приятно, что гр. Соллогуб доставил Вам наконец «Постоялый двор» — и еще приятнее, что это заставило Вас вспомнить обо мне и написать ко мне [2]; считаю излишним говорить Вам, как Ваше одобрение и память Ваша обо мне — мне дороги.

Я пока ничего не делаю, но собираюсь приняться снова за свой роман [3] и переделать его с основанья.— Здоровье мое порядочно.

Ради бога, издайте Вашу книгу в Петербурге и не позже первых чисел октября. Это непременно нужно [4]. Что делает мой тезка? [5] Спасибо К⟨онстантину⟩ С⟨ергеевичу⟩ за поклон.

Я отсюда выеду в половине октября — как только кончатся осенние вальдшнепы — и непременно к Вам из Москвы заеду [6]. Но до того времени мы, я надеюсь, не раз перепишемся.

Передайте мой усердный поклон Вашей супруге и всем Вашим; будьте здоровы и не забывайте

душевно Вам преданного
Ив. Тургенева.

404. П. В. АННЕНКОВУ

2(14) июня 1855. Спасское

С. Спасское.
2-го июня 1855.

Любезный Анненков,

Вчера уехали от меня Григорович, Дружинин и Боткин, погостив у меня три недели — и сегодня я пишу к Вам, что́ до сих пор было почти невозможно. Мы проводили время очень приятно и шумно — разыграли на домашнем театре фарс нашего сочинения и пародированную сцену из озеровского «Эдипа» [1], в костюмах, с декорациями, занавесом, публикой, вызовами, соперничеством и маленькой даже интрижкой — словом, со всеми принадлежностями домашнего театра; ели и пили страшно, играли в биллиард, кегли, катались на лодке, ездили верхом, врали и говорили серьезно до 2-х часов ночи — словом, кутили; а теперь я один и не прочь отдохнуть от

этой шумной жизни; если удастся, намерен даже поработать. Я здесь останусь три недели; а там поеду в самую глушь Полесья, за 250 верст отсюда — стрелять тетеревов.— Я Вас, вероятно, не увижу в нынешнем году — Вы до 20-го июня вряд ли выберетесь из Петербурга, но если б это Вам удалось, то знайте, что до 25-го я буду дома и очень обрадуюсь Вашему приезду.— В таком случае не забудьте захватить с собой мою «Revue des Deux Mondes» от Исакова — Пушкина Вы мне во всяком случае пришлите, как только он будет кончен [2]. Спасибо за хлопоты о Беленковых [3] — письмо мое к Толстому [4] Вы, вероятно, уже получили. Насчет Феоктисты дело выходит скверно — тем более, что это дело не моих рук — пожалуйста, оказывайте ей свое покровительство, а я ей на днях вышлю опять рублей 25, скажите ей это [5]. Не забудьте мне прислать адресс, где живут Тургеневы в деревне — *пожалуйста, не забудьте*. Я опять что-то стал часто думать об О⟨льге⟩ А⟨лександровне⟩. Очень бы хотелось посмотреть книгу Чернышевского — я о ней пишу к Базунову [6]. Колбасин благодарит Вас за Ваш отзыв об его повести — он совершенно справедлив [7]. Теперь ему остается трудиться и работать — а начало не худо. Есть талант — надобно его разработать. К сожалению, «Современника» всё еще здесь нет, хотя «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩» давно присланы — это, однако, стыдно Панаеву — puisque Panaïeff il y a. Мне что-то сдаётся, что «Современник» скоро затрещит.

Григорович скоро будет в Петербурге и расскажет Вам про наше житье-бытье. Здоровье мое не худо — одно скверно — холера, говорят, проявилась в Карачеве и сюда идет. Но что будет — то будет!

У нас стоит засуха. Травы все пропали — и овсы едва ли не пропадут вместе с остальным яровым хлебом. Не весело!

Я Вам вышлю 15 руб. (вместе с 25-ю для Ф⟨еоктисты⟩) с будущей почтой. Кетчера запишите на меня.

До свидания... но когда? В июне надеяться нечего — авось в сентябре [8]. Будьте здоровы — и пишите. Кстати, почему Вы велели Колбасину сказать мне, что я «*штучка*»? Непонятно!

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Сообщите мне также адресс Смирновой (А⟨лександры⟩ О⟨сиповны⟩) [9].

405. И. И. ПАНАЕВУ

2(14) июня 1855. Спасское

С. Спасское.
2-го июня 1855.

Любезный Панаев,

Всё это время я собирался к тебе писать — да у меня гостили Григорович, Боткин и Дружинин — вчера только уехали — и минуты не было свободной. Мы здесь кутили, играли на театре и т. д. Григорович, который скоро будет в Петербурге — тебе об этом расскажет. Я теперь остаюсь один — и намерен приняться за работу. Авось сделаю что-нибудь путное для «Современника». Кстати, «Совр⟨еменник⟩» за май еще не получен — а «Отеч⟨ественные⟩ зап⟨иски⟩» уже две недели как прибыли. Отчего это? Вследствие этого я не могу сообщить тебе тех замечаний, которых ты желаешь [1]. Посылаю тебе стихотворение Фета, но *умоляю*, чтобы не было опечаток [2]. В «С. П.б⟨ург⟩ских ведомостях» глумились над:

«Каждый *звук* оспаривал у груди» [3]...

А чем он виноват?

Памяти
Дмитрия Львовича Крюкова [4]

Когда светильником, пред нашими очами,
Ко храму римских муз ты озарял ступень —
И чудилося нам невольно, что над нами
Горация витает тень —

Впервые, над трудом, восторженные слезы
Исторгнул дышащий из уст твоих певец —
Пленили нас его неблёкнущие розы
И зеленеющий венец.

В замолкнувший чертог к Минерве и к Зевесу
Вслед за тобой толпа ликующая шла —
И тихо древнюю ты раздвигал завесу
С громодержащего Орла.

Но светоч твой угас. Надежного союза
Судьба не обрекла меж нами и тобой —
И лиру уронив, поникла молча муза
В слезах над урной гробовой.

А. Фет.

Четче я писать уж не умею — вторично умоляю: без опечаток! Как твое здоровье? Все порядочно; напиши, где ты проводишь лето — и что у вас там делается. Прощай — жму тебе руку и кланяюсь всем друзьям.

Твой
Ив. Тургенев.

406. И. И. ПАНАЕВУ

13(25) июня 1855. Спасское

С. Спасское.
13-го июня 1855.

Любезный Панаев,

В ответ на твое письмецо [1] скажу тебе, что с отъезда моих гостей (Григоровича, Дружинина и Боткина) я принялся за работу — и пишу повесть для «Современника», большую, которую назначаю в сентябрьский или октябрьский № [2] — а рассказа пока нет — и если будет, то очень небольшой — и то наверное обещать не могу [3].— Я должен тебе сказать, что я рад отказу Бекетова [4]; если б он пропустил «Переписку» — и она бы у вас явилась — я был бы поставлен в весьма ложное и неприятное положение к Краевскому, которому эта повесть — *пока* — принадлежит [5].— Боткин, кажется, оканчивает Карлейля [6].— Я не имел времени прочесть всего номера (5-го) «Современника» [7] — но он мне кажется удачно и приятно составлен — а по заглавию — 6-й — еще лучше [8]. Но, пожалуйста, распорядись, чтобы книжки приходили сюда по крайней мере в одно время с книжками «О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩» — а то они всегда приходят дней 10 позднее — это в провинции чрезвычайно важно. «Вы еще не получали Вашего журнала? — А уж я получил!» — и т. д.

Скажи Анненкову, что я теперь рассчитываю на его приезд осенью — а отсюда я еду через 12 дней за 250 верст на месяц. От 25-го июля до 10-го августа я буду опять дома — а там от 8-го сентября до ноября [9].

Будь здоров.— Повесть непременно будет — но рассказ я теперь писать просто не могу — может быть, еще удастся — и я пришлю. Жму тебе руку и кланяюсь всем друзьям.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Скажи Базунову (я уж писал к нему об этом [10]— но ты повтори) — отчего он не высылает мне «Москвитянина»?

407. П. В. АННЕНКОВУ

15(27) июня 1855. Спасское

С. Спасское.
15-го июня 1855.

Спасибо за письмо [1], любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩— но отчего Вы мне не прислали адресса Тургеневых [2], о котором я Вас просил? Мне это очень нужно — пожалуйста, пришлите. Также, если Вы что-нибудь можете сделать до Вашего отъезда в пользу Беленковых[3] — очень бы я был Вам благодарен. Мне очень досадно, что я Вас еще не скоро увижу — я отсюда еду дней через 10 — а Вы, я думаю, раньше первых чисел июля не выберетесь из Петербурга [4]. Хоть в сентябре заезжайте.— А что делает Феоктиста ?[5]

Мы здесь радуемся отражению севастопольского штурма (6 июня) [6] — но, может быть, уже с тех пор он был повторен. А то всё были известия не веселые. Иностранные газеты хоть в руки не бери.

Я принялся помаленьку опять за работу — что-то выйдет? [7] Время здесь стояло ужасное; такая было сделалась засуха — что должно было опасаться голодного года; все мы ходили в одних рубашках, сидели в темных комнатах — это было нечто ужасное, вроде тюремного заключения — и напоминало даже Уголино [8] и другие жестокие случаи. Теперь, слава богу, это миновалось — пошли дожди — и мы ожили.

После ликований и беснований, о которых Вам, вероятно, рассказал Дружинин или Григорович, настала великая тишина, которой я, между прочим, рад. Но я также рад прошедшим беснованиям и особенно нашим вечерним беседам, из коих многие весьма были приятны и поучительны.

Здесь еще холеры нет — но мы ее ждем — а желудок мой сперва был хорош, потом расклеился, теперь опять справился.

Жаль бедного Абазу [9]. Изо всего семейства он только один и был порядочный. А что делает M-me Милютин?

Толстых я вижу довольно часто — напишите мне, хороша ли статья Толстого — «Севастополь» [10] — ибо книжка «Современника», в которой она помещена — раньше 8 или 10-го июля не будет. Бог их знает, как они распоряжаются!

Прислал мне Боткин статью Дружинина (в «Библ⟨иотеке⟩ для чт⟨ения⟩») о Вашем издании Пушкина. Очень

она хороша, хотя мне досадно, что он не замечает или не хочет заметить *исторического* значения Гоголя [11]. Если же он скажет, что об этом значении трудно распространяться, то лучше было совсем пройти Гоголя молчаньем. Но все-таки много хорошего в его статье.

Прощайте, любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ — будьте здоровы — и приезжайте в сентябре — а пока — пишите.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Еще просьба и очень важная: не можете ли Вы достать мне деревенский адресс *Льва* Вакселя? Вероятно, его знают на его городской квартире, у Старообрядческой церкви, в доме *Сивкова*. Не забудьте также адресс *Смирновой*.

408. В. П. БОТКИНУ

17(29) июня 1855. Спасское

С. Спасское.
17-го июня 1855.

Милый Боткин,

Душевное спасибо тебе и твоим двум спутникам за забавное и подробное описание вашего путешествия в Дулебино. Я хохотал до упаду — и мысленно переносился к вам и к вашему пребыванию у меня [1]. Теперь у меня всё тихо и смирно, как в монастыре: сперва было настала такая жара и засуха, что мы чуть с ума не сошли, сидели в темноте и с трудом дышали; но, к счастью, пошли дожди — и мы с Колбасиным принялись за работу.— Желал бы я хоть на этот раз оправдать малейшую часть надежд, тобою на меня возлагаемых; написал сперва подробный план повести, обдумал все лица и т. д. Что-то выйдет? Может быть — чепуха. Посмотрим, что-то скажет эта последняя попытка? [2]

Статью о Пушкине я прочел — с великим наслаждением. Благородно, тепло, дельно и верно. Это лучшая вещь, написанная Дружининым. Но опять-таки в отношении к Гоголю он не прав...[3] То есть — в том, что он говорит, он совершенно прав — но так как он *всего* сказать не может — то и правда выходит кривдой.— Бывают эпохи, где литература не может быть *только* художеством — а есть интересы высшие поэтических интересов. Момент самопознания и критики так же необходим в развитии народной жизни, как и в жизни от-

дельного лица — но ты знаешь, что́ я хочу сказать. А все-таки статья славная — и когда ты будешь писать Дружинину, передай ему мое искреннее спасибо [4]. Многое из того, что он говорит, нужно нынешним литераторам мотать себе на ус — и я первый знаю, où le soulier de Gogol blesse. Ведь это на меня Дружинин сослался—говоря об одном литераторе, который желал бы *противовесия* гоголевскому направлению... всё это так; — но о Пушкине он говорит с любовью, а Гоголю отдает только справедливость, что, в сущности, никогда не бывает справедливо.

Графиню я видел только раз после твоего отъезда; она велит тебе кланяться. Каратеев не приезжал... Помнишь: «Ах Василий — о Василий!».

Пока писать больше нечего.

«Après tant de malheurs, Rhadamiste, est-ce vous?» [5].

Ты видел у нас старую экономку, Прасковью Ивановну? Она, как только выслушала до конца нашу пиесу, говорят, всплеснула руками и воскликнула: «Да это он сам (т. е. я) на себя написал, себя вывел!» — Каково мнение обо мне моих подчиненных? Но триумф остался за тобой [6].

Прощай, брат, будь здоров и пиши, когда нечего делать. Я получил от Панаева письмо, в котором он умоляет помочь «Современнику»; просит, чтоб я напомнил тебе о Карлейле — и т. д. Надо будет помочь этому свистуну [7].

На днях явится к тебе от меня посланец, Ф. Лобанов или другой. Заезжай, пожалуйста, к Арльту — и спроси его, нет ли книг для меня — и если есть, возьми и передай их посланцу.

Я еду отсюда 26-го и буду в отсутствии до 20-го июля — буду бить тетеревов в Жиздренском уезде.

Твой

Ив. Тургенев.

P. S. Пришли мне адресс деревни Дружинина — я не помню, в Гдов или в Лугу — ему пишут? [8] Я тебе вместе с посланцем пришлю экземпляр Alfred de Musset, который ты забыл здесь.

409. А. А. КРАЕВСКОМУ

17(29) июня 1855. Спасское

С. Спасское.
17-го июня 1855.

Что Вы поделываете, любезнейший Андрей Александрович? О себе я Вам не рассказываю, потому что,

я знаю, Вы видели Григоровича — и потому до малейшей подробности извещены о всем, что здесь происходило [1]. Скажу только, что с отъезда дорогих гостей я принялся за работу и надеюсь приехать в Петербург (это будет в октябре) не с пустыми руками [2]. А что, кстати, ничего не слышно о цензурном уставе и т. д., и т. д.? [3]

Обращаюсь к Вам с следующим запросом: не нужна ли Вам к сентябрьской книжке повесть Колбасина (автора «В деревне и в Петербурге», повести, помещенной в майской книжке «Современника»)? Она будет листов в 7. Я знаю ее план и ее начало — и мне кажется, что она выйдет очень недурна. Дайте ответ, нужна ли она Вам? [4]

Что делают англо-французы перед Кронштадтом? Авось их отобьют так же, как отбили их от Севастополя 6-го июня? Нас это известие здесь сильно порадовало, и мы кричали ура! [5]

Здоровье мое порядочно — надеюсь, что Вы также здоровы. Кланяюсь всем Вашим, крепко жму Вам руку и остаюсь

душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

410. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

17(29) июня 1855. Спасское

С. Спасское.

17-го июня 1855.

Спасибо, что вспомнили обо мне, любезный Полонский [1]. Мне очень досадно — во-первых, что Вы ко мне приехать не можете, а во-вторых, что Данилевский испортил Ваше издание. Впрочем, охота же Вам была поручать издание такому свистуну! Это очень неприятно — постарайтесь, чтобы дело не затянулось — и издавайте скорее Вашу книгу. Крайне мне обидно также, что я Вам помочь не могу — но я сам в таких тонких обстоятельствах, что чудо! Я в противном случае попросил бы у Вас позволения помочь Вам загладить нелепость Данилевского — но теперь — делать нечего! [2]

У меня гостили Григорович, Дружинин и Боткин. Мы время проводили очень весело, разыграли на домашнем театре глупейший фарс собственного изобретения и пр. и пр.[3] Теперь всё стало у меня в доме очень тихо, и я принялся за работу. Ужасная засуха чуть не помешала всему, заставляя сидеть в темных комнатах и лишая всякой возможности работать; но теперь, к счастью, пошли дожди; а то бы все хлеба пропали.

Вы, вероятно, уже узнали, что Некрасов в Москве давно (в гостинице Шевалье) — и уже, может быть, видели его [4].

Скажите Ивану Федоровичу [5], что я очень благодарен ему за его память обо мне и приписку — и непременно у него буду в мой проезд через Москву — в октябре месяце [6].

Я отсюда еду через 10 дней, за 250 верст, на тетеревов — в Жиздренский уезд — и проживу там три недели. С 20 июля я опять в Спасском.

Будьте здоровы, не хандрите — и работайте. Сколько я слышал, Ваш последний рассказ [7] всем нравится — это должно поощрить Вас. Еще раз жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

411. Д. Я. КОЛБАСИНУ

27 июня (9 июля) 1855. Спасское

С. Спасское.
27-го июня 1855.

Любезный Колбасин!

С сею же почтой посылается Вам серия в 200 руб.— для уплаты за квартеру. Вы возьмите с управляющего или даже с самого г-на Степанова расписку. Также посылаю Вам записку к Панаеву [1], по которой, я надеюсь, этот смертный выдаст Вам 50 р. сер., которые он должен Вашему брату [2].

Из оставшихся у Вас денег можете удовлетворить скромно требующего швейцара.

С будущей почтой я Вам вышлю 25 руб. сер. (если смогу — то 50) для злополучной Феоктисты, которую прошу Вас навещать, хотя изредка, и поддерживать в духе.

А мы здесь в плохих обстоятельствах. Холера свирепствует вокруг нас. В Шаламове всё семейство одних Шаламовых (не наших) вымерло [3]. Это не способствует к усилению в нас веселия. Послезавтра Петров день — а я на охоту не еду — ибо там, куда бы я должен был ехать, тоже холера.

Я боюсь, чтобы «юный живописец» [4] не ⟨---⟩ моей столовой... Отчего он не остался в Захаровой комнате?

Прощайте — до следующей почты. Ваш брат здоров

и понемногу работает.— Поклонитесь от меня Тютчевым Дарье Ивановне и Анне Захаровне. Наши все Вам кланяются.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

412. И. И. ПАНАЕВУ

27 июня (9 июля) 1855. Спасское

С. Спасское.
27-го июня 1855.

Я получил твое письмо [1], любезный И⟨ван⟩ И⟨ванович⟩, и наперед извиняюсь, что отвечать буду в немногих словах — кругом свирепствует у нас холера — а ты знаешь, как это на меня действует. Я прочел «Севастополь» в «Инвалиде» [2] («Современника» еще нет) — и пришел в совершенный восторг. Дай бог таких статей побольше!

Повесть я пишу деятельно (уже 66 страниц написано) и к желаемому тобою времени доставлю [3]. О «Переписке» я уже тебе писал [4].

Прошу тебя убедительно выдать г-ну Колбасину (Д⟨митрию⟩ Я⟨ковлевичу⟩) 50 рублей серебром, добавочных за повесть его брата (он получил 100) [5]. Это выйдет меньше чем по 20 руб. за лист. Очень ты меня этим обяжешь.

Надеюсь, что ты здоров и весел — это главное. Поклонись от меня всем друзьям. Жму тебе руку.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

На обороте:

Его высокоблагородию
Ивану Ивановичу
Панаеву.
(От Тургенева).

413. П. В. АННЕНКОВУ

1(13) июля 1855. Спасское

С. Спасское.
1-го июля 1855.

Любезный Анненков,

Буду краток — ибо, во-1-х) не знаю, застанет ли мое письмо Вас в Петербурге — а во-2-х) здесь холера свирепствует — и это сильно действует на мои способности.

1) За Беленковых спасибо; пусть будет всё так, как Вы сделали [1]. Это прекрасно.

2) 15 рублей Вам вручит Колбасин [2]. Ему же поручается Феоктиста [3].

3) Повесть *Нарской* [4] в июньской книжке «Современника» прелесть — в первый раз женщина заговорила в литературе — а Чернышевского за его книгу [5] — надо бы публично заклеймить позором. Это *мерзость* и наглость неслыханная.

4) Я не поехал на охоту оттого, что там, куда еду, холера — но так как она и здесь сильна, то всё равно — еду завтра [6].

5) Сообщите мне Ваш деревенский адресс и пишите. Надеюсь, что Вы не забудете выслать мне всего Пушкина [7].

6) С графиней — все дела покончены и сданы в архив [8].

Прощайте — будьте здоровы и до свидания — если холера позволит.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

414. Д. Я. КОЛБАСИНУ

2(14) июля 1855. Спасское

С. Спасское.
2-го июля 1855.

Любезный Колбасин,

Посылаю вам 40 руб.[1] сер., из коих 15 отдайте Анненкову, 20 — Феоктисте, а на остальные купите и перешлите сюда тильмановских капель и pastilles Vichy. Напишите также, получили ли Вы 200 руб. на уплату за квартеру [2] — и выдал ли Вам Панаев 50 р.? — Адресс Феоктисты Вы можете узнать от Анненкова — впрочем, Вы, вероятно, его знаете. Если б Анненкова мое письмо уже не застало, то все 35 руб. отдайте Феоктисте.— Я еду сегодня на охоту в Жиздренский уезд, хоть там холера — но она и здесь у нас царствует — и потому всё равно. Поклонитесь Тютчевым и будьте здоровы.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Брат Ваш здравствует и работает.

415. Н. М. ЕРОПКИНОЙ

4(16) июля 1855. Спасское

С. Спасское.
4-го июля 1855.

Давно я собирался писать к Вам, любезная Надежда Михайловна, к Вам, к Ольге Александровне и к Александру Михайловичу — но по глупости своей не осведомился о Вашем деревенском адрессе — и даже теперь пишу в Серпухов наудалую — зная только, что Вы в Каширском уезде Тульской губернии — и, вероятно, письма получаете в Серпухове [1]. Прошу Вас дать мне знать, дойдет ли до Вас это письмо — и что вы все делаете, что делает Ольга Александровна, как нравится ей деревня, в которой она, кажется, еще отроду не жила? Как вы все здоровы? А меня — до смешного преследует холера. Думал ли я, ехавши сюда, что я буду опять страдать от нее? А между тем — она очень сильна здесь везде — так, что даже лишила меня удовольствия ехать на охоту — и по ее милости я сижу дома. Здесь дичи нет — а там, где дичь есть, она с особенной энергией свирепствует. Впрочем, не стану говорить о ней (замечу только в скобках, что в нынешнем году, несмотря на бо́льшую опасность, я храбрее, ей-богу). У меня здесь с месяц тому назад гостили Григорович, Боткин и Дружинин; мы кутили сильно, разыгрывали самоделанные пьесы на домашнем театре, ели, пили etc. Теперь всё утихло — и я один — живу почти совершенным затворником. Начал довольно большую вещь — и уже написал половину [2]. Анненков будет у меня в сентябре, если не обманет.

Напишите мне названье Вашей деревни и где она именно находится — у меня есть подробная карта Тульской губернии. Надеюсь — у Вас холеры нет? Опять заговорил о ней — извините!

Очень бы я был Вам благодарен, если б Вы мне написали хоть две строчки, а Ольга Александровна — хоть одну. Пожалуйста, поклонитесь от меня Александру Михайловичу — и скажите ему, что я желаю ему всего хорошего. Надеюсь, что Вы не сомневаетесь в искреннем моем уважении к Вам и участии, которое я принимаю в Вашей судьбе. Позвольте мне пожать вам всем дружески руки — и в ожидании ответа остаюсь

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

P. S. Мой адресс: Орловской губернии, в город Мценск.

416. В. П. БОТКИНУ

9(21) июля 1855. Спасское

С. Спасское.
9-го июля 1855.

Любезный Боткин, мой человек Ф. Лабанов вручит тебе 20 руб. серебр за обливательный снаряд — а я тебя благодарю за хлопоты [1].— Я никак не ожидал, что я в начале июля буду в Спасском — но холера так сильна в Жиздренском уезде, куда я собирался было ехать на охоту, что я решил остаться дома. Это очень неприятно — но делать нечего.

Прочел я в 6-м № «Современника» повесть Нарской — и очень остался доволен. Первый *женский* свежий голос в нашей литературе. Что, ты такого же мнения? Напиши мне. И не знаешь ли ты, кто это Нарская и где она живет? [2]

Ты, говорят, поселился в Кунцове — с Некрасовым. Как его здоровье — извести меня о вашем житье-бытье [3]. Его стихи «Русскому писателю» — недурны; но «Влас» лучше бы остался ненапечатанным [4].

Совершенно недоумеваю насчет того, что Кетчер сказал тебе о долге моем Белинской. Он давно уплочен еще Тютчевым — и за библиотеку заплочено. Пожалуйста, узнай, что это такое? Не хочет ли она сказать этим, что я обещал ей когда-то давать ежегодно Ольге? Я не отказываюсь — но теперь мои обстоятельства такие, что я не могу это сделать тотчас. Притом покупка библиотеки мною не была обещана. Я считаю, что я ей даю 100 руб. сер. в год — и отдам их ей вместе или по частям — но это не *проценты* с векселя, который уплочен. Пожалуйста, узнай это обстоятельно, когда приедешь в Москву — и дай знать [5].

Какую мерзость сочинил «пахнущий клопами»! Теперь и я иначе называть его не стану. А еще «Современник» чуть не хвалит. Позорная вещь — наша журналистика и критика — правду сказать! [6]

Я сильно работаю и воспользуюсь моим невольным затворничеством — авось что-нибудь удачное выйдет! По крайней мере то могу сказать, что добросовестнее я никогда не работал [7].

Прощай, брат. Будь здоров и весел. С тех пор как холера щелкает здесь на каждом шагу, я стал равнодушнее и храбрее — ей-богу. А все-таки лучше, если б она не щелкала. В 4 верстах отсюда целое дворянское семей-

ство вымерло— хоть дом заколачивай. Что будет — то будет.

Твой Ив. Тургенев.

На обороте:

P. S. Не застанет ли это письмо Анненкова в Москве? Я его не зову сюда — что за охота теперь ехать — но я отсюда никуда не выеду — а потому ты можешь продолжать писать мне сюда. Я просил тебя о книгах моих у Арльта — достал ты их и передал ли Лабанову? [8]

Еще просьба: сделай одолжение, возьми книгу «Стихотворений» Фета, отметь карандашом все неудачные стихи и места — и пришли мне ее с этими заметками. Я прибавлю свои — и пошлю всё это Фету для исправления или переделки — я это ему обещал. Не забудь это — и если можно, сделай это поскорей [9].

Скажи также Некрасову — он у меня оставил лягавого щенка — по прозвищу: Каштан... Из него вышла здоровенная, но к делу мало годная собака. Что он прикажет с ней сделать?

417. А. В. ДРУЖИНИНУ и Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

10(22) июля 1855. Спасское

С. Спасское.
10-го июля 1855.

Любезные друзья, Дружинин и Григорович, уже по получении первого вашего совокупного посланья[1] я хотел писать к вам, адрессуя в деревню Дружинина [2] — но, к досаде моей, я знал только, что эта деревня находится в Петербургской губернии — но в каком уезде, решительно позабыл, так что даже теперь посылаю это письмо не прямо, но через Краевского.— Не могу вам выразить, как часто я об вас вспоминаю: вместе с вами, говоря слогом покойного Шаликова, улетели игры, смехи и зефиры[3]. Помните, как я обжирался при вас маслом — а теперь, кроме бульона да куска телятины, в рот ничего не беру. Холера, голубчики мои, холера свирепствует вокруг нас, похищая ежедневно жертвы; она же, злодейка, помешала мне поехать на охоту — на тетеревей — в Жиздренский уезд — и я сижу дома, один, хандрю, прислушиваюсь к бурчанию моей утробы и лишь изредка могу заставить себя работать. Плохо дело! Притом и жара здесь стояла страшная — уныние — да и только! Однако теперь понемногу оживаю и даже собираюсь съездить завтра, попытать свое счастье верст за 25 отсюда...

Очень я рад тому, что ваше путешествие так же благополучно кончилось, как и началось [4]. Ну что, Григорович, видели Вы Краевского — и он в гневе своем на Вашу лень не лишил Вас никакой части тела? [5]

Переделывайте, с богом, нашу классическую комедию [6] — только боюсь я, как бы «Переселенцы» от этого не пострадали [7].

Не знаю, писал ли Вам Боткин, любезный Д⟨ружинин⟩, об удовольствии, которое мне доставили Ваши две статьи о Пушкине [8]. Он же мне их прислал. Это Вы написали вещь славную — и есть места истинно поэтические (как напр⟨имер⟩ о гениях-старцах) [9].

Насчет Гоголя — Вы знаете — я не совсем согласен с Вами [10] — но об этом мы окончательно потолкуем в наши свиданья зимой, на Васильевском острову или в доме Степанова [11]. Но оценка Пушкина — мастерская, лучше изобразить его — нельзя.

Что касается до Вашего плана путешествия — то, разумеется, я совершенно согласен — и отдаюсь в Ваше распоряжение — но не примет ли публика все эти разоблачения несколько странно и криво? Пример Ваш не совсем верен — мы не Скотты и не Ирвинги — и потому как бы не сочли всего этого за camaraderie? [12] Впрочем, я повторяю, совершенно полагаюсь на Вас — если Вы это напишете и решитесь печатать, стало быть, это будет и хорошо, и забавно.

Все мои домашние очень и очень кланяются вам и благодарят за память — а Боткин — pends-toi, brave Bourdiloff! — оставил по себе решительное впечатление великого актера [13]. Вообще о нас обо всех теперь здесь ходят легенды, большей частью, однако, выгодные.— Колбасин [14] уже около недели гостит у графини [15] — и видит у ней ежедневно своего победителя-соперника, барона Дельвига.

Кстати, не правда ли, какая отличная вещь — «Севастополь» Толстого? [16] Понравилась ли вам повесть Нарской в «Современнике»? [17] Мне — так очень понравилась.— Ах, да! чуть было не забыл... Григорович! Je fais amende honorable... Я имел неоднократно несчастье заступаться перед Вами за *пахнущего клопами* [18] (иначе я его теперь не называю) — примите мое раскаяние — и клятву — отныне преследовать, презирать и уничтожать его всеми дозволенными и в особенности недозволенными средствами!.. Я прочел его отвратительную книгу, эту поганую мертвечину [19], которую «Совре-

менник» не устыдился разбирать серьезно...[20] Raca! Raca! Raca! Вы знаете, что ужаснее этого еврейского проклятия нет ничего на свете [21].

Сознаюсь также в своей ошибке насчет будущей цены Вашей коллекции. *До* покупки нарвского шкапа она не стоила 201 р. 20 к. сер.— но просто 201 руб. Теперь же действительно стоит 201 р. 20 копеек [22].

Простите эту посильную остроту человеку одинокому и озабоченному холерой — и верьте в искреннюю приязнь, с которой я вам обоим жму руки и желаю всяких возможных благ.

Преданный вам

Ив. Тургенев.

P. S.— Передайте, Д⟨ружинин⟩, мое усердное почтение и поклон Вашей матушке [23]; да напишите мне и пришлите Ваш адресс.— Я его два раза уже спрашивал у Боткина — но Васенька легкомыслен и забывчив.

418. А. А. КРАЕВСКОМУ

10(22) июля 1855. Спасское

С. Спасское.
10-го июля 1855.

Любезный Краевский,

Если бы не холера — я бы не скоро отвечал Вам, потому что меня бы здесь не было — я стрелял бы тетеревей в Жиздренском уезде. Но теперь нет возможности отлучиться — холера свирепствует везде. С горя сижу дома и работаю.

То, что Вы мне пишете о ценсуре — очень меня радует [1]. Дай бог, чтобы надежды всякого человека, любящего русское слово — оправдались! А то, ей-богу, хоть клади перо на полку. Вы решительно настолько же имеете право объявить о моей повести (если Вам вздумается) — насколько имел его «Современник» [2]. Я и для Вас работаю и для него — и надеюсь явиться к 10-му октябрю в Петербург с двумя рукописями под мышками. Вы знаете, что единственным затрудненьем был до сих пор Ваш Цербер [3]; если он сменится или даже просто смягчится — могу уверить Вас, Вы приобретете во мне деятельного и усердного сотрудника.

Повесть Колбасина еще не готова — но приближается к окончанию; как только он ее напишет, мы ее отправим к Вам [4].— Спасибо Вам за то, что у Вас отде-

лали гадкую книгу Чернышевского.— Давно я не читал ничего, что бы так меня возмутило. Это — хуже, чем дурная книга; это — дурной поступок [5].

Пожалуйста, перешлите прилагаемое письмо Дружинину [6]. Я знаю, что он Петербургской губернии, но какого уезда — решительно не знаю. Какую хорошую статью он написал о Пушкине! [7] Вообще он — отличный человек.

Говорят, роман Писемского подвигается... Это дело хорошее. Мы с ним изредка переписываемся [8].

Такая жара, что невозможно писать. Что же должно быть у Вас в Питере! Жалко Вас, как только вспомнишь.

Прощайте — будьте здоровы, кланяйтесь всем Вашим.— Фет прислал мне последние поправки Горация — мы условились с ним начать печатать зимой [9]. 10-го октября я, если холера меня не съест — буду сидеть у Вас в кабинете [10].

Жму Вам дружески руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Пожалуйста, не замешкайте послать письмо к Дружинину [11] — и потрудитесь написать *адресс*.

419. Н. А. НЕКРАСОВУ

10(22) июля 1855. Спасское

С. Спасское.
10-го июля 1855.

Твое письмо [1] застало меня здесь, милый Некрасов — по милости холеры, которая свирепствует именно там, куда я хотел ехать на тетеревей — в Жиздренском уезде. Охотники мои вернулись оттуда и рассказывают чудеса про тамошние места... Что делать! Охоту я люблю страстно — но холеры боюсь еще больше. Сижу теперь здесь — и работаю над большой повестью [2] (120 страниц уже написано) — и не знаю, что из этого выйдет. Твое письмо меня и обрадовало и огорчило. Огорчило оно меня насчет твоего здоровья [3] — утешаю себя надеждой, что хотя оно действительно не блестяще, однако и не так плохо, как ты предполагаешь. Посмотри, ты еще много здоровяков перескрипишь. Веди только жизнь аккуратную — и не подставляй свой без того не яркий светоч дуновению страстей. Каково сказано? Обрати внимание.— Стихи твои к *** — просто пушкински хороши — я их тотчас

на память выучил [4]. Сделай одолжение, присылай мне твой рассказ в стихах — уверен, что в нем есть чудесные вещи [5]. Вполне одобряю твое намерение написать свою биографию [6]; твоя жизнь именно из тех, которые, отложа всякое самолюбие в сторону, должны быть рассказаны — потому что представляют много такого, чему не одна русская душа глубоко отзовется. Благодарю заранее за посвящение мне — но надеюсь, что публика не скоро об этом узнает. (Кстати, меня также очень польстило посвящение Толстого [7]. Какая превосходная вещь — его «Севастополь»! [8]).

К крайней моей досаде — мой экземпляр Бернса [9] остался в Петербурге — но я непременно прошу тебя заставить Васеньку [10] сходить в книжную лавку, купить и прислать мне один экземпляр (найти его весьма легко). Я уверен наперед, что ты придешь в восторг от Бернса и с наслаждением будешь переводить его. Я тебе обещаю сделать отличный выбор — и метр приложить. Бернс — это чистый родник поэзии. Попробуй пока написать что-нибудь на следующий, любимый его метр:

Я не могу тебе сказать,
Кого ты должен воспевать —
Но не могу теперь скрывать
Перед тобой,
Что начал сильно мне мешать
Жестокий зной.

Понимаешь? Этот размер идет к элегическим и задумчивым вещам. Таким размером написано знаменитое стихотворение Бернса к полевому цветку, срезанному им при пахании плугом [11]. Непременно пришли мне Бернса.

Уже из того, что я тебя прошу прислать мне Б⟨ернс⟩а, ты можешь заключить, что я не поеду к тебе в деревню. К сожалению, это совершенно невозможно — по многим причинам, о которых нечего распространяться. Авось в следующем году удастся.

Спасибо тебе за ободрительное увещание. Я действительно, как ты говоришь, находился — и отчасти нахожусь — в моменте если не разложения, то сомнения в себе. Слишком ясно вижу, что́ мне недостает — и уверенность в себе пропала вместе с самоуверенностью. Однако напрягу последние силы, хотя бы для того, чтобы оправдать хорошее мнение приятелей. Очень мне будет любопытно знать, что́ вы скажете о моей повести; я ее обду-

мывал долго — и в первый раз написал подробный план, прежде чем приступить к исполнению.

У меня действительно было весело и шумно [12]. Нигде еще холеры в помине не было. Знаешь ли, что Дружинин отличный человек? Его статья в «Б‹иблиотеке› для ч‹тения›» об анненковском издании Пушкина прекрасна [13]. Мне, признаться, несколько досадно на «Современник», что он не отделал, как бы следовало, мертвечины Чернышевского [14]. Эта худо скрытая вражда к искусству — везде скверна — а у нас и подавно. Отними у нас *этот* энтузиазм — после того хоть со света долой беги.

Пиши мне, пожалуйста — я тебе отвечать буду. Не забудь Бернса и твоей поэмы. А за границу ты всё собираешься ехать? [15] Видерт ждет тебя в Берлине, как рыцарь Тоггенбург свою невесту [16].

Прощай, брат; будь здоров и весел. Дружески жму тебе руку. Поклонись от меня Боткину — я недавно писал ему [17].

Твой
Ив. Тургенев.

420. И. И. ПАНАЕВУ

10(22) июля 1855. Спасское

С. Спасское.
10-го июля 1855.

Здравствуй, милый И‹ван› И‹ванович› — холера везде так сильна (особенно там, куда я хотел на охоту ехать), что я поневоле сижу дома и хандрю. Однако тоже работаю. Получил твое письмо [1] и отвечу в нескольких словах.— Прежде всего поздравляю вас с повестью Нарской [2] — это свежая, веселая, живая вещь — много незрелого — есть болтливость — но есть страницы славные — и весь колорит мне очень нравится. Кто она такая? Не скрою я, что я и сердит на вас немного. Книгу Чернышевского, эту гнусную мертвечину, это порождение злобной тупости и слепости — не так бы следовало разобрать, как это сделал г-н Пыпин [3]. Подобное направление гибельно — и «Современнику», больше чем комунибудь, следовало восстать против него. К счастью, книга так безжизненна и суха, что вреда наделать не может. Статья Толстого о Севастополе — чудо! [4]. Я прослезился, читая ее, и кричал: ура! Мне очень лестно желанье его посвятить мне свой новый рассказ [5]. Объявление о «Совр‹еменник›е» — я прочел в «Московских ведомостях» [6].

Хорошо; — дай бог, чтобы вы могли сдержать ваши обещания — т. е. чтобы приходили статьи, чтобы Толстого не убили и т. д. [7] Это вам поможет сильно. Статья Толстого произвела здесь фурор всеобщий. Летние книжки «Совр⟨еменника⟩» до сих пор хороши, занимательны и дельны. Всё еще попадаются опечатки. Желал бы я знать — стих Некрасова (в стихотворении «К русскому писателю»):

Служи не славе, *не* искусству —

вероятно, опечатка вместо: *но* искусству? [8] —

Все мы здесь очень огорчены смертью Нахимова [9]. Бедный! Не попользовался своей славой.

Как, я думаю, у вас в Петербурге душно! Мне тебя жаль. Желаю тебе здоровья и всего хорошего. Кланяйся А⟨вдотье⟩ Я⟨ковлевне⟩.

10-го октября я непременно, если жив, в Петербурге [10]. А насчет Леонтьева — точно — вы правы [11]. До свиданья.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Известие о том, что Михайлов остригся, так на меня подействовало, что я его видел во сне, *без шуток* — и испугался до того, что бросился целовать его ноги [12].

421. М. Н. ТОЛСТОЙ

24 июля (5 августа) 1855. Спасское

Любезная графиня, завтра чем свет карета отправляется вместе с Порфирием и девушкой — и в 9-м часу уже будет у Вас. Очень мне жаль, что Анне Семеновне [1] не удалось погостить у Вас, тем более, что в Спасском прескверно — каждое утро погребальный звон и голосьба — Вы знаете — кладбище у нас под окнами. Сегодня трое умерло от холеры — на завтра четверо готовы и т. д. Можете себе представить, как это восхитительно. Надеюсь, что нездоровье А⟨нны⟩ С⟨еменовны⟩ скоропреходящее — а вам всем в Покровском один мой совет:

Покамест наслаждайтесь ею,
Сей легкой жизнью [2].

Преданный Вам
Воскресение. Ив. Тургенев.

P. S. Повесть [3] я кончил — и, если буду жив, привезу ее в пятницу.

422. П. В. АННЕНКОВУ

25 июля (6 августа) 1855. Спасское

С. Спасское.
25-го июля 1855.

Прежде всего благодарю Вас, любезный Анненков, за присылку Пушкина [1] — но отчего Вы так давно ко мне не писали? [2] Если б мне Писемский не написал [3], что Вы уехали в Симбирск — я не знал бы, где Вы находитесь. Пишу Вам в Симбирск. По милости холеры — я провел всё это время дома и не охотился. Она было совсем стала проходить, но вдруг вспыхнула с новой силой — и теперь я каждый день имею удовольствие слышать голосьбу баб на кладбище, которое у меня перед окнами. Можете себе представить, как это утешительно. — От нечего делать принялся я за работу и окончил пребольшую повесть [4], над которой трудился так, как еще ни разу в жизни не трудился. Совершенно не знаю, удалась ли она мне. Мысль ее хороша — но исполнение — вот в чем штука. Я Вам ее прочту — если вы, по обыкновению, не надуете меня и приедете ко мне в сентябре. С 5-го сентября по 5 октября я никуда из Спасского не выеду [5].

Я на днях получил письмо от Надежды Михайловны и Ольги Александровны [6]. Они Вам кланяются. Я в последнее время опять много начал думать об О⟨льге⟩ А⟨лександровне⟩. Что ни говори — это существо прелестное.

Напишите мне слова два о своих намерениях. Вы теперь забрались в свою берлогу, пожалуй, и не вылезете оттуда до Нового года. Чем больше я размышляю, тем меньше имею надежды увидеть Вас в Спасском. Но знайте, что с 10-го окт⟨ября⟩ я в Петербурге [7] — если останусь жив.

До свидания — будьте здоровы и не забывайте

преданного Вам
Ив. Тургенева.

423. В. П. БОТКИНУ и Н. А. НЕКРАСОВУ

25 июля (6 августа) 1855. Спасское

С. Спасское.
25-го июля 1855.

Любезные друзья мои, Боткин и Некрасов — непонятным для меня образом ваше письмо от 10-го дошло до меня только вчера — и я, подосадовав сильно на ак-

куратность наших почт, спешу отвечать [1]. Предваряю, однако, что по причине нестерпимого зноя и порядочной хандры — письмо мое будет невелико. Хандра моя собственно происходит от того, что с утра мои нервы раздражаются погребальным звоном и голосьбою баб на кладбище (вы помните, оно у меня под окнами)... Холера свирепствует — а уехать нельзя ни к вам, ни на охоту — никуда — и не по причине денег, за предложение которых я все-таки благодарю вас.— Спасибо тебе, милый Некрасов, за твое радушное предложение — дичи мы, я уверен, наколотили бы пропасть, тем более мне досадно, что это всё по усам течет, а в рот не попадает. Что делать! [2]

Очень я рад, любезный В⟨асилий⟩ П⟨етрович⟩, что тебе понравилась повесть Нарской [3]. Что же касается до книги Чернышевского — вот главное мое обвинение против нее: в его глазах искусство есть, как он сам выражается, только суррогат действительности, жизни — и в сущности годится только для людей незрелых. Как ни вертись, эта мысль у него лежит в основании всего. А это, по-моему, вздор.— В действительности нет шекспировского Гамлета — или, пожалуй, он есть — да Шекспир открыл его — и сделал достоянием общим. Чернышевский много берет на себя, если он воображает, что может сам всегда дойти до этого сердца жизни, о котором ты говоришь.— Воображаю я его себе извлекающим поэзию из действительности для собственного обихода и препровождения времени! Нет, брат, его книга и ложна и вредна — мы когда-нибудь с тобой пространно об этом потолкуем [4].

Я воспользовался невозможностью ездить на охоту — и вчера окончил большую повесть листов в 7 печатных [5]. Писал я ее с любовью и обдуманностью — что из этого вышло — не знаю. Дам ей полежать, потом прочту, поправлю — а списавши, пошлю к тебе — что-то ты скажешь? Что-то скажет Некрасов?

В последнем моем письме к нему я просил о высылке Бернса — не забудь это исполнить — для него же [6]. Также пришли мне Фета с поправками [7].

Я навел справки о векселе Белинской. Оказывается, что я действительно не выплатил его, а выплатил другой. С этим письмом ты получишь 90 рублей сер.— из коих 4 тебе — а 86 проценты по май месяц 1855-го г. Я бы послал ей сам, да не знаю ее адресса. Будь так добр, доставь ей эти деньги — и вели сказать, что я извиняюсь перед ней и в октябре, когда ее увижу — готов ей запла-

тить, если она хочет, капитал — или буду продолжать платить ей проценты. Пришли мне ее адресс — я ей сам напишу [8].

Прощайте, друзья; жарко так, что перо из рук валится. Желаю вам всего хорошего, здоровья и веселья. Крепко жму вам обоим руку, благодарю за память и остаюсь

преданный вам
Ив. Тургенев.

P. S. Арльт мне бог знает что прислал, книги, которые я уже от него же получил. Отошлю их ему назад.

424. О. А. ТУРГЕНЕВОЙ

25 июля (6 августа) 1855. Спасское

С. Спасское.
25-го июля 1855.

Вы с такою готовностью исполнили мою просьбу, любезная Ольга Александровна, что я не хочу показать себя неблагодарным и намерен отвечать на Ваше письмецо [1]. Я очень рад, что пребывание Ваше в деревне Вам нравится — Вы теперь видите, какая разница между тем, как Вы в нынешнем году живете, и прошлогодним дачным прозябанием в Петергофе [2]. Надеюсь, что Вы и в здоровье поправитесь и повеселеете; — сближение с природой не может не быть благодатным для Вас. Сколько я слышал, Вы еще никогда в деревне не живали — когда мы опять свидимся в Петербурге, Вы будете обогащены многими новыми впечатленьями. От души желаю, чтобы всё это пошло Вам впрок.

Я здесь живу порядочно — и едва ли не уединеннее, чем Вы. Анненков раньше половины сентября ко мне не приедет — если приедет [3], соседей здесь почти нет — а со мною живет старик дядя с семейством, которого я очень люблю — но с которым у нас мало общего. Холера (ох, эта проклятая холера!), которая, казалось, унялась было, вспыхнула с новой силой — и каждый день у нас похороны. Эта же злодейская холера помешала мне поехать на охоту. От скуки я начал заниматься — и написал большую повесть, которую привезу с собой в Петербург. Не знаю, удалась ли она мне — но знаю, что я еще ни над одной повестью так не трудился и не хлопотал, как над этой [4].

Вы мне не пишете, что именно Вы играете теперь на

фортопьано? Мендельзоном ли Вы занимаетесь, Бетговеном ли? Я уверен, что Вы и в музыке должны сделать большие успехи.

Имеете ли Вы известия от Вашей приятельницы Mme Milutine? Как ей нравится замужняя жизнь и имеет ли она еще время и охоту думать о своих старых знакомых? [5]

Скажите Надежде Михайловне [6], что я ей очень благодарен за ее письмо [7]. Поверьте мне, сколько бы я ни жил, я никогда не перестану вспоминать о Вас и Вашем семействе с чувством самой искренней привязанности. Я очень рад, что Александр Михайлович перестал хандрить. Поклонитесь ему также от меня.

А что — продолжаете Вы Ваш дневник? И долго ли Вы думаете еще пробыть в деревне?

До свидания, любезная Ольга Александровна. Прошу у Вас позволения дружески пожать Вам руку и остаюсь

искренно Вам преданный
Ив. Тургенев.

На конверте:

В город Серпухов.
Ее превосходительству
Ольге Александровне
Тургеневой.

425. М. Н. ТОЛСТОЙ

Конец июля—начало августа ст. ст. 1855. Спасское

Любезная графиня, Анна Семеновна всё еще лежит и пролежит, быть может, еще неделю — но она вне всякой опасности и чувствует себя гораздо лучше. Она благодарит Вас за память.

А я Вас очень благодарю за всё, что Вы мне пишете о характере Наталии. Все Ваши замечанья верны — и я их приму к сведению и переделаю всю последнюю сцену с матерью. Если б и она и Рудин, как это слишком часто случается в жизни, преувеличивали (положим, бессознательно) свои чувства — то я был бы прав; но Наталья во всяком случае была искренна. Еще раз спасибо Вам за Ваше письмо. В делах сердца женщины — непогрешительные судьи — и нашему брату следует их слушаться [1].

Колбасин понемногу принялся за работу — как только он кончит ее — он явится к Вам [2]. Я дня через 3 или 4 еду на охоту и буду пропадать до 1-го сентября [3]. На-

деюсь увидать вас всех тогда в полном здоровии и благоденствии. Посылаю графу порох; шляпу Анне Сем⟨енов-н⟩е я передал.

Кланяюсь всем жителям Покровского, Ольге Петровне, Наталье Петровне — графу — и семейству барона Д⟨ельвига⟩ [4].

Еще раз спасибо — и до свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Дядя Вам кланяется и посылает Вам персики; Колбасин велит Вам сказать, что «Антона Горемыки» [5] нет здесь, а «Детство» [6] он искал, но не нашел; еще поищет и пришлет или привезет.

426. С. Т. АКСАКОВУ

3(15) августа 1855. Спасское

С. Спасское.
3-го августа 1855.

Любезнейший и почтеннейший Сергей Тимофеевич, я еще не получал от Вас ответа на мое последнее письмо [1] — но, может быть, оно затерялось — и мне очень хочется поговорить с Вами. Как Вы провели лето, которое уже на исходе? Я его провел весьма однообразно —почти не выезжал, не охотился — у нас везде была холера и довольно сильная — я ее побаиваюсь — дома-то всё ничего — а заедешь в какую-нибудь деревню — и вдруг придется умирать в сенном сарае — скверно! Так я и не охотился. Теперь она — не подстереги враг слова! — заметно ослабела — и я, может быть, решусь отправиться верст за 100 на дупелей. Очень меня расстроила эта невозможность предаться моей любимой страсти; собаки славные, ружья отличные — места открыты удивительные — и всё это задаром! Авось в будущем году посчастливится.

Я воспользовался уединением и бездействием и написал большую повесть [2], которую завезу к Вам, когда буду в Москве — около 10-го октября — ибо я непременно намерен к Вам заехать [3]. Не знаю, что Вы скажете; я ни над одним моим произведением так не трудился и не хлопотал, как над этим; конечно, это еще не ручательство; но по крайней мере сам перед собою прав. Коли Пушкины и Гоголи трудились и переделывали десять раз свои вещи, так уж нам, маленьким людям, сам бог велел. А то придет порядочная мысль в голову, поленишься обдумать ее хо-

рошенько да обделать как следует — и выйдет какая-то смутная чепуха. Это со мною не раз случалось — и я дал себе слово вперед не позволять себе этого.

Напишите мне, пожалуйста, где теперь Иван Сергеевич? [4] Наши все ополчения выступили — вероятно, и московское тоже. Вижу я по объявлениям, что Константин Сергеевич издал брошюру о глаголах; выпишу и прочту, если это только не этимология, которой я боюсь пуще холеры [5]. Расскажите мне о себе и о всем Вашем семействе.

А, нечего сказать, живем мы в невеселое время. Война растет, растет — и конца ей не видать, лучшие люди (бедный Нахимов!) гибнут — болезни, неурожай, падежи — у нас коровы и лошади мрут как мухи... Впереди еще пока никакого не видать просвету... Надо потерпеть. Еще разик, еще раз, как говорят бурлаки. Авось всё это вознаградится с лихвою. Читали ли Вы статью Толстого «Севастополь» в «Современнике»? [6] Я читал ее за столом, кричал «ура!» и выпил бокал шампанского за его здоровье.

А что «Семейная хроника»? [7] Не явится ли хоть какой-нибудь отрывок на божий свет? — «Москвитянин» в агонии — никто его не читает — и печатать в нем — значит бросать свои вещи ночью в темную яму в безлюдном месте. Надо что-нибудь придумать — мы об этом потолкуем в октябре. У меня было много планов зашевелилось в голове в начале нынешнего года — теперь всё это притихло. Может быть, к зиме они закопошатся вновь. Кн. Вяземский — Вы, вероятно, читали — назначен товарищем министра просвещения — только он, говорят, очень плох и слаб [8]. У Норова, сколько слышно, намерения отличные — что-то из всего этого выйдет? [9]

До свидания, любезный Сергей Тимофеевич, через два месяца. Мой усерднейший поклон Вашей супруге и всему Вашему семейству. Будьте здоровы и веселы — дружески жму Вам руку и остаюсь

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

427. В. П. БОТКИНУ

9(21) августа 1855. Спасское

С. Спасское.
9-го авг. 1855.

Милый Боткин, обращаюсь к тебе с следующей просьбой: сделай одолжение, вышли мне по-прежнему 10 фун-

тов чаю, 5 по 3 р. сер.— 5 по 2 р. 50 к. Да еще будь так добр — купи мне на шубу темного плотного сукна 2-аршинного шесть аршин рубля по 4 и енотовый воротник. Извини меня, что я обременяю тебя такими глупыми комиссиями — да я надеюсь на твою доброту. Денег я сию минуту выслать не могу — а вышлю их через неделю.— Да напиши мне о себе и о Некрасове — что вы делаете хорошего — и как его здоровье. Мое, слава богу, порядочно. Завтра еду на дупелей. Да что же вы Бернса мне не присылаете? [1]

До свидания.

Твой
Ив. Тургенев.

428. Е. Я. КОЛБАСИНУ

9(21) августа 1855. Спасское

Любезный Колбасин!

Посылаю Вам сапоги и письмо, пришедшее на Ваше имя из Москвы. Извините, что раньше не мог это сделать — вся спасская дворня предавалась по случаю праздника пьянству мрачному и остервенелому. Я сам отсюда выезжаю на другой день Успенья, т. е. 16-го числа — а сегодня вечером жду к себе графа Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаевича⟩ с охотой [1]. Мы дня три намерены поездить по окрестностям. Завтра направимся к Троицкому.— Скажите графине, что Писемский пишет мне о новом севастопольском отрывке Льва Ник⟨олаевича⟩ с большими похвалами [2]. Надеюсь, что последняя капля спасского духа теперь из Вас испарилась [3] и Вы предаетесь той восторженной веселости, подобной вечному смеху гомерических богов, которая, по вдохновительному примеру графини, кипит и гремит в стенах Покровского. В добрый час!

Поклонитесь всем от меня и Наталье Петровне в особенности. Будьте здоровы и кутите.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Пришлите мне, пожалуйста, тот том «Современника», где «Затишье». Мне хочется на досуге приделать сцену между Веретьевым и Машей [4]. А Вы работаете по утрам — или [a] лежите на постели, как Поприщин [5]?

---

[a] *Далее зачеркнуто*: больше

429. А. В. ДРУЖИНИНУ

20 августа (1 сентября) 1855. Юшково

С. Юшково
(Карачевского уезда)
20-го августа 1855.

Пишу к Вам ответ на Ваше письмо [1], любезнейший Александр Васильевич, из деревни, куда я приехал третьего дня в надежде пострелять дупелей; но болота все высохли благодаря продолжительной осенней засухе, последовавшей за летнею — и дичи нет. Собираюсь в Карачев (отсюда за 25 верст), авось там посчастливится.— Ваше письмо меня порадовало — скажу Вам без обиняков, что Вы принадлежите к числу людей, которые с первого взгляда мало нравятся, но к которым, чем больше их узнаешь, тем больше привязываешься — а это про немногих можно сказать.— Если мне удастся благополучно прибыть в Петербург к половине октября [2] — у меня уже заранее рисуется в голове приятная перспектива частых бесед, толков и споров зимой. Мне кажется, что мы во многих вопросах с разных точек смотрим на вещи — да и натуры наши различны — но так как мы оба, по мере возможности, честны и искренни в своих стремлениях, то самая эта честность сближает нас едва ли не более, чем однообразие воззрений.— Я на днях прочел «Авторскую исповедь» Гоголя [3] — и невольно думал о Вас — как жалка эта смутная чепуха, эта самолюбивая возня с самим собою — перед ясною, здравою, безличною художественностью Пушкина! Но *оба* влияния, по-моему, необходимы в нашей литературе — пушкинское отступило было на второй план — пусть оно опять выступит вперед— но не с тем, чтобы *сменить* гоголевское. Гоголевское влияние и в жизни, и в литературе нам еще крайне нужно [4]. Обо всем этом мы потолкуем — и не однажды.

Заранее радуюсь Вашим статьям о Краббе [5] — я уверен, что это будет — прелесть. На это дело Вы мастер — и едва ли не единый мастер на это у нас на Руси.

Я исполнил Ваше поручение перед семейством гр. Толстого [6] — эти бесцеремонные и добрые люди извиняют Вас совершенно и кланяются Вам дружески.— Мои все тоже Вам кланяются. Анна Семеновна занемогла было не на шутку горячкой — но теперь понемногу оправляется, хотя с постели еще не встает.

Бедный Каратеев был у нас накануне выступления в поход с ополчением. Мы проводили его с шампанским —

и пожелали ему всех благ. Он был очень мил — и комически-забавен, хотя и самому ему было грустно — и мы грустили о нем. Лаврова мне не удалось увидеть — но я знаю, что он процветает [7].

До меня дошли слухи, что кому-то из кружка Грановского дозволено издавать журнал в Москве [8]. Правда ли это?

Я свой роман [9] пока оставляю под спудом — в нем мне многое не нравится — надо всё это переделать. Я написал большую повесть [10], первую повесть — говоря правду — над которой я трудился добросовестно — не знаю, что вышло. Я ее читал Толстой [11] — она ей понравилась — но это еще не порука. Мне всё что-то кажется, что собственно литературная моя карьера кончена.— Эта повесть решит этот вопрос.

Я с семейством Ольги Александровны возобновил переписку и на днях получил от нее очень милое письмо. Они все здоровы и в половине сентября собираются возвратиться в Петербург.

Я напрасно сказал — *литературная* карьера, я хотел сказать — карьера беллетриста, потому что я надеюсь умереть литератором и ничем другим быть не желаю.

Ну, однако, прощайте. Жму Вам дружески руку и желаю здоровья и веселья.— Передайте мой усердный поклон Вашей матушке.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

430. О. А. ТУРГЕНЕВОЙ

22 августа (3 сентября) 1855. Карачев

Карачев.
22-го авг. 1855.

Пишу к Вам, любезная Ольга Александровна, из города Карачева, куда я приехал было, чтобы стрелять дупелей — но где, по причине засухи, все болота высохли и дичи нет. Однако я не хочу долее откладывать мою благодарность за Ваше милое письмо, которое очень меня порадовало — и размером своим, и содержанием. Я вижу, что Вам в деревне точно хорошо — и радуюсь за Вас — хотя Ваше одиночество мне кажется уже слишком тихим. Но как противуположность прошлогоднему — и как невидаль еще в Вашей жизни, оно хорошо и благотворно. Приезжайте в Петербург отдохнувшей и выздоровевшей. Мне почему-то кажется, что и в Петербурге те-

перь Ваша жизнь пойдет лучше. Сам я туда прибуду, если буду жив и здоров, 15-го октября — стало быть, мы недель через шесть с небольшим увидимся.

Рассказать содержание моей новой повести трудно в немногих словах — а много писать, виноват, лень. Но обещаю Вам прочесть ее, как только приеду в Петербург. Я попытался вывести характера два не новых в русской жизни, но новых в литературе — не знаю, удалось ли мне [1].

Я, признаюсь, больше пишу затем, чтобы вызвать от Вас еще письмо — голова моя пуста, как болота, по которым я скитался целый вчерашний день, — и я устал на порядках.

Будьте здоровы и веселы — кланяюсь А⟨лександру⟩ М⟨ихайловичу⟩ и Н⟨адежде⟩ М⟨ихайловне⟩ — и дружески жму Вам руку. Дай бог Вам всего хорошего в жизни!

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте:

В город Серпухов.
Ее превосходительству
Ольге Александровне
Тургеневой.

431. Н. А. НЕКРАСОВУ

2 (14) сентября 1855. Спасское

С. Спасское.
2-го сентября 1855 г.

Милый Некрасов, я на днях только что вернулся из отъезжего поля на дупелей (то была самая несчастная поездка — болота все высохли — и там, где бывали десятки дупелей, мы находили одного перепела) — и нашел два твоих письма, на которые спешу отвечать [1]. Прежде всего, скажу тебе, что меня все-таки радует известие о новом взгляде докторов на твою болезнь — поживи-ка в Петербурге, побереги себя и доверь себя Шипулинскому [2] — а я буду ходить к тебе играть в пикет. В Петербург я приеду непременно к 10 октябрю [3].

Что же касается до «Современника», то ты знаешь, какой я был всегда усердный сотрудник — я привезу с собой большую повесть [4] — а если ты думаешь, что можно напечатать «Пост⟨оялый⟩ дв⟨ор⟩» [5] — то вот вам и другая вещь. Очень меня радует твой отзыв о «2-х пр⟨иятe-

ля〉х» [6], желал бы, чтоб и новая повесть заслужила твое одобрение. Ее можно будет в XI-й номер.

Очень меня поразила смерть В. Милютина [7]. Этого я никогда от него не ожидал. Решительно — одно непредвиденное, вероятно, и совершается на деле.

Пока будь здоров и не унывай. Вальдшнепы у нас показались — неужели и в нынешнем году надуют. Жму тебе крепко руку. До скорого свидания. В Петербурге мы будем видеться часто.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Кланяйся А〈вдотье〉 Я〈ковлевне〉 и всем старым знакомым.

P. P. S. Надо будет непременно в течение нынешней зимы заняться изданием собрания твоих стихотворений [8].

432. С. Т. АКСАКОВУ

5 (17) сентября 1855. Спасское

С. Спасское.
5-го сентября 1855.

Хотел было я в благодарность за Ваше письмо [1], любезный и почтенный Сергей Тимофеевич — написать Вам о моих (весьма неудачных) охотничьих похожденьях — но известие о Севастополе [2], полученное здесь вчера, лишило меня всякой бодрости — и мне только хочется пожать Вам молча руку и повторить, что я непременно буду у Вас через месяц [3]. Хотя бы мы умели воспользоваться этим страшным уроком, как пруссаки иенским поражением!..[4] Но нет — писать об этом нельзя.— Я получил книгу К〈онстантина〉 С〈ергеевича〉 и еще не прочел ее — но благодарю за память [5].— Об Иване Сергеевиче я имел известие от карачевского богача, Киреевского, который угощал его со всей дружиной и познакомился с ним [6]. Когда соберусь с духом, напишу ему в Киев [7]. Будьте здоровы.— Я от Вас первого слышу о новом московском журнале [8]. Дай бог, чтоб он пошел хорошо и дельно. Давно пора. Обо всем этом переговорим — а теперь еще раз кланяюсь всему Абрамцеву и говорю: до свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

433. И. П. ПАНАЕВУ

9 (21) сентября 1855. Спасское

С. Спасское.
9-е сентября 1855.

Милый Панаев, твой подвиг поверг меня в неописанное изумление — и я даже, читая обо всех этих яблоках, икрах, арбузах и льдах — почувствовал расстройство желудка [1]. Господи! какие бывают счастливые люди на свете!

Я буду в Петербурге непременно к 10-му октябрю — это самый поздний срок, и привезу для ноябрьской книжки «Современника» большую повесть [2]. Желаю от души, чтобы она удалась и оказалась вам полезной.

Писемский берет уже чересчур сильные цены — это факт [3].

До свидания, брат — что-то лень писать больше, да и дух расстроен от последних известий [4]. Жму тебе руку.

Твой
Ив. Тургенев.

434. В. П. ТОЛСТОМУ

23 сентября (5 октября) 1855. Спасское

Любезный граф, если у Вас еще уцелела бутылка пороху, которую я Вам возвратил, сделайте божескую милость — пришлите ее мне. Предусмотрительные мои охотники только тогда объявили мне, что надо бы достать пороху — когда его не осталось ни пылинки. Я сегодня чуть свет посылаю в Орел — но ужасно не хотелось бы пропустить хотя один из последних дней охоты.

В середу я приеду проститься с Вами — что, видели Вы, наконец, Сергея Ник⟨олаевича⟩ и нет ли известия от Льва Ник⟨олаевича⟩? [1] До свидания.

Преданный Вам
Пятница утром. Ив. Тургенев.

435. ПОЛИНЕ ВИАРДО

26 сентября (8 октября) 1855. Спасское

Spasskoïé,
le 26 septembre 1855.

Chère et bonne Madame Viardot — la dernière lettre que j'ai reçue de vous date de trois mois — et je ne sais même pas si les deux lettres que je vous ai écrites depuis ce temps-là [1] — vous sont parvenues. Ce n'est que grâce

à l'«Athenaeum» [2] que je sais ce que vous faites.— Il est possible que vos lettres s'égarent — cependant il me serait bien doux de me convaincre par mes propres yeux que vous ne m'oubliez pas.— Je vous prie en grâce de m'écrire dès que vous recevrez cette lettre — et de mettre mon adresse de Pétersbourg, où je compte retourner dans une dizaine de jours — (sur la Fontanka, près du pont d'Anitchkoff, maison Stépanoff) [3].

J'ai passé un été assez triste — mais laborieux. J'ai beaucoup travaillé [4].— Nous avons eu le choléra, toutes sortes d'autres maladies, des chaleurs et une sécheresse atroces, la chasse a été complètement nulle — et toutes les nouvelles qui arrivaient du dehors n'étaient pas de nature à inspirer de l'allégresse — enfin, il faut espérer que le plus mauvais moment est passé.— Je prévois un hiver très occupé à Pétersbourg, et je ne m'en plains pas.

J'ai reçu une lettre de Madame Harend et de la petite [5].— Si vous la voyez, ayez la bonté de lui dire que je lui écrirai dès mon arrivée à Pétersbourg et que je lui enverrai[a] ce qu'elle me demande.— Malgré ce que vous dites de sa figure du moment, je ne serais pas fâché d'avoir son daguerréotype.—

Un des mauvais effets de la rareté des lettres — c'est de les rendre courtes et insignifiantes — je ne sais trop à quoi cela tient — je me promets bien d'y remédier, dès que je serai installé à Pétersbourg — venez à mon aide alors, je vous prie.— Mais les lettres que je vous écris ont beau être fréquentes ou rares — j'espère que vous n'avez jamais douté un seul instant de l'inaltérable attachement que je vous ai voué.— C'est le seul sentiment en moi que rien ne peut changer — vous devez en être sûre.

Donnez-moi des nouvelles de cet oratorio de Costa, où vous avez chanté Samuel [6] — parlez-moi de vous, je vous en prie.

J'envoie cette lettre à la rue de Douai, quoique je suppose qu'à l'heure qu'il est vous devez être encore à Courtavenel. Saluez-le de ma part.— Ma veste grise n'est pas encore tombée en lambeaux?

Mille amitiés à Viardot, à Mme Garcia, à votre frère, à Mme Sitchès et à son mari, à tout le monde.— Pour vous, je vous embrasse tendrement les mains et reste à jamais

votre
J. Tourguéneff.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: les

436. В. П. ТОЛСТОМУ

Сентябрь 1855. Спасское

Любезный граф,

Сейчас вернулся с охоты — вальдшнепов совсем нет — и не будет, пока не пойдут дожди — и потому не хотите ли завтра приехать с графиней — я буду дома — а если С⟨ергей⟩ Н⟨иколаевич⟩ приедет — то можно будет прислать за вами — жду вас к обеду.

Преданный Вам

Пятница. Ив. Тургенев.

На обороте:

Его сиятельству
графу Валерияну Петровичу
Толстому.

437. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

Сентябрь 1855. Спасское

Pour Pauline.

Il y a longtemps que je ne t'ai écrit, chère Paulinette, mais il ne faut pas que cela t'afflige — je n'en pense pas moins souvent à toi — et bien souvent encore. Te voilà dans une nouvelle pension [1] — je suis sûr que tu y es parfaitement — j'espère que tu vas travailler à force, que tu seras bien gentïlle et bien obéissante. Je te parle comme à un enfant — et Mme Viardot m'écrit que tu es presque aussi grande qu'elle — je voudrais bien te voir — je te reconnaîtrai tout de même, malgré le changement qui est survenu en toi, depuis cinq ans que je ne t'ai vul.— Moi aussi, j'ai vieilli et grisonné — le temps marche vite.— Mais quand nous reverrons-nous? — Ah! voilà la question.— Je ne puis te répondre que d'une chose : c'est que cela sera fait dès qu'il y aura la moindre possibilité ; malheureusement cela ne dépend pas de moi [2].— Il faut prendre patience — il faut surtout profiter du temps pour me faire bien du plaisir — quand nous nous reverrons.— Imagine-toi mon étonnement, quand je t'entendrai jouer quelque belle sonate de Beethoven? — C'est ça qui sera beau! — C'est alors que je t'embrasserai bien fort, bien fort! — Mme Viardot m'écrit souvent que tu as beaucoup d'affection pour moi...— C'est à toi de le prouver. Fais que Mme Harend soit bien contente de toi — et tu le seras de moi, je te le promets.

Adieu, mon enfant — porte-toi bien. Je t'embrasse tendrement.

Ton père
J. Tourguéneff.

P. S. Je suis maintenant à la campagne à Spasskoïé; je retourne pour l'hiver à Pétersbourg[3] — et si la paix se fait[4], j'irai te voir au printemps.— Prie Dieu que la paix se fasse.

438. А. А. КРАЕВСКОМУ

Середина июля—сентябрь ст. ст. 1855. Спасское

Любезный Краевский,

Обращаюсь к Вам с следующим предложением: хотите Вы купить мой роман? Он будет состоять из 2-х частей — и я могу Вам дать письменное обязательство, что доставлю его Вам оконченным к 1-му сентяб⟨ря⟩ будущего года — как к самому позднему сроку. Дайте мне за печатный лист 75 руб. сер.— и, так как мне теперь деньги нужны — то дайте мне теперь 500 руб. сер., которые вместе с теми, которые я Вам должен — составят задаток. Всё это можно написать на бумаге. Отвечайте мне, согласны ли Вы на мое предложение — да, что́ повесть Колбасина Вами еще не прочтена?

Ваш
Ив. Тургенев.

Середа.

На обороте:
Его высокоблагородию
Андрею Александровичу
Краевскому.
(От Тургенева).

439. Л. Н. ТОЛСТОМУ

3 (15) октября 1855. Покровское

С. Покровское.
3-го октября 1855.

Я давно собирался затеять с Вами хотя письменное знакомство, любезный Лев Николаевич, за невозможностью — пока — другого; теперь, уезжая из дома Вашей сестры в Петербург — хочу привести в исполнение это давнишнее намерение [1]. Во-первых, благодарю Вас душевно за посвящение мне Вашей «Рубки лесу» — ни-

чего еще во всей моей литературной карьере так не польстило моему самолюбию [2]. Ваша сестра, вероятно, писала Вам, какого я высокого мнения о Вашем таланте и как много от Вас ожидаю — в последнее время я особенно часто думал о Вас [3]. Жутко мне думать о том, где Вы находитесь [4]. Хотя, с другой стороны, я и рад для Вас всем этим новым ощущениям и испытаниям,— но всему есть мера — и не нужно вводить судьбу в соблазн,— она и так рада повредить нам на каждом шагу.— Очень было бы хорошо, если б Вам удалось выбраться из Крыма — Вы достаточно доказали, что Вы не трус,— а военная карьера все-таки не Ваша. Ваше назначение — быть литератором, художником мысли и слова. Я потому решаюсь говорить так с Вами, что в Вашем последнем письме, сегодня полученном, Вы намекаете на возможность отпуска [5] — да сверх того я слишком люблю русскую словесность, чтобы не питать желания знать Вас вне всяких глупых и неразборчивых пуль. Если действительно Вам возможно приехать хотя на время в Тульскую губернию,— я бы нарочно явился сюда из Петербурга, чтобы познакомиться с Вами лично — это Вам не может служить большой приманкой — но, право, для Вас самих, для литературы — приезжайте. Повторяю Вам — Ваше орудие — перо,— а не сабля,— а Музы не только не терпят суеты [6],— но и ревнивы.

Мне кажется, мы бы сошлись — и наговорились вдоволь — и, может быть, наше знакомство не было бы бесполезным для обоих.

Я бы много хотел сказать Вам о Вас самих — о Ваших произведениях,— но это решительно невозможно на бумаге — особенно в этом письме. Отлагаю всё это до свидания личного, в котором я не отчаиваюсь.

Я часто видаюсь в теченье лета с Вашими родными — и полюбил их от души. Как мы все сожалели об отъезде Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаеви⟩ча! Право, досадно вспомнить, что, будучи такими близкими соседями, мы так поздно сошлись.

Вы бы меня очень обрадовали ответом. Вот мой адресс: в С. Петербурге, на Фонтанке, у Аничкова моста, в доме Степанова.

Дружески жму Вам руку, любезный Лев Николаевич, и желаю Вам всего хорошего, начиная с здоровья. Остаюсь душевно Вас уважающий

Иван Тургенев.

440. Н. А. НЕКРАСОВУ

11 (23) октября 1855. Москва

Вторник, 11-го сент.[a] 1855.
Москва.

Милый Некрасов, мы с Боткиным выезжаем послезавтра отсюда и, стало быть, в пятницу тебя увидим [1] — я теперь хочу только пожать тебе руку в ответ на твое письмо к Боткину [2] — как на сражении товарищ жмет товарищу руку, когда картечь вырывает лучших из рядов. Смерть бьет жестоко и неутомимо — но нечего делать! Пока живешь, надо жить и действовать. До свидания. Повесть [3] я везу с собою.

Твой
Ив. Тургенев [4].

441. С. Т. АКСАКОВУ

16 (28) октября 1855. Петербург

С. Петербург.
16-го октября 1855.

Я проехал через Москву — и не был у Вас, любезный и почтенный Сергей Тимофеевич,— дела, не терпящие отлагательства, требовали моего присутствия в Петербурге — но я бы всё-таки сдержал мое обещание, если бы я не имел твердой надежды увидеть Вас в декабре. 12-го декабря я *обязан* быть на выборах по Тульской губернии, и я на возвратном пути побываю у Вас несомненно [1]. Мне так хочется переговорить с Вами о многом, многом... время, в которое мы живем, принадлежит к числу тех, которые повторяются слишком редко — и все люди мыслящие, любящие свою родину, должны желать сближения и духовного сообщения.

Напишите мне несколько строчек по прежнему адрессу (на Фонтанке, близ Аничкова моста, в доме Степанова). Что делает Ваша «Хроника» [2], и увеличивается ли вероятность увидеть ее в печати?

Я приехал в Москву к самому дню похорон Грановского [3]. Давно ничего так на меня не подействовало. Потерять этого человека в теперешнюю минуту — слишком горько — с этим, вероятно, согласятся все, к какому бы образу мыслей ни принадлежали. Самые похороны были каким-то событием — и трогательным — и возвы-

---

[a] *Так в подлиннике.*

шенным. Вы, наверное, заметили в «Московских ведомостях» статью о Грановском, подписанную: Студент ***. Превосходная вещь — желал бы я знать, кто этот студент? [4] Я написал о Гр⟨ановском⟩ небольшую статью, которая появится в «Современнике» [5].— Повесть, написанная мною летом, будет помещена в январской книжке «Совр⟨еменник⟩а» [6]. Я Вам прочту ее в декабре.

Сообщите мне какие-нибудь известия об Иване Сергеевиче [7]. Кланяюсь всему Вашему семейству — Вас и К⟨онстантина⟩ С⟨ергеевича⟩ обнимаю дружески и желаю вам всего хорошего. Будьте здоровы, пишите мне и до свиданья.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

442. М. Н. и В. П. ТОЛСТЫМ

17 (29) октября 1855. Петербург

С. Петербург.
17-го октября 1855.

Любезные друзья мои, я дня четыре тому назад приехал благополучно в Петербург [1] — и нашел всех друзей на старых местах, Некрасов поправляется [2] (фотограф его вышлется Вам, графиня, с первой оказией) и т. д. Мне предстоит много дела — и разъездов — времени собственно для себя останется мало. Считайте нынешнее письмо не более как за дружелюбный поклон, который я посылаю вам. Напишите мне, что вы все делаете — и как ваше здоровье. Жду также от вас музыкальных поручений, которые исполню все в точности. — Повесть я свою прочел — она понравилась — но мне сделали несколько дельных замечаний, которые я принял к сведению [3]. Я приехал сюда с Боткиным — и он и Дружинин вам кланяются [4]. Напишите мне, бываете ли вы в Спасском. Новостей особенных никаких нет — об отставке Клейнмихеля вы уже, вероятно, слышали [5]. Я достал в целости статью Льва Николаевича — и уже велел списать ее для вас. Страшная вещь [6]! Если вы получите письмо на ваше имя, с просьбою переслать его к нему, сделайте это без отлагательства [7].

Пока прощайте — будьте здоровы и пишите мне.

Душевно вам преданный
Ив. Тургенев.

443. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

24 октября (5 ноября) 1855. Петербург

Любезный Полонский,

в середу дают на театре мою пиеску — и потому вечер отменяется — но так как в пятницу мое рождение, то я прошу Вас ко мне в пятницу на вечер.

До свидания.

Ваш
Ив. Тургенев.

Понедельник.

444. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Середина 20-х чисел октября ст. ст. 1855. Петербург

Оставляю Вашему с⟨иятельст⟩ву [1] мою безделку. Если ошибки, которыми усеяна эта корректура, помешают Вам читать ее — и Вы пожелаете, чтобы я прочел ее Вам, то будьте так добры и дайте мне знать, когда к Вам явиться. Живу я отсюда близко — в доме Степанова, на Фонтанке — возле Аничкова моста.

Остаюсь с душевным уважением
преданный Вам
Ив. Тургенев.

445. Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

27 октября (8 ноября) 1855. Петербург

С. Петербург.
27-го октября 1855.

Милый дядя,

Спешу поздравить тебя с рождением дочки (я заметил, что в Спасском всё дочери родятся) [1] — и желаю от души, чтобы ты дождался ее свадьбы. Поздравь от меня также Елизавету Семеновну. Надеюсь, что к получению этого письма она уже будет на ногах.

Ты мне ничего не пишешь об Анне Семеновне — значит, она здорова. Кланяюсь ей. Колбасин всем вам кланяется [2] — и Дружинин [3] также.

Я, слава богу, здоров — и очень озабочен разными хлопотами по моей, т. е. литературной, части. В Петербурге ожидают возвращения государя [4] — и для нас, маленьких людей, этот приезд был бы очень благодетелен — а то ценсура опять начинает кусаться. Все наши надежды на него.

Рад я, что тебе удалось порядочно поохотиться. Какая собака больше всех отличается?

Сожалею я очень о денежном стеснении. Что делать! Такие стоят времена. Пока — мне денег не нужно, но к 1-му декабрю — я бы желал получить рублей 300.

Я в Москве заплатил Федору Лабанову 10 руб. сер. за возобновление пачпортов двум девочкам — он мне дал их имена, но я бумажку эту потерял — ты можешь велеть у него справиться.

На «Nouvelliste» я подписался [5]. Ты, наверное, уже получил все московские посылки?

Здешние приятели едят мои деревенские варенья и не нахвалятся.

Дело брата благополучно кончилось [6]. Это уже теперь решено и подписано — и он может быть совершенно спокойным.

Прощай, милый дядя. Обнимаю тебя и всех твоих. Кланяюсь Толстым. Будьте все здоровы.

Любящий тебя
Ив. Тургенев.

446. П. А. ПЛЕТНЕВУ

13 (25) ноября 1855. Петербург

Вот уже пятый день, любезный и почтенный Петр Александрович — как меня мучит лихорадка; и хотя мне сегодня легче, но выезжать я еще не могу — и потому лишен удовольствия быть у Вас сегодня вечером. Если только здоровье мое мне позволит, непременно явлюсь к Вам будущее воскресение.

С истинным уважением остаюсь
искренно Вам преданный
Ив. Тургенев.

Воскресение,
10 ч. утра.

447. С. Т. АКСАКОВУ

19 ноября (1 декабря) 1855. Петербург

С. Петербург.
19-го ноября 1855.

Не понимаю, вследствие чего письмо Ваше, любезный и почтенный Сергей Тимофеевич — дошло до меня только сегодня поутру — и я спешу Вам ответить [1]. Вот что я намерен сделать насчет щепкинского юбилея. В теченье трех дней — соберу на листе ото всех знакомых литераторов приношения для обеда и подарка — и тотчас пошлю их вместе с листом к Вам [2]. Время, к сожалению,

так коротко, что извернуться почти нельзя. Сам я в Москву теперь никак поехать не могу — напишите мне, пожалуйста, когда именно назначен день юбилея — я бы мог, кроме листа, прислать письмо от имени здешних литераторов и художников к тому дню. Ужасно жалко, что я обо всем этом известился так поздно.

Я лучше всех знаю, как глупо поступил я с «П〈остоялы〉м двором» [3] — но, во-первых, я сговорчив и уступчив до нелепости за неимением характера — а во-вторых, меня убеждали во имя журнала (роковой 11-ой книжки, которая так действует на подписку) — нечего было поместить, авторы не прислали своих статей и т. д. Я махнул рукой и согласился. Литературная репутация моя не такая, чтобы дрожать над ней — не первая глупость — и увы! вероятно, не последняя.

Вместе с листом и деньгами Вы получите письмо потолковее этого — а теперь я спешу — рад, что Вы в Москве и здоровы — до свиданья — жму Вам дружески руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

448. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

23 ноября (5 декабря) 1855. Петербург

Я приезжал к В〈аше〉му сиятельству по следующему делу. Сегодня я получил из Москвы телеграфическую депешу [1] о том, что в субботу, 26-го ноября, дается московскими литераторами обед М. С. Щепкину, по поводу 50-летнего юбилея его сценической деятельности [2]. Мы, т. е. здешние литераторы (в числе их кн. Одоевский, Соллогуб и др.), желаем послать ему несколько поздравительных строк от нашего имени — и для этого у меня сегодня собираются вечером [3]. Не зная, угодно ли будет Вам подписаться также [4], мы во всяком случае положили известить Вас об этом и спросить Вашего мнения. Позвольте мне явиться сегодня вечером в 8-м часу с черновою (или позже). Письмо должно непременно отправиться завтра — а то не поспеет.

Остаюсь с совершенным уважением
Ваш покорнейший слуга
Середа, 4 ч. Ив. Тургенев.

449. М. Н. КАТКОВУ

28 ноября (10 декабря) 1855. Петербург

Любезный Катков,

Корш сказал мне, что В⟨ы⟩[a] желаете знать заглавие ⟨моего рассказа⟩, ⟨п⟩редназначе⟨нно⟩го в Ваш ⟨журнал⟩ — вот оно: «Призра⟨ки⟩», расс⟨каз⟩ И. Т. Готов он будет к 15-му и непременно уже к 20-му декабря — и тотчас же Вам перешлется [1].

До свидания — желаю Вам всего хорошего.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

С. Петербург.
28-го нояб. 1855.

450. М. Н. ТОЛСТОЙ

30 ноября (12 декабря) 1855. Петербург

Любезные друзья!

Прежде всего извините меня, что я не отвечал на Ваше письмо, милая графиня [1],— а теперь скажу только 2 слова: Лев Николаевич у Вас такой отличный брат, какого, я думаю, нет другого — т. е. я хочу сказать, он милейший человек,— и я его полюбил от души [2]. В другой раз напишу письмо к Вам, графиня,— а это — не письмо, а только восклицание. Обнимаю вас всех.

Ваш
Тургенев.

451. В. П. БОТКИНУ

3 (15) декабря 1855. Петербург

С. Петербург.
3-го декабря 1855.

Милый Боткин,

Едва ли не каждый день собирался я к тебе писать — да всё представлялись разные помехи. Но получив твое милое письмо [1], я тотчас взялся за перо. Очень рад, что портрет мой доставляет тебе некоторое удовольствие — если он глядит на тебя дружелюбно — значит, он похож[2].— Ты уже знаешь от Некрасова, что Толстой здесь и живет у меня [3]. Очень бы я хотел, чтобы ты с ним познакомился.

---

[a] *Здесь и далее бумага повреждена.*

Человек он в высшей степени симпатичный и оригинальный. Но кого бы ты не узнал — это меня, твоего покорного слугу. Вообрази ты себе меня, разъезжающего по загородным лореточным балам, влюбленного в прелестную польку, дарящего ей серебряные сервизы и провожающего с нею ночи до 8 часов утра! Не правда ли — неожиданно и не похоже на меня? И между тем оно так. Но теперь я объелся по горло — и хочу снова войти в свою колею — жить философом и работать — а то в мои лета стыдно дурачиться!

Я уже многое переделал в «Рудине» и прибавил к нему [4]. Некрасов доволен тем, что я прочел ему,— но еще мне остается потрудиться над ним. К 15-му числу, я надеюсь — всё будет кончено. Пожалуйста, приезжай— мне так хочется, чтобы ты здесь застал Толстого. Он бы уже уехал, вследствие полученного письма из деревни — если б не случилось обстоятельства, задержавшего его [5]. Он тебе чрезвычайно понравится — ты увидишь!

Воображаю себе, что ты не очень должен веселиться в Москве [6]. Приезжай — и Некрасову ты этим сделаешь великое удовольствие. Здоровье его не хуже прежнего — но он, кажется, хандрит.

Кстати, повар Петр просит меня убедительно напомнить тебе о нем для Купеческого московского клуба — а то говорят, d'autres se mettent sur les rangs — а лучшего повара вы не найдете.

Здесь все обрадованы сдачей Карса. Да и слава богу, наконец! [7]

Жажду тебя видеть — приезжай — покажу тебе Надежду Николаевну — ты в нее влюбишься [8].

До свидания — обнимаю тебя.

Твой

Ив. Тургенев.

452. Н. А. НЕКРАСОВУ

5—6 (17—18) (?) декабря 1855. Петербург

Я бы давно у тебя был, да у меня вскочил ⟨- - -⟩ ⟨- - -⟩какой-то безобразный чирей, который мешает мне выходить — я прикладываю припарки и сижу дома.— Толстому я скажу — он еще спит [1]. Он у тебя будет. Если можно, я у тебя буду завтра.

Тв⟨ой⟩

Ив. Тургенев.

На обороте:

Н. А. Некрасову.

453. М. Н. и В. П. ТОЛСТЫМ

8 (20) декабря 1855. Петербург

С. Петербург.
8-го декабря 1855 г.

Начинаю с того, любезные друзья мои, что во всеуслышание объявляю, что виноват перед вами, особенно перед Вами, милая графиня,— а Вы знаете, повинной головы меч не рубит. Впрочем, я должен сказать, что, вероятно, давно бы написал Вам, если б не приезд Вашего брата, который выбил меня на некоторое время из колеи[1]— теперь я опять попал в нее. Зато я подвергся какому-то карбункулообразному чирею на животе, мне его разрезали — т. е. чирей, а не живот — я кричал, как заяц — ужасно было больно — однако мне теперь лучше — но я всё еще не выезжаю — и дней 6 еще буду сидеть дома. Вы видите, что я не одною мнительностью болен; воля Ваша, от одной мнительности чирей не вскочит. Ну-с, доложу Вам — что у Вас за брат! Я его прозвал за его буйность, дикое упорство и праздность — Троглодитом — и даже остервенелым Троглодитом — что не мешает мне, однако, любить его от души и ворчать на него беспрестанно, как рассудительный дядя на взбалмошного племянника.

Много разных неистовств успел он наделать с тех пор, как приехал — в карты, однако, не играл — и пьянству не предавался. Когда-нибудь расскажу Вам в подробности все его поступки — причину, почему он выехать не мог [2] — и т. д. Теперь скажу только, что он прочел нам некоторые отрывки из новых своих вещей — превосходные [3], и вообще — если он сам не искалечит своего таланта, он уйдет очень далеко из вида ото всех нас. Здоровье его теперь удовлетворительно — и я стараюсь удерживать его в четырех стенах. Иславин часто к нам ходит [4] — я очень полюбил его — особенно за то, что он сам весьма привязан к Троглодиту, о котором мы часто толкуем с ним, причем дело не обходится без вздохов, возведений очей к небу и пожимания плечей.

Музыка, которую Вы желаете, графиня, завтра же к Вам вышлется.

Здесь довольно много новостей — но не обо всех удобно писать. На днях давали в шахматном клубе обед Тотлебену [5], на котором мой проклятый карбункул помешал мне присутствовать. Очень было шумно и оживленно — произносились речи и читались стихи — все морские ге-

рои Севастополя (Шварц, Жерве и др.) присутствовали — Майков читал стихи — особенно понравилось следующее четверостишие:

Нахимов подвиг молодецкой
Свершил как труженик-солдат,
Душой не сознавая детской,
Как он был прост, велик и свят...[6]

Жаль только, что под конец вышел маленький скандал: ученого Якоби (изобретателя гальванопластики) — за его нетрезвые и дерзкие речи — поколотили немножко, в чем он потом извинялся [7].

Троглодит перезнакомился здесь со всеми литераторами. Он вообще всем нравится, потому что в нем действительно много достолюбезного [8]; как ему понравились литераторы — это он сам вам расскажет [9]. Он, кажется, здесь не скучает — но погряз в праздности, как в трактирном пуховике. Я ему дам прочесть это письмо — пусть казнится!

Что вам еще сказать? В опере я был всего два раза — идет она довольно плохо. Нет отличной первой певицы, хотя г-жа Бозио и не дурна. Понравился мне «Трубадур» (новая опера Верди), против которого я, как вообще против Верди, имел сильнейшее предубеждение — но особенно одна сцена в последнем акте удивительно хороша и поэтична [10].

Колбасин здоров и кланяется вам. Он трудится теперь над большой биографической статьей о Мартынове, переводчике древних классиков. Этот Мартынов был человек чрезвычайно замечательный — и статья, по словам Некрасова, выходит интересная [11].

Очень жалею о несчастье, постигшем семейство барона Дельвига. Но где он сам? Если здесь — то почему не приходит он ко мне?

Кланяюсь всем добрым знакомым — и жму вам всем крепко руки. Если Ник⟨олай⟩ Ник⟨олаевич⟩ еще у вас, обнимите его от моего имени.

Будьте здоровы и благоденствуйте. До следующего письма.

Ваш
Ив. Тургенев.

454. П. В. АННЕНКОВУ

9 (21) декабря 1855. Петербург

С. Петербург.
9 декабря 1855.

Это просто ни на что не похоже, любезный Анненков, что Вас до сих пор нет в Петербурге (впрочем, это, может быть, не от Вас зависит) — а главное — что Вы даже весточки от себя никому не даете! [1] С тех пор, как я здесь, я каждый день собирался Вам писать — и всё откладывал, в надежде, что либо Вы сами вдруг явитесь ко мне в комнатку с саком в руке (помните — как в Петергофе? [2] Какое это было для меня приятное зрелище! Ведь Вы знаете, я чувствую к Вам «влеченье, род недуга» [3]) — либо, что получу от Вас листик почтовой бумаги, испещренный Вашими любезными каракулями — но от Вас ни слуху ни духу — и я решился наконец писать Вам!.. О, друг мой П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩! Ваше отсутствие очень неприятно всем нам, и Вам самим оно будет огорчительно. Вообразите: вот уже более двух недель как у меня живет Толстой (Л. Н. Т.) — и что бы я дал, чтобы увидать вас обоих вместе! Вы не можете себе представить, что это за милый и замечательный человек — хоть он за дикую ревность и упорство буйволообразное получил от меня название Троглодит. Я его полюбил каким-то странным чувством, похожим на отеческое. Он нам читал начало своей «Юности» [4] и начало другого романа [5]. О — есть вещи великолепные! Вообще литература теперь en grand comlpet. Между прочим, Огарев здесь — и написал небольшую, Вам, неблагодарный человек, посвященную поэму — «Зимний путь» [6], истинный chef-d'œuvre, в котором он совместил всю свою поэзию, всего себя со всей своей задушевной и задумчивой прелестью. Мы с Толстым уже три раза упивались этим нектаром.— Некрасов уже более трех месяцев не выходит — он слаб и хандрит по временам — но ему лучше — а как он весь просветлел и умягчился под влиянием болезни, что из него вышло — какой прелестный, оригинальный ум у него выработался — это надобно видеть, описать этого нельзя. Прилагаю Вам стихотворение, написанное им вчера [7] — и еще далеко не обделанное. Посмотрите-ка! Остальные все литераторы также очень милы в своем роде — у меня terrain neutre — и все часто сходятся — даже Соллогуб приносит ко мне свои влачащиеся ноги, палец за жилетом и язык, упертый в щеку — и старается быть добрым

малым. Новые лица, которых Вы знаете мало, или не знаете вовсе — показались — один князь Долгорукий, музыкант и пр. и пр. Даже с лоретками я сошелся — и ко мне ходит премилая полячка, в которую Вы бы влюбились непременно.— А я-то сам? За что же Вы меня покинули и обидели? Вот я теперь принужден печатать свою новую вещь, и не прочтя ее Вам — разве это хорошо? — Спасибо, по крайней мере, Боткину (он на днях опять сюда прибудет из Москвы) и Некрасову — они мне много помогли...[8] Эх, батюшка П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ — коли уж над Вами такая беда стряслась и Вы приехать не можете надолго, хоть отпуск возьмите на праздники — и во всяком случае не упорствуйте в своем тупом молчании.

Мое здоровье всё время было очень недурно — да вдруг у меня сел на живот какой-то поганый чирей вроде карбункула — я подвергся ужасно мучительной операции — кричал под ножом, как заяц в зубах у собаки — однако мне теперь лучше, хотя я всё еще не выхожу. Однако у меня едва осталось место для стихотворения Некрасова — повторяю — оно очень необделано.

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу.
Довольно мы с тобою проклинали —
Один я умираю и молчу.
Довольно нам оплакивать потери,
Хандрить, грустить и больше ничего...[9]
Мне самому, как скрып тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.
Увы! зачем, ненастьем и грозою
Мои младые годы омрача[10],
Не просветлеет небо надо мною,
Не бросит в душу теплого луча! —
Зачем в тюрьму с тяжелыми замками
Не постучится ласково любовь —
Где мысль моя, пробитая гвоздями,
Закованная в цепи, точит кровь?
Когда б мои угомонились муки
И на душу сошел желанный мир —
Нашел бы я тогда другие звуки,
Другую Музу позвал бы на пир...
Волшебный луч любви и возрожденья!
Я звал тебя во сне и наяву —
В труде, в борьбе, на рубеже паденья
Я звал тебя... но больше не зову...[11]

Той бездны сам я не хотел бы видеть —
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.— [12]

Последние восемь стихов поразительны. Пишите мне — мой адресс тот же, у Аничкова моста, на Фонтанке, в доме Степанова.

Обнимаю Вас.

Ваш Ив. Тургенев.

P. S. Пишу Вам в Симбирск, хотя, может быть, Вы в Нижнем; но если письмо мое не дойдет до Вас, то пеняйте сами на себя.

455. Н. А. НЕКРАСОВУ

10—11 (22—23) (?) декабря 1855. Петербург

Мне гораздо лучше, милый Некрасов — и я думаю, что выеду дня через 3 или 4; за деньги благодарю — «Рудина» (1-ю часть) пришлю тебе сегодня же [1]. Я теперь ее окончательно прохожу — прочти (я замечу страницу) импровизацию Рудина [2] — и скажи, так ли — исправить еще можно. — Толстой сегодня выехать не может — у него горло разболелось. Мы с ним, впрочем, не хандрим. До свидания — будь ты здоров.

Тв⟨ой⟩
И. Т.

На обороте:
Н. А. Некрасову.

456. М. Н. КАТКОВУ

13 (25) декабря 1855. Петербург

С. Петербург.
13-го декабря 1855.

Мне чрезвычайно досадно, любезный Катков, что в ответ на Ваше любезное и лестное письмо [1] я должен Вас уведомить, что я не буду в состоянии выслать Вам мою вещь к 20-му дек⟨абря⟩ [2]. Причиною тому моя двухнедельная болезнь (у меня на животе появилось нечто вроде карбункула — я подвергся мучительной операции — и только вчера в первый раз выехал). Я почти всё время лежал и чувствовал совершенную невозможность работать. Этот, как говорят немцы, Strich durch die Rechnung —

лишает меня удовольствия видеть свою статью напечатанною в 1-м Номере «Русского вестника» — хотя я и с нынешнего утра и принялся за нее опять. Я не буду в состоянии окончить ее раньше 1-го января и привезу Вам ее сам — я 8-го янв⟨аря⟩ должен быть на выборах в Туле — и 3-го или 4-го буду в Москве [3] (если опять не случится что-нибудь вроде карбункула). Повторяю — мне это очень досадно — но право, я не виноват. Уверяю Вас, что содействовать, по мере сил моих, успеху Вашего журнала — одна из приятных надежд моих — и я постараюсь это доказать Вам на деле [4].

Итак — извините невольное замедление — и до свидания в генваре.— Будьте здоровы и поклонитесь всем московским приятелям. Остаюсь

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

457. А. В. НИКИТЕНКО

14 (26) декабря 1855. Петербург

Сегодня вечером, многоуважаемый Александр Васильевич, Огарев читает у меня свою поэму. Не придете ли Вы часов в 9, прежде чем идти к Норову? Вы бы всех нас — и меня в особенности — очень этим обрадовали.

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Середа. Ив. Тургенев.

На обороте:

Его превосходительству
Александру Васильевичу
Никитенко.
На Владимирской, в доме Фридрихса.

458. Н. А. НЕКРАСОВУ

14—15 (26—27) (?) декабря 1855. Петербург

Милый Некрасов — я выздоровел и желаю тебя видеть — и потому предваряю тебя, что мы с Т⟨олсты⟩м у тебя сегодня обедаем [1] — а зайду я к тебе раньше, часа в 2. До свидания.

Твой
И. Тургенев.

P. S. Посылаю тебе в подарок мою фотографию — жаль, что немного мрачна вышла.

459. А. В. НИКИТЕНКО

Декабрь 1855. Петербург

Любезнейший и почтеннейший Александр Васильевич. Вам известно дело о посвящении Фетом Горация государю [1] — но так как он сам сюда приехать не может, то могу ли я от своего имени, как издатель его Горация и его доверенный, написать просьбу г-ну министру с приложением документа о разрешении посвящения? И если я могу это сделать, то не будете ли Вы так добры, не позволите ли Вы явиться к Вам сегодня (и назначьте час) — для прочтения Вам этой просьбы?

С истинным уважением и преданностью остаюсь

душевно преданный

Вторник. Ив. Тургенев.

460. Н. П. ОГАРЕВУ

Декабрь 1855. Петербург

Любезный Огарев, что же Вы мне не прислали Вашей поэмы? Пожалуйста, пришлите с этим посланным — если не для цензуры, то для меня — я Вам в целости возвращу [1].

Ваш

Ив. Тургенев.

На обороте:

Николаю Платоновичу

Огареву.

На углу Малой Морской и Вознесенской,

в доме Митусова, у Рослякова.

461. А. А. КРАЕВСКОМУ

14 (26) октября—конец 1855. Петербург

Любезный Краевский,

Прежде всего не приходите в недоуменье насчет 250 руб., которые я Вам возвращаю — вот в чем дело: подумавши хорошенько, я чувствую, что не могу ни перед Вами, ни перед публикой ручаться в том, что в теченье года окончу мой роман, как бы я желал того: роман, и особенно первый, дело нешуточное — и мне не хотелось бы, чтобы первый блин вышел комом. С другой стороны, для устранения всяких недоразумений, *даю Вам слово*, что если я решусь напечатать свой роман не отдельно, а в

журнале — то он *явится не иначе как в «Отечественных записках»* [1]. В этом Вы можете быть уверены. Мне прислали деньги из деревни — и это мне дало возможность, не стесняя себя, возвратить эти 250 руб.

Еще раз прошу у Вас извинения в причиняемом Вам недоуменье — но я надеюсь, что Вы оцените причины, побудившие меня поступить так. Вместе с тем повторяю Вам мое обещание к концу года представить Вам повесть, за которую примусь сурьезно с завтрашнего же дня.

До свидания в четверг — и будьте здоровы.

Преданный Вам

Вторник. Ив. Тургенев.

462. А. А. ФЕТУ

16 (28) октября—конец 1855. Петербург

Не мучьтесь более над стихом «На суку извилистом и чудном»: Дружинин растолковал нам, что фантастическая жар-птица и на плафоне, и в стихах может сидеть только на извилистом и чудном суку рококо. И мы согласились, что этого стиха трогать не надо [1].

463. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

1846 или 1851—1855 (?). Петербург

Майков поручил мне от Вашего имени, любезный князь, написать что-нибудь в альбом, который будет на днях разыгрываться. Исполняю с удовольствием Ваше желанье — и возвращаю Ваш листок [1].

Преданный Вам душевно

Ив. Тургенев.

464. С. Т. АКСАКОВУ

22 января (3 февраля) 1856. Петербург

22-го января 1856 г.
С. Петербург.

Сколько раз я принимался Вам писать, любезный и почтенный Сергей Тимофеевич... я уж и счет потерял! Причина всех этих отсрочек состояла отчасти в том, что я сам надеялся попасть в Москву и лично увидеть Вас — но разные дела и хлопоты воспрепятствовали исполнению моего намерения — и теперь я раньше марта в Москву не приеду [1].— Прежде всего глубокий поклон и искреннее спасибо Вам от моего лица и от лица всех русских читателей за издание Вашей книги, которой я зачитываюсь теперь всласть (я себе достал экземпляр еще прежде получения того, который Вы мне прислали, за что Вам вторичное спасибо). Эта Ваша книга такая прелесть, что и сказать нельзя. Вот он настоящий тон и стиль — вот русская жизнь, вот задатки будущего русского романа. Я еще не встречал человека, на которого бы Ваша книга не произвела бы самого приятного впечатления! [2] Вы должны теперь писать и писать, когда вздумается — выйдет непременно отлично.

Я видел здесь раза два Хомякова — и узнал от него подробности о Вашем житье-бытье. Он Вам также порасскажет об нас— говорит, он скоро едет. Переговорил бы я много с Вами, если бы увидался — а писать как-то неловко.

Боюсь я, что Вы не останетесь ⟨довольны?⟩[a] последними напечатанными мною вещами [3]. Задача была трудная — и я, кажется, не совладел с нею. Слишком близко стоял я ко всему этому — надо было бы дать еще году пройти.

«Русский вестник» — до сих пор не очень блистателен — 2-й №, однако, лучше первого. Что же скажет «Русская беседа» — если только получится на нее разрешение [4]. Поклонитесь от меня всем Вашим. Господи,

[a] *В тексте публикации слово пропущено.*

хоть бы в марте-то увидеться! Я очень нездоров — у меня вскочило нечто вроде карбункула — я должен был подвергнуться операции — но теперь, слава богу, всё идет хорошо.

Желаю Вам всего лучшего, крепко жму Вашу руку — и еще раз спасибо!

Будьте здоровы.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

465. Н. А. НЕКРАСОВУ

Декабрь 1855 — январь 1856. Петербург

Посылаю тебе, любезный Некрасов, корректуру «Рудина» — вышло недоразумение с Тургеневыми [1], дал совсем не ту читать, а эта у меня осталась — ты можешь отправить ее с моим человеком в типографию, а я в два часа буду для чтения сводки.

Тв⟨ой⟩
Ив. Тургенев.

466. В. П. БОТКИНУ

Начало февраля ст. ст. 1856. Петербург

Милый Боткин,

Пишу тебе всего два слова.— Сегодня по почте отправляется к тебе посылка на имя Е. А. Лодыженской [1] — я надеюсь, что ты уже отослал ей письмо, которое я написал ей на твое имя — вот тебе случай познакомиться [2].— Здесь всё идет недурно — 2-ая книжка «Совр⟨еменник⟩а» немного запоздала, но будет очень хороша («Филантропа» пропустили [3]); все тебе кланяются — будь здоров и возвращайся сюда при первой возможности.

До свидания.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Посылка эта состоит в повести г-жи Лодыженской, которую она потребовала к себе обратно [4].

467. В. П. БОТКИНУ

8 (20) февраля 1856. Петербург

С. Петербург.
8-го февр. 1856.

Милый Боткин,

Получил твое письмо о Лодыженской [1]. Характеристика ее так верна, что остается удивляться, почему ты с таким тонким пониманьем человеческих физиономий

никогда ничего не сочинял сам? Посылка (т. е. повесть ее) к тебе уже отправлена — и ты, вероятно, ее уже получил и отвез. Однако я полагаю, тебе все-таки будет приятно знакомство с Лодыженской: она именно +, а не — [2].

Что тебе сказать об нас? Всё идет помаленьку. Я познакомился с Гагариной [3], которая мне чрезвычайно понравилась. Некрасов поправляется. С Толстым я едва ли не рассорился — нет, брат, невозможно, чтоб необразованность не отозвалась так или иначе. Третьего дня, за обедом у Некрасова, он по поводу Ж. Занд высказал столько пошлостей и грубостей, что передать нельзя. Спор зашел очень далеко — словом — он возмутил всех и показал себя в весьма невыгодном свете. Когда-нибудь расскажу тебе — а писать неловко [4].

Фет уехал. Стихотворения его все приведены в порядок и уже поступили в цензуру [5]. На днях начнется печатание.

Как в Москве понравилась 2-я книжка «Современника», и какое составилось там окончательное мнение о «Рудине»? Напиши мне это [6]. А 3-я книжка «Русского вестника» недурна [7]. Островский приехал вчера. Я тебе сообщу, какое он произведет здесь впечатление — и какое на него произведут впечатление [8].

Вчера у Штакеншнейдер на домашнем театре давали «Школу гостеприимства» — и она произвела скандал и позор — половина зрителей с омерзением разбежалась — я спрятался и удрал — а Дружинин стоял среди публики, как утес среди волн. Григорович, который всё еще тут витает, совсем не явился. Лучше всего было то, что эту чепуху приписывали мне. Я пережил трудные минуты — да и можно ли было вытащить на свет божий этот фарс, годный только в каникулярные дни в степной деревне? [9]

Третьего дня я был на генеральной репетиции «Чиновника», пьесы Соллогуба. Вера Самойлова очень была мила [10]. Искусственна до конца ногтей,— но и сама пиеса искусственна, точно написана для Gymnase [11], с добродушным полковником, комическим лицом, великодушным jeune premier и кокетливой вдовой. Впрочем, ты знаешь «Чиновника». Ее ставят теперь у Марьи Николаевны [12] — и Соллогуб est redevenu inabordable et insolent. Чёрт с ним!

Прощай, брат, будь здоров. Если ты сам скоро сюда не приедешь, то я увижу тебя в начале марта. Будь здоров и кланяйся всем, которые меня в Москве помнят. Я думаю, тебе кланяться придется не много.

Прощай. Твой

Ив. Тургенев.

468. А. А. КРАЕВСКОМУ

8 (20) февраля 1856. Петербург

Посылаю Вам 3-ю Книгу Горация, любезный Краевский. Статью о Фете напишу с удовольствием — но раньше апрельской книжки ее поместить нельзя [1], потому что Собрание его стихотворений явится только в половине марта. К тому же времени получите Вы (*честное слово!*) мой рассказ, к которому я ежедневно прибавляю понемногу [2]. — Приезд Островского меня рассеял. До свидания завтра.

Ваш
Ив. Тургенев.

Середа.

На обороте:

Андрею Александровичу Краевскому.
(От Тургенева).

469. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

24 февраля (7 марта) 1856 г. Петербург

Я передал графу Толстому приглашение Вашего сиятельства — и он просил меня сообщить Вам, что с удовольствием явится к Вам в субботу, в 10-м часу вечера [1]. — Я приду вместе с ним.

С совершеннейшим уважением и преданностью остаюсь

Ваш покорнейший слуга
Ив. Тургенев.

Пятница
утром.

На обороте:

Его сиятельству
князю Петру Андреевичу Вяземскому.
(От Тургенева).

470. С. Т. АКСАКОВУ

27 февраля (10 марта) 1856. Петербург

С. Петербург.
27-го февр. 1856.
Понедельник.

Любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, я получил Ваше письмо от 18-го числа, и хотя чувствую, что отвечу не многими словами, но решаюсь отвечать, чтобы не

откладывать письма в долгий ящик. Мною овладело в последнее время какое-то беспокойство, которое не дает мне ничем заняться последовательно. В голове точно дым бродит какой-то, и на сердце не совсем легко. Это всё пройдет — и уже бывало со мной; я Вам пишу об этом только для того, чтобы наперед извиниться в незначительности моего письма.

Ваше мнение о 2-й части моей повести меня искренно обрадовало — Вы знаете, как я дорожу Вашим мнением. Мне приятно также и то, что Вы не ищете в «Рудине» копии с какого-нибудь известного лица...[1] Уж коли с кого списывать, так с себя начинать.

В «Петербургских ведомостях» подвизаются на критическом поприще какие-то баши-бузуки — и потому от них нечего ждать, чтобы они уважали приличия [2]. Впрочем, никто на них и не обращает внимания. В «Современнике» — в мартовском нумере — явится статья об Вас, Анненкова, которою, я надеюсь, Вы останетесь довольны [3]. Толстому я передал Ваш поклон и Ваше поручение. Он написал превосходный рассказ, под названием «Метель». Вы увидите его в мартовской книжке «Совр⟨емен-ник⟩а» [4].

Я уже боюсь говорить Вам, когда я прибуду в Москву — чувствую, что изверился — но все-таки мне кажется, что если я буду жив и здоров — в половине марта Вас увижу [5]. А до тех пор будьте здоровы и веселы — кланяюсь Вам и всем Вашим.

Душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

471. Г. П. ДАНИЛЕВСКОМУ

Февраль — начало апреля ст. ст. 1856. Петербург

Милостивый государь

Григорий Петрович,

Гр. Толстой живет в Офицерской, возле Вознесенской (в третьем доме направо от Вознесенской, если идти от Синего моста) — в доме Якобса, на квартере № 13.

Посылаю Вам брошюрки на Ваше имя — и также прошу Вас сделать одолжение доставить приложенные брошюры [1] кн. Вяземскому [2] и г-ну Сухонину [3], адресс которого мне неизвестен.

Примите уверение в совершенном уважении, с которым остаюсь

Ваш покорнейший слуга

Вторник. Ив. Тургенев.

472. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

15 (27) марта 1856. Петербург

Я к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбой. Вы были так добры и изъявили участие к Огареву — не можете ли Вы написать мне небольшую записку, в которой Вы бы сказали, что, кроме зачеркнутых мест, Вы не находите в его поэме ничего противоцензурного [1]. Я бы мог сослаться тогда на Вашу записку — как я уже сделал это однажды — и, наверное, с тем же успехом. Чувствую, что это значит злоупотреблять Вашей снисходительностью — но к кому же прибегать нашему брату литератору, как не к Вам? [2]

В ожиданье одобрительного ответа, покорнейше прошу Ваше сиятельство принять уверение в искреннем чувстве глубочайшего уважения, с которым остаюсь

Вашим покорнейшим слугою
Ив. Тургенев.

P.S. Четверг. Прилагаю при сем поэму Огарева и билет Вашего с⟨иятельст⟩ва на филармонический концерт, за который благодарю. Зачеркнутые строки находятся на страницах: 9 и 10, 15 и 16 и 28-й.

473. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

3 (15) апреля 1856. Петербург

Решаюсь обратиться к Вашему сиятельству с просьбой, хотя мне и совестно Вас так часто беспокоить. Вот в чем дело: я продал г-ну Анненкову полное собрание моих напечатанных повестей и рассказов (исключая «Записок охотника») [1]; цензор (Гончаров) не затрудняется допустить их к перепечатанию — но об одной из этих повестей под названием «Муму» — существует какое-то замечание, сделанное еще покойным кн. Ширинским-Шихматовым [2]; это его затрудняет, хотя в самом рассказе он не находит ничего предосудительного. Не соблаговолите ли Вы замолвить словечко, чтобы это замечание, сделанное два года тому назад — не имело бы действия теперь? [3] Печатать же мои повести без этой «Муму» — было бы, может быть, не совсем благовидно, ибо эту повесть знают в публике — и в ней самой нет ничего резкого, в чем, я надеюсь, Вы удостоверитесь сами, если ее прочтете. Я ее при сем прилагаю. А Гончарову нужно только одно слово [4]. Я бы лично явился к Вам, но вот уже 5-й день, как я, по болезни, сижу дома.

Примите, Ваше сиятельство, уверение в совершенной преданности и глубокого уважения

Вашего покорнейшего слуги
Ив. Тургенева.

Вторник.

474. ПОЛИНЕ ВИАРДО

15, 29 апреля (27 апреля, 11мая) 1856. С.-Петербург

St. Pétersbourg,
ce 15/27 avril 1856.

J'ai attendu jusqu'à présent une réponse à ma dernière lettre, chère Madame Viardot — à la lettre dans laquelle je vous priais de me faire savoir où vous comptiez passer l'été [1]— mais — ou vous ne m'avez pas répondu — ou votre réponse s'est perdue en route.— Je quitte P⟨étersbour⟩g après-demain — je vais à Moscou et de là à Spasskoïé — je compte y rester jusqu'au mois de juillet [2].— Puis, j'irai à Moscou — l'Empereur devra s'y trouver à cette époque — et je tâcherai d'obtenir une permission de faire un voyage à l'étranger [3].— Si je l'obtiens,— ce qui, par parenthèse, est loin d'être certain, je[a] compte être à Courtavenel pour l'ouverture de la chasse, le 1-er septembre [4].— Si l'on me refuse — je retournerai à Spasskoïé... et alors il est probable que nous ne nous verrons pas de sitôt! — Mais je préfère espérer... Tant de personnes partent — toutes les places des bateaux à vapeur sont retenues jusqu'au mois de juillet...

J'ai lu dans les journaux des comptes rendus de quelques-uns des concerts où vous avez chanté. Il paraît que vous ne faites pas partie de la troupe de Covent-Garden? Cependant, je m'imagine que vous devez aller à Londres et je ne suis pas sûr que cette lettre vous trouve à Paris [5].— C'est à Courtavenel que *nous* ferons de la musique — s' il plaît à Dieu... Ce que je demande au sort pour être heureux est si peu de chose — c'est peut-être une raison pour que cela me soit refusé.

J'ai lu dans le n⁰ du mois de mars de la «Revue des 2 Mondes» ma petite bêtise [6]... Imaginez-vous que le traducteur l'a trouvée encore trop longue et l'a raccourcie de moitié! — Je ne parle pas des contre-sens, des changements qui s'y trouvent à chaque pas. Décidément, être traduit — est une bien vilaine chose.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: tâcherai

Nous avons eu beaucoup de concerts et fort peu de musique pendant le Carême [7]. J'ai entendu la 9-me Symphonie avec chœurs de Beethoven — et j'avoue que les chœurs m'ont paru plus incompréhensibles que jamais.— Mais le scherzo est sublime — et puis le commencement [8].— Glinka est ici et continue à *s'enivrer* et à ne rien faire [9].— Si je vais en France, je vous apporterai un recueil de chansons bohémiennes.

Si vous saviez combien de fois je pense — ou plutôt je rêve à Courtavenel... Je me fais à moi-même un étrange effet, quand je me vois entouré de toutes ces jeunes et nouvelles figures — de tous les souvenirs.— Le paon empaillé existe-t-il encore dans la chambre du billard? — Mes rosiers ont-ils grandi? Ma veste grise ne tombe pas encore en ruines?..

A revoir, theuere Freundinn — je l'espère... Je veux espérer jusqu'au dernier moment.— Je vous écrirai le lendemain de mon arrivée à Spasskoïé. Mais il faut que vous m'écriviez.— Vous m'abandonnez un peu trop.

Vous savez mon adresse:
Орловской губернии, в город Мценск.
Ивану Сергеевичу
Тургеневу.

le 29 avril / 11 mai

J'ai laissé passer encore près de quinze jours — toujours rien de nouveau et pas de lettre de vous.— Je pars demain pour Spasskoïé — je vous envoie cette lettre à Paris, quoique je sois à peu près sûr que vous devez être à Londres.— Mais où vous écrire à Londres? — Je vous en conjure, écrivez-moi deux mots à la campagne et envoyez-moi votre adresse.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

475. А. И. ДАВЫДОВУ

18 (30) апреля 1856. Петербург

Сделайте одолжение, любезный Алексей Ив⟨анович⟩, пришлите мне 1 экз⟨емпляр⟩ Фета [1] в *переплете* — и если у Вас есть, 1 экз⟨емпляр⟩ нового издания Кольцова [2].

Середа. Ив. Тургенев.
18 апр.

476. Л. Л. ДОБРОВОЛЬСКОМУ

27 апреля (9 мая) 1856. Петербург

Милостивый государь
Лаврентий Львович!

Извините меня, если я, не будучи с Вами знакомым, решаюсь обеспокоить Вас просьбой. Вот в чем дело. Вам, может быть, не безызвестно, что я намерен издать собрание моих повестей [1]. Перепечатание одной из них, под именем «Муму» — встретило затруднения [2]. Однако мой знакомый, генерал Ковалевский [3], сказал мне, что получил от г-на министра народного просвещения письмо, в котором он уведомляет его о своем намерении пропустить эту повесть; то, так как я еду отсюда в понедельник, мне бы весьма желательно было узнать окончательное решение министра [4]. Мой ценсор, Гончаров, сегодня справлялся в Ценсурном комитете —и никакого еще решения не было.— Сделайте одолжение, напишите мне в двух словах, в чем дело — и могу ли я надеяться получить какой-нибудь ответ до моего отъезда?

Я бы сам лично к Вам явился — да не решаюсь Вас обеспокоить посещением.

С совершенным уважением и преданностью честь имею пребыть

Ваш покорнейший слуга

Пятница. Ив. Тургенев.

477. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

30 апреля (12 мая) 1856. Петербург

Я желал видеть Ваше с⟨иятельст⟩во перед моим отъездом в деревню [1], чтобы поблагодарить Вас за Ваше ходатайство о моих безделках, о котором мне говорил Гончаров. Хотя оно до сих пор не увенчалось полным успехом — однако я надеюсь, что в субботу дело это окончится так или иначе, и поручаю себя Вашему снисхождению [2].

Вы были так добры и заходили ко мне — но я был в разъездах. Позвольте мне, при прощанье, выразить Вам чувства искреннего уважения и совершенной преданности, с которыми честь имею пребыть

Ваш покорнейший слуга

Понедельник. Ив. Тургенев.

30-го апр. 1856.

478. Н. А. НЕКРАСОВУ

Вторая половина апреля ст. ст. 1856. Петербург

Любезный Некрасов,

Прочти и пришли мне обратно прилагаемое письмо Боткина, — да не заедешь ли ты сам, чтобы переговорить о Григорьеве? Мне нездоровится, и я буду сидеть дома. Если ты поедешь к Дружинину обедать, то извини меня перед ним.

Тв⟨ой⟩
И. Тургенев.

479. Н. А. НЕКРАСОВУ

Январь—апрель 1856. Петербург

Мой Захар так искусно распорядился, что сегодня у меня дров нет и нечем обед готовить — не везут — потому что праздник! Словом, мне приходится просить тебя, чтоб ты дал мне обедать и этому Туру, которого я к тебе приведу. Впрочем, я еще раньше к тебе зайду.

Тв⟨ой⟩
И. Тургенев.

P. S. У меня желудок погиб; кроме бульона я ничего не буду есть.

На обороте:

Николаю Алексеевичу
Некрасову.
(От Тургенева).

480. Н. А. НЕКРАСОВУ

Январь—апрель 1856. Петербург

Любезный Некрасов,

Вот этот писарь Сеников, о котором я тебе говорил — доставь ему какую-нибудь работу — он в крайнем положении.

До свидания сегодня за обедом.

Тв⟨ой⟩
Суббота. И. Тургенев.

На обороте:

Николаю Алексеевичу
Некрасову.
(От Тургенева).

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА к Н. А. НЕКРАСОВУ.
Январь—апрель 1856 г.

481. Н. А. НЕКРАСОВУ

Январь—апрель 1856. Петербург

Любезный Н⟨екрасов⟩,

Пришли мне, пожалуйста, 75 руб. сер.— я взял у Григоровича столько на сохранение и должен был их выдать, а они ему нужны. Да напиши, сколько есть за мною — я думаю, уже близко от тех 1000 р., которые я беру ⟨у⟩ тебя за «З⟨аписки⟩ о⟨хотника⟩»...[1] Кстати, знаешь, что мне Гончаров *сурьёзно* сказал вчера, что он

подпишет их, не читая, если ничего не прибавлено? [2] Возьми это в соображение. Я сегодня у вас обедаю.

Тв⟨ой⟩
И. Тургенев.

P. S. Если можешь, пришли 100.

На обороте:
Н. А. Некрасову.

482. Н. А. ДОЛГОРУКОМУ (?)

Конец 1855—апрель 1856 (?). Петербург

Вакселя зовут Львом Николаевичем, жену его Софьей Карловной, дочь Софьей Львовной; живут они подле Старообрядческой церкви, в доме Сивкова. Вот ответ на Ваш вопрос, любезный Николай Александрович.

До свидания.

Ваш И. Тургенев.

Четверг утром.

483. Б. Н. ЧИЧЕРИНУ

Декабрь 1854—апрель 1856. Петербург

Любезный Чечерин,

Я виноват, вчера вспомнил только в 9 часов наше условие, поскорее приехал домой — но уже не застал Вас. Приходите сегодня обедать, а если не можете, то приходите в $8^1/_2$ ч.; мы вместе отправимся к Виельгорским [1].

До свидания — еще раз прошу извинения в моей забывчивости.

Ваш
Ив. Тургенев.

Понедельник.

На обороте:
Его высокоблагородию
Борису Николаевичу
Чечерину.
На Италиянской, в доме Волоцкой,
на квартире Самарина.

484. Н. А. НЕКРАСОВУ

5 (17) мая 1856. Москва

Любезный Некрасов,

Я приехал вчера, в пятницу — и еду завтра дальше [1]. Видел Аксаковых, которых очень польстило твое мнение об них и о «Русск⟨ой⟩ беседе» [2]. Пожалуйста, если успеешь, вели выпечатать из 7-го (майского) № «Морского сборника» статейку Даля о воспитании [3]. Это вещь необыкновенная, — да о «Русской беседе» потеплее, если еще книжка не вышла. Каткова еще не видал и Григорьева тоже — Григорьева увижу сегодня вечером — и из деревни тебе напишу результат нашего разговора [4]. Прощай, будь здоров, до свидания в Кунцове [5].

Твой
Ив. Тургенев.

Суббота, 6-го [a] мая.
1856. Москва.

485. Д. Я. КОЛБАСИНУ

8 (20) мая 1856. Спасское

С. Спасское.
8-го мая 1856.

Любезный Колбасин,

Я прибыл сюда вчера вечером и нашел, славу богу, всех здоровыми. Вы уже из письма дяди знаете о глупой упрямости Скарятина — через пять дней я Вам вышлю свидетельство тульского предводителя вместе с письмом к Игнатьеву [1]. Дайте мне, пожалуйста, знать о «Муму» и о «Записках» [2]. — Что Некрасов? Кланяюсь всем и каждому. Графиню увижу завтра, в день дядиных именин, и не премину известить родственника [3] обо всем. А впрочем, будьте здоровы, крепко жму Вам руку и остаюсь

душевно Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Напомните Некрасову о высылке «Современника» и «Для легкого чтения» [4].

---

[a] *Так в подлиннике.*

486. М. Н. ТОЛСТОЙ

8 (20) мая 1856. Спасское

Любезнейшая графиня,

Я вчера приехал сюда — гораздо позже, чем думал — и думаю пробыть здесь недель шесть. Очень бы хотелось повидаться и поговорить. Не приедете ли Вы завтра с графом (завтра именины дяди) — мы очень будем рады. Дядя собирался ехать к Вам в воскресение — да услыхал, что Вы нездоровы. Итак, в надежде увидеть Вас завтра, остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. По обычной своей аккуратности я забыл порох — хотя теперь он не нужен — охоты нет, но если есть немного у графа, привезите с собой. Я отдам.

На обороте:

Ее сиятельству
графине Марии Николаевне
Толстой.

487. Е. Е. ЛАМБЕРТ

9 (21) мая 1856. Спасское

С. Спасское.
9-го мая 1856 г.

Любезная графиня,

Спасским называется моя деревня. Она находится в Орловской губернии, в 9 верстах от города Мценска. Она не очень красива,— но в ней есть сад, в котором я провел большую часть моего детства. Я приехал сюда третьего дня — и сегодня сел писать к Вам письмо [1].

Прежде всего мне хочется поблагодарить Вас от души за участие, которое Вы мне оказывали. Я — человек плохо воспитанный и мало знакомый с условиями du savoir vivre, но я умею и люблю быть благодарным.

Мне очень жалко, что я так поздно с Вами познакомился; несмотря на различие наших мнений, между нами есть, если не ошибаюсь — симпатия чувств и ощущений — а эта связь прочнее связи, основанной на тождестве мнений. Но прошедшего не переделаешь — остается, насколько хватает умения, пользоваться настоящим.

Вашей книги я еще не начинал [2]. Я намерен здесь работать — я здесь почти никого не буду видеть, исключая одной графини Толстой, сестры литератора, очень милой

женщины — но с некрасивыми руками,— а для меня это — если не всё, то почти всё.

С тех пор как я здесь, мной овладела внутренняя тревога... Знаю я это чувство! Ах, графиня, какая глупая вещь — потребность счастья — когда уже веры в счастье нет! Однако я надеюсь, всё это угомонится — и я снова, хотя не вполне, приобрету то особенного рода спокойствие, исполненное внутреннего внимания и тихого движепия, которое необходимо писателю — вообще художнику.

Погода еще не совсем хороша. Всё еще как-то грубо и резко — ветер воет, как осенью, мокрые серые тучи несутся и льют тонкий, неприятный дождь,— но всё уже зелено, и сегодня мои собаки издали, на траве, освещенной солнцем, производили картинное впечатление.

Здесь живет мой дядя [3], добрый и простой человек, который управляет моим имением. У него жена — и сестра жены живет вместе с ними. Люди тихие и незатейливые — с ними легко, и я все-таки не совершенно один.

Вы мне говорили, что Вы теперь уже почти ничего не читаете. Возьмитесь за Пушкина в течение лета — я тоже буду его читать, и мы можем говорить о нем. Извините, я Вас еще мало знаю,— но мне кажется, что Вы с намерением, может быть из христианского смирения — стараетесь себя суживать.

Это письмо идет скачками — à bâtons rompus, как говорят французы, но Вы сами этого требовали, то есть Вы требовали — чтобы я писал Вам, что мне придет в голову, а мне в голову мысли приходили именно в том порядке, в каком я Вам излагал их — так что собаки пришлись раньше родственников.

С нетерпением буду ожидать Вашего ответа... Кстати, какие у Вас добрые и милые глаза! Это «*кстати*», может быть, очень не кстати. Вы извините меня, если я в этом случае не должен был написать то, что я подумал.

В г-же Веригиной мне нравится то, что она Вас любит. Поклонитесь ей от меня, если Вы ее увидите [4].

Вообразите, мне вдруг показалось, что письма Вам надобно посылать не в Ревель — а куда-то в другое место — однако все-таки я поставлю на адрессе Ревель [5].

Прощайте, любезная графиня — желаю Вам всего хорошего в мире и остаюсь навсегда

преданный Вам

Ив. Тургенев.

P.S. Мой адресс: Орловской губернии, в город Мценск. Кланяюсь Вашему мужу.

488. Д. Я. КОЛБАСИНУ

13 (25) мая 1856. Спасское

Любезнейший Колбасин,

Посылаю Вам просьбу мою Игнатьеву и свидетельство Тульского губернского предводителя [1]. Пожалуйста, немедленно по получении сего ступайте к Краснокуцкому [2]— и через него или сами подайте эти бумаги Игнатьеву [3]. Принимает он от 11 до 1 часу каждодневно (Вы уж будьте так добры — наденьте фрак) — зовут его Павлом Николаевичем. Запечатайте всё в конверт и т. д. Потом сходите в его канцелярию и скажите, что будете наведываться о том, когда выйдет паспорт — и в случае выхода тотчас дайте мне знать. Извините, что я наваливаю на Вас такую обузу — надеюсь на Вашу снисходительность и дружбу. Чиновника при заграничных паспортах зовут *Куном*. Он меня знает.—Я здесь уже 5-й день, видел графиню, она не совсем здорова — кланяется Вашему брату — но об этом пространнее в другое время.— Жду с нетерпением Вашего извещения об участи «Муму» и «Записок» [4]. Самые лучшие дни для писания в Спасское— от Вас — это *среда* и *суббота*.— Все здешние вам обоим кланяются и желают всяких благ. И вы, пожалуйста, поклонитесь от меня петербургским друзьям.

Душевно преданный Вам

13-го мая 1856. Ив. Тургенев.

С. Спасское.

P. S. Я пишу Игнатьеву [5], что явлюсь за паспортом лично — но это я говорю только для избежания недоразумений и расспросов. Если мне выдадут паспорт — я либо его оставлю в Петербурге до моего приезда, либо попытаюсь поручить Вам его получить по доверенности.

489. В. П. БОТКИНУ

17 (29) мая 1856. Спасское

С. Спасское.

17-го мая 1856.

Caro D⟨on⟩ Basilio [1], не сердись на меня. При всем моем желании, не могу, едва только приехавши и кое-как устроившись [2]— не могу опять оторваться от места и тащиться 300 верст — тем более, что в июле мы, если будем живы и здоровы — непременно увидимся [3]. Я уже

послал отсюда недостававшую бумагу (свидетельство губернского предводителя) [4] — и буду теперь ждать известия о выдаче мне заграничного паспорта. На дороге в Петербург я к тебе заеду и поживу у тебя несколько дней [5]. С тех пор как я уехал из Петербурга — я никакого известия ни о ком не имею. Пожалуйста, извини меня перед теми из приятелей, которые к тебе приедут. Дружинин, наверное, будет — он не то, что наш брат: держит, коли обещает. Что Некрасов — получил ли паспорт и будет ли у тебя? Напиши мне два слова, пожалуйста [6].

А между тем я здесь ничего не делаю — à la lettre ничего. Видно такова судьба моя, чтобы ничего не дать в «Русский вестник» [7]. Ем ужасно (что я масла истребляю, уму непостижимо!). Сплю очень хорошо — читаю историю Греции Грота [8] — и, поверишь ли, мысли — так называемой творческой (хотя между нами сказать, это слово непозволительно дерзко — кто осмелится сказать не в шутку, что он — творец!?), одним словом, никакого сочинения в голове не имеется. Я начал было одну главу следующими (столь новыми) словами: «В один прекрасный день» — потом вымарал «прекрасный» — потом вымарал «один» — потом вымарал всё и написал крупными буквами: ⟨- - -⟩ мать! да на том и покончил. Но я думаю, «Русский вестник» этим не удовлетворится. Вот третий день, как погода поправилась — а то черт знает что за мокрые кислые тряпки висели на небе! Графиню [9] я видел — она не совсем здорова.

Душа моя, обнимаю тебя — и всех друзей из Петербурга. Будьте все здоровы и веселы — а я остаюсь навсегда

твой
Ив. Тургенев.

P. S. Напиши мне хоть несколько строчек — да кстати — не знаешь ли ты, отправил ли дядя Петр Николаевич [10] ко мне моего человека? Его до сих пор нету.

490. В. П. БОТКИНУ

19 (31) мая 1856. Спасское

19-го мая 1856.
С. Спасское.

Я тебе написал письмо [1] о разном вздоре, милый Боткин — а о самом важном позабыл — а именно — я тебя попрошу сделать мне одолжение — и вексель от-

срочить, т. е. переписать еще на год. Деньги за проданный лес пошли на уплату последнего частного долга, доставшегося мне от покойной матери — и который очень меня тревожил. — Ты теперь вексель заяви где следует — а когда я буду в Москве, мы его перепишем [2]. А как подумаю — не приехать ли мне к вам 1 июня? Право, это я сделаю. Напиши мне, кто у тебя есть и будет — и что Некрасов? Едет ли за границу и когда? [3] — Да вот еще моя просьба — узнай от вдовы Белинского — ведь она с прошлой весны процентов не получала? Я могу ей прислать или привезти (если я решусь выехать к 1-му июню) проценты до весны будущего года [4]. А у Петра Николаевича ничего не узнавай — человек мой прибыл.

Жду твоего ответа и обнимаю тебя.

Твой
Ив. Тургенев.

Спасибо за исполнение поручений.

491. Д. Я. КОЛБАСИНУ

21 мая (2 июня) 1856. Спасское

С. Спасское.
21-го мая 1856.
Понедельник.

Любезнейший Дмитрий Яковлевич, я получил Ваше письмо [1] и, для ясности, буду отвечать Вам по пунктам:

1) Очень я рад, что «Муму», наконец, прошла [2] и печатание начнется. На следующей неделе пошлю я Вам поправленные «Три встречи» — а Вас прошу сделать мне одолжение и прислать мне, переписав их — *прибавленные странички* в «Затишье» и «Пасынкове» [3]. Мне кажется, что и там можно кое-что доделать, и притом это будет служить ручательством, что Вы их разобрали.

2) Вы уже, должно быть, давно получили свидетельство Тульского предводителя, посланное к Вам страховым письмом — и уже были у Игнатьева [4]. Но я с нынешней же почтой получил от кн. Одоевской (сестры Ланского, министра внутренних дел) извещение, что «заграничный паспорт для коллежского секретаря Тургенева отослан от Министерства в⟨нутренних⟩ дел к С.-Петербургскому генерал-губернатору 14-го мая за № 881-м» [5]. Стало быть, прошение мое возымело свое действие и пущено в ход, несмотря на недостававшую бумагу. Если это так, батюшка, узнайте, в чем дело — и точно ли ничего не остается более,

как получить паспорт? Если Вам скажут, что — да — то узнайте, через сколько времени от дня получения[a] должен я уехать (говорят, сухим путем через 6 недель, морем через 3 недели) — и всё это напишите мне подробно. В случае, если мне нельзя мешкать, то я Вам пошлю денег на взятие места на штеттинском пароходе ранее 21-го июля (я на 21 июля взял билет) [6] и билет — который, если они не согласятся променять, я надеюсь, можно будет продать. Но я, признаюсь, раньше 21-го июля не желал бы уехать. Словом, узнайте в подробности всё, руководясь вышеозначенным сведением, доставленным кн. Одоевской, и напишите мне аккуратно и не мешкав.

3) Деньги заплатите в шахматный клуб — а я Вам в субботу вышлю 50 руб. сер. с обозначением покупок, которые я попрошу Вас сделать на эту сумму.

4) Толстые (особенно графиня) чрезвычайно интересуются «родственником» — и от души сожалеют, что он не приехал. Если бы я мог предвидеть, как сильно будут о нем вздыхать, я бы притащил его непременно [7]. Они ждут портрета Некрасова, на покупку которого они послали ему деньги [8]. Графиня немного грустна и похудела, граф цветет как пион.

5) Я раз был на охоте, но теперь, кроме коростелей и перепелов, ничего нет.

6) Проходя мимо Давыдова [9], зайдите к нему и напомните, что вместе с «Совр⟨еменником⟩» он хотел прислать мне 2-й том Соловьева [10] и «Для легкого чтения» [11]. Какое впечатление производит 5-й № «Совр⟨еменник⟩а»? [12]

Если бы нужно было мне самому приехать за паспортом, я бы это мог сделать — я без того думал быть у Боткина в Москве около 1-го июня, а там недалеко съездить. Но, впрочем, я должен сказать, что я было раздумал ездить к Боткину. Лень одолела [13].

Что повесть «родственника»? [14] Еще всё нет ответа? Да, что он не пишет ко мне? Чем он теперь занимается?

Здесь погода всё еще неудовлетворительна. Холодно и дожди частые.

Я Вас нагружаю поручениями до непозволительности — но я надеюсь крепко на Вашу доброту и дружбу.— Жму Вам обоим дружески руку и остаюсь

душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

P. S. Порфирий Вам кланяется. Он тоже цветет.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: могу

492. С. Т. АКСАКОВУ

25 мая (6 июня) 1856. Спасское

С. Спасское.
25-го мая 1856 г.

Любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, супруга Ваша мне сказывала, когда я проезжал через Москву, что Вы еще с месяц в ней пробудете — и потому я это письмо посылаю в Денежный переулок, в надежде, что в случае Вашего отъезда его Вам перешлют в Абрамцево [1]. — Вот уже две недели с лишком, как я у себя в деревне — и живу растительной (чтобы себя не обидеть, не сказать — животной) жизнью. Ем *всё* — даже салат! — и сплю как моська.— Делать ничего не могу, читаю, однако, с большим удовольствием «Историю Греции» Грота [2]— и любуюсь моими милыми и счастливыми афинянами. Был на охоте два раза — побил коростелей и перепелов да двух дупелей — да небывалую у нас птицу — маленького (с дрозда) *черного* рыболова с огромнейшими серыми крыльями и красными лапками с перепонками — теперь, до тетеревов, повешу ружье на гвоздик.— Много я думал всё это время, во-первых — о услышанном мною продолжении «Семейной хроники» [3], а во-вторых — о наших толках с Вашим сыном. «Семейная хроника» вещь положительно эпическая — а с Константином Сергеичем — я боюсь — мы никогда не сойдемся. Он в «мире» видит какое-то всеобщее лекарство, панацею, альфу и омегу русской жизни — а я, признавая его особенность и свойственность — если так можно выразиться — России, все-таки вижу в нем одну лишь первоначальную, основную почву — но не более, как почву, форму, *на* которой строится — а не *в* которую выливается государство. Дерево без корней быть не может, но К⟨онстантин⟩ С⟨ергеевич⟩, мне кажется, желал бы видеть корни на ветвях [4]. Право личности им, что ни говори, уничтожается — а я за это право сражался до сих пор и буду сражаться до конца. Обо всем этом мы еще поговорим в июле,— но пословица гласит — горбатого исправит могила, а мы с ним чуть ли не оба горбаты, только в разные стороны [5]. Хотя я принадлежу более к «тряпкам», к которым К⟨онстантин⟩ С⟨ергеевич⟩ причисляет, напр., Фета — но ведь и у тряпки есть свое упорство: разорвать ее легко — а молотом сколько угодно бей по ней, ничего не сделаешь.

До меня дошли слухи, что Ваш сын Иван сошелся с

Васильчиковым и едет в Крым [6]; радуюсь за него и за само дело. Горько было думать, что такой человек, как И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩, мог воскликнуть: «Когда же власть твоя пройдет, о молодость, о тягостное бремя!» [7].

До свидания, любезнейший С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩. Желаю Вам всего хорошего на земле, прежде всего здоровья. Кланяюсь Вашей супруге и всему Вашему семейству и остаюсь навсегда

преданный Вам душою
Ив. Тургенев.

493. Н. А. НЕКРАСОВУ

25 мая (6 июня) 1856. Спасское

С. Спасское.
25-го мая 1856 г.

Я имею известия о тебе от трех лиц, любезный Некрасов, но я хотел бы иметь известие о тебе от тебя. Напиши мне, пожалуйста, с следующей почтой вкратце: вышел ли твой пачпорт?

Намерен ли ты съездить к Боткину в Москву? Если ты едешь за границу,— то когда именно? Бросил ли ты играть — и, наконец, как ты себя чувствуешь? Говорят, ты хандришь,— но отчего? [1] О себе я тебе скажу, что я здесь зажил животной жизнью — ем масло и даже салат — *решительно ничего* не делаю. 5-й № «Совр⟨еменник⟩а» еще не получал. Мне Толстой пишет, что, по словам Блудова, «Записки» разрешены [2]. Правда ли это? Также я получил известие, будто мне, не дожидаясь присылки документа от губернского предводителя, разрешили выдать паспорт. Я поручил Колбасину справиться [3]. Если меня пустят — я уеду 21-го июля (т. е. 2-го августа нов. ст.) [4]— и прибуду в Париж в конце августа нового же стиля [5]. А до 10-го июля я буду в Спасском [6]. Стало быть, тебе известно будет, куда мне писать — и сделай так, чтобы и я знал, куда писать тебе. Я было хотел быть у Васеньки [7] около 1-го июня, но раздумал, а буду проездом в Петербург. Хотелось бы мне увидать тебя перед отъездом за границу, но не знаю как [8].

Ты за границей непременно должен написать свою биографию, это почти, можно сказать, твой долг. Кстати, я от Фета получил на днях такое нежное и любезное письмо, что я краснел, как девушка, которой говорят комплименты [9]. Я ему с этой же почтой пишу [10].

Не знаю, писал ли я тебе, что в Москве твои все последние стихи (особенно «Муза») произвели глубокое впечатление. Даже Хомяков признал тебя поэтом. Какого тебе еще лаврового венка? [11]

Ты счастливый человек, тобою дамы интересуются. Вот и графиня Толстая непременно желает иметь твой портрет и написала о нем Колбасину [12].

Ну прощай, душа моя. Будь здоров, не хандри и не забывай

преданного тебе
Ив. Тургенева.

P.S. Как с неба свалился Колбасин (Дмитрий). Он ездил с казенным поручением. Он мне многое рассказал о тебе — и, между прочим, что ты, может быть, останешься на лето в Петербурге [13]. Все это заставляет меня еще убедительнее просить тебя о письме. Получил я 2 экз. «Для легкого чтения» [14]. Вышла очень милая книжка. Так еще последний подписчик не «прозвенел»? [15]

494. О. С. ОДОЕВСКОЙ

26 мая (7 июня) 1856. Спасское

С. Спасское.
26-го мая 1856 г.

Зачем я не Державин, любезная княгиня! Как бы я ударил в струны, чтобы возблагодарить Вас за Вашу доброту и снисходительность! Говоря серьезно, я Вам очень благодарен [1]— и постараюсь лично изъявить Вам мои чувства в половине июля в Ораниенбауме, куда я непременно отправлюсь из Петербурга [2]. А теперь пока не много имею я сказать Вам о том, что я делаю в деревне — потому что, правду говоря, я ничего не делаю — ем, гуляю и сплю — и по целым часам не сознаю в голове своей присутствия малейшей мысли. Это очень покойно и, вообразите себе — гораздо приятнее, чем я ожидал!

За сим еще раз благодарю Вас, целую Ваши ручки, кланяюсь князю [3] и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

495. В. П. БОТКИНУ и А. В. ДРУЖИНИНУ
28 мая (9 июня) 1856. Спасское

С. Спасское.
28-го мая 1856.

О мои кунцовские друзья [1],

Вы писали мне виршами, виршами отвечу и я [2]—
Ваше письмо поразило меня в самый центр сердца
И произвело в нем боль язвительнее перца.
Тем она жесточе, что я все-таки поехать не могу...

Но в июле я буду непременно — в этом я не солгу.
Получил я вчера приятное известье,
Адрессованное в мое поместье —
Что паспорт мой уже подписан и готов —
И за границу меня пустили без лишних слов [3].
Вследствие этого событья
8 июля хочу в Кунцове быть я. —

А 16-го я буду в Петербурге, а 21-го уеду [4], если буду жив и здрав. Досадно мне, что я, вероятно, уже не застану Дружинина в Кунцове — что делать!

Известия, сообщенные о Некрасове, меня очень огорчают.— Что это за сумасшедший человек, господи! И если уж он хочет остаться на лето в России, то не лучше ли ему было провести месяца два с тобой, как в прошедшем году? [5] Но когда его волна подмоет, уж он удержаться не может... Жаль мне его и досадно на него!

Совершенно неожиданно был у меня здесь Дмитрий Колбасин (он имел казенное поручение в Болхов и заехал ко мне на 48 часов). Он мне сообщил, что «Муму» пропущена и печатание моих безделушек начнется скоро [6]. А я продолжаю ничего не делать — решительно ничего — зато, брат, ем и сплю... Тьфу! плюю, чтобы не сглазить.

А что твоя статья о Фете? [7] Очень рад я слышать, что «Лир» кончен [8].— Я получил от Ладыженской письмо, в котором она меня пресерьезно спрашивает, как я думаю, анализ вреден или полезен? Вот не было печали...[9]

Насчет процентов всё исполню в точности [10]. Жизнь веду я очень целомудренную и очень даже этому рад, после зимних эксцессов.

Прощай, душа моя — целую тебя в лысое чело и остаюсь навсегда

твой Ив. Тургенев.

P. S. Все здешние (и Толстые) очень тебе кланяются — и Дружинину. Льва Николаевича сестра его ждет с нетерпеньем [11]. Не знаю, как у вас, а у нас погода — пакостно-безобразная.

496. Е. Я. КОЛБАСИНУ

2 (14) июня 1856. Покровское

С. Покровское.
2-го июня 1856.

Пишу Вам эти строки от Толстых, любезный Елисей Яковлевич, и посылаю Вам обратно письмо, которое Вы адрессовали на имя Вашего брата [1]. Он Вам, вероятно, уже рассказал все свои впечатления и т. д. Здесь он оставил очень приятную память. Он Вам, наверное, также сообщил, какое впечатление произвело здесь известие, что будто это Вы приехали и т. д. Лев Николаевич наконец приехал и гостит у своей сестры. Рука у ней всё болит — это нехорошо. Я, слава богу, помаленьку здоров и ничего не делаю. Попросите брата, чтобы он исполнил мои комиссии, да сходил бы к сапожнику Пелю и заказал бы ему 1 пару тонких сапогов для меня (обыкновенных), и когда будут готовы, то прислать. Да также, чтобы он прислал 1-й отпечатанный лист (когда печатание начнется) [2], я всё еще не успел выправить «3-х встреч» [3]— но на будущей почте надеюсь выслать.

Ну, пока прощайте, обнимаю вас обоих и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. До сих пор не получено ни «Современника», ни «От〈ечественных〉 зап〈исок〉», ни «Русского вестника».

497. О. А. ТУРГЕНЕВОЙ

29 мая, 3 июня (10, 15 июня) 1856. Спасское

С. Спасское.
29-го мая 1856.

Я предполагаю, что Вы уже должны быть в деревне, любезнейшая Ольга Александровна — и потому пишу к Вам в Серпухов. Я уже три недели как нахожусь в Спасском и всем был бы доволен (здесь я о холере не думаю и ем салат!!) — если бы погода не была так отвратительно несносна. Холод, ветер, дожди — и больше ничего. Зато я решительно ничего не делаю, так что даже начинает становиться совестно.— Третьего дня я получил из Петербурга известие, что пачпорт мне выдан и я могу уехать, хоть завтра...[1] Итак — это дело решенное — alea jacta est (что по-латыни значит: жеребий брошен) — как говаривал Ламартин перед каждой своей глупостью в 1848-м году...[2] Я поеду — но не сейчас. Не ожидая такого быстро-

го решения дела, я взял билет на пароход на 21-е июля — впрочем, я раньше и не хотел бы уехать. Зная мой гнусный нрав, Вы не удивитесь, если я Вам скажу, что позволение уехать за границу мне особенной радости не доставило — и что я даже вообще нахожусь теперь в меланхолическом настроении духа. В сущности, оно и понятно — впрочем, это всё вздор — человек, слава богу, уже не молоденький — пора знать, что делаешь — и потому об этом более толковать не стоит. Коли из этого выйдет что-нибудь худое, сам виноват, пенять не на кого.

Я думаю выехать отсюда 5-го июля — и непременно, хотя на день, заеду в деревню, где Вы живете [3]. Надеюсь, что вы все здоровы; поклонитесь от меня Александру Михайловичу и Надежде Михайловне. Я уже видел здешних моих соседей, Толстых (Лев Николаевич всё еще не приехал — он зажился в Москве у Боткина) — к сожаленью, у графини Толстой сделалось что-то вроде ревматизма в локте правой руки — она играть на фортопьянах не может, должна даже подвязывать руку — это очень неприятная вещь...

3-го июня.

Письмо это залежалось — но с тех пор нового нечего прибавить. Толстой приехал и уехал к себе в деревню [4]. Погода поправилась — а я продолжаю бездействовать.

Если Вам будет время, напишите слова два о том, как вы все поживаете — как идет Ваша музыка, Ваша верховая езда. Поклонитесь от меня всем Вашим — и прошу Вас быть уверенной в искренном уважении и привязанности

преданного Вам
Ив. Тургенева.

На конверте:
В город Серпухов.
Ее превосходительству
Ольге Александровне
Тургеневой.

498. Н. А. НЕКРАСОВУ
4 (16) июня 1856. Спасское

Спасское.
4-го июня 1856 г.

Милый Некрасов,

Твое письмо меня порадовало, хоть и сильно отдает хандрой [1]. Ты, пожалуйста, не поддавайся в этом отношении влиянию Ковалевского [2] — он способен заразить ханд-

рою статую. Плохо одно, что ты в карты играешь — уж коли ты остаешься полечиться, то полечись сурьезно — и поедем вместе за границу. Я взял билет на пароходе «Прусский Орел» — на 21-е июля — я думаю, еще должны быть места. 5-й (майский) № «Совр⟨еменник⟩а» здесь еще не получен! Что я его не получил — это, может быть, так — позабыли; но его не получили — платящие! Это очень вредит журналу. Черт бы побрал газетную экс⟨педици⟩ю!

Ты можешь комедийку мою [3] пихнуть куда хочешь — это совершенно от тебя зависит,— а я, действительно, едва ли напишу что-нибудь.

Толстой был здесь, погостил дня два и уехал в свою деревню.

Чрезвычайно ты меня порадовал известием о пропуске всех твоих вещей. Ай да Пушкин! [4] Теперь надо их быстро печатать — непременно.

А об «Записках» ничего не слыхать? [5] Займись-ка сурьезно тем, чтобы до твоего отъезда твои «Стихотворения» были напечатаны. Эти москвичи такие кисляи,— когда-то, когда-то соберутся что сделать [6].

Скажи Фету, если он еще не уехал, что я другого перевода его «Оды» никак пока найти не могу,— а что стихи, которые он прислал мне, очень милы [7].

Прощай, т. е. до свидания через месяц с небольшим. Я 15-го числа будущего месяца непременно в Петерб⟨ур⟩ге [8]. Лечись, не хандри и гуляй на воздухе.

Твой
Ив. Тургенев.

499. ПОЛИНЕ ВИАРДО

10 (22) июня 1856. Спасское

Le 10/22 juin 1856.
Spasskoïé.

J'ai reçu votre lettre de Londres [1], chère et bonne Madame Viardot, et je m'empresse d'y répondre. Je commence par vous annoncer une bonne nouvelle, dont j'ai déjà fait part à Mme votre mère: on m'écrit de Pétersbourg que mon passeport est déjà signé [2] et que rien ne s'oppose à mon départ. Vous pouvez imaginer le plaisir que m'a causé cette nouvelle; dans six semaines, si Dieu me prête vie, j'aurai le bonheur de vous revoir.— Je crois vous avoir dit qu'en partant de Pétersbourg, j'avais, à tout hazard, pris une place sur le

bateau de Stettin pour le 21 juillet (2 août n. s.) [3]. Je quitterai Spasskoïé le 10 du mois prochain — de Stettin j'irai tout droit par Berlin, Bruxelles et Ostende à Londres où je compte être le 10 août (n. s.). Vers la fin du mois d'août, j'irai à Paris, et de là à Courtavenel, où nous vous attendrons comme par le passé... Je mettrai ma veste grise pour aller à votre rencontre. Malheureusement, ce n'est pas la seule chose que j'aurais de gris sur ma personne... Enfin, puisque notre été n'est plus, tâchons de jouir de notre automne.

Je suis fort content de savoir que vous vous plaisez et que vous travaillez beaucoup à Londres. Quand je pense que je pourrai vous entendre avant deux mois!

Avant de partir d'ici, je veux faire une excursion dans le gouv⟨ernemen⟩t de Kalouga pour y faire une bonne chasse aux coqs de bruyère; au mois de septembre, ce sera le tour des perdrix de la Brie... Pourvu que rien ne vienne empêcher tous ces beaux projets! Je suis devenu superstitieux et assez craintif à l'endroit de l'avenir... Après tout, cela vaut mieux que l'indifférence.

Je n'ai plus envie de vous «raconter ma vie» sur le papier — je le ferai de vive voix. Ainsi, à revoir vers le 10 août! D'ici là, soyez bien portante et heureuse. Mille amitiés à Viardot. J'embrasse vos mains avec tendresse.

Votre J. Tourguéneff.

P. S. Avez-vous reçu ma lettre de Spasskoïé avec les mots: célèbre cantatrice, sur l'enveloppe?

500. Е. Е. ЛАМБЕРТ

10 (22) июня 1856. Спасское

С. Спасское.
10-го июня 1856 г.

Ваше письмо из Ревеля [1], любезная графиня, меня очень обрадовало и несколько пристыдило: я чувствую, что не заслуживаю всех тех милых вещей, которыми оно исполнено [2], и знаю (хотя из Вашей книги более 30 страниц до сих пор не прочел) [3] — что человеческое сердце уж так устроено, что и незаслуженные похвалы доставляют ему тайную сладость — или по крайней мере удовольствие смирения... Это — всё опасные чувства, и лучше даже не говорить о них. Благодарю Вас за то, что Вы вспомнили обо мне, и желаю от души, чтобы Вы остались довольны Вашим пребыванием в Ревеле,

Скажу Вам несколько слов о себе. Во-первых, я получил из Петербурга известие, что паспорт мне выдан — и я уезжаю из России в 20-х числах будущего месяца: мы еще успеем обменяться письмами. Я надеюсь, что и во время моего пребывания за границей наша переписка не прекратится. Позволение ехать за границу меня радует... и в то же время я не могу не сознаться, что лучше было бы для меня не ехать. В мои годы уехать за границу — значит: определить себя окончательно на цыганскую жизнь и бросить все помышленья о семейной жизни. Что делать! Видно такова моя судьба. Впрочем, и то сказать: люди без твердости в характере любят сочинять себе «судьбу»; это избавляет их от необходимости иметь собственную волю — и от ответственности перед самими собою [4]. Во всяком случае — le vin est tiré — il faut le boire.

У меня здесь нет барского дома; был — да сгорел; я живу в старом флигельке. А сад есть, большой и хороший — и пруд [5], соседок нет никаких, ни Татьян-соседок, ни просто — соседок, да и я сам куда как не похож на Онегина! [6]

Охота еще не началась. Да! еще вот что я должен сказать Вам: анекдот, рассказанный мною Вам о барыне, с которой я обедал и которая, нехотя, меня разочаровала, нисколько не относится к той женщине, о которой Вы пишете... [7]

А Вы очень мило пишете по-русски,— знаете ли Вы это? И ни одной, даже орфографической, ошибки! А все-таки пишите мне по-французски. Все-таки замечается некоторое усилие в отыскивании выражений — и Вы как будто мысленно переводите с французского. По-французски Вам будет легче писать — и Вы охотнее писать будете [8].

Мне приятно думать о том, что мы будем, хотя изредка, меняться мыслями и ощущениями; еще приятнее думать, что придет время, мы, бог даст, увидимся снова — и — смею надеяться — окончательно станем друзьями. В жизни мужчины наступает — как и в жизни женщины — пора, когда более всего дорожишь отношениями тихими и прочными. Светлые осенние дни — самые прекрасные дни в году [9]. Я надеюсь, что тогда мне удастся убедить Вас не бояться чтения Пушкина и других. Или вы еще страшитесь «тревоги»? [10]

Я не рассчитываю более на счастье для себя, т. е. на счастье в том опять-таки *тревожном* смысле, в котором оно принимается молодыми сердцами; нечего думать о цветах, когда пора цветения прошла. Дай бог, чтобы плод по

крайней мере был какой-нибудь — а эти напрасные порывания назад могут только помешать его созреванию. Должно учиться у природы ее правильному и спокойному ходу, ее смирению...[11] Впрочем, на словах-то мы все мудрецы: а первая попавшаяся глупость пробежи мимо — так и бросишься за нею в погоню.

Как оглянусь я на свою прошедшую жизнь, я, кажется, больше ничего не делал, как гонялся за глупостями. Дон-Кихот по крайней мере верил в красоту своей Дульцинеи, а нашего времени Дон-Кихоты и видят, что их Дульцинея — урод — а всё бегут за нею [12].

У нас нет идеала — вот отчего всё это происходит: а идеал дается только сильным гражданским бытом, искусством (или наукой) и религией. Но не всякий родится афинянином или англичанином, художником или ученым — и религия не всякому дается — тотчас. Будем ждать и верить — и знать, что — пока — мы дурачимся. Это сознание все-таки может быть полезным [13].

Но я, кажется, зафилософствовался. А потому — с Вашего позволения (помните, Вы мне говорили, что это можно), почтительно и дружески жму Вашу руку, желаю Вам всего хорошего и остаюсь

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

P. S. Мой усердный поклон Вашему супругу.

501. В. П. БОТКИНУ

11 (23) июня 1856. Спасское

С. Спасское.
11-го июня 1856 г.

Что это с тобою, hermano mio, caro D⟨on⟩ Basilio?

Твое письмо очень печально [1] — и ты, видимо, хандришь. Неужели твоя нога так разболелась? В таком случае пей декокт, скрепя сердце — и старайся выздороветь. А в будущее ты не гляди слишком унылым взором. Если соскучишься, приезжай зимой в Париж, отыщи меня, и мы очень благополучно проведем время — за это я тебе ручаюсь.

А я здесь продолжаю подвизаться на поприще совершенного бездействия. Даже как-то мне дико подумать, что я когда-то занимался сочинением разных повестей. Вчера я с большим усилием придумал следующий сюжет «один молодой человек хотел было жениться; *но* поду-

мал — и женился». Хорошо? Вот какой стих на меня нашел.

Толстой был у меня — и уехал. Толстая гостила с неделю и тоже уехала [2]. Дней через десять я отправляюсь на охоту за тетеревами в Калужскую губернию — а 6-го числа июля я у тебя в Кунцове непременно! Эх, кабы к тому времени застать у тебя и Дружинина и Григоровича! Каратеев еще не вернулся — но по слухам цел и невредим [3]. Фет прислал мне свою поэму «2 Липки» — не очень хорошо — и стихотворение «Петербургская ночь» [4], где следующие 10 стихов, особенно последние, меня приводят в восхищение:

Вчера я шел в ночи! — и помню очертанье
Багряно-золотистых туч...
Не мог я разгадать: то яркое сиянье —
Вечерней ли зари последнее прощанье
Иль утра пламенного луч?
Как *будто среди дня замолкнувши мгновенно*
Столица севера спала,
Под *обаяньем сна горда* и неизменна —
И *над громадой* — ночь *бледна и вдохновенна*,
Как *ясновидящая* — шла.

Покажи это Дружинину.— Немного он вдался в преувеличение в своей статье о Фете в «Б⟨иблиотеке⟩ для ч⟨тения⟩», но все-таки статья славная — а статья об Огареве — прелесть [5]. Это настоящий тон, дельное дело; в Дружинине сидит русский reviewer в отличнейшем смысле слова. Я много жду от «Б⟨иблиотеки⟩ д⟨ля⟩ ч⟨тения⟩» под его командой. Если я не превращусь окончательно в животное, напишу непременно для него рассказ (entre nous soit dit, только для него и напишу, а «Русс⟨кий⟩ вестник» и «От⟨ечественные⟩ записки» — хоть секи меня — не могу!).

А плохие ты мне даешь вести о Некрасове... Этого (в таких размерах) я, признаюсь, не ожидал. Видно, отсутствие *порядочного* женского влияния, женского общества ничем заменить нельзя, и навсегда отразится в жизни человека. В какие же тут вступать можно продолжительные отношения? Жаль мне очень его, для него же самого [6]. Его и за границу не утащишь — хоть он и пишет мне, что поедет со мной [7].

Дядя и всё его семейство [8] благодарит Дружинина и тебя за память.

Ну, дружище, до свидания в начале июля. Не хандри, пожалуйста — и выздоравливай. А ты думаешь, я Ладыженской написал? [9] Не написал и не напишу. Бог с ними, с этими женщинами, которые всё гоняются за собственным хвостом. Это прилично только котятам. Обнимаю тебя и милого Дружинина.

Ваш
Ив. Тургенев.

502. Д. Я. КОЛБАСИНУ

16 (28) июня 1856. Спасское

С. Спасское.
16-го июня 1856.
Суббота.

Милый Колбасин,

Сегодня только два слова. Спасибо за присылку — но как же Вы, злодей, самое важное забыли — а именно, английские пистоны! Пожалуйста, поскорей купите и пришлите — до Петрова дня еще успеете — 500 шт. у Вишневского (в Большой Мещанской). Во вторник (сегодня суббота) — пошлется Вам:

1) 200 руб. на уплату квартеры,

2) 50 за пачпорт (который прошу взять к 10-му июля — чтобы 21-го мне уехать беспрепятственно, а я Вам на всякий случай пришлю письмо, в котором доверю Вас получить этот паспорт),

3) исправленные «3 встречи»

и 4) разные подробности о пребывании Л. Н. Толстого и графини у нас [1].

Кланяйтесь брату... Бедный переулочек! [2]

До вторника.

Ваш
Ив. Тургенев.

503. Л. Н. ТОЛСТОМУ

18 (30) июня 1856. Покровское

Покровское.
18-го июня 1856.

Я Ваше письмо получил только вчера, любезный Л⟨ев⟩ Н⟨иколаевич⟩ — и спешу отвечать [1]. Я нахожусь, как Вы видите, у Вашей сестры, от которой я, впрочем, уезжаю завтра [2],— а из Спасского на охоту уезжаю 22-го или 23-го и буду в отсутствии до 5-го или 6-го. А по-

тому трудно предполагать, чтобы Вы вследствие этого письма могли бы увидеться с нами — разве сами приедете завтра или послезавтра [3]. Чрезвычайно заинтересовали Вы меня тем, что Вы мне говорите о «Записках» Вашего брата — и я почти уверен, зная его, что Вы не преувеличиваете [4] — очень мне хотелось бы их послушать — и если не теперь, то надеюсь, что в июле я их узнаю непременно. Что Ваши предположения с крестьянами не сразу удались — это еще полугоре [5]; но что Вы себе вывихиваете спину, прыгая через голову — это уже *очень нехорошо* [6]. Я не понимаю, как Вы еще имеете духа заниматься гимнастикой, после превосходной рецензии Колбасина [7]. Бросьте Вы это головоломное занятие! А что касается до «оврага» [8],— то между нами осталось только воспоминание недоразумения, которое исчезает или даже уже исчезло давно.

До свидания, может быть, скоро, во всяком случае в июне — дружески жму Вам руку и остаюсь

Ваш Ив. Тургенев.

504. И. А. ГОНЧАРОВУ

21 июня (3 июля) 1856. Спасское

...Впрочем, я думаю про себя (и утешаюсь этим), что, несмотря на пребывание в Петербурге и занятия по цензуре [1], Вы все-таки найдете время втихомолку продолжать Ваш роман, т. е. кончить наконец «Обломова» и приступить к другому [2], от которого ожидаю золотые горы, т. е. я не так выразился — эдак можно подумать, что я его купил у Вас — ну, словом, Вы меня понимаете.

До сих пор мне памятен один обед в Петербурге, у меня на квартире, на котором Вы мне с Дудышкиным рассказывали разные подробности из Вашего романа. Грешно Вам будет зарыть всё это!..

505. М. Н. ТОЛСТОЙ

23 июня (5 июля) 1856. Спасское

Любезная графиня,

Я всё еще не терял надежды, что Лев Николаевич приедет — но, видно, он засиделся в Ясной. Я завтра, т. е. в воскресение, очень рано уезжаю на охоту — и вернусь в Спасское с небольшим через две недели, т. е. в понедельник 9-го июля — а 12-го я выезжаю из Спасского в

Москву, а оттуда в Петербург и за границу. Теперь вот о чем я прошу Вас: так как мне весьма хотелось бы видеть Льва Николаевича до моего отъезда — то спишитесь с ним, где Вы будете 10-го, и 11-го, и 12-го числа июля — если в Ясной, то я заеду в Ясную, если в Покровском — я буду в Покровском [1]. Сделайте так, чтобы к моему возвращению, т. е. 9-го июля, я бы уже нашел здесь Ваш ответ. Да кстати, дайте знать Льву Николаевичу, что я забыл ему сказать: кн. Урусов (Крымский) велит ему сказать, «чтоб он забыл о своих делах в Крыму» — и прибавляет, что Л⟨ев⟩ Н⟨иколаевич⟩ поймет, что дело касается людей, которые его обыграли [2]. Также сообщите ему, что адресс Урусова — в Бахчисарай.

Итак, до свидания — будьте здоровы и веселы. Кланяюсь графу [3], Ольге Петровне, Раисе Львовне и всем домочадцам.

Ваш
Ив. Тургенев.

С. Спасское.
Суббота, 23-го июня.

506. В. П. БОТКИНУ

24 июня (6 июля) 1856. Спасское

С. Спасское.
24-го июня 1856.

Милый Боткин,

Пишу тебе сегодня всего два слова — а именно: я сейчас еду за 125 верст отсюда в Калужскую губернию на тетеревиную охоту — пробуду там до 7-го июля — 9-го буду дома (это уже непременно, если буду жив и здоров), 12-го выезжаю отсюда [1], 13-го вечером я в Москве и 14-е и 15-е провожу у тебя в Кунцове — а 21-го я уже должен садиться на пароход в С. Петербурге. Впрочем, так как 10-е июля будет во вторник, т. е. в почтовый день — я тебе дам знать еще раз по почте о дне и часе моего приезда.

Хорошо бы, если к тому времени я кого-нибудь застал у тебя — наболтаться напоследях. Ну, до тех пор прощай, будь здоров и не забывай

преданного тебе
Ив. Тургенева.

507. НЕИЗВЕСТНОМУ

Октябрь 1850—первая половина 1856. Петербург

Cher ami, la chose en question sera chez moi demain à 10 h. Toute copiée et corrigée. Voulez-vous passer chez moi dans la matinée — vous la porteriez de chez moi au comte Michel Je vous demande pardon de tous ces embarras — mais je me trouve sur votre chemin.

A revoir et mille amitiés.

Votre J. Tourguéneff.

Vendredi.

508. Н. А. СТЕПАНОВУ

Конец 1853—первая половина 1856 (?). Петербург

Любезнейший Николай Александрович,

Вышла такая оказия, что сегодня невозможно мне быть у Вас — но завтра я *непременно* у Вас — извините, пожалуйста, за эти проволочки.

До завтра. Я у Вас буду в ½ 1-го.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

Пятница.

На обороте:

Его высокоблагородию
Николаю Александровичу *Степанову*.
На Моховой, в доме Исакова, в четвертом этаже.

509. В. П. БОТКИНУ

3 (15) июля 1856. Спасское

С. Спасское.
3-е июля 1856.

Я гораздо раньше вернулся с моей экспедиции, милый Боткин, чем ожидал, нашел здесь твое милое письмо [1]— и вкратце (почта сейчас отходит) могу сказать тебе только, что я выезжаю отсюда *непременно* в воскресение (8 июля) вечером — или 9-го утром — и во всяком случае 10-го числа вечером в Москве [2]. С 11-го я гощу у тебя до 14-го. Наговоримся — я тебе кое-что прочту — я таки сделал что-то, хотя совсем не то, что думал [3].

До тех пор прощай — будь здоров и бодр —

твой
Ив. Тургенев.

510. В. П. ТОЛСТОМУ

4 (16) июля 1856. Спасское

Любезнейший граф,

Я возвратился с охоты гораздо ранее, чем ожидал [1], но я уезжаю отсюда ранее, чем предполагал, а именно в будущий вторник [2]. Слышал я, что графиня уехала к Льву Николаевичу — то можете ли Вы мне сказать, правда ли это — и когда она намерена вернуться, вместе ли с ним или останется в Поляне. Я бы, соображаясь с Вашим ответом, так распорядился, чтобы увидать ее, и его, и Вас [3]. Во всяком случае — до свидания.

Душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

С. Спасское.
4-го июля 1856.
Середа.

511. О. А. ТУРГЕНЕВОЙ

8 (20) июля 1856. Спасское

С. Спасское.
8-го июня [a] 1856.

Любезнейшая Ольга Александровна,

Я получил Ваше письмо [1], за которое благодарю Вас душевно — и тем более сожалею, что дела мои меня так долго задержали здесь, что желание мое увидать Вас перед отъездом должно остаться неисполненным. Я раньше 11-го числа отсюда выехать не могу — а 15-го я уже должен быть в Москве — и в Москве мне необходимо пробыть два дня [2]; притом я еду не один, а с дядей [3]. Мне остается только поблагодарить Вас за Ваше ласковое приглашение. Надеюсь увидать Вас в будущем году (я, если буду жив, непременно вернусь весною) — и увидать Вас в хорошем здоровье, так же как и всех Ваших [4]. Очень огорчило меня известие о нездоровье Надежды Михайловны — но Вы пишете, что ей лучше, и это меня успокоивает. Пожалуйста, поклонитесь ей и Вашему батюшке. Жаль мне, очень жаль, что не могу увидать Вашего летнего гнезда. Это слово не фраза — Вы знаете, что, несмотря на все мои странности и чудачества, я ⟨к⟩ Вам искренно привязан.

---

[a] *Так в подлиннике.*

Позвольте мне в последний раз перед отъездом крепко пожать Вашу руку и пожелать Вам всех земных благ и полного счастья. Передайте мой поклон всем Вашим.

Остаюсь навсегда
душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

На конверте:

В город Серпухов.
Ее превосходительству
Ольге Александровне
Тургеневой.

512. С. Т. АКСАКОВУ

9 (21) июля 1856. Спасское

С. Спасское.
9-го июля 1856.

Любезный и почтенный Сергей Тимофеевич — разные непредвиденные обстоятельства удержали меня здесь гораздо долее, чем я думал — я выехать могу только 12-го, а 16-го должен уже быть в Петербурге — к крайнему моему сожалению, мне невозможно будет быть у Вас в Абрамцеве. Это мне очень досадно — мне так хотелось видеться со всеми вами и поспорить с Константином Сергеевичем (письмо которого я получил) [1]. Я бы ему, между прочим, постарался объяснить причины, заставившие меня предпочитать Петербург Москве, как место жительства [2]. Впрочем, он, я надеюсь, получит от меня из Парижа письмо, в котором я потолкую с ним на досуге и об этом, и о «мире» — и о народности [3]. А теперь у меня здесь столько хлопот, столько наехало знакомых «прощаться» — что решительно двух мыслей собрать не в состоянии. Скажу Вам, что ездил на охоту в Жиздренский уезд, нашел удивительные места (в 4 дня мы убили 93 тетерева — и много выводков не трогали — слишком малы были) — но моя любимая собака должна быть щениться [a], один охотник неосторожно ранил другого (неопасно, но неприятно) — я вернулся раньше, чем думал.

Из Парижа я Вам напишу — и вообще желал бы очень поддержать с Вами деятельную переписку в течение зимы. Обещаю Вам два письма на Ваше одно.

А теперь пока прощайте. Желаю Вам здоровья и всех земных благ. Передайте мой душевный поклон всем Ва-

[a] *Так в подлиннике.*

шим. 2-й том «Русской беседы» мне перешлют в Париж [4] — а Вашу «Хронику» я беру с собою [5]. Еще раз крепко жму Вам руку и остаюсь навсегда

преданный Вам душою
Ив. Тургенев.

513. Д. Я. и Е. Я. КОЛБАСИНЫМ

9 (21) июля 1856. Спасское

С. Спасское.
9-го июля 1856 г.

Милые Колбасины, старший и меньшой,

Получил я ваши письма [1] и извещаю вас о моем отъезде, который произойдет послезавтра, т. е. 11-го—16-го я утром в Петербурге; впрочем, я вам дам знать из Москвы [2].— На квартере моей вам оттого нельзя поместиться, что я ее сдаю — и во всяком случае дольше декабря не удержу за собою — но если могу, сдам тотчас, чтобы на эти деньги нанять какую-нибудь квартерку, где поместить мёбель.

Но обо всем этом переговорим [3], а пока прощайте, будьте здоровы, до свидания через неделю.

Душевно вам преданный
Ив. Тургенев.

514. Н. А. НЕКРАСОВУ

10 (22) июля 1856. Спасское

С. Спасское.
10-го июля 1856.

Я выезжаю отсюда завтра, милый Некрасов — и 16-го, если буду жив и здоров,— я вечером у тебя в Ораниенбауме [1]. Обо всем переговорим как следует, и насчет программы [2] и т. д. «Где тонко, там и рвется» — разумеется, в твоем распоряжении [3]. Что же касается до отъезда, то, если бы ты ехал в Париж или в Лондон, я бы с удовольствием отложил свою поездку; но так как ты едешь в Италию, то нам придется ехать вместе только до Штеттина [4].

Будь здоров и не хандри. До скорого свидания.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

515. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

Первая половина июля ст. ст. 1856. Спасское

Tu me grondes, Paulinette, de ne t'avoir pas écrit — et tu as raison — mes occupations ne sont pas une excuse. Enfin, si cela peut te faire plaisir, je t'embrasse comme si c'était le jour de l'an. Mais ce qui, j'en suis sûr, te rendra encore plus contente, c'est de savoir que nous nous reverrons (si Dieu nous prête vie) — vers le milieu du mois d'août [1].— Je ne doute pas le moins du monde que je serai content de toi sous tous les rapports — et que Mme Harang n'aura que des bonnes choses à me dire sur ton compte.— Tu dois savoir — puisque tu deviens déjà grande, comme tu le dis — qu'il n'y a qu'un bon temps à travailler — c'est le temps quand on est jeune [2]. Travaille donc comme il faut et puis nous nous amuserons à Courtavenel pendant les vacances.— En attendant, je t'embrasse de bon cœur et suis

ton bien affectionné père

J. T.

516. А. В. ВЕНЕВИТИНОВУ

20 июля (1 августа) 1856. Петербург

Любезнейший Алексей Владимирович,

Я завтра уезжаю за границу — и очень сожалею, что не застал Вас дома перед отъездом. Я слышал, будто у Вас есть пакет покойного Киреевского на мое имя [1]; если это правда, не потрудитесь ли Вы прислать его сегодня на мою старую квартеру, у Аничкова моста, в доме Степанова?

С совершенным уважением остаюсь

душевно преданный

Ив. Тургенев.

517. А. В. ДРУЖИНИНУ

20 июля (1 августа) 1856. Петербург

С. Петербург.
20-го июля 1856 г.

Милый Дружинин,

Накануне моего отъезда за границу хочется написать Вам два слова, во-первых, чтобы повторить Вам мое обещанье: непременно прислать в течение нынешнего года для «Б⟨иблиотеки⟩ для ч⟨тения⟩» — какую-нибудь статью, которую я постараюсь обработать, насколько

хватит умения [1]. У меня за границей времени будет много, месяц сентябрь я проживу почти в уединении — и потому я твердо надеюсь сдержать свое обещание. Во-вторых, мне хочется, уезжая, пожелать Вам всего хорошего, главное: здоровья. — Я убежден, что под Вашим руководством из «Б⟨иблиотеки⟩ для ч⟨тения⟩» выйдет журнал хороший и дельный — хотя в ином мы и не будем соглашаться. Но это — ничего; в главном и существенном и намеренья наши и вкусы совпадают [2].— Предлагаю Вам хотя изредка переписываться со мною; я, приехавши в Париж, пришлю Вам свой адресс.— Я провел два дня у Боткина в Кунцове, два дня у Некрасова в Ораниенбауме [3], а теперь — еду до весны. Надеюсь, что это в последний раз. Пора!

Передайте мой усердный поклон Вашей матушке, обнимаю Вас и милейшего Григоровича. Будьте все здоровы — и до свиданья.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Я пришлю статью на Ваше имя в контору редакции «Б⟨иблиотеки⟩ для ч⟨тения⟩».

518. А. А. КРАЕВСКОМУ

20 июля (1 августа) 1856. Петербург

Я перед Вами виноват, любезнейший Андрей Александрович. Хотя повесть к сроку сочинить трудно — когда не пишется — это не то, что сапоги сшить — но все-таки я обязан был сдержать свое слово [1]. Несу Вам повинную голову: говорят, ее меч не рубит. Мне это тем более досадно, что так как я завтра уезжаю за границу [2] — а с будущего года я обязался в течение 4-х лет не участвовать в журналах [3] — то я должен отказаться от надежды дать еще что-нибудь в «О⟨течественные⟩ з⟨аписки⟩». И потому прошу Вас сообщить г-ну Колбасину (Дмитрию Яковлевичу) — живущему на углу Галерной, у Николаевского моста, в доме Мусина-Пушкина, на квартере № 9, сколько именно я Вам должен; а он Вам заплотит сполна от нынешнего числа через месяц (самый поздний срок): я уже написал о высылке денег [4]. Очень хорошо знаю я, что, когда Вы мне давали эти деньги, Вы ждали от меня возврата не деньгами же, а повестями; но на нет суда нет — и мне остается повторить, что я перед Вами виноват. Также понимаю, что эта наша 4-летняя разлука не может не охладить несколько наших отношений; но твердо надеюсь, что мы все-таки не перервем их — да и, наконец, кто

знает, как скажется будущее? Уезжая за границу, я бы хотел думать, что наша прежняя приязнь не совершенно разрушится — и прошу Вас, с Вашей стороны, быть уверенным в искреннем уважении и преданности, с которыми остаюсь

Ваш
Ив. Тургенев.

С. Петербург.
Пятница, 20-го июля 1856.

На обороте:

Его высокородию
Андрею Александровичу
Краевскому.
(От Тургенева).

519. Е. Е. ЛАМБЕРТ

20 июля (1 августа) 1856. Петербург

С. Петербург.
20-го июля 1856.

Я еду завтра за границу, любезная графиня — и едва имею довольно времени, чтобы сказать Вам два слова: мне непременно хочется знать, получили ли Вы мой ответ на Ваше письмо, посланный мною из деревни 12-го числа прошлого месяца? [1] Если Вы до сих пор не отвечали мне, то будьте так добры, напишите мне в Париж, poste restante; если же мой ответ затерялся (что было бы очень досадно) — все-таки дайте мне знать об этом в Париж. Я Вам напишу, как только попаду на место — и надеюсь, что в течение зимы мы, хотя изредка, будем подавать друг другу вести. Надеюсь, что здоровье Ваше поправляется.

До свидания в будущем году — а пока желаю Вам всего хорошего. Позвольте заочно пожать Вам руку и уверить Вас в чувствах искренней привязанности и уважения

преданного Вам
Ив. Тургенева.

520. В. П. БОТКИНУ

21 июля (2 августа) 1856. Петербург

С. Петербург.
Суббота, 21-го июля 1856.

— My bark is on the sea —
And my boat is on the shore — [1]

Через 4 часа я уже в море, милый Боткин — и посылаю тебе прощальный привет.— Я здесь провел два дня у Нек-

расова — «Фауст» с твоими переделками понравился ему так, как ничто мое ему не нравилось — это его слова [2]. В октябре появится в «Совр⟨еменник⟩е». Он здоров и написал несколько славных вещей [3].— Я распорядился насчет анненковской тысячи так, чтобы ее прислали Колбасину; он употребит ее на уплату долгов *Краевскому* и другим. Краевскому я уже написал ma lettre d'adieu [4]. Языков к тебе едет — я его соблазнил окончательно описанием твоего кунцовского жилища.— Видел Гончарова.

Ну прощай, будь здоров, обнимаю тебя и Панаева. Из Парижа напишу непременно.

Твой
Ив. Тургенев.

521. Д. Я. и Е. Я. КОЛБАСИНЫМ
18 (30) августа 1856. Париж

Париж.
18/30 августа 1856.

Друзья мои,

Через Некрасова я просил вас написать мне два слова [1], теперь пишу сам. Я завтра еду в Лондон, на 8 дней, и, вернувшись [2], тотчас отправлюсь в Куртавенель, где останусь до осени.— Мое здоровье недурно — и всё идет хорошо. «Фауста», переписанного и переправленного, я сегодня утром отправил к Панаеву [3]. Я прошу его, чтобы он тотчас меня уведомил о получении [4] — а вас прошу убедительно прислать мне всякие петербургские новости, о нашем издании, «Современнике» и других журналах, литераторах и т. д. и т. д.[5] О получении «Фауста» справьтесь и также напишите. От Некрасова я получил небольшое письмо [6], написанное 9 дней после моего отъезда — из Лондона напишу ему в Венецию [7].— Мой адресс теперь: M. Jean Tourguéneff, au château de Courtavenel, près Rozoy-en-Brie (Seine-et-Marne), par Paris.— Пожалуйста, напишите также о том, прислал ли Анненков деньги [8] и т. д. Неужели нельзя выслать мне «Совр⟨еменник⟩»? Это было бы убийственно. Похлопочите, ради бога [9].— Я, как поселюсь окончательно в Куртавенеле, буду писать в Россию аккуратно и подробно, а теперь я одной ногой на воздухе. Поклонитесь всем добрым приятелям и будьте здоровы и веселы.

Ваш
Ив. Тургенев.

522. И. И. ПАНАЕВУ

18 (30) августа 1856. Париж

Париж.
18-го/30-го августа 1856.

Вот тебе, милый Панаев, мой «Фауст», выправленный по замечаниям Боткина, твоим и Некрасова. Желаю, чтоб он в этом виде понравился [1].

Я, слава богу, жив и здоров. Еду дней на 6 в Лондон, а оттуда в деревню около Парижа.

Вот мой адрес:

Mr Jean Tourguéneff.

Au château de Courtavenel, près de Rozoy-en-Brie (Seine-et-Marne), par Paris.

Прошу об отсутствии опечаток и, в особенности, о высылке мне по почте одного отпечатанного экземпляра.

NB. «Фауст» отправляется в двух пакетах, по 7 листов в каждом.

Дай мне *тотчас* знать о прибытии «Фауста», чтобы я был покоен.

Фет здесь. Прощай, будь здоров — обнимаю тебя и всем кланяюсь.

Твой
Ив. Тургенев.

523. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

23 августа (4 сентября) 1856. Лондон

Londres.
Ce 4 septembre 1856.
Jeudi.

Chère Paulinette,

J'ai reçu ta lettre avec celle de Mlle Berthe, elle m'a fait beaucoup de plaisir et m'en aurait fait d'avantage s'il y avait eu moins de fautes d'orthographe. Enfin, il faut espérer qu'avec le temps tu n'en feras plus. J'ai eu une très belle traversée [1] — et j'ai trouvé Mme et Mr Viardot [2] ici — je les ai vus une ou deux fois — maintenant ils sont chez Mme Trueman à Highgate [3]. Dimanche Mme V⟨iardot⟩ part pour Gloucester [4] et Mr V⟨iardot⟩ pour Norfolk où il chassera chez Mme Baring [5]. Vendredi prochain ils comptent être à Courtavenel. Je pars d'ici dimanche de très bonne heure (je vais par Boulogne). Dimanche soir je suis à Paris et lundi soir — s'il plaît à Dieu — à Courtavenel [6]. Dis à Mlle Berthe que toutes

ses commissions seront remplies; Mme East n'arrivant qu'aujourd'hui, je lui remettrai la lettre aujourd'hui même.

Je suis content qu'on ait acheté Dahlia — pour son œil — je ne crois pas qu'il faut autre chose que de l'eau de plomb.

Tu te plains de t'ennuyer — à ton âge, mon enfant — il est tout aussi honteux d'avouer qu'on s'ennuie — que si l'on avouait avoir volé. C'est en effet un vol que tu fais à toi-même — et un vol irréparable — tu te voles ton temps — et tout ce dont tu pourrais le remplir. Essaie un peu du travail (tu as dit que tu as essayé *de tout*) pour te désennuyer — mets-toi au piano — ou lis un bon livre,— tu auras beau vivre cent ans — tu ne trouveras jamais de meilleur moyen pour te désennuyer. Tu vois que je te gronde même de loin — c'est que je t'aime aussi de loin — comme de près.

A revoir bientôt — dans 4 jours (sans compter celui-ci). Portez-vous bien tous tant que vous êtes, je vous embrasse tous — et toi tout particulièrement.

Ton père
J. Tourguéneff.

524. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

31 августа (12 сентября) 1856. Куртавнель

Chère fillette,

Voici deux bouquets qu'on t'envoie de Courtavenel avec mille compliments. Je viendrai te prendre dimanche de bonne heure et te conterai tout ce que j'ai fait et vu.

Ton père
J. Tourguéneff.

Vendredi,
10 h. du matin.

525. А. А. ФЕТУ

Начало сентября ст. ст. 1856. Куртавнель

...С последнего свидания нашего в Париже я поселился у добрых приятелей и почти ежедневно таскаюсь с хозяином дома на охоту, хотя куропаток в этот год весьма мало [1]. Не знаю, когда буду в Париже [2]. Если вам скучно, садитесь на железную дорогу, взяв предварительно билет в дилижанс, отходящий в Rozoy-en-Brie, куда к вам навстречу вышлют экипаж из Куртавнеля, имения г. Виардо. По крайней мере получите понятие о французской деревенской жизни...

526. А. И. ГЕРЦЕНУ

10 (22) сентября 1856. Куртавнель

Куртавнель.
22-го сентября 1856.

Что же ты никакой вести об себе не даешь, любезный друг? Я всё ждал письма и присылки моей повести [1], но, наконец, решаюсь сказать тебе два слова: переехал ли ты в Путней [2] — и здоров ли ты — и здоровы ли все вы? Я здесь живу в деревне и наслаждаюсь farniente и охотой. Плохо только то, что охота, за скудостью дичи,— очень посредственна и погода прескверная. Кончил я твои мемуары во 2-й части «П⟨олярной⟩ з⟨везды⟩». Это прелесть — и только остается сожалеть о неверностях в языке [3]. Но ты непременно продолжай эти рассказы: в них есть какая-то мужественная и безыскусственная правда — и сквозь печальные их звуки прорывается, как бы нехотя, веселость и свежесть. Мне всё это чрезвычайно понравилось — и я повторяю свою просьбу — непременно продолжать их, не стесняясь ничем. Странное дело! В России я уговаривал старика Аксакова продолжать свои мемуары, а здесь — тебя. И это не так противуположно, как кажется с первого взгляда. И его и твои мемуары — правдивая картина русской жизни, только на двух ее концах — и с двух разных точек зрения [4]. Но земля наша не только велика и обильна — она и широка — и обнимает многое, что кажется чуждым друг другу.

Фет приезжал сюда дня на два — я ему дал книжку его стихов и твой адресс — он перешлет ее тебе [5].

Отзовись, пожалуйста; а я, приехавши в Париж, буду писать тебе часто и толково; а здесь лень на меня напала невообразимая,— вот мой адресс: au château de Courtavenel, près de Rozoy-en-Brie (Seine-et-Marne).

Обнимаю всех твоих и Огарева. Будь здоров.

Твой Ив. Тургенев.

527. М. Н. ТОЛСТОЙ

11 (23) сентября 1856. Куртавнель

Куртавнель
(около Парижа).
23-го/11-го сентября 1856.

Милая графиня,

Пишу к Вам из деревни г-жи Виардо, где я нахожусь уже более месяца (впрочем, я ездил отсюда дней на десять

в Лондон)[1]. Мне здесь очень хорошо: я нахожусь с людьми, которых я люблю и которые меня любят; одно скверно: погода отвратительная и дичи совсем нету. Я уверен, что теперь в наших краях не может быть так дурно. А я совсем не знаю, что делается в наших краях; от дяди я до сих пор не получил ни строчки; только от брата Вашего, Льва — получил я письмо, на которое отвечаю в Вашем письме. Вы передадите ему мой ответ [2]. Он великий чудак; нам суждено любить друг друга издали — а вблизи — чувствовать взаимное стеснение. Что другой Ваш брат, Николай? Неужели всё продолжает сидеть на Кавказе и не возвращается в наши «мирные края»? [3] Напишите мне слова два о Вашем житье-бытье. Продолжаете ли Вы заниматься музыкой — и где намерены провести зиму — в деревне или в Москве? Что делают все Ваши знакомые, Ваш адъютант Ольга Петровна, Настенька и т. д.? По временам, среди французской природы и французского общества, которое меня окружает, приходит мне на память Ваш маленький флигель на берегу Снежеди... Кстати, неужели Вы всё еще продолжаете Ваши купанья? Здесь, уже более месяца, царствует такой холод, что боже упаси! Видаете ли Вы хотя изредка Вашего брата Льва — или он продолжает сидеть в Ясной с своими тетками? [4] Я закидываю Вас вопросами, а Вы, может быть, думаете, что мне бы следовало не расспрашивать, а рассказывать. Да рассказывать-то нечего; я живу здесь в стороне, которая так же глуха, как Ваша; с тою только разницей, что из здешних жителей Вам никто не знаком. Скажу Вам, однако, слова два о моей дочке. Она мне нравится; ленива немножко — но очень добра и мила; большого роста, на меня похожа, только глаза у ней почти черные; по-русски забыла совершенно — и говорит парижским акцентом. Мы много занимаемся музыкой, читаем, играем комедии. Впрочем, я ничего не делаю; зато в Париже собираюсь работать сильно.

Прочтите в октябрьской книжке «Совр⟨еменник⟩а» мою повесть «Фауст» — и скажите Ваше мнение [5]. Напишите мне письмо побольше, обо всем, что придет Вам в голову; а я даю Вам слово, что отвечу аккуратно. Рука Ваша, я надеюсь, пришла в совершенно нормальное положение? Видаете ли Вы дядю и его семейство?

Ну, прощайте, любезная Мария Николаевна. С истинно дружеским чувством жму Вашу руку. А граф что поделывает хорошего? Продолжает гневаться на «Русский

вестник»? [6] Говорят, этот «Вестник» собирается меня уничтожить [7]. Дело весьма нетрудное!

Обнимаю графа, всех Ваших деток; будьте все здоровы и благополучны.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Я не франкирую это письмо, для того чтобы оно вернее дошло; а Вы не франкируйте Ваш ответ.

528. Л. Н. ТОЛСТОМУ

13(25) сентября 1856. Куртавнель

Куртавнель (возле Парижа).
25/13 сентября 1856.

Ваше письмо довольно поздно дошло до меня, милый Лев Николаевич,— я ездил в Англию и нашел его здесь уже по возвращении [1]. Начну с того, что я весьма благодарен Вам за то, что Вы его написали, а также и за то, что Вы отправили его ко мне; я никогда не перестану любить Вас и дорожить Вашей дружбой, хотя,— вероятно, по моей вине — каждый из нас, в присутствии другого, будет еще долго чувствовать небольшую неловкость. Я убежден, что мы свидимся и будем видеться часто; уезжая, я сказал Вашей сестре, что не буду иметь времени посетить Вас в Ясной [2],— а она иначе поняла мои слова. Отчего происходит эта неловкость, о которой я упомянул сейчас,— я думаю, Вы понимаете сами. Вы единственный человек, с которым у меня произошли недоразуменья; это случилось именно оттого, что я не хотел ограничиться с Вами одними простыми дружелюбными сношениями — я хотел пойти далее и глубже; но я сделал это неосторожно, зацепил, потревожил Вас и, заметивши свою ошибку, отступил, может быть, слишком поспешно; вот отчего и образовался этот «овраг» между нами. Но эта неловкость — одно *физическое* впечатление — больше ничего; и если при встрече с Вами у меня опять будут мальчики бегать в глазах, то, право же, это произойдет не оттого, что я дурной человек. Уверяю Вас, что другого объясненья придумывать нечего. Разве прибавить к этому, что я гораздо старше Вас, шел другой дорогой... Кроме собственно так называемых литературных интересов — я в этом убедился — у нас мало точек соприкосновения; вся Ваша жизнь стремится в будущее, моя вся построена на прошедшем... Идти мне за Вами — невозможно; Вам за мною — также нельзя; Вы

слишком от меня отдалены, да и кроме того, Вы слишком сами крепки на своих ногах, чтобы сделаться чьим-нибудь последователем. Я могу уверить Вас, что никогда не думал, что Вы злы, никогда не подозревал в Вас литературной зависти. Я в Вас (извините за выражение) предполагал много бестолкового, но никогда ничего дурного;[а] а Вы сами слишком проницательны, чтобы не знать, что если кому-нибудь из нас двух приходится завидовать другому — то уже, наверное, не мне. Словом, друзьями в руссо́вском смысле мы едва ли когда-нибудь будем[3]; но каждый из нас будет любить другого, радоваться его успехам — и когда Вы угомонитесь, когда брожение в Вас утихнет, мы, я уверен, так же весело и свободно подадим друг другу руки, как в тот день, когда я в первый раз увидал Вас в Петербурге[4].

Но довольно об этом. Скажите мне лучше, что Вы делаете? Написали ли что-нибудь? Что — «Юность»? Что — кавказская повесть?[5] А записки Вашего брата — отделали ли Вы их и отправили ли их в Петербург?[6] — И сам он неужели намерен остаться на Кавказе? Если он вернется в Тульскую губернию, поклонитесь ему от меня[7]. Где Вы намерены провести зиму? Всё это меня очень интересует. Сам я раньше будущего июня месяца не попаду в Спасское. Здесь я пока ничего не делаю; — но переехавши в Париж (недели через три), примусь за работу. Мне здесь очень хорошо; я с людьми, которых люблю душевно — и которые меня любят. В октябрьской книжке «Современника» помещена будет моя повесть; скажите мне, понравится ли она Вам[8]. Мой адресс пока: Paris, poste restante. В Париже Фет — он Вам кланяется,— а из Берлина я получил письмо от Некрасова[9]. Как-то «С⟨овременник⟩» пойдет без него.

Прощайте, будьте здоровы, жму Вам крепко руку.

Ваш Ив. Тургенев.

P. S. Я пишу Вам в письме к Вашей сестре. Мой поклон Вашей тетушке. Кстати, уж если дело пошло на число 28, я тоже родился 28-го числа.

На обороте:

Графу Льву Николаевичу Толстому.

[а] *Далее зачеркнуто*: да Вы и

529. В. П. БОТКИНУ

18 (30) сентября 1856. Куртавнель

Куртавнель.
18/30-го сентября 1856.

Здравствуй, дружище! Давно собирался я написать тебе о себе — да всё не приходилось. Сегодня Виардо уехали на день в Париж — и я берусь за перо, пользуясь свободным временем. Уже шесть недель, как я здесь (я дней на десять ездил в Лондон на свидание с старыми друзьями) [1], и мне очень хорошо. Я здесь чувствую себя дома; никуда не хочется — на душе тихо и светло. И здоровье мое весьма удовлетворительно; одно только досадно: погода прескверная и в комнатах холодно. Но это пустяки: мы читаем, очень много музицируем, играем комедии — и дни проходят чудесно.— Моя дочка очень меня радует; у ней прекрасное сердце — и что-то весьма симпатичное, откровенное и доброе во всем существе; она ростом с Mme Виардо — и очень на меня похожа. По-русски забыла совершенно — и я этому рад. Ей не для чего помнить язык страны, в которую она никогда не возвратится.— Словом, мне очень хорошо — и я сообщаю тебе это, потому что знаю, что это тебя порадует.— Ну, а ты что поделываешь? Как провел лето в своем волшебном острове в Кунцове? Действительно ли была коронация государя так великолепна, как здесь пишут? [2] Пожалуйста, напиши мне слова два о литературных движениях в Москве. Что «Вестник»? Что «Беседа»? [3] До меня дошли слухи, что «Вестник» хочет напечатать письмо, в котором я обещал ему повесть — с своими комментариями — правда ли это? [4] Я от Некрасова получил уже письмо из Берлина [5] — он собирался в Вену — а оттуда в Венецию; — как-то без него пойдет «Совр⟨еменник⟩»? Пожалуйста, наблюдай за ним, не давай ему faire fausse route [6]. Ты, вероятно, приедешь зимою в Петербург — проведи там месяца два. Извещай меня обо всем, что может интересовать меня в литературном мире — я здесь, вероятно, до возвращения в Россию русской буквы не увижу напечатанной.— Что делает Аполлон Григорьев? [7] Бедный Островский переломил себе ногу: выздоровел ли он? [8] Я от Толстого получил на днях странное (и хорошее) письмо, на которое отвечал [9]. Прочти «Фауста» в октябрьской книжке «Совр⟨еменни⟩ка» — ты увидишь, я его выправил сообразно с твоими замечаниями — какое окончательное впечатление произведет он на тебя [10]. Фет в Париже — я его

видел. Скучает до исступления — ничего не понимает изо всего, что вокруг него происходит; вне своей лирики он плох — и совершенно лишен даже поверхностной наблюдательности [11].

Как только я перееду в Париж (в конце октября по новому стилю) — ты получишь мой адресс; но ты не жди этого — пиши мне poste restante, в Париж. Меня до крайности ты этим одолжишь.

В Лондоне я нашел приятелей гораздо лучше, чем думал: здоровы и достаточно веселы [12].

Ты, может быть, знаешь, что я из Кронштадта до Штеттина доплыл с сер⟨ом⟩ Ч. Непиром [13] — и с Пикулиным, который, как он мне сказывал, ехал за своей женой. Напиши мне два слова об этом деле — и о ней.

Ну прощай, мой милый. Обнимаю тебя крепко и прошу не забывать.

Твой
Ив. Тургенев.

530. И. И. ПАНАЕВУ

21 сентября (3 октября) 1856. Куртавнель

Куртавнель
(возле Парижа).
3-го октября / 21-го сентября 1856.

Милый Панаев, я получил твое письмо, в котором ты извещаешь меня о прибытии «Фауста» [1]. Благодарю за все сообщенные известия: я здесь нахожусь в совершенном неведении всего, что происходит в литературном нашем мире — и дорожу малейшей подробностью. Обещаю тебе, что употреблю все усилия, чтобы поддержать «Совр⟨еменни⟩к» — и собственными трудами, и сообщением разных новостей, известий, названий книг для переводов и т. д. За всё это я примусь, как только перееду в Париж — т. е. через три недели, а здесь мне и некогда, да и не то в голове. Я, однако, проездом в Париже познакомился с некоторыми литераторами — и в течение зимы я, вероятно, всех их увижу — так же как и издателей здашних Revues; посмотрим, что можно будет сделать [2]. Переехавши в Париж, я тебе тотчас доставлю свой адресс, а пока пиши: poste restante.

За «Нахлебника» я примусь тотчас, как только перееду в П⟨ариж⟩ — и вышлю его немедленно [3]. Я бы очень

был тебе благодарен, если б ты мог выслать мне за «Фауста» по 100 р. сер. за лист из сумм «С⟨овременник⟩а». Также прошу тебя выслать мне один экземпляр, сложив его в виде письма — это станет довольно дорого, но я с охотой заплачу его. Вексель на банкира пошли в другом письме.

Кланяйся Чернышевскому — я уверен, что вы вдвоем можете очень хорошо вести журнал [4]. Присылай мне по крайней мере перечень содержания каждого № «Совр⟨еменник⟩а». Я постараюсь выхлопотать, чтобы его мне присылали через здешний почтамт, но не знаю, удастся ли. Хоть, признаюсь, очень странно, что нельзя получить здесь одну нашу Revue, тогда как все здешние Revues попадают к нам. Я уверен, что если б Nомера отправлялись sous bande, они бы не могли дорого стоить. Попробуй, пожалуйста, с одним Nомером — может быть, удастся.

Кланяйся всем добрым приятелям — ты мне не писал, как встретили журналы объявление «Совр⟨еменник⟩а»? [5] Что Краевский и его «Ведомости»? [6] Что господа москвичи? [7] Напиши об этом слова два.

От Толстого я письмо получил и отвечал уже [8]. Будь здоров, дружески жму тебе руку и остаюсь

твой
Ив. Тургенев.

531. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

1 (13) октября 1856. Куртавнель

Courtavenel.
Ce 13 octobre 1856.

Chère fillette, je prends ce mauvais petit bout de papier pour t'écrire deux mots. Tout le monde se porte bien ici — on pense souvent à toi — et hier surtout, jour de la représentation du «Dépit Amoureux» [1], on a regretté ton absence: Mme Viardot m'a dit t'avoir écrit et j'espère qu'elle a été très bonne pour toi. Quant à moi, je t'embrasse de tout mon cœur et te prie de bien travailler, de ne pas t'ennuyer à la pension, d'être très obéissante pour qu'à mon retour, qui aura lieu avant quinze jours, je puisse te gâter à mon aise, sans avoir des reproches à me faire. Porte-toi bien — dis mille amitiés de ma part à Mme Harang — et pense à moi. La meilleure manière de me prouver que tu le fais, c'est de travailler beaucoup et bien.

A revoir bientôt!

Ton père
J. Tourguéneff.

532. И. И. ПАНАЕВУ
3 (15) октября 1856. Куртавнель

Куртавнель.
3/15-го октября 1856.

Милый Иван Иванович,

Я недавно тебе писал [1], но не хочу оставить твое последнее письмо без ответа [2]. Я еще здесь, но через десять дней я уже поселюсь в Париже [3] и примусь за работу очень серьезно. Моя новая большая повесть поспеет, если я буду жив и здоров, к Новому году [4] — вы ее можете напечатать в февральской книжке; а в декабрьской — «Нахлебника», которого ты получишь в измененном виде в половине ноября (если только цензура его пропустит) [5]. Остается тебе подшпоривать Толстого, чтобы он доставил «Юность» или кавказскую повесть к январской книжке [6]. Я ему писал в ответ на его письмо и также просил не лениться [7]; напоминал ему также о «Записках» его брата о Кавказе, которые *прелестны* и должны появиться в «Современнике» [8]. Кроме того, у меня до Нового года будет готова статья под заглавием: «Гамлет и Дон-Кихот» [9]. Если ты найдешь нужным, можешь поместить это в объявлении. Я очень рад, что «Фауст» в окончательном виде тебе понравился [10]; — дай бог, чтобы он понравился также публике. Вы хорошо делаете, что помещаете перевод Гетева «Фауста»; боюсь только, чтобы этот колосс, даже в (вероятно) недостаточном переводе Струговщикова, не раздавил моего червячка [11]; но это участь маленьких;— и ей должно покориться. Благодарю тебя также за то, что ты позаботился насчет высылки «Современника»; ты будешь получать от меня аккуратный отчет моих впечатлений, мои заметки и т. д. Я, как только попаду в Париж, познакомлюсь почти со всеми литераторами [12], но что из этого выйдет — узнаешь после.

Когда будешь писать Островскому, поклонись ему от меня и скажи, что я душевно сожалею о постигшем его несчастьи [13].

Напиши Григоровичу, что я ему кланяюсь и жму руку — и также прошу сделать что-нибудь к XI-му номеру. Дружинину скажи, чтоб он прислал мне свой адресс; я ему, по обещанию, отправлю из Парижа небольшую вещь [14]. Кланяюсь ему и всем петербургским друзьям, Языкову, Гончарову и т. д., и т. д.

Кстати, если «Король Лир» [15] появится в декабрьской книжке, то, я думаю, не худо бы «Нахлебника» отложить до января.

Прощай, будь здоров. Из Парижа напишу тебе тотчас и адресс вышлю. Прошу тебя выслать за «Фауста» деньги poste restante.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Жму руку Чернышевскому. Продолжаются его статьи о гоголевском периоде? [16]

533. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

11 (23) октября 1856. Куртавнель

Jeudi,
23 octobre 56.
Courtavenel.

Chère Paulinette,

Je pars d'ici dimanche et ne serai à Paris qu'à 10 heures du soir; je te verrai lundi — et te ferai sortir jeudi, si tu es sage. Mme Viardot quitte Courtavenel lundi [1]. A bientôt, merci pour ta gentille lettre, je suis très content que tu travailles bien et je t'embrasse de tout mon cœur.

Ton père
J. Tourguéneff.

P. S. N'oublie pas de demander à Mme Harang si elle peut donner une chambre chez elle, comme l'hiver dernier, à Mlle Désirée dès dimanche et prie-la de le faire savoir ici [a].

Ce n'est pas nécessaire.

534. Д. Я. и Е. Я. КОЛБАСИНЫМ

19 (31) октября 1856. Париж

Париж.
19/31-го октября 1856.

Добрые друзья мои,

Я получил ваши два письма и отвечаю [1]. Во-первых, благодарю вас, любезный Е⟨лисей⟩ Я⟨ковлевич⟩, за все ваши литературные известия; они мне были очень приятны, и я рассчитываю на продолжение ваших

---

[a] *От букв* P. S. *до слов* savoir ici *в подлиннике зачеркнуто.*

ежемесячных отчетов. Без них я здесь точно в мешке; ни один родной звук не доходит.— Некрасов в Риме [2]; я от него получил письмо; ему, кажется, хорошо. Пишите в Рим, poste restante. — Насчет помещения Гетева «Фауста» с моей безделушкой в одной книге — я совершенно вашего мнения — и писал Панаеву, что этот колосс раздавит моего червяка [3]. Жалко мне очень Щербину — неужели ему никак помочь нельзя? [4] Августовский и сентябрьский №-а «Современника» я получил от Брандуса (сообщите это Панаеву да напомните о высылке денег за «Фауста»). Я только успел прочесть статью Чернышевского, да очерки Берга [5], да статью Лайбова о «Собеседнике».— Кто этот Лайбов? [6] Статья весьма недурная.— От статьи Чер⟨нышевско⟩го я пришел в умиление — пожмите ему от меня за нее руку. Черн⟨ышевски⟩й, без всякого сомнения, лучший наш критик и более всех понимает, что именно нужно; вернувшись в Россию, я постараюсь сблизиться с ним более, чем до сих пор.— Напишите мне, какое будет в публике мнение о моем «Фаусте»? — и напишите без лицеприятия и обиняков.

Теперь перехожу к дедушке [7].

Я Искандеру написал о его просьбе — и как только получу ответ, тотчас дам знать в Петербург. Это первое. Я, разумеется, Искандеру представил дело в самом хорошем виде и надеюсь на его согласие [8].— Устав Марсельского банка мною заказан и вышлется через Брандуса. Благодарите его за доставленные сведения. Мне очень досадно, что он всё еще перебивается, как рыба об лед. Что же г-н Каменский со своими обещаниями? [9]. И Анненков не едет и не везет денег [10]. Когда этот толстый человек приедет, непременно заставьте его написать мне письмо.

Я до сих пор не принялся еще за работу, потому что не нашел квартеры, нанял было одну, да она оказалась холодна, и я ее бросил, потеряв 150 франков. — Пишите мне пока poste restante; как только поселюсь окончательно, дам вам знать. Здоровье мое недурно.

Будьте здоровы, я скоро напишу вам ответ Иск⟨андере⟩ра. Жму вам обоим руки и кланяюсь всем знакомым, Анне Захаровне, Дарии.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Не забудьте выслать мне 9 экземпляров моих повестей через Брандуса. Я не франкирую моих писем, чтобы они вернее доходили — это вы вычитайте из моих денег, когда вы их получите от А⟨нненко⟩ва. Распечатываю

письмо для сообщения просьбы очень важной, а именно: здешний первый кабинет для чтения, Галиньяни, желает иметь русскую газету. Я, разумеется, рекомендовал им «С. П.бургские ведомости». — Теперь вот что вы должны сделать; пойти от моего имени к Краевскому и сказать, что Галиньяни желает получать «С. П.бургские ведомости» с 1-го ноября до 1-го мая, т. е. на 6 месяцев. Нужные деньги для этого вы ему вручите, взявши от Анненкова, а адресс Галиньяни следующий:

Au cabinet de lecture de A. W. Galignani, rue de Rivoli. Paris.

А с Галиньяни деньги получу я. Это меня очень интересует, потому что я буду читать этот журнал.

535. В. П. БОТКИНУ

25 октября (6 ноября) 1856. Париж

Париж.
6-го ноября нов. ст. 1856.
25-го октября ст. ст.

Милый Боткин,

Твое письмо [1] меня душевно обрадовало — и я потому только не сейчас ответил тебе, что мне хотелось, переехавши в Париж, выслать тебе мой адресс. Но тут случились неприятности: первую квартеру, которую я нанял, я принужден был бросить, до того она оказалась холодна. Теперь я поселился Rue de Rivoli, № 206 — кажется, не дурно. Кроме этой маленькой неприятности, со мной случилась другая, большая, вероятно для того, чтобы доказать мне на деле, что полного счастья быть не может: вообрази, старая моя болезнь, невралгия в пузыре, после 6-летнего молчанья, вернулась на 4-й день моего переезда в Париж! Хотя она не очень сильна и хотя доктор уверяет меня, что это скоро пройдет — что эти невралгии имеют привычку просыпаться, когда человек попадает в тот воздух, где он их схватил,— однако, признаюсь, это сильно меня сконфузило — воспоминания о том, как я мучился, мало представляют утешительного. Однако я все-таки останусь здесь — что бы ни случилось.— Благодарю тебя за участие, которое ты принимаешь в моей жизни; — действительно, я очень был счастлив всё это время — может быть, потому , что «цветы последние милей роскошных первенцев полей» [2]. Теперь, если проклятая болезнь моя мне не помешает — я уже составил себе программу, как проводить время: утром работать (у меня уже совсем

сложен в голове план романа, и я набросал первые сцены [3]) — а вечером быть у друзей, выходить и т. д.— «Современник» я получаю через Брандуса; по моему настоянию, Галиньяни выпишет «С. П.бургские ведомости» — друзья меня тоже не забудут — и я не буду отрезан от России [4].— Спасибо тебе за все сообщенные известия; многое меня порадовало — и всё приходящее из России мне дорого. Не знаю, потому ли, что я за границей, но мне очень понравились августовский и сентябрьский №-а «Современника». Чернышевского я бы, пожалуй, побранил за его нецеремонное обращение с живыми людьми, которых он, не спросясь, вытаскивает за ворот из их частной жизни au grand jour de la publicité, как говорят французы [5]; но дорогое имя Б⟨елинского⟩ меня подкупает — и я с сердечным умилением читал иные страницы [6]. Кто такое г-н Лайбов, автор статьи о «Собеседнике»? [7] Вообще многое меня в «Совре⟨меннике⟩» порадовало — иное даже и не зависящее от редакции. Наблюдай за ним, пожалуйста — Чернышевскому нужен ментор, а Панаеву (entre nous soit dit) нянька [8]; я никого не вижу и не знаю, кто бы мог так отлично исполнить эту роль, как ты. Il faut que tu aies la haute main sur tout cela — я во Франции привыкаю говорить по-басурмански.

Я получил из России письма — мне говорят, что мой «Фауст» нравится (они имели глупость напечатать его с переводом Гётева «Фауста») [9] — но я не буду покоен, пока я не узнаю твоего окончательного мнения. Ты заметишь, что я многое исправил по твоим советам [10]. Впрочем, я это не говорю для captatio benevolentiae — я знаю, что ты во всяком случае скажешь правду. Алекс⟨андру⟩ Иванычу и Огареву «Ф⟨ауст⟩» не понравился [11]. Я вижу здесь Делаво (который тебе кланяется), он затевает издать новый перевод моих «Записок» [12]. К удивлению моему, мое имя известно во Франции — и мне предлагают разные издания моих переводов и т. п. Я был у Mr de Mars, rédacteur en chef de la «Revue des 2 Mondes» — и был очень любезно принят. Вообще, я могу, если захочу, перезнакомиться здесь со всеми литераторами — и я намерен это сделать в течение зимы. Теперь я пока не установился [13].

Вчера я обедал у Мельгунова. Он живет здесь с своей quasi-женой, в очень милом антресоле, который он сам меблировал. Это — хотя скучный, но милейший и добрейший человек. Зачем он только так пространно говорит! Он (и Делаво) тебе кланяются. Делаво такой русофил, что вообразить нельзя. Россия для него верх совершенства —

я его не разочаровываю. Что ни говори — а мне все-таки моя Русь дороже всего на свете — особенно за границей я это чувствую.

Получил я письмо от Некрасова из Рима [14]. Он начинает поскучивать — и с нетерпеньем поджидает Фета, который поехал к нему и теперь уже давно должен быть там.

Как отлично мы проводили время в Куртавнеле! Каждый день казался подарком — какая-то естественная, вовсе не от нас зависящая разнообразность проходила по жизни. Мы играли отрывки из комедий и трагедий (NB. Моя дочка была очень мила в расиновской «Ифигении» [15]. Я плох во всех ролях до крайности, но это нисколько не вредило наслаждению) — переиграли все симфонии и сонаты Бетховена (всем сонатам даны были, сообща, имена) — потом вот еще что мы делали: я рисовал пять или шесть профилей, какие только мне приходили — не скажу в голову — в перо; и каждый писал под каждым профилем, что он о нем думал. Выходили вещи презабавные — и Mme Viardot, разумеется, была всегда умнее, тоньше и вернее всех.— Я сохранил все эти очерки — и некоторыми из них (т. е. некоторыми характеристиками) воспользуюсь для будущих повестей [16]. Словом, нам было хорошо — как форелям в светлом ручье, когда солнце ударяет по нем и проникает в волну. Видал ты их тогда? Им очень тогда хорошо бывает — я в этом уверен.

Ах, если бы не вернулась моя проклятая невралгия!!! Не забывай меня, пожалуйста, и пиши, как только вздумается. Мне всегда очень весело получить от тебя письмо. Рассказывай мне про литературу, про общественную — и про свою жизнь.— Передай мой поклон Островскому, Писемскому и Григорьеву. Меня самого очень интересует повесть Островского — а что его «Минин»? [17] Неужели Писемский так захандрил, что даже роман свой не кончил? [18] Григорьев не приютился ни в каком журнале? [19] — Я давным-давно написал Толстому — и не получил от него ответа. Говорят, он был опасно болен [20].

Прощай, милый друг — будь здоров и пиши. Обнимаю тебя и остаюсь

твой
Ив. Тургенев.

536. А. И. ГЕРЦЕНУ

29 октября (10 ноября) 1856. Париж

Париж.
10-го ноября 1856.

Милейший Александр Иваныч,

Прежде всего благодарю тебя за твою охотничью услугу. «Англин» [1] человек честный и вручит тебе настоящее ружье — а я тотчас вышлю тебе деньги, как только они прибудут из моего «прекрасного далека», как выражался Гоголь [2].

Также низко тебе кланяюсь за Колбасина, хотя известие о том, что ты уже другому дал позволение печатать твои вещи — его, вероятно, огорчит. Впрочем, если ты П⟨исаревскому⟩ не дал письменного дозволения, то я не думаю, чтобы он мог что-нибудь сделать — потому что, кроме того, что у тебя есть наследники, цензура может спросить: а по какому праву ты печатаешь Искандера? И потому я все-таки прошу тебя выслать это позволение, поставивши вместо одного имени Колбасина — имена его и П⟨исаревско⟩го. Я ему тогда перешлю эту бумажку — и он, снесшись с П⟨исаревским⟩, будет в состоянии хлопотать [3].

Я хохотал до упаду от имени: Ипподром Сухозанет — и вовсе не вижу причины, почему тебе не поставить букв: И. Т.[4] Разве они не могут обозначать: Илиогабал Тизенгаузен? Сделай одолжение, не стесняйся — а я с большим нетерпеньем ожидаю этого письма. Я и в России не скрывал, что знаю и люблю тебя, тем более могу я теперь смело сознаться в этом пред кем бы то ни было.

Я вчера обедал с Пинто [5] у Мельгунова; мне он очень понравился — но что за борода в виде каскада! Шутки в сторону, он мне кажется тонкой, изящной и чистой натурой. A propos d'Italiens, поклонись от меня милейшему Саффи [6], qui a fait ma conquête.

Кланяюсь также всем твоим — Огареву, его жене и твоим детям. Что поэмы Огарева — будут ли напечатаны и где именно? [7]

Это, однако, нехорошо, что ты принужден был прибегнуть к огню... и, вероятно — корпии; что же касается до моей невралгии, то желал бы я очень, чтобы твое предсказание сбылось — а то я порядком потрушиваю.

На днях я надеюсь получить издание моих повестей и рассказов в трех томах — и тотчас перешлю тебе один экземпляр. Прочитай все это à loisir — и скажи мне свое

мнение обо всем. Огарева прошу о том же; ваше мнение мне дорого — и я ему верю [8].

Ну прощай, друг. Целую твои ясные очи. Если буду жив и здрав, увижу тебя в Лондоне, если не в феврале, то уже непременно в апреле — ибо я, перед возвращением в Россию, хочу провести часть сезона в Лондоне [9]. Еще раз спасибо и будь здоров.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Если ты по предложению моему пришлешь мне autorisation на бумажке [10], то кстати скажи о ружье — выдал ли тебе его Ленг; во всяком случае отвечай поскорей хоть одним словом [11].

537. И. И. ПАНАЕВУ

29 октября (10 ноября) 1856. Париж

Париж.
10-го ноября н. с. 1856.

Милый Панаев,

Я получил высланные тобою 800 фр. и благодарю. Также получил я через Брандуса авг⟨устовский⟩ и сент⟨ябрьский⟩ №-а «Современника» — и, хотя не всё успел прочесть (у меня их приятели утащили — я на днях получу их обратно),— однако самое любопытное просмотрел и скажу, что я обоими №-ами доволен. Статья Чернышевского меня искренно порадовала [1]; только я нахожу, что он несколько нецеремонно обходится с живыми людьми, рассматривая их частную жизнь с исторической точки зрения — иные, пожалуй, рассердятся, а иные струсят и закричат. Сознаюсь, что при выбранном им предмете трудно было совершенно избегнуть это неудобство, но все-таки считаю своею обязанностью это заметить [2]. А статья прекрасна, и иные страницы меня истинно тронули. Очерки Берга очень милы [3], статья Лайбова весьма дельна (кто этот Лайбов?) [4].— Благодарю тебя за твое хорошее мнение о моей деятельности и любви к «Совр⟨еменник⟩у»; могу тебя уверить, что я — как говорится про добрых пристяжных — постромки не отпущу ни на минуту, только вы с своей стороны тяните дружно. Я теперь окончательно поселился — Rue de Rivoli, № 206,— ты мне вперед poste restante уже не пиши. Я уже принялся за работу; одно меня несколько огорчает: проклятый мой пузырь, который 6 лет молчал, опять разболелся, должно быть, под влиянием здешнего климата (я эту невралгию здесь схватил),

боюсь я, как бы он не помешал мне работать. Но авось, бог милостив, это угомонится! Очень радуюсь я успеху моего «Фауста», радуюсь за себя и за «С⟨овременник⟩» [5]. Надо надеяться, что подписка на будущий год будет удовлетворительна.

Ну, прощай пока, будь здоров. Я принялся за «Нахлебника» и постараюсь в самом скором времени его выслать, а там статью о Гамлете [6], там повесть [7]. Лишь бы здоровье не изменило!

Поклонись от меня всем добрым приятелям: Языкову и др. Жму тебе руку и остаюсь

душевно тебе преданный
Ив. Тургенев.

538. А. В. ДРУЖИНИНУ

30 октября (11 ноября) 1856. Париж

Париж.
11-го ноября 1856.

Вчера получил я Ваше письмо [1], милейший Александр Васильевич — а сегодня отвечаю. Прежде всего спасибо за память; всё русское мне теперь вдвойне дорого — а привет от добрых друзей, подобных Вам — настоящий подарок. Я имел известие об Вас от Колбасина [2], которому поручил передать Вам мой поклон; теперь же очень рад узнать от Вас самих, что Вы здоровы и поселились в Петербурге. Что касается до меня — то я не более десяти дней как переехал в Париж — долго не мог найти порядочной квартиры — и был, как говорится, en l'air; теперь наконец нанял себе комнатку в Rue de Rivoli, № 206 — и собираюсь приняться за работу серьезно — потому что в деревне я вел жизнь самую праздную. К великому горю моему, одно меня сокрушает: глупый мой пузырь — после шестилетнего молчания, вдруг опять разболелся; говорят, невралгии имеют свойство просыпаться в том воздухе, где они привились человеку; и хотя доктор обнадеживает меня, говоря, что это долго продолжаться не может — однако я смущен. Впрочем, что будет, то будет!

Радуюсь охоте, с которой Вы принимаетесь за «Б⟨иблиотеку⟩ для чт⟨ения⟩», и уверен, что под Вашей редакцией журнал пойдет славно. Предвижу также, что не во всем буду соглашаться с Вами; но что за беда! У Истины, слава богу, не одна сторона; она тоже не клином сошлась. Зато знаю, что многое самое задушевное и дорогое для меня Вы выскажете так, что мне останется только кланять-

ся и благодарить, подобно тому, как я Вам кланялся за статью о Пушкине [3]. Это очень хорошо, что материалов у Вас много [4]; непременно хочу, чтобы и моя лепта к Вам попала. Мою статью Вы получите еще в нынешнем году — даю Вам честное слово — если только буду жив; напечатать ее Вы можете когда угодно, поговорив с «Современником» [5]. Я очень рад, что мой рассказ «Фауст» — Вам понравился [6], это для меня ручательство; я верю в Ваш вкус. Вы говорите, что я не мог остановиться на Ж. Занд; разумеется, я не мог остановиться на ней — так же как, напр., на Шиллере; но вот какая разница между нами; для Вас всё это направление — заблуждение, которое следует искоренить; для меня оно — неполная Истина, которая всегда найдет (и должна найти) последователей в том возрасте человеческой жизни, когда полная Истина еще недоступна. Вы думаете, что пора уже возводить стены здания; я полагаю, что еще предстоит рыть фундамент [7]. То же самое могу я сказать о статьях Чернышевского. Я досадую на него за его сухость и черствый вкус — а также и за его нецеремонное обращение с живыми людьми (как напр. в сентябрьской книжке «Совр⟨еменник⟩а») [8]; но «мертвечины» я в нем не нахожу — напротив: я чувствую в нем струю живую, хотя и не ту, которую Вы желали бы встретить в критике. Он плохо понимает поэзию; знаете ли, это еще не великая беда; критик не делает поэтов и не убивает их; но он понимает — как это выразить? — потребности действительной современной жизни — и в нем это не есть проявление расстройства печени, как говорил некогда милейший Григорович — а самый корень всего его существования. Впрочем, довольно об этом; я почитаю Ч⟨ернышевско⟩го полезным; время покажет, был ли я прав. Притом в «противовесие» ему — будете Вы и Ваш журнал; оттого-то я ему заранее радуюсь; Вы помните, что я, поклонник и малейший последователь Гоголя, толковал Вам когда-то о необходимости возвращения пушкинского элемента, в противовесие гоголевскому. Стремление к беспристрастию и к Истине всецелой есть одно из немногих добрых качеств, за которые я благодарен природе, давшей мне их.

Спасибо за подробности, сообщенные о литераторах — между прочим, о Григоровиче [9]. Неужели он зиму опять проведет в деревне? Когда будете писать ему, поклонитесь ему от меня дружески.

Я получаю здесь «Современник» из музыкальной конторы Брандуса; с нетерпеньем ожидаю «Лира» [10],

Чудесная Ваша мысль — переводить «Кориолана». То-то придется он Вам по вкусу — о Вы, милейший из консерваторов! [11] Нельзя ли Вам распорядиться, чтобы я с октябрьской (или даже с сентябрьской) книжки получал здесь «Б⟨иблиотеку⟩ для ч⟨тения⟩» тем же путем, каким я получаю «С⟨овременник⟩»? Я бы охотно платил издержки пересылки и очень был бы Вам благодарен. Пожалуйста, если можно, сделайте это.

Однако пора кончить.— Будьте здоровы — жму Вам руку крепко. Передайте мое искреннее почтение Вашей матушке, поклонитесь Майковым и прочим приятелям. До следующего письма.

Ваш
Ив. Тургенев.

Пишите мне теперь: Rue de Rivoli, № 206.

539. С. Т. АКСАКОВУ

1 (13) ноября 1856. Париж

Париж.
1-го/13-го ноября 1856.

Любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, до сих пор я всё странствовал — или, говоря точнее, до сих пор я не свил себе хотя временного гнезда — но теперь я поселился на квартере, rue de Rivoli, № 206, и взялся за перо, от которого рука отвыкла было.— Я часто думал об Вас и о Ваших — а теперь одно из первых моих желаний — дать Вам о себе весть и услыхать от Вас, как Вы можете и что делаете хорошего. Я даже не знаю наверное, где Вы — в Абрамцеве или в Москве — и пишу — наудачу — в редакцию «Русской беседы». Здесь я — пока — отрезан от живого сообщения с Россией; письма-то я получаю, хотя немного — но журналов (кроме 2 нумеров «Современника») — не вижу; впрочем, я надеюсь помаленьку всё это достать; здесь есть один князь Трубецкой, который всё получает и с которым я надеюсь познакомиться; сверх того, здешний священник [1] получает «Русскую беседу». Хочется мне очень перечесть во 2-м № «Р⟨усской⟩ б⟨еседы⟩» те главы из Ваших воспоминаний, которые я слышал в нынешнем году, весной, в Москве [2]. Книга Ваша произвела впечатление даже за границей; — скоро появится подробный отчет о ней в «Revue des 2 Mondes» [3].— Что касается до меня, то пребывание во Франции произвело на меня обычное свое действие: всё, что я вижу и слышу — как-то тес-

нее и ближе прижимает меня к России, всё родное становится мне вдвойне дорого — и если б не особенные, от меня уж точно не зависящие обстоятельства — я бы теперь же вернулся домой. Во всяком случае, если я буду жив и здоров — я в мае месяце у себя в деревне.— Я охотился здесь осенью; но дичи было весьма мало (кроме зайцев); куропатки переводятся — и скоро даже эта последняя однообразная французская охота прекратится. Впрочем, я убил одного фазана. Я заказал себе великолепнейшее ружье у первого мастера в Лондоне, Ленга, и весной вывезу оттуда двух отличных собак. Кролика я никак не мог убить ни одного; ужасно трудно стрелять их на перемычках; как мыши шмыгают они через узкие дорожки, оставляемые во Франции в лесах,— и выстрел всегда приходится позади.

Я написал в Петербург, чтобы доставили Вам один экземпляр моих собранных «Повестей и рассказов» анненковского издания [4]. В них, я это знаю, слишком много слабого. недоделанного — недоделанного отчасти от лени, а отчасти — что греха таить! — от бессилия; но Вы пропускайте или дополняйте мысленно — плохое — и взгляните снисходительно на остальное Я один из писателей междуцарствия — эпохи между Гоголем и будущим главою; мы все разрабатывали в ширину и вразбивку то, что великий талант сжал бы в одно крепкое целое, добытое им из глубины; что же делать! Так нас и судите.

Напишите мне, пожалуйста, хотя два слова о себе и о всех Ваших. Что И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩ вернулся из Крыма — и как его здоровье? [5] Что делает К⟨онстантин⟩ С⟨ергеевич⟩? Как идет «Беседа» в отношении финансовом— т. е. много ли у ней подписчиков? [6] — Что делается в Москве? Мы здесь чуяли веяние новой жизни, начавшейся на родине [7] — и радовались душевно; скажите слово и о ней. — Передайте мой поклон Самарину и Хомякову [8].

Хочу я познакомиться с здешними литераторами, хотя ни к одному не чувствую симпатии и ничего не ожидаю для себя от этого знакомства; но оно любопытно — и, может быть, поучительно. Состояние умов во Франции, сколько я могу судить, довольно странное и совсем не такое, каким его почитают у нас. Этого в письме — и особенно в немногих словах — не передашь. Постараюсь глядеть на всё без предубежденья и пристрастья — и буду также стараться много видеть.

Прощайте, любезнейший Сергей Тимофеевич, желаю

Вам от души всего хорошего на свете. Кланяюсь Вашей супруге и всем Вашим, крепко жму Вашу руку и остаюсь навсегда

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

540. Д. Я. КОЛБАСИНУ

2 (14) ноября 1856. Париж

Париж.
2/14 ноября 1856.

Я всё ждал положительного ответа [1], милый Д⟨митрий⟩ Я⟨ковлевич⟩, и оттого медлил писать Вам; но вчера я получил октябрьскую книжку «Соврем⟨енник⟩а» и нашел такие кровожадные опечатки, что спешу Вам написать о них, хоть я боюсь, что уже невозможно будет поправить их в издании моих «Повестей». В таком случае прибавьте особую страничку, а именно [2]:

Стран.	Строк:	Вместо:	Читай:
102	18 (сверху)	не даром же она *жена*	не даром же она *жила*.
107	14 (снизу)	а вот это *грубо*	а вот это *глубоко*.
117	7 (снизу)	много *мечтал* о счастье	много *мечтая* о счастье.
119	6 (сверху)	*чувствительные*	*чувственные*.
121	10 (снизу)	*много*	мног*ое*.
126	17 (снизу)	*крикнул*	*кликнул*.
127	7 (сверху)	*тошно*	*томно*.

Сознайтесь, что от иных из этих опечаток волосы должны встать дыбом и не опускаться в течение 36-ти часов. Ради бога, примите Ваши меры.

Теперь о Вашем деле:

1) Желаемые Вами издания в Париже не нашлись, я приказал их выписать из Марселя — и вот уже в третий раз мы пишем туда и понукаем тамошних корреспондентов — ответа пока еще нет; как только явятся книги — я Вам их тотчас перешлю через Брандуса [3].

2) Искандеру я сообщил о Вашем желании; но Вас предупредил некто штабс-капитан Писаревский, издатель физики; он, будучи в Лондоне, выпросил у Искандера [a] *сло-*

[a] *Было*: Герцена

весное позволение издать его вещи. Это, однако, не помешало Ис⟨канде⟩ру написать мне, что не для чего было спрашивать позволения; он разрешает кому угодно печатать его вещи [4]. Я на это ему отвечал [5], что без письменного свидетельства и цензура может затрудниться, и родственники могут оказать претензию — а потому просил его прислать мне бумагу, в которой он объяснил бы, что разрешает Писаревскому и Вам хлопотать об издании его сочинений и печатать их; но до сих пор ответа я не получил; как только он прибудет, я сообщу Вам его немедленно [6].

Приношу искреннюю благодарность милому Елисею Яковлевичу за его 2-ое большое письмо [7], за 1-ое я уже благодарил. Оно очень интересно, а для меня, здесь — истинная пища душевная. Радуюсь успеху «Фауста» [8], я таки за него побаивался, несмотря на похвалы Некрасова.— Стихи Майкова [9], сообщенные мне Е⟨лисеем⟩ Я⟨ковлевичем⟩, действительно мне понравились, как он предчувствовал. Словом — я теперь обеспечен — или, как говаривал мой известный камердинер Иван [10] — «Я обюспючюн» — и благодарю богов.

Скажите Анненкову, что я твердо был уверен (его аккуратность меня избаловала) получить от него ответ из Петербурга на мое письмо, посланное через Вас (ведь оно дошло до него?), и что я очень недоволен его молчанием [11] — а все-таки люблю его и лобзаю в толстый лоб. Лоб у него, точно, толстый — но умный.

Повторяю свою просьбу о высылке мне в самоскорейшем времени 3 экземпляров моей книги, как только она выйдет [12]. Остальные девять (я себе спросил у Анненкова 12) прошу выслать или передать от моего имени следующим лицам:

1) Гончарову. 2) Сергею Тимофеевичу Аксакову. 3) Дяде Н⟨иколаю⟩ Н⟨иколаевичу⟩. 4) Ольге Александровне Тургеневой (через Анненкова). 5) Вам обоим. 6) Анне Захаровне. 7) Дарии (при сем можете поцеловать ее). 8) Графине Марии Николаевне Толстой. 9) Миницкому.

Кстати, я более шести недель тому назад написал длинное письмо графине Толстой, со вложением письма к ее брату — и до сих пор никакого ответа не получил [13]. Узнайте, пожалуйста, через Толстяка-Самоеда [14], дошли ли эти письма до них — и почему они не отвечали? — Также сообщите мне, что Вы знаете о дяде? Я уже более двух месяцев не получаю от него ни письма, ни денег, которые мне стали нужны до зарезу [15].

Ну, прощайте пока.— Я Вам очень скоро напишу, как только придут ответы. Будьте оба здоровы, крепко жму вам руки и остаюсь навсегда

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Продолжаю не франкировать письма, вы мне их ставьте на счет. Получили ли Вы деньги с Анненкова и заплатили ли Краевскому? Да, кстати, Панаев и не думал мне присылать выписку из «О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩», где говорится о коалиции [16]; пусть Е⟨лисей⟩ Я⟨ковлевич⟩ примет за правило: такие слова считать как бы непроизнесенными.— Хотелось бы мне посмотреть эту вырезку.

541. Д. Я. КОЛБАСИНУ

7 (19) ноября 1856. Париж

Париж.
7/19 ноября 1856.

Из Марселя всё нет присылки [1], любезный Колбасин, но так как я сегодня получил письменное позволение Искандера, то решаюсь переслать Вам его тотчас. Желаю, чтоб Вы извлекли из него пользу [2].

Сверх того, прошу Вас о следующем (забытом мною в последнем письме):

1.) Выслать мне вместе с экземпляром моих повестей «Отрочество» и «Детство» Толстого, его «Военные рассказы» и «Стихотворения» Некрасова — и тотчас написать мне, когда Вы всё это вышлете? [3]

2.) Устроили ли Вы дело о «С. П.бургских ведомостях» для Галиньяни и что это стоило? [4]

3.) Что, ничего не слыхать о «Записках охотника»? [5]

4.) Отчего Анненков мне не пишет?

Наконец 5.) (Самое важное). Напишите от моего имени дяде, что вот уже 2 месяца, как я ни строчки от него не получаю и сижу без денег. Я начинаю думать, не затерялось ли его письмо? Пусть он Вам напишет об этом и напишет мне rue Rivoli, № 206.— Также узнайте от толстяка Толстого [6] — получил ли он мое письмо, в котором было письмо для Льва Николаевича. Я, кажется, уже писал Вам об этом, но повторить — не беда [7].

Пожалуйста, исполните мои прошения. (NB — Заплатили ли Вы Краевскому?) [8] Я Вас бомбардирую письма-

ми.— Будьте здоровы и веселы, жму Вам крепко руку — Вам и родственнику — и остаюсь

любящий Вас
Ив. Тургенев.

P. S. Прошу также ⟨выпол⟩нить просьбы, озна⟨ченные⟩ в предыдущих пись⟨мах⟩, и отвечать по н⟨им⟩[a].

542. М. Н. ЛОНГИНОВУ

7 (19) ноября 1856. Париж

Париж.
19/7 ноября 1856.

Ну, душа моя, Михаил Николаевич, порадовал ты меня своим письмом! [1] Я как нарочно всё это время ни от кого строки не получал — и вдруг твой четкий, круглый, восхитительный почерк! Спасибо тебе, что не забыл своего обещанья — и, в доказательство моей благодарности, отвечаю тебе тотчас.

Скажу тебе о себе, что я поселился на постоянную квартеру — Rue de Rivoli, № 206 — и всем был бы доволен, если б не проклятый мой пузырь, которого чёрт дернул опять разболеться! Это сильно меня огорчает и, вероятно, несколько охладит мое рвение к работе. Однако постараюсь не поддаться.

Хотя большинство моих приятелей хвалит мою последнюю повесть, однако ты не один ее порицаешь — Александр Иванович и Огарев разделяют твое мнение [2]. Поразмыслив хорошенько дело, я согласен с тобою — не потому, что я всегда охотнее соглашаюсь с теми, кто меня порицает — а потому, что я чувствую справедливость слов твоих. И «Фауст» неудачно выбран — и напрасно хватил я фантастического элемента. Видно, мне было написано на роду заплатить ему дань. Теперь мы с ним квиты. Я задумал теперь очень большую повесть [3]— надеюсь, что она выйдет порядочною. Сперва напишу маленький рассказ для Дружинина [4].— Кстати, я прочел его программу [5]. Мне она понравилась — и я думаю, что журнал его пойдет хорошо — хотя и не заменит «Современника» в глазах молодого поколенья. «Б⟨иблиотека⟩

---

[a] *Бумага повреждена.*

для ч⟨тения⟩» будет слишком холодна, бесстрастна — и русского в ней будет мало. Но журнал выйдет дельный, почтенный и полезный — и надо постараться дать ему ход [6].

Я никогда не сомневался в огромном успехе стихотворений Некрасова. Радуюсь, что мои предсказания сбылись; радуюсь также тому, что эта книга прошла без больших повреждений [7]. Что ни толкуй его противники — а популярнее его нет теперь у нас писателя — и поделом.— Он теперь в Риме с А⟨вдотьей⟩ Я⟨ковлевной⟩ и с Фетом; я от него получил несколько писем. Скучает немного — но в здоровье очень поправился. Это главное.

Тебе, вероятно, известно, что мои «Повести и рассказы» [8], изданные Анненковым (за исключением «Записок охотника»), должны выйти на днях — или даже, вероятно, уже теперь вышли. Пожалуйста, перечти их — и сообщи мне с полнейшей откровенностью и собственное твое мнение, и мнение публики на их счет. Ты меня этим крайне обяжешь. Голос критики нигде так не благотворен, как если сам находишься в отдалении от родины [9].

Также прошу тебя сообщить мне: какое место в глазах публики занимает «Русская беседа» — сравнительно с «Русским вестником» — и что поделывает русское воззрение? Тебе не нужно будет пускаться в подробности: два слова, метко сказанных — ты на это мастер — достаточны [10].

Сердечно сочувствую твоему счастью и радуюсь ему [11]. Как мне ни хорошо душевно, признаюсь, вне родного круга, вне постоянных, правильных отношений нет прочного счастья. А тут еще болезнь примешалась, которая, по словам докторов, тоже происходит от влияния парижского климата.— Я, может быть, вернусь в Россию скорее, чем предполагал [12].

Я еще не осмотрелся здесь как следует — и пока не делаю новых знакомств. Но я намерен сойтись с здешними литераторами. Русских здесь, кажется, очень много — но интересных мало между ними; я видаю здесь одну твою приятельницу, княгиню Вяземскую (урожденную Новосильцеву), которая велит тебе кланяться.

Ну прощай, милый толстяк; пиши мне Rue de Rivoli, № 206. Я ни одного твоего письма не оставлю без ответа.— Я дней десять тому назад писал Боткину — получил ли он мое письмо? [13] Да, кстати, вот тебе еще одно поручение. Узнай (ты ведь всех знаешь), где находится графиня Ламберт (урожденная Канкрина), и напиши мне: в Петербурге ли она или где? Не забудь этого [14].

Еще раз тебя обнимаю, кланяюсь твоей жене и остаюсь навсегда

душевно тебя любящий

Ив. Тургенев.

P. S. Не франкируй своих писем; они так вернее доходят; я свое тоже не франкирую.

543. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

7 (19) ноября 1856. Париж

Париж.
7/19 ноября 1856.

Любезнейший Александр Николаевич, много думал я о Вас всё это время и не однажды пересылал Вам поклоны через общих наших знакомых. Искренно огорчило меня несчастное происшествие, случившееся с Вами [1], я сам в молодости ломал свои члены и знаю, как это гадко. Надеюсь, что Вы теперь уже окончательно выздоровели и ходите. Боткин писал мне, что видел Вас; также сообщил мне, что Вы пишете повесть; с нетерпением ожидаю ее появления в «Совр⟨еменник⟩е» [2] (я получаю его здесь), а что Ваш «Минин»? [3] Эту вещь Вы непременно должны сделать — кроме Вас ее сделать некому — и надо, чтобы она у Вас вышла капитальною вещью. Здесь, на чужой земле, мне всё русское еще более близко стало и дорого; — а ни в одном из наших писателей русский дух не веет с такой силой, не играет так, как в Вас. Подарите нас всех и меня в особенности «Мининым»; — а мы Вам поклонимся все в пояс.

Что мне сказать Вам о себе? Я не более двух недель как поселился в Париже; всю осень я прожил в деревне, в 60 верстах отсюда, охотился, бездействовал и очень приятно проводил время.— Теперь я намерен приняться за работу; также хочется мне посмотреть поближе на здешнюю жизнь и на здешнюю литературу. Оно, пожалуй, и не весело, да поучительно. Всё здесь измельчало и изломалось. Простоты и ясности и не ищи; всё здесь хитро и столь же бедно, нищенски бедно, сколь хитро.— Я непременно в мае месяце вернусь в Россию [4]; не приедете ли Вы, хотя в будущем году, погостить ко мне в деревню?

Слышу я, что Писемский в Москве хандрит. Отчего он хандрит? Вы, кажется, имеете на него влияние — встряхните его. Что его роман? [5] Поклонитесь ему от меня — и попросите его от моего имени написать мне письмо; мы как-то с ним переписывались. Я ему отвечу тотчас; вообще

я исправный корреспондент. Поклонитесь от меня также Григорьеву. Так вышло — к крайней моей досаде, что не удалось мне увидать его в нынешнем году в Москве. Я знаю, мы бы спорили с ним до упаду, но я чувствую, что мы бы очень тесно сошлись. Меня влечет к нему; он напоминает мне покойного Белинского [6]. Это сравнение, может быть, ему не понравится; но оно так,— и для меня всё, что напоминает Белинского, мило. Что прикажете делать! Я остаюсь верен своим привязанностям.

Описали ли Вы (и Писемский тоже) свою поездку — и где явится это описание? Вероятно, в «Морском сборнике» [7]. Мне его перешлют.

Если вздумается Вам написать мне (за что я Вам буду очень благодарен) — скажите слова два о литературных движениях в Москве. «Русскую беседу» мне здесь обещают; «Русский вестник», говорят, тоже у кого-то есть. Но всё это, пока, одни буки — а Вы мне скажите Ваше слово. Сообщите мне, где Потехин и что он делает? Адресс мой: Rue de Rivoli, № 206.— Paris.

Что делает Садовский? Передайте ему мой поклон. Был я здесь в театрах. В течение последних 6 лет не появилось ни одного нового замечательного таланта — а старье всё поизносилось и поизбилось. Два-три новых молодых играют просто; — и только: — похвала, как видите, не слишком большая. — Бурдин был здесь и приставал ко мне; — хорош был гусь прежде — воображаю, что он будет из себя выламывать, вернувшись.— Фет был в Париже и уехал к Некрасову в Рим [8]; это человек-душа — милейший поэт, врет иногда так мило, что расцеловать его хочется. Скучал здесь ужасно и вздыхал беспрестанно. Авось в Италии ему легче будет.

Прощайте, любезный А⟨лександр⟩ Н⟨иколаевич⟩. Будьте здоровы, не ломайте себе вперед ни ног, ни рук — и пишите. Пишите комедии, драмы, повести — и хоть одно письмо ко мне. Жму Вам дружески руку и остаюсь

душевно Вас любящий

Ив. Тургенев.

P. S. Пришлите мне свой адресс.

544. И. А. ГОНЧАРОВУ

11 (23) ноября 1856. Париж

...А что делает Ваша литературная деятельность, не хочу и думать, чтобы Вы положили свое золотое перо на полку, я готов Вам сказать, как Мирабо Сиэсу: le silence

de M-r Gontscharoff est une calamité publique![1] Я убежден, что, несмотря на многочисленность цензорских занятий, Вы найдете возможным заниматься Вашим делом, и некоторые слова Ваши, сказанные мне перед отъездом, подают мне повод думать, что не все надежды пропали. Я буду приставать к Вам с восклицаниями: «„Обломова“! и 2-ой (художественный) роман!»[2], пока Вы кончите их, хотя бы из желания отделаться от меня, — право, Вы увидите.

Шутки в сторону, прошу Вас убедительно сообщить мне, в каком положении находятся эти 2 романа: горячее участие, которое я в них принимаю, дает мне некоторое право предложить Вам этот нескромный вопрос.

Я намерен познакомиться с здешними литераторами и постараться поближе вникнуть во французскую жизнь.

...Мне кажется, что, жалуясь на себя, Вы нарочно преувеличивали, желая самого себя раздразнить и подшпорить (это чувство мне самому знакомо), но в Вашем письме такая неподдельная серьезность и искренность, что у меня и руки опустились. Неужели же, подумал я, мы в самом деле должны отказаться от Гончарова-писателя? Неужели же этот прелестный роман, очерк которого, набросанный им в один зимний вечер в Петербурге (в доме Степанова), наполнил таким веселым умилением меня и Дудышкина (Вы не забыли этого вечера?), неужели этот роман, уже почти готовый, уже просившийся на свет, должен исчезнуть навсегда?..

545. Л. Н. ТОЛСТОМУ

16 (28) ноября 1856. Париж

Париж.
28/16 ноября 1856.

Любезнейший Толстой, письмо Ваше от 15-го октября ползло ко мне целый месяц — я его получил только вчера[1]. Я подумал хорошенько о том, что Вы мне пишете — и мне кажется, что Вы не неправы. Я, точно, не могу быть совершенно истинен с Вами, потому что не могу быть совершенно откровенен; мне кажется: мы познакомились неловко и в неладную минуту — и когда мы увидимся опять, дело пойдет гораздо глаже и легче. Я чувствую, что люблю Вас как человека (об авторе и говорить нечего); но многое меня в Вас коробит; — и я нашел под конец удобнее держаться от Вас подальше. При свидании попытаемся опять

пойти руку об руку — авось удастся лучше; а в отдалении (хотя это звучит довольно странно) — сердце мое к Вам лежит как к брату — и я даже чувствую нежность к Вам. Одним словом — я Вас люблю — это несомненно, авось из этого со временем выйдет всё хорошее.

Я слышал о Вашей болезни — и огорчался [2]; а теперь прошу Вас выкинуть воспоминание о ней из головы. Ведь Вы тоже мнительны — и, пожалуй, думаете о чахотке; но, ей-богу, у Вас ее нет. Очень мне жаль Вашей сестры; кому бы быть здоровой, как не ей,— то есть, я хочу сказать — если кто заслуживает быть здоровой, так это она; а вместо этого — она всё мучится. Хорошо бы, если московское лечение помогло ей [3]. Что Вы не выпишете Вашего брата? Что ему за охота сидеть на Кавказе? Или он хочет сделаться великим воином? [4] Меня дядя мой известил, что вы все уже выехали в Москву [5]; и потому я это письмо адрессую в Москву, на имя Боткина.

Французская фраза мне так же противна, как Вам — и никогда Париж не казался мне столь прозаически-плоским. Довольно не идет ему; я видел его в другие мгновенья — и он мне тогда больше нравился [6]. Меня удерживает здесь старинная, неразрывная связь с одним семейством [7] — и моя дочка, которая мне очень нравится: милая и умная девушка. Если б не это, я бы давно уехал в Рим, к Некрасову. Я от него получил два письма из Рима — он скучает слегка,— да оно и понятно — всё, что в Риме есть великого, только окружает его; он не живет с ним; — а редкими мгновеньями невольного сочувствия и удивления долго пробавляться нельзя. Впрочем, ему все-таки легче, чем в Петербурге — и здоровье его поправляется [8]. Фет теперь в Риме с ним... Да, батюшка, был он в Париже, но более несчастного, потерянного существа Вы вообразить себе не можете. Он скучал так, что, хоть кричать, никого не видал, кроме своего слуги француза. Приехал было ко мне (т. е. к Mr Виардо) в деревню — и оставил (это между нами) впечатление неприятное. Офицер, endimanché, с кольцами на пальцах и Анненской лентой в петлице, рассказывает ломаным французским языком тупейшие анекдоты — юмор исчез совершенно, глаза круглые, рот круглый, бессмысленное изумление на лице — хоть брось! В моей комнате я с ним спорил до того, что стон стоял во всем доме от диких звуков славянской речи; словом — нехорошо было. Впрочем, он написал несколько грациозных стихотворений и подробные путевые записки, где много детского,— но также много умных и дельных слов—

и какая-то трогательно-простодушная искренность впечатлений [9]. Он — точно, душка, как Вы его называете.

Теперь о статьях Чернышевского. Мне в них не нравится их бесцеремонный и сухой тон, выражение черствой души; но я радуюсь возможности их появления, радуюсь воспоминаниям о Б⟨елинском⟩ — выпискам из его статей, радуюсь тому, что наконец произносится с уважением это имя [10]. Впрочем, Вы этой моей радости сочувствовать не можете. Анненков пишет мне, что на меня это потому действует, что я за границей — а что у них это, мол, теперь дело отсталое; им уже теперь не того нужно [11]. Может быть; — ему на месте виднее; а мне все-таки приятно.

Вы окончили 1-ую часть «Юности» — это славно. Как мне обидно, что я не могу услыхать ее! Если Вы не свихнетесь с дороги (и, кажется, нет причин предполагать это) — Вы очень далеко уйдете. Желаю Вам здоровья, деятельности — и свободы, свободы духовной.

Что касается до моего «Фауста»,— не думаю, чтоб он Вам очень понравился. Мои вещи могли Вам нравиться — и, может быть, имели некоторое влияние на Вас — только до тех пор, пока Вы сами сделались самостоятельны. Теперь Вам меня изучать нечего, Вы видите только разность манеры, видите промахи и недомолвки: Вам остается изучать человека, свое сердце — и действительно великих писателей. А я писатель переходного времени — и гожусь только для людей, находящихся в переходном состоянии.

Ну, прощайте и будьте здоровы. Напишите мне — мой адресс теперь Rue de Rivoli, № 206. Благодарю Вашу сестру за два приписанных слова; кланяюсь ей и ее мужу. Спасибо Вареньке, что она меня не забывает. Я было хотел поговорить с Вами о здешних литераторах,— но до другого разу. Крепко жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

P. S. Я не франкирую письма: и Вы так же поступайте.

546. А. И. ГЕРЦЕНУ

24 ноября (6 декабря) 1856. Париж

Париж.
6-го декабря 1856.

Вчера я послал тебе через Ротшильда 500 франков, милый Герцен — и прошу, чтобы ты подождал уплату остальных до нового года. Ты обратись к Ротш⟨ильду⟩

с запросом о 500 фр⟨анках⟩, высланных тебе из Парижа Тургеневым — и сейчас их получишь.

Я получил «Амнистию» и другие брошюры [1]. Письменно говорить об этом затруднительно — откладываю всё это до зимнего свидания, которое становится всё более вероятным [2]. Ограничиваюсь теперь изъявлением моего сочувствия. Н⟨иколай⟩ А⟨лександрович⟩ М⟨ельгунов⟩, которого я вижу часто — не дает мне покоя насчет двух букв, долженствующих стать во главе твоего письма; он уверяет, что это опасно, я убежден, что это пустяки, и только желал бы, чтобы в самом письме не было упомянуто о подробностях и случайностях нашего свидания [3].

Я давным-давно отправил к Колбасину твое разрешение вместе с «оным», но до сих пор еще ответа от него не получал [4]. Во всяком случае повторяю тебе его и мое спасибо; я думаю, что это славная была бы штука — если б позволили хотя один твой роман.

Из России я имею известие о громадном и неслыханном успехе «Стихотворений» Некрасова [5]. 1400 экземпляров разлетелись в 2 недели; этого не бывало со времен Пушкина. От него я давно не имею писем; кажется, он хандрит и скучает в Риме [6]. Он и в России скучал — но не так едко; плохо умному человеку, уже несколько отжившему — но нисколько не образованному, хотя и развитому — плохо ему в чужой земле, среди незнакомых и неизвестных явлений! Он чует смутно их значение, и тем больше разбирает его досада и горечь — не бессилия, а невозвратно потерянного времени!

Мне здесь хорошо — и было бы еще лучше, если б не подлый мой пузырь! Очень он мне мешает жить — особенно работать почти невозможно. Зато я читаю пропасть. Проглотил Суетония, Саллюстия (который мне крайне не понравился), Тацита и частью Тита Ливия. Ты спросишь — что за латиномания на меня напала? [7] Не знаю; может быть, она навеяна современностью.

Но вот что прочти непременно: «The Confessions of an Opium-eater». Прочти и скажи мне — такое же ли впечатление произведет эта книжечка на тебя, как на меня [8]. Я ее прочел *два раза* сряду — à la lettre.

Прощай; целую тебя в лоб, а Огарева в бороду, жену его в руку — а детей твоих в ясные очи. Будьте все здоровы и веселы и не забывайте

любящего Вас
Ив. Тургенева.

547. В. П. БОТКИНУ

25 ноября (7 декабря) 1856. Париж

Париж.
7-го декабря / 25-го ноября 1856.

Милейший и любезнейший Боткин, письмо твое мною получено и прочтено с великим умилением [1]. Речи твои золотые, и я слушаю их, как некий пустынножитель слушал пение райской птицы. Всё сказанное тобою насчет моего писания чрезвычайно дельно и умно — всё принято к сведению и к надлежащему исполнению [2]. В теперешнее безначальное время только в тебе да еще, пожалуй, в Анненкове живет критическая сила;— в тебе она иногда шалит под влиянием каприза, в нем она затемняется беспомощной путаницей выраженья и степным лукавством; но от обоих вас слышал я душеспасительные слова — и плакаться я на себя готов, что не довольно принимал их к сердцу; что делать! человек есть дрянь в некотором роде — а я, грешный, и подавно; а потому не уставайте меня наставлять на путь истины — а я буду стараться, чтобы хлопоты ваши не пропадали даром. Мне кажется, главный недостаток наших писателей и преимущественно мой — состоит в том, что мы мало соприкасаемся с действительной жизнью, то есть с живыми людьми; мы слишком много читаем и отвлеченно мыслим; мы не специалисты, а потому у нас ничего не выходит специально. Мерк говорит весьма справедливо: Alles (у древних) war local, für den Moment — und dadurch ward's ewig. Wir schreiben in's weite Blaue, für alle Menschen und für die liebe Nachwelt und eben dadurch für Niemand.

Если кто-нибудь из нас и обращает внимание auf das Locale — то тотчас старается придать ему всеобщее, то есть им придуманное всеобщее значение — и из этого выходит чепуха.

Я упомянул о Мерке. Я теперь много занимаюсь им и намерен познакомить с ним русскую публику. Это был величайший критик, которого можно сравнить разве с одним Лессингом.— Те, которые знают о нем (а таких очень мало) — думают, что Гёте с него списал Мефистофеля — и только. Отчасти это справедливо — и быть оригиналом такого типа уже очень почетно — но в Мерке было более чем одно ироническое отрицание. Я достал наконец его «Избранные сочинения». Это небольшая книга в 350 стр. (с его биографией) — и нашел в ней мно-

жество превосходных вещей. Может ли, например, что-нибудь быть лучше следующего изречения: «Dein Bestreben,— сказал он однажды Гёте,— deine unablenkbare Richtung ist: dem Wirklichen eine poetische Gestalt zu geben; die Andern suchen das sogenannte Poetische, das Imaginative zu verwirklichen — und das giebt nichts wie dummes Zeug».

Если ты можешь достать эту книгу — вот ее заглавие: Johann Heinrich Merck. Ein Denkmal, herausgegeben von Dr. Adolf Stahr. Oldenburg. (Schulze'sche Buchhandlung). 1840 — прочти ее — обещаю тебе большое наслаждение.

Также прочел я в последнее время — «The Confessions of an English Opium-eater» — удивительная штука! Я ничего подобного не встречал [3].

Вообще, я ужасно много прочел в последнее время; пузырь мой мешает мне писать, нарушая спокойствие и ясность духа. Я не чувствую себя свободным — точно мне свечку под подошвой держат, ровно настолько, чтобы не зажигалась кожа. Впрочем, с некоторых пор мне лучше — я начал принимать хинин — и авось судьба надо мною смилостивится и избавит меня от этой напасти. В противном случае горе моей литературной деятельности! А прочел я Суетония, Саллюстия (которого возненавидел за изысканность слога), Тацита — и начал Тита Ливия; я нахожу этих писателей, особенно первых — весьма современными.

Делаво перекатал моего «Фауста» — и тиснул его в декабрьской книжке «Revue des 2 Mondes» [4], издатель (де-Марс) приходил меня благодарить и уверял, что эта вещь имеет большой успех; а мне, ей-богу, всё равно, нравлюсь ли я французам или нет, тем более что M-me Виардо этот «Фауст» — не понравился.

Достолюбезнейший Полонский известил меня [5], между прочим, что Толстой в Петербурге — а я ему писал на твое имя в Москву [6]. Доставь ему это письмо — и так как ты наверное прочел «Юность» — скажи мне твое мнение, которое я жажду узнать [7]. Твои слова о Толстом меня порадовали [8] — а успех Некрасова — дело знаменательное. Публике *это нужно* — и потому она за это и хватается [9].— Пожалуйста, поживи в Петербурге подолее — и обрати всё свое внимание на «Современник»; боюсь я, как бы он не расшатался. Также напиши мне со всей правдивостью, какого рода мнение слагается в публике о моих «Повестях»; я их еще не получал здесь, хотя, говорят, они давно отправлены [10].

Я здесь почти не вижусь с французами — хожу к двум, трем русским, к Мельгунову между прочим. Вот чудак! — но милый чудак. А это, однако, скверно, что у тебя такое проявилось; под влиянием этого известия я приобрел себе capotis en caougutta perfectionnée — хотя мне это нисколько не нужно.

Ну прощай — дружески жму тебе руку и остаюсь

преданный тебе
Ив. Тургенев.

548. Н. А. МЕЛЬГУНОВУ

Ноябрь 1856. Париж

Я говорил с моими приятелями, любезнейший Мельгунов; они мне обещали 1000 фр., но не ранее половины будущей недели. Придется потерпеть до того времени. Я могу, впрочем, на их слово рассчитывать наверное.

Пока, Вы знаете, 250 фр. у меня к Вашим услугам.— Если Вы прочли «Фауста», пришлите мне «Совр⟨еменник⟩». До свидания.

Весь Ваш
Ив. Тургенев.

Пятница, 10 1/2 ч. утра.

549. Н. А. МЕЛЬГУНОВУ

Ноябрь 1856. Париж

Я оттого не показывался, что моя глупая болезнь разыгралась и сильно меня кусала. Однако я сегодня у Вас побываю. На почте до сих пор мне так же флегматически отвечают: pas de lettres — а № «Современника», где «Фауст», находится у Делаво [1]. Музыку Вашу показывал Mme В⟨иардо⟩ — и она ее хвалила — особенно: «Еще томлюсь тоской желаний» [2].

До свидания.

Душевно Вам преданный Ив. Тургенев.

550. КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

Ноябрь 1856 (?). Париж

Madame,

A mon grand regret je ne puis accepter votre aimable invitation pour mardi, ayant déjà promis d'aller dîner en ville ce jour-là; mais j'aurai le plaisir de vous voir demain soir — avant d'aller chez Mme Beecher Stowe, puisque vous

avez l'obligeance de me proposer de faire cette excursion ensemble.

Recevez, Madame, l'expression de mes sentiments les plus distingués.

Votre tout dévoué J. Tourguéneff.

Dimanche.

551. ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ ‹«МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»›

4(16) декабря 1856. Париж

Париж, 4/16 декабря ‹1856›.

М. г.

Я на днях получил № «Московских ведомостей», в котором помещено объявление об издании «Русского вестника» в будущем году, вместе с замечанием насчет моих отношений к этому журналу. Как ни неприятно мне занимать публику подробностями дела, лично до меня касающегося, я не могу не отвечать на это замечание и надеюсь, что Вы не откажетесь поместить мой ответ в Вашей газете.

Вот в чем дело. Прошлой осенью я, не назначая, впрочем, определенного срока, обещал г-ну издателю «Русского вестника» повесть под названием «Призраки», за которую я принялся в то же время, но которую и до сих пор кончить не успел. В начале нынешнего года я заключил с гг. издателями «Современника» условие, в силу которого я обязался помещать свои произведения исключительно в их журнале, причем, однако, я выговорил себе право исполнить прежние свои обещания, а именно в отношении к «Русскому вестнику». Следовательно, вся моя вина состоит в том, что я до сих пор не окончил этой повести. Но г-н Катков, несмотря на то, что, по его словам, он питает ко мне уважение, почел себя вправе намекнуть, что эту самую повесть я поместил под именем «Фауст» в № X «Современника», тогда как тем из наших общих знакомых, которым я сообщаю планы моих произведений, хорошо известно, что между этими двумя повестями нет никакого сходства. Я нахожу, что подобный поступок со стороны г-на Каткова разрешает меня совершенно от обязанности исполнить мое слово,— и это я делаю тем охотнее, что непоявление моей повести на листах его журнала, вероятно, никем замечено не будет. Г-н Катков напрасно старается меня успокоить. Я слишком хорошо знаю сам, что содействие мое в одном журнале ни значительно

способствовать его распространению, ни повредить другому решительно не может. Заслуженный успех «Русского вестника» — лучшее тому доказательство.

Примите и пр.

Иван Тургенев.

552. М. Н. ЛОНГИНОВУ

4 (16) декабря 1856. Париж

Париж.
4/16 декабря 1856 г.

Из письма твоего, милый Лонгинов, вижу я, что ты еще не получил моего письма, посланного тебе недели три тому назад [1]. Очень тебе благодарен, что ты не забываешь меня — и также приношу тебе великое спасибо за присылку отрывка из «М⟨осковских⟩ ведомостей» [2]. Теперь у меня до тебя следующая просьба: ты кормил до усов, корми до бороды. А именно: помести, пожалуйста, прилагаемое письмо к редактору «М⟨осковских⟩ в⟨едомостей⟩» в «Московс⟨ких⟩ ведомостях» [3]. Ты увидишь, что оно написано в самом умеренном тоне — но я не мог оставить намека Каткова (на то, что «Фауст» — переодетые «Призраки») без ответа. Напечатавши, пришли мне экземпляр (т. е. отрывок «Ведомостей») в письме. Я не думаю, чтоб могли встретиться затруднения — но я сильно надеюсь на твою дружбу. Постарайся это сделать поскорее.

Мне некогда писать тебе длинное письмо — не могу, однако, мимоходом не побранить Панаева за известную тебе глупость [4].— Некрасову, вероятно, придется возвратиться в Петербург скорее, чем он думал. Я от него на днях получил письмо из Рима [5]. Он очень много работал в последнее время. Фет тоже там.

Не забывай меня — и исполни мою просьбу.— Здоровье мое порядочно — пузырь всё не хочет угомониться.

Прощай — обнимаю тебя.

Твой Ив. Тургенев.

553. А. И. ГЕРЦЕНУ

5 (17) декабря 1856. Париж

Париж.
5/17 декабря 1856.

Милый Герцен — мне непременно хочется прочесть: «Барнум и Горас» — а потому сделай одолжение, пришли его к той даме, которую ты называешь Марьей Касп⟨аров-

кой > и которую я не знаю [1]. Сообщи мне ее адресс — и предупреди ее о том, что я явлюсь к ней.

Стихи Огарева получены и прочтены [2]. Они мне нравятся по-прежнему — хотя лучше слышать их от него, чем самому читать. Его тихий и меланхолический голос придает им особенную прелесть — а когда сам читаешь, много замечаешь небрежностей и не довольно сжатых мест. При этих листах находились страницы три твоих «Воспоминаний», которые мне чрезвычайно понравились [3]. Решительно оказывается, что собственно твое призвание — писать такого роду хроники. Это в своем роде стоит Аксакова [4]. Я уже, кажется, сказал, что в моих глазах вы представляете два электрических полюса одной и той же жизни — а из вашего соединения происходит для читателя гальваническая цепь удовольствия и поучения. Это, однако, уже что-то востоком пахнет.

Поггенполь — интригант, русский немец, который уверяет, что ненавидит немцев и «чюфствует союзу» (собственные его слова) с русским мужиком [5]. Он и ко мне забегал, да и ко всем. Бог его знает, какими способами он приобрел «Le Nord» — и теперь, так как ветер, кажется, в России переменился — то и он хочет не отстать и т. д. Порядочному человеку с этакими молодчиками знаться не для чего.

А ветер не так-то еще переменился, как полагали. На днях «Современник» получил сильнейший нагоняй и Бекетова от него отставили за перепечатание трех стихотворений Некрасова из его книжки [6], которую Мусин-Пушкин в своей попечительской агонии пропустил не без задней мысли [7]. Надобно сознаться, что в этом деле Панаев поступил как мальчишка. А стихотворения «Щуки в опере» [8] (я хохотал донельзя над этим именем) имеют успех громадный, по согласному показанию всех моих корреспондентов [9].

Очень любопытно узнать, что скажут английские журналы о вчерашней *ноте* (по поводу швейцарских дел) — в «Монитёре»? [10] Вот куда пошло́... Посмотрим.

Я получил два экземпляра моих «Повестей» — и пошлю один тебе. Прочти на досуге и сообщи свое мнение [11].

Прощай. Будь здоров и весел. Обнимаю тебя, и твоих, и Огарева. Жене его кланяюсь.

Твой Ив. Тургенев.

554. А. В. ДРУЖИНИНУ

5 (17) декабря 1856. Париж

Париж.
5/17 декабря 1856.

Отвечаю на Ваше письмо, о милейший из консерваторов! [1] Прежде всего должен сообщить Вам, что сильно подвинул рассказ, назначаемый мною в «Библ⟨иотеку⟩ для чт⟨ения⟩» — и которому заглавие будет: «Поездка в Полесье» — неизданный отрывок из «Записок охотника». В нем будет около трех листов печатных. Как только я его кончу, немедленно перепишу и отправлю — и пусть Анненков бьет себя по лядвиям и распространяет недоверие к моей деятельности — а статья будет выслана! Со всех сторон доходят до меня слухи о великолепном перерождении «Б⟨иблиотеки⟩ для чт⟨ения⟩» — и я рукоплещу и радуюсь.— Пожалуйста, поддержите бедного Писемского и давайте ему работу. Я получил от него письмо, которое меня растрогало (я уже отвечал ему) [2]; он сообщает мне, что намерен изо всех сил для Вас работать — а такой сотрудник драгоценен. С нетерпеньем жду присылки «Б⟨иблиотеки⟩ для чт⟨ения⟩» через Брандуса [3] — и со всею искренностью напишу Вам впечатление, которое произведет на меня статья о Белинском [4].

М. Н. Лонгинов сообщил мне выходку против меня «Русского вестника» — в объявлении об издании в 1857 году (в «Московских ведом⟨остях⟩») [5].

Эта выходка (между нами будь сказано) меня почти что порадовала — несмотря на ее более нежели бесцеремонный тон. Теперь я считаю себя освобожденным от обязанности дать им статью — и уже послал об этом деле в «Моск⟨овские⟩ ведом⟨ост⟩и» письмо, написанное, впрочем, в самом умеренном тоне [6]. Дрязги эти смешны немножко — и неприятно занимать публику своей особой — да делать нечего.

A propos de выходки — хороша выходка Панаева! [7] Признаюсь — это меня очень раздосадовало. Этакий неисправимый свистун! Результатом этой штуки может быть — возвращение Некрасова в Петербург. Я получил письмо от него из Рима — он, кажется, шибко начал работать...[8] Не знаю, на что он решится теперь.

Вы пишете, что придется наконец мне взяться за редакцию журнала [9]. Не знаю, что предстоит мне в будущем — но столько предстоит затруднений и внутренних и внешних! Осужден я на цыганскую жизнь — и не свить мне,

видно, гнезда нигде и никогда! А не свивши постоянного гнезда, за журнал приниматься невозможно.

Этим «баловать» нельзя, за это надо взяться честно и твердо. А впрочем, кто знает, что принесет завтрашний день?

Я начинаю понемногу знакомиться с разными здешними лицами. Отыскал двух-трех хороших людей, одну очень милую и умную женщину [10]; — пока довольно — а то время всё в клочки разлетится. Познакомиться легко со всеми — к удивлению моему, меня здесь довольно знают — да что толку? Кстати, Вы такой охотник до литературих; я был представлен г-же Бичер-Стоу [11]; добрая, простая — и представьте! застенчивая американка; с ней две дочки рыжие, в красных бурнусах, с свирепыми кринолинами — престранные фигуры.

Фет, Вы знаете, в Риме с Некрасовым. Вот одно его маленькое стихотворение, присланное мне:

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек;
Так плещет на багровом маке
Крылом лазурным мотылек.

Видений пестрых вереница
Влечет, усталый теша взгляд,
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят.

Встают ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль...
И лжет душа, что ей не нужно
Того, что так глубоко жаль [12].

Вы, говорят, очень сошлись с Толстым — и он стал очень мил и ясен. Очень этому радуюсь. Когда это молодое вино перебродит, выйдет напиток, достойный богов. Что его «Юность», присланная Вам на суд? Я ему писал два раза, второй раз в Москву, на имя Васеньки [13].

Часто думаю о всех вас и о наших сходках. Что ни говори, на чужбине точно вывихнутый. Никому не нужен и тебе никто не нужен. Надо приезжать сюда молодым, когда еще собираешься только жить — или уже старым — когда покончил жизнь.

Кушелев мне кажется дурачком — я его всё вижу играющим у себя на вечере — на цитре — дуэт с каким-то итальянским голодным холуем; но он богат — и потому

может быть полезен; Уваров страшно честолюбив — но он уже выбрал себе специальность учено-археолого-нумизматическую; а Алексей Толстой прекраснейший и благороднейший малый; денег у него нет лишних — но он может быть полезен своим влиянием. Правда ли, что он произведен в флигель-адъютанты?

Ж. Занд не в Париже; но если б я даже ее встретил — я бы ничего не сказал ей о падении ее (без сомненья) плохой пьесы [14]; я, как почтительный сын Ноя, прикрываю, отвернув глаза, наготу моего родителя [15]. Коли Вы консерватор, не будьте же нетерпимы. Поклонитесь всем знакомым и генералу Ковалевскому. Дружески жму Вам руку и остаюсь Ваш

Ив. Тургенев.

555. Л. Н. ТОЛСТОМУ

8 (20) декабря 1856. Париж

Париж,
8/20 декабря 1856.

Милый Толстой, вчера мой добрый гений провел меня мимо почты — и я вздумал зайти справиться, нет ли мне писем poste restante,— хотя по моему расчету все мои друзья уже давно должны знать мой парижский адресс — и нашел Ваше письмо, где Вы мне говорите о моем «Фаусте» [1]. Вы легко поймете, как мне было весело его читать. Ваше сочувствие меня искренно и глубоко обрадовало. Да и кроме того, ото всего письма веяло чем-то кротким и ясным, какой-то дружелюбной тишиной. Мне остается протянуть Вам руку через «овраг», который уже давно превратился в едва заметную щель, да и о ней упоминать не будем — она этого не стоит.

Боюсь я говорить Вам об одном упомянутом Вами обстоятельстве: это вещи нежные — от слова завянуть могут, пока не созреют,— а созреют,— так их, пожалуй, и молотом не раздробишь. Дай бог, чтобы всё устроилось благополучно и правильно — а Вам это может принести ту душевную оседлость, в которой Вы нуждаетесь — или нуждались, когда я Вас знал [2]. Вы, я вижу, теперь очень сошлись с Дружининым — и находитесь под его влиянием. Дело хорошее — только, смотрите, не объешьтесь и его. Когда я был Ваших лет, на меня действовали только энтузиастические натуры; но Вы другой человек, чем я — да, может быть, и время теперь настало другое. С нетерпеньем ожидаю присылки «Б⟨иблиотеки⟩ для чте-

ния» — мне хочется прочесть статью о Б⟨елинском⟩ — хотя, вероятно, она меня порадует мало [3]. А что «Современник» в плохих руках — это несомненно. Панаев начал было писать мне часто, уверял, что не будет действовать «легкомысленно» — и подчеркивал это слово; а теперь присмирел и молчит, как дитя, которое, сидя за столом, наклало в штаны. Я обо всем написал подробно Некрасову в Рим — и весьма может статься, что это заставит его вернуться ранее, чем он предполагал [4]. Напишите мне, в котором именно № «Совр⟨еменник⟩а» появится Ваша «Юность», да кстати сообщите мне Ваше окончательное впечатление о «Лире», которого Вы, вероятно, прочли, хотя бы для-ради Дружинина [5]. Очень меня утешает Ваше намерение работать, как Вы говорите, «стиснув зубы». Дело это почтенное,— а я здесь, грешный, между нами сказать, ничего не делаю. Только надеюсь кончить в скором времени рассказ для Др⟨ужинин⟩а [6], для «коалиции» (которая действительно не представляет ничего «величественного») — ничего [7]. Болезнь моя (увы! уже не гастрит, с которым ладить легко,— а прозаически-несомненная боль в пузыре) — порядком мне мешает, да и, кроме того, я в этом чужом воздухе — разлагаюсь, как мерзлая рыба при оттепели. Я уже слишком стар, чтобы не иметь гнезда, чтобы не сидеть дома. Весной я непременно вернусь в Россию, хотя вместе с отъездом отсюда — я должен буду проститься с последней мечтой о так называемом счастье — или, говоря яснее — с мечтой о веселости, происходящей от чувства удовлетворения в жизненном устройстве. Это «яснее» вышло очень длинно и, может быть, не совсем ясно,— но оно так. Что ж тут прикажете делать!

Вы мне не пишете о Вашей сестре. Говорят,— она в Москве — и очень больна. Пожалуйста, известите меня в подробности об ее положении. Меня ее нездоровье огорчает. Если есть на свете женщина, которая заслуживает быть счастливой — так это она; — а на такие-то натуры судьба и налегает. Пришлите мне ее адресс в Москве; я хочу написать ей.

Я познакомился здесь со многими русскими и французами; но симпатических натур нашел весьма мало. Есть одна княжна Мещерская — совершенная гетевская Гретхен — прелесть — да, к сожалению, по-русски не понимает ни слова [8]. Она родилась и воспитывалась здесь. Не она виновата в этом безобразии,— но все-таки это неприятно. Не может быть, чтобы не было внутренне-

го, пока еще тайного противуречия между ее кровью, ее породой — и ее языком и мыслями — и это противуречие, со временем, либо сгладится в пошлость, либо разовьется в страдание. А мила она так, что и описать нельзя.

Вы видаете Анненкова теперь? Помните, как он Вам не нравился? А теперь Вы, я надеюсь, убедились, что он человек и умный и хороший. Чем больше Вы его будете знать, тем он станет Вам дороже, поверьте мне.

Ну, прощайте, милый Л⟨ев⟩ Н⟨иколаевич⟩ — да пишите мне почаще,— а я остаюсь

душевно Вас любящий
Ив. Тургенев.

На конверте:

Russie.
St. Pétersbourg.

Mr le comte Léon Tolstoï.
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.

В С. Петербурге,
в конторе редакции журнала «Современник».

556. А. И. ГЕРЦЕНУ

9 (21) декабря 1856. Париж

Париж.
9/21 декабря 1856.

Милый Герцен, спасибо тебе за знакомство с Кашперовым и Грибовским [1] — они оба, кажется, очень хорошие ребята. Кашперова (который вчера уже уехал) я сводил к г-же Виардо — и он играл ей и пел свою музыку. Он остался доволен ей и ее советами — хотя больших похвал от нее не слышал [2]. Что касается собственно до меня, то я думаю, что у него талант есть — но господь ведает, выйдет ли из этого что-нибудь.

Я забыл тебе написать в последнем моем письме, что с великой радостью уступаю тебе *Иакова* Ростовцева [3].

Я совсем забыл, что Марья Кас⟨паровна⟩ — собственно — г-жа Рейхель, которую я очень хорошо знаю. Мы третьего дня к ней ходили втроем — но Рейхеля не застали, а посидели с ней. Пришли ей, пожалуйста, «Ораса и Б⟨арнума⟩» — а она мне передаст [4].

Скажи Огареву, чтобы он мне присылал мне[a] свою

[a] *Так в подлиннике.*

поэму, что я ему возвращу ее в исправности и с посильными заметками [5]. Да, главное, скажи ему следующее: я с некоторого времени лечу свой пузырь у здешнего доктора — Jozan de St André — и очень доволен им. Я ему говорил о сужении канала у Огарева; он мне сказал, что нет такого сужения, которого нельзя было бы вылечить постепенным расширением посредством bougies,— и что он с своей стороны против операции. Хотя уже Огарев, кажется, совсем теперь решился на это дело, но я почел нужным сообщить тебе слова, сказанные мне доктором.

Я получил твою брошюру; введение мне кажется вполне справедливым [6].

Кашперов отнял у меня экземпляр моих «Повестей и рассказов» — но дал мне слово выслать тебе их из Берлина.

Прощай, покамест. Будь здоров и весел, а я остаюсь

любящий тебя
Ив. Тургенев.

557. Е. Я. КОЛБАСИНУ

14 (26) декабря 1856. Париж

Париж.
14/26 декабря 1856.

Любезнейший Елисей Яковлевич, мне приходится отвечать на два письма, на Ваше и на Вашего брата [1].— Прежде всего благодарю Вас за то, что даже на одре болезни Вы меня не забыли [2]. Это с Вашей стороны очень похвально — но плохо то, что Вы в Ваши, уже не совсем юношеские годы всё еще охотитесь за змеями — и даже ловите их [3]. Плюньте, пожалуйста, на всё это отродье; ну их к черту! Право, без них человеку вдвое легче, и приятнее, и свободнее.

Ну теперь опять по пунктам.

1) Панаев должно быть так струхнул [4], что даже позабыл отправить ко мне XI № «Совр⟨еменника⟩». Пожалуйста, распорядитесь, чтобы он по крайней мере с XII-м был мне выслан. Это ни на что не похоже. Да поместил ли обер-свистун опечатки «Фауста» в декабрьском №-е? [5] Если нет — непременно заставьте его поместить их в январском.

2) Стихотворения Некрасова, 2 книжечки Толстого, 2 №-а «Биб⟨лиотеки⟩ для чт⟨ения⟩» получены в исправности. Толстой издан очень мило, а Некрасов очень гадко.

3) Я просил Вашего брата и повторяю Вам мою просьбу: все критики, которые только появятся на мои «Повести и рассказы», присылать мне в оригиналах, т. е. в вырезках, или в списках, сделанных на мой счет. Очень я об этом прошу.

4) Для успокоения Вашей совести за отчеты ежемесячные полагается вперед не 15, а 10 р. сер.— на отчеты я продолжаю настаивать [6]. Деньги имеете получить с Вашего брата, который мне писал, что у него моих денег 170 руб. сереб.

5) Я отвечал письмом к редактору «Моск⟨овских⟩ вед⟨омостей⟩» — на выходку «Русского вестника». В этом письме, крайне умеренном, как Вы увидите, я только объявляю, что почитаю себя освобожденным от обязанности поставить повесть.— Напишите мне, как только это письмо появится — и пусть Панаев его перепечатает в янв⟨арском⟩ «Современнике» [7].

6) Сообщите мне известие о ходе подписки на «Совр⟨еменник⟩». Также попросите Вашего брата ответить мне на другие запросы, мною сделанные.

7) Пузырь мой (как бы не сглазить!) поправляется — и я принялся наконец за работу.

Тур пошел в ход и в дело — очень я этому рад [8]. Поклонитесь ему от меня — я надеюсь, что вы хотя изредка с ним видитесь.— Очень и очень огорчило меня то, что Вы говорите о здоровье графини. Бедная женщина! [9] Зачем же непременно смерть?? Эх, тяжело всё это!

XI-й № «Б⟨иблиотеки⟩ для ч⟨тения⟩» хорошо составлен; но я больше (даже в дружининском смысле) ожидал от статьи о Белинском [10]. От нее веет холодом и тусклым беспристрастием. Этакими искусно спеченными пирогами с «нетом» — никого не накормишь.— А Некрасова стихотворения, собранные в один фокус,— жгутся [11].

Ну, прощайте пока, милый мой Е⟨лисей⟩ Я⟨ковлевич⟩. Не шалите, пожалуйста, будьте здоровы и веселы и помните

любящего Вас
Ив. Тургенева.

P. S. А как идет моя книга? Анненков зашиб копейку — но не останется ли Базунище в накладе? [12]

558. И. И. ПАНАЕВУ

16 (28) декабря 1856. Париж

Париж.
16/28 декабря 1856.

Любезный Панаев,

Я получил твое письмо сегодня [1] и сегодня же отвечаю. Глупая моя болезнь действительно помешала мне работать, и я не в состоянии окончить мою большую повесть [2] ко 2-му №-у «Совр⟨еменника⟩» будущего года. Предчувствуя эту беду, я уже отложил ее в сторону и принялся за «Гамлета и Д⟨он⟩-Кихота», которого окончу непременно на днях — и тотчас вышлю. Сверх того, я постараюсь написать хотя небольшой рассказ [3], мысль которого уже совершенно готова в моей голове. Но за это я не столько ручаюсь, а насчет «Г⟨амлета⟩ и Д⟨он⟩-К⟨ихота⟩» ты можешь быть совершенно покоен: он будет у тебя в начале января — в этом я даю тебе честное слово [4].

Я получил «Б⟨иблиотеку⟩ для ч⟨тения⟩» Дружинина и 2 книжки Толстого [5]; но XI-го №-а «Современника» при них не было. Надеюсь, что его мне вышлют (если уже не выслали) с XII-м, т. е. декабрьским.

Помещены ли опечатки в «Фаусте» ?[6]

Я послал через Лонгинова редактору «Моск⟨овских⟩ ведомостей» письмо в ответ на выходку Каткова. Оно написано в совершенно умеренном тоне. Я ограничиваюсь только тем, что объявляю себя свободным от обязанности дать им повесть. Теперь я эти «Призраки» непременно окончу — и помещу их в «Совр⟨еменнике⟩», хотя бы для того, чтобы доказать г-ну Каткову, что «Призраки» — не «Фауст» [7]. Прошу тебя, когда появится это письмо в «Моск⟨овских⟩ вед⟨омостях⟩», перепечатать его в «Современнике» (в «Журнальных заметках») без особенных комментариев [8].

Радуюсь появлению «Юности» и умиротворению самого Толстого — это очень хорошо [9]. Но плохо то, что другие участники бездействуют. Я уверяю тебя, что если бы не эта мерзость, которая свалилась на меня, как снег на голову, я бы вез, как лошадь; но, к счастью, дела, кажется, теперь поправляются — и я постараюсь вознаградить потерянное время.

Неприятность, случившаяся с «Современником», огорчила меня [10]; дай бог, чтоб Лажечников [11] оказался путным цензором и не черкал бы.

Я также готовлю статью о современном состоянии французской литературы [12], которую я изучаю на месте.

Я уже познакомился со многими литераторами, особенно молодыми; отрадного пока мало [13]. Что будет дальше?

Прощай и будь здоров. Повторяю тебе, насчет 2-го №-а не беспокойся. Поклонись всем добрым приятелям, а я остаюсь

преданный тебе
Ив. Тургенев.

559. Л. Н. ТОЛСТОМУ

16, 23 декабря 1856 (28 декабря, 4 января 1857). Париж

Париж.
16/28 декабря 1856.

Получил я, любезный Толстой, Ваше письмо [1], в котором Вы пеняете мне, что я Вам не отвечаю; но Вы уже с тех пор, вероятно, получили мои два письма [2] — и убедились, что я у Вас не в долгу.

Из Ваших слов я почти готов заключить, что Вы раскаиваетесь в заключении *союза* [3]. Если бы, вместо Некрасова, союзник наш был Дружинин — Вы, я думаю, не стали бы раскаиваться. Неудобств , замеченные Вами, поражают и меня; — но отступать теперь было бы и нечестно и неловко — даже смешно. Больше всех Вам не по нутру Чернышевский; но тут Вы немного преувеличиваете. Положим, Вам его «фетишизм» [4] противен — и Вы негодуете на него за выкапывание старины, которую, по-Вашему, не следовало бы трогать; но вспомните, дело идет об имени человека, который всю жизнь был — не скажу мучеником (Вы громких слов не любите), но тружеником, работником спекулятора, который его руками загребал деньги и часто себе приписывал его заслуги [5]. (Я сам был не раз этому свидетелем); вспомните, что бедный Б⟨елинский⟩ всю жизнь свою не знал не только счастья или покоя — но даже самых обыкновенных удовлетворений и удобств; что в него за высказывание тех самых мыслей, которые стали теперь общими местами, со всех сторон бросали грязью, камнями, эпиграммами, доносами; что он смертью избег судьбы, может быть, очень горькой — и неужели Вы после всего этого — находите, что две-три статьи в пользу его, написанные, может быть, несколько [a] дифирамбически — уже слишком великая награда, что этого уже сносить нельзя — что это — «тухлые яйца»? Чтобы понять мои чувства насчет этих статей —

---

[a] *Было*: слишком

я назначаю Вам свидание через 10 лет [6]; — посмотрю я тогда, весело ли Вам будет, если Вам запретят сказать слово любви о друге Вашей молодости, о человеке, который и радовался, и страдал, и жил в силу своих убеждений... Да только вряд найдется ли в Вашем воспоминанье такой человек.

Прочел я со вниманием статью Дружинина в ноябрьском № «Б⟨иблиотеки⟩ для ч⟨тения⟩» [7] — я знаю, вы все от нее в восторге — но я откровенно признаюсь, я ожидал гораздо большего. Умно написано и, пожалуй, справедливо, — но холодно и — в сущности — бесполезно. Например: Д⟨ружинин⟩, между прочим, говорит, что если бы тогдашняя критика не была так беспощадно резка в отношении к Марлинскому, он бы мог поправиться — и не пропал бы [8]. Что за детское — или, пожалуй, старческое воззрение! Как будто дело шло о том, чтобы уцелел талант Марлинского! Дело шло о ниспровержении целого направления, ложного и пустого, дело шло об разрушении авторитета, мнимой силы и величавости. Пока этот авторитет признавался — нельзя было ожидать правильного и здравого развития нашей словесности — и благодаря той статье Б⟨елинского⟩ о Марлинском — да еще двум-трем таким же — о Бенедиктове и др.— мы пошли вперед. Коли бить быка, так обухом — а Вы бы хотели ударить его палкой да еще гуляровой водой [9] примочить, чтобы не больно было. Но, может быть, Вы находите, что мы вовсе вперед не пошли — и что это всё одна страсть к общим выводам — и сильным словам. Вас это сердит; но я еще не теряю надежды увидать Вас разочарованным насчет элегантной и джентельменской воздержности, которая, пожалуй, очень у места в «Revue des 2 Mondes» или в «Revue Britannique» — но к нам не пристало, как говорится, ни к коже, ни к роже. Кстати, знаете ли Вы, что я *целовал* имя Марлинского на обертке журнала — плакал, обнявшись с Грановским, над книжкою стихов Бенедиктова [10] — и пришел в ужасное негодование, услыхав о дерзости Белинского, поднявшего на них руку? Вы, стало быть, видите, что сказанное им тогда казалось новизною неслыханною. Вы всего этого не застали — будучи 10-ю годами моложе нас; Вас уже встретил Гоголь, а Марлинского и tutti quanti на свете в помине уже не было — потому Вы и не судья заслугам Б⟨елинско⟩го.

Впрочем, довольно об этом. Ваш рассказ в «Б⟨иблиотеке⟩ для ч⟨тения⟩» я получу — а потому не присылайте его — но статью в «О⟨течественных⟩ з⟨аписках⟩», пожа-

луйста, пришлите [11]. Мне это очень нужно — я желаю следить за каждым Вашим шагом.

Не забудьте написать мне о здоровье Вашей сестры, я очень часто о ней думаю. Радуюсь Вашему намеренью выйти в отставку [12]. Играйте на здоровье на моем пианино. Я выезжаю отсюда в апреле и в июне непременно буду в России [13]. Пузырь мой всё еще беспокоит меня — но меньше.

Прощайте, до следующего письма. Это вышло как-то очень полемично. Впрочем, оно окончено 4-го янв. нов. ст. Поздравляю Вас с Новым русским годом [14].

Ваш
Ив. Тургенев.

560. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

24 декабря 1856 (5 января 1857). Париж

Париж.
5-го января н. с. 1857.

Помните ли Вы, любезнейший Полонский, Вы мне говаривали, что желали бы написать стихотворение, которое совершенно бы меня удовлетворило? Вы можете теперь быть довольны: я от Ваших «Наяд» пришел в восторг. Это вещь великолепная. Но так как бы я желал видеть ее напечатанной [1], то позвольте мне предложить следующие изменения.

Вместо:

«*Современные* песни отчизны моей»... [2] — скажите: народные песни (etc, Вы понимаете, что я не предлагаю Вам поставить именно это слово; я говорю о смысле). Эдак оно выйдет и цензурнее — и вместе с тем величавее. Прометей выйдет не какой-нибудь современный поэт — а сам народ.

Поэтому следующие два стиха:

«Там молчали каменья...
. . . . .святые права» —

надо изменить. Они сверх того прозаичны [3].

Потом вместо: «Бедные *дщери* морей» [4] — поставьте «Нимфы» — и на конце прибавьте в двух словах следующую мысль: я не Титан — но Вы слышали точно песни Титана, который, как Прометей, прикован к скале, и его коршун грызет... [5]

Тогда, по-моему, стихотворение выйдет истинно прекрасно. Я знаю, что Вы человек не щепетильный — и по-

тому так смело предлагаю Вам эти изменения. Но, повторяю, стихотворение чудное. В случае нужды, последнюю мысль можно будет для цензуры откинуть.

Второе стихотворение, присланное Вами, очень хорошо по своей правде — а третье слабо [6].

Пожалуйста, не унывайте и кончайте Вашу поэму [7]. Не удастся — делать нечего, а удастся — браво! Что так сидеть сиднем? Пока в себе сомневаешься да против себя воюешь — можно сделать хоть небольшое дело — да дело. Одну я знаю помеху: болезнь. И потому мне очень было прискорбно узнать, что Вы всё болеете. Не знаю, мнительны ли Вы или нет — но думаю, что с Вашим здоровьем еще жить можно. Работайте-ка и порадуйте меня другим стихотворением вроде «Наяд».

Спасибо Вам за все сообщенные известия. В нынешнем году друзья меня не забывают, и вести с родины не переводятся. Если будете писать к Шельгуновой, поклонитесь ей от меня. Я храню в памяти ее толстенькую и миленькую фигурку с умным личиком и добрыми глазами [8].

С Некрасовым я переписываюсь. Он доволен своим пребыванием в Риме и, кажется, работает [9].

Я удивился и обрадовался, узнавши, что Клюшников еще жив. Пожалуйста, напишите мне его адресс — не забудьте. Я его знавал хорошо; он даже в детстве преподавал мне русскую историю [10].

Вы хорошо делаете, что рисуете — но смотрите, не покидайте своей, законной Музы[а]. А с той — как бишь звали Музу рисования — побаловать можно [11].

Прощайте, милый П⟨олонский⟩. Пришлите мне перемены в «Наядах» [12], если найдете мои предложения благоразумными — да напечатайте это стихотворение непременно в «Современнике» [13]; об этом я Вас прошу.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

561. М. Н. ТОЛСТОЙ

25 декабря 1856 (6 января 1857). Париж

Париж,
6-го янв. н. с. 1857.

Ну как Вы обрадовали меня своим письмом, любезная графиня! [1] До меня дошли слухи, что Вы очень боль-

---

[а] *В подлиннике ошибочно*: Музой

ны [2] — и, хотя я из записки Вашего мужа [3] и из Вашего почерка вижу, что Вы не совсем здоровы — всё же дело не так худо, как я думал. Поправляйтесь, пожалуйста, для того, чтобы приятнее провести лето; я непременно в конце мая вернусь в Спасское [4] — выпишем Ваших двух братьев, Льва и Николая — и посмо́трите, как мы заживем. Очень меня радует то, что Вам понравился «Фауст», и то, что Вы говорите о двойном человеке во мне — весьма справедливо,— только Вы, может быть, не знаете причины этой двойственности. Я буду с Вами тоже откровенен. Видите ли, мне было горько стареться, не изведав полного счастья — и не свив себе покойного гнезда. Душа во мне была еще молода и рвалась и тосковала; а ум, охлажденный опытом, изредка поддаваясь ее порывам, вымещал на ней свою слабость горечью и иронией; но когда душа в свою очередь у него спрашивала, что же *он* сделал, устроил ли он жизнь правильно и благоразумно — он принужден был умолкнуть, повесив нос — и тогда оба — и ум и душа — принимались хандрить взапуски. Всё это теперь изменилось... Когда Вы меня знали, я еще мечтал о счастье, не хотел расстаться с надеждой; теперь я окончательно махнул на всё это рукой. Всё затихло, неровности исчезли — внутренние упреки умолкли — к чему вздувать пепел? Огня все-таки не добудешь. Отчего всё это сделалось — долго рассказывать — притом годы взяли свое. Когда Вы меня увидите, Вы удивитесь моей égalité d'humeur. Какая там под ней горечь застыла — к чему до этого докапываться — ни в одном человеке не нужно докапываться до дна. «Фауст» был написан на переломе, на повороте жизни — вся душа вспыхнула последним огнем воспоминаний, надежд, молодости... Это не повторится. Но Вы напрасно говорите о моем счастье: в чужой руке калач бел, чужая судьба завидна. Довольно об этом. Повторяю, постараемся съехаться нынешним летом — и заживем веселыми и добрыми старичками.

Я довольно часто переписываюсь с Вашим братом Львом [5]. Мне кажется, в нем происходит перемена к лучшему. Дай бог ему успокоиться и смягчиться — из него выйдет великий (без преувеличения) писатель и отличный человек. Он теперь находится в теснейшей связи с Дружининым; я бы желал для него другого товарища — но ведь с Вашим братом ладить мудрено. Пока его не вырвет (извините грубость сравненья) от какого-нибудь блюда, он не перестанет есть и хвалить — и будет продолжать хвалить, хотя уже будет чувствовать боль под ложечкой

Дружинин очень хороший человек, со всем тем — но не для Вашего брата [6]. Впрочем, зерно тем и отличается от шелухи: то́ перемелется — мука выйдет — а из шелухи только и выйдет что пыль. Пусть его мелется!

А что другой Ваш брат, милейший и неоцененный Николай Николаевич? Неужели всё на Кавказе? Хочет ли он там остаться навсегда? Как я бы был рад его увидеть! [7]

Очень сочувствую я Вашему беспомощному и больному положению. Если б Вы могли писать, я бы советовал Вам бросать на бумагу все мысли, которые приходят Вам в голову и проходят. Нечего делать — потерпите — красные дни вернутся — и Вы поправитесь. 130 ударов в минуту не должны Вас пугать — это и со мной случалось. Когда это происходит не от воспаления, это не опасно.

Поклонитесь от меня Вашему мужу. Не подпишется ли он на «Библиотеку для чтения», так как в программе объявлена повесть: «Академический переулок» Е. Я. Колбасина, автора: «Хи Ха Хо»? [8] Кстати, получили ли Вы назначенный Вам экземпляр моих «Повестей и рассказов»? [9]

Прощайте, милая графиня — выздоравливайте, пожалуйста. Крепко жму руку Вашему мужу — а Вашу, с Вашего позволения, целую.

Искренно Вам преданный

Ив. Тургенев.

562. С. Т. АКСАКОВУ

27 декабря 1856 (8 января 1857). Париж

Париж.

8-го янв. нов. ст. 1857.

Любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, давно я получил Ваше письмо и давно собираюсь ответить — и не то, чтобы времени не было, но не приходило того расположения духа, в котором хочется беседовать с отсутствующими друзьями. Впрочем, не «вихорь» парижской жизни тому причиной: я здесь живу только что не отшельником — да притом Париж с своим треском и блеском может вскружить голову юноше — или, пожалуй, старику; а я еще не старик — хотя уже бог знает как давно перестал быть юношей. Я с тех пор, как писал Вам, познакомился со многими здешними литераторами — не с старыми славами, бывшими коноводами — от них, как от козла, ни шерсти, ни молока — а с молодыми, передовыми. Я должен сознаться, что всё это крайне мелко, прозаично, пусто

и бесталанно. Какая-то безжизненная суетливость, вычурность или плоскость бессилия, крайнее непонимание всего не французского, отсутствие всякой веры, всякого убеждения, даже художнического убеждения — вот что встречается Вам, куда ни оглянитесь Лучшие из них это чувствуют сами — и только охают и кряхтят. Критики нет; — дрянное потакание всему и всем; каждый сидит на своем коньке, на своей манере и кадит другому, чтобы и ему кадили — вот и всё. Один стихотворец вообразит, что нужно «проводить» реализм — и с усилием, с натянутой простотой воспевает «Пар» и «Машины» [1] — другой кричит, что должно возвратиться к Зевсу, Эросу и Палладе [2] — воспевает их, с удовольствием помещая греческие имена в свои французские стишки; и в обоих капли нет поэзии. Сквозь этот мелкий гвалт и шум пробиваются, как голоса устарелых певцов, дребезжащие звуки Гюго [3], хилое хныканье Ламартина [4], болтовня зарапортовавшейся Санд [5]; Бальзак воздвигается идолом [6], и новая школа реалистов ползает в прахе перед ним, рабски благоговея перед Случайностью, которую величают Действительностью и Правдой; а общий уровень нравственности понижается с каждым днем — и жажда золота томит всех и каждого — вот Вам Франция! Если я живу здесь, то вовсе не для нее и не для Парижа — а в силу обстоятельств, не зависящих от моей воли. Но весна придет — и я полечу на Родину — где еще жизнь молода и богата надеждами. О, с какой радостью увижу я наши полустепные места! А в мае я буду у Вас в Абрамцеве, непременно.

Очень меня огорчает известие о болезни Вашей дочери и о собственном Вашем расстройстве [7]. Дай бог, чтобы всё это поправилось и пришло в обычную колею! — Статью о ваших «Хрониках» написал некто Делаво, здешний литератор, хорошо знакомый с русским языком; я ему помог и кое-что истолковал. Статья должна скоро явиться в «Revue des 2 Mondes» [8].— Ваша мысль написать историю ребенка для детей — прекрасна — и я уверен, что Вы исполните ее как нельзя лучше, с тою эпической ясностью и простотой, которая составляет Вашу особенность между всею пишущей братьей [9]. «Русский вестник», в котором находится отрывок Вашей «Хроники» [10], обещан мне кн. Трубецким (приятелем Константина Сергеевича) [11]. Я его вижу довольно часто — он очень милый и добрый человек — и вас всех весьма любит. Он получает также «Русскую беседу», но 4-я часть еще здесь не получена! [12]

Поклонитесь от меня всему Вашему семейству, супруге Вашей и К⟨онстантину⟩ С⟨ергеевичу⟩ и И⟨вану⟩ С⟨ергеевичу⟩ в особенности. Пусть мне К⟨онстантин⟩ С⟨ергеевич⟩ напишет письмо — я ему отвечу немедленно — а весною как мы будем спорить! Я очень люблю спорить с ним, потому что, несмотря на наш крик и жар, дружелюбная улыбка не сходит у нас с души и чувствуется в каждом слове. А с иным во всем соглашаешься и спорить не о чем — а между им и тобой — целый овраг.

Я здесь вижу Васильчикова, брата генерала В⟨асильчикова⟩, у которого И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩. Сколько я могу судить, из следствия ничего особенного не вышло... [13]

Ну прощайте, любезный и почтенный С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩. Будьте здоровы — и дай Вам бог время и охоту писать.— Я что-то не могу ничего делать — точно рука вывихнута. Авось справлюсь.

До свидания весной.

Весь Ваш

Ив. Тургенев.

P. S. Как мне жаль обоих Киреевских [14] — передать Вам не могу.

563. А. И. ГЕРЦЕНУ

27 декабря 1856 (8 января 1857). Париж

Париж.

8-го генваря 1857.

Милый Герцен, дня три тому назад я послал Огареву мои замечания на его поэму [1] — а теперь хочу написать тебе два слова. Присылай, пожалуйста, твои «Записки» — и будь уверен, что услышишь от меня искреннее мое мнение [2]. «Барнума и Ораса» я на днях прочел [в одном №-е «С. П.бургских ведомостей» — и только пожалел, что коротко: очень умная и тонкая вещица [3]. О печатании перевода твоей книжки идут переговоры; но твоя репутация такая грозная и здешние книгопродавцы такие ⟨---⟩, что надежды мало; даже Паньер (т. е. его фирма) отказался [4].— А Жозана напрасно ты бранишь [5]; я только по его милости свет увидал; он раз меня пожег, потом вставляет bougies, велит мыться холодной водой и принимать хинин.— Я познакомился со многими здешними литераторами — бываю у г-жи д'Агу [6]; должен сознаться, что до сих пор ни одного молодого, симпатического существа не встретил; ужасно всё мелко и пусто. Доставь

мне возможность познакомиться с Мишле[7] — мне это очень будет приятно. С октября месяца я получаю «Библиотеку для чтения», поступившую в заведывание Дружинина; он намерен придать ей консервативно-английский характер — и уже написал одну статью о Белинском, в которой бросает на него взгляд свыше; но статья вышла тупая — точно птица без клёва; этим ни одной крепколобой головы не продолбишь [8]. Да и откуда взяться консерваторству на Руси? Не подойти же к гнилому плетню и сказать ему: ты не плетень, а каменная стена, к которой я намерен пристроивать!

Грибовского я вижу довольно часто — он, кажется, хороший малый. А Мельгунов, вообрази (только это между нами), дал накануне Нового года réveillon, который стал ему, наверно, франков триста. Гости были Пинто, Грибовский, я, два офицера в мундирах — совершенные жеребцы, вот из тех, что ходят в омнибусах — да несколько отставных лореток. Мельгунов, с свойственною ему флегматической важностью, отвел меня в сторону и держал следующую речь: «Здесь Вы можете видеть то, что называется в Париже — demi-monde [9]; но, предупреждаю Вас, не судите о нем по этому образчику; ибо здесь находящиеся лоретки или стары, или некрасивы». Я с изумлением смотрел на его лоб с надвинутой ермолкой и думал: «Да из чего же ты тратишься в таком случае?».

Этот человек — чудак первого сорта, vom reinsten Wasser — а премилый со всем тем.

Ты меня поздравил с европейским Новым годом — а я тебя с русским.

Кстати, на днях я тебе вышлю остальные 500 фр⟨анко⟩в.

Ну прощай пока, будь здоров. Обнимаю тебя и всех твоих и остаюсь

любящий тебя
Ив. Тургенев.

1857

564. ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ ‹«МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»›

1(13) января 1857. Париж

Париж, 1/13 января 1857 г.

М. г.

Получая снова от меня письмо, в котором идет речь о моей повести, обещанной «Русскому вестнику» и т. д., Вы, вероятно, подумаете, что игра не стоит свеч [1]. Это мнение разделит с Вами публика, разделяю и я. Но делать нечего; надобно очистить этот вопрос. Ограничусь двумя словами.

Я готов сознаться, что в первом письме моем из Парижа мне бы следовало к словам: не назначая определенного срока, прибавить слово: обязательного; я действительно надеялся доставить мою повесть г-ну Каткову в начале прошлого года; но в деле сочинительства одной доброй воли мало, и повесть моя осталась неконченной. Это не мешает мне объявить, что всю ответственность за эту неисправность (если только стоит употреблять такие громкие слова по поводу такого маловажного дела) я принимаю на себя.

Что же касается до выговоренного мною (при заключении условия с «Современником») права исполнить обещание, данное «Русскому вестнику», то г-ну Каткову стоит обратиться к редактору «Современника», у которого хранится оригинал нашего условия, чтобы убедиться в совершенной справедливости моих слов. Сожалею, что этот запрос г-ну Панаеву не был сделан г-м Катковым раньше; это бы избавило и его и меня от нового сомнения и намека.

В надежде, что этим объяснением прекратится возникшее недоразумение, прошу Вас принять, м. г., уверение в совершенном уважении и преданности, с которыми остаюсь и пр.

Иван Тургенев.

565. М. Н. ЛОНГИНОВУ

1(13) января 1857. Париж

Париж.
1-го/13-го янв. 1857.

Я только что собирался отвечать на твои два письма, милый друг Лонгинов — на большое и на маленькое с вырезкой из «М⟨осковских⟩ вед⟨омостей⟩» (сиречь с моим письмом) [1],— как уже летит от тебя третье — с ответом Каткова [2]. Не знаю, как благодарить тебя за твое участие, аккуратность и готовность услужить. Просто, ты милейший человек, и я лобызаю тебя в чело и в ланиты. Из прилагаемого письма к редактору «М⟨осковских⟩ в⟨едомостей⟩» (которое прошу поместить тотчас по получении) [3] — ты увидишь, в чем дело. Вся эта тревога из вздорной повести мне кажется очень смешною и нелепою — и чем ее скорее прекратить, тем лучше. Кажется, на мой ответ возражения нельзя ожидать [4]. Да и что возражать? Вину я беру на себя, а что выговор права дать повесть «Р⟨усском⟩у в⟨естник⟩у» был expressément сделан — это факт, в котором Катков может убедиться, как только ему вздумается. Стало быть, об этом больше толковать нечего и не стоит. А все-таки я тебе в ножки кланяюсь.

С истинным удовольствием прочел я твое большое письмо [а]. Оно очень интересно и мило — и что меня особенно порадовало — оно дышит спокойствием удовлетворения и счастья. Видно, что жизнь твоя течет гладко и плавно — и остается воскликнуть: «Похвальный лист тебе! Ведешь себя исправно!» [5].— От рифмованных каламбуров С⟨оболевско⟩го я смеялся сильно [6] — и ребус угадал (благо он не труден) — и жму любезному $1^1/_2$-цкому крепко руку [7].— Про себя я не могу сказать ничего дурного, да и ничего хорошего. Веду цыганскую жизнь (в 38 лет — поздненько!) — делаю мало (однако на днях отправляю Дружинину статейку) [8] — и стараюсь уловить хоть некоторые стороны парижской жизни. Пузырь всё болит — вот что скверно. Черт знает, что за глупая штука!

А. И. Г. [9], узнав, что Некрасов в Риме, написал мне, что это ему кажется чем-то вроде «щуки в опере». Я очень хохотал этому вздору: посмейся и ты [10].

Спешу отправить это письмо — и потому прекращаю его на этом пункте. Это ты не считай ответом — ответ за

[а] *Далее зачеркнуто*: Кроме интересных сведений

мной! Кстати, что это у тебя за таинственные гиероглифы на печати? Прощай, мой милый, и 1000 раз спасибо. «За всё, за всё тебя благодарю я...» [11]. Кланяюсь твоей жене.

Твой Ив. Т.

566. П. В. АННЕНКОВУ

3 (15) января 1857. Париж

Париж. 3/15 янв. 1857.

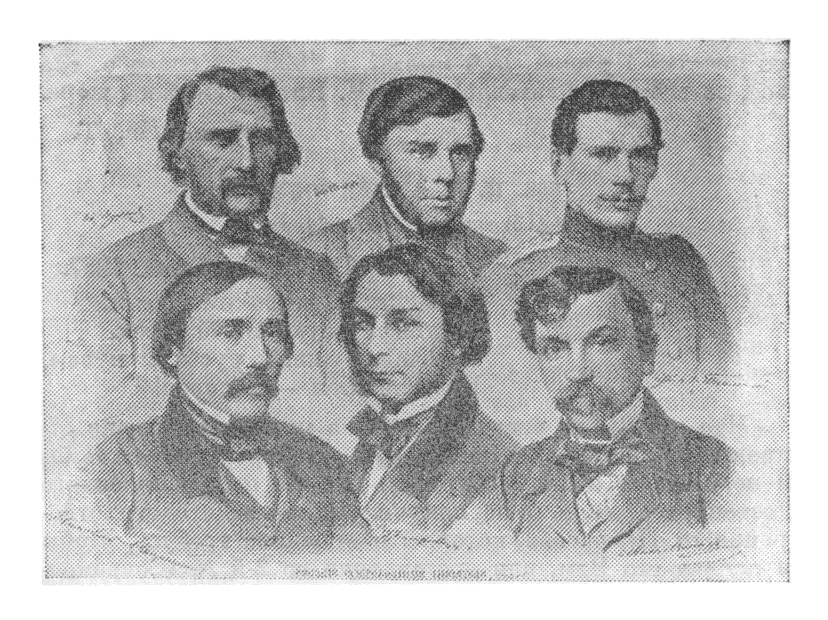
Идеалист с широким пузом,
Ростбифа неуклонный жрец,
Помещик, милый русским музам,
Бог опечаток — наконец! [1]

Что же Вы не отвечаете мне на мое давным-давно отправленное письмо? [2] Разве друзья так поступают? Я бы и не написал к Вам, сохраняя гордую позу обиженного достоинства, если б не получил прилагаемого стихотворения от Некрасова, который непременно требует, чтобы я послал его Вам, для доставления во 2-й № «Современника» [3]. Исполняю его волю (он в Риме, больной, как его не потешить — кстати, А. И. Г. мне пишет, что для него ‹Некрасов в Риме» — все равно что «щука в опере») [4]. Стихотворение это — отрывок из большой поэмы, которую он теперь пишет.

Отрывок этот, как Вы увидите — безвреден.

Начал писать — так уж надо кое-что присовокупить. Во-первых, доложу Вам, что я здесь решительно ничего не делаю—да и не могу (однако маленький рассказ для Дружинина кончил [5], в пику Вам — и на днях пошлю). Если это бездействие будет продолжаться, сотрудничество мое в знаменитом «Союзе» [6] не будет стоить здорового ветра, пущенного крепким и усердным животом после могущественного обеда в Английском клубе. Кстати, мне Лонгинов успел уже прислать ответ Каткова на мой ответ в «Моск‹овских› вед‹омостях›». Я послал маленькое письмо, в котором всю вину беру на себя [7]. Эта возня и хлопоты из-за такого вздора мне кажется слишком нелепой; надо прекратить ее à tout prix. Стало быть, делать нечего, что́ пишут целые столбцы — о чем же? Об инфузории, о повести (и прескверной повести, entre nous soit dit). Я было думал преблагополучно сжечь ее, а теперь, пожалуй, придется ее напечатать [8].

Получаю я письма от Толстого, которые меня радуют [9]. Малый, очевидно, умнеет и добреет. Полюбил Вас —



И. С. ТУРГЕНЕВ, В. А. СОЛЛОГУБ, Л. Н. ТОЛСТОЙ,
Н. А. НЕКРАСОВ, Д. В. ГРИГОРОВИЧ, И. И. ПАНАЕВ.
Литография В. Ф. Тимма, 1857 г.

это я ему всегда предсказывал. Вы эгоист — но в то же время идеалист — вот отчего Вас нельзя не любить.

Вы от меня ждете парижских новостей — не правда ли? Но я не расположен говорить о них — в сущности потому, что лень делать résumé, а распространяться еще неприятнее, да и кроме того — много новых сделано мною знакомств, но симпатического нового лица не попалось до сих пор. Один мне только человек понравился, Греви, бывший главою умеренных республиканцев в законодательном собрании. Голова не широкая — как у французов — но ясная как день — и здравого смысла (не в дюжинном смысле) много. Вижу я также одного дьявольски умного жидка, Оппенгейма (бывшего члена du gouvernement provisoire в Бадене в 49 году) — познакомился с двумя-тремя русскими: с Вашим приятелем, Грибовским — да еще с князем Орловым (раненым), который мне чрезвычайно понравился. Сколько я могу судить, честная и добрая душа. Он вовсе не так обезображен, как мне говорили. Здесь еще есть князь Мещерский, безногий (брат известной Вам княжны С⟨офии⟩ И⟨вановны⟩), у него дочь — прелестнейшее существо, воплощенная Гретхен.

К сожалению, она по-русски не говорит ни полслова. В какой восторг приходят здешние барыни от «Детства» Толстого — этого описать нельзя! Надобно будет перевести эту вещь чрез посредство унылого Делаво [10]. Вы его знаете?

Напишите мне слова два об Ольге Александровне. Да кстати, проездом через Москву познакомьтесь непременно с сестрой Толстого. А что биография Станкевича — когда выйдет? [11] Огарев в последнее время написал кучу поэм; его несет четырехстопным ямбом [12]. Попадаются весьма хорошие вещи, но сыворотки все-таки ужасно много. Двадцать, тридцать стихов сряду чистейшей воды с крупицей задушевного сахара... Эдак нельзя. Но над иным улыбаешься невольно — у него какой-то презабавный юмор; вдруг из среды ноющих и хныкающих звуков à la Bellini [13] — высунется вздернутый нос à la Odry... [14] Однако, как я выражаюсь: нос из звуков... В какое негодование пришел бы мой учитель российского языка Дмитрий Никитыч Дубенский, называвший Пушкина «змеей, одаренной соловьиным пеньем» [15].

Я что-то завираюсь. Прощайте, толстый человек — да напишите же мне. Скажите мне, как встретила критика мои 3 книжки [16]. Да заставьте «Современник» заплатить Вам порто этого письма. Вольно ж было Некрасову посылать свою штуку через Вас.

Addio, caro Annenkovini!
Non manjiar tutta teliatini!

Ив. Тургенев.

P. S. Кстати! Узнайте, пожалуйста, непременно, находится ли графиня Ламберт в Петербурге — и пришлите мне ее адресс. Кажется: на Фурштадтской, в собств⟨енном⟩ доме. Но наверное не знаю.

567. Л. Н. ТОЛСТОМУ

3 (15) января 1857. Париж

Париж.
3/15-го января 1857.

Милый Толстой,

Не знаю, много ли радуют Вас мои письма, но Ваши меня утешают [1]. В Вас, очевидно, происходит перемена — весьма хорошая. (Извините меня, что я Вас как будто по головке глажу: я ⟨на⟩ целых десять лет старше Вас — да и вообще чувствую, что становлюсь дядькой и болтуном). Вы утихаете, светлеете и — главное — Вы станови-

тесь свободны, свободны от собственных воззрений и предубеждений. Глядеть налево так же приятно, как направо — ничего клином не сошлось — везде «перспективы» (это слово Боткин у меня украл) — сто́ит только глаза раскрыть. Дай бог, чтобы Ваш кругозор с каждым днем расширялся! Системами дорожат только те, которым вся правда в руки не дается, которые хотят ее за хвост поймать; система — точно хвост правды, но правда как ящерица: оставит хвост в руке — а сама убежит: она знает, что у ней в скором времени другой вырастет. Это сравнение несколько смело — но дело в том, что Ваши письма меня утешают. Это несомненно.

Я получил от Вашей сестры очень милое и довольно длинное письмо [2]. Оно меня очень обрадовало; я искренно к ней привязан — и известие о ее болезни меня сильно опечалило. Ей тоже понравился мой «Ф⟨ауст⟩». Странная судьба этой вещи! Иным она совсем не по вкусу — между прочим и к крайнему моему сожалению — и г-же Виардо. Кстати, что за нелепые слухи распространяются у вас! Муж ее здоров как нельзя лучше, и я столь же далек от свадьбы — сколь, напр.,— Вы. Но я люблю ее больше, чем когда-либо, и больше, чем кого-нибудь на свете. Это верно [3].

Ваше «Детство и отрочество» — производит фурор между здешними русскими дамами; присланный мне экземпляр [4] читается нарасхват — и уже я должен был обещать некоторым, что непременно Вас познакомлю с ними — требуют от меня Ваших автографов — словом — Вы в моде — пуще кринолина. Сообщаю Вам это, потому, что ни говори — есть там где-то в сердце пупырушек, который такие похвалы (да и всякие) приятно щекочут. И пусть щекочут — на здоровье!

Из писем, полученных мною из Петербурга, я могу заключить, что у вас довольно сильно зашевелилась литературная — да и всякая другая жизнь. Иногда меня разбирает досада, почему я не нахожусь в это время со всеми вами — и даже кажется («человек самолюбив!»), что я мог бы быть полезен. Но выехать отсюда раньше апреля я и думать не могу — и потому отлагаю все подобные мечты до будущей зимы. А будущей зимой Вас, пожалуй, не будет. Вы мне пишете, что даже нынешнюю зиму в Петербурге не доживете. Что у Вас за мысль ехать на Кавказ? Скорее брата Вашего надобно оттуда вытащить.

Не забудьте мне прислать всё Ваше, что явится не в «Соврем⟨енник⟩е».

Знакомство Ваше с Шекспиром — или говоря правильнее —приближение Ваше к нему — меня радует [5]. Он — как Природа; иногда ведь какую она имеет мерзкую физиономию (вспомните хоть какой-нибудь наш степной октябрьский, слезливый, слизистый день) — но даже и тогда в ней есть необходимость, правда — и (приготовьтесь: у Вас волоса встанут дыбом) — целесообразность.— Познакомьтесь-ка также с «Гамлетом», с «Юлием Цезарем», с «Кориоланом», с «Генрихом IV», с «Макбетом» и «Отелло». Не позволяйте внешним несообразностям отталкивать Вас; проникните в середину, в сердцевину творения — и удивитесь гармонии и глубокой истине этого великого духа. Вижу отсюда, как Вы улыбаетесь, читая эти строки; но подумайте, что, *может быть*, Т⟨ургенев⟩ и прав. Чем черт не шутит!

Я не говорю Вам о здешних моих знакомствах; встретил я только одну милую девушку — и та русская [6]; одного очень умного человека — и тот жид [7]. Французики мне не по сердцу; они, может быть, отличные солдаты и администраторы — но у всех у них в голове только один переулочек, по которому шныряют всё те же, раз навсегда принятые мысли. Всё не ихнее им кажется дико — и глупо. «Ah! le lecteur Français ne saurait admettre cela!» Сказавши эти слова, француз даже не может представить себе, что Вы что-нибудь возразите. Бог с ними!

Ну прощайте, милый Толстой. Разрастайтесь в ширину, как Вы до сих пор в глубину росли — а мы со временем будем сидеть под Вашей тенью — да похваливать ее красоту и прохладу.

Ваш
Ив. Тургенев.

568. А. И. ГЕРЦЕНУ

4 (16) января 1857. Париж

Париж. 16 янв. 1857.

Милый Герцен,

Третьего дня получил я твои «Записки» и тотчас прочел их [1]. Впечатление было сильное и хорошее: в этих главах чрезвычайно много поэзии и юности, лицо твоей жены (всем нам — действительно — мало известной) — привлекательно и живо; отрывки из ее писем дают понятие о замечательной натуре [2]. Последняя глава мне очень понравилась — и возбудит негодованье только тех людей, которых одно твое имя сердит [3]. С моей стороны я сделаю

только. два возражения: *первое*: осторожно ли ты поступил, описывая К⟨етчера⟩ (которого, разумеется, все узнают) — его *тоску* по *революции* и т. д. и т. д.? [4] *Второе*: в этом последнем отрывке слог твой уже чересчур небрежен; галлицизмы самые вопиющие попадаются на каждом шагу; хоть бы Огареву просматривать твои корректуры. Например, можно ли сказать:

(Стр. 84) «иной мир, *иначе* симпатичный, *нежели* тот!..».

Что такое (на стр. 87) — «есть организации, которым никогда не нужна... опора, указка, которые всего лучше идут там, где нет решетки?».

Или (на стр. 127) — «Ну оно как не приятно, а я *из* этого не решился прежде, *нежели* было нужно, оставить умирающую женщину» и т. д. [5]

Это тем более неприятно, что вообще язык твой легок, быстр, светел и имеет свою физиономию. Я бы взялся в полчаса стереть все эти маленькие пятна, причину которых следует искать в долгом твоем пребывании за границей. Но — повторяю — «Записки» — отличные и читаются с удовольствием, иногда с умилением. Несколько вводных лиц прекрасно очерчены (как напр. архиерей Парфений) [6].

№ «Библиотеки» [7] отправится к тебе на днях; теперь он у Мельгунова, у которого я возьму его завтра или послезавтра. Не я послал тебе Некрасова [8], должно быть, он сам распорядился — или, может быть, какой-нибудь из твоих тайных приверженцев вспомнил о тебе. A propos de приверженцы — ты никогда не угадаешь, от кого я не далее как вчера слышал великие похвалы тебе... От князя Орлова (раненного под Силистрией) — сына известного Орлова. Он не только всё прочел, что ты написал, но даже (ceci entre nous) с месяц тому назад отвез все твои произведения к в. к. Михаилу Николаевичу. Он мне чрезвычайно понравился; несчастье его отрезвило — да и вообще — натура в нем высказывается хорошая. Вот поневоле воскликнешь: Où l'a vertu va-t-elle se nicher! [9] Он всю зиму пробудет здесь; мы, я надеюсь, будем видеться.

Ты ведь, я думаю, знаком с Оппенгеймом? [10] Я его вижу часто: он очень умен и оригинален.

А к д'Агу я езжу с точки зрения естествонаблюдателя. Какие там попадаются «букашки и таракашки»! [11]

Прощай, обнимаю тебя и остаюсь

твой

Ив. Тургенев.

P. S. Коленопреклоненно умоляю тебя: не употребляй слово: безразличный! Особенно в одном месте оно меня точно по щеке ударило [12].

569. В. Н. КАШПЕРОВУ

5 (17) января 1857. Париж

Париж.
5/17 января 1857.

Любезнейший Владимир Николаевич[а],

Несколько дней тому назад получил я Ваше письмо [1] — а в скором времени и музыку [2], которую я вчера отвез на суд г-же Виардо. Она ее похвалила, прибавив, однако ж, что все-таки советует Вам обратить внимание на мелодию; мысли Ваши ей кажутся не довольно развиты и слишком «déclamatoires». Передаю Вам ее мнение, не ручаясь, впрочем, за ее непогрешительность.

Дрезден на Вас произвел сильное впечатление; этого надобно было ожидать. Рафаелевская Мадонна не дается с первого раза, особенно таким сангвиническим, живым натурам, какова Ваша. Вообще мне кажется (сколько я могу судить о Вас по нескольким часам, вместе проведенным) [3] — что Вам необходимо сосредоточиться; — Вы склонны к «рассыпному» строю. Без сосредоточенности можно сильно чувствовать, понимать, но творить — трудно. Дерево сосредоточивается в течение целой зимы, чтобы весной покрыться листьями и цветами. Совет Пушкина «Поэту» в его «Сонете» — применяется к каждому художнику [4]. Извините мой педантизм: я, как уже человек поломанный, говорю Вам по опыту.

Мне очень приятно, что мои рассказы Вам нравятся [5]; но не забудьте их со временем переслать в Лондон [6].

Грибовского я вижу изредка; я его познакомил с Мельгуновым [7] — и хочу познакомить еще с двумя, тремя русскими.

Поклонитесь от меня Глинке [8]; он, вероятно, меня не помнит — но я очень хорошо его помню. Он бывал у нас, когда мы жили вместе с братом — которого он, кажется, любил [9]. Скажите ему, что я ему желаю здоровья и всего хорошего на свете. Г-жа Виардо, которая, как Вы знаете, большая его поклонница, также ему кланяется. Что, его опера ставится на театре? [10]

[а] *Так в подлиннике, ошибочно, вместо*: Никитич

А Вам я желаю работать, работать и еще работать. Не дайте своему таланту ни заснуть, ни рассыпаться на мелочи, ни, говоря орловским словом, зачичкаться — т. е. до времени высохнуть. Пусть почиет над Вами благословение Аполлона, бога лиры,— а впрочем, наслаждайтесь жизнью. Очень скоро уходит она, злодейка — и никак невозможно вернуть ее — так уже судьба нас устроила.

Дружески жму Вам руку
и остаюсь
душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

570. П. В. АННЕНКОВУ

6 (18) января 1857. Париж

Париж.
6(18) января 1857.

Милый Анненков, третьего дня я послал к Вам письмо с стихами Некрасова [1], а вчера получил Ваше письмо [2] — благодарю за него, но на этот раз на него не отвечаю. У меня есть дело важности неотлагательной. Вот оно в чем: в декабрьском № «Совр⟨еменник⟩а» прочел я, что готовится 5-й выпуск альманаха «Для легкого чтения» — где объявлен мой «Помещик» [3]. Распоряжаться так нецеремонно чужим добром — я нахожу весьма неуместным — но это бы еще ничего — а в «Помещике» есть мерзкая строфа (по поводу Аксакова) [4], единственное мое литературное *пятно* — и если эта строфа напечатается — я принужден буду *публично* протестовать против этого присвоения чужой собственности. Ради бога, обратитесь тотчас к Панаеву, к Давыдову [5], словом, к тому лицу, от которого зависит печатание «Для л⟨егкого⟩ чтения» — и с этим письмом в руке потребуйте немедленного исключения (а если уже напечатан этот лист) — перепечатания. Я не помню начала этой дурацкой строфы — но вот как она кончается:

От шапки — мурмолки своей
Ждет избавленья, возрожденья —
Ест редьку, западных людей
Бранит — и пишет донесенья [6].

Повторяю, что если эта строфа будет напечатана, я почту своей обязанностью протестовать формально против поступка г-д Давыдова etc. Вы сами легко поймете

как это для меня важно, и не потеряете ни одной минуты. Весь «Помещик» — дрянь, и я никогда не согласился бы его перепечатать — ну уж бог с ними!

Я нисколько не прочь от печатания «Нахлебника» — и кое-что даже переделал и сократил. Поправки эти я немедленно вышлю Панаеву — они еще ко 2-му номеру поспеют [7].

Я на Ваше имя напишу письмо гр. Ламберт. Вы ей его доставьте. Мои письма к ней не доходили.

Повторяю, это не письмо, а крик отчаяния, вызванный наглостью г-д издателей [8].

На днях напишу Вам. Пока прощайте, обнимаю Вас.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Мне самому полемика по поводу глупых «Призраков» кажется детски пошлой — и я написал коротенький ответ Каткову, в котором всю вину беру на себя [9].

571. И. И. ПАНАЕВУ

12 (24) января 1857. Париж

Париж.
12/24 января 1857.

Письмо мое огорчит тебя, милый Панаев — я это знаю наперед: фунт конфет ты проиграл [1] — и ко 2-му №-у «С⟨овременника⟩» я ничего прислать не могу [2]. Единственным, хотя горьким утешением служит мне то, что в моей неисправности не я виноват, а моя болезнь. Я знаю, вы все не верите ни в мои недуги, ни в мою любовь к охоте, к сожалению, болезнь моя слишком действительна. Пузырь у меня заболел, как только я попал в Париж, а в последнее время у меня открылась ⟨- - -⟩[a] болезнь чрезвычайно гадкая и упорная, от которой я уже принужден был подвергнуться операции и т. д. и т. д. Болезнь эта имеет свойство ужасно действовать на нервы и на нравственное состояние души — и я теперь столь же способен писать, сколь способен петь или плясать на канате.— Единственную недостающую страницу в рассказе, назначенном Дружинину [3], осилить не могу — только жду, что-

---

[a] *Выпущены подробности медицинского характера.*

бы отпустило меня, и брошу проклятый Париж. Могу только предложить следующее: попробуйте напечатать «Нахлебника» — мне Анненков пишет, что теперь его, пожалуй, позволят [4]. Если его пропустят (списки достать, я думаю[б] легко) — *то поручаю Толстому держать корректуру* — в случае надобности сделать поправки и сокращения. Попроси его от моего имени об этом — а я на его письмо отвечу, как только почувствую себя в духе: очень оно меня обрадовало [5]. Да, кстати, я писал Анненкову, чтобы *непременно* выкинули из «Помещика» (которого, я вижу, хотят перепечатывать в «Для легкого чтения») строфу об Аксакове (она кончается так: «Западных людей бранит и пишет донесенья») — а то я принужден буду печатно протестовать против распоряжения моей собственностью. Пожалуйста, сообщи это Давыдову и, в случае нужды, потребуй перепечатки [6]. Если б мой рассказ для «Б⟨иблиотеки⟩ для ч⟨тения⟩» пришел вовремя и если бы Др⟨ужинин⟩ согласился — то можно бы его напечатать, а я Др⟨ужинин⟩у доставил бы другой. Но всё это гадательно [7].

Да, что делать: l'homme dispose[в] et le пузырь dispose [8]. Делаво тоже глазами хлопает и статью о французской литературе не написал — я уже думаю обратиться к Léon de Wailly. Словом — всё идет, как через пень-колоду.

Если мне полегчит, я к 3-му №-у что-нибудь сделаю — но ничего решительно обещать не могу.

Но письмо так неутешительно, что лучше поскорей его кончить. Прощай и не брани меня — я бы давно это тебе написал, но я до последней минуты всё надеялся.

Твой
Ив. Тургенев.

На конверте:

Russie
St. Pétersbourg
Mr Jean Panaïeff.

В контору редакции журнала «*Современник*».
В *С. Петербурге*.

Для доставления И. И. Панаеву.

[б] *Далее зачеркнуто*: очень

[в] *Так в подлиннике, вместо* propose ⟨предполагает⟩.

572. А. В. ДРУЖИНИНУ
13 (25) января 1857. Париж

Париж,
13/25 января 1857.

Милый Дружинин,

Уже с неделю, как я собираюсь отвечать на Ваше письмо [1] — да всё не удается. Нахожусь я в препакостном настроении духа, болезнь моя приняла дурной оборот, меня опять жгут и т. д. словом — гадко. Я повесил нос и руки опустил. Маленький рассказец для Вас совсем готов [2]; стоит присесть и написать последнюю страницу — не могу! Однако переломлю себя — кончу и отправлю. Боюсь я только за него: очень он вышел мрачен. Кабы знал я, что меня ждет в Париже — не выехал бы из Петербурга... А Вы, как нарочно, рисуете мне соблазнительные картины Вашего совокупного житья, Вашей деятельности. Кстати, о Вашей деятельности, прочел я Вашего «Лира» — и умилился — но особенно меня тронула Ваша вступительная статья. Это прелесть! Должен сознаться, что если бы Вы не были консерватором, Вы бы никогда не сумели оценить так Кента, «великого верноподданного». Я прослезился (à la lettre) над ним. Все эти характеристики — всё воззрение верно, широко, глубоко — исполнено любви и свободы. Очень, очень Вы меня порадовали. Спасибо Вам [3].

Зато Вы не удивитесь, если я скажу Вам, что статья о Б⟨елинском⟩ мне мало понравилась. Она очень умна и беспристрастна — но холодна и — виноват! — несправедлива. Как же это так? — спросите Вы: беспристрастна и несправедлива? Уж я не знаю как — но оно так. Об этом следовало бы распространиться — но я теперь не в силах распространяться [4]. Зато весь номер составлен прекрасно — и читается и с удовольствием и с пользой. Радуюсь я хорошей подписке: да оно иначе и быть не может: «Б⟨иблиотека⟩ для ч⟨тения⟩» — пойдет у Вас блистательно — дай бог, чтобы «Совр⟨еменник⟩» не был совсем задавлен (ce que je crains, entre nous soit dit). Почему я эту фразу написал по-французски? — Неизвестно. Но я, по милости моего гнусного недуга, не скоро что-нибудь сделаю. Чувствую в себе пустоту выпотрошенной рыбы — кислоту неприви́вного яблока — и глупость, подобную — невозможно сыскать сравнения.

Анненкову теперь лафа отхлопать себе все лядвии на мой счет.

Жду с нетерпеньем высылки XII-го и I-го № Вашей «Библиотеки».

Вы, вероятно, спросите меня: если мне так скверно в Париже, зачем я остаюсь здесь? На это есть причины очень важные — но я думаю отсюда непременно через 2 месяца выехать. Куда? — не знаю — может быть, в Лондон. Здешний климат мне решительно вреден. Толстой мне пишет, что он собирается сюда ехать, а отсюда весной в Италию; скажите ему, чтобы он спешил, если хочет застать меня [5]. Впрочем, я ему сам напишу. По письмам его я вижу, что с ним совершаются самые благодатные перемены — и я радуюсь этому, «как нянька старая» [6]. Я прочел его «Утро помещика» [7], которое чрезвычайно понравилось мне своей искренностью и почти полной свободой воззрения; говорю: почти — потому что в том, как он себе задачу поставил, скрывается еще (может быть, бессознательно для него самого) некоторое предубеждение. Главное нравственное впечатление этого рассказа (не говорю о художественном) состоит в том, что, пока будет существовать крепостное состояние, нет возможности сближения и понимания обеих сторон, несмотря на самую бескорыстную и честную готовность сближения — и это впечатление хорошо и верно; но при нем бежит другое, побочное, пристяжное,— а именно то, что вообще просвещать мужика, улучшать его быт — ни к чему не ведет — и это впечатление неприятно. Но мастерство языка, рассказа, характеристики великое.— Каков, однако, бессовестный Андриас! [8]. Какую статеечку он об «Д⟨етстве⟩» и «О⟨трочестве⟩» тиснул! [9] На какие погромы я должен готовиться, я, от которого он уже ничего ждать не может!

Пускай! Это может быть даже очень полезно.

Вы не можете себе представить, какое иногда во мне поднимается нетерпеливое желанье быть с Вами, в Петербурге, где у меня не болел мой мерзкий пузырь! Клянусь, что с будущей зимы — все зимы своей жизни я провожу в Петербурге! Баста!

Если театр состоится, скажите Писемскому, что я прошу его убедительно написать мне об этом [10]. До меня дошли слухи, что здоровье его поправилось, чему я радуюсь ото всей души.

Прощайте, милейший консерватор — будьте здоровы и веселы. Поклонитесь Вашей матушке и всем добрым приятелям.

Весь Ваш

Ив. Тургенев.

P. S. Рассказ [11] Вы получите через 2 недели — самый поздний срок.

573. ДАНИИЛУ ГАРВИЦУ

25 октября (6 ноября) 1856—26 января (7 февраля) 1857. Париж

Ich habe einen Rheumatismus in Knie bekommen — und muss zu Hause sitzen oder eigentlich liegen.— Unser «Match» wird immer verschoben [1] — hiermit send ich das Buch, das Sie gewünscht haben [2].

Ergebenst Ihr
J. Turgeneff.

Mittwoch,
Rue de Rivoli
206.

На конверте:

Monsieur
Monsieur Harrwitz.
Au Cercle des Echecs.

574. Е. П. ВЯЗЕМСКОЙ

Середина января 1857. Париж

Вот Вам мои книги [1], любезная княгиня — можете прочесть «Переписку», «Пасынкова», «Затишье» и «2-х приятелей», а остальное не читайте. Впрочем, теперь Вам на радости не до чтения [2] — я у Вас не был всё это время, потому что мне было скверно.

Ваш
И. Тургенев.

575. Е. Я. КОЛБАСИНУ

26 января (7 февраля) 1857. Париж

Париж.
7-го февр. н. с. 1857.

Любезнейший Колбасин,

Я давно с нетерпеньем ожидал Вашего письма. Спасибо Вам за него. Факты, сообщаемые Вами, очень интересны.— Статья Дудышкина обо мне представляет, вероятно, много справедливого и дельного — но при всем моем невысоком мнении о моем таланте мне все-таки не хочется согласиться с ним, что лучше было бы мне вовсе не писать. По крайней мере, теперь узнаешь о себе всю правду до самой подноготной [1].

Я на днях переехал на другую квартиру и живу теперь Rue de l'Arcade, № 11. Сообщите этот адресс всем приятелям и знакомым. Я живу теперь с Некрасовым, который приехал скда из Рима. Здоровье его, кажется,

поправилось — хотя он хандрит и киснет сильно. Он кое-что сделал, но слухи, до него дошедшие об участи его стихотворений, несколько приостановили его деятельность [2]. Впрочем, он успокаивается понемногу.— Фет тоже был тут, но завтра едет назад в Россию. Толстого еще нет — да вряд ли он приедет скоро — ведь он сперва отправился в деревню, там и застрянет [3]

Здесь много русских, и журналы все получаются, хотя очень поздно. Но Вы этим не смущайтесь и сообщайте мне всё, что может нас здесь заинтересовать.

Работа моя совсем и окончательно приостановилась. Причиною этому — главное болезнь моя, которая сильно меня кусает и лишает бодрости и спокойствия духа; притом другие подошли обстоятельства... Словом, мне теперь ясно — пока я не вернусь в Россию, я, кроме небольшого рассказа для Дружинина [4], ничего не сделаю. Я уже на этот счет махнул рукой.

Я писал Панаеву об этом [5] – да еще о том чтобы ни за что не печатали в «Помещике», которого хотят сунуть в «Легкое чтение», строфы о славянофилах и об Аксакове (строфа эта кончается так: «западных людей бранит — и пишет донесенья»). Непременно осведомитесь, исполнил ли мое требование — и если нет (чего боже сохрани), дайте мне знать это, ни мало не медля, для того, чтобы я принял надлежащие меры. Это очень важно. Я надеюсь, что Вы обратите на мою просьбу надлежащее внимание [6].

Мне приятно узнать, что графине лучше [7]. Дай бог ей совсем выздороветь!

Будьте здоровы, поклонитесь брату Вашему и всем приятелям.— Если мы будем живы, в мае увидимся.

Ваш Ив. Тургенев.

P. S. При сем прилагается письмо Некрасова к Вашему брату.

576. П. В. АННЕНКОВУ

28 января (9 февраля) 1857. Париж

Париж.

$\frac{\text{28-го янв.}}{\text{9-го фев.}}$ 1857.

Несколько раз собирался я к Вам писать, любезнейший Анненков — да, право, перо из рук вываливалось; теперь, однако, улучив минуту, свободную от хандры, пишу Вам. «Отчего Вы хандрите?» — спросите Вы. На

это один ответ: болезнь, проклятая болезнь пузыря, в которую Вы не верите, но которая, к сожаленью, слишком действительна, потому что лишает меня всякой бодрости, всякой охоты жить,— это я говорю без преувеличивания. Жду не дождусь конца моего пребывания в Париже, климат которого мне решительно зловреден. Эта же болезнь причиною тому, что я ничего не сделал и не сделаю — где тут работать — или, говоря выспренним слогом, «творить» — когда каждое утро приходит в мысли гётевский стих из «Фауста»:

«Nur mit Entsetzen wach' ich Morgens auf»... [1]

Впрочем, довольно об этом; раненый зверь забивается в чащу леса, чтобы его не видели; больной человек должен лежать и не надоедать жалобами.

Неделю тому назад приехал сюда Некрасов [2], и мы теперь вместе живем — rue de l'Arcade, № 11. Avis au lecteur — т. е. au correspondant. Я нашел, что здоровье Некрасова поправилось — но Вы, я надеюсь, знаете не хуже моего, как мастерски скучает и хандрит этот человек, и потому можете представить, что мы, сидя вдвоем, не устремляемся в небеса, не поем гимн радости — и вообще о Шиллере думаем мало. Впрочем, я рад его видеть — и так как в математике из отрицания, помноженного на отрицание, выходит положение — то, пожалуй, и у нас выйдет что-нибудь. Фет был тоже здесь и уехал [3], загнанный, как заяц борзыми собаками, скукой, самой неотступной и безжалостной, скукой бесплодного скитания по отелям, гостиницам, железным дорогам, любопытным зданиям и театрам. Он возвращается с ненавистью к Европе, которую не видел нисколько и о которой, однако, будет судить резко и смело.

Из Петербурга пришло известие, что Толстой сюда едет — и мы его ждем, хотя и не очень надеемся на его приезд [4]. Я получил от него очень милое и умное письмо [5] — видно, что он приходит в более естественное положение. Это очень приятно — и следует всем нам помогать ему, по мере возможности, в его трудном и тугом развитии.

Прислал мне Елисей Колбасин отрывки из статьи Дудышкина обо мне. Во многом он, вероятно, прав — но неужели моя деятельность была бы лишнею даже во времена Карамзина? [6] Немножко горько в этом согласиться — но делать нечего. Другой Колбасин пишет, что продажа моих книжек идет плохо [7]; сугубо поздравляю

Вас с ускоренной продажей Базунову [8]; у него шея толста — авось не разорится от этого.

Был я на днях в заседании Академии и слышал речь Гизо (в ответ Биоту) [9]. Речь произвела большой эффект — и действительно была эффектна; qui a bu — boira, и Гизо, несмотря на всю свою austérité, видимо, был доволен случаем поговорить и порисоваться. Он назвал Наполеона «ce héros-despote»— и все нашли, что это было с его стороны ужасно смело; вот Вам факт, по которому Вы можете судить, до чего опустился здешний уровень.

Здесь много русских, которых я вижу довольно часто; толки из cara patria доходят разнообразные. Мне хочется поскорей вернуться; время, проведенное мною здесь, есть погибшее время. Надо в Париж приезжать или раньше или позже моих лет; да и сверх того моя болезнь мне отравляет каждую минуту, каждое впечатление.

Письмо это невесело — да что прикажете делать? Меня утешает мысль, что Вы, по крайней мере, по-прежнему несокрушимы, веселы, многоядны и многожизненны. Поклонитесь друзьям и Ольге Александровне. Мне ее жаль — что она не выходит замуж — хоть за Дрейнтельна, например? [10]

Весь Ваш Ив. Тургенев.

P. S. Я надеюсь, Вы распорядились насчет «Помещика» — в легком чтении? [11]

577. П. В. АННЕНКОВУ

16 (28) февраля 1857. Париж

Париж.
16/28 февр. 1857.

Милый Анненков, я Вам долго не писал по следующей причине: не только весело — даже спокойно не мог бы я писать Вам — а хныкать не хотелось. Тоска меня гложет — главная, почти единственная причина этой тоски — болезнь, неожиданно возвратившаяся. К счастию, мне не долго остается быть в Париже — и я надеюсь, что, расставшись с этим городом, я расстанусь также с своими недугами.— С тех пор как я писал Вам, много произошло нового: Некрасов был, хандрил, не выдержал и внезапно уехал в Рим [1]; Толстой приехал [2]. Действительно он изменился во многом и к лучшему — но скрып и треск его внутренней возни всё еще неприятно действует на че-

ловека, нервы которого без того раздражены. Все-таки я очень рад его приезду.

Посылаю Вам первую часть или первый день «Поездки в Полесье». Второй день переписывается и вышлется послезавтра. Я не хотел запихать всё в один пакет. А посылаю этот рассказ Вам, а не прямо Дружинину вот по какой причине: мне кажется, что я в этом рассказе слишком расстегнулся, то есть слишком даю читателю заглянуть в свои непотребные и неопрятные кишки. Если и Вам это покажется, то прошу Вас не давать этого рассказа в печать — а для оправдания моего показать его Дружинину [3]. Во 2-м дне я описываю лесной пожар и личность одного полешского Картуша [4] — можно будет в таком случае поместить один 2 й день, приклеив к нему начало 1-го дня, описание леса и т. д. Пожалуйста, напишите мне тотчас, *как* Вы решите. Собственно для меня это всё равно — для меня моя литературная деятельность и кало *чужой* собаки — всё едино; но мне бы не хотелось сделать неприятности Дружинину; довольно уже и катковской истории [5].

Прощайте, милый толстяк, «одна любовь души моей» [6]. Мне теперь плохо, но авось, свидевшись в России, будет лучше. Я здесь познакомился с 2-мя Вашими симбирскими знакомыми: с Грибовским и Столевским. Милейшие люди! Оба, к сожалению, уехали. Пишите мне теперь: Rue de l'Arcade, № 11.

Ваш

Ив. Тургенев.

P. S. Если рассказ [7] поступит в «Б⟨иблиотеку⟩ для ч⟨тения⟩», то взыщите с Др⟨ужинина⟩, что̀ будут Вам стоить пакеты.

578. А. И. ГЕРЦЕНУ

16 (28) февраля 1857. Париж

Париж.

Суббота, 28/16 фев. 57.

Мельгунов показывал мне твое письмо к нему [1], милый Герцен,— отвечаю вкратце на твои пени. Я хандрю — потому что болен и ничего не делаю. Я вылечусь только тогда, когда брошу Париж. А брошу я его через месяц — и покачу в Англию, в Лондон, к тебе [2]. Авось там я поправлюсь. А оттуда в Россию и засяду там на веки веков.

Стиха «Войнаровского» — я не знаю [3].

Некрасов (которого ты не любишь) был в восхищении от последнего отрывка твоих мемуаров [4]. Толстой тоже будет в Англии; ты его полюбишь — я надеюсь — и он тебя [5].

Я привезу к тебе в Лондон все имеющиеся у меня номера журналов и оставлю их тебе — а теперь не могу никаких сообщить новостей. О побоище Шевырева ты уже, вероятно, знаешь [6].

Кланяюсь всем твоим и целую — кого могу. Еще раз, будь здоров и до свидания в *Путнее*, где я заживу *путнее* [7]. Rends-toi, brave Herzillon! [8]

Твой

И. Тургенев.

579. Д. Я. КОЛБАСИНУ

16 (28) февраля 1857. Париж

Суббота,
16/28 февр. 1857.
Париж.

Милый Колбасин, отвечаю вкратце на Ваше коротенькое письмецо [1]. Во-первых, приложенное письмо Ваше мною тотчас же было отправлено Некрасову в Рим [2]; куда он укатил в прошлое воскресенье; во-вторых — и не спрашивайте меня о моем здоровье: проклятый пузырь убил меня, и я жду не дождусь того дня, когда я брошу, наконец, Париж (это будет через месяц). А в-третьих, лучше бы Вы уже, злодей, и не упоминали о сплетнях, распускаемых на мой счет — а то Вы говорите, что ходят сплетни, прибавляете даже, что очень гнусные — и не говорите, в чем именно они состоят... Ради бога, известите меня, в чем дело, а то я буду думать, что меня обвиняют в покраже платков или в ⟨- - -⟩. Пожалуйста, напишите. Я отправил слегка выправленного «Нахлебника» (с переменою заглавия) к Панаеву,— посмотрим, пропустит ли цензура [3].— Письмо к Подлинскому, в Константинополь, давным-давно отправлено [4]. Толстой здесь уже с неделю. Он гораздо лучше стал — но всё еще чудит. Впрочем, я очень рад тому, что он приехал.— Скажите, ради бога, отчего это я не получил ни 12-го, ни 1-го № «Библиотеки», ни 11-го, 12-го, ни 1-го № «Совр⟨еменник⟩а»? Это очень неприятно. Начали было высылать — а там и тпру. Что делает родственник? Я жду от него обыкновенного месячного письма, скажите ему это. Непременно [5].— Помещен, наконец, «Переулочек»? [6] Гово-

рит, мои повести идут плохо: правда это? Пожалуйста, не церемоньтесь написать правду: если б Вы знали, как я равнодушен стал к литературе вообще и к моей дребедени в особенности?..[7]

Посмотрел бы я на Вас, как Вы сидели с образом на свадьбе Ф⟨еоктист⟩ы![8] То-то важность разлита была на лице, а бакенбарды, бакенбарды!!

Ждите меня в мае — если я не околею, что́ было бы не худо. Будьте здоровы и верьте в искреннюю и дружескую привязанность

Вашего
Ив. Тургенева.

P. S. Лобызаю «родственника» в многодумное чело.

580. В. П. БОТКИНУ

17 февраля (1 марта) 1857. Париж

Париж.
1-го марта / 17 февр. 1857.

Милый Боткин, без преувеличения могу сказать, что десять раз принимался писать тебе — но ни разу более полустраницы написать не мог; авось на этот раз буду счастливее.— О себе тебе говорить не стану: обанкрутился человек — и полно; толковать нечего. Я постоянно чувствую себя сором, который забыли вымести — вот тебе моя Stimmung. Авось это пройдет, когда я брошу Париж.— Ты знаешь, что Некрасов был здесь и внезапу ускакал в Рим[1]; Толстой здесь — и глядит на всё, помалчивая и расширяя глаза; поумнел очень: но всё еще ему неловко с самим собою — а потому и другим с ним не совсем покойно. Но я радуюсь, глядя на него: это, говоря по совести, единственная надежда нашей литературы.— Что касается до меня — то скажу тебе на ухо с просьбой не пробалтываться: кроме обещанной статьи Дружинину[2], которую только потому и высылаю, что боюсь повторений катковской истории,— ни одной *моей* строки никогда напечатано (да и написано) не будет до окончания века. Третьего дня я не сжег (потому что боялся впасть в подражание Гоголю), но изорвал и бросил в watercloset все мои начинания, планы и т. д. Всё это вздор. Таланта с особенной физиономией и целостностью — у меня нет, были поэтические струнки — да они прозвучали и отзвучали,— повторяться не хочется — в отставку! Это

не вспышка досады, поверь мне — это выражение или плод медленно созревших убеждений.— Неуспех моих повестей (сообщенный мне из самых верных источников, Колбасиным и др.) ничего мне не сказал нового [3]. Я удаляюсь; — как писателя с тенденциями заменит меня г. Щедрин (публике теперь нужны вещи пряные и грубые) [4] — а поэтические и полные натуры, вроде Толстого, докончат и представят ясно и полно то, на что я только намекал. Всё это довольно странно после «обязательного соглашения» [5], mais je m'en lave les mains.— Так как я порядочно владею российским языком — то я намерен заняться переводом «Д‹он-›Кихота»,— если буду здоров [6]. Ты, вероятно, подумаешь, что это всё преувеличение — и ты мне не поверишь. Ты увидишь, я надеюсь, что я никогда не говорил сурьезнее и искреннее.

Благодарю за присылку статьи о Фете [7]; основная мысль весьма верна и дельна, и щедрой рукой рассыпаны тонкие и умные замечанья. Вот если откроется у меня к этому талант, я не прочь писать статьи в этом роде — и, может быть, себя попробую [8]. Но сочинять — баста! Ты знаешь, что я тотчас бросил стихи писать, как только убедился, что я не поэт; а по теперешнему моему убеждению — я такой же повествователь, какой был поэт.

Я познакомился здесь со многими людьми, между прочим с Мериме! Я вообще приятно бы мог проводить время, если б не был отравлен. Увидимся, многое расскажу — а писать не хочется.

Прощай, милый Б‹откин›. Не знаю, где ты, в Петербурге или в Москве — и потому пересылаю тебе это письмо через Анненкова. Будь здоров, обнимаю тебя.

Твой
Ив. Тургенев.

581. А. И. ГЕРЦЕНУ

21 февраля (5 марта) 1857. Париж

Подробное историческое описание побоища, происходившего в первопрестольном граде Москве между графом Бобринским и профессором элоквенции Шевыревым [1].

Бывший губернский предводитель [a] Чертков, отставленный за помещение в дружинные офицеры людей, взятых в кабаках и из-под Иверской [2],— давал вечер членам общества любителей художества [3]. На этом вечере при-

[a] *Далее зачеркнуто*: граф

сутствовали между прочими вышеозначенные профессор и граф. Возникли споры (как это водится в Москве) о славянофильстве, о статье Аксакова о богатырях [4], а наконец и о речи Роберта Пиля [5], за которую упомянутый граф вздумал заступаться.— «После этого Вы не патриот»,— заметил профессор. На эти слова граф с изумительной находчивостью и совершенным à propos возразил: «А ты, сукин сын, женат на выблядке!» [6] — «А ты сам происходишь от выблядка»,— в свою очередь заметил профессор и бац графа в рожу [7]. Тут уже граф не вытерпел, сшиб профессора с ног, начал его топтать и бить стулом. Гости, увидав такое зрелище и сообразив, что граф, человек большого роста и сильный, непременно убьет старого и слабого профессора,— тотчас все прыснули вон; один хозяин не потерял присутствия духа — и тоже убежал, но прямо к Закревскому, которому немедленно обо всем донес. Закревский, как известный делец и административная голова, тотчас нашелся: он дал знать в Петербург по телеграфу, что дерутся, мол, такой-то и такой-то — так что прикажете сделать? [8] Между тем Бобринский продолжал бить Шевырева — и, вероятно, убил бы его окончательно, если б г-жа Черткова, оставшаяся одна на театре побоища, отчасти усилиями своих слабых рук, отчасти увещаниями и слезами, ⟨не⟩ ⟨?⟩ успела остановить раздраженного графа, так что он сломил Шевыреву только одно ребро. Шевырева отнесли замертво — и он до̀ сих пор лежит в постеле. Дело на этом остановилось — и дальнейших пока последствий нет.

Вот тебе, милый Герцен, подробное — и во всех своих подробностях точное описание этой знаменитой драки, от которой по всей Москве стон стоял стоном.

Толстому я передал твой поклон; он очень ему обрадовался и велит тебе сказать, что давно желает с тобой познакомиться — и заранее тебя любит лично, как любил твои сочинения (хотя он NB далеко не красный).

Мы через месяц увидимся,— а пузырь мой продолжает мучить меня.

Прощай, пока, будь здоров. Кланяюсь всем твоим и Огареву.

(Я предисловия к Дашковой еще не прочел, потому что у меня только отрывок. Но фраза хороша) [9].

Твой

Ив. Тургенев.

Париж.

5-го марта 1857.

582. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

17—22 февраля (1—6 марта) 1857. Париж

Париж.
$\frac{\text{1-го марта}}{\text{17-го февраля}}$ 1857.

Милый Яков Петрович, Вы пеняете на меня за то, что я не пишу [1],— а я именно и потому не пишу ни к Вам, ни к друзьям вообще, что ничего веселого сказать не могу, а жаловаться и вздыхать не стоит. Мне всячески скверно — и физически, и нравственно, но в сторону это! Надеюсь, что мне лучше будет через месяц, то есть когда я выеду из Парижа. Солон он мне пришелся — бог с ним!

Спасибо за доставленный адресс Клюшникова. Я им воспользуюсь — и, сам развалина, подам голос той престарелой развалине [2].

Толстой здесь. В нем произошла перемена к лучшему, весьма значительная.

Этот человек пойдет далеко и оставит за собою глубокий след.

Отчего вы не прислали мне какое-нибудь Ваше стихотворение? Что-нибудь у Вас, наверное, накопилось.

Я остаюсь здесь еще месяц — а там еду в Лондон, а из Лондона — домой [3]. Авось дома приведу себя в порядок — а то здесь я никуда не годен стал — и если отвечаю Вам, не имея двух мыслей в голове, то только потому, что мне хочется доказать Вам, что я Вас люблю и помню.

Поклонитесь Шельгуновой и Михайлову, когда он вернется [4] — а сами будьте здоровы и работайте, пока можете.

Искренно Вас любящий
Ив. Тургенев.

P. S. Эта записка кончена 6-го марта — писалась 5 дней!!!

583. В. Н. КАШПЕРОВУ

23 февраля (7 марта) 1857. Париж

Париж.
7-го[а] марта 1857.

Любезнейший Кашперов, я всё собирался написать Вам ответ на Ваше письмо [1] — как вдруг пришло горестное известие о смерти Глинки [2]. Хотя нельзя уже было

[а] *Далее зачеркнуто*: февр.

ожидать от него многого [3],— но все-таки очень и очень жаль его, особенно когда подумаешь, как много мог этот человек сделать — и как мало оставил после себя. И за это малое будем ему благодарны. Имя его не забудется в истории русской музыки — и, если суждено ей когда-нибудь развиться,— от него поведет она свое начало.

Останетесь ли Вы в Берлине после этой смерти? Не покажется ли Вам пусто и скучно там? [4] Если бы Грибовский был еще здесь, я бы знал, что̀ Вы намерены с собою сделать; но его, как Вам известно, Некрасов увлек в Рим [5]. Напишите мне о себе — да также сообщите какие-нибудь подробности о смерти Глинки [6]. Я отнес присланный Вами романс к г-же Виардо, которая его похвалила [7].

Толстой (Л. Н. Т.) здесь, и я вижусь с ним ежедневно. К сожалению, я не могу похвастаться здоровьем. Пузырь мой меня мучит — и я думаю, что пока я в Париже, я от него не отделаюсь. Я думаю выехать отсюда в начале апреля. В июне я уже буду в России.

Когда и где мы увидимся с Вами? Это известно одному богу. Но Вы, я надеюсь, не сомневаетесь, что, где бы мы ни встретились, я с истинной радостью пожму Вам руку.— Поклонитесь от меня Столевскому, которого я полюбил искренно. Будьте здоровы и веселы.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Мой адресс теперь: Rue de l'Arcade, № 11.— Я написал Вам по Вашему старому берлинскому адрессу, в надежде, что Вам перешлют это письмо.

584. М. Н. ЛОНГИНОВУ

23 февраля (7 марта) 1857. Париж

Париж.
7-го марта / 23-го февраля 1857.

Милый Лонгинов,

Я в долгу у тебя за два письма (с приложениями из «Моск⟨овских⟩ вед⟨омост⟩ей») [1],— но я всё это время был нездоров (проклятый мой пузырь опять разболелся) и вследствие этого хандрил, ничего не делал и не писал.

Мне и теперь нехорошо — но я утешаю себя мыслию, что я скоро покину Париж и — болезнь меня покинет,— что уже случалось неоднократно.

Благодарю тебя за твою аккуратность и дружелюбие. Слава богу, глупой этой перепалке с Катковым положен предел.— Очень нас всех заинтересовали сообщенные тобою новости [2]. Пожалуйста, с получения этого письма напиши мне, чем кончилось ратоборство Б⟨обринского⟩ с Ш⟨евыревым⟩ [3] и вообще всё, что тебе покажется любопытным или поучительным. Твое письмо меня застанет еще в Париже — но мой адресс теперь: Rue de l'Arcade, № 11.

Некрасов был здесь, прожил три недели и ускакал опять в Рим, куда влекла его старинная привязанность [4].— Толстой здесь. Он уже две недели как приехал. Я вижусь с ним ежедневно — и нахожу, что он изменился к лучшему во многом. Он работает прилежно — и должно думать, что из него выйдет большой человек.

Здесь довольно много русских и, между прочим, кн. Орлов (сын известного Орлова) — человек очень хороший, добрый и благонамеренный. Желательно бы было, чтобы он со временем получил влияние в России.

Я познакомился со многими литераторами, и с Мериме. Похож на свои сочинения: холоден, тонок, изящен, с сильно развитым чувством красоты и меры и с совершенным отсутствием не только какой-нибудь веры, но даже энтузиазма.

Сюда ждут вел⟨икого⟩ князя Константина Никол⟨аевича⟩ и готовят ему всевозможные празднества. Я имел случай попасть в императорскую капеллу и видел вблизи императора и его жену. Он очень некрасив, а у ней незначительная фигурка [5].

Напиши мне какие-нибудь интимные подробности о журналах. Правда ли, что «Русский вестник» забил все остальные? «Русская беседа» так ли окончательно провалилась, как пишут? Мы здесь получаем все журналы, только весьма поздно и неаккуратно.

Я надеюсь быть в России в начале июня — и около 15-го буду иметь удовольствие видеть твое симпатическое и вечно веселое лицо.

Дай бог тебе всего хорошего — поклонись от меня твоей жене и будь здоров.

Любящий тебя
Ив. Тургенев.

585. П. В. АННЕНКОВУ

26 февраля (10 марта) 1857. Дижон

Дижон.
26-го февраля / 10-го марта 1857.

Вы, я полагаю, еще не настолько забыли географию, изученную Вами в нежном возрасте, любезный Анненков, чтобы забыть, что есть на свете и даже во Франции город Дижон, бывшая столица Бургундского герцогства и т. д. [1] Но почему я нахожусь в Дижоне — это, я воображаю, для Вас должно быть совершенно непонятно. А дело очень простое: пузырь мой так меня мучил в Париже, что мне присоветовали попробовать перемену воздуха; я вот и выехал в Дижон, а Дижон я выбрал собственно потому, что Виардо дал мне рекомендательные письма к своим здешним знакомым [2]. Я их еще не представил — но уже влияние воздуха ощутительно. Со дня приезда (т. е. со вчерашнего дня) пузырь мой меня не тревожит — и меня, хотя издали, можно опять принять за человека. Я здесь намерен пробыть неделю, там опять на три недели в это место пытки, называемое Парижем,— а там в Лондон — и домой.

Но вообразите себе, что я здесь не один. Со мной поехал Толстой, который обрадовался случаю уединиться, чтобы привести к окончанию начатую им большую повесть [3]. Несмотря на жесточайший холод, царствующий в комнате гостиницы, в которой мы остановились, холод, заставляющий нас сидеть не близ камина, но в самом камине, на самом пылу огня,— он работает усердно, и страницы исписываются за страницами. Я радуюсь, глядя на его деятельность. Что же касается до меня, то из прилагаемого несомненного, хотя не размазанного г⟨- - -⟩ Вы можете усмотреть, в каком плачевном состоянии находится моя творческая фантазия. С неимоверным трудом выдавил я, давно затасканный лимон, эти последние капли из себя. Сделайте с этим «Вторым днем» что хотите. Присовокупите его к первому и напечатайте или назначьте им мирную могилу на дне ватерклозета — это совершенно в Вашей воле; но во всяком случае передайте Дружинину, что если бы не желание исполнить свое слово и очистить его перед публикой — я бы ни за что не дал бы себе труда переписывать такую дребедень. О денежном вознаграждении, разумеется, и помину быть не может;

если он поставит Вам бутылку трехрублевого Лафиту, требовать большего было бы неприлично [4].

А мы здесь находимся в Бургундии, в самом центре бургундских виноградников! А? что скажете, почтеннейший? Если бы Вы были с нами, то-то мы нализывались. Здесь мы пьем «Nuit» в 5 фр. за бутылку, которое и за 3 целк⟨овых⟩ в Петербурге не достанешь. Едим мы тоже сильно. Открылся здесь *сыр* по прозванию fromage des Riceys — сами боги не едали ничего подобного! Но зато театр здесь и даваемая на оном «Étoile du Nord» — чудо! — посмотрели бы Вы на русских солдат с киверами, вроде мучных совков, на казаков, на мужиков — и как это всё поет! Такая каша выходит, что вообразить нельзя [5]. Точно всякий сброд, прохожие прегадкие люди. Вам в мозг ⟨- - -⟩. Никак потом проветриться нельзя. Со всем тем как патриот Гаряйнов [6] кричал: Ура! тамбовским дамам,— так и я кричу: Ура! Дижону за освобождение меня от пузыря.

Напишите мне (в Париж, rue de l'Arcade, № 11) несколько благорассудительных и благопотребных слов. Ваши умные речи живительны для меня, подобно манне; сообщите мне также петербургские новости, сжимая их, по Вашему обычаю, в несколько сочных и приятных изречений. А здесь [7] последнее ощущение мое было то, что на рауте у кн. Юсупова у каждой двери два красных лакея с булавами при проходе каждого гостя ударяли дважды в пол — что меня, между прочим, смутило своей неожиданностью.— A propos, я познакомился с Мериме: похож на свои сочинения; и с Link: и этот тоже похож на свои сочинения.

Письмо это вышло как-то чушевато (новое слово — происходит от: чуши) — но, я думаю, все-таки лучше прежнего, которое было мрачновато. До другого раза — а теперь я передаю перо Толстому, желающему прибавить от себя несколько слов. Будьте здоровы и веселы, кланяйтесь друзьям, а я остаюсь душевно Вас любящий

Ив. Тургенев [8].

586. А. В. ДРУЖИНИНУ

3 (15) марта 1857. Париж

Париж.
3/15 марта 1857.

Милый Дружинин,

Я давно не отвечал Вам по той причине, что в унылом тоне писать не хотелось — а в веселом я бы не мог. Причина этого настроения Вам известна; я об ней распростра-

няться не стану. Она существует в полной силе — но так как я через три недели с небольшим покидаю Париж — то это придает мне несколько бодрости.

Я вчера вернулся из Дижона, куда я (безо всякой, впрочем, пользы) ездил для перемены воздуха вместе с Толстым. Оттуда я отправил к Анненкову вторую половину моего рассказца: «Поездка» и т. д. Не сердитесь на меня, что я послал этот рассказ не прямо Вам, а Анненкову. Мне он показался так слаб, что я решился прибегнуть к третейскому суду. Если вы, сообща, найдете, что это печатать не стоит, то бросьте это — и извините меня. Душевно был бы рад сделать что-нибудь порядочное — да что ж когда ничего не выходит? Вспомните слова старой песни: «Мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь» — и похвалите меня по крайней мере за желание угодить Вам [1]. Если Вы решитесь напечатать эти пустячки, то уже само собою разумеется, что я никакого вознаграждения не требую.

Вчера прочел я Вашу статью обо мне во 2-м №-е «Биб⟨лиотеки⟩». Как мне ни неловко говорить о ней, потому что дело идет о собственной моей особе — не могу скрыть, что статья показалась мне превосходной. Вы вложили перст в язву — и я сам увидал свою физиономию как в зеркале (только чересчур снисходительном). То, что Вы говорите по поводу Колосова — поразило меня: c'est de la divination (извините французскую фразу) — и те же самые мысли давно смутно вертелись в моей голове [2]. Если я еще буду писать — поверьте — эта критика была для меня драгоценно полезна. Не принимайте моих слов: ежели я еще буду писать — за фразу; право, я в таком расположении духа, что, кажется, долго не возьмусь за перо [3]; но все-таки душевное Вам спасибо — и первая моя дельная вещь (если таковая окажется) заранее посвящается Вам.

«Библиотека» не в пример самый интересный теперь журнал; но обратите внимание на опечатки: их и в Вашей статье пропасть.

Если г-н Ахшарумов молодой человек, из него, кажется, может выйти что-то оригинальное и милое (напишите о нем 2 слова, Ваше письмо еще застанет меня здесь) — но отрывок из Жандра Вы напрасно поместили [4].

1-й № «Биб⟨лиотеки⟩» я еще не читал; мне его обещали — говорят, повесть Григор⟨овича⟩ презабавная и статья Колбасина интересна [5].

Вы знаете, что Некрасов был здесь, уехал в Рим и т. д.

Я от него вчера получил письмо [6] — он уведомляет, что ему там хорошо. Я нашел после его отъезда отсюда начатое письмо к Вам, которое и прилагаю [7]. Он, вероятно, совсем забыл о нем. Толстой очень мил и работает [8].

Я начал статью Анненкова о Гоголе — кажется, очень хороша [9].

До свидания, милый Д⟨ружинин⟩. Когда-то придется увидать вас всех, моих друзей. Воспоминание о вас тем для меня дороже, что оно соединяется с воспоминанием о времени, когда я был здоров.

Обнимаю Вас.

Ваш

Ив. Тургенев.

P. S. Вы знаете, что мой адресс теперь: Rue de l'Arcade, № 11.

587. П. В. АННЕНКОВУ

4 (16) марта 1857. Париж

Париж.
4/16 марта 1857.

Любезнейший Павел Васильич, не думал я писать к Вам так скоро после моего последнего письма из Дижона [1] — но, вернувшись вчера в Париж, я нашел здесь 2-й № «Б⟨иблиотеки⟩ для ч⟨тения⟩» и прочел Вашу статью о Гоголе — и не могу удержаться, чтобы не сказать Вам великое спасибо и погладить Вас по седой головке за эту столь же прелестную, сколь умную вещь [2]. Не говоря уже о том, что подробности о Гоголе драгоценны, то, что Вы говорите об обязанностях биографа, о целостном понимании характера и т. д.— золотые слова,— а описание путешествия из Венеции в Рим — чудо, так и веет Италией, весной, молодостью, счастьем беспечности и здоровья. Лишь изредка какой-нибудь неловкий оборот или поворот Ваших милейших медвежьих лапочек на мгновенье нарушает гармонию... В одном месте слово: культ [3] — так и черкануло меня по спине — но все-таки повторяю: прелесть! прелесть! — и давно во мне затихшая литературная жила потрясена...

Чрезвычайно умною и дельною показалась мне также статья Дружинина обо мне многогрешном [4].

Из Дижона вернулся я — gros Jean comme devant — я слишком поспешил похвалить его воздух — болезнь опять меня подхватила — но не буду говорить о ней. Через 3 недели я выезжаю отсюда — неужели она не отстанет от меня?

Из Дижона я Вам выслал 2-ую половину моего рассказа для Д⟨ружинина⟩. Получили Вы его? Первая половина выслана из Парижа около 3 недель тому назад [5]. Напишите мне два слова — давно я не видел ваших pattes de mouche — и это меня огорчает.

Толстой в Дижоне окончил вещь, которую он читал мне. Ее надо будет несколько переделать и обчистить — и тогда выйдет отличнейшая штука [6] — Вы увидите.

Не забудьте написать, кто этот Ахшарумов, стихи которого помещены во 2 № «Б⟨иблиотеки⟩ для ч⟨тения⟩»? Мне послышались в них какие-то новые поэтические звуки.

Эх, умру я старым литературщиком — видно, с чем в колыбелку, с тем и в могилку. Сочувствовать поэзии я никогда не перестану, потому что только в этом и жизнь моя — но мне как-то странно подумать, что я когда-нибудь возьмусь за перо сам. Так это всё далеко от меня теперь, так я скучен и тяжел — и устал, ничего не делавши.

Да, любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ — тяжелую я провел зиму, такую тяжелую, что, кажется, в мои лета уж и не след бы. Ну — к черту хныканье!

Мне подарила Mme Viardot бронзового медведя, который, лежа на спине, чешет себе брюхо. Мне этот медведь вдвойне дорог — во-первых, потому что он подарен мне единственной женщиной, которую я любил и вечно любить буду,— а во-вторых потому что он, по странной игре случая, как две капли воды похож на Вас. Вы не верите? Вот Вы посмотрите и убедитесь в справедливости моих слов.

А когда я покажу Вам его? То есть когда мы увидимся? Где вы проводите зиму? В Петербурге или, может быть, за границей? Я буду в Петербурге. Поживемте вместе зиму — а потом поедем на весну в Италию. Вот что я Вам предлагаю. Ваше описание Рима расшевелило во мне желание быть там [7], — может быть, я в Риме был бы здоров и работал. Я от Некрасова получил письмо оттуда. Он сообщает мне, что рвет первые весенние цветы и называет меня голубчиком, а здесь он имел вид человека, с наслаждением думающего о том, как он себе пулю в лоб влепит [8].

Сообщите мне в нескольких словах отношения публики к журналам и журналов между собою.— Да, кстати, что же издание писем Станкевича? [9] Подвигается?

Правда ли, что Дружинин, Боткин и Григорович едут en trio в Италию? [10]

Напишите мне, сколько Вы еще думаете пробыть времени в Петербурге? Сообщили ли Вы письмо мое Боткину, посланное на Ваше имя? [11]

Поклонитесь всем приятелям — напомните обо мне О⟨льге⟩ А⟨лександровне⟩. Что же она не выходит замуж? Очень было бы больно и жалко, если б этой прекрасной натуре суждено было подвергнуться старо-девической окиси [12].

Еще раз спасибо за «Гоголя» — и позвольте облобызать себя в чело. Во-первых, оно почти голенькое, а во-вторых, чело Ваше действительно красиво — чего нельзя сказать об остальных чертах Вашего лица. И между тем — заметьте странность! — я бы дал бог знает что, чтобы увидеть это некрасивое лицо!

Addio, carissimo.

Любящий Вас
Ив. Тургенев.

588. И. Ф. МИНИЦКОМУ

6 (18) марта 1857. Париж

Париж.
6 (18)-го марта 1857.

Милый Миницкий,

Давно, давно собирался я отвечать на Ваше доброе и милое письмо [1],— но я был в слишком дурном расположении духа, чтобы взяться за перо. Отчего оно было так дурно?— спросите Вы. Увы, ко мне, вот уже скоро 5 месяцев, как вернулась моя старая болезнь в пузыре, с которой мне казалось, что я окончательно разделался; она вернулась с удвоенной силой и мучит и грызет меня неотступно. Парижский воздух мне решительно вреден. Отчего же я не бросаю Парижа? — спросите Вы опять?... Были на то свои причины [2] — но теперь я надеюсь через три недели покинуть его навсегда [3]. Эта болезнь отравила мне здешнее пребывание, лишила меня всякой возможности работать... да что и говорить!

Ваше письмо, Ваш привет издалека порадовали меня, старика. Чем более живешь, тем более убеждаешься в том, что возбудить к себе сочувствие — есть редкость и счастье — и что должно этим счастьем дорожить. И потому меня трогает то, что Вы помните обо мне и любите меня —

и я говорю Вам искреннее спасибо. Для Вас и в сочинениях моих что-нибудь есть; потому что Вы читаете их с радушием и готовностью находить хорошее; а с этаким расположением во всем что-нибудь найдешь. Собственно я не обманываюсь насчет достоинства того, что я написал; есть намеки, способные расшевелить людей расположенных — и только; но уж и то хорошо. Желаю Вам от души спокойной и тихой деятельности, семейного счастья и долгого сохранения сердечной молодости. Временная тоскливость, скука пусть не пугает Вас; знайте, что есть положения гораздо худшие — когда не скука — а тоска и страх пустого и бесцельного будущего гложут человека; когда старость уже стучится в дверь — а стоишь один как перст и кругом всё мертво и голо.

Но я не хочу печалить Вас. Авось всё перемелется и мука выйдет — авось я даже увижу Вас в Одессе [4]. Вы знаете, что братья Колбасины идут в гору; один стал литератором, другой всесветным издателем — я радуюсь за них — они заслуживают всякой удачи [5].

Летом я надеюсь быть в деревне, а зиму проведу в Петербурге [6]. Если не увидимся, будем по крайней мере чаще слышать друг о друге.

Еще раз спасибо и прощайте. Жму Вам дружески руку и остаюсь

искренно Вас любящий

Ив. Тургенев.

589. И. И. ПАНАЕВУ

6 (18) марта 1857. Париж

Париж.

6/18 марта 1857.

Милый Панаев,

Я у тебя в долгу — не отвечал еще на твое последнее письмо [1] — но мне было так во всех отношениях скверно, что решительно в голову ничего не шло.

И теперь мне не лучше, но меня поддерживает мысль, что я скоро оставлю Париж... Однако недели три еще здесь прожить придется.

Вчера получил я от Вульфа письмо [2], из которого вижу, что мою комедию пропустили [3]. Очень этому рад — а то бы мое сотрудничество оказалось действительным «пуффом» [4].— Работать я совершенно не в состоянии. Но напрасно ты полагаешь, что моя статья — «Г⟨амлет⟩ и Д⟨он-⟩ К⟨ихот⟩» — не начата вовсе [5], она, напротив,

почти совсем готова, и, если бы я мог надеяться хотя на маленькую перемежку — я бы скоро ее выслал. Обещать в моем положении ничего не могу — но буду стараться.

Прошу тебя с получением этого письма приказать послать мне «Чужой хлеб» *по почте* — отдельными листами, на мой счет, прошу тебя не забыть этого. Мартовская книжка «Совр⟨еменник⟩а» меня уже здесь не застанет — я распоряжусь здесь, чтобы мне ее переслали в Лондон, но комедия моя меня еще застанет, особенно если ее пошлют по почте.

2-й № «Современника» вчера получил, жиденек он, особенно в сравнении с блестящим 2-м номером «Б⟨иблиотеки⟩ для чт⟨ения⟩» [6].

Все письма, приходящие из Петербурга на имя Некрасова, я, с его разрешения, распечатываю и пересылаю немедленно в Рим.

Толстой кончил на днях отличную [7,a]

590. И. А. ГОНЧАРОВУ

8 (20) марта 1857. Париж

...упрекая Вас в бездействии [1], я был осел, приставая к Вам, «почему Вы не пишете?». А вот как самого свернуло [2] — так даже гадко подумать о том, что когда-то сам подливал своего доморощенного масла в эту неуклюжую машину, называемую русской литературой!!

591. Е. Я. КОЛБАСИНУ

8 (20) марта 1857. Париж

Париж
8/20 марта 1857.

Любезный Колбасин,

Отвечаю вкратце на Ваше последнее письмо [1]. Благодарю за все сообщенные известия. О себе пока всё не могу сообщить ничего утешительного. Болезнь грызет меня неотступно и не дает жить. Авось, выехав из Парижа, лучше будет. Здесь я остаюсь еще до 15-го апр⟨еля⟩ нов⟨ого⟩ ст⟨иля⟩ и еду тогда в Лондон [2]. Но если Вы или Ваш брат напишете мне ответ на это письмо, оно меня еще здесь застанет.

Журналы все получаются здесь. Самый интересный из них — «Русский вестник», потом «Библиотека», «Совре-

---

[a] *Второй лист, с окончанием письма, утрачен.*

менник» — плох. Не то выдохся, не то воняет. А впрочем, мне это всё равно.— Но если г. Щедрин имеет успех— то, говоря его словами, писать уже не дляче. Пусть публика набивает себе брюхо этими пряностями. На здоровье! [3]

Я узнал, что мою комедию «Нахлебник» пропустили под заглавием «Чужой хлеб». Я просил Панаева [4], чтобы он, не дожидаясь отправления мартовского номера, послал бы по почте листы этой комедии. Так как я не очень верю его деятельности, то сделайте одолжение, напомните ему об этом или возьмите эти листы и перешлите сами. Мартовская книга меня уже здесь не застанет — но пусть ее высылают; я скажу Дюфуру, куда мне ее переслать.

Я сам не прочел Вашей статьи о Курганове — но слышал похвалы ей [5].

Я здесь часто вижу Толстого, а от Некрасова получил на днях очень милое письмо из Рима [6]. С Толстым я все-таки не могу сблизиться окончательно: слишком мы врозь глядим.— Некрасов мне сказывал, что он Ваше письмо получил [7].

Вульф упоминает о какой-то неприятности, случившейся с «Русским вестником» [8]. В чем состоит она?

Спросите у Анненкова, получил ли он мои письма? И почему он на них не отвечает?

Поклонитесь всем хорошим приятелям — Тютчевым, Анне Захаровне, Дарье Ивановне.

Будьте здоровы с братом — это главное в жизни, остальное всё — побрякушки.

Истинно Вас любящий

Ив. Тургенев.

592. П. В. АННЕНКОВУ

9 (21) марта 1857. Париж

Париж.
9/21 марта 1857.

Милый Анненков, хотя в последнее время письма мои падали на Вас в виде града — однако, получив от Вас любезную цидулку, в которой находится величественное слово: «печатанен» [1] — не могу удержаться, чтобы не поболтать с Вами, благо сегодня болезнь не так сильно грызет меня. A propos de болезнь — я когда-то, помнится, говорил, что признак старости состоит в том, когда товарищей в генералы жалуют; а вот другой признак еще верней и потому хуже — когда товарищи начинают скрыпеть и

трескаться, как подгнивающие деревья — у одного рак на губу сел [2], у другого ⟨- - -⟩ течет вместо урины — плохо! Наши внуки начинают вытеснять нас из мира [3]. Один Вы (я никого еще не сглазил) — еще выситесь, как дуб среди долины ровной, на гладкой высоте... [4] Но, крепкий дуб! берегитесь опасного, долбящего дятла, прозываемого кондрашкой! А живет этот дятел на кухне Английского клуба.

Что мой «прищуренный глазок», как Вы говорите [5], прочел с умилением Вашу статью о Гоголе, об этом Вы, уже получили надлежащее сведение в предыдущем моем письме [6] — и я с истинным нетерпением ожидаю статьи о Станкевиче [7]. А г. Щедрина я решительно читать не могу. (Здесь получены 1-й и 2-й № «Русского вестника».) [8] Это грубое глумление, этот топорный юмор, этот вонючий канцелярской кислятиной язык... Нет! лучше записаться в отсталые — если *это* должно царствовать. Вот Писемский — мастер. Как рисует этот человек! Его «Старая барыня» изумила меня твердостью и верностью очертаний, П⟨исемский⟩ — профессор литературного рисунка [9].

Что же касается собственно до моих мараний, то я рад, что Дружинин принял этот несчастный продукт; другой «день» уже отправлен к Вам; а если мне будет легче в течение лета, я, пожалуй, и третий «день» из себя выпру; но, кажется, и двух за глаза довольно [10]. Вернется ли ко мне охота писать и вера в свое уменье — не знаю; но теперь я чувствую себя лопнувшим, как те белые грибы с зеленой начинкой, на которые то и дело наступаешь во время прогулки у нас в России. Слышен звук: пшшт... и остается несколько вони в воздухе — вот и всё. «Охота на Кавказе» Н. Н. Толстого очень мне понравилась.

Что бы сказать мне Вам о здешних происшествиях? Был я в одном доме, где известный колдун Юм (Hume), о котором Вы, вероятно, слышали — должен был произвести свои чудеса; но ничего не вышло; только раз по моему требованию что-то у меня три раза простучало под подошвой правой ноги. Хорошенько я не понимаю, как это было сделано. Но Париж только и толкует, что о нем; в теченье одной недели он три раза был в Тюльерийском дворце — и там, говорят, происходили удивительные вещи: и стол поднимался на воздух, и какие-то руки виднелись, и гармоники играли сами, и колокольчики не падали, а волнообразно опускались на пол... Мы, грешные, ничего этого не видали [11].

Знаете, какая у меня зародилась мысль? Поедемте будущей весной вместе непременно в Италию — право, поедемте, поживши зиму в Петербурге. А теперь у меня планы вот какие: 15-го апреля я еду в Лондон, остаюсь там месяц — там отправляюсь куда-нибудь на воды для излечения недугов — а осенью домой. А поездку мы в Италию сделаем старыми холостыми петухами; авось в последний раз повеет на нас чувство молодости и красоты. Вы сообразите это, да не говорите: так! так! так!.. не хлопайте себя по филеям — а приготовьте лучше заранее необходимые средства.

Нет! Несмотря на все мои старанья, сердечно сблизиться с Толстым я не могу. Он слишком иначе построен, чем я. Всё, что я люблю, он не любит — и наоборот. Мне с ним неловко — и ему также, вероятно, со мною. В нем нет, с одной стороны, спокойствия — а с другой, нет кипения молодости — и выходит — que je ne sais pas où le prendre. Но из него выйдет человек замечательный — и я первый буду любоваться и рукоплескать — издали.

Что Вы мне ничего не говорите об О⟨льге⟩ А⟨лександровне⟩? Да, я Вам пошлю — на Ваше то есть имя (на днях) — письмо к графине Ламберт [12] — а Вы уж сыщите ее. Она живет, кажется, на Фурштадтской, в собственном доме. Она жена флигель-адъютанта. Вы найдете ее легко. Прощайте, милый мой гиппопотамчик; бог да хранит Вас!

Любящий Вас Ив. Тургенев.

P. S. Вы можете еще писать мне в Париж,— но что за мысль так рано уезжать в деревню?

593. КСАВЬЕ МАРМЬЕ

12 (24) марта 1857. Париж

Cher Monsieur,

Je me trouve dans un embarras imprévu que je viens soumettre à votre bienveillante appréciation.

Vous n'ignorez pas que je m'étais arrangé avec mon ami Viardot pour la traduction de quelques-unes de mes nouvelles et que même il y avait eu à ce sujet une parole donnée et échangée entre Templier et Viardot. J'avais cru depuis que Viardot avait abandonné ce projet pour d'autres travaux littéraires, mais ayant ramené hier la conversation sur ce terrain, il m'a déclaré qu'il n'y renonçait pas et qu'il désirait s'y remettre, d'autant plus qu'il avait déjà comme vous le savez, traduit une nouvelle. J'ai

dû lui dire que vous aviez eu la complaisance de me faire des offres de traduction que j'avais acceptés avec empressement, croyant que lui, Viardot, n'y pensait plus. Il se hâta de me répondre qu'il n'entendait nullement s'y opposer; il ajouta seulement qu'il vous priait de me faire savoir quelles nouvelles vous désiriez choisir dans mon recueil, pour ne pas aller sur vos brises. Je viens remplir sa demande et vous prie de me communiquer votre choix. J'ai lieu de croire que Templier publierait aussi volontiers deux volumes de moi qu'un seul, d'autant plus que celui de Viardot ne se composerait que de trois nouvelles au plus [1].

Je vous demande bien pardon du petit dérangement que ceci peut vous causer et tout en attendant votre réponse je vous prie de croire aux sentiments de haute estime et d'amitié sincère que vous porte

votre tout dévoué J. Tourguéneff.

Mardi, 24 mars.
Rue de l'Arcade, № 11.

594. В. Н. КАШПЕРОВУ
13 (25) марта 1857. Париж

Париж.
25-го марта 1857.

Любезнейший Кашперов,

Спасибо, искреннее спасибо за письмо и за подробности о последних минутах Глинки [1], хотя радостного в них мало, зато много поучительного. Неужели же если человек не религиозен,— то непременно должен быть циничен? Или, умирая, один религиозный человек может оставаться человеком? Беда в том состояла, что у Глинки не было ни религии — ни веры, т. е. никакой веры ни в Красоту, ни в Искусство, ни в Достоинство человеческое. Был у него большой талант — но попал он в болото петербургской жизни, хватил заразы высочайшей протекции — кстати, тут явились прирожденная лень, паразиты-приятели, вино, генияльничание, ломание — и пошло всё к черту! [2]

Эх, как подумаешь, сколько еще порядочных людей должно погибнуть и лечь навозом на почву — чтобы эта почва, наконец удобренная, принесла обильные и благотворные плоды!

Радуюсь, что Вы не унываете и работаете в Берлине. Дай бог Вам терпенья и здоровья!

Желаемых Вами книг выслать Вам не могу [3]; их у меня нет — да и «Очерки» Щедрина не вышли, кажется, отдельной книжкой [4].

Мельгунов обещает выплатить хотя часть должных Грибовскому денег в конце этого месяца; боюсь я, как бы не пришлось это 1-го апреля [5].

Здоровье мое всё неудовлетворительно; пузырь мучит.— Я остаюсь здесь до 15-го, а 15-го еду в Лондон, где остаюсь до половины мая; в конце мая я в Берлине, чтобы посоветоваться с Шёнлейном; тогда мы увидимся, если Вы еще будете в Берлине [6].

А за сим прощайте; дружески жму Вам руку — поклонитесь от меня милейшему Столевскому.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

595. Е. Е. ЛАМБЕРТ

13 (25) марта 1857. Париж

Париж.
13/25 марта 1857.

Недавно кто-то сказал мне, любезная графиня, будто Вы жаловались на меня за то, что я не отвечал на Ваше последнее, *французское*, письмо. С одной стороны, я порадовался, потому что это доказывало мне, что Вы меня не забыли; но с другой стороны, я пришел в великое недоумение, потому что *я* считал за Вами целых три неотвеченных письма — из которых последнее было послано мною к Вам в Ревель, в начале августа, за два дня до моего отъезда за границу [1]. Вероятно, эти письма не дошли до Вас. Как бы то ни было, я решился попытаться еще раз возобновить переписку с Вами. Может быть, на этот раз Вы и ответите.

Мне нечего говорить Вам, что я часто вспоминал о Вас, о посещениях моих и о разговорах наших в Вашей маленькой комнатке наверху, когда Вы наставляли меня уму-разуму и поясняли мне все недостатки моего воспитания; я думаю, Вы очень хорошо знаете сами, что люди, удостоенные Вашего расположения или даже простого знакомства, Вас не забывают. Но у нас в России обыкновенно думают что люди, попавшие за границу и особенно в Париж, живут в каком-то чаду, кружатся в каком-то вихре — и что всё прошедшее, всё русское выскакивает у них из головы, которая так и вертится от избытка удовольствий и ощущений. Не знаю, как другие — но я провел всю эту

зиму в Париже не только тихо (что совершенно согласуется с моими вкусами), но неприятно: я был постоянно болен мучительной и несносной невральгией — и если бы не моя дочка (я, кажется, Вам сказывал, что у меня есть дочь, которая воспитывается здесь), я бы давно бросил Париж, климат которого имеет на меня самое вредное действие. Теперь мне остается пробыть здесь всего три недели; потом я еду в Лондон — оттуда куда-нибудь на воды, а осенью возвращаюсь домой — и зиму проживу в Петербурге. Если Вы будете тоже жить зимой в Петербурге — я надеюсь, мы будем видеться часто (если я Вам не надоем). Мне уже теперь представляется Ваш домик на Фурштатской... (кажется, на Фурштатской?). — Кстати, я, не помнив хорошенько Вашего адресса, вздумал послать Вам это письмо через моего хорошего приятеля П. В. Анненкова — с которым советую Вам познакомиться: он прекраснейший человек и, я уверен, понравится Вам очень; а познакомиться Вам очень легко: напишите ему записочку (живет он в Демидовском переулке, в доме Висконти) — и он тотчас прибежит. Я ему много говорил о Вас — и Вы можете легко представить, *как* я ему говорил.

Я не велел доставить Вам экземпляр недавно собранных моих повестей [2] — потому что знаю, что Вы этими пустячками не занимаетесь. А грешный я человек! Каюсь, желал бы я знать Ваше мнение насчет моего писания; с Вашим здравым и свободным умом, с Вашим тонким и верным вкусом Вы бы мне много сказали полезного.— Кстати, вообразите, я так-таки до сих пор Де-Жерандо не прочел — а вожу его с собою. Но я чувствую, что я когда-нибудь его прочту — и прочту с пользой. Пока эта книжечка только и потому мне мила, что напоминает о Вас [3].

Однако я замечаю, что я Вам ничего не сказал о Париже, о здешней жизни, о французах и т. д. Да я и не знаю, что сказать. Я замечаю одно обстоятельство: я ни одного француза не полюбил в течение всей этой зимы, ни с одним симпатически не сблизился; оттого ли это произошло, что способность к новой привязанности во мне исчезает, оттого ли, что сами французы мне кажутся холодны, мелки и плоски — не знаю! Но чего не полюбишь, того не поймешь; а чего не понял, о том не следует толковать; оттого я Вам о французах толковать не буду.

Пожалуйта, поклонитесь от меня Вашему мужу — и напишите мне о нем и о Вашем сыне [4],— как он живет и чем становится? Поклонитесь также от меня г-же Веригиной. Что же касается до Вас, то позвольте мне дружески

пожать Вашу руку и пожелать Вам всех возможных благ.— Адресс мой: Rue de l'Arcade, № 11.

Еще раз будьте здоровы и не забывайте
преданного Вам
Ив. Тургенева.

596. П. П. КЛЮШНИКОВУ
16 (28) марта 1857. Париж

Париж.
16/28 марта 1857.

Вы, вероятно, не ожидали от меня письма, любезнейший Иван Петрович, да и я сам не ожидал, что когда-нибудь напишу Вам: слухи носились, что Вы где-то в такой глуши, что Вас и сыскать нельзя; наконец мне доставили Ваш адресс — и я спешу напомнить Вам о Вашем старом ученике [1]. Много воды утекло с тех пор! Ваш ученик уже приближается к сорокалетнему возрасту — и чего-чего не перебывало — так что и вспоминать жутко. Что друзей умерло, что в нас самих умерло надежд, верований — даже воспоминаний! Но Вы мне все представляетесь молодым человеком, веселым и приветливым, с пушистыми бакенбардами — а теперь — как Вам не поседеть, когда у меня нет ни одного не седого волоса! Мы так давно расстались, что даже нет никакой возможности рассказывать свою жизнь друг другу; скажу Вам только, что я все еще не женат и, вероятно, не женюсь никогда, что мое здоровье не совсем удовлетворительно (у меня, должно быть по наследству, что-то в пузыре неладно), что я думаю пробыть еще месяца три за границей — а потом возвращаюсь в Россию — и зиму буду, по обыкновению, жить в Петербурге. Если Вы еще следите за ходом русской литературы — то Вам мои безделки знакомы — вот все, что я об себе сказать могу. А Вы что делали? Женились ли, имеете ли детей, занимаетесь ли хозяйством? Навсегда ли Вы поселились в Вашей деревне — или думаете когда-нибудь заглянуть в Петербург или Москву? Дайте об себе весточку — если Вы не решились окончательно прервать все сношения с товарищами Вашей молодости. Напишите мне не сюда — а в Лондон, poste restante — я попаду туда через три недели — и проживу там месяц. Вы можете этим положить начало переписке, которая потом и в России не прекратится [2].

Да, как подумаешь, четверть столетия протекло с тех пор, как Вы ходили к нам в Москве в мундирном фраке и

в картузе с длиннейшим козырьком! Тогда еще и об Гоголе не было помину, и Людовик Филипп только что воцарился — и бедный Виссарион еще собирался писать в Москве — и Гегель был жив и Пушкин... [3] Время своей косой снесло долой всю эту «мгновенную жатву» — и Жизнь, о которой, кажется, так недавно еще мечтал, которую всю видел впереди, уже давно окаменела — и последний ее шум где-то там — далеко — назади...

Нечего делать! Должно смириться и склонить голову. Но уцелевшие должны тем крепче держаться друг за друга. И потому я протягиваю Вам руку — и надеюсь, что Вы не откажете мне подать свою, что Вы отзоветесь на мой призыв. С нетерпением буду ждать Вашего ответа. Поверьте, всем не молодым худо жить на свете; но еще хуже жить в одиночку [4]. Напишите мне слова два — а я Вам отвечу тотчас.

Дружески жму Вам руку и остаюсь
помнящий и любящий Вас Иван Тургенев.

На конверте:

Russie. Par St-Pétersbourg. Mr Jean Kluchnikoff.
Харьковской губернии, в город Сумы,
для доставления в деревню *Никифоровку*.
Его высокоблагородию
Ивану Петровичу *Клюшникову*.

597. В. П. БОТКИНУ и А. В. ДРУЖИНИНУ

23 марта (4 апреля) 1857. Париж

Париж.
4-го апреля н. ст. 1857.

Любезные друзья Боткин и Дружинин. Пишу вам в Москву (по желанию, проявленному в Вашем письме, любезный Александр Васильич) [1] — вот вкратце наши планы с Толстым:

Я остаюсь здесь до 25-го апреля — т. е. еще три недели — а там отправляюсь в Лондон. Толстой намерен остаться до половины мая — и тоже потом отправиться в Лондон. Стало быть, вам лучше всего приехать прямо в Париж — потом с Толстым прибыть в Лондон,— где я (и не один я) встречу вас с отверстыми объятиями [2]. Поживши в Лондоне с месяц — и посмотревши на сезон (надо будет, между прочим, съездить в Манчестер, где делается в нынешнем году неслыханная выставка всех художественных сокровищ (старинных картин и т. д.), находящихся в Англии) [3],— мы можем все вместе отпра-

виться на Рейн. Я не знаю, где мне придется лечиться. Я посоветуюсь с Шёнлейном в Берлине — вероятно, где-нибудь в Германии — а вы можете поехать в Швейцарию и Италию даже захватить — а там через Вену домой. После моего лечения мы можем съехаться. Таким образом вы увидите самые любопытные вещи в самое лучшее время: Париж в майе, Англию в июне, Рейн и Баден-Баден в июле, Швейцарию в августе.— А денег Ваших, А⟨лександр⟩ В⟨асильевич⟩ (4000 фр. на 4 месяца), за глаза довольно — если только Вы не будете делать больших покупок. Приезжайте, освежитесь и оглядитесь.

Толстой начинает приучаться к терпимости и спокойствию; перебродит это вино — и сделается напитком, достойным богов; здоровье мое исправилось несколько, т. е. боли прошли — но у меня открылся хронический недуг (уже давно таившийся), от которого должно непременно отделаться, а то плохо будет. Впрочем, увидимся и переговорим.

А теперь спешу отправить это письмо. Благодарю Вас, милый А⟨лександр⟩ В⟨асильевич⟩, за Ваше дружелюбное участие, обнимаю вас обоих и говорю вам: до свидания!

Ваш

Ив. Тургенев.

598. Н. А. МЕЛЬГУНОВУ

24 или 25 марта (5 или 6 апреля) 1857. Париж

Любезный Мельгунов,

Этот Оболенский [1] и Толстой [2] (брат нашего Толстого) — уже четыре дня как уехали в Италию.— У меня денег нет; Трубецкому [3] я должен 700 фр., Виардо — 500; — кроме их, я только знаю Толстого [4] да Львовых [5]. Попытаюсь спросить у Львовых — может быть и удастся хоть немного достать. Сегодня же Вас уведомлю — или зайду сам.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

599. И. И. ПАНАЕВУ

26 марта (7 апреля) 1857. Париж

Париж.

$\frac{\text{7-го апр.}}{\text{26-го марта}}$ 1857.

Милый Панаев,

Спасибо за письмо [1] и за высылку комедии [2], которую я получил. — Теперь у меня до тебя следующая просьба: сделай одолжение, выдай немедленно Д. Колбасину сле-

дующие 240 р. сер. за «Чужой хлеб» (считая по 75 р. за лист, как сказано в условии) да недостававшие 50 за «Фауста» («Фауста» я положил по 100 р., потому что он не попал в счет статей *по контракту*) [3]. Эти деньги мне крайне нужны — и Колбасин мне их тотчас вышлет вместе с другими, которые у него находятся. Надеюсь на твою дружбу.

Письмо твое было сообщено Толстому, и он велел тебе сказать, что вышлет свою повесть, как только кончит ее. Он прилежно трудится над ее переправкой,— а вещь будет славная. Во всяком случае, должно наверное полагать, что к маю поспеет [4].

Здоровье мое несколько поправилось — и я, пожалуй, чего доброго, кончу «Г⟨амлета⟩ и Д⟨он-⟩ К⟨ихота⟩» до отъезда в Лондон, т. е. через три недели [5].— В Лондоне я, вероятно, если сатана не впутается, буду здоров и авось примусь за работу [6]. Если же не в Лондоне, то во время пребывания моего на водах в Германии (мне непременно надо полечиться) — я что-нибудь сделаю и пришлю.

Я рад, что твое здоровье поправляется [7]. Стары мы, брат, стали, круто под гору пошло.

От Некрасова я давно не имею известий [8].

Прощай, брат, поправляйся. Пожалуйста, исполни мою просьбу.

Твой
Ив. Тургенев.

На конверте:

Russie
St. Pétersbourg
Mr Jean Panaïeff.
В С. Петербург
В контору редакции журнала «*Современник*»
Его высокоблагородию
Ивану Ивановичу
Панаеву.

600. П. В. АННЕНКОВУ

3 (15) апреля 1857. Париж

Париж.
15—3 апреля 1857.

Я еще здесь, любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩,— но уже один — Толстой внезапно уехал в Женеву [1] — и уже написал мне оттуда презамечательное письмо — где он называет Париж Содомом и Гоморрой, а себя сравнивает с камнем на дне реки, которого заносит понемногу

илом и которому непременно нужно вдруг сорваться с места и поискать другую реку, где, быть может, меньше илу [2]. Действительно, Париж вовсе не приходится в лад его духовному строю; странный он человек, я таких не встречал и не совсем его понимаю. Смесь поэта, кальвиниста, фанатика, барича — что-то напоминающее Руссо, но честнее Руссо — высоконравственное и в то же время несимпатическое существо. Он сбирается долго прожить на берегу Женевского озера, но я полагаю увидеть его через месяц в Лондоне, куда я еду 1-го мая н. ст.

О себе много говорить нечего: я переживаю — или, может быть, доживаю нравственный и физический кризис, из которого выйду либо разбитый вдребезги, либо... обновленный! Нет, куда нам до обновленья — а подпертый, вот как подпирается бревнами завалившийся сарай. Бывают примеры, что такие подпертые сараи стоят весьма долго и даже годятся на разные употребления. Basta cosi! Теперь позвольте Вас сперва побранить, а потом похвалить (хотя и тут не обойдется дело без брани). Брань будет происходить за то, что Вы мне расхвалили из рук вон вялую, плохую, тупую комедию Островского, где, кроме лица Юсова (и то только в 3-м акте) — всё остальное нестерпимо грубо и мертво [3]. Точно замороженные свиные туши. Я, понадеясь на Вас, вздумал читать ее вслух одному русскому (очень милому и умному) семейству... [4] Мы заныли, застыли, завыли от скуки и тоски. Всё сказанное мною я готов подписать кровью — и отныне я в будущность Островского не верю [5]. Второе basta!

Хвала будет происходить за первые две статьи о Станкевиче в «Русском в⟨естнике⟩». (Третья еще не получена.) [6] Вы воскресили мне его светлое лицо, Вы перенесли меня во времена моей молодости, весь смысл его жизни угадан, верно, тонко передан — спасибо! Но зачем Вы иногда так мудрено пишете? Какая-то у Вас проявляется вдруг хитроватая кудреватость,— точно Вы не П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ А⟨нненков⟩, а заслуженный немецкий дипломат по части философско-эстетических дел: то вдруг вырастает у Вас под пером слово «всемерно», то порыв души становится ее же границей и т. д. [7] Но, видно, каждого человека должно брать целиком, как он есть — и я первый беру Вас с великим удовольствием, сознавая, что всё то, что Вы делаете, лучше Вас никто сделать у нас не в состоянии. Еще раз искреннее и горячее спасибо. Да издайте, ради бога, скорее эти письма [8]. Я уже их обещал Толстому — который будет упиваться ими, за это я ручаюсь.

Я сегодня получил от Некрасова письмо из Рима [9], италианское письмо, знойное, пахучее — тоскливое, усталое. Он на днях сюда будет вместе с А. Я. Панаевой [10].

Ни в одно мое пребывание в Париже не познакомился я с таким множеством людей, как в это. Перед отъездом побываю у Дюма [11] — но удовольствия мне эти знакомства не доставили — даже любопытство не удовлетворено — может быть, оттого, что не до наблюдений и изучений, когда самому плохо. Мериме, у которого я обедал — совершенный Дружинин en grand, так же холоден и любит всякие непотребности [12]. Замечательного — привлекательного лица не встретил ни одного: всё сухо, узко, гладко и коротко.

Я обедал, батюшка, у Киселева; вот какой я стал нынче смирный. С кня⟨зем⟩ Орловым вижусь ежедневно: он, кажется, очень хороший человек. Он повел меня на днях в церковь, где к изумлению моему в первый раз в жизни слышал умную и изящную проповедь здешнего священника Васильева. Театральных новостей нет: «Фиаммина» ,[a,13] о которой так кричат — вздор, «Question d'Argent» [14] — умная и довольно скучная болтовня. Французы потеряли способность правды в искусстве; да и искусство у них вымирает. А затем addio, пишите в Лондон.

Ив. Тургенев.

P. S. Передали Вы письмо мое графине Ламберт?[15] И познакомились ли с ней?

601. Д. Я. и Е. Я. КОЛБАСИНЫМ

18 (30) апреля 1857. Париж

Париж, 18-го апреля 1857 г.

Любезные друзья Дмитрий и Елисей Яковлевичи! Письмо ваше, с векселем в 133 франка [1], получено вчера в исправности, за что прошу принять мою благодарность. Я еще здесь, но на отъезде; 6-го или 7-го будущего месяца я выезжаю в Лондон, где пробуду около трех недель, а оттуда поеду в Дрезден посоветываться со старинным моим приятелем, д-ром Геденусом, и что он мне прикажет, то я и исполню, т. е. буду брать воды в Германии, там, где он мне скажет. И потому, пока, я только могу сказать вам — пишите мне в Лондон, poste restante. Письмо Ваше, Дм⟨итрий⟩ Як⟨овлевич⟩, препровождено мною сегодня

---

[a] *В тексте публикации ошибочно*: Фиаминта

к Толстому [2], который уже две недели с лишком как выехал отсюда, получив (как он выражается) отвращение к здешней Содоме и Гоморре. Он уехал в Женеву, где поселился на берегу озера — и доволен, т. е. доволен пока — пока новое место ему не прискучило. Мы ждем на днях сюда Некрасова и г-жу Панаеву. Журналы все здесь получаются князем Орловым довольно исправно — и мы их читаем. Вообразите себе, что я вынужден сказать, в противность вашему, Анненкова и Толстого мнению, что комедия Островского «Доходное место» — невыносимая вещь. Мне невозможно доказать справедливость слов моих на бумаге, но я с вами когда-нибудь об этом потолкую. Если я ошибаюсь, значит точно отсталый человек [3].

«Старая барыня» — прелесть. [4] Анекдот о Писемском, которого прошу облобызать за меня — великолепен [5]. Жаль мне, что Вас, Ел⟨исей⟩ Яковл⟨евич⟩, цензура пощипала, но все-таки прочтем статейку [6]. Итак, мы свидимся не раньше сентября; надобно лечиться и постараться заставить замолчать мой гадкий пузырь. Ну, прощайте ребята. Будьте здоровы и веселы, кланяйтесь всем знакомым, Тютчевым, Анне Захаровне, Дарии и проч.

Ваш Ив. Тургенев.

602. И. И. ПАНАЕВУ

13 (25) мая 1857. Лондон

Лондон.
25-го мая 1857 г.

Я здесь со вчерашнего дня, любезный друг Иван Иванович — думаю провести в Англии дней около 15 или 20, а там еду в Германию на воды, на какие именно — еще не знаю, но как только я попаду туда, извещу тебя [1]. В уединении водного лечения и при здоровье я надеюсь работать и хоть что-нибудь сделать для «Современника» [2]. Но это дело впереди — а теперь спешу тебя известить о следующем: несколько дней тому назад я отправил на твое имя в Петербург из Парижа картину, писанную масляными красками головку... [3] . . . .

. . . .

Боткина . . . .

. . . . [а]

оставляю себе.— Получивши ее, ты ее раскупорь и повесь ее у себя на стене до моего прибытия. Если бы пришлось

[а] *Часть листа с текстом отрезана.*

что-нибудь заплатить на таможне или другие какие-нибудь издержки, ты это сделай — а мы сочтемся [4].

Некрасова я оставил в Париже. Он лечится у Райе [5] и пробудет там недели с две,— а потом мы, я думаю, вместе поедем в Германию [6].

Итак, будь здоров — и до свидания в сентябре. Я тебе напишу с места лечения[б].

603. ПОЛИНЕ ВИАРДО

14 (26) мая 1857. Лондон

Londres.
Mardi, 26 mai 1857.

Chère Madame Viardot, j'espère que cette lettre vous trouvera encore à Paris. Je vais vous raconter en peu de mots ce que j'ai fait depuis mon arrivée à L⟨ondres⟩. J'ai passé la journée de dimanche chez Herz⟨en⟩ [1]. J'y suis retourné hier matin — il m'a lu la continuation de ses Mémoires [2] — c'est extrêmement intéressant et écrit avec beaucoup de naturel et d'esprit.— Puis, je suis allé chez Manuel [3], qui m'a mené à son club, où nous avons dîné et où j'ai fait la connaissance du pianiste Hallé.— Manuel est toujours l'être impétueux, impatient et charmant que vous connaissez, Hallé est peut-être un peu trop calme et gentleman pour un artiste.— Nous avons beaucoup causé de choses et d'autres, puis nous sommes allés chez Hallé, qui nous a joué l'adagio de la 109-me sonate de Beethoven — (pour piano) [4].— Je ne crois pas que *nous* ayons joué cette sonate l'année dernière à Courtavenel.— C'est déjà un peu «formlos» — mais c'est plein de grandeur, de fantaisie, d'élans gigantesques — de tristesse héroïque.— Jouez[а] cet adagio, dès que vous serez à Courtavenel, et dites-moi votre opinion.— A propos d'opinion, dites-moi aussi comment vous aurez trouvé «l'Auberge de village».— J'ai continué ce matin notre dernier travail et j'espère pouvoir l'envoyer dans peu de jours à Viardot [5].

Aujourd'hui, je vais chez Chorley — nous dînons de nouveau ensemble avec Manuel et puis, nous allons à quelque théâtre.— J'ai oublié de vous dire que Müller a passé toute la journée de dimanche chez Herzen [6].— Grand Dieu! ce qu'il a bu de bière! — En rentrant à Londres — il m'a entraîné dans une taverne, où il en a bu encore. Ses yeux

---

[б] *Окончание письма отрезано.*

[а] *Далее зачеркнуто*: la

deviennent très fixes, quand il est *plein* — et il crie comme un sourd. Grande nouvelle! Il est *enfin* en train d'achever sa tragédie [7] — et cette fois-ci il déclare qu'il en est content. Je crois qu'une tragédie — c'est (pardon de la comparaison qui est fort *impropre*!) — comme un ver solitaire: cela ne sort jamais complètement — il en reste toujours un bout.

Je ne sais pas quel temps il fait en France — mais ici il fait bien froid et bien vilain.— Tout est vert et frais, mais on ne sent pas cet épanouissement de l'été dans l'air — qui est si charmant.— Il paraît que rien ne s'épanouit jamais en Angleterre.

J'ai été hier dans un wagon avec une fort jolie Anglaise — qui avait une robe *blanche* avec des dessins *jaunes*, un chapeau *vert* — une ombrelle *brune*, une écharpe *bleue* et *noire* et des gants du *rose* le plus tendre! — Je vous jure que je n'ai ni changé ni ajouté une seule couleur.

Le fusil que Lang m'a fait est d'une beauté à se mettre à genoux devant! Et si bien en joue! — Je lui ai dit que je désirais avoir un bon chien — il m'a promis de m'en trouver un superbe. Nous verrons.

Je vais *demain*, mercredi, au Derby, voir la grande course [8]— après-demain, j'entends le grand concert d'enfants à St. Paul — je vous écrirai vendredi [9].— Je vais à Manchester lundi prochain.

J'attends une lettre de vous — «Leicester Square, Sablonière Hôtel, chambre n° 71 ».

Mille amitiés à V⟨iardot⟩, à tous les amis — Ich küsse mit Inbrunst Ihre lieben Hände.

Votre
J. Tourguéneff.

604. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

18 (30) мая 1857. Лондон

Londres.
Ce 30 mai 1857.

Comment vas-tu, ma chère Paulinette ? Bien, j'espère — et tu travailles de même? Je compte rester ici encore une dizaine de jours et si tu veux m'écrire un petit mot, adresse-le: «Leicester Square, Sablonière Hôtel». Mme Viardot ne m'a pas écrit jusqu'à présent — et je ne sais pas même si elle est encore à Paris — ou si elle est déjà partie pour Courtavenel; tu serais bien bonne de m'en informer [1]. J'ai vu ici Manuel, il va bien; nous avons l'intention de

faire à nous trois, — Müller, lui et moi — une grande excursion hors de Londres demain, dimanche. — Ma santé n'est pas mauvaise — je me donne beaucoup de mouvement et j'ai vu pas mal de choses intéressantes que je te conterai pendant nos promenades à Courtavenel, s'il plaît à Dieu de nous conserver tous en vie jusque-là [2].

Adieu, chère petite, je t'embrasse bien tendrement et te recommande de travailler ferme et de *réfléchir.*

Ton père

J. Tourguéneff.

P. S. Mes compliments à Mme Harang, M. Fleming et sa femme.

605. Р. М. МИЛНСУ

24 мая (5 июня) 1857. Лондон

Vendredi, 5 juin.

Leicester Square, Sablonière Hotel.

Cher Monsieur,

Il doit y avoir deux entrées à Westminster Hall — car de mon côté j'ai aussi attendu jusqu'à 5 1/2 h. à la porte qui fait face à l'Abbaye [1]. Enfin — il n'y a rien à faire, je regrette seulement de vous avoir inutilement dérangé. Je passe le dimanche hors de Londres [2] et ne puis par conséquent accepter votre gracieuse invitation; mais puisque vous avez eu la bonté de me promettre une entrée à la Chambre lundi — je vous serais bien obligé si vous vouliez me faire savoir l'heure et l'endroit où nous pourrions nous rencontrer lundi [3].

Je suis, Monsieur, avec les sentiments les plus distingués votre tout dévoué

J. Tourguéneff.

606. ПОЛИНЕ ВИАРДО

25 мая (6 июня) 1857. Лондон

№ 4

Londres, ce 6 juin 1857.

Samedi.

Je vais continuer de vous raconter ma vie d'ici, jour par jour [1], chère et bonne Madame Viardot.

Mardi 2. J'ai été à l'Olympia Theatre voir un acteur du nom de Robson dans un arrangement anglais de «La Fille de l'Avare» [2]. Je ne sais si vous y avez vu Bouffé.

Ce Robson m'a fait une très grande impression. Il est impossible de jouer avec plus de force; il frise parfois la caricature, mais il vous secoue à deux mains — c'est à la lettre *effrayant* de vérité. Les autres acteurs étaient médiocres. Des poupées en bois avec des gestes de bois et des voix idem. «La fille de l'Avare» a été suivie d'une farce anglaise, an extravaganza [3]. C'était horriblement plat et Robson qui y jouait un rôle ridicule — a wandering minstrel — outrait tout, jusqu'à la démarche, d'une façon si absurde que je suis parti sans attendre la fin. Les Anglais riaient à se tordre — ce n'est pas beau à voir, un Anglais qui rit. Ils ont l'air d'une machine qui se détraque.

Mercredi. J'ai passé ma soirée chez Thomas Carlyle [4]. Il m'a beaûcoup questionné sur l'état de la Russie, sur le défunt empereur Nicolas, qu'il s'obstinait à tenir pour un grand homme — j'ai dû parler en anglais et je vous jure que cela n'a pas été facile. Enfin, je m'en suis tiré tant bien que mal. Carlyle est un homme de beaucoup d'esprit et d'originalité, mais il vieillit et en vieillissant, il s'est enferré dans un paradoxe; les maux de la liberté qu'il voit de près lui paraissent insupportables et il s'est mis à prôner l'obéissance, l'obéissance quand même. Il aime beaucoup les Russes parce que, d'après son idée, ils possèdent, au suprême degré, le talent d'obéir et il lui a été désagréable de m'entendre dire que ce talent n'était pas aussi complet qu'il se l'était imaginé.— Vous m'avez enlevé une illusion, s'est-il écrié [5]. Il écrit maintenant une histoire de Frédéric le Grand, qui a été son héros dès sa jeunesse, parce qu'il savait se faire obéir. Il y a un proverbe russe qui dit: Le lait chaud m'a brûlé, je souffle sur l'eau froide. J'aurais voulu voir Carlyle dans une peau de Russe seulement pendant une semaine; il aurait changé de note. Du reste, il est très aimable et bon enfant et sa femme aussi [6].

Jeudi. Je suis allé le matin chez Mr Truemann. Je n'ai trouvé à la maison que Mlle Berthe. Nous avons causé pendant une couple d'heures. Elle a beaucoup, mais beaucoup engraissé — décidément l'air de Londres lui fait beaucoup de bien. Puis je suis allé dîner chez Mme Stanley (la veuve de l'évêque de Norwich, protecteur de Mlle Lind). Tout le monde était en cravate blanche, etc. et il m'a fallu parler anglais de nouveau. Cependant, je ne me suis pas ennuyé. Après le dîner, on m'a présenté au célèbre historien Grote et à sa femme, grande et forte femme aux cheveux teints, à l'odeur de musc, au regard tombant d'aplomb. Grote est extrêmement simple et modeste, tandis que sa femme a

l'air d'avoir fait l'histoire de son mari et son mari lui-même par-dessus-le-marché. Elle dit: Nous (we) venons de recevoir un diplôme très flatteur de la Société d'Amsterdam, etc. On dit que c'est elle qui a écrit dans le «Times» ces terribles articles signés «an Englishman» et dirigés contre le gouvernement français avant 1852 [7]. On m'a présenté aussi à la sœur de Mac Aulay.

Vendredi. Le matin chez Herzen, qui me lit ses «Mémoires» [8]. Le temps est superbe. Je dîne avec Müller et le soir nous allons à un concert où nous entendons une sonate (n⁰ 101) de Beethoven que je n'ai pas pu comprendre, puis un concerto de Bach pour deux pianos (Rubinstein et Klindworth) — admirable. On a joué aussi un *ottetto* de Rubinstein qui ne m'a pas plu [9].

Aujourd'hui, je vais chez Mr Nightingale, mais je vous parlerai de tout cela mardi.

Comment allez-vous ? Que faites-vous dans ce cher bon Courtavenel ? Le temps vous favorise. Si vous ne pouvez pas marcher, au moins faites-vous porter dans la cour [10]. Saluez tout le monde et toutes les choses de C⟨ourtavenel⟩ de ma part. Portez-vous bien et n'oubliez pas

votre J. Tou⟨rguéneff⟩.

P. S. Ecrivez-moi, s'il vous plaît, et longuement. J'ai trois n⟨uméro⟩s d'avance sur vous. Und vergessen Sie nicht..!

607. ПОЛИНЕ ВИАРДО

29 мая (10 июня) 1857. Лондон

№ 5

Londres,
ce 10 juin 1857.
Mercredi.

Theuerste Freundinn, pourquoi ne m'écrivez-vous pas? Voici bientôt 3 semaines que j'ai quitté Paris et rien qu'une seule lettre [1]. Allons, avouez que cela n'est pas gentil de votre part et moi qui suis au n⁰ 5 [2]. Pourvu que votre santé soit bonne — je ne veux pas en douter et poursuis my diary.

Samedi 6 juin. Parti à 3 heures, j'arrive à 6 à Embley-Park [3], résidence de la famille Nightingale. Le parc est magnifique, des arbres prodigieux, etc. Je trouve une grande société réunie au château (à l'exception de Miss Florence N⟨ightingale⟩ [4], qui est à Londres). Un dîner ennuyeux, puis vers le soir on s'anime. Une dame chante d'une fort vilaine petite voix des vilaines machines ang-

laises; les messieurs répètent le refrain avec des voix de perroquet. Du reste, tous sont très aimables, en vérité, on me prodigue les invitations, et je remercie tout le monde du mieux que je puis, en faisant des fautes de grammaire à chaque pas. Mr Nightingale est un country gentleman dans toute la force du terme. Sa femme — une bonne petite vieille; Miss Nightingale, l'aînée (40 ans passés) a l'air intelligent, bon, actif et nerveux. Les visiteurs sont: 1) Sir Charles Trevilyan, haut employé au Treasury, agréable, instruit, un peu lourd, mais en somme fort sympathique; il a conservé quelque chose de naïf; 2) sa femme, sœur du célèbre Macaulay, a witty woman, rieuse et bavarde; 3) sa fille — insignifiante; 4) Mr Denman, capitaine du yacht de la Reine, figure fière et courageuse, peut-être un peu impertinent; 5) sa femme, la chanteuse en question, traits réguliers, figure blême et bouffie; 6) le colonel Cure, le Rawdon Crawley de «Vanity Fair»[5]; 7) Mrs Shaw-Lefevre, Lushington, jeunes gens de «bonne» famille — le premier paraît être un fort bon garçon. Plusieurs autres personnages peu intéressants. Je dors fort bien dans un lit immense.

Dimanche 7. Nous faisons une excursion à Salisbury. Cathédrale admirable, une des plus belles que j'ai vues — une pureté de lignes admirable. Long service. Sermon encore plus long, prononcé in a whining tone par un clergyman à cheveux plats. Dîner; conversation — on ne chante pas. C'est dimanche. Le soir, à 10 heures, family prayers dans le salon, à la lueur d'une bougie; réunion générale; les domestiques y assistent. Je m'agenouille avec les autres en tournant le visage au mur pendant que la maîtresse de la maison prononce avec ferveur une prière; sa voix d'honnête vieille femme pénétrée d'onction me cause de l'émotion; je ne partage pas le sentiment religieux des Anglais, mais il est impossible de ne pas en être frappé — il y entre pour beaucoup du sentiment des convenances, de la respectability — c'est possible, mais cela n'en est pas moins puissant. On croit généralement avoir tout dit en disant: c'est ridicule ! Eh bien ? parce qu'une chose est ridicule, ce n'est pas une preuve qu'elle ne soit ni utile, ni même grande [6].

Lundi 8. Retour à Londres. J'assiste à une séance de la Chambre des Communes. L'absence complète de tout effet théâtral, de toute mise en scène me frappe; le Speaker, à demi assoupi dans sa perruque, Lord Palmerston, le chapeau enfoncé jusqu'au nez et ne se réveillant que

pour répondre à quelques mots qu'on n'entend pas, ces paletots, ce sans-gêne... l'impression est pourtant grande; on sent que c'est là le cœur d'un grand empire et que c'est durable. La discussion n'a pas été intéressante ce jour-là, mais j'ai vu à peu près tous les lions.

Mardi 9. J'avais l'intention d'aller à Manchester, mais j'ai remis mon excursion à vendredi. J'ai déjeuné chez Mr Milnes où j'ai eu une longue conversation (et toujours en anglais!) avec L. Ashburton, chef de la maison des Baring; puis je suis allé à la Chambre des Lords. Mr Shaw-Lefevre, qui est le neveu du célèbre Speaker des Communes, m'y a introduit et j'ai assisté à la séance, assis sur les marches du trône — c'est-à-dire à peu près par terre. Disraeli est venu pour un moment; il a l'air bien spirituel et bien vain; des manières de premier ténor ou d'auteur à la mode. J'ai dîné avec la famille Shaw-Lefevre; une vieille dame et six jeunes filles, assez jolies et très naturelles. J'avoue que les Anglais me plaisent généralement; je ne m'y attendais pas. On m'a inscrit au premier club d'ici, l'Athenaeum [7]; je ne sais qui m'a procuré une invitation à la société géographique ce soir. Je dîne et je passe la soirée de demain en ville; je vous raconterai tout cela. Mais écrivez-moi donc, je vous supplie! C'est bien méchant de se taire ainsi. Adieu; j'embrasse tout le monde et baise vos chères et paresseuses mains.

Votre J. T.

608. Р. М. МИЛНСУ

3 (15) июня 1857. Лондон

Lundi, 15 juin.

Mon cher Monsieur,

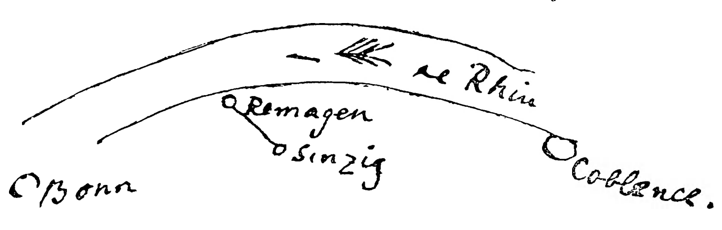
Je n'ai reçu votre billet qu'hier soir à mon retour de Manchester [1] — il m'a donc été impossible de profiter de votre aimable invitation.— En même temps j'ai trouvé ici une lettre qui m'oblige de quitter l'Angleterre beaucoup plus tôt que je ne l'avais pensé [2]; — je ne serai plus à Londres le dimanche prochain.— Mais je ne partirai certainement pas d'ici sans aller vous remercier de l'accueil hospitalier et amical que j'ai reçu de vous et qui me fera emporter d'Angleterre les souvenirs les plus agréables.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

609. А. А. ТРУБЕЦКОЙ

24 июня (6 июля) 1857. Зинциг

Sinzig,
ce 6 juillet 1857.



Le plan ci-dessus était indispensable, chère princesse, pour vous faire comprendre où je me trouve depuis trois jours — Sinzig ne se trouvant sur aucune carte [1]. C'est un fort petit trou, où il y a une source, pareille à celle d'Ems. J'ai préféré y aller pour éviter la cohue — et en effet il n'y a pas l'ombre de cohue ici — nous ne sommes que 80 Kurgäste — et jamais on n'en voit plus de 10 ensemble. Rien ne m'empêche, comme vous voyez, de travailler [2] — aussi j'ai les meilleures intentions du monde. Mais c'est si peu de chose qu'une bonne intention!

C'est mon docteur de Dresde, Hedenus, qui m'a envoyé ici — je suis allé le consulter, après avoir reconduit Nekrassoff jusqu'à Berlin [3]. Il retourne en Russie, où il compte rester jusqu'à l'hiver. Sa belle l'accompagne [4]. C'est une corde au cou, la misère de sa vie que cette belle, qui n'est pas belle du tout et ne l'a jamais été. J'ai découvert pendant ce voyage qu'ils se sont fait tous les deux une douce habitude, l'une de tourmenter, l'autre, de l'être; ma foi, si cela les arrange! Mithridate vivait bien de poisons [5]. Mais j'avoue que j'ai pris cette grosse Mme Panaïeff en horreur. Imaginez-vous qu'elle a des attaques de nerfs avec des entr'actes — motivés par l'arrivée d'un troisième spectateur, d'une marchande de modes, etc. Et Nekrassoff, qui pourtant a bien de l'esprit, n'y voit que du feu. Mme P⟨anaïeff⟩ éveille en moi le Russe, de façon à contenter le prince lui-même [6]; chaque fois que je la vois, je me sens des velléités de prendre un gros bâton bien dur et de la battre là où elle a le plus de... surface à battre; et elle en a partout, et beaucoup de cette surface-là!

Je suis allé vous voir pendant mon passage à Paris [7]; mais vous étiez déjà partie pour Bellefontaine [8]. Cela m'a été une preuve du complet rétablissement de Mlle Cathe-

rine [9] — et je me suis réjoui de votre départ — à ce point de vue. J'irai certainement vous voir à Bellefontaine pendant l'automne. Je ne sais du reste si je mets bien l'adresse. Voici quelle est la mienne :

Sinzig, bei Remagen am Rhein,
Regierungsbezirk Coblentz.

Nous sommes ici au beau milieu d'une vaste et fertile plaine entourée de tous côtés par des montagnes. Il ne fait pas assez d'ombre — voilà le mal.

Mille amitiés au prince — mais j'y pense — n'est-il pas en Russie à l'heure qu'il est? Je salue tout votre monde, et vous baise la main; si j'étais encore un peu plus vieux, je baiserais celle de votre fille, mais je me contente de la serrer bien amicalement.

Votre J. Tourguéneff.

P. S. Grand résultat de la 2e page de ma lettre [10]: Hors des sentiers battus, point de salut! [11]

На конверте:

Frankreich.
Madame la princesse Troubetzkoï
au château de Bellefontaine
près de Fontainebleau.

610. П. В. АННЕНКОВУ

27 июня (9 июля) 1857. Зинциг

Зинциг.
7-го[а,1] июля нов. ст. 1857.
27-го июня ст. Четверг.

Без прилагаемого рисунка, любезнейший Анненков, Вы, вероятно, никогда бы не нашли того местечка, где я сижу уже 6-й день, и пью воды, и беру ванны для излечения от недугов. Пожалуй, Вы и Ремаген не найдете на карте, то посмотрите Андернах и знайте, что это близехонько оттуда. Мне предлагал доктор Геденус, с которым я советовался в Дрездене,— либо Эмс (откуда до Зинцига 3 часа езды), либо Зинциг [2]. Я предпочел З⟨инциг⟩ — здесь почти никого нет, и я могу предаваться полнейшему уединению и, по возможности, работать (чего я уже не делал более года). Впрочем, так как русские проникают повсюду, то и здесь отыскался русский, впрочем очень хороший малый, некто Никитин, офицер, покинувший свою карье-

[а] *Так в подлиннике.*

ру для того, чтобы сделаться живописцем (кажется, талант у него есть). Он очень болен и едва ли выздоровеет. К нему в гости приезжали и сегодня уехали двое других русских и тоже премилых, некто Сабуров и сестра его,— москвичи (собственный дом в третьей Мещанской и т. д.). Мы вчера делали сообща большую прогулку по долине Ары; долина оказалась очень живописной [3].

С тех пор как я не писал Вам, я был в Англии — и, благодаря двум-трем удачным рекомендательным письмам, сделал множество приятных знакомств [4], из которых упомяну только Карлейля, Теккерея, Дизраели, Маколея; — если бы я не уехал так скоро, меня хотели представить Палмерстону, принцу Альберту (меня и так познакомили с герцогом Омальским) — но я решился отложить всё это до более удобного времени и ехать лечиться. Вы, вероятно, улыбнетесь, но скажу Вам очень сурьезно: возвращение моей болезни меня убило: я мертвый человек — я это чувствую,— от меня несет трупом. Пока эта змея будет грызть меня — ничего в жизни не может меня занимать и я не гожусь ни на что. Не знаю, поможет ли мне здешняя вода — но, как нарочно, мне стало здесь гораздо хуже — меня уверяют, что это постоянное действие воды вначале, но я разучился верить докторам. Впрочем, довольно об этом.

Во время моего пребывания в Англии я был в Манчестере и видел там много дивных вещей [5],— но обо всем этом, вообще о моем пребывании в Англии, расскажу Вам когда-

нибудь изустно; теперь же ограничусь тем, что скажу Вам: англичане произвели на меня гораздо более выгодное впечатление, чем я ожидал — я это говорю не потому, что я познакомился с принцами: действительно это великий народ.

Я из Англии вместе с Некрасовым вернулся в Париж [6], а оттуда проводил его и г-жу Панаеву до Берлина: он возвращается в Россию — и, вероятно, теперь уже в Петербурге [7]. Он очень несчастный человек: он всё еще влюблен в эту грубую и гадкую бабу — и она непременно его сведет с ума. Здоровье его, однако, немножко поправилось, хотя он не лечился нисколько. Я постараюсь, вернувшись к октябрю в Петербург, отправить его опять на зиму в более теплый климат.

Напишите мне, что Вы делаете и как живете в Симбирске. Хотя я сильно пришиблен и охладел почти ко всему, однако я чувствую, что привязан к Вам и с удовольствием увидел бы Ваши отрывчатые каракульки. Если Вы напишете тотчас по получении этого письма — то Ваше письмо застанет меня еще здесь — я остаюсь здесь 6 недель.

Толстой находится в Швейцарии, в Canton de Vaud, à Clarens, pension Perret [8]. Он очень доволен своим местопребыванием, ходит по горам, работает, здоров и чувствует, по его словам, как красота вливается ему через глаза в душу, словно физическое ощущение. Дай бог ему! Ему и книги в руки. Я ему написал отсюда, не знаю, ответит ли он мне [9]. Боткин и Дружинин были в Италии, но где они теперь — неизвестно [10]. Ковалевский в Plombières [11].

Знакомые наши, находящиеся в Лондоне, здоровы и бодры. Я их видал часто [12].

Ну прощайте — до свидания в октябре. Вы увидите во мне другого человека, чем того, с кем расстались. Желаю Вам здоровья, жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

611. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

27 июня (9 июля) 1857. Зинциг

Sinzig.
Ce 9 juillet 1857.

Si tu veux savoir où je me trouve, chère Paulinette, prends une carte de l'Allemagne, et puis trouve le Rhin; cherche sur sa rive gauche la ville de Coblence,— un peu plus loin tu verras une autre ville qui se nomme Bonn; entre ces deux villes, toujours par la rive gauche, il y a un

petit endroit qui se nomme Remagen; eh bien, Sinzig est à une demi-lieue de Remagen,— mais je doute fort que ta carte soit assez détaillée pour qu'il s'y trouve. Enfin, si tu veux m'écrire — mets sur l'adresse: «Prusse Rhénane, Sinzig près de Remagen sur le Rhin». Je suis ici depuis six jours — je bois beaucoup d'eau, je prends des bains tous les jours — je remplis, en un mot, toutes les prescriptions du docteur pour tâcher de me guérir et pour pouvoir quitter cet endroit dans cinq semaines et aller te chercher. Il y a fort peu de monde ici — et par conséquent peu de distractions; — rien ne m'empêche de travailler [1].— Du reste, nous sommes ici dans un beau pays — au milieu d'une plaine fertile, entourée de hautes montagnes; malheureusement, le temps n'est pas trop favorable. Cependant j'ai déjà fait deux ou trois excursions et le temps ne sera pas toujours mauvais.

Pour toi, je n'espère pas, je suis *sûr*, que tu travailles avec toute l'application dont tu es capable; songe qu'il me faut au moins des seconds prix! — Après tous ces graves travaux et l'examen une fois fini — nous irons nous refaire à Courtavenel, jouer la comédie, etc., etc., etc.

Quand tu m'écriras, ne manque pas de me dire ce que tu auras entendu de la santé de Mme Viardot [2]; je lui ai écrit une lettre d'ici [3], mais je n'ai pas encore reçu de réponse.

Tu n'as pas besoin d'affranchir tes lettres.

Adieu, chère petite; porte-toi bien; travaille idem; je t'embrasse de bon cœur.

Ton père

J. Tourguéneff.

P. S. Salue de ma part Mme Harang et M. et Mme Flemming.

612. И. И. ПАНАЕВУ

4 (16) июля 1857. Зинциг

Зинциг.
4/16 июля 1857.

Любезный друг,

Некрасов, вероятно, уже давно в Петербурге и получил мое письмо, которое я послал к нему на другой день моего приезда сюда, недели две тому назад [1]. В случае, однако, если бы оно затерялось, то уведомляю тебя, что я нахожусь в городе Зинциге, на левом берегу Рейна, невдалеке от Бонна, и пью воды. Кажется, они мне помогают; сверх того я беру ванны. Я останусь здесь до 20-го августа — а 20-го сентября непременно буду в Петербурге и, если не ошибаюсь, привезу с собою повесть, которую я здесь начал

и, бог даст, кончу [2]. Странно было мне приниматься за перо после годового бездействия — и сначала трудно было, потом пошло полегче. Я просил Некрасова выслать мне сюда 250 р. сер. или 300, если возможно, в счет будущих работ. Надеюсь, что он уже исполнил мою просьбу, если же нет, то попроси его выслать мне эти деньги тотчас, на имя какого-нибудь франкфуртского банкира. Мой адресс: Sinzig, bei Remagen am Rhein, Regirungsbezirk Coblenz.

Уведомь меня также, получил ли ты высланную мною картину Грёза? Я просил тебя ее подержать у себя до моего прибытия [3].

Напиши мне также окончательное число подписчиков на «Совр⟨еменник⟩» в нынешнем году [4].

Кланяюсь всем знакомым, Авдотье Яковлевне и т. д. Надеюсь увидеть тебя месяца через два с небольшим — и тогда дружно приняться за «Совр⟨еменник⟩». Пока, будь здоров и прощай.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Жду от тебя письма.

На конверте:

Russland
über St. Petersburg
H-n I. Panaieff
В С. Петербурге
В конторе редакции журнала «Современник»
Его высокоблагородию
Ивану Ивановичу
Панаеву.

613. М. Н. ТОЛСТОЙ
4 (16) июля 1857. Зинциг

Зинциг.
Четверг, 4/16 июня [a] 1857.

Вот — я уверен, Вы не думаете обо мне в эту минуту, любезная графиня,— а я так думаю об Вас и воображаю Вас в Вашем маленьком домике на берегу Снежеда [1] — и могу Вас уверить, был бы очень счастлив, если б сам там находился, хотя в том сенном сарае, где год тому назад, собираясь за границу, я познакомился с Вашей крестной матушкой [2]. Не много изведал я веселого в теченье этого года — и, кажется, окончательно состарелся,— но что

[a] *Так в подлиннике.*

говорить об этом. Скажу Вам лучше, где я и почему я здесь. Зинциг — небольшой городок в 3 верстах от Рейна, невдалеке от лежащего на левом берегу Рейна городка Ремагена, на полдороге от Кобленца к Кельну. Посмотрите это на карте, если это Вас интересует. Здесь находятся воды, подобные Эмсским — но еще весьма мало известные; я именно оттого и выбрал их. Народу здесь чрезвычайно мало — и у меня времени много для работы — была бы охота. Надо Вам сказать, что я в течение года пера в руки не брал — и не знаю, скоро примусь ли? Я уже здесь две недели и[6] останусь еще целый месяц [3]; так что если Вы не замедлите ответом, он меня здесь застанет. А в самом деле, напишите-ка мне. Расскажите мне, во-первых — как Вы здоровы — а потом — всё, что Вам будет угодно. Сообщите мне известия о графе [4] (которому я кланяюсь и дружески жму руку) — об Ольге Петровне [5], о Ваших детках и в особенности о пленительном Николае Николаиче [6], который, я надеюсь, вернулся с Кавказа и живет с Вами. Скажите ему, что я его люблю от души и что его «рассказы» прелестны [7]. Вы, должно быть, знаете, что брат Ваш Лев живет в Швейцарии — и, сколько слышно, живет славно: гуляет, весел, здоров, работает. Я ему написал отсюда, но до сих пор ответа не получил [8]. Он уехал из Парижа внезапно; ему он вдруг опротивел.

Я Некрасова проводил до Берлина; он уже должен быть теперь в Петербурге. Он уехал с г-жею Панаевой, к которой он до сих пор привязан — и которая мучит его самым отличным манером. Это грубое, неумное, злое, капризное, лишенное всякой женственности, но не без дюжего кокетства существо (soit dit entre nous) — владеет им как своим крепостным человеком. И хоть бы он был ослеплен на ее счет! А то — нет. Но ведь — известное дело: это всё тайна — или, говоря правильнее — чепуха. Тут никто ничего не разберет, а кто попался — отдувайся, да еще, чего доброго, не кряхти.

Мои планы — вот какие. Я пробываю здесь до половины августа — потом еду в Париж, беру мою дочку и еду в имение г-на Виардо, где пробываю три недели или месяц — самое большое; потом, благословясь, пускаюсь в Россию — и если не в конце сентября, то уже, наверное, во время выборов буду в Спасском и, следовательно, у Вас. Надобно будет подумать на месте о крепостном вопросе, да не только подумать, но и сделать что-нибудь. По крайней мере следует начать это дело [9]. А зиму я проведу в Петер-

---

[6] *Далее зачеркнуто*: еще

бурге, где мне придется взять на руки хромающий «Современник». Только не знаю, право, насколько мне удастся помочь ему [10]. Выдохся я — или если еще не выдохся — то очень туго закупорился — что на одно и то же сбивается. Во всяком случае я Вас увижу довольно скоро — и мысль об этом свидании доставляет мне большое удовольствие. Не извольте сомневаться в этом и знайте, что я искренно и крепко к Вам привязан и дорожу Вашим воспоминанием и Вашей дружбой.

Мой адресс: Prusse Rhénane, Sinzig près de Remagen sur le Rhin.

Я живу здесь в самом «Badehaus», т. е. в уединенном доме, подле источника. Перед окнами широкая долина, покрытая всякого рода хлебом, фруктовыми деревьями,— а на небосклоне — зубчатая линия гор, лежащих на правом берегу Рейна. Место хорошо — да тени мало. Я вижусь здесь с одним русским офицером, вышедшим в отставку, чтобы сделаться живописцем. У него, кажется, талант есть. Он сделал мой портрет, схожий. Зовут его Никитиным [11].

Я провел месяц в Англии, сделал множество знакомств (между прочим, я был представлен Теккерею, который мне мало понравился) — но этого всего не перескажешь. Готовьтесь к длиннейшим рассказам в Покровском.

Напишите же мне, пожалуйста. Целую у Вас заранее руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

614. А. И. ГЕРЦЕНУ

5 (17) июля 1857. Зинциг

Зинциг.
17 июля 1857.

Любезнейший друг, прежде всего зѐмный тебе поклон за высланные Делаво 250 франков, о получении которых он мне отписал: очень тебе благодарен [1]. За знакомство же Сабуровых тебе приходится мне быть благодарным, потому что они оба — и брат и сестра — принадлежат к числу самых милых русских, с какими мне только удавалось встречаться. Они, вероятно, рассказали тебе кое-что о моем здешнем житье-бытье. С своей стороны скажу тебе, что, кажется, мне здешние воды и ванны помогают; сперва боли мои усилились было, а теперь с каждым днем становится легче — что-то дальше будет! Народу здесь очень мало, и я этому рад; авось удастся поработать. Я уже кое-

что начал [2]. Хожу ужасно много — вчера ходил на гору (1400 ф. над поверхностью моря), восемь верст отсюда, взлез на самый верх, осмотрел базальтовые копи и тотчас же вернулся домой.

Известий из России мало. Жду письма от Некрасова, которого я проводил до Берлина и который теперь, вероятно, уже давно гуляет по Невскому и дышит его кислосероватым воздухом [3].— Твой «Колокол» достиг высочайших «регионов» — какое он там произвел впечатление, сам можешь посудить [4]. Я на днях надеюсь собрать кой-какие сведения. Кн. Долгоруков, поступивший на место Орлова, оказывается величайшим обскурантом; жандармы снова вмешиваются в частную жизнь, в семейственные дела и т. д. [5]

На днях должен к тебе явиться Ленг (ружейник) — с ружьем, заказанным мною для Некрасова. Оно стоит 42 фунта; заплочено мною вперед 21, да возвращенная Ленгу собака стоит 17 фунтов с половиной. Остается 3 фунта с $^1/_2$, которые ты, по твоей старинной привычке: кормивши до усов, кормить до бороды, заплотишь за меня, я же тебе вышлю их в половине августа из Парижа вместе с 250 франками Делаво.

Что делает Огарев — как его здоровье? Поклонись ему, его жене и всем твоим.

Печатай 1, 2 части «Полярной звезды» вторым изданием. Здесь только и слышно, что жалобы на невозможность достать их [6].

Прощай, брат, будь здоров. Я заеду в Лондон перед возвращением в Россию, посмотреть на тебя и кое-что переговорить [7].

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Повторяю на всякий случай мой адресс: Sinzig, bei Remagen am Rhein, Regierungsbezirk Coblentz.

615. А. И. ГЕРЦЕНУ

10 (22) июля 1857. Зинциг

Зинциг.
22 июля 1857.

Признаюсь, милый друг, твое письмо, несмотря на мою овечью натуру, рассердило меня против Некрасова [1]. Он обвиняет меня, что я тебе не объяснил и т. д. Да разве я входил когда-нибудь в его денежные дела и отношения?

Они всегда были такого рода, что постороннему человеку нечего было туда заглядывать. Он говорит, что я тебе заплачу из денег, которые я ему должен [2]. Но знаешь ли, как я ему должен? Я ему продал второе издание «Записок охотника» за 1000 руб. сер.— а он его тотчас же перепродал книгопродавцу Базунову за 2500 (я очень этому был рад, потому что я с тем и продал ему «З⟨аписки⟩ о⟨хотника⟩», чтобы он получил с них барыш); — 2-е издание до сих пор не разрешено ценсурой — но он не только никогда не предлагал мне возвратить мне купленное им право, но даже теперь, уезжая в Петербург, собирался непременно выхлопотать это позволение [3]. Я ему сегодня же написал письмо [4], в котором, ссылаясь на сказанные тобою мне слова или, лучше сказать, на переданные тобою слова Некрасова, прошу его либо выслать мне тотчас бумагу, по которой я передаю ему право на издание «З⟨аписок⟩ о⟨хотника⟩» — и тогда я готов тебе заплатить эти 1000 руб.— или, если он хочет удержать это право за собою, не считать меня в *долгу*, ибо *долгу* я признать не могу [5].

Всё это действительно неприятно,— и хотя ничего мне не раскрывает нового, однако имеет и будет иметь свое действие. Нет, решительно, без честности нельзя — как без хлеба.

Письмо твое я доставлю при первой возможности (нельзя ж переслать его по почте) [6] — но эта возможность, вероятно, раньше 4-х недель не явится, т. е. раньше отъезда Дружинина, который писал мне из Парижа и с которым мы уговорились съехаться на Рейне [7]. Но ручаюсь тебе, что письмо доставлено будет, и прошу тебя не печатать ничего в «Колоколе», с той же точки зрения, с которой я отговорил тебя говорить о К⟨онстантине⟩ Н⟨иколаевиче⟩. Хотя Некрасов тебе вовсе не *свой* — но все-таки согласись, что это значило бы: «бить по своим» [8].

Очень тебе благодарен за Делаво и Ленга; я вчера получил деньги из деревни и могу тебе выслать эти 250 фр. и 3 фунта с $^1/_2$ завтра или послезавтра, т. е. в первую мою поездку в Бонн [9].

Здоровье мое всё неудовлетворительно; пузырь болит почти постоянно, и мне кажется, что зинцигские воды мне нисколько не помогают. Над другими они чудеса производят; сосед мой англичанин приехал сюда без ног, весь недвижимый — а теперь по горам лазит. Кому какое счастье.

Прощай, милый друг. Кланяюсь Огаревым и всей твоей семье. Что его болезнь? Я получил на днях от Орлова

кипу журналов («Беседу», «Вестника», «Библиотеку» и пр.). Как только прочту, пошлю тебе sous bande [10]. А ты пока будь здоров и не забывай

преданного тебе
Ив. Тургенева.

616. ЛУИ ВИАРДО [1]

12 (24) июля 1857. Зинциг

Sinzig
ce 24 juillet 1857.

Mon cher ami,

Je commence par vous embrasser et vous féliciter de tout mon cœur, et puis, je vous remercie d'avoir pensé à moi [2]. C'est joli tout de même d'avoir un fils [3] — n'est-ce pas — et quand on a trois filles [4] — cela devient encore plus joli. Vous avez dû passer par des transes bien douloureuses, mais aussi maintenant vous devez être bien heureux: «des alouettes vous chantent dans le cœur», comme le dit un dicton russe. Maintenant, il faut tâcher que la mère se rétablisse au plus vite — pour le petit, vous verrez, il fera son chemin dans le monde.

Recevez encore une fois, vous et tous les vôtres, mes félicitations les plus vives.

Jean Tourguéneff.

617. ПОЛИНЕ ВИАРДО

12 (24) июля 1857. Зинциг

Pour Mme Viardot [1].

Sinzig
ce 24 juillet 57.

Hurrah! Ура! Lebehoch! Vivat! Evviva! Ζητω! Vive le petit Paul! Vive sa mère! Vive son père! Vive toute la famille! Bravo! Je l'avais bien dit que cela irait bien et que vous auriez un fils. Je vous félicite tous et vous embrasse tous ! Et maintenant je demande (dès que vous serez en état de le faire, bien entendu :)

1) Une description détaillée des traits, de la couleur des yeux, etc., etc. du jeune homme; si c'est possible une petite esquisse au crayon.

2) La communication des mots les plus spirituels qu'il aura déjà prononcés.

3) Une petite description de la journée du 20 juin, date révolutionnaire que le petit sans-culotte a choisie pour faire son entrée dans le monde [2].

Je radote un peu, mais c'est pardonnable à mon âge et à la joie que m'a causée la grande nouvelle.

Le facteur a reçu de l'argent pour boire du vin du Rhin (pas de la bière, sous aucun prétexte) à la santé du jeune Paul-Louis-Joachim; moi aussi je boirai à sa santé.

Quand à la santé de la mère, vous verrez que dans deux ou trois jours vous ne voudrez plus rester couchée et que si vous ne dansez pas dans une semaine, c'est que vous aurez autre chose dans la tête.

Vous devez être contente, hein? Et vous le dévorez des yeux, ce petit être qui, hier encore, était vous, et qui a déjà maintenant une vie, un commencement de pensée, d'individualité à lui, à lui, ne vous en déplaise. Je deviens prophète, je lis dans la nuit de l'avenir, dans le Conversation's Lexicon de 1950:

«Viardot (Paul, Louis, Joachim), *célèbre...* (je laisse le *quoi* en blanc), né à Courtavenel en Brie, etc., etc., fils de la célèbre Pauline Garcia, etc., etc. et de l'ingénieux écrivain et traducteur de „Don Quichotte"» [3].

Je ne veux pas citer tout l'article.

Vous m'écrirez un petit bout de lettre, dès que cela ne vous fatiguera pas, n'est-ce pas? Et le réveil au 21 au matin, n'est-ce pas que cela a été une douce chose? Et les cris du petit, y a-t-il une musique comparable à celle-là?

Allons, allons, tout va bien. Je vous écrirai demain ou après-demain d'une façon plus raisonnable; pour aujourd'hui, je me remets à crier: Vivat! Hurrah! Allons, enfants de la patrie! [4] Alaaf Köln! (c'est un cri de joie que l'on n'emploie qu'à Cologne, mais je trouve qu'il fait bien). Allah il Allah Rezul Mohammed Allah!![5]

Et je vous réembrasse tous, *à commencer* par Mr Paul et je suis.

votre vieil ami
J. Tourguéneff.

618. В. П. БОТКИНУ

17 (29) июля 1857. Зинциг

Зинциг.
29-го июля 1857.

Любезнейший друг В⟨асилий⟩ П⟨етрович⟩ — я позволил себе распечатать твое письмо к Толстому, адрессованное сюда [1]; ты тотчас увидишь, почему я это сделал — и, надеюсь, оправдаешь меня.— Надобно тебе сказать что здешние воды вместо пользы сделали мне положитель-

ный вред, и я сегодня собираюсь выехать отсюда с тем, чтобы также поехать на берег моря; Дружинин, который только вчера отсюда выехал, погостивши у меня 3 дня, сообщил мне, что и ты намерен купаться в море — и потому я весьма желал узнать, куда ты едешь, для того, чтобы покупаться вместе; но это бы еще не заставило меня распечатать твое письмо, если б сегодня не пришло письмо от Толстого из Бадена [2], в котором он уведомляет меня, что проигрался в рулетку в пух и до копейки, просит немедленно выслать 500 фр. и т. д. Он ехал сюда, по дороге завернул в Баден — и погиб. Теперь я вот что намерен сделать — поеду завтра в Баден [3], вытащу его оттуда и постараюсь уговорить поехать со мной через Страсбург и Париж в Fécamp [4] — я думаю и ему не худо полечиться морскими ваннами.— 500 фр. у меня лишних нету — но франков 200 на его дорогу станет.— Теперь я вот о чем тебя прошу: по получении этого письма напиши немедленно poste restante на мое имя в Париж, где именно ты будешь,— я боюсь, что в Fécamp будет скверно — я думал было ехать в Dieppe; во всяком случае напиши мне тотчас в Париж. Я тебе напишу из Бадена в Fécamp и в Париж poste restante, что я там застану — и один ли я приеду или с Толстым [5].

Итак, до скорого свидания — будь здоров, обнимаю тебя.

Твой
Ив. Тургенев.

На конверте:

Frankreich.
Fécamp près de Dieppe.
Monsieur Wassili Botkine.

619. ЭДУАРДУ ДАНТЮ

17 (29) июля 1857. Зинциг

Sinzig.
Ce 29 juillet 57.

Je m'empresse de vous renvoyer les épreuves [1], mon cher Mr Dentu — elles ne me sont arrivées qu'hier et je crains fort qu'elles ne parviennent à temps. Je n'ai corrigé que peu de phrases — mais ces corrections sont assez importantes. A la page 422 — ce n'est pas de *genêts* qu'il s'agit, mais bien de *guérets* (je crois que c'est là le mot) — c'est à dire, de champs de blé fauché [2]; ainsi de suite...

J'espère que vous aurez[а] en même temps envoyé ces épreuves à Mr Delaveau — car je ne suis pas fort pour les coquilles et autres fautes d'impression.

Je quitte Sinzig dans quelques jours et je vais à Dieppe ou à Boulogne en passant par Paris [3]; j'aurai le plaisir de vous voir dans 6 ou 7 jours[б], préparez-moi, s'il vous plaît, quelques épreuves de plus pour ce temps-là.

Je vous salue avec la plus parfaite considération.

J. Tourguéneff.

На конверте:

Frankreich
über Paris.
Monsieur Dentu,
libraire
à Paris.
Au Palais Royal. Galerie d'Orléans.

620. ПОЛИНЕ ВИАРДО

17 (29) июля 1857. Зинциг

Sinzig,
ce 29 juillet 57.

Chère Madame Viardot, les eaux de Sinzig me faisant plus de mal que de bien, je me suis décidé à aller de suite prendre les bains de mer et ne pas attendre l'expiration des 6 semaines.— Voici donc ce que je fais : je m'en vais demain à Bade, où je me suis donné rendez-vous avec le comte Tolstoï [1] — je m'achète un chien — (vous voyez que je suis incorrigible!) et je vais directement par Strasbourg et Paris à Dieppe ou à Boulogne.— Je ne m'arrêterai à Paris que le temps nécessaire pour avoir de vos nouvelles, embrasser Paulinette et expédier ma nouvelle bête à Courtavenel.— Je tâcherai d'être au bord de la mer dès le 4 pour avoir mes trois semaines bien complètes.— Je vous écrirai de Paris si c'est à Dieppe ou à Boulogne que je prendrai les bains [2].— D'ici là, ne m'écrivez pas.— S'il m'arrive une lettre ici, elle me sera expédiée.

Je suis sûr que vous allez tous très bien et que le cher petit nouveau venu [3] pousse à vue d'œil. J'espère encore qu'il me viendra une lettre demain... Enfin, dans tous les

---

[а] *Далее зачеркнуто*: fait

[б] *Далее зачеркнуто*: tenez

cas, à revoir dans 4 semaines. Je vous embrasse tous — je vous vois déjà levée et vous promenant dans la cour (c'est aujourd'hui le 9-me jour). Je vous baise les mains et suis

votre
J. Tourguéneff.

621. В. П. БОТКИНУ

23 июля (4 августа) 1857. Булонь

Булонь.
4-го августа 1857.

Милейший Василий Петрович, ты, наверное, удивишься и, может быть, попеняешь на меня, когда узнаешь, что я, вместо того чтобы отправиться к тебе в Fécamp, приехал сюда брать морские ванны [1]. Но на это у меня была следующая причина: я непременно должен в теченье этой недели съездить в Лондон на день — когда именно, не знаю: из Фекана это было бы затруднительно [2]. И потому я решился приехать пока сюда и написать тебе с тем, чтобы ты отвечал мне, остаешься ли ты в Фекане или переезжаешь куда-нибудь в другое место. Получивши твой ответ и съездивши в Лондон, я тотчас через Париж отправлюсь к тебе. Мне ужасно хочется тебя видеть и переговорить с тобою; мы уже больше года не видались — а в наши годы — год не год, а целых десять лет. Не знаю, получил ли ты мое письмо, отправленное к тебе из Зинцига; я в нем просил тебя написать мне в Париж, poste restante. Во время моего проезда я ходил, справлялся, но на почте ничего не было [3]. — Не стану тебе рассказывать всех моих похождений — отлагаю это до личного свидания,— но скажу тебе о Толстом. Я тебе писал, что я был намерен увезти его из Бадена и вместе с ним к тебе приехать. Но вышло совсем другое — я нашел его проигравшимся и с сильным ⟨- - -⟩. Он сидел в Бадене, как в омуте, и совсем потерялся. Я предложил ему выехать со мною, и он согласился — как вдруг получает он письмо из дома, в котором извещают его, что сестра его, не будучи более в состоянии жить с мужем, у которого 4 любовницы и т. д., переехала на жительство к брату Ник⟨олаю⟩ Ник⟨олаевичу⟩ (тому, которого ты видел в Спасском) [4]. Одна любовница из ревности принесла графине письмо, в котором ее муж совещается с другою любовницею о том, что он будет делать после смерти жены и т. д. Толстой, по прочтении этого письма, решился немедленно ехать в Россию (его же и зовут туда) [5]. Я одобрил его намерение — и так как у меня собственных денег

не было — то я обратился к Смирнову (мужу Александры Осиповны, которая, между нами сказать, есть *стервб*) — и он дал нужные деньги [6]. Доктор дал с своей стороны инструкции и пилюли — и в субботу Толстой уже будет плыть из Штеттина в Питер. Он думает перевезти сестру на зиму в Москву или в Петербург.

Я прочел небольшую его вещь, написанную в Швейцарии — не понравилась она мне: смешение Руссо, Теккерея и краткого православного катехизиса [7]. Он, как Геркулес, находится на перепутье; дай бог ему пойти по хорошей дороге [8].

Больше, пока, не буду писать — но с нетерпением буду ждать твоего ответа: пиши мне à Boulogne, Hôtel du Pavillon Impérial — chambre № 62. Поставь *Impérial*, а то есть другой Hôtel du Pavillon.

Кланяйся Делаво. Тебя я от души обнимаю и говорю: до скорого свидания.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Пришли свой точный адресс и отвечай мне немедленно.

622. Е. Е. ЛАМБЕРТ

13 (25) июля 1857. Зинциг и 26 июля (7 августа) 1857. Булонь

Зинциг.
25-го / 13 июля 1857.

Я виноват перед Вами, любезнейшая графиня, но повинную голову меч не рубит — притом же не в первый раз приходится Вам прощать мне мои проступки. Давно бы следовало мне написать Вам — но я то разъезжал с места на место, то находился в очень дурном расположении духа — тут уж не до писем, особенно к таким особам, в которых не желал бы поселить дурное мнение о себе. Наконец, однако, совесть стала слишком сильно угрызать меня — и вот я пишу Вам из очень плохенького городишка на левом берегу Рейна, недалеко от Кобленца, куда я приехал, три недели тому назад, пить воды и лечиться — и вообразите себе, оказывается, что воды здешние мне вредят, и я дурно себя чувствую — и должен отсюда ехать, куда — не знаю сам [1]. Впрочем, я Вам не стану говорить о моих недугах — это очень невеселый предмет. Перейду к чему-нибудь другому.

Булонь.
26-го июля
———————.
7-го августа

Письмо мое к Вам приходится продолжать уже в Булони, куда я приехал два дня тому назад для того, чтобы брать морские ванны. На этот раз я даю себе слово непременно кончить и послать Вам это письмо. Признаться, мне почти нечего сказать Вам — именно потому, что слишком многое хотел бы сказать и рассказать Вам; отлагаю всё это до нашего свидания, которое, вероятно, произойдет в октябре, если Вы об эту пору будете в Петербурге. Да, графиня, я решился воротиться — и воротиться надолго; довольно я скитался и вел цыганскую жизнь. А потому примите мое теперешнее письмо как выражение моей благодарности за Вашу память обо мне — и только. Мысли бродят в голове как дым; слова не слушаются. Хотя я почти перестал чувствовать себя сочинителем, однако я весьма порадовался Вашему одобрению [2] — и не могу не сожалеть о письме, которое было мне назначено — и которое погибло. Повторяю, обо всем этом и о многом другом мы поговорим обстоятельно в Вашем маленьком кабинете. Не дождусь я этого времени.

Прошу поклониться от меня Вашему мужу; дружески жму Вашу руку и остаюсь

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

623. В. П. БОТКИНУ

27 июля (8 августа) 1857. Булонь

Булонь.
8-го августа 1857.

Твои два письма [1] — coup sur coup — весьма меня обрадовали, милый друг Василий Петрович,— и я спешу отвечать. Я бы немедленно отправился к тебе в Диепп, если бы я не затевал здесь дела, в силу которого мне в течение нынешней недели (может быть, уже в понедельник, а может быть, и не раньше субботы) — надо будет съездить на *один* день в Лондон [2]. Из Лондона я уже сюда не вернусь — а через Брайтон приеду прямо морем в Диепп. Таким образом, я тебя, может быть, увижу дня через три, а может быть, через неделю. Во всяком случае, долго наше свидание не замешкается.

Ты не можешь себе представить, как я буду рад увидать тебя, Фета и т. д. (Кстати о Фете, его стихотворение, где

«вслед за песнью соловьиной разносится тревога и любовь» — прелесть.) [3] — К сожалению, сам я стал крайне плох; болезнь меня состарила двадцатью годами — и когда я тебе растолкую, в чем она состоит, ты не удивишься моим словам. От работы я, кажется, навсегда отказался — впрочем, что об этом толковать!

Много мы переговорим с тобою — о Толстом, между прочим. Я не думаю, чтоб он накуралесил дома, так как уже дело кончено и они разъехались; притом брат Николай, человек рассудительный, помешает [4]. Я попросил Колбасиных известить меня об его приезде [5].

Мне тоже не хочется много писать, так как я скоро тебя увижу; я тебе напишу записку в день отъезда моего в Лондон; жди меня там с первым пароходом.

Прощай — кланяюсь твоей сестре [6], обнимаю тебя.

Твой
Ив. Тургенев.

624. Д. Я. и Е. Я. КОЛБАСИНЫМ
27 июля (8 августа) 1857. Булонь

Булонь.
27-го июля / 8-го августа 1857.

Д⟨митрий⟩ Я⟨ковлевич⟩ и Е⟨лисей⟩ Я⟨ковлевич⟩!

Вероятно, вы уже имели надлежащие обо мне сведения, любезные друзья мои, сперва от Некрасова, потом от Дружинина [1], а потому много я о себе теперь распространяться не стану; считаю только нужным вас предуведомить (причем я рассчитываю, что вы уже вернулись из своей малороссийской поездки) [2], что я нахожусь теперь в Булони, беру здесь морские ванны и пробуду здесь еще 10 дней, потом отправлюсь в имение г-жи Виардо, где останусь 6 недель, ни одним днем не более, а там перпендикулярно отправлюсь в Петербург, куда я, если бог продлит веку, прибуду в первых числах октября [3]. Я уже через Дружинина просил вас отыскать мне квартеру с 15-го октября, вроде степановской [4], только *теплую* — это главное условие; ничего, если окнами на двор или несколько высоко, но я хотел бы, чтоб она находилась не в дальнем расстоянии от Невского, цена рублей в 450. Квартера, в которой жил Некрасов, в Конюшенной, мне чрезвычайно нравилась — вот бы такую! Пожалуйста, напишите мне в Париж, poste

restante, об этой квартере, о Захаре и т. д., а также о том, приехал ли Толстой в [a] Петербург [5]. Я его на днях туда отправил из Бадена — и он, по моему расчету, должен завтра сесть на пароход в Штеттине [6]. Он возвращается в Россию, вследствие того, что его сестра разъехалась с своим мужем, толстым и гнусным самоедом [7]. Но я бы очень желал знать об его проезде через Петербург, а потому прошу вас немедленно, по получении этого письма, написать мне. Итак, до скорого свидания, будьте здоровы и благополучны.

Искренно вас любящий
Ив. Тургенев.

P. S. С этой же почтой я отправляю через вас письмо к графине Ламберт [8]; вам легко будет узнать ее адресс: муж ее генерал свиты государя; они живут в собственном доме на Сергиевской или на Фурштатской. Передайте это письмо немедля.

625. А. А. ТРУБЕЦКОЙ

29 июля (10 августа) 1857. Булонь

Boulogne-sur-Mer.
10 août 1857.

Il y a bien longtemps que j'aurais dû répondre à votre aimable lettre, chère et bonne princesse [1] — mais... mais je ne l'ai pas fait, je me reconnais coupable et vous demande pardon. Je suis ici depuis une semaine; j'ai quitté Sinzig, dont les eaux me faisaient plus de mal que de bien et me voici prenant des bains de mer. Je ne m'attends pas à ce qu'ils me fassent beaucoup de bien — je les prends par acquit de conscience.

Je ne suis pas venu directement de Sinzig à Boulogne; je suis allé à Bade pour y voir Tolstoï qui, ayant perdu tout son argent à la roulette, y était resté comme un poisson sur le sable; je le remis à flot grâce à l'obligeance d'un ami [2] — et je le fis partir pour la Russie. A l'heure qu'il est, il doit être déjà à Pétersbourg. Le jour même de mon arrivée à Bade, il avait reçu une lettre qui l'informait d'un grave événement survenu dans sa famille. Sa sœur [3] s'est vue obligée de quitter son mari [4] et de se réfugier chez son frère [5] (pas celui que vous avez vu à Paris [6], mais un autre, très excellent et très raisonnable garçon). Ce résultat ne m'a pas étonné — il y a longtemps qu'en bonne logique il

[a] *Далее зачеркнуто*: Париж

aurait dû se produire — le mari de la sœur de T⟨olstoï⟩ est une espèce de Henri VIII campagnard — il lui ressemble même de figure — il est très gros — a des maîtresses et des enfants naturels par dizaines.

Ce qui a fait éclater le scandale — ça a été une querelle entre deux favorites, dont l'une est allée montrer à la femme des lettres, où le mari fait toutes sortes de plans et de promesses dans le cas de la mort de la pauvre comtesse, etc., etc. Nous parlions de chemins battus [7] — il paraît qu'il y a des casse-cous et des fondrières dans ces chemins-là, comme dans les autres. Tout ceci a décidé T⟨olstoï⟩ de partir sur-le-champ; il peut être utile à sa sœur. Cette pauvre femme était née pour la vie conjugale la plus calme; le coup qui vient de la jeter hors de sa sphère naturelle lui sera doublement cruel. Au fond, je crois que c'est un bonheur pour elle — si elle y survit; elle dépérissait avec son mari, mais ce choc peut la tuer. (Elle a trois enfants qui sont avec elle.) Tolstoï a promis de m'écrire à Paris, poste restante [8].

Je compte rester ici encore une dizaine de jours; je ferai une petite excursion d'un jour à Londres — et je serai à Paris avant le 25 de ce mois. Viardot et moi, nous comptons profiter de l'invitation du prince, et venir chasser à Bellefontaine. Il n'est pas impossible que j'aille vous voir avant de me rendre au château de Mme Viardot [9].

Vous seriez bien bonne de m'écrire deux mots à Boulogne, Hôtel du Pavillon Impérial n° 62. Le p⟨rin⟩ce Orloff [10] m'avait annoncé son intention d'aller vous faire une visite — l'a-t-il effectuée? Quel est le jour de l'ouverture de la chasse dans votre département?

Il est possible que je ne reste ici qu'une semaine. Dans ce cas, je retournerai en France par Dieppe où je passerai 5 à 6 jours avec un de mes amis, Mr Botkine [11]. Comme je tiens fort à ce que votre lettre ne se perde pas, vous feriez bien de m'écrire à Paris, poste restante, à moins que vous ne poussiez la complaisance jusqu'à me répondre immédiatement. Mais cela serait trop de bonté, en vérité!

Je me rappelle au bon souvenir de tout votre monde — et vous prie de me continuer votre amitié. Donnez-moi des nouvelles du prince et dites mille choses affectueuses de ma part à Mlle votre fille [12].

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

626. В. П. БОТКИНУ
4 (16) августа 1857. Булонь

Булонь.
16 августа 1857.

Какое мое горе, милый друг Василий Петрович. Я не могу приехать к тебе в Диепп! Слушай причину. Здешний доктор, сообразив мой казус, предложил мне попробовать действие электричества на больное место: я согласился, потому что я дошел до той степени и безнадежности, и отчаяния, что я готов всё перепробовать, нисколько не веря ни во что; он начал меня электризировать дней 6 тому назад — и результат до сих пор довольно замечательный. Но он требует, чтобы я проделал это лечение 2 недели — и я согласился, отказавшись от поездки в Англию, — а главное от поездки в Диепп и свидания с тобою там. Я остаюсь здесь до 25-го — а 25-го я еду на 3 недели в деревню г-жи Виардо, где уж моя дочка ждет меня; и потому мне трудно будет заехать в Диепп [1]. Но ты, вероятно, из Диеппа поедешь на Париж; тебе стоит написать мне слово накануне au château de Courtavenel, près de Rozoy-en-Brie (Seine-et-Marne) — и я тотчас же являюсь на свидание с тобою в Париж. Очень мне досадно, что я не увижу тебя в Диеппе; но теряю в этом собственно один я; что касается до тебя, то уверяю тебя, je ne suis plus bon ni à voir, ni à entendre; je ne suis plus que de la merde, человек, который с утра до вечера зубами скрыпит от боли и досады, а по вечерам головою в стену колотит — не человек и не достоин человеческого общества; — от меня несет трупом, и я сам себе опротивел до последней степени. Довольно об этом!

Пришли мне весточку о том, как на тебя действуют воды; поклонись дружески твоей сестре и Фету, если он приехал [2]; а думая обо мне, думай как о мертвом, который тебя любил и всё еще любит, насколько это возможно трупу.

Твой
Ив. Тургенев [3].

627. В. П. БОТКИНУ
6 (18) августа 1857. Булонь

Булонь.
$\frac{18\text{-го}}{6}$ августа 1857.

Милый друг В⟨асилий⟩ П⟨етрович⟩, теплое твое письмо [1] согрело меня, даром что я *труп*. Благодарю искренно за участие и немедленно отвечаю.

Вот в кратких словах моя болезнь: у меня происходит мучительный нервический дом (похожий на зубную боль) ⟨- - -⟩. Начинается он в 7 часов утра и продолжается иногда без перемежки до 1 часу ночи. Сверх того, так как эта невралгия выбрала скверное место, у меня сделалось расслабление ⟨- - -⟩[а] . Особенно сокрушает меня то, что прежде болезнь моя исчезала или[б] заметно ослабевала, как только я выезжал из Парижа; теперь же перемена места никакого облегчения не производит — и я мучусь в Булони, как мучился в Зинциге.

Приезжать тебе сюда было бы неблагоразумно; надо ехать через Париж, а я вследствие полученного письма [2] выезжаю отсюда не 25-го, а в пятницу, 21. И потому вот что я тебе предлагаю: приезжай налегке с маленьким sac de voyage в пятницу в Париж; я буду в Париже непременно в пятницу в $10^1/_2$ ч. вечера.

(Я выезжаю сегодня в $^1/_2$ 5-го.) [3] Остановись в Rue de l'Arcade, № 11. Hôtel garni (это возле Мадлены) и вручи привратнику Эрнесту прилагаемую записку [4]; если ты приедешь раньше меня (я не знаю, когда выезжает поезд из Диеппа) — жди меня. Мы проведем сутки вместе, наговоримся, и ты уедешь обратно, а я поеду в Куртавнель. Проезжая через Париж, дай мне знать: я опять к тебе выеду. Это самое рациональное!

И потому обнимаю тебя заочно, говорю до свидания и остаюсь

любящий тебя
Ив. Тургенев.

628. Н. А. НЕКРАСОВУ

12 (24) августа 1857. Куртавнель

Куртавнель.
24/12-го авг. 1857.

Я здесь со вчерашнего дня, любезный друг, а из Булони (где я купался в море) выехал дня три тому назад и провел полтора дня в Париже с Боткиным и Фетом. В Париже я нашел твои два (или три) письма и спешу тебе отвечать [1].— Прежде всего скажу тебе, что мое письмо напрасно тебя огорчило [2]; я никогда не думал подозревать тебя — а приписал всё это недоразумение [3] (которое, признаюсь, меня несколько взволновало) — твоей небрежности; это

[а] *Выпущены подробности медицинского характера.*
[б] *Далее зачеркнуто*: сильно

же самое меня заставило написать дяде [4] о высылке тебе [а] должных мною денег; где эти проклятые счеты заведутся, рано или поздно заводятся также недоразумения; а я не хочу, чтобы они были между нами. Уверяю тебя, что эта, как ты говоришь, «история» не произвела на меня никакого действия; я так же люблю тебя, как любил прежде — стало быть, и думать об этом больше не стоит [б]

. . . . [5]

. . . .

Перейдем к другим вопросам.

Ты видишь, что я здесь — т. е. что я сделал именно ту глупость, от которой ты предостерегал меня... Но поступить иначе было невозможно. Впрочем, результатом этой глупости будет, вероятно, то, что я раньше приеду в Петербург, чем предполагал. Нет, уж точно: «Этак жить нельзя». Полно сидеть на краюшке чужого гнезда. Своего нет — ну и не надо никакого [6].

Ружье твое готово и находится у меня. Славное ружье!

Свадьба Фета совершается 2 сентября — и я обещал быть у него шафером. Он ужасно весел, болтлив и счастлив. Дай бог ему счастья! Он добрый, он его заслуживает. С Боткиным мы провели несколько часов в самой дружеской беседе. Он очень расклеился, вступая окончательно в старческий возраст; но бодр духом; чувствует себя в идеальном настроении и т. д. [в] . . . .

. . . .

Фет порадовал меня рассказами о тебе. По его словам, ты молодец и не унываешь. Это хорошо.— Повесть я свою в Булони подвинул сильно [7], и теперь бы мне два, три утра безболезненных — и я примусь за переписку. Ужасно хочется сделать что-нибудь для бедного «Современника» — а то, право, на нас все будут пальцами указывать [8]. Но если болезнь бросит меня по возвращении в Петербург — вот когда я примусь работать! Ты увидишь! Боже мой, как мне хочется поскорее в Россию! Довольно, довольно, полно!

До скорого свидания, милый друг. Повторяю тебе— не сомневайся во мне, как я в тебе не сомневаюсь. Ну, а иногда друг на друга посетовать можно — с кем это не

[а] *Далее зачеркнуто*: нуж‹ных›

[б] *Далее нижняя часть листа оторвана. На обороте сохранилось зачеркнутое окончание вырванного абзаца*: перед тобою неправ.

[в] *Далее зачеркнуто*: Его очень тревожил слух‹...› на него за отзыв о твоей (*нижняя часть листа оторвана).*

случается. Кланяюсь всем друзьям-приятелям — а тебя обнимаю.

Ив. Тургенев.

P. S. Адресс мой: au château de Courtavenel, près de Rozoy-en-Brie — Seine-et-Marne. Подтверди братьям Колбасиным то, что я просил Дружинина передать им — а именно, что я непременно желаю иметь квартиру *с 15-го октября — т е п л у ю*[9].

629. А. А. ТРУБЕЦКОЙ[1]

12 (24) августа 1857. Куртавнель

...⟨Viardot⟩ demande en même temps s'il pouvait venir en redingote — (son habit étant resté à Paris) — j'ai cru pouvoir lui dire que sa redingote ne vous effaroucherait pas.— Nous voici donc attendant un mot de vous; — seulement, nous ne pourrions pas venir le 1, le 2 ou le 3 septembre — car Feth (le poète) se marie le 2 à Paris et je suis son garçon de noce[2].

Voici mon adresse: au château de Courtavenel, près de Rozoy-en-Brie, Seine-et-Marne.

Je dis mille choses à tous les vôtres et vous prie de croire à mon entier dévouement.

J. Tourguéneff.

630. Л. Н. ТОЛСТОМУ

14 (26) августа 1857. Куртавнель

Куртавнель.
26-го августа 1857.

Я получил Ваше письмо из Дрездена, любезный Толстой, и от Фета, недавно приехавшего в Париж, узнал, что Вы проехали через Петербург и, вероятно, уже давно находитесь в деревне[1]. Я очень был бы Вам благодарен, если б Вы написали мне слова два о том, как Вы нашли Вашу сестру, как живете теперь, как ее здоровье и Ваше, как Вы свиделись с Николаем Николаевичем и т. д.— Я нахожусь пока в деревне у г-на Виардо, на днях еду в Париж для того, чтобы быть шафером на свадьбе Фета — а недели через три или четыре (никак не более) —возвращаюсь в Россию.— Фет сияет счастьем — дай бог ему продолжать так, как начал — и мне кажется, что у него есть *шансы* — его невеста, кажется, добра и, по крайней мере, не будет

его мучить [2].— С Боткиным я провел целый день в Париже; нашел его очень постаревшим, но исполненным тишины, идеализма и кротости. Он очень Вас любит и интересуется всем, что касается до Вас и до Вашего семейства. Я убежден, что Ваши мечтания о хорошем житье вместе с сестрой и братьями сбылись и сбываются; Вы знаете мое мнение о теперешнем положении Марии Николаевны — я уверен, что она отдохнет и успокоится. Скажите ей, что я часто думаю о ней и что, если бы желания могли осуществляться, она была бы совершенно счастлива. Спросите ее, получила ли она мое письмо, посланное из Зинцига [3].

Если Вы не замедлите ответом, то Ваше письмо меня застанет еще здесь. Впрочем, адресуйте лучше в Париж, poste restante. Если Вы почувствуете себя в ударе, опишите мне Ваше житье.

Здоровье мое так себе... впрочем, что говорить обо мне?

Поклонитесь от меня М⟨арье⟩ Н⟨иколаевне⟩, Вашим братьям, особенно милейшему Н⟨иколаю⟩ Н⟨иколаевичу⟩.

Видели ли Вы «Современников» [4] в Петербурге?

До свидания в октябре.

Ваш
Ив. Тургенев.

631. ЛУИ ВИАРДО

15 (27) августа 1857. Бельфонтен

Le 27 août 57, jeudi.
Bellefontaine [1].

Mon cher ami,

Je suis arrivé ici à 11 $^1/_2$ h., après une très facile *traversée*, et j'ai trouvé le prince arrivé de Russie de la veille [2]. Il compte faire l'ouverture de la chasse le 4 septembre et il nous engage dès le 3 pour trois ou quatre jours. Il paraît qu'il y a immensément de gibier (j'ai parlé à son garde): perdrix, lièvres, lapins, faisans, chevreuils. Il faudra, d'après ce qu'il dit, détruire 3 à 400 lièvres,— les voisins se plaignant beaucoup; le reste à l'avenant. On m'a préparé deux chiens, que je vais essayer, et j'espère en acheter un. Voici donc comment s'arrangera l'affaire: je reviendrai à Courtavenel le 29 ou le 30; et le 3, nous partirons ensemble. On arrive à Melun à 10 h. et le chemin de fer repart à 10 h $^1/_2$. C'est très commode.

Mille choses à tout le monde et à revoir.

J. Tourguéneff.

632. М. Н. ТОЛСТОЙ

Середина августа ст. ст. 1857. Куртавнель

Милая графиня, я недавно (не более десяти дней тому назад) получил письмо Ваше, писанное 25-го июля. Прежде всего благодарю Вас за то, что Вы, в тогдашнем Вашем положении, вздумали — или нет — подумали написать мне. Вы недаром полагаетесь на мою дружбу; действительно — я останусь Вашим другом, пока буду жив.— Вы уже теперь, вероятно, давно свиделись с Вашим братом Львом [1]; он Вам всё рассказал и сообщил; признаюсь, я не без зависти думаю о Вашем житье-бытье вместе — и милый Николай Николаич мне так и видится с своей трубкой, шахматами, неизменным хладнокровием и ласковым взглядом. Надеюсь провести несколько дней в Вашем кружке в Москве зимой. Меня особенно порадовала в Вашем письме спокойная твердость, с которою Вы взглянули на Ваше положение и на Ваше будущее. Это положение довольно затруднительно — но оно не *ложно* — это главное. Детки Ваши славные — с ними Вам больших хлопот не будет. Главное затруднение — будет ли прошедшее чисто и навсегда отрублено? Надобно постараться определить эти отношения теперь же — и раз навсегда. В этом случае я опять-таки больше всего надеюсь на Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаевича⟩ — Лев Ник⟨олаевич⟩ — поэт; он за всё берется слишком быстро и живо — и выдержки в нем до сих пор не было. Также надобно позаботиться хорошенько о Вашем здоровье.

Жизнь на берегу Снежеди [2] с ее смеющейся (извините выражение) пошлостью и глухонемыми скорбями не могла не разрушать Вас понемногу; всё это надобно сбросить— навсегда.

Я надеюсь увидеть Вас скоро — а именно за несколько дней до Тульских выборов, на которых я непременно буду присутствовать. Если я застану Л⟨ьва⟩ Н⟨иколаевича⟩ в Петербурге, то я увезу его с собою.

О себе больше говорить не буду; до сих пор мне было худо — но, может быть, еще не всё для меня кончено, хотя я всё это время [a]

---

[a] *Окончание письма утрачено.*

633. В. П. БОТКИНУ

21 августа (2 сентября) 1857. Куртавнель

Куртавнель.
2-го сентября 1857.

Любезный друг Боткин и прочие добрые друзья! [1] Прежде всего всем вам привет и пожелания всего хорошего.— Не могу еще назначить с точностью дня, когда я отсюда выеду в Париж — но долго это не продолжится — никак не позже будущей недели в четверг. Однако, так как тебе деньги могут понадобиться, высылаю тебе теперь же une traite от Виардо на его банкира в 300 франков с моею благодарностью.— Всех я вас обнимаю и кланяюсь; а Гончарову повторяю — что его «Обломов» вещь отличная — но требует необходимых сокращений, тем более что этот ряд диалогов и без того несколько может утомить [2].— Остальные переговоры и т. д. до личного свиданья.

Ваш
Ив. Тургенев.

634. ЭДУАРДУ ДАНТЮ

29 августа (10 сентября) 1857. Париж

Monsieur,

J'avais dit hier à votre commis que je viendrai à Paris demain à 10 h. du matin — mais je crains que cela ne me soit impossible. J'ai écrit en conséquence à Delaveau qu'il vienne chez moi le *dimanche* et nous nous rendrons chez vous. Vous n'y serez pas, mais vous pouvez laisser vos instructions à votre commis, auquel je remettrai les 600 fr. que je vous dois. Il m'a promis de tenir les dernières épreuves prêtes. Nous en ferons la révision séance tenante — et le livre pourra paraître dès que vous le jugerez convenable. [1]

Agréez l'assurance de mes sentiments distingués.

J. Tourguéneff.

Paris.
Ce 10 sept., vendredi.

635. В. П. БОТКИНУ

8 (20) сентября 1857. Куртавнель

Куртавнель.
20-го сентяб. 1857.
Воскресенье.

Вообрази себе, милый друг, что эта ничтожная ранка в ноге до сих пор не дает мне ходить! Я попал в мускул и проколол его — он и разболелся. Доктор уверяет, что дня

через 3, 4 я буду совсем здоров — но до сих пор я сижу на диване, и о поездке в Париж и думать нечего. Это очень досадно: во-1-х, я Иванова не увижу [1], а во-2-х и в главных — я с тобой, пожалуй, не прощусь [2]. Мне это ужасно неприятно — но делать нечего.

Я от Некрасова получил письмо из Петербурга [3]. Он, кажется, бодр, ездит на охоту и т. д. Если ты не уедешь до середы, то я еще не теряю надежды увидать тебя.— Напиши мне два слова перед отъездом. Во всяком случае, обнимаю тебя и желаю всяких благ.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Видел ты Тургеневых [4] и получил свои 100 фр.? Передай им мое горестное положение.

636. Н. А. НЕКРАСОВУ

9 (21) сентября 1857. Куртавнель

Куртавнель.
9/21-го сентября 1857.

Милый Некрасов, пишу тебе два слова в ответ на твое коротенькое письмо [1]. Я очень рад, что, по-видимому, ты здоров, бодр и на охоту ходишь. Через месяц назначаю тебе свидание у тебя на квартире и наперед заказываю индейку с рисом, которую сам разрезывать буду.— Ты, вероятно, часто видишь Колбасиных: узнай, приискали ли они мне квартиру — такую, какую бы мне хотелось. Я уже писал дяде [2], чтобы он к 5-му октябрю выслал Колбасиным для меня 1000 руб. сереб. Ты видишь, что если я не умру, я непременно буду в Петербурге через месяц.

С тех пор, как я тебе писал, ничего не произошло замечательного. О свадьбе Фета я тебе уже, кажется, писал [3]; притом он сегодня уже должен быть в Петербурге.— Гончаров прочел нам с Боткиным своего оконченного «Обломова»; есть длинноты, но вещь *капитальная* — и весьма было бы хорошо, если б можно было приобрести ее для «Современника» — тем более что его сделка с «Русским вестником» расклеилась [4]. Он уехал в Дрезден — и мы, может быть, вместе вернемся через Варшаву; если же он приедет раньше меня, не упускай его из виду; а я уж запустил несколько слов; — всё дело будет в деньгах.

Надеюсь привезти мою повесть оконченною [5]; здоровье мое поправилось, т. е., говоря точнее, болезнь временно притихла.

Лишь бы выкарабкаться на берег, а там еще, быть может, ноги послужат. Поцелуй за меня Анненкова — и скажи ему, что я непременно рассчитываю на его пребывание нынешней зимой в Петербурге. О. А. Тургенева здесь — т. е. в Париже. Я ее видел мельком. Я видел также Орлова, который велит тебе кланяться. Вообрази, он много стихов твоих знает наизусть.

Итак, до свиданья — будь здоров, это главное — авось мы еще не утонем.

Твой

Ив. Тургенев.

637. Е. Я. и Д. Я. КОЛБАСИНЫМ, Н. А. НЕКРАСОВУ и П. В. АННЕНКОВУ

16 (28) сентября 1857. Куртавнель

Куртавнель.

28/16-го сентября 1857.

Любезные и добрые мои петербургские друзья!

Письмо мое вас удивит, я это знаю — но делать нечего. Знайте же: вместо того чтобы возвратиться в Россию — я с Боткиным еду в Рим, где провожу зиму — и только на весну вернусь на родину. Причины, побудившие меня к такой внезапной перемене моих намерений, следующие: 1) Соблазнительная мысль провести зиму в Италии, а именно в Риме, прежде чем стукнуло мне 40 лет и я превратился в гриб [1]. 2) Надежда, почти несомненная, хорошенько поработать. В Риме нельзя не работать — и часто работа бывает удачна. 3) Боязнь возвратиться в Петербург прямо к зиме. 4) Наконец, представившийся случай сделать это путешествие вдвоем с Боткиным [2]. А потому не сердитесь на меня и не забывайте, что мне будет там хорошо, коли бог даст.— Ты, милый Некрасов, также не сердись. Если, как я надеюсь, я буду работать в Риме, то это для «Современника» будет полезнее моего присутствия — и я оттуда буду высылать тебе всё, что сделано, начиная с повести (заглавие ей «Ася»),— которую ты напечатаешь до нового года, за это ручаюсь тебе [3].

Ты сам знаешь Рим, и знаешь, что если там не работать, то уже нигде работать невозможно. Уверяю тебя, я жажду уединения и работы. Вышло совсем напротив того, что мы думали: ты в Петербурге, а я в Риме. Но, ей-богу, я этого пять дней тому назад и во сне не видал [4]. Обращаюсь к Вам теперь, милый Колбасин: — оказывается, что квартера не нужна; но так как Вы, вероятно, уже наняли кварте-

ру, то либо уступите задаток, либо постарайтесь сдать ее. Денег Вы должны были получить от дяди 1000 руб. сереб. Вы из этих денег возьмите, что будет нужно, но самое по возможности большее количество вышлите мне в Рим, poste restante. Также прошу *непременно* распорядиться высылкою туда «Современника» и «Русского вестника», начиная с сентября нынешнего года. Нужные на это деньги возьмите из этих 1000; но постарайтесь выслать мне сколь возможно больше. Я отсюда выезжаю 15-го окт. нов. ст. и, вероятно, через месяц уже буду совсем установлен в Риме. Как только я приеду туда, я Вам вышлю свой адресс. Но повторяю *убедительную* свою просьбу насчет журналов.

Обращаюсь к Вам теперь, Annenkovius venerabilis! И обращаюсь с предложением странным, но естественным: приезжайте к нам в Рим! Как мы заживем! — О. А. Тургенева, которую я видел в Париже, мне сказала, что Вы без того собирались в Рим — вот случай! Это предложение исполнено эгоизма и не понравится петербургским Вашим друзьям — но уж так люди устроены.

Припадаю к стопам Писемского, Гончарова и всех других друзей, которых я так желал бы видеть и которых не увижу зимой. Пусть они простят меня великодушно! [5]

Я пишу также дяде. Что касается до Степана, то его можно оставить в покое [6]. А Захара я прошу подождать меня до весны, на том же положении; я непременно желаю не расставаться с ним,— скажите ему, что он потерпел год, может потерпеть еще полгода [7].

Перед отъездом из Парижа напишу вам еще — а теперь желаю вам обоим всяких возможных благ.

Не пеняйте и вы на меня. Обнимаю вас всех, жду писем, денег и журналов и остаюсь

ваш

Ив. Тургенев.

638. Н. А. НЕКРАСОВУ

20 сентября (2 октября) 1857. Куртавнель

Куртавнель.

$\frac{\text{20-го сентября}}{\text{2-го октября}}$ 1857.

Милый Некрасов.

Несколько дней тому назад я написал Колбасиным письмо, в котором было несколько строк на твое имя [1]. Ты уже узнал из него перемену моих намерений и поездку

мою с Боткиным в Рим, где я проведу зиму. Тебя это, может быть, удивило, может быть, даже немного рассердило [2]; но уверяю тебя, что этак будет лучше. Кроме того что я в Риме буду иметь то уединение, которое теперь мне необходимо (и которое было бы мне невозможно в Петербурге, куда я попал бы, словно в омут) — я только там надеюсь поработать и сделать что-нибудь порядочное. Если я действительно что-нибудь сделаю, то в Риме я могу быть полезнее «Современнику», чем в Петербурге. Я повторяю тебе почти то же, что я писал тебе в письме к Колбасиным, но я хотел бы, чтобы ты проникся этой мыслью и убедился бы в ее справедливости [3].— Я выезжаю отсюда через 10 дней с Боткиным — из Рима напишу тебе тотчас.—Я просил Колбасиных о высылке мне «Современника» и «Русс⟨кого⟩ вестника»; позаботься также об этом с своей стороны.

За сим прощай, обнимаю тебя, кланяюсь всем друзьям и остаюсь

твой
Ив. Тургенев.

639. В. П. БОТКИНУ

21 сентября (3 октября) 1857. Куртавнель

Куртавнель.
3-го октября 1857.

Милейший Василий Петрович, отвечаю тебе несколько слов на твое письмо [1]. Прежде всего, будь уверен, что, кроме смерти, в которой господь бог волен, ничего не может помешать исполнению моего намерения [2].— Объявляю также тебе, что я готов ночевать в Лионе, ибо сам уже не нахожусь в тех годах, чтобы скакать сломя голову — и очень рад буду иметь общую квартеру и общий стол, с отдельными комнатами для работы. И потому пиши Иванову и сам сбирайся; а мне не для чего быть в Париже (где у меня всегда пузырь болит) раньше 12-го; в 3 дня я всё сделаю, что нужно — да и делать почти нечего. Впрочем, я буду в Париже на будущей неделе в четверг (т. е. 8 числа) и переговорю с тобой. А потому — до свиданья — vale et me ama.

Твой
Ив. Тургенев.

640. П. В. АННЕНКОВУ

23 сентября (5 октября) 1857. Куртавнель

Куртавнель. 5 октяб. (23 сент.) 1857.

Милый А⟨нненков⟩. На днях я получил письмо от Некрасова с приложением циркуляра на издание альманаха для семейства Белинского, но так как я недавно писал ему, то я предпочитаю поговорить с вами. Прежде всего — скажите Некрасову, что я обещаю ему две статьи — повесть или рассказ и воспоминания о Б⟨елинско⟩м. Я глазам не верю — неужели позволили наконец альманах с именем Белинского на заглавпом листе и с отзывами о нем! [1] Как бы то ни было — я с восторгом впрягаюсь в эту карету и буду везти из всех сил.

Что же касается до моего внезапного путешествия в Рим, то, поразмыслив хорошенько дело, вы, я надеюсь, убедитесь сами, что для меня после всех моих треволнений и мук душевных, после ужасной зимы в Париже — тихая, исполненная спокойной работы зима в Риме, среди этой величественной и умиряющей обстановки, просто душеспасительна. В Петербурге мне было бы хорошо со всеми вами, друзья мои — но о работе нечего было бы думать; а мне теперь, после такого долгого бездействия, предстоит либо бросить мою литературу совсем и окончательно, либо попытаться: нельзя ли еще раз возродиться духом? Я сперва изумился предложению (В. П. Боткина), потом ухватился за него с жадностью, а теперь я и во сне каждую ночь вижу себя в Риме. Скажу без обиняков: для совершенного моего удовлетворения нужно было бы ваше присутствие в Риме; мне кажется, тогда ничего не оставалось бы желать... Вы, сколько я помню, собирались ехать в Рим; что бы вам именно теперь исполнить это намерение? Право, подумайте-ка об этом. Славно бы мы пожили вместе! Если вы не приедете, я буду часто писать вам и Некрасову. Я надеюсь, что болезнь моя не схватит опять меня за шиворот; в таком случае я, разумеется, буду молчать, но я надеюсь, что она не придет снова. Прощайте, друг мой П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Пришлите мне 7-й том Пушкина [2] в Рим. Обнимаю вас!

641. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

29 сентября (11 октября) 1857. Куртавнель

Courtavenel,
dimanche 11 octobre.

Ma chère Paulinette, je ne m'en vais d'ici que mardi [1] — ainsi ne m'attends pas demain. Mardi à midi je viendrai te voir et nous arrangerons pour passer la journée de mercredi ensemble.

Je t'embrasse.

Ton père
J. Tourguéneff.

642. С. П. ГАЛАХОВОЙ

3 (15) октября 1857. Париж

Пишу Вам эти немногие строки для того только, чтобы извиниться в том, что я не простился с Вами — все эти дни собирался быть у Вас и разные поездки и т. д. мне мешали. Надеюсь, что я буду счастливее в Петербурге — и что мы будем часто видеться зимою [1].— Кланяюсь Вашему мужу, всему Вашему семейству и крепко жму Вам руку — прошу не поминать лихом.

Преданный Вам
Четверг. Ив. Тургенев.

P. S. Завтра в 7 часов уезжаю я в Рим.

643. В. П. БОТКИНУ

4 (16) октября 1857. Париж

Милый Боткин!

Кормил до усов, корми до бороды. Будь так добр, согласись остаться до завтра. Новая явилась причина, которую я тебе сообщу. Я предлагаю тебе взамен сегодня после завтрака в Café du Helder (куда я приду в 1/2 12-го) отправиться вместе в Лувр [1]; мы с тобой никогда там вместе не были.— Завтра едем непременно. Очень тебе буду обязан, если ты согласишься.

Твой
Ив. Тургенев.

На обороте:

Monsieur Wassily Botkine.
Rue du Helder, № 16,
Hôtel du Brésil.

644. ЛУИ ВИАРДО

4 (16) октября 1857. Париж

Paris.
Ce 16 octobre 57.

Mon cher ami,

Notre voyage est retardé d'un jour, c'est demain que nous partons [1]. J'ai vu Templier [2], je lui ai parlé de notre traduction [3]. Il dit qu'il ne pourrait pas la faire paraître avant celle de Marmier, qui sera un peu retardée par l'envoi des épreuves à Rome [4].

Il y a dans le «Journal des Débats» un grand article de M. Ratisbonne sur Manin, très bien fait [5].

Voici les quelques lignes que je vous propose d'ajouter à la fin des «Grands Bois»[6]:

«— Allons donc, Yégor», s'écria Kondrat, qui, pendant ce temps, s'était installé sur le[а] devant de la téléga, «viens t'asseoir à côté de moi, A quoi rêves-tu? Est-ce à ta vache?»

«— A, sa vache!», répétais-je en levant les yeux sur le grave et placide visage d'Yégor. Il semblait rêver en effet et regardait au loin dans la campagne qui commençait à s'assombrir déjà.

«— Oui», continua Kondrat, «il a perdu sa dernière vache cette nuit. Il n'a pas de chance, il faut l'avouer».

« Yégor s'assit sans mot dire dans la téléga, et nous partîmes... Il savait ne pas se plaindre, lui ».

Quant aux «3 Rencontres», je vais tâcher de vous l'envoyer de Rome. Mais le volume est déjà assez rempli comme cela, et vous pouvez le considérer comme terminé, dès à présent [7].

Mille amitiés à tout Courtavenel. Je vous serre cordialement la main[б].

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

P. S.— Si vous mettez le «Rossignol», effacez la phrase: «Dieu qui lui a donné la voix, lui a ôté l'esprit» [8].

645. ПОЛИНЕ ВИАРДО

9 (21) октября 1857. Ницца

Nice.
Mercredi 21 octobre 57.

Chère Madame Viardot, mon compagnon de voyage et moi, nous avons mis hier soir le pied sur la terre d'Italie [1].

[а] *Далее зачеркнуто*: siège de [б] *Далее зачеркнуто*: et vous

Elle ne nous a reçus qu'en rechignant, car il fait un temps détestable depuis deux jours, il pleut, il vente, il fait froid. Nous avons quitté Paris samedi et nous avons couché trois fois en route : à Lyon, à Marseille et à Draguignan. (N. B. Que Marseille est donc insipide!!) Le pays entre Draguignan et Nice est charmant — on traverse une partie des Alpes Maritimes, des points de vue délicieux s'offrent à chaque pas. Puis il est toujours si agréable, je dirais presque si émouvant de sentir qu'on approche de l'Italie... Une seule chose nous manquait, hélas! ... la jeunesse... Mais «tu piaules trop tard» [2]. Nice, autant qu'on peut en juger à travers le voile de la pluie, est une jolie ville; pourtant, les maisons y sont trop grandes. (N. B. Ce matin, j'en ai vu s'écrouler une qu'on était en train de bâtir; heureusement, personne n'a été blessé.) Le contraste des proportions gigantesques de ces maisons et du vide des rues leur donne un air ennuyé et avide à la fois; on voit qu'elles attendent, bouche béante, les voyageurs. Mais la végétation est splendide. Des palmiers, des orangers, des magnolias, puis toutes sortes d'arbres exotiques et étranges paraissant parfaitement à leur aise et at home... Je ne parle plus des oliviers énormes, des pins à parasol, etc., etc. Demain nous repartrons pour Gênes, il y a encore fort peu de monde ici, et puis il me tarde de me trouver à Rome, dans mon coin devant ma table à travail.

Je m'imagine que vous devez être encore à Courtavenel, et cependant je vous adresse cette lettre rue de Douai, car avant qu'elle arrive, je crois que vous serez déjà à Paris. J'ai passé toute une journée avec Pauline — nous sommes allés aux Italiens ensemble. Elle a un très bon cœur, la fillette, et je pense souvent à elle avec beaucoup d'affection.

Vous ne m'avez pas envoyé votre romance [3]! Enfin, j'espère que vous aurez la bonté de me l'envoyer à Rome. Je serais si heureux de trouver à mon arrivée une lettre de vous à la poste restante.

Ecrivez-moi si vous avez l'intention de rester à Paris jusqu'au Nouvel An. Le roi de Prusse allant mieux, il est probable que vous ferez le voyage de Berlin [4].

Je vous écrirai de Florence. Je verrai demain la célèbre «Corniche» [5], malheureusement, la pluie n'a pas du tout l'air de vouloir cesser. Enfin, je vous dirai ce que j'aurai vu.

Garibaldi se présente à Nice pour la députation [6]; si j'étais Italien, il aurait ma voix, bien sûr. J'ai toujours eu beaucoup de sympathie pour lui.

Adieu, theuerste Freundinn; soyez heureuse et bien portante. Mille choses à Viardot et à tous les vôtres. Je vous embrasse tendrement les mains et suis

votre
J. Tourguéneff.

646. ПОЛИНЕ ВИАРДО
15 (27) октября 1857. Генуя

Gênes,
le 27 octobre 57.
Mardi.

Je vous écris deux mots d'ici, chère Madame Viardot — une heure avant de m'embarquer pour Livourne et Cività Vecchia.— Il y a quatre jours que nous [1] sommes ici — c'est trois jours de plus qu'il ne faudrait rester à Gênes — une malle oubliée par le conducteur à mi-chemin nous a retardés — puis, le bateau à vapeur a manqué — enfin, nous partons aujourd'hui, et si Dios quiere, après-demain soir nous serons à Rome [2].— Nous avons eu du bonheur avec la *Corniche*, il a fait un temps radieux.— La Corniche est une vraie merveille — surtout la première moitié — on est suspendu entre le ciel et la mer — on roule à travers toutes sortes de parfums, de magnificences — c'est magique — vous sentez la beauté vous entrer à grands flots sereins par les yeux dans l'âme — on est tout inondé, tout submergé de beauté. Et puis imaginez-vous que nous avons vu pendant les deux jours de notre voyage sur la Corniche plus d'admirables visages de femme que dans des années entières partout ailleurs.— Quel sang généreux et quelle variété de types! — Une simple servante qui est venue nu-pieds reconduire un vieux bonhomme dans les environs de Savone nous a frappés comme étant la créature la plus ravissante que nous ayons jamais vue.—

Gênes est une très belle ville — mais les femmes y sont (quoique les *Guides* disent le contraire) *repoussantes*.— Tous les Gênois ont la tête grosse, les jambes de travers, les traits lourds et une tendance au goître — rien que cela! — Il y a de fort beaux palais et des rues immondes — (à propos, j'ai trouvé l'original du Ribera de Viardot [3] dans le palais Balbi; un portrait de Van Dyk — le marquis de Brignoles sur un grand cheval gris [4] — est «un portento»). La description de Gênes dans la «Daniella» de Mme Sand [5] est très fidèle.— Ne lisez pas — si vous avez l'intention de lire «Daniella» — le 2d volume; c'est si mauvais que

cela en devient triste; mais il y a de belles choses dans le 1-er volume, quoique le caractère de Daniella soit impossible ; mais j'ai déjà remarqué plus d'une fois que ce qui choque le moins les Français dans une œuvre d'art c'est l'absence de vérité.

Je suis allé trois fois au théâtre.— J'ai vu au «Carlo Felice» la «Linda» (avec le *joli* petit duo favori) [6] — et «L'Elisire» [7]. Une Mme Poggi remplissait les rôles de primadonna; elle a une voix de deux sous — mais elle chante agréablement et a du charme; les autres étaient des *cani*. — Le public était froid; mais il ne l'était malheuresement pas le troisième soir au théâtre Apollo! On y donnait un opéra bouffe d'un *maestro* de Giosa (Don Checco) [8].— Vous dire jusqu'à quel point c'était «wretched» — est impossible.— Du Verdi de la plus ignoble espèce [9], un fortissimo perpétuel, des hurlements unisono — et de la part du public des applaudissements forcenés! — Quelle dégoûtante bêtise! Le rôle de D⟨on⟩ Checco (une espèce de pauvre diable toujours transi et affamé) — était rempli par un jeune garçon du nom de Ciampi, qui ne manque pas de talent — mais qui va se tuer au métier qu'il fait.— Cette brutalité dans la décadence fait mal à voir — et pourtant, c'est la patrie de Rossini!

J'espère — (l'homme est ainsi fait!) trouver une lettre de vous à Rome — quel bonheur cela serait! — Je vous écrirai dès le lendemain de notre arrivée.— Il y a eu de grandes inondations dans le Piémont [10] — et nous avons vu pas mal de ponts renversés.— J'ai traversé une rivière sur le dos d'un homme, qui a manqué me jeter à l'eau.—

Adieu, theuerste Freundinn. Mille choses à Viardot et à tout votre monde. Embrassez Pauline de ma part et permettez-moi de vous baiser tendrement les mains.

Votre
J. Tourguéneff.

647. А. А. ИВАНОВУ
18 (30) октября 1857. Рим

Любезный Александр Андреевич,

Мы с Боткиным приехали сегодня в Рим, ходили в Вашу студию [1], не застали Вас и очень желали бы Вас видеть — приходите сегодня вечером в Hôtel d'Europe,

piazza di Spagna № комнаты 36. Вы бы очень нас обязали — мы никуда не выходим. До свидания.

Ваш

Пятница. Ив. Тургенев.

648. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

21 октября (2 ноября) 1857. Рим

Rome.
Ce 2 novembre 1857.

Chère Paulinette,

Il y a trois jours que je suis arrivé ici après un voyage fort peu fatigant et très agréable [1] — je suis descendu à l'Hôtel d' Angleterre, mais tu ferais mieux de m'écrire poste restante à Rome (Italie). Il fait très beau temps et l'on ne dirait pas qu'on est déjà en novembre. Les arbres ont encore à peu près toutes leurs feuilles. Je te prie de m'écrire aussitôt que tu auras reçu ma lettre et de me donner des nouvelles de Mme Viardot et de toute sa famille. J'espérais, à mon arrivée ici, trouver une lettre d'elle— mais il paraît que les absents ont tort [2]. Parle-moi de ta santé, de tes occupations — enfin dis-moi tout ce qui te passera par la tête, en ayant soin d'écrire lisiblement. Les journaux disent que Mlle Artôt est engagée pour l'Opéra — est-ce vrai? [3] Salue-la de ma part, si tu la vois. Comment va la santé de M. Scheffer? Mme Viardot va-t-elle à Londres? [4] Sur toutes ces questions réponds-moi avec prolixité — et vite.

J'écris aujourd'hui même à Mme Viardot.

Adieu, ma chère fillette — travaille bien.— Je t'aime beaucoup et t'embrasse de même.

Ton père
J. T.

649. П. В. АННЕНКОВУ

31 октября (12 ноября) 1857. Рим

Рим, 31 октяб. (12 нояб.) 1857.

Милый А⟨нненков⟩, ваше письмо меня очень обрадовало [1], и я надеюсь, что переписка наша оживится снова. Нам с вами надобно непременно, хотя изредка, писать друг к другу. Вот уже скоро две недели, как я в Риме; погода стоит чудесная; но болезнь моя опять принялась грызть меня. Это очень меня огорчает, потому что, если бы не эта мерзость, я бы работал. Я это чувствую, и даже, несмотря на болезнь, уже кое-что сделал. Не буду говорить вам о Риме — мало сказать не стоит, много — не-

возможно. Я знакомлюсь с ним помаленьку — спешить не для чего, ходил на вашу квартиру в Via Felice; но уже всё изменилось с тех пор, и хозяин другой — расспрашивать было некого. Постараюсь исполнить ваше желание и напишу для Корша письмо, то есть — два или три письма, не знаю, будет ли интересно [2]. «Современник» имеет право на меня сердиться; но, право же, я не виноват. Говорят, Некрасов опять стал играть... Вы воображаете, что мне «со всех сторон» пишут! [3] Никто мне не пишет. А потому давайте мне сведений как можно больше.

Познакомился я здесь с живописцем Ивановым и видел его картину [4]. По глубине мысли, по силе выражения, по правде и честной строгости исполнения вещь первоклассная. Недаром он положил в нее 25 лет своей жизни. Но есть и недостатки. Колорит вообще сух и резок, нет единства, нет воздуха на первом плане (пейзаж в отдалении удивительный), всё как-то пестро и желто. Со всем тем я уверен, что картина произведет большое впечатление (будут фанатики, хотя немногие), и главное: должно надеяться, что она подаст знак к противодействию Брюлловскому марлинизму [5]. С другой стороны, византийская школа князя Гагарина... [6] Художеству еще худо на Руси. Остальные здешние русские артисты — плохи. Сорокин кричит, что Рафаэль дрянь и «всё» дрянь, а сам чепуху пишет; знаем мы эту поганую рассейскую замашку [7]. Невежество их всех губит. Иванов — тот, напротив, замечательный человек; оригинальный, умный, правдивый и мыслящий, но мне сдается, что он немножко тронулся: 25-летнее одиночество взяло свое. Не забуду я (но это непременно между нами), как он, во время поездки в Альбано, вдруг начал уверять Боткина и меня — весь побледневши и с принужденным хохотом — что его отравливают медленным ядом, что он часто не ест и т. д.[8] Мы очень часто с ним видимся; он, кажется, расположен к нам.

Вы меня хвалите за мое намерение прожить зиму в Риме. Я сам чувствую, что эта мысль была недурная — но как мне тяжело и горько бывает, этого я вам передать не могу. Работа может одна спасти меня, но если она не дастся, худо будет! Прошутил я жизнь — а теперь локтя не укусишь. Но довольно об этом. Все-таки мне здесь лучше, чем в Париже или в Петербурге.

Не знаю, писал ли я вам, что в Париже встретил Ольгу Александровну [9]. Она не совсем здорова и зиму будет жить в Ницце. Здесь из русских пока никого нет: ждут Черкасских [10].

Боже вас сохрани не прислать мне 7-го тома Пушкина, переписку Станкевича и ваше письмо о Гоголе [11]. Справьтесь у Некрасова и Колбасиных, как сюда пересылались книги — и так и поступайте.

Со вчерашнего дня стал дуть tramontano — а то такая теплынь стояла, что сказать нельзя. Третьего дня мы с Боткиным провели удивительный день в villa Pamfili. Природа здешняя очаровательно величава — и нежна, и женственна в то же время. Я влюблен в вечно зеленые дубы, зончатые пинии и отдаленные, бледно-голубые горы. Увы! я могу только сочувствовать красоте жизни — жить самому мне уже нельзя. Темный покров упал на меня и обвил меня; не стряхнуть мне его с плеч долой. Стараюсь, однако, не пускать эту копоть в то, что́ я делаю; а то кому оно будет нужно? Да и самому мне оно будет противно.

Боткин здоров; я с ним ежедневно вижусь, но я не живу с ним. В его характере есть какая-то старческая раздражительность — эпикуреец в нем то и дело пищит и киснет; очень уж он заразился художеством [12].

Напишите мне всё, что узнаете, услышите о Толстом и его сестре [13]. Я не думаю, чтобы вам понравилось его последнее произведение, но у него есть другие, хорошие вещи [14]. Он вас очень любит.

Познакомились ли вы с графиней Ламберт? Она того желала, и я вам советую. Я опять напишу ей письмо через ваше посредничество. На этот раз пойдите к ней.

Ну вот — переписка благополучно возобновлена; смотрите же, чтобы она не прекратилась. Поклонитесь всем друзьям, а вам я крепко жму руку. Читали ли вы «Историю Рима» Момзена? [15]. Я ею здесь упиваюсь.

Весь ваш И. Т.

P. S. Напишите мне досконально: Базунов не пострадал от моих повестей? [16] Если нет, мое самолюбие было бы несколько успокоено.

650. Е. Е. ЛАМБЕРТ

3 (15) ноября 1857. Рим

Рим.

3/15-го ноября 1857.

Любезнейшая графиня,

Я считаю еще себя в долгу у Вас за Ваше большое и милое письмо, полученное мною в апреле месяце; потому что я не могу никак признать маленькую мою записку к

Вам за серьёзный ответ [1]. Я тогда располагал вернуться к зиме в Россию — и потому, надеясь скоро свидеться с Вами, не считал нужным распространяться на бумаге; но вместо Петербурга я попал в Рим и раньше мая месяца в Россию не приеду. Отчасти это сделалось случайно: один мой хороший приятель [2] отправлялся в Рим и пригласил меня с собою; но была также и причина, почему я так скоро согласился. В последнее время я, вследствие различных обстоятельств, ничего не делал и не мог делать [3]; я почувствовал желание приняться за работу — а в Петербурге это было бы невозможно; меня бы там окружили приятели, которых бы я увидал с истинной радостью, но которые помешали бы мне (да я сам бы себе помешал) уединиться; а без уединения нет работы. Рим именно такой город, где легче всего быть одному; а захочешь оглянуться — не пустые рассеянья ожидают тебя — а великие следы великой жизни, которые не подавляют тебя чувством твоей ничтожности перед ними, как бы следовало ожидать — а, напротив, поднимают тебя и дают душе настроение несколько печальное, но высокое и бодрое. Если я и в Риме ничего не сделаю,— останется только рукой махнуть.

В человеческой жизни есть мгновенья перелома, мгновенья, в которых прошедшее умирает и зарождается нечто новое; горе тому, кто не умеет их чувствовать,— и либо упорно придерживается мертвого прошедшего, либо до времени хочет вызывать к жизни то, что еще не созрело. Часто я погрешал то нетерпением, то упрямством; хотелось бы мне теперь быть поумнее. Мне скоро сорок лет; не только первая и вторая, третья молодость прошла — и пора мне сделаться если не дельным человеком, то по крайней мере человеком, знающим, куда он идет и чего хочет достигнуть. Я ничем не могу быть, как только литератором — но я до сих пор был больше дилетантом. Этого вперед не будет [4].

Пока я наслаждаюсь Римом и его прекрасными окрестностями. Погода стоит чудесная; почти не веришь глазам, встречая в ноябре месяце только что распускающиеся розы. Но не столько поражают меня эти необыкновенности, как вообще весь характер здешней природы. Такая ясная, кроткая и возвышенная красота разлита всюду!

Русских здесь немного — по крайней мере я знаком с немногими [5]. Да и бог с ними! Из 50 заграничных русских — лучше не знакомиться с 49-ю. Всех их втайне съедает скука, та особенная, заграничная скука русская,

о которой я когда-нибудь напишу статейку [6]. Из здешних художников самый замечательный Иванов — и в его картине (которую он мне показал под секретом) — есть первоклассные красоты.

А что делается у нас в России? Здесь ходят разные противоречащие слухи [7]. Если б не литература, я бы давно вернулся в Россию; теперь каждому надобно быть на своем гнезде. В мае месяце я надеюсь прибыть в деревню — и не выеду оттуда, пока не устрою моих отношений к крестьянам. Будущей зимой, если бог даст, я буду землевладельцем, но уже не помещиком и не барином [8].

Это письмо отнесет Вам Анненков. Познакомьтесь с ним; Вы его полюбите. Он прекрасный, умный и милый человек [9].

Напишите мне несколько слов (по-французски, разумеется) о Вас самих, о Вашем муже и Вашем сыне. Всё ли Вы живете на Фурштатской, и что делает Ваша приятельница Mme Vériguine? Очень бы я был Вам благодарен, если б Вы мне сказали слово о том, где вдова Еврейнова и что делает ее необыкновенная дочь Лидия?

Прощайте; желаю Вам всех возможных благ и крепко жму Вашу руку. Мой адресс — Rome, poste restante. Это вернее всего.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Пришлите мне Ваш верный адресс.

651. А. А. ФЕТУ

7 (19) ноября 1857. Рим

Рим.
7/19-го ноября 1857.

От Боткина получал я постоянные известия об Вас [1], любезнейший Афанасий Афанасьевич — и вот, наконец, пришло от Вас письмецо ко мне, за которое сердечное Вам спасибо. Я очень рад слухам о Вашем счастье [2] — и хотя искренно сожалею о потере всех парижских дорогих покупок [3], однако при отсутствии большего несчастья —это еще с рук сойти может. Взгляните на этот пожар как на перстень Поликратов, брошенный в дар завистливым богам [4].— А потрохи не дождались меня! [5] Что делать! Частью виновато в этом красноречие В⟨асилия⟩ П⟨етровича⟩ [6],— а частью мне самому не хотелось вернуться в Россию после годовой отлучки — с пустыми руками. Я на-

деялся, что, расставшись с Парижем, я расстанусь с моею болезнью; я рассчитывал на здешний климат... Но увы! j'ai compté sans mon hôte... Болезнь поймала меня и здесь — и так больно кусается, что я, пожалуй, не вытерплю и уеду из Рима, как уже уехал из Парижа и других мест. Плохо мне — да что говорить об этом.

Спасибо за известие о Толстом и его[a] сестре [7]. Скажите им, что очень они не худо бы сделали, если б написали мне.

Что Вам сказать о Риме? Вы здесь были — и сами знаете, какое он впечатление производит на нашего брата, северяка [8]. Если б не гнусная моя болезнь, не выехал бы отсюда, право.— Стихотворение Ваше «Аполлон» — мне не очень нравится. Слишком старательно, мелко-подробно и общего впечатления не передает [9]. Ему так же далеко до стихотворения «Милосская Венера» [10], как самому Аполлону (я говорю о статуе) — до Луврской богини [11]. Но пишите, пишите стихотворений как можно больше: у Вас из 10 всегда одно превосходно — а это — огромный процент. А бог даст, в будущем году издадим еще книжечку.

Поклонитесь от меня Аксаковым, в особенности же Сергею Тимофеевичу. Я его адресса не знаю, но я напишу ему на Ваше имя [12]. Скажите Толстому, чтоб он выслал мне свой адресс (и сестрин). Разве он намерен поселиться в Москве? Познакомились ли Вы с его братом Николаем?

Сообщенные подробности о Писемском и Островском — не слишком отрадны. Но что прикажете делать? У всякого человека своя манера блох ловить. Боюсь я, что при этаком поведен*це* Писемский себя ухлопает; Островский — тот здоров. Эти два весьма замечательных и чрезвычайно талантливых русских человека не брали себя в руки, не ломали себя; а русскому человеку это совершенно необходимо. Талант их от этого, может быть, уцелел — да ведь он с другой стороны затрещать может [13].

Вы пишете, что Григорьева нет в Москве — а не пишете — где же он? Может быть, он где-нибудь здесь, поблизости — и его можно было бы увидеть, если не залучить [14]. Несмотря на мое калечество — я кое-как принялся за работу; но трудно и вяло подвигается она. Я разорен весь, вот как в детстве, бывало, мы разоряли муравейник. Где его справить!

---

[a] *Далее зачеркнуто*: жене

Прощайте, будьте здоровы Вы, по крайней мере. Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Кланяюсь Вашей жене и благодарю за память. Поклонитесь также Вашей сестре. Боткин здоров и весел.

652. Н. А. НЕКРАСОВУ

22 ноября (4 декабря) 1857. Рим

Рим.
22-го ноября / 4-го декабря 1857.

Любезный Некрасов,

Спешу тебя уведомить, что я на днях кончил, наконец, повесть для «Современника» листа в $3^1/_2$ или даже 4 печатных,— а чтобы ты не сомневался в истине моих слов, прилагаю свидетельство Боткина, которому я ее прочел [1]. Остается сделать несколько поправок и переписать. Я уже принялся за то и за другое — и надеюсь, что она вышлется мною отсюда дней через 10, т. е. в начале нашего декабря. Следовательно, она поспеет к январской книжке [2]. Желаю, чтобы она вам понравилась.

Досюда доходят о тебе благоприятные слухи. Ты, говорят, здоров и весел. Желал бы услышать подтверждение этого от тебя самого [3]. Напиши мне сюда, poste restante.— Болезнь моя сильно меня кусала, так что я даже собирался отсюда выехать, но в последнее время полегчило. Я каждый день вижусь с Боткиным, разъезжаю с ним и т. д. Рим мне очень нравится.— Я просил Панаева выслать мне из долженствующих прийтись мне денег 600 фр. Гюману в Париж; исполнил ли он мою просьбу? — Я вижу из объявления, что хотите в «Для легкого чтения» поместить «Помещика» — я согласен, но *с непременным условием*: опустить строфу о славянофилах. Ради бога, прими свои меры,— если ты не хочешь меня огорчить сильно [4]. Жду высылки «Современника» — сюда, если это только возможно. Хотелось бы увидеть «очима своима» — будут ли в нем приведены в исполнение те усовершенствования, о которых мы толковали.

Извини краткость этой записки: время мое всё уходит на переписывание «Аси»; повесть зовут: «Ася». В другой раз напишу подробнее. Кланяюсь всем друзьям.

Твой
Ив. Тургенев.

Сим свидетельствую, что Тургенев действительно прочел мне оконченную повесть: «Асю»[а].

В. Боткин[б].

На обороте:

Я вижу, что «Провинциалку» напечатали в «Д⟨ля⟩ л⟨егкого⟩ ч⟨тения⟩». Помнится, она появилась в «От⟨ечественных⟩ зап⟨исках⟩» с миллионом опечаток — надеюсь, что их выправили [5]. Другие мои комедии (как-то «Месяц в деревне» и т. д.) прошу тебя не печатать, ибо я хочу их издать отдельно, предварительно поправивши и переделавши [6].

653. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

22 ноября (4 декабря) 1857. Рим

Rome.
Ce 4 décembre 1857.

Chère petite,

Je te remercie de penser à moi de temps en temps. Tes deux lettres m'ont fait bien du plaisir — elles m'en auraient fait davantage si l'écriture[а] avait été plus lisible et l'orthographe moins désordonnée. Tu connais mon vieux refrain: réflexion et attention! Ne te hâte pas tant dans tout ce que tu fais — tu as du temps devant toi.

La princesse Troubetzkoï va bientôt revenir à Paris, elle pourrait te faire chercher un dimanche: tu diras de ma part à Mme Harang que je l'autorise à te confier à la personne que cette dame enverra. Cela pourra t'amuser un peu, pendant l'absence de Mme Viardot [1]. Seulement je te recommande de ne pas faire la sauvage. Quel est ce conseil que tu voulais me demander dans ta première lettre? Il ne faut pas de ces réticences avec moi.

Soigne bien ton piano et ton anglais — si tu veux me faire bien du plaisir.

Écris-moi si tu as besoin de quelque chose.

[а] *Приписка от имени В. П. Боткина написана Тургеневым.*

[б] *Подпись — автограф В. П. Боткина.*

[а] *Далее зачеркнуто*: était

Salue Mme Harang de ma part — je t'embrasse sur les deux joues.

Ton père
J. Tourguéneff.

P. S. Mon frère [2] a été à Paris — mais il est déjà revenu en Russie.

654. Л. Н. ТОЛСТОМУ

25 ноября (7 декабря) 1857. Рим

Рим.
28-го[а] ноября / 7-го декабря 1857.

Милый Толстой, четвертого дня принес мне Боткин Ваше письмо; — говорю Вам спасибо и отвечаю [1]. (Кстати, большого Вашего письма в Fécamp я не получал — я в Фекане вовсе не был; впрочем, я написал туда, чтобы мне его выслали, если оно не затерялось) [2] Причина приезда моего в Рим — вместо возвращения в Россию — очень проста, хотя, в сущности, причина эта имеет три корня, а может быть, и четыре. 1) Я побоялся возвратиться в Россию на зиму; 2) Мне хотелось приехать с пустыми руками, а в Риме я надеялся поработать и не обманулся; 3) Мысль увидать Италию вместе с Боткиным мне понравилась; 4) Весною, возвращаясь в Россию — я еще раз увижу близких мне людей [3]. Кажется, всё здесь мне было бы очень и очень хорошо, если б проклятая болезнь не принялась опять грызть меня; боюсь я, она отсюда меня выживет.— Разъезжая с Боткиным по окрестностям, по развалинам, под этим «благосклонным» небом, мы беспрестанно вспоминаем о Вас. Нам было бы хорошо от Вашего присутствия — а Вам, я думаю, Рим и понравился бы и принес много пользы. Вы бы, наверное, здесь славно работали; даже я стряхнул здесь свою лень и написал повесть, которая на днях отправляется в Петербург. Я ее прочел Боткину: он дал мне дельные советы, которыми я воспользовался [4].

Как-то Вы поживаете в Москве? С Вашей сестрой жить очень легко — но Вы не умеете жить легко [5]. Вы хотите во всем полноту и ясность — и хотите всё это тотчас. Вы беспрестанно щупаете пульс своим отношениям с людьми и собственным ощущениям: всё это мешает гладкому и

[а] *Так в подлиннике.*

легкому течению дня. Мне сдается, что Вам в Москве будет скучно, и Вы будете вдруг метаться из стороны в сторону; а Вам бы теперь надобно спокойно и вкусно работать. Я не хочу верить, чтобы нынешнее юридическое направление литературы Вас сбило с толку; я на днях прочел щедринского «Жениха» [6] — и представить не могу, чтобы можно было придавать какое-либо значение таким грубым штукам; оно, может быть, полезно, но позволить этому хотя на волос возыметь влияния на собственную деятельность — непростительно; идите своей дорогой и пишите — только, разумеется, не Люцернскую морально-политическую проповедь [7] — Боткин мне очень хвалил начало Вашего Кавказского романа [8]. Вы пишете, что очень довольны, что не послушались моего совета — не сделались только литератором [9]. Не спорю, может быть, Вы и правы, только я, грешный человек, как ни ломаю себе голову, никак не могу придумать, что же Вы такое, если не литератор: офицер? помещик? философ? основатель нового религиозного учения? чиновник? делец? Пожалуйста, выведите меня из затруднения и скажите, какое из этих предположений справедливо.

Я шучу — а в самом деле, мне бы ужасно хотелось, чтобы Вы поплыли, наконец, на полных парусах. С каким бы удовольствием сидел я бы теперь между Вашей сестрой и Вами и спорил бы с Вами до упаду, но весело и дружелюбно, между тем как брат Ваш Николай тут же бы присутствовал и вмешивал бы изредка в наши речи свое умное слово! Пожалуйста, поклонитесь ему от меня и известите, не пишет ли он чего-нибудь: в его записках были восхитительно поэтические страницы [10].— Видаете Вы Аксаковых и как Вы с ними? Я на днях напишу Сергею Тимофеевичу; мне хочется возобновить переписку с ним.

До меня уже не впервые доходят слухи, что дядя мой не так управляет моим именьем, как бы следовало. Что ж мне было делать? Сам я не умел с этим [a] сладить — сделал всё, что мог, т. е. назначил себе небольшую сумму на годовой прожиток, 3600 руб. сер. Зато я решился посвятить весь будущий год на окончательную разделку с крестьянами; хоть всё им отдам — а перестану быть «барином». На это я совершенно твердо решился — и из деревни не выеду, пока всего не кончу.

[a] *Далее зачеркнуто*: сделать

Боткин здесь стал молодцом. Нога не болит, дух бодр и свеж. Из остальных русских один художник Иванов человек замечательный и умный; другие наши художники — дурачки, зараженные брюлловщиной [11], — и бездарные, то есть не то что бездарные, все они с средствами — да ничего из этих средств сделать не умеют. Живут с девками, бранят Рафаэля — и только. Русского художества еще нет.

Погода стоит удивительная. Розы цветут — да меня это мало радует... Я убеждаюсь, что здешний климат мне не по шерсти. А жаль будет выехать.

Напишите мне в Рим, poste restante.— Поклонитесь всем московским приятелям (это будет нетрудно — их у меня очень немного) — пожмите руку Вашей сестры. Я не франкирую письма, чтобы оно верней дошло — и Вы не франкируйте.

Будьте здоровы и работайте.

Любящий Вас
Ив. Тургенев.

P. S. Пришлите Ваш адресс.

655. Д. Я. и Е. Я. КОЛБАСИНЫМ

28 ноября (10 декабря) 1857. Рим

Рим.
28-го ноября / 10-го декабря 1857.

Пишу к вам с сокрушенным сердцем, друзья мои. Представьте мое положение: мне Рим чрезвычайно нравится, мне здесь во всех отношениях отлично — а я не могу здесь остаться: болезнь, проклятая болезнь с совершенным остервенением напала на меня — и по решению доктора здешний климат мне вреден! Приходится опять взяться за страннический посох: я становлюсь чем-то вроде Вечного жида [1]. С горечью на сердце покидаю милый Рим и еду в противную Вену, где, говорят, есть знаменитый доктор по болезням вроде моей. Как это мне тяжело — и описать нельзя, но что толковать об этом... Я выезжаю отсюда через 4 недели; стало быть, прошу вас писать в Вену, poste restante. А писать прошу вас о следующих пунктах:

1) Дошло до сведения моего, что дядя управляет скверно и разоряет мужиков. Соберите справки и отвечайте мне откровенно и положительно; это мне очень нужно — и я надеюсь на вашу дружбу [2].

2) Завтра отправляется в редакцию «Современника» конченная мною здесь повесть «Ася». Я пишу Панаеву [3], что я непременно желаю, чтоб, до напечатания, ее прочел Анненков [4]. А потому, так как Панаев может подумать, что я чепуху горожу, и Анненкову не даст знать о моей просьбе,— прошу вас, тотчас по получении этого письма, сходить к Анненкову — и предуведомить его об этом. Если он скажет, что печатать можно,— я благословляю; если он встретит затруднения, пусть он тотчас мне напишет, в чем именно они состоят: я постараюсь их устранить, т. е. исправить что нужно и т. д.

3) Напишите, разделались ли вы с квартерой и выслал ли дядя вольную Степана и как вы с ним устроились!

4) Напишите также о вашем обоюдном здоровье, о семействе Тютчевых, об Анне Захаровне, о Дарии и проч. и проч. Коснитесь литературных вопросов: мы здесь как во тьме бродим, ничего не знаем и не слышим.

Я вам еще раз напишу перед самым выездом из Рима; надеюсь, что, приехавши в Вену, найду ваше письмо.

Дружески вас обнимаю и остаюсь

любящий вас
Ив. Тургенев.

656. П. В. АННЕНКОВУ

1 (13) декабря 1857. Рим

Рим. 1(13) декабря 1857.

Любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Ваше умное, как день, письмо [1] получено мною вчера — я спешу отвечать вам; чтобы не сбиться и всё сказать, что следует и на своем месте, разобью мое письмо на пункты: 1) *Литература*. Вероятно, вы по получении этого письма уже будете знать, что я нарушил мое молчание, т. е. написал небольшую повесть, которая вчера отправлена в «Современник» [2]. Я и Панаева, и Колбасина просил о том, чтобы до напечатания повесть эта была прочтена вами и напечаталась не иначе как с вашего одобрения [3]. Не стану вам говорить о ней — лучше я послушаю, что вы о ней скажете. В ней решительно нет ничего общего с современной пряной литературой — а потому она, пожалуй, покажется fade. Повесть эту я окончил здесь. Я чувствую, что я здесь мог бы работать... (см. ниже пункт: Жалобы на судьбу). Кончивши эту работу, я сел за письмо Коршу, которое оказывается затруднительнее, чем я предполагал. Впрочем, непременно одолею все затруднения — и дней через

5 или 6 надеюсь выслать это письмо на ваше имя [4]. 2) *Жалобы на судьбу.* Если здоровье вообще нужно человеку, то в особенности оно нужно ему тогда, когда он подходит к 40 годам, т. е. во время самой сильной его деятельности. Под старость болезнь дело обычное, в пору молодости — интересное. Как же мне не пенять на судьбу, наградившую меня таким мерзким недугом, что по милости его я превращаюсь в Вечного жида. Вы из одного слова поймете мое горе: после 2-х месячной борьбы я с сокрушенным сердцем принужден оставить милый Рим и ехать черт знает куда — в поганую Вену советоваться с Зигмундом. Здешний климат развил мою невралгию до невероятности, и доктор меня сам отсюда прогоняет. Ну, скажите — не горько это? Не гадко? Я всячески оттягиваю и откладываю день отъезда — но больше месяца от нынешнего числа я не проживу здесь. Ведь надобно же, чтобы ко мне привязалась такая небывалая болезнь. Поверьте — никакие ретроспективные соображения тут не утешат. Однако, если вы будете отвечать мне тотчас (а это было бы очень мило с вашей стороны, потому что мне хочется поскорее узнать ваше мнение о моей повести) — пишите еще пока в Рим. 3) *Рим.* Рим — прелесть и прелесть. Зная, что я скоро расстанусь с ним, я еще более полюбил его. Ни в каком городе вы не имеете этого постоянного чувства, что Великое, Прекрасное, Значительное — близко, под рукою, постоянно окружает вас и что, следовательно, вам во всякое время возможно войти в святилище. Оттого здесь и работается вкуснее, и уединение не тяготит. И потом этот дивный воздух и свет! Прибавьте к этому, что нынешний год феноменальный: каждый день совершается какой-то светлый праздник на небе и на земле; каждое утро, как только я просыпаюсь, голубое сияние улыбается мне в окна. Мы много разъезжаем с Боткиным. Вчера, например, забрались мы в Villa Madama — полуразрушенное и заброшенное строение, выведенное по рисункам Рафаэля. Что за прелесть эта вилла — описать невозможно: удивительный вид на Рим, и vestibule такой изящный, богатый, сияющий весь бессмертной рафаэлевской прелестью, что хочется на коленки стать. Через несколько лет всё рухнет — иные стены едва держатся — но под этим небом самое запустение носит печать изящества и грации; здесь понимаешь смысл стиха: «Печаль моя светла» [5]. Одинокий, звучно журчавший фонтан чуть не до слез меня тронул. Душа возвышается от таких созерцаний — и чище, и нежнее звучат в ней художественные струны.

Кстати, я здесь имел страшные «при» с русскими художниками. Представьте, все они (почти без исключения — я, разумеется, не говорю об Иванове) как за язык повешенные, бессмысленно лепечут одно имя: Брюллов, а всех остальных живописцев, начиная с Рафаэля, не обинуясь, называют дураками. Здесь есть какой-то Железнов [6] (я его не видал), который всему этому злу корень и матка. Я объявил им наконец, что художество у нас начнется только тогда, когда Брюллов будет убит, как был убит Марлинский: delenda est Carthago, delendus Brulovius [7]. Брюллов — этот фразер без всякого идеала в душе, этот барабан, этот холодный и крикливый ритор — стал идолом, знаменем наших живописцев! Надобно и то сказать, таланта в них собственно ни в ком нет. Они хорошие рисовальщики, т. е. знают грамматику — и больше ничего. В одном только из них, Худякове, есть что-то живое, но он, к сожалению, необразован (он из дворовых людей); а умен и не раб — не ленивый и самонадеянный раб духом, как другие, хотя и он молится Брюллову.

Удивили вы меня известием о лесных затеях Толстого! [8] Вот человек! с отличными ногами непременно хочет ходить на голове. Он недавно писал Боткину письмо, в котором говорит: «Я очень рад, что не послушался Тургенева, не сделался только литератором». В ответ на это я у него спрашивал — что же он такое: офицер, помещик и т. д.? [9] Оказывается, что он лесовод. Боюсь я только, как бы он этими прыжками не вывихнул хребта своему таланту; в его швейцарской повести [10] уже заметна сильная кривизна. Очень бы это было жаль, но я все-таки еще крепко надеюсь на его здоровую природу. *Résumé*: a) напишите мне тотчас мнение об «Асе» сюда; b) высылайте сюда же Пушкина, Гоголя непременно [11]; c) я вам через неделю пошлю письмо Коршу; d) любите меня, как я вас люблю. Боткин благодарит и кланяется вам. И. Т.

657. ЛУИ ВИАРДО

2 (14) декабря 1857. Рим

Rome,
ce 14 décembre 57.

Mon cher ami,

J'ai une prière à vous adresser. Voici de quoi il s'agit. Je viens de recevoir une lettre de Mr Templier [1], il paraît que quelques expressions de la préface de Mr Delaveau l'ont blessé [2]. Ayez la complaisance de lui dire quand vous

le verrez que je n'y suis absolument pour rien, que cette préface ne m'a été communiquée que la veille de mon départ, et que je suis allé aussitôt chez Mr Dentu (l'éditeur) — pour le prier de faire ôter tout ce qui pouvait être désagréable à Mr Charrière ou à la maison Hachette[3]; Mr Dentu m'a promis de faire droit à ma demande — mais il paraît qu'il n'a pas tenu sa promesse.— Il me serait pénible de penser que Mr Templier, dont je n'ai jamais eu qu'à me louer, me crût capable d'un manque de procédés à son égard.

Il ne paraît pas fort édifié de la traduction; vous savez ce qui en est; ce n'est qu'après m'être embarqué dans cette affaire, que je me suis aperçu de l'insuffisance littéraire de Delaveau [4]. Enfin, la chose est faite, il ne faut plus y penser; mais comme je voudrais prouver à Mr Templier combien je tiens à cœur de conserver les bonnes relations qui existent entre nous, dites-lui que je lui réitère l'offre de revoir la traduction Charrière et que je vais m'en occuper, en l'autorisant (dans le cas, fort improbable, il est vrai, d'une 3me édition) — de faire parvenir ce fait à la connaissance de ses lecteurs.

Ecrivez-moi, s'il vous plaît, un mot de réponse; dites-moi en même temps si vous avez reçu ma lettre avec le bon de 300 francs. Donnez-moi des nouvelles de Mme Viardot.

Mille amitiés à tout le monde et une poignée de main bien affectueuse à vous.

J. Tourguéneff.

658. Д. Я. и Е. Я. КОЛБАСИНЫМ

7 (19) декабря 1857. Рим

Рим
7/19-го декабря 57.

Любезные друзья,

Вчера получил 3 № «Совр‹еменник›а» и «Сборник» [1]; благодарю усердно и прошу продолжения — т. е. «Русского вестника» и анненковских книг [2].

На днях я писал вам письмо и послал в «Современник» повесть [3]; в этом письме я говорил о скором отъезде в Вену. Между тем мое здоровье под влиянием нового лекарства — йода, как будто поправилось — и я, может быть, еще останусь здесь — во всяком случае, я раньше 6 недель не выеду; и потому пишите мне сюда и посылайте книги сюда до нового распоряжения с моей стороны.

Не из «Академического ли переулочка» выбежали «2 зайчика»? Прочтем, непременно, прочтем [4].

Напишите-ка свое мнение о моей повести, если вы услышите ее до напечатания.

Сижу теперь над письмом Коршу [5]. С непривычки трудно.

В Риме мне хорошо — и если болезнь поукротится,— даже очень хорошо будет.

Всем добрым знакомым поклоны: Анне Зах⟨аровн⟩е, Тютчевым, Дарии; пусть она не обижается моим сравнением: что делать! Ее воображение поразило мое... не физически, не физически, спешу прибавить. Даже сердце забилось от испуга при этой мысли.

Обнимаю вас обоих и желаю всем здоровья и хорошеньких женщин.

Ваш
И. Тургенев.

659. А. И. ГЕРЦЕНУ

10 (22) декабря 1857. Рим

Рим.
22-го дек. 1857.

Прежде этого письма прочти прилагаемое *дело*, которое посылаю тебе для скорейшего помещения его в «Колоколе» [1]. Оно составлено по документам и получено мною из самовернейшего источника. Прибавь к тому, что ты прочтешь — еще следующее: Кочубей, между прочим, представил пулю, будто бы выпавшую из раны — а пуля оказалась в теле Зальцмана; он в теченье 6-месячной проволочки *переделал* все свои комнаты и кабинет, так что введенный З⟨альцман⟩ не мог узнать ничего из местности; между тем как всякий порядочный человек сам бы первый должен был хлопотать о возможнейшей гласности и ясности. За всё это полтавское дворянство избрало его своим губернским предводителем и на коронации он получил Анненскую звезду, настаивая на том, что он ее хочет не для себя, а для дворянства [2]. Читая это дело, невольно вспоминаешь слова Городничего в «Ревизоре»: «Вы ей не верьте; не я ее высек — она сама себя высекла» [3]. Эти слова можно бы поставить эпиграфом предисловия [4], которое ты, я надеюсь, напишешь — только не бранись слишком: это гнусное дело само за себя говорит.

Ты увидишь, что я вычеркнул несколько ненужных и ослабляющих общее действие украшений — в слоге —

и я думаю — самое заглавие не худо бы переменить, Имя благодетельного генерал-адъютанта я должен был обещаться вычеркнуть [5]. Тотчас по получении этого письма дай мне знать о том. Напиши только одно слово, что *документ* у тебя в руках [6].

И такого рода дела́ — не исключения у нас,— напротив — они составляют правило, обычную норму нашей юриспруденции; всякий знакомый с русскими порядками это скажет! А граф Панин недавно выхлопотал согласие на запрещение всяких печатных толков о гласности [7]— а по новейшим известиям реакция в полном ходу и торжестве! Жаль России и жаль царя.

Прощай, будь здоров; держи[а] имя своего корреспондента в тайне — а в «Колоколе» напечатай как можно скорее. Кланяюсь всем друзьям.

Твой
И. Т.

Мой адрес: Rome, hôtel d'Angleterre, № 57.

660. Е. Е. ЛАМБЕРТ

22 декабря 1857 (3 января 1858). Рим

Рим.
22-го декабря 57.
3-го января 58.

Я только что собирался отвечать на Ваше письмо, любезнейшая графиня,— как вдруг был обрадован присылкой другого Вашего письма, писанного более году тому назад [1]. Спасибо Вам за мысль прислать мне его; я с истинным умилением прочел все золотые слова, которыми оно наполнено, и почувствовал, что многие из них далеко и надолго залегли мне в душу.— Размышляя о моей прошедшей жизни, я не могу, несмотря на многие темные пятна в ней,— не признать себя счастливым; я, бог ведает за какие заслуги — пользовался расположением двух, трех прекрасных женских душ; и поверьте, не последним счастьем моей жизни считаю я расположение Ваше ко мне. Мне приятно думать, что и Вы убеждены в этом и что Вы сами знаете, как дороги и близки Вы мне стали. Я должен Вам сказать одну мою странность: я целовал руку только у тех женщин, которых я глубоко уважал и

[а] *Далее зачеркнуто*: всё это

любил. Это Вам, разумеется, всё равно,— но, читая Ваши письма, я у Вас мысленно целовал руку — и когда увижу Вас, я попрошу у Вас позволения поцеловать ее на деле. Я чувствую Ваше участие в моей судьбе и в моей будущности — и я горжусь, и счастлив, и тронут этим участьем. Человек, к сожалению, так устроен, что даже ясное понимание того, что он делает или намерен делать — не мешает ему беспрестанно делать самые непростительные ошибки; ему надобно непременно разбить себе голову об стену, хоть он очень хорошо и прежде знал, что стена каменная и тверже его головы. Я знал перед моей поездкой за границей, перед этой поездкой, которая так была для меня несчастлива — что мне было бы лучше оставаться дома... и я все-таки поехал. Дело в том, что судьба нас всегда наказывает и так, и немножко не так, как мы ожидали, и это «немножко» нам служит настоящим уроком.— Отдохнув в Риме, я вернусь в Россию сильно потрясенный и побитый, но надеюсь, по крайней мере, что на этот раз урок не пропадет даром. На бумаге всё это трудно изложить, но я предчувствую, что когда-нибудь, нынешней зимой, у нас будет с Вами большой разговор, в котором я Вам многое выскажу и расскажу. Вы, я наперед уверен, будете мне, как говорится, читать мораль; но из Ваших уст мораль эта слушается с удовольствием и пользой, потому что в ней чувствуется живая и, при всей строгости правил, свободная душа.

Я, кажется, просил Вас сказать мне свое мнение о моей небольшой повести под заглавием «Ася», которая, вероятно, будет помещена в 1-м № «Современника»; если бы издатели отложили ее до другого номера — скажите Анненкову (я надеюсь, что Вы наконец с ним познакомились), чтобы он взял ее у них и прочел бы ее Вам в рукописи [2].— Я теперь занят другою, большою повестью, главное лицо которой — девушка, существо религиозное; я был приведен к этому лицу наблюдениями над русской жизнью; не скрываю себе трудности моей задачи, но не могу отклонить ее от себя. Эту повесть я надеюсь прочесть Вам зимой. Я читаю дурно и неохотно — но Вам прочту с удовольствием, потому что... по двум причинам: во-первых, потому что я очень к Вам привязался; а во-вторых — потому что Вы мне можете сказать очень много дельного и полезного [3].

Я здесь в Риме всё это время много и часто думаю о России. Что в ней делается теперь; двинется ли этот Левиафан (подобно английскому) — и войдет ли в волны

или застрянет на полпути? До сих пор слухи приходят все довольно благоприятные; но затруднений бездна — а охоты, в сущности, мало [4]. Ленив и неповоротлив русский человек — и не привык ни самостоятельно мыслить, ни последовательно действовать. Но нужда — великое слово! — поднимет и этого медведя из берлоги. Не дождусь я мая... в мае я вернусь к себе в деревню.

А между тем мне здесь хорошо. Вы никогда здесь не были? Что за удивительный город! Вчера я более часа бродил по развалинам Дворца Цезарей — и проникся весь каким-то эпическим чувством; эта бессмертная красота кругом, и ничтожность всего земного, и в самой ничтожности величие — что-то глубоко грустное, и примиряющее, и поднимающее душу... Этого словами передать нельзя, но, раз ощутив, забыть, смешать с другим чувством нельзя. Впечатления эти музыкальны и лучше всего могли бы передаться музыкой [5].

Напишите мне слова два, или гораздо более двух — о Вас самих, о Вашем семействе, Вашем сыне. Помните, Вы были отчего недовольны мною, когда я с Вами встретился с Вами [a] в Летнем саду; что это такое было?

Поклонитесь от меня Вашему мужу и Mme Vériguine; она Вас любит, следовательно, и я ее люблю. Будьте здоровы и не забывайте меня — а я все-таки на прощанье целую Вашу милую руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Письмо это кончено накануне нашего Нового года, с которым душевно Вас поздравляю.

661. А. И. ГЕРЦЕНУ

26 декабря 1857 (7 января 1858). Рим

Рим.
7-го января 58.

Любезный Г⟨ерцен⟩, отвечаю на твое исполненное каламбуров и дружелюбия письмо [1]. Спасибо за присылку отрывков из «Колокола» — но я уже вчера получил весь №[2] от одного из твоих пламеннейших поклонников (имя их легион). Вперед, пожалуйста, присылай мне «Колокол» *sous bande* — и «Полярную» *idem* — и книгу о Кор-

[a] *Так в подлиннике.*

ÇE[3] — *idem*. Это — самый скорый и верный способ доставления. 6 № «Коло⟨кола⟩» — хорош — но, по-моему, немного сбивается на «*Charivari*»; — а между тем «К⟨олокол⟩» и «Шаривари» — большая разница [4]. Я знаю, что не во всякий № можно написать такую статью, каково твое письмо к государю [5]; но «игривость» — не нужна, особенно теперь, когда в России готовятся весьма серьезные вещи [6]. 2 рескрипта и 3-й о том же Игнатьеву произвели в нашем дворянстве тревогу неслыханную [7]; под наружной готовностью скрывается самое тупое упорство — и страх и скаредная скупость; но уже теперь назад пойти нельзя — le vin est tiré — il faut le boire [8]. Жаль также, что ты напечатал известие о победе — пребывании Беринга [9] в то время, как его заменили Ахматовым [10]. Этот господин совсем в другом роде: сладкий, учтивый, богомольный — и засекающий на следствиях крестьян, не возвышая голоса и не снимая перчаток. Он метил при Н⟨иколае⟩ П⟨авловиче⟩ в обер-прокуроры Святейшего синода; теперь попал в обер-полицеймейстеры — должности весьма, впрочем, однородные. Кстати, я надеюсь, что ты «Зальцмана» поместишь в «Колоколе» — а не в «П⟨олярной⟩ з⟨везде⟩». В «Колоколе» оно будет в 1000 раз действительнее [11]. Кстати еще — вот тебе анекдот, который, однако, ты *не разглашай*. Актеров в Москве вздумали прижать, отнять у них их собственные деньги; они решились отправить от себя депутатом старика Щепкина искать правды у Гедеонова (молока от козла) [12]. Тот, разумеется, и слышать не хочет; «тогда»,— говорит Щ⟨епкин⟩,— «придется пожаловаться министру».— Не смейте! — «В таком случае»,— возразил Щ⟨епкин⟩,— «остается пожаловаться — „Колоколу"».— Гедеонов вспыхнул — и кончил тем, что деньги возвратил актерам. Вот, брат, какие штуки выкидывает твой «Колокол»!

Мне очень весело, что моя статейка вам обоим понравилась [13]; а писал я ее mit schwerem Herzen. Дальнейше рекомендую себя вашей снисходительности.

Боткин, с которым я вижусь каждый день, совершенно симпатизирует твоей деятельности и велит тебе сказать, что, по его мнению, ты и твои издания — составляют эпоху в жизни России.

Очень мне приятно было услышать о том, что здоровье О⟨гарева⟩, после такой жуткой операции, совсем поправилось; я ему на днях напишу.— Мой пузырь всё меня беспокоит; посмотрю, не подействуют ли на него твои каламбуры.

Ты пишешь, что рекомендуешь Иванову книгу, — а какая именно—осталось у тебя в чернильнице [14].

Не брани, пожалуйста, Александра Николаевича[15] — а то его и без того жестоко бранят в Петербурге все реаки [16] — за что же его эдак с двух сторон тузить — эдак он, пожалуй, и дух потеряет.

Ну прощай, будь здоров и присылай *sous bande* всё, что у тебя готово.— А Контерфей мой продается совершенно без моего ведома. Бог знает кем и какой [17]. Я сам еще не дошел до того, чтобы думать, что мое лицо может быть интересно au gros du public.

Твой
И. Тургенев.

662. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

26 декабря 1857 (7 января 1858). Рим

Rome.
Ce 7 janvier 1858.

Chère Paulinette, je suis très content de savoir que tu t'amuses et je suis très reconnaissant à la famille Troubetzkoï pour toutes leurs bontés envers toi.— J'espère que tous ces amusements ne vont pas trop te distraire — et qu'une fois les vacances passées, tu vas te remettre avec une nouvelle ardeur au travail.

Tu me demandes la permission d'aller assister au mariage d'une de tes amies de pension— puis au bal; je ne crois pas que quelque chose doive s'y opposer, pourtant je ne puis pas juger d'ici si cela est convenable—et tu n'as qu'à en parler à M. Viardot [1]; si Mme Harang et lui n'y trouvent rien à redire — je t'envoie d'ici la permission pleine et entière.

Ma santé va passablement, mieux qu'à Paris, en tout cas. Il fait très beau temps à Rome, je me promène beaucoup et je travaille pas mal. Le temps s'écoule vite; si Dieu me prête vie, j'espère te revoir avant trois mois.

Tu as eu tort de ne pas me donner des nouvelles de Mme Viardot — car jusqu'à présent je n'ai pas reçu une seule lettre d'elle. Elle a probablement trop à faire à Varsovie [2] pour avoir le temps d'écrire des lettres ailleurs que pour Paris.

J'écris aujourd'hui même à la famille T⟨roubetzkoï⟩ [3]; cependant si tu les voyais, tu ferais bien de leur dire mille choses aimables de ma part.

Adieu, chère fillette; travaille bien et *réfléchis*; je t'embrasse tendrement.

Ton père
J. Tourguéneff.

P. S. Ma chère enfant, je te prie de signer dorénavant p. Tourguéneff et de dire à Mme Harang qu'on mette ce nom partout où il est question de toi [4].

663. А. А. ФЕТУ

28 декабря 1857 (9 января 1858). Рим

Рим.
28 декабря 1857.
9-го генваря 1858.

Вы преисправный и прелюбезный корреспондент, милейший мой А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩, и Ваши письма доставляют мне всегда живейшее удовольствие [1]; во-первых, я вижу из них, что Вы расположены ко мне — и это меня очень радует; а во-вторых — от них веет таким спокойным светлым счастьем, что «вчуже пронимает аппетит» [2]; — и это меня еще больше радует. Дай бог Вам продолжать так же, как Вы начали! Если б я был поэт — я бы сравнил Ваше счастье с цветком — но с каким? Держу пари, что не отгадаете— с цветом ржи. Вспомните цветущий колос на склоне холма, в сияющий летний день — и Вы останетесь довольны моим сравнением.

Вы говорите, что часто мечтаете о нашем общем житье в деревне в нынешнем году... Я мечтаю о нем даже здесь, среди величавых развалин, в длинных мраморных залах Ватикана. Недаром же судьба поселила нас всех — Вас, Толстого, меня в таком недальнем расстоянии друг от друга!

Если боги нам не позавидуют — мы проведем прелестное лето. У нас здесь стоит погода (мы в этом отношении были очень счастливы) — очень похожая на ту погоду, какая бывает [a] в России в конце апреля — и это еще более разжигает и волнует меня [3]. Я знаю, что в России ждут нас не одни веселые ощущения: придется много хлопотать и трудиться [4]; но все-таки авось мы огласим те поля «невольной песней — невольной и последней может быть» [5].

Перевод Ваш из Беранже очень мил [6]. Бороться с ним довольно трудно; благославляю Вас на борьбу гораздо труднейшую — а именно с Шекспиром. В какой-нибудь

[a] *Далее зачеркнуто*: у нас

хороший летний вечер — Вы прочтете нам на моем балконе «Антония и Клеопатру» [7].

Я рад, что Вам мое «Полесье» понравилось — хоть я писал его урывками, через силу — und mit schwerem Herzen [8].— Я послал «Современнику» повесть, которую Вы, может быть, прочтете до получения этого письма; напишите свое мнение о ней — но постарайтесь взглянуть на меня посуровее [9].

Здоровье мое несколько лучше с некоторых пор — но всё еще неудовлетворительно и[б] омрачает много светлых мгновений. Я еще потому с радостью думаю о России, что мне кажется, что я там буду здоров. Но полно об этом невеселом предмете.

Я остаюсь в Риме еще недель шесть, может быть, даже 2 месяца [10]. Боткин неоцененный товарищ — и мы с ним изучаем этот бесконечный и неисчерпаемый Рим, который, кажется, не дался Вам — потому что Вы его брать не захотели. Здесь есть высочайшие вещи, которые открываешь совершенно как мореплаватель открывает неизвестные острова.

Мы написали Григорьеву во Флоренцию, но ответа еще не получали [11].

До свиданья в наших березовых рощах! Поклонитесь от меня Вашей милой жене и всем добрым друзьям. Крепко жму Вам руку и остаюсь

любящий Вас
Ив. Тургенев.

P. S. Поклон Толстому и его сестре; я жду от них ответа на мои письма; но они, кажется, ленятся.

[б] *Далее зачеркнуто*: отравляет

1858

664. И. И. ПАНАЕВУ

1 (13) января 1858. Рим

Рим.
1/13-го янв. 1858.

Милый Панаев,

Месяц тому назад, когда я посылал вам мою повесть [1], мне было так плохо, что я никак не надеялся остаться в Риме и сказал тебе, чтобы ты отвечал мне в Вену — poste restante; но с тех пор мое здоровье немного поправилось — и я остаюсь здесь до конца зимы. А потому, если ты до сих пор еще не отвечал мне, покорно прошу тебя ответить мне немедленно на следующие пункты:

1) Получили ли вы мою повесть, и напечатали ли ее или отложили до другого номера? Если напечатали, пожалуйста, пришли мне ее, как говорится, sous bande, или лучше просто письмом.

2) Выслали ли 600 фр. Гюману в Париж?

3) Выслали ли сюда анненковские книги, декабрьский «Современник» и «Русский вестник»? [2]

4) Сколько мне приходилось по окончательному расчету и за «Асю» — денег? [3]

Надеюсь, что ты будешь так добр — и ответишь мне аккуратно по всем этим пунктам. — Пиши мне poste restante, сюда. Очень я буду тебе обязан, если ты не замедлишь ответом.

Я теперь принялся за большую повесть, которую надеюсь привести с собой в Россию в мае месяце, вместе с нескончаемым «Гамлетом и Д⟨он-⟩К⟨ихотом⟩» [4].

Будь здоров, обнимаю тебя и остаюсь

преданный тебе
Ив. Тургенев.

665. ⟨РЕДАКТОРУ «LE NORD»⟩

17 (29) января 1858. Рим

Rome, 29 janvier ⟨1858⟩.

Monsieur le directeur,

Plus le crédit d'un journal est grand et mérité, plus il doit tenir à écarter tout ce qui, dans ses correspondances,

peut induire le public en erreur sur l'état véritable des esprits, dans un pays surtout qui, comme la Russie, est peu connu de la masse des lecteurs. Vous me permettrez donc, Monsieur, tant dans l'intérêt de la vérité que dans celui, j'ose le dire, de votre propre journal, de rectifier quelques insinuations malveillantes à l'égard du parti soi-disant slave, qui se sont glissées dans la correspondance de Moscou insérée dans le № du «Nord» du 22 janveir. Etranger à ce parti, et par mes idées et par ma carrière littéraire, je ne saurais pourtant admettre, avec votre correspondant, que c'est par un esprit d'opposition aux récentes et nobles aspirations du gouvernement que les personnes qui représentent le parti slave se sont abstenues d'assister au banquet donné à Moscou le 9 janvier, en honneur de l'émancipation du travail, proclamée par l'Empereur. Personne n'ignore en Russie, que dans cette importante question, le gouvernement marche d'accord avec la pensée du pays entier. Aucune fraction littéraire ou politique ne saurait ni ne voudrait lui refuser son concours, quelque mince qu'en puisse être l'importance. Les *Slaves* ne sont jamais restés étrangers au mouvement qui se prépare: bien plus, ils y ont contribué et continuent encore à le faire dans la mesure de leurs moyens; et certainement personne en Russie ne voudrait leur contester ce mérite. Pourquoi donc leur prêter aux yeux de l'étranger des idées autres que les leurs? Et pourquoi affecter devant l'Europe une désunion qui, heureusement, n'existe pas dans la réalité?

Les preuves d'équité que vous avez toujours données à l'égard de notre pays, le soin que vous mettez à faire connaître à l'Europe l'entière vérité sur la Russie, me sont des garants, Monsieur, que vous accueillerez dans vos colonnes une réclamation dictée uniquement par l'amour de la justice et étrangère à tout esprit ou toute préoccupation de coterie. Veuillez en recevoir mes remercîments d'avance et agréer, etc.

J. Tourguéneff.

666. Л. Н. ТОЛСТОМУ

17 (29) января 1858. Рим

Рим.

17/29-го янв. 1858.

Спасибо за Ваше письмо, милый Толстой [1]. Вы совершенно правы, предполагая, что известия из России заставят меня вернуться; но я думаю, раньше мая месяца при-

езжать в деревню не для чего. Зато, приехавши, я уже не выеду оттуда, пока не приведу дел моих в некоторую ясность.— Не стану Вам говорить, как сильно всё это на меня действует — этого на бумаге высказать нельзя. Давно ожиданное сбывается — и я счастлив, что дожил до этого времени [2].

Вот мой план: я выезжаю отсюда через три недели, еду на несколько дней в Неаполь, возвращаюсь сюда к концу февраля — остаюсь здесь еще дней пять или шесть (если б Вы вздумали написать мне, Ваше письмо меня бы еще здесь застало) — потом через Флоренцию, Венецию и Женеву еду в Париж и Лондон,— на всё это путешествие назначается 6 недель — так что в апреле или мае я, если буду жив и здоров, уже в России [3]. В Петербурге и Москве я пробуду недолго; мне хочется поскорей в деревню.

Не буду говорить Вам о том вопросе, который Вам, вероятно, уже уши прожужжал; но уверяю Вас, он занимает нас здесь чуть ли не больше, чем всех вас, находящихся на месте; каждое известие принимается с жадностью, толкам и спорам нет конца. Я также написал мемориал [4], послал его (это между нами; дело идет об основании журнала, исключительно посвященного разработке крестьянского вопроса); словом, все мы завертелись, как белка в колесе. Я послал письмо к нашему предводителю... [5] но обо всем этом мы будем еще иметь время толковать, живя, как я надеюсь, невдали друг от друга и часто посещая друг друга в течение лета. А странное будет это лето!

Лучше поговорю с Вами о Вас самих: Вы были бы правы, если б, предлагая Вам быть только литератором — я ограничил значение литератора одним лирическим щебетаньем; но в наше время не до птиц, распевающих на ветке. Я хотел только сказать, что всякому человеку следует, не переставая быть человеком, быть специалистом; специализм исключает дилетантизм (извините все эти «измы»),— а дилетантом быть — значит быть бессильным. До сих пор в том, что Вы делали — всё еще виден дилетант, необычайно даровитый, но дилетант; мне бы хотелось видеть Вас за станком, с засученными рукавами и с рабочим фартуком [6]. Мне странно, однако, почему Некрасов забраковал «Музыканта» [7];— что́ в нем ему не понравилось, сам ли музыкант, возящееся ли с собою лицо? Боткин заметил, что в лице самого музыканта недостает той привлекательной прелести, которая неразлучна с художественной силой в человеке; может быть, он прав; и для того, чтобы читатель почувствовал часть очарованья, произво-

димого музыкантом своими звуками — нужно было автору не ограничиться одним высказыванием этого очарования. Тот же Боткин сообщил мне о Вашем намерении затеять с Фетом журнал, посвященный исключительно художеству — не в pendant ли Вашему исключительно военному журналу? [8] Подождите затевать это дело до нашего возвращения; потолковавши хорошенько, может быть, мы и смастерим что-нибудь — ибо я понимаю, какие побуждения лежат в основании такого прожекта [9].— Желаю Вам найти, что Вы ищете в московском обществе; что же касается до Вашего семейного кружка, то в нем должно быть хорошо — и очень хорошо; поверьте в этом человеку, которому сбоку видней.— Я здесь познакомился с Ростовцевым, Ник⟨олаем⟩ Яковлевичем; он Вас помнит и любит — и сам он прекраснейший человек.

Следует теперь сказать Вам что-нибудь о себе — хотя, признаться, предмет этот даже для меня мало интересен. Здесь мне было лучше, чем где бы то ни было за границей; но мне совсем не следовало выезжать за границу. Я здесь кое-что сделал; что из этого вышло, Вы можете судить сами; Вы, вероятно, уже прочли повесть, помещенную в «Современнике». Если вздумается, напишите мне Ваше мнение; Вы знаете, что я им очень дорожу [10].

Кстати, получили ли Вы что-нибудь по пресловутому обязательному соглашению? То есть произошло ли деление *дивидендов* — или, по причине глубокой и скорбной бедности «Современника», — всё это было отложено до следующего раза? [11] — Видаетесь ли Вы с «Русским вестником» и с «Атенеем»? [12]

Здесь я часто говорю об Вас с Черкасским — и с двумя Бакуниными (одного Вы знавали в Севастополе) [13]. У Бакуниных очень тёмно в голове.

До свидания; будьте здоровы.— Поклонитесь Фету и его жене. Аксаковым я на днях написал [14].— Поклонитесь Вашей сестре и брату Н⟨иколаю⟩ Н⟨иколаевичу⟩.

Ваш

Ив. Тургенев.

На конверте:

Russie. Moscou.
Mr le comte Léon Tolstoï.
В Москве.
На Пятницкой, в доме Варгина.
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.

667. Н. А. НЕКРАСОВУ

18 (30) января 1858. Рим

Рим.
18/30-го янв. 1858.

Наконец подал ты голос, любезный Некрасов[1] — и хотя о тебе доходили слухи хорошие — однако всё же лучше было прочесть своими глазами, что твое здоровье исправляется. Остальные вести о тебе, о твоей деятельности и т. д. менее приятны — но мне кажется, если тело твое окончательно укрепится — и душа воспрянет, особливо под влиянием времени, в котором мы живем, и ответственности, которая поневоле падает на каждого[2].— Я вижу, что, несмотря на твою апатию, ты хлопочешь о «Современнике»; это необходимо нужно — а приехавши в Россию, я хорошенько потолкую с тобой о том, что следует предпринять[3]. А приеду я в Россию в самом начале мая, не дожидаясь навигацию. Одна смерть моя может помешать этому.

Я очень рад, что «Ася» тебе понравилась; желаю, чтобы и публике она пришлась по вкусу, хотя время теперь, кажется, вовсе не туда глядит [4].— Я занят теперь большою повестью [5], которую приготовлю к сентябрю — план ее известен Боткину и весьма им одобрен. А до возвращения вышлю-таки «Гамлета», который уже давным-давно родился и просится на свет божий [6].

Позволь мне слегка попенять тебе и Панаеву: зачем вы не выслали мне «Асю» в куверте на мой счет? И отчего получивши здесь на poste restante ноябрьский № «Современника», декабрьский так и не явился? Также просил я Панаева написать мне, были ли высланы по моей просьбе 600 фр. в Париж портному Гюману — и он мне ничего не дал знать. Высылать сюда теперь книги уже поздно; но письма меня застанут.— Вот мой план.

1) Из Рима выезжаю я 7/19 февраля в Неаполь.

2) Возвращаюсь в Рим 28/16-го февраля и остаюсь в нем до 1/13-го марта.

3) С 1/13-го марта по 1/13-е апреля скитаюсь по Флоренции, Венеции, Милану, Женеве и доезжаю до Парижа.

4) В Париже остаюсь 15 дней и еду прямиком в Россию [7].

Стало быть, в Рим мне писать еще можно, а потом надобно будет адресовать письма в Париж, poste restante. Прочтя слово: Париж, ты, пожалуй, подумаешь: «врет он, там и останется».— На это скажу тебе одно: одной

особы тогда в Париже *не будет* [8] — и я заеду туда только для свидания с дочкой и, кстати, для присутствования на свадьбе кн. Орлова, у которого я шафером — т. е. у его невесты, Трубецкой.

В мае месяце я дней десять проведу в Петербурге — куда вернусь на зиму, как только приведу в некоторую ясность мои дела по имению.

Очень было бы хорошо, если бы «З‹аписки› о‹хотника›» были, наконец, позволены, только я не могу согласиться на какие-нибудь изменения или пропуски [9]. Что же касается до «Помещика», то я надеюсь, что ты велел выкинуть строфу о «славянофилах» — а то это бы меня весьма огорчило [10].

Прощай, будь здоров, поклонись всем добрым приятелям и, если не поленишься, — напиши мне еще сюда и вышли «Асю» в куверте.

Твой
Ив. Тургенев.

668. П. В. АННЕНКОВУ

19 (31) января 1858. Рим

Рим. 19(31) января 1858.

Я виноват перед вами, как нельзя более — не отвечал на ваше письмо от 21-го декабря [1] и не переписал совсем конченные два письма (№ 2 и 3) для Корша. С нынешнего дня засел я за эту работу, и через 4 или 5 дней они отправятся к вам [2]. Мысль, что первое письмо вам понравилось, меня ободряет и развязывает руки [3]. Я не хочу только откладывать ответ мой на ваше письмо от 8-го января [4]. Причины моего замедления были двоякие: некоторые рассеяния и довольно серьезная и для меня не совсем привычная работа, о которой я поговорю с вами лично и которая касается вопроса, занимающего теперь всю Россию [5]. Очень вам благодарен за доставленные сведения и проч. В ваших письмах наш брат, живущий в отдалении, щупает пульс своей страны и общества.

Отзыв ваш об «Асе» меня очень радует [6]. Я написал эту маленькую вещь — только что спасшись на берег — пока сушил «ризу влажную мою» [7], — а потому я бы вовсе не удивился, если б моя первая — после долгого перерыва — работа не удалась. Оказывается, что она вышла изрядная — и я искренно этому радуюсь.

Рассеяния, о которых я упомянул выше, состоят во множестве новых знакомств. Из них упомяну великую

княгиню Елену Павловну, с которой я уже имел несколько длинных разговоров. Она женщина умная, очень любопытствующая и умеющая расспрашивать и — не стеснять; на конце каждого ее слова сидит как бы штопор — и она всё пробки из вас таскает: оно лестно, но под конец немного утомительно [8]. Сошелся я очень близко с кн. Черкасским (Владимиром) и его женой; очень они милые, живые люди. Видаю часто князя Д. Оболенского, г-жу Смирнову... иногда Бакуниных, также Ростовцева, сына Иакова. Трудно выразить, что это за милый, симпатический, честный и откровенный человек. Из художников, после Иванова, самый приятный Сорокин, как человек; таланта у него, к сожалению, нет. Изо всех здешних художников талант есть только у одного Худякова, но сам он. . . необразован, завистлив и надут. Молодой живописец Никитин сделал мой акварельный портрет; все находят его чрезвычайно схожим [9].

Известия об обеде в Москве и т. д. радуют и в то же время несколько пугают. Я не думаю, чтобы теперь такое время, когда нужно шуметь. Вы прочтете в «Nord» небольшое письмо, написанное мною в ответ на статью, помещенную об этом обеде; там была несправедливая выходка против славянофилов — как будто они не желают освобождения крестьян, между тем как они-то больше всех и хлопотали о нем. Я в этом письме заступаюсь за них с *этой только точки зрения*. Я это сделал в угоду Черкасскому, письмо которого не было бы принято. Впрочем, и мое, пожалуй, не примут [10].

Пушкина (т. е. издания) еще нет здесь [11]. Гг. «Современники» также не выслали свой декабрьский номер. О свадьбе Ол⟨ьги⟩ Алекс⟨андровны⟩ ничего не слыхал [12]. Она в Ницце, и здоровье ее хорошо. Жаль мне очень бедного Дружинина. Боткин только на днях получил письмо от него (оно провалялось месяца два на почте) и тотчас отвечал ему. Наружность Дружинина мне весьма не понравилась уже в Зинциге. Знаете ли — мне почему-то кажется, что у него должен быть diabète sucré (моча с сахаром).— весьма быстро изнуряющая и опасная болезнь. Нельзя ли шепнуть об этом Шипулинскому? «Иногда и слепая свинья набредет на желудь», гласит немецкая пословица — и, может быть, моя мысль — справедлива [13].

Погода у нас здесь стоит чрезвычайно ясная и холодная. Говорят, в Венеции выпал сильный снег и лагуны замерзли. Боятся, как бы в карнавал не пошли дожди. Здоровье мое если не хорошо, то, по крайней мере, удов-

летворительно. Мучений нет, а уж от malais'а я и не надеюсь отделаться.

Ждите двух больших пакетов через несколько дней. Да непременно вышлите сюда «Атеней». Если увидите Д. Колбасина, напомните ему, что я жду от него ответа на некоторые мои запросы [14]. Пишите мне пока в Рим — poste restante. Я отсюда окончательно выезжаю только 1 (13) марта. Жму вам дружески руку и остаюсь И. Т.

P. S. Поклонитесь от меня кн. Вязем⟨ской⟩ [15], да сходите, наконец, к графине Ламб⟨ерт⟩ и попросите ее написать мне свое мнение об «Асе» — нужды нет, выгодное или невыгодное [16].

669. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

19 (31) января 1858. Рим

Ce 31 janvier 1858.
Rome.

J'ai reçu tes deux lettres, ma chère Paulinette; tu es bien gentille de m'écrire souvent [1] — mais bon Dieu! quel griffonnage! Tu deviens presque illisible. Voyons, soigne donc un peu ton écriture.

Je te demande pardon d'avoir oublié de mettre la bonne adresse et de t'avoir fait donner un savon. Quant à la grave question de la robe, je ne demande pas mieux que de t'en faire faire une; mais puisque à la réception de cette lettre Mme Viardot se trouvera à Paris [2] — c'est elle que je charge de décider la couleur, etc. et d'y mettre le prix. Je puis bien aller jusqu'à cent francs — enfin c'est elle qui décidera. Tu seras bien contente de la revoir, n'est-ce pas? Je vais te charger d'une commission qui te sera agréable; en la remerciant embrasse-lui les deux mains bien fort, à mon intention.

Je vois avec plaisir que la famille T⟨roubetzkoï⟩ [3] a de l'affection pour toi; j'espère que de ton côté tu aimes beaucoup toutes ces personnes.

Quant à la velléité de coquetterie que tu sens en toi — il ne faut pas s'en consoler en se disant que tout le monde est ainsi; il faut lutter là contre, car tu auras beau faire — il t'en restera toujours assez; tandis que si tu te laisses aller à la dérive, tu n'en auras que trop.

Tu ne me parles pas de ton piano, j'espère que tu ne le négliges pas.

Raconte-moi cette noce et le bal auxquels tu vas assister. Donne-moi des nouvelles de M. Viardot — j'espère que la maladie n'est pas grave.

Tu diras à la p⟨rince⟩sse Catherine [4] que je lui écrirai une lettre l'un de ces jours. Je compte être à Paris vers le 10 du mois d'avril, peut-être même y serai-je pour les fêtes de Pâques — mais pas avant.

En attendant, je t'embrasse sur les deux joues et te prie de penser à moi et de travailler ferme.

Ton père
J. Tourguéneff.

670. ПОЛИНЕ ВИАРДО

20 января (1 февраля) 1858. Рим

Rome,
le 1-er février 1858.

Chère et bonne Madame Viardot, je viens de recevoir votre lettre de Berlin [1] et, tout en vous remerciant d'avoir pensé à moi, je me mets à vous écrire une réponse que j'adresse, d'après votre indication, à Paris. J'espère qu'une fois rentrée dans votre nid, vous aurez trouvé Viardot complètement guéri de son lumbago, qui paraît l'avoir fait beaucoup souffrir. La maison de la rue de Douai avec tout ce qu'elle renferme vous sera doublement chère après une absence de deux mois, toute pleine d'émotions, de succès et de triomphes que cette absence ait été [2]. Jouissez de votre *home* et reposez-vous sur vos nouveaux lauriers, et moi, je vais, puisque vous le voulez bien, vous raconter un peu ma vie.

Il faut avouer qu'elle a été pas mal dissipée, cette vie, dans ces derniers temps. J'ai peu travaillé, mais j'ai vu beaucoup de choses et surtout beaucoup de monde, russe, anglais, etc. Cependant, j'ai trouvé le temps d'écrire un assez long mémoire (ceci entre nous) sur la nécessité de fonder en Russie un organe spécial, une revue hebdomadaire, exclusivement destiné à traiter toutes les questions qui se rattachent à la question de l'émancipation des paysans [3]. La grande majorité de la noblesse a peur des intentions du gouvernement et se prépare à faire de l'opposition; le seul moyen de la calmer, tout en lui expliquant les difficultés de la situation, serait d'avoir recours à la publicité la plus étendue; mais c'est un moyen auquel toutes les vieilles traditions de notre bureaucratie répugnent et je doute fort

que mon mémoire, qui sera pourtant lu en haut lieu, y fasse quelque chose. Enfin, il faut toujours essayer, il en adviendra ce qui pourra.

Je crois vous avoir écrit que j'ai été présenté à la G⟨ran⟩de Duchesse Hélène. J'ai déjà eu plus d'une longue conversation avec elle. Causer avec une princesse ressemble fort à un examen qu'on subit; pourtant, il faut avouer qu'elle sait mettre son interlocuteur à son aise [4]. Il y a dans sa suite une d⟨emoise⟩lle Stubbe, qui prétend avoir reçu plusieurs leçons de vous et qui vous vénère et vous adore, ce qui est fort naturel; elle a la voix un peu rude et peu maniable, mais elle a de l'intelligence musicale et beaucoup d'ardeur [5]. Elle chante quelques-unes des choses que je vous ai entendu chanter (le «Lascia ch'io pianga» [6] entr'autres) — vous pouvez vous imaginer que cela me fait beaucoup de plaisir et un peu de peine en même temps.

Je suis si *content* que vous soyez *contente* de nos frères slaves de Varsovie! Quant au prince W.? [7], que je ne connais pas, mais dont je connais les frères, il appartient à une famille très remarquable par les sentiments chevaleresques, par la loyauté de caractère qui la distinguent. Et puis, comme vous le dites fort bien, c'est un Russe, et tous les Russes sont vos sujets.

Retournons à ma vie. Aucune matrone romaine ne m'a servi de modèle et je suis comme Antée [8], je ne puis quitter le sol natal sans perdre le peu de forces que je puis avoir. Il paraît que la nouvelle que j'ai envoyée d'ici au «Contemporain» a eu du succès [9] et je suis en train d'entamer un assez grand roman dont je crois vous avoir raconté le plan un soir à Paris [10]. Ce plan a subi depuis de grandes modifications. A propos, vous savez que je tiens beaucoup à savoir votre opinion sur toutes les choses que vous lisez de moi. Surmontez l'ennui qu'elles peuvent vous causer et ayez la bonté de me dire votre opinion. Bitte, bitte!

Dites-moi ce que vous pensez de la musique de Gounod sur «Le Médecin malgré lui» [11]. Qu'est-ce que c'est que «Le Fils Naturel» de Dumas [12] ?

Je ne vais pas à l'Opéra ici. On donne toujours du Verdi, et puis les deux troupes sont mauvaises. J'ai vu Salvini une seule fois dans une insupportable tragédie d'Alfieri [13], ce forcené à froid. Il remplissait le rôle d'Oreste, ou plutôt celui d'un idiot ridicule, qui ne pense qu'à boire le sang d'Egisthe. Salvini est très beau de figure, il a du talent, mais il exagère à l'italienne et il fait la roue. Il m'a rappelé Karatiguine.

J'ai entendu de la bonne musique sacrée à St. Paul ou plutôt la musique (d'un maestro moderne, un Mr Capocci [14]) n'était pas très bonne, mais l'exécution a été superbe. Il y a dans la Chapelle Papale de très belles voix de basse et un célèbre soprano, du nom de Moustapha, qui chante très bien, mais j'avoue que le timbre de ces voix-là me donne la chair de poule.

Voyons, theuere Freundinn, ne faites plus la paresseuse. Ecrivez-moi de très petites lettres, si vous voulez; mais écrivez-moi. Je reste à Rome jusqu'au 19 février, puis je vais à Naples pour une huitaine de jours et je rentre à Rome pour la quitter définitivement le 10 mars. Vers le 10 avril je serai à Paris, mais vous serez déjà probablement à Londres [15].

Paulinette me prie de lui faire faire une robe. Je ne demande pas mieux, mais décidez vous-même ce qu'il faut lui faire et quel prix il faut y mettre. En voilà une qui sera contente de vous voir! Quand elle vous baisera la main droite, pensez que je vous baise la main gauche. Embrassez de ma part les enfants. Mille amitiés à Viardot, à Mme Garcia et à tous les amis. Portez-vous bien et n'oubliez pas Den Ihrigen bis in den Tod.

J. T.

671. Е. А. ЧЕРКАССКОЙ

Январь ст. ст. 1858. Рим

С большим удовольствием явлюсь к Вам в субботу, любезная княгиня.— Василию Петровичу [1] я передал Ваше поручение — и он также будет.

До свидания.

Душевно преданный Вам
Ив. Тургенев.

На обороте:

Ее сиятельству
княгине Екатерине Алексеевне
Черкасской.

672. В. А. ЧЕРКАССКОМУ

6 или 13 (18 или 25) февраля 1858. Неаполь

Я нашел для Вас отличную квартеру с видом на Везувий и т. д.— в Hôtel de Russie (почти напротив нас) — но не решился взять, потому что не знал Ваших намерений. В случае если у Вас нет ничего решенного — ступай-

те прямо в Hôtel de Russie и спросите № 38. Он стоит 5 пиастров в день. Мы стоим в Hôtel di Roma — но он весь битком набит.

До свидания.

Ваш
Четверг. Ив. Тургенев.

673. ЛУИ ВИАРДО

24 февраля (8 марта), 3 (15) марта 1858. Рим

Rome,
ce 8 mars 1858.

Mon cher ami, je viens de Naples où j'ai passé une quinzaine de jours assez agréablement [1] — et j'ai trouvé ici une quantité de lettres (principalement de Russie), qui m'attendaient. — Après y avoir mûrement réfléchi, je me suis décidé à ne pas manquer à la promesse que j'avais faite à Orloff [2] — et de venir à Paris pour assister à son mariage, ce qui me donnera l'occasion de voir Paulinette; mais je ne pourrai pas me rendre à Paris avant le commencement du mois de mai; car voici mon itinéraire: je pars d'ici dans 5 à 6 jours — et je mets un mois pour arriver par Florence, Milan et Venise à Vienne — où je reste deux ou trois semaines à consulter le docteur Siegmund pour ma chienne de maladie, qui ne veut pas me quitter; vous voyez que cela me mène au commencement du mois de mai [3]. — Vous serez probablement en Angleterre à cette époque [4]. — Si vous (ou Mme Viardot) vouliez m'écrire, je vous prierais d'adresser vos lettres à Vienne, poste restante. — Il paraît que les succès de Mme V⟨iardot⟩ en Allemagne ont été très grands et très réels — tant mieux ! [a5]

Le 15 mars.

Je pars aujourd'hui même pour Florence, cher ami; je vous envoie une traite de 1000 francs (ci-inclus), dont 600 pour Paulinette; je vous prie de remettre les autres 400 au prince Orloff, pour qu'il les restitue au dr Riedel, à qui je les dois. — Ayez la complaisance de me faire savoir à Vienne la réception de cette lettre [6]. — Je ne sais si je vous ai prié de remercier Templier de ma part pour les exemplaires de la traduction Marmier [7], qu'il m'a envoyés; il serait bien aimable de m'envoyer un exemplaire de notre traduction à Vienne [8]. — Mme V⟨iardot⟩ doit être

---

[a] *Далее фраза зачеркнута.*

de retour à Paris à l'heure qu'il est [9]; dites-lui bien des choses de ma part. J'espère que votre santé va bien — j'embrasse tous les enfants et vous serre cordialement la main.

Votre
J. Tourguéneff.

674. Д. Я. и Е. Я. КОЛБАСИНЫМ

26 февраля (10 марта) 1858. Рим

Рим.

24-го[а] фев. / 10-го марта 1858.

Милые друзья мои, я на днях вернулся из Неаполя, где провел две недели с Боткиным — и через 4 дня выезжаю из Рима [1]. Я еду через Флоренцию, Милан, Венецию и Триест в Вену, где пробуду дней десять (от 15-го до 25-го апреля нового стиля) для совещания с известным доктором Зигмундом. Из Вены я, может быть, прямо поеду через Варшаву в Петербург; а может быть, я заверну в Париж, и тогда приеду в Петербург с первым пароходом. Поэтому прошу вас письма посылать в Вену, poste restante. Следуют некоторые поручения:

1) Скажите Анненкову, что я *свинья* (так-таки и скажите), до сих пор не послал ему продолжения писем Коршу; причиной этому была гнусная лень, хандра и в то же время рассеяния; но теперь я буду один (я расстаюсь с Боткиным) и исполню мое обещание. Все *10* писем будут доставлены в Россию *до* моего возвращения, за это я ручаюсь [2]. С другой стороны, попеняйте ему: зачем он не послал 7-го тома Пушкина и др⟨угих⟩ книг прежним порядком, т. е. адрессуя их poste restante — я бы их давным-давно получил, а то он их адрессовал в посольство, и до сих пор о них ни слуху ни духу. Также и 1-й № «Современника» не показал носа — и я не знаю, как напечатана «Ася», что, впрочем, беда небольшая — ибо, по сведениям, она блистательно и с треском провалилась, несмотря на ваши благодушные отзывы. И господь с ней! [3]

2) Сообщите мой адрес в Вене и другим друзьям; а из Вены я вам напишу, еду ли я прямо в Петербург или с изгибом.

3) От Панаева или Некрасова ничего положительного узнать нельзя; но узнайте, пожалуйста, стороною, полу-

---

[а] *Так в подлиннике.*

чил ли кто-нибудь из пресловутых «обязанных» пресловутый дивиденд — или до сих пор всё только наводятся справки, и дайте мне знать [4].

Прочел я Ваших «2-х зайчиков» [5]; штучка несколько неправдоподобная и форсированная, но с зацепом и забавная. Я уверен, что многие ее прочли с удовольствием.— Чего же более?

Здоровье мое всё нехорошо; видно так уж придется маячиться до вожделенного момента околенья. В мае (в начале или конце) увидимся, и уже тогда — шалишь! ни ногой из России. А до тех пор обнимаю вас обоих и остаюсь

любящий вас
Ив. Тургенев.

675. А. А. ФЕТУ

26 февраля (10 марта) 1858. Рим

Рим.
24-го[а] фев. / 10-го марта 1858.

Милый Фет.

Я виноват перед Вами! не тотчас отвечал на Ваше первое письмо [1]. Причиной тому была поездка в Неаполь, где мы с Боткиным провели около двух недель весьма приятно, несмотря на неудовлетворительную погоду и на отсутствие зелени, придававшее всем великолепнейшим видам какую-то унылую и сухую мертвенность. Неаполь надо видеть летом! Но на нет суда нет — мы и тем были довольны. Помпеи произвело большое впечатление — а также Голубой грот и поездка туда.

Теперь я накануне отъезда из Рима; отправляюсь, не спеша, через Флоренцию, Милан и Венецию в Вену, где я проведу недели две (от 10 до 25-го апреля) для совещания с докторами. Из Вены я еще не знаю наверное, поеду ли я прямо в Петербург — или не заеду ли сперва в Париж для того, чтобы, по обещанью, быть шафером на свадьбе кн ⟨язя⟩ Орлова [2]. Видно, быть шафером мне уже на роду написано [3]. Во всяком случае, задержать это меня долго не может — и я либо в начале, либо в конце мая, если только буду жив и здоров, буду в Спасском — и тогда-то, богу изволящу [4], начнется та жизнь, о которой мы так часто толковали и мечтали. . . если крестьянский вопрос не помешает.

[а] *Так в подлиннике.*

Не Вы одни осудили «Асю»; слухи о ней доходят неблагоприятные: не вытанцовалась голубушка. Что делать; досадно; но не плакать же. В другой раз, может быть, лучше посчастливится [5].

Присланные Вами стихи очень лестны и очень милы. Один лишь стих: «И верно чуя, что просторней» — не лезет в горло. Зимой, при издании Ваших новых стихотворений, большая будет перепашка [6]. Дай Вам бог удачи и терпенья при «Антоние и Клеопатре» [7]!

Здоровье Ваше не совсем хорошо; это скверно, и я, богом убитый человек, Вам сочувствую; авось весна и деревня приведут всё в порядок. Но все-таки Вам не должно и думать жаловаться: с такой женой, какова Ваша, это грех.

Кстати, правда ли, что Толстой женится на дочери Тютчева [8]? Если это правда, я душевно за него радуюсь. Только я сомневаюсь в истине этого слуха: Вы совсем другое о нем пишете. Я и перед ним виноват, т. е. я в долгу у него за его последнее письмо [9]. Поклонитесь ему от меня и скажите, что мы беспрестанно вспоминаем о нем с Боткиным. Уведомьте меня (poste restante в Вену) — правда ли, что он женится, и работает ли он, и что делает его сестра? Я ему напишу из Флоренции длинное письмо — между прочим, я отвечу ему на его запрос в письме к Боткину об одном *отрывке* — он знает, о чем идет речь [10]. Письмо это только на днях дошло до боткинских рук.

Подписка, говорят, на все журналы идет отличная; но мы, грешные, здесь ничего не позволяем[a], по милости г-д редакторов. Ох уж эти друзья!

Ну прощайте; будьте веселы и благополучны. Кланяйтесь Аксаковым, Толстому — а у Вашей жены я ручки целую.

Ваш
Ив. Тургенев.

676. ТОМАСУ КАРЛЕЙЛЮ

28 февраля (12 марта) 1858. Рим

Monsieur,

Il est probable que vous avez oublié la visite que j'eus l'honneur de vous faire l'année passée [1]; mais je me permets de me rappeler à votre souvenir pour avoir en même temps le plaisir de vous recommander Mr Botkine, littérateur fort

---

[a] *Так в подлиннике, по-видимому ошибочно, вместо:* получаем

distingué, qui a été le premier à faire connaître au public russe vos ouvrages, dont il a traduit quelques fragments avec le plus grand talent [2]. Il désire beaucoup faire votre connaissance.— J'ose croire que vous le recevrez avec votre bienveillance ordinaire. — Je vous prie de présenter mes compliments empressés à Mme Carlyle — et de croire aux sentiments d'estime et d'admiration

de votre tout dévoué

Rome. J. Tourguéneff.

Ce 12 mars 1858.

677. МАНУЭЛЮ ГАРСИА

28 февраля (12 марта) 1858. Рим

Querido amigo,

Je vous recommande [1] aussi chaudement que je puis un de mes meilleurs amis, Mr Botkine, qui, entr'autres bonnes choses, a écrit un excellent livre sur l'Espagne [2] et se connaît fort en musique [3]. Toutes ces raisons (sans parler de notre amitié que je mets en première ligne) doivent militer puissamment en sa faveur, ce qui fait que je compte beaucoup sur la réception que vous lui ferez. D'ailleurs c'est un très bon enfant, ce qui ne gâte jamais rien. Sur ce, je vous embrasse, vous souhaite mille prospérités et me dis votre

Rome. J. Tourguéneff.

Ce 12 mars 1858.

678. РИЧАРДУ М. МИЛНСУ (?)

28 февраля (12 марта) 1858. Рим

Monsieur,

Permettez-moi de vous recommander le porteur de la présente, Mr Botkine, un de nos meilleurs littérateurs et critiques, qui se rend en Angleterre pour y passer deux mois [1]. La bienveillante affabilité de la réception que vous m'avez faite m'en fait espérer une pareille pour Mr Botkine qui la mérite à tous égards [2]. Je profite de cette occasion pour vous réitérer l'expression des sentiments de haute estime, avec lesquels je suis, Monsieur,

votre tout dévoué

Rome. J. Tourguéneff.

Ce 12 mars 1858.

679. ДЖОНУ ДЖ. ШОУ-ЛЕФЕВРУ (?)

28 февраля (12 марта) 1858. Рим

Monsieur,

Un des souvenirs les plus agréables que j'ai emportés d'Angleterre [1] — a été le temps que j'ai passé avec vous et votre aimable famille [2]. Permettez que je procure le même plaisir à un de mes amis intimes, à Mr Botkine, littérateur russe très distingué, qui se rend en Angleterre. Si vous continuez à vous intéresser à la langue russe, il pourra vous donner beaucoup de renseignements importants [3].

Je ne sais quand je pourrai venir en Angleterre [4] — mais je vous prie de croire que de près comme de loin, je vous ai voué ainsi qu'à toute votre famille et à votre fils — une véritable et sincère amitié. Acceptez-en l'expression ainsi que l'assurance de la plus grande estime

de votre tout dévoué

Rome. J. Tourguéneff.

Ce 12 mars 1858.

680. Н. А. НЕКРАСОВУ

1 (13) марта 1858. Рим

Рим.

1/13-го марта 1858.

Любезный Некрасов,

Давно мы с тобой не переписывались; — но я не хочу выехать из Рима, не дав о себе вести. Притом мне нужно тебя просить кое о чем. — Завтра меня уже здесь не будет — и я через Флоренцию, Венецию и Триест еду в Вену, куда прибуду через месяц и пробуду там 2 недели для совещания с врачами. Из Вены я еще не знаю: прямо ли я поеду через Варшаву в Петербург — или заеду сперва в Париж. Во всяком случае в начале или в конце мая — я в России [1]. Прошу тебя вследствие этого немедленно по получении сего письма выслать мне в Вену — poste restante — следующие мне деньги за «Асю» и за прошлогодний дивиденд, за вычетом денег, посланных в Париж Гюманну [2]. Я буду в большом затруднении, если ты этого не сделаешь. Что же касается до обязательства на нынешний год, то мне кажется, едва ли вам, издателям «Современника», не будет выгоднее нарушить это условие? Из некоторых твоих выражений я вправе заключить, что ты этого желаешь — и я, по крайней мере с своей стороны,

затруднений делать не буду и на всё соглашусь [3]. Об этом мы, впрочем, потолкуем в Петербурге. Но высылку денег и расчета в Вену убедительно прошу не откладывать; уже и так, несмотря на уверения Панаева, я в Риме не получал ничего, ни последних №-в «Современника», ни других книг, хотя ничего не могло быть легче пересылки их (чему доказательством служат 2 №-а «Совр⟨еменник⟩а», полученные в ноябре за небольшую сумму); я рассчитываю на эти деньги в Вене.

Радуюсь очень успеху и отличной подписке на «Современник», желаю ему деятельности и удачи [4].— NB. Прошу также выслать мне в Вену вырезанный экземпляр «Аси» в виде письма [5].

Здоровье мое всё не хорошо; римский климат оказался мне вредным. Боткин процветает.

До свидания, через 2 месяца с небольшим. Кланяюсь всем приятелям и надеюсь на твою дружбу.

Твой
Ив. Тургенев.

681. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

3 (15) марта 1858. Рим

Chère Paulinette,

Voici deux pendants d'oreilles et une broche en corail de Naples que je t'envoie, j'espère qu'ils te feront plaisir. Je t'écrirai dans 3 ou 4 jours de Florence [1], maintenant, je me contente de t'embrasser. A revoir.

Ton père
J. Tourguéneff.

Rome,
ce 15 mars 1858.

682. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

6 (18) марта 1858. Флоренция

Florence,
ce 18 mars 1858.

Depuis que je t'ai écrit, chère Paulinette [1], j'ai été à Naples, et, comme tu le vois, j'ai quitté Rome. Il y a longtemps que j'aurais dû t'écrire — mais enfin le mal est fait — et j'espère que tu ne m'en voudras pas. Je t'annonce mon arrivée à Paris dans 6 — mettons 5 semaines — et pour te faire prendre un peu patience, je t'envoie par un monsieur russe de ma connaissance qui doit quitter aujourd'hui Rome pour se rendre directement à Paris — une paire

de boucles d'oreilles et une broche en corail de Naples [2]. En même temps, je te prie aussitôt que tu auras reçu ma lettre — de m'écrire immédiatement à Venise (poste restante) — 1) si Mme Viardot est de retour à Paris; 2) comment elle se porte et que fait Viardot. 3) ce que tu fais toi-même, ce que fait la famille Troubetzkoï, etc., etc. N'oublie pas de me faire savoir l'époque à laquelle Mme Viardot compte aller en Angleterre [3]. En un mot, raconte-moi tout ce que tu sais — et fais-le immédiatement, si tu veux que ta lettre me trouve à Venise [4].

J'espère que ta santé est bonne et que tu travailles bien; en attendant que je t'embrasse pour de bon, je t'embrasse par écrit. Mille amitiés à la famille Troubetzkoï.— Que fait Didie, Louise et les autres enfants?

Ton père
J. Tourguéneff.

683. В. П. БОТКИНУ

3—13 (15—25) марта 1858. Флоренция

Любезный Боткин,

Очень жалко, что не дождался тебя. Оставляю тебе адресс Григорьева: Borgo SS. Apostoli, primo piano № 1169 — appartements meublés chez Santi Falossi. Советую тебе познакомиться через него с г-жею Ольхиной; прекрасная женщина. Я еду в Геную, а оттуда в Милан и т. д. Флоренция — прелесть; обрати внимание, между прочим, на картину, приписываемую Рафаелю — в Palazzo Pitti, № 245, в зале «Воспитания Юпитера»; это модель его Мадонн вообще и Дрезденской в особенности [1].

Будь здоров и до свидания в России.

Твой
И. Тургенев.

P. S. Купи себе guide Murray для Флоренции [2].

На обороте:

Al S-re Basilio Botkin.

684. Е. А. ЧЕРКАССКОЙ

13 (25) марта 1858. Пиза

Пиза.
25-го марта 1858,
10 часов вечера.

Здравствуйте, любезнейшая княгиня!

Как Вы поживаете без Вашего мужа [1] — и — осмеливаюсь прибавить — без нас с Боткиным? Чай, плохо.

А я так вот жил хорошо: насладился Флоренцией досыта: всё было прекрасно: она сама, погода — здоровье не совсем было удовлетворительно; зато я здесь познакомился с одной барыней, родственницей Ростовцева — такая прелесть, что и сказать нельзя. Вы спросите его о ней [2].

Как время-то летит! Давно ли я сидел в Вашей столовой в Via Gregoriana и пожирал свежую ветчину,— а теперь уже всё — и Рим, и Вы, и все эти друзья [3], эти дни — всё уже унеслось и покрылось дымкой... Еще несколько дней — какое дней, несколько мгновений — и вся жизнь улетит! — Право, мне иногда кажется — я уже теперь чувствую ту пыль, которая будет лежать на моей могиле.

Но в сторону грустные мысли! Тем более, что по уверениям мистика Гильденштуббе — весьма легко вести переписку с жителями того света и даже получать от них письма. Княгиня Воронцова [4], которую я здесь видел — дала мне его книгу «Écriture directe des Esprits», к которой приложены facsimilé — Цезаря, Цицерона, апостола Павла и др., писанные без помощи карандаша или пера.— После этого, смерть есть не что иное, как неудачный каламбур.

Кстати о неудачах: Вы можете мне не писать об «Асе»; я знаю (через Боткина), что она Вам не понравилась; для чего же Вам давать себе труд — позлащать мне пилюлю? Я уж и думать о ней позабыл; авось в другой раз удастся лучше [5].

А что делает фрейлейн Штуббе? В сущности она не что иное, как весьма прозаическая немка, которой смерть хочется пожуировать; но Вы скажите ей, что я о ней вспоминаю со вздохом. Пусть она считает меня в числе своих обожателей.

Милейшим Ольсуфьевым поклонитесь от меня. А не менее милейший Ваш брат Александр получил мой фотограф? [6] — Боже! Как я глуп — ведь я только сейчас вспомнил, что другой Ваш брат, Петр, с Вами. Пожалуйста, пожмите ему крепко руку от меня. Жалко очень, что я его дождаться не мог.— Авось мы все увидимся летом [7].

Напишите мне словцо в Вену — poste restante.— Что делает знаменитая чернильница? — J'avoue que je trouve ce cadeau aussi touchant que ridicule; но это между нами.— Что деется с картиной Иванова? [8]

Я намерен сегодня же написать Ростовцеву [9]; а потому Вы ему не кланяйтесь — а другим напомните обо мне. Впрочем, кто бишь эти другие? Ну всё равно — ска-

жите от меня чувствительное слово даже Ховриным; на бумаге — ce n'est pas compromettant.

До свиданья — вероятно — у Вас в деревне.— А ведь странные могут случиться вещи в русских деревнях в 1858-м и следующих годах! [10]

Будьте здоровы и веселы; целую Ваши руки и остаюсь

любящий Вас искренно

Ив. Тургенев.

685. Н. А. ОРЛОВУ

18 (30) марта 1858. Милан

Милан.
30-го/18 марта 1858.

Я очень виноват перед Вами, любезнейший князь — не отвечал на два Ваших письма. Извинением может мне служить то обстоятельство, что вот уже три недели, как я скитаюсь по Италии, был в Сиенне, Флоренции, Пизе, Лукке, Генуе, теперь наконец в Милане, а через час еду в Венецию, где пробыв дней 5 или 6, отправлюсь в Вену для советования с докторами — а оттуда к Вам на свадьбу в Париж — и в Россию. Поэтому прошу Вас дать мне знать в Вену, poste restante, около какого времени мне нужно быть в Париже, т. е. около какого дня будет Ваша свадьба [1]. Мне писала княжна в мае; mais c'est un peu vague. Очень бы Вы меня одолжили.

Надеюсь, что все Ваши здоровы. Имеете ли Вы известия от Вашей матушки, от кн. Трубецкого? Дайте знать об них. Вручил ли Вам Виардо 400 фр., которые я должен был возвратить Риделю [2]? Радуюсь тому, что моя последняя повестушка Вам понравилась, другие ее осуждают [3].

Буду ждать от Вас письма в Вене. Поклонитесь от меня княгине и княжне. Крепко жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

686. П. В. АННЕНКОВУ

26 марта (7 апреля) 1858. Вена

Вена. 7 апреля 1858.

Милый А⟨нненков⟩. Сегодня в 5 час. вечера я приехал сюда, получил ваше письмо в 7-м и отвечаю в 8 [1]. Нечего говорить, как я рад нашему скорому свиданию — всё это само собою разумеется — приступаю к делу.

Не стану вам повторять моей плачевной истории: вы знаете, что вот уже скоро $1\,^{1}/_{2}$ года, как бес в меня вселился в виде болезни пузыря и грызет меня день и ночь. В Италии в течение зимы мне не было облегчения, я не лечился, потому что махнул рукой; однако я теперь хочу попытаться в последний раз, а именно хочу прибегнуть к совету здешнего врача — специалиста по этой части — Зигмунда (для этого я приехал в Вену) и, по крайней мере, месяц лечиться, то есть дать время этому доктору узнать, наконец, что у меня такое, и не ограничиться советом ехать на воды или чем-нибудь в этом роде. Вы видите, что мне теперь из Вены выехать невозможно. Я не видал еще Зигмунда — я увижу его завтра и тотчас напишу вам, что он мне скажет, но я знаю наперед, что он потребует моего пребывания здесь. . . Остается вам приехать сюда [2]; разница всего несколько часов, положим, даже целые сутки, но я надеюсь, что вы пожертвуете ими для меня. Я так был бы рад свидеться с вами! Вы видите, что я прикован здесь; мне уже наскучило попусту советоваться с знаменитостями; я хочу, я должен лечиться — или уже примириться с мыслью, что жизнь моя отравлена. Батюшка П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩! . . Приезжайте! А отсюда ступайте в Лондон — я сам вслед за вами поеду. (Я должен 15 мая присутствовать в качестве шафера на свадьбе Орлова) [3] — и в начале мая на несколько дней буду в Лондоне, куда приедет и Боткин. Одним словом — я вас жду здесь. Вы должны приехать. Это невозможно, чтобы вы не приехали; умоляю вас приехать. Остановился я в гостинице Matshakerhof Seiler-Gasse, № 33. Я жду вас. . . Боже, что мы переговорим. Завтра от меня еще будет письмо. Весь ваш Ив. Т.

687. Д. Я. и Е. Я. КОЛБАСИНЫМ

27 марта (8 апреля) 1858. Вена

Вена.
8-го апр. 1858.

Милые друзья мои,

Сейчас прибыл сюда и получил ваши письма [1]; — благодарю и отвечаю.— Если б не моя болезнь да не глупое обещание быть шафером на свадьбе Орлова [2], сейчас бы поскакал в Россию, где, по всему видно, мое присутствие необходимо. Хотя мне трудно поверить всем слухам, сообщенным вами о дяде, но один факт огласки того векселя (который я ему действительно дал на случай моей смерти)

меня, признаюсь, очень смущает [3].— Во всяком случае знайте, что я *непременно*, если только буду жив, в конце мая в Петербурге; это самый поздний срок; и прошу вас, особенно, Дмитрий Яковлевич, дождитесь меня. Весьма вероятно, что я вторично обращусь к Вам с просьбой помочь мне; во всяком случае, воздух Спасского Вас поправит. Я два раза писал дяде о Степане и никаких 200 руб. сер. не требовал; я ему еще раз напишу; но если б до моего приезда дело не сделалось, пусть Степан потерпит; теперь дела все разрешатся — и его вместе с другими [4]. Я намерен пробыть в Вене недели три; хочется не только посоветоваться с хорошим доктором, но полечиться у него, потому что моя змея грызет меня по-прежнему. Но душа моя, все мысли мои в России; мне противно это нерешительное, переходное состояние.

Я от Некрасова получил письмо и деньги. Коалиция рухнула — и прелестно! . .[5] Насмешила в свое время публику — и то добре́.

Скажите Толстому, что я у него в долгу письмом и напишу ему на днях; надеюсь, что отъезд его за границу — пуф, как слух о его свадьбе; я всё собираюсь пожить хорошенько вместе с ним в деревне. Мы и Вас туда потащим, автор «Зайцев» [6]!

Пишите мне сюда, poste restante; подавайте пародию Апухтина [7]. Скажите Захару, чтобы он не сомневался в моем приезде [8].

Кланяйтесь всем знакомым — Тютчевым, Дарии, Анне Захаровне, и *ждите меня*.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Я от Анненкова получил письмо из Берлина и жду его сюда.

688. Н. А. НЕКРАСОВУ

27 марта (8 апреля) 1858. Вена

Вена.
8-го апреля нов. ст.
1858.

Сегодня к обеду приехал я сюда, любезный друг Некрасов — сегодня же получил твое письмо [1], вложенные деньги (2500 фр.) и экземпляр «Аси» — и спешу известить тебя об этом и благодарить.— Хоть ты пишешь, что при экземпляре «Аси» находился циркуляр *к участникам*, однако такого не оказалось [2]: но всё равно — ты из моего

письма мог видеть, что я заранее на всё согласен, ибо, как ты это справедливо говоришь, всё это я делал не для себя — а для тебя и «Совр⟨еменника⟩». Очень рад, что дела его идут хорошо, и надеюсь привезти весной штуку, которая выйдет очень порядочна или из рук вон плоха (это мы увидим с тобой вдвоем) [3]. Не думай, чтобы Анненков, от которого я тоже получил письмо сегодня из Берлина — меня удержал бы за границей; если б не обещание мое быть шафером у кн. Орлова на его свадьбе, которая будет 15-го/3-го мая, я бы отсюда прямо проехал в Россию, где мои хозяйственные дела требуют моего присутствия. Во всяком случае, если я буду жив, я в конце мая в Петербурге; *никакие* силы меня не удержат здесь долее. . .

«Полно, перестань;
Ты заплатил безумству дань» [4].

Мне жалко, что о себе ты даешь известия плохие [5]; скверные наши годы, скверное наше положение (во многом, как ты знаешь, сходное) [6]; но должно крепиться, не для достижения каких-нибудь целей, а просто чтоб не лопнуть.— Ну, однако, в сторону философию; еще раз спасибо, дождись меня, а там мы еще постреляем у тебя бекасов.— Кланяюсь всем друзьям и обнимаю тебя.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Я в Вене проживу недели три по крайней мере: хочется хорошенько посоветоваться с Зигмундом и Оппольцером (2 медицинских туза).

689. Л. Н. ТОЛСТОМУ

27 марта (8 апреля) 1858. Вена

Вена.
8-го апреля нов. ст.
1858.

Любезный Толстой.

Давно я не писал Вам — я у Вас в долгу,— но часто думал о Вас и вот теперь, приехавши в Вену, беру перо и хочу немножко поболтать с Вами. Я полагаю, Вы знаете что я скоро возвращаюсь в Россию, во всяком случае не позже конца мая. Где-то мы увидимся с Вами? Досюда дошли слухи, будто Вы собираетесь за границу, но мне, при сильном желании видеть Вас летом — т. е. не просто видеть — а видаться с Вами — часто — не хочется верить этим слухам. Говорили же в Риме, что Вы женитесь! —

Не зная наверное, где Вы, посылаю Вам это письмо через Колбасина.

Что Вам сказать о себе? — Мое здоровье всё так же дурно — и я нахожусь в Вене для консультации с известным здешним доктором. Много мне повредила моя болезнь — лучшие дни были ею отравлены,— а все-таки я вынес великое впечатление из Италии, которую в этот раз больше узнал, чем прежде. Я доволен зимою, прожитою в Риме. Несколько хороших семян запало в душу,— взойдут ли они — это господь знает. Я знаю, Вы недовольны моей последней повестью [1]; и не Вы одни, многие из моих хороших приятелей ее не хвалят; я убежден, что все вы правы; — а между тем я писал ее очень горячо, чуть не со слезами — стало быть, никто не может знать, что такое он делает. Если б мне сказали, что «Ася» вышла отличная вещь — я бы удивился — зная, в каком душевном расстройстве я находился, когда я писал ее — но я бы поверил; а теперь я верю и даже как будто вижу, что она неудачна и плоха.— Как ни вертись, если нет большого, здравого таланта, всякий раз выходит лотерея.

Итак, наше «обязательное соглашение» рухнуло! [2] Этого следовало ожидать.— Я очень доволен этим оборотом дела. Словно на волю отпустили, хотя на что она, эта воля? — Некрасов, говорят, отказал Вам поместить «Погибшего» [3]; теперь, слышно, Вы его переделали; а другие Ваши работы подвигаются?

Известите меня, что делает Дружинин? Говорили, что он очень плох. Потом прошел слух, что ему стало лучше. Напишите слова два о нем, о Писемском; Анненкова я надеюсь сам скоро увидать; я получил от него письмо из Берлина — и зову его сюда.

Боткин показал мне Ваше письмо, где Вы с таким жаром говорите о намеренье основать *чисто художественный* журнал в Москве [4]. Политическая возня Вам противна; точно, дело грязное, пыльное, пошлое; — да ведь и на улицах грязь и пыль — а без городов нельзя же. Кстати о Боткине: я провел с ним целую зиму: он умнейший человек, весь отстоялся и просветлел, как отличное вино,— но его старческое, всестороннее обращение к наслаждению — подчас бывает неприятно. У него точно несколько ртов, кроме телесного: эстетический, философский и т. д.— и он всеми ими чавкает. Но он бесценный товарищ и советчик.

Эх, любезный Толстой, если б Вы знали, как мне тяжело и грустно! Берите пример с меня: не дайте проскольз-

нуть жизни между пальцев — и сохрани Вас бог испытать следующего рода ощущение: жизнь прошла — и в то же самое время Вы чувствуете, что она не начиналась, — и впереди у Вас неопределенность молодости со всей бесплодной пустотой старости.— Как Вам поступить, чтобы не попасть в такую беду — не знаю; да, может быть, Вам вовсе и не суждено попасть в эту беду. Примите по крайней мере мое искреннее желание правильного счастья и правильной жизни. Это Вам желает человек глубоко — и заслуженно — несчастный.

Известите меня, что делает Ваша сестра и брат Ваш Николай? Где они проведут лето? Дружески кланяюсь им обоим. Аксаковым я писал еще из Рима [5].— До свидания, будьте здоровы и веселы.

Ваш
Ив. Тургенев.

690. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

27 марта (8 апреля) 1858. Вена

Vienne,
ce 8 avril 1858.

Chère Paulinette,

Je suis ici depuis hier et je me hâte de t'annoncer mon arrivée. J'ai trouvé tes deux lettres qui m'attendaient à la poste restante. Je commence par te tranquilliser sur mon retour à Paris; il a été retardé — mais sois bien sûre que je ne m'en irai pas clandestinement en Russie sans te dire adieu et t'embrasser; il ne faut pas que tu te fasses de mauvais sang là-dessus. Je serai à Paris vers la fin de ce mois ou dans les premiers jours de mai — tu peux compter là-dessus. Ton affection pour moi me fait bien du plaisir; seulement l'inquiétude d'esprit dans laquelle tu te trouvais a réagi sur ton orthographe, qui est devenue encore plus extraordinaire. — Voyons, Paulinette est-ce une si difficile chose? — Par le temps qui court, une jeune fille de 16 ans qui écrit: «si cela t'arri*vais*, cela me fer*ai*», etc. est un être exceptionnel. J'entends dire que tu travailles bien depuis quelque temps et qu'on est content de toi; j'en suis fort heureux — mais je te conjure de concentrer un peu ton attention; prends l'habitude de réfléchir, mon enfant; c'est bien indispensable dans la vie. Insister tant sur l'orthographe a l'air d'une petitesse; mais outre qu'on a parfaitement le droit de juger de l'éducation de quelqu'un par la manière d'écrire — on a bien raison de supposer que si l'attention

fait défaut dans les petites choses — elle doit être encore bien plus faible dans les grandes. En un mot — faire des fautes d'orthographe — est malpropre; c'est comme si tu te mouchais avec tes doigts. En voilà assez — et je t'embrasse pour que tu ne boudes pas.

J'espère que mon petit cadeau t'a été remis [1]. Tu as eu bien raison de te consoler de n'être pas allée au bal; crois-moi — tu ne perdras rien pour attendre un peu.

Travaille bien maintenant; soigne ton piano — ferme; nous nous amuserons plus tard. Je resterai ici trois semaines [2]; écris-moi à Vienne en Autriche — poste restante.

Salue de ma part Mme Harang; si tu vois Mlle Artôt, rappelle-moi à son souvenir. Mille bonnes choses aux familles Troubetzkoï et Viardot. Je t'embrasse de tout mon cœur.

Ton père
J. Tourguéneff.

P. S. Sois tranquille à l'endroit du *chapelet*, j'en apporte un, aussi béni que possible.

2 P. S. Je rouvre cette lettre pour te donner une nouvelle qui te sera agréable — j'en suis sûr: je serai à Paris le 18, c'est-à-dire dimanche prochain. A bientôt donc, je t'embrasse sur tes grosses joues.

691. П. В. АННЕНКОВУ

28 марта (9 апреля) 1858. Вена

Вена. Пятница, 9-го апреля 1858.

Любезный А‹нненков›. Сейчас от Зигмунда. Осмотревши меня весьма подробно и сзади, и спереди,— он объявил мне, что у меня какая-то железа распухла и левый с. . . . . . . [a] канал (извините все эти подробности) — поражен; что если я не займусь серьезно этой болезней — худо будет; что я должен в нынешнем же году провести 6 недель в Карлсбаде и 6 недель в Крейцнахе, а здесь должен остаться еще дней 5, в течение которых должен каждое утро к нему ездить, и он будет учить меня ставить себе «bougies». Это, кажется, я на первого доктора наткнулся, который серьезно мною занялся, но какая милая перспектива. . . Приходится начинать старческий период жизни, т. е. заниматься возможным предупреждением или замедлением окончательного разрушения. Что делать... А скоро всё выгорело!

Но теперь, что предпринять? Ясно, что вам сюда не-

[a] *Так в тексте публикации.*

зачем ехать; боюсь только, как бы вы уже не выехали из Берлина. Обдумавши свое положение, я решаюсь на следующее.

Отложить свое возвращение в Россию до конца августа. На лечение употребить 3 месяца — от половины мая до половины августа. Съездить теперь в Париж и Лондон, так как раньше половины мая — лечение водами невозможно. Всё это мне как кол в горло, но необходимость — не своя сестра [1]. А потому, если мое письмо еще застанет вас в Берлине (оно вас застанет, потому что я сейчас посылаю к вам телеграмму) [2] — то знайте, что я во вторник выезжаю отсюда и в среду утром буду в Дрездене, в Hôtel de Saxe, куда и вы приезжайте; мы там сговоримся, что нам делать и как ехать. Может быть, я даже в понедельник выеду, но во всяком случае в среду утром я в Дрездене [3]. И потому до свидания. Ваш И. Т.

692. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

4 (16) апреля 1858. Лейпциг

Leipzig.
Ce 16 avril 1858.

Ma chère Paulinette,

Je suis ici depuis hier et je comptais partir aujourd'hui pour remplir la promesse que je t'avais faite de passer la journée de dimanche avec toi; mais j'ai trouvé ici Mme Viardot [1] — le désir de l'entendre chanter au théâtre m'a retenu — et je n'arriverai à Paris que mardi [2]. J'espère que tu ne m'en voudras pas trop et que Mme Harang te permettra de passer la journée de mardi avec moi [3]. Ainsi — un peu de patience — et à revoir dans trois jours. Je t'embrasse bien tendrement.

Ton père
J. Tourguéneff.

693. Д. Я. КОЛБАСИНУ

8 (20) апреля 1858. Париж

Париж.
8/20-го апреля 1858.

Любезный друг Дмитрий Яковлевич.— Я писал Вам из Вены [1], прежде чем посоветовался с доктором Зигмундом; между тем эта консультация несколько изменила мои намерения. Этот проклятый шустер щупал меня спереди и сзади, решил, что мне необходимо, в нынешнем же году, взять курс вод в Карлсбаде и Крейцнахе, прежде чем

ехать в Россию. Это откладывает мое возвращение на 2 месяца, т. е. вместо мая я вернусь в июле. Но да не торжествует Захар! [2] Я все-таки вернусь, и в доказательство я написал дяде, чтоб мне денег более не присылали, ибо с тем, что я получил от «Современника», у меня денег на 3 месяца довольно.— Но теперь прошу выслушать внимательно следующее мое предложение:

Известия из Спасского меня смущают, и я чувствую, что присутствие человека дельного там необходимо. Предлагаю Вам следующее: С получения этого письма поезжайте в Спасское (оно же и для Вашего здоровья будет отлично),— а что Вы будете там делать,— Вы можете заключить из следующего отрывка моего письма к дяде:

«Так как разрешение крестьянского вопроса тебе кажется весьма трудным и почти невозможным, а между тем я желаю, чтобы все приготовительные работы для этого дела были сделаны, то я предложил Димитрию Колбасину (и надеюсь, что он примет мое предложение) — приехать в Спасское и, в ожидании *моего* приезда, вместе с тобою подготовить все нужные описи, реестры, планы, словом, заменить меня в этом деле; а когда я прибуду, тогда мы сообща примемся за разрешение этой трудной задачи, которую, однако, разрешить, так или сяк, необходимо. И потому прошу тебя принять его как следует и показывать ему всё, что он потребует» [3].

Теперь Вы понимаете, чего я от Вас желаю. Это поручение имеет некоторые не совсем приятные стороны, но, во-первых, я надеюсь на Вашу дружбу, а во-вторых, зная Ваш обдуманный и спокойный нрав, я уверен, что Вы поведете дело отлично и с первого раза сумеете поставить себя. Вы мне будете также очень полезны в Спасском, в случае каких-нибудь действительно необычайных мер со стороны дяди. Прошу Вас убедительно не отказать мне. Я вознагражу Вас, как только Вы сами пожелаете; а приехавши в Петербург, притащу с собой и *родственника* [4]. Напишите мне тотчас, в Лондон, poste restante, согласны ли Вы на мое предложение [5]. Что же касается до моих инструкций,— в деле устройства крестьян,— то вот они, в двух словах: *я готов на все жертвы.*

Посылаю Вам письмо к Белинской [6], которое прошу тотчас переслать к ней: адресс узнаете от Некрасова.

Обнимаю Вас и родственника; я дня через два еду в Лондон, где найду Анненкова, Боткина и проч. и проч.[7]

Ваш

Ив. Тургенев.

694. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

15 (27) апреля 1858. Париж.

Mon frère Nicolas est ici, ma chère Paulinette — et il ira te voir. Je ne l'ai vu que la veille de mon départ pour Londres, c'est-à-dire hier. Reçois — le gentiment; travaille bien et attends-moi bientôt [1].

Présente mes compliments à Mme Harang. Je t'écrirai dès que je serai à Londres.

Ton père
J. Tourguéneff.

Paris.
Ce 27 avril 1858.

695. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

26 апреля (8 мая) 1858. Лондон.

Londres.
Ce 8 mai 1858.

Chère Paulinette,

Je te remercie de ta lettre et te demande pardon de ne t'avoir pas écrit; j'ai été très affairé depuis mon arrivée à Londres [1]. Ma santé va assez bien. Je t'embrasse sur tes deux joues pour le jour de ta naissance [2]; j'écris à Viardot [3] qu'il te donne 25 francs que tu peux jeter par la fenêtre si tu le veux; emploie-les à régaler tes amies — enfin tu en disposeras comme il te plaira. Si V⟨iardot⟩ n'était pas à Paris — tu prieras Mme Harang d'avoir la bonté de t'avancer cette petite somme et de me la mettre sur ma note. Je m'étonne que mon frère ne soit pas encore venu te voir; dans tous les cas — tu le verras lundi — car il doit t'apporter ce jour-là la broche et les boucles d'oreilles en mosaïque. Je viens de lui écrire là-dessus [4].

A revoir bientôt — porte-toi bien, travaille et pense à moi.

Ton père
J. Tourguéneff.

P. S. Mon adresse est *Holles* Street, et non pas Nolles Street.

696. В. П. БОТКИНУ

28 или 29 апреля (10 или 11 мая) 1858. Лондон

Лондон.

Любезный друг, спешу отвечать на твое письмо, сегодня мною полученное.

Я живу в так называемом «furnished appartement», которых пропасть в Лондоне. Они очень удобны, ты имеешь услужение, белье, завтрак — и платишь 50 фр. в неделю. В отелях либо скверно, либо страшно дорого, а в furnished appartement ты как дома.— Вот что я тебе предлагаю. Так как свадьба Орлова 21-го [1], и я 19-го должен быть в Париже — то приезжай сюда 16-го или 17-го, прямо ко мне [2]. Если моя квартера тебе понравится — ты можешь остаться на ней после меня; если нет — мы сыщем вдвоем другую. А я очень доволен услужением и всем.— Приехав в Лондон, вели кабману [3] вести тебя — 11, Holles Street, Cavendish Square; а чтобы я знал, извести меня накануне о твоем отъезде.— Постель и пр. будет тебе готова.

Анненков здесь; старого приятеля вижу часто [4].

Отвечай мне, si cet arrangement te convient — и до свидания.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Если ты вздумаешь остановиться в гостинице — то ступай в Hôtel d'Europe, Leicest⟨er⟩ Square, там живет Анненков, но гораздо лучше приезжай прямо ко мне.

697. В. П. БОТКИНУ

13 (25) мая 1858. Париж

Париж.
25-го мая 1858.

Милый Боткин,

Был у банкира; он не берется такую малую сумму перевести на твое имя; а посылать 10 фунтов в простом письме страшно; подожду случая — а не то решусь уж так послать. Я приехал сюда благополучно, присутствовал на свадьбе Орлова, в субботу обедал у посланника [1], где все были русские, кроме одного: Геккерена, убийцы Пушкина. . . admirez le tact de Kisseleff [2]. Вечер просидел у Ольги Александровны, которая показалась мне очень мила; теперь вожусь с моей дочкой.— Я остановился в Hôtel Taitbout, Rue Taitbout — и остаюсь здесь до будущего понедельника, а там *прямо* в Россию. Будь здоров.

Весь твой
Ив. Тургенев.

698. Н. И. ТУРГЕНЕВУ

13 (25) мая 1858. Париж

25-го мая.
Вторник.

Искренно благодарю Вас, почтеннейший Николай Иванович, и Вашу супругу за Ваше ласковое предложение и явлюсь к обеду в четверг вместе с моей дочкой.

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

699. МОРИЦУ ГАРТМАНУ

10—15 (22—27) мая 1858. Париж

Mein lieber Freund,

Ich kann *nicht* nach Cöln gehen [1]; vielleicht sehen wir uns noch heute Abend bei der Fürstin [2].— Dann könnten wir etwas verabreden.

Ihr
I. Turgeneff.

700. А. И. ГЕРЦЕНУ

18 (30) мая 1858. Париж

Париж.
30-го мая 1858.

Милый друг, не сердись на меня за мое молчание; я должен был собрать точные справки насчет известного тебе дела. Вот что оказалось:

Источник затруднений не в здешнем посольстве, не в интригах Франка; они произошли от некоторых северных *немецких* правительств, которые обратились к здешней полиции с указанием на мнимую опасность твоих изданий. Следствием этого распоряжения было предписание книгопродавцам вообще — не продавать твоих изданий; в течение 14 дней они и не продавали [1]; но теперь они снова разрешены, т. е. снова на это смотрят сквозь пальцы — и я сам видел «Колокол» и т. д. у Франка и в Rue de Rivoli; только некоторые №-а «Колокола» (как-то *8*-й и *12*-й) [2] да «Письма из Италии» [3] запрещены окончательно. Всё это мне сообщено под тайной и с просьбой не давать огласки; а потому я прошу и тебя не говорить об этом, тем более, что дело — пока — опять попало в колею надлежащую. Иностранные книгопродавцы в Париже находятся совершенно в руках полиции; одно слово — и их отсюда

выгонят. Но вот что, по несчастью, кажется, выскочило из колеи: это наши домашние дела. Реакция наконец подняла голову [4]. Титов заменен каким-то дураком Гриммом, Кавелин удален, Щербатов вышел в отставку; на днях Ковалевский собрал всех редакторов и держал им очень грустную речь: «Я, говорит, стар — и с препятствиями не могу бороться; меня только выгонят — а вам, господа, хуже может быть; умоляю вас быть крайне осторожными». Вслед за этой речью он поехал в Москву — *налагать на всё запрещенье*. Следовало ожидать эти revirements, но преувеличенно бояться их не следует; что они ни делай, камень покатился под гору — и удержать его нельзя. Впрочем, я еще надеюсь на Александра Николаевича, хотя, к сожаленью, он, вероятно, окружен еще хуже, чем мы предполагали [5].

Кланяюсь всем друзьям, тебя обнимаю. Я еду в середу в Россию, напишу тебе из Берлина. Addio. Трудные мне предстоят штуки в любезном отечестве [6]

Твой
И. Тургенев.

701. В. П. БОТКИНУ

21 мая (2 июня) 1858. Париж

Париж.
2-го июня 1858.

Милый друг,

Ждал я, ждал случая переслать тебе твои 10 фунтов; случая не представлялось; пересылаю тебе их наудачу в простом письме; авось не вскроют. Но извести меня тотчас о прибытии этих денег [1]; я остаюсь здесь еще до вторника. Также прошу тебя, нимало не медля, переслать мне тетрадь, забытую мною (где черновая «Аси») на моей квартере; там план статьи: «Гамлет и Дон-Кихот», который мне будет необходим [2]. Пожалуйста, не мешкай этим ни минуты, чтобы эта тетрадь могла бы еще меня застать здесь. Миллер может тебе помочь в этом случае. Надеюсь на твою дружбу. Мой адресс тебе известен: Rue Taitbout, Hôtel Taitbout. Желаю тебе всего хорошего и обнимаю тебя.

Твой
Ив. Тургенев.

702. Д. Я. КОЛБАСИНУ

21 мая (2 июня) 1858. Париж

Париж.
21-го мая / 2-го июня 1858.

Любезнейший Колбасин,

Сим извещаю Вас, что ровно через десять дней, а именно в субботу, 31-го мая (12-го июня), я сажусь в Штеттине на пароход, и если не утону, я через 2 недели в Петербурге, где я останусь 2 или 3 дня. Остановлюсь я в гостинице, против Михайловского дворца [1] и, разумеется, тотчас дам Вам знать. Прилагаемое письмецо прошу Вас немедленно переслать к дяде [2].

Итак, до скорого свидания, на этот раз, кажется, уже наверное могу сказать. Ждите меня.

Ваш
Ив. Тургенев.

703. Е. Я. КОЛБАСИНУ

24 мая (5 июня) 1858. Париж

Париж.
5-го июня / 24-го мая 1858.
Суббота.

Вы едете за границу, юный Колбасин, Вы сегодня выезжаете из Петербурга,— а я во вторник выезжаю отсюда для того, чтобы возвратиться в Петербург! Я буду в Берлине в четверг вечером и остановлюсь в гостинице «Stadt Petersburg», Unter den Linden; если не в четверг вечером, то уже наверное в пятницу утром я буду там, потому что в субботу я должен быть в Штеттине и садиться на пароход. — Итак, до свидания — до кратчайшего свидания в Берлине! [1]

Как это Вы, однако, решились ехать, не зная языков! — Впрочем, все советы возможные Вы от меня получите.— Будьте здоровы и осведомляйтесь обо мне в «Stadt Petersburg».

Ваш. Ив. Тургенев.

704. Е. Я. КОЛБАСИНУ

31 мая (12 июня) 1858. Берлин

Любезный Колбасин!

Вот Вам письмо к Делаво и к Тургеневым [1].

Непременно будьте у Тургеневых. Они Вам понравятся, и пребывание Ваше в Дрездене выиграет 100 процентов.— Обнимаю Вас дружески и желаю всего возможного счастья.

Ваш
Ив. Тургенев.

Берлин.
31 мая ст. ст. 1858.

На обороте:

Колбасину.
Herrn E. Kolbassin.

705. А. М. ТУРГЕНЕВУ, О. А. ТУРГЕНЕВОЙ, Н. М. ЕРОПКИНОЙ

31 мая (12 июня) 1858. Берлин

Любезнейший Александр Михайлович,
Любезнейшая Ольга Александровна
и Любезнейшая Надежда Михайловна!

Рекомендую Вам хорошего и доброго моего приятеля Е. Я. Колбасина, статьи которого Вам, вероятно, известны [1]. Он на несколько дней остановился в Дрездене. Примите его как бы Вы меня приняли, что в сущности несправедливо, потому что он в 100 000 раз лучше меня.

Я Вам буду благодарен, и Вы не будете на меня сетовать за это знакомство.

До свиданья.

Ваш
Ив. Тургенев.

На обороте:

Тургеневым. Mr Alexandre Tourguéneff
à Dresden, Waisenhausstrasse, № 5. 6.

706. А. А. ФЕТУ

16—21 июня (28 июня—3 июля) 1858. Спасское

Любезнейший Фет,

Я приехал сюда в пятницу вечером — в субботу отправился на выборы в Орел и вернулся в понедельник; сегодня хотел ехать к Вам [1], да с 2-х часов ночи сделался со мной припадок мучительный, который повторяется у меня раз ежегодно — и продолжается иногда сутки. Пишу к

Вам с жестокой болью в груди — и потому приезжайте ко мне, так как Магомет к горе идти не может. Буду ждать Вас в 4 часа к обеду. Кланяюсь Вашей жене. До свидания.

Ваш И. Тургенев.

707. ПОЛИНЕ ВИАРДО

25 июня (7 июля) 1858. Спасское

Spasskoïé,

le $\frac{\text{7 juillet}}{\text{25 juin}}$ 1858.

Theuerste Freundinn, je reviens à Spasskoïé après une absence de quatre jours et je trouve votre lettre qui m'annonce la triste nouvelle [1] ! Je n'osais pas vous parler de mes pressentiments; je m'efforçais de me persuader à moi-même que tout pouvait encore bien finir,— et voilà qu'il n'est plus! Je le regrette beaucoup pour lui-même; je regrette tout ce qu'il a emporté avec lui; je ressens profondément la cruelle douleur que cette perte vous a causée, et le vide que vous ne remplirez que bien difficilement. Il vous aimait bien! Viardot et Louise doivent être bien tristes aussi tous les deux. Quand la mort frappe dans nos rangs, les amis qui restent doivent se resserrer encore plus étroitement; ce n'est pas une consolation que je vous offre, c'est une main amie que je vous tends, c'est un cœur bien dévoué qui vous dit de compter sur lui comme sur celui qui vient de cesser de battre.— Je ne puis m'empêcher de penser à la dernière fois que j'ai vu Scheffer; il avait si bon air que l'idée d'une dernière entrevue ne pouvait pas même se présenter à mon esprit. Il était en train de peindre un Christ avec la Samaritaine; je m'assis derrière lui et nous causâmes longuement; Je lui racontais mon voyage en Italie (c'était dans les premiers jours du mois de mai). Jamais je ne l'ai vu plus affable et de meilleure humeur. Quel coup terrible pour sa fille [2] !

Je suis trop sous l'impression de cette funèbre nouvelle pour vous parler beaucoup de moi. Je vous dirai en deux mots que j'ai passé trois journées fort agréables chez des amis: deux frères et une sœur [3], excellente personne qui se sent très malheureuse : elle a été forcée de se séparer de son mari, espèce de Henri VIII campagnard fort dégoûtant [4]; elle a trois enfants qui viennent très bien, surtout depuis que le papa n'est plus là. Il les traitait fort durement par système; il se donnait le plaisir de les élever à

la spartiate, tout en menant un train de vie directement opposé. Ces choses-là arrivent souvent: on se donne ainsi les agréments du vice et de la vertu, ceux de la vertu par procuration. Des deux frères, l'un est assez insipide [5], l'autre [6] est un charmant garçon, paresseux, phlegmatique, peu causeur, et, en même temps, très bon, très tendre et délicat de goût et de sentiment, un être véritablement orïginal. Le troisième frère (le comte L. Tolstoï, celui dont je vous ai parlé comme un de *nos meilleurs écrivains*, cela vous fait sourire et vous rappelle Feth, que je vais voir demain, car il est mon voisin [7]; — mais pour Tolstoï: il est sérieusement et pour tout de bon un talent hors ligne, et j'espère bien un jour vous en convaincre en vous traduisant son «Histoire d'une enfance» [8]. Je ferme ici cette interminable parenthèse). Le troisième frère, dis-je, qui devait venir, n'est pas venu.

La sœur est assez bonne musicienne: *nous avons joué* du Beethoven, du Mozart etc. Es ist die selbe Gräfin, die eine Neigung für mich gehabt hatte; Ich glaube, das alte Feuer glüht noch unter der Asche; was hilft's aber [9]?

La chasse commence dans peu de jours. Les auspices sont favorables; le printemps a commencé de bonne heure et il paraît que les jeunes coqs de bruyère sont déjà assez gros. Je m'en vais à 150 werstes d'ici et je ne reviendrai que dans une dizaine de jours [10].

Je vous écris à Londres et peut-être êtes-vous déjà à Courtavenel [11]. Dans ce cas, j'espère qu'on vous enverra cette lettre.

Je vous serre la main bien cordialement; je vous dis: courage et résignation — je vous souhaite bonne santé et bonne humeur. Mille choses à tous les vôtres; que Dieu veille sur vous: c'est la seul prière que je lui adresse.— A revoir.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

708. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

29 июня (11 июля) 1858. Спасское

Spasskoïé.

Ce $\frac{9^{a}\ \text{juillet}}{29\ \text{juin}}$ 1858.

Merci, chère fillette, de ta bonne petite lettre avec l'adresse en russe fort bien écrite — ma loi! Je vois avec

---

[a] *Так в подлиннике.*

bonheur que tu te portes bien, que tu as du courage. Le temps de la séparation passera plus vite que tu ne le penses, surtout si tu ne te fais pas faute de l'abréger en travaillant. De mon côté je te promets que je te donnerai souvent de mes nouvelles. De cette façon nous arriverons tous les deux à l'hiver — et puis au printemps — et au moment où nous nous reverrons.

Me voici donc chez moi. Ma santé va bien; la maison a été repeinte à neuf; les meubles ont été recouverts de nouvelles étoffes; c'est assez propre à présent. Le jardin est superbe — le temps assez beau quoique pluvieux. Dans quelques jours la chasse commence et je vais m'en donner. Tous mes chiens se portent bien et il paraît que le gibier est nombreux cette année.

J'ai reçu une lettre de Mme Viardot qui m'annonce la triste nouvelle de la mort de M. Scheffer, c'est un coup très rude pour elle [1]. Ecris-moi dès qu'elle sera de retour à Paris et donne-moi des nouvelles de sa santé. Parle-moi aussi un peu de toute la famille, de Mlle Artôt, et de tes camarades, de la famille Tourguéneff et Troubetzkoï. Présente mes compliments à Mlle Holling et à Mme Harang. Tâche d'avoir le second prix de piano à la distribution. Sur ce je t'embrasse de bon cœur et bien fort. A bientôt.

Ton père

J. Tourguéneff.

709. Н. Х. КЕТЧЕРУ

30 июня (12 июля) 1858. Спасское

Любезный друг!

Сделай одолжение, сходи ты с прилагаемой распиской в редакцию «Русского вестника» — и получи рукопись, которую прошу тебя немедленно переслать на мое имя во Мценск. Этим ты меня весьма обяжешь [1].

Через неделю получишь ты от меня весь мой долг (капитал с процентами) г-же Белинской [2]. Извини меня перед нею в невольной отсрочке.

Я пишу тебе через Щепкина; я забыл, в какой именно — во 2-й или 3-й Мещанской твой дом.

Здоровье мое порядочно — я охочусь (не совсем удачно) и работаю много — тоже не знаю — удачно ли? [3]

Поклонись от меня всем московским друзьям — и до свиданья.

Твой

Ив. Тургенев.

С. Спасское, Орловской губ., Мценского уезда.

30-го июня 1858.

710. И. И. ПАНАЕВУ

9 (21) июля 1858. Спасское

С. Спасское.
9-го июля 1858.

Милый Панаев,

Пишу тебе наскоро два слова под влиянием известия о смерти Иванова [1]; сделай одолжение, сообщи мне все *подробности* этой непонятной смерти. Надеюсь, что ты исполнишь мою просьбу.— О себе тебе скажу, что я здоров, езжу на охоту и ем всё, хотя холера опять появилась в близости.

Кланяюсь всем друзьям и жму тебе руку. Сообщи, если что слышал о Боткине, об Анненкове и т. д.[2]

Тв⟨ой⟩
Ив. Тургенев.

711. Н. Н. ТОЛСТОМУ

9 (21) июля 1858. Спасское

С. Спасское.
Среда. 9-го июля 58.

Любезнейший Николай Николаевич, мы вчера вечером вернулись с охоты — и завтра Фет ждет нас обедать у себя. Хотите Вы поехать к нему прямо или сперва заехать ко мне сегодня в Спасское к обеду? Мы бы вечером поиграли в шахматы и завтра отправились бы к нему. Напишите мне в ответ два слова — и во всяком случае до свидания [1].

Ваш
Ив. Тургенев.

712. В. А. ЧЕРКАССКОМУ

9 (21) июля 1858. Спасское

С. Спасское.
9-го июля 1858.

Очень обрадовало меня Ваше письмо [1], любезный князь, напомнило мне наше житье в Риме [2], «другие дни, другие сны» [3]. Спешу отвечать Вам, ибо соображаю, что вследствие близости расстояния письмо отсюда в Венев идет недельки две. Не пеняйте на меня, что я к Вам не заехал; я был не один, да и притом мне хотелось как можно скорее

попасть домой [4]. На другой же день после моего приезда я поскакал в Орел в надежде застать там комитетские выборы; но они уже были кончены — весьма скверно, как оно и следовало ожидать: благородное дворянство выбрало людей самых озлобленно-отсталых — и едва ли не единственным представителем прогресса в Орловском комитете — как и в других комитетах — будет лицо, назначенное правительством — а именно Ржевский [5]. В странное время мы живем! — Слышанные мною в Орле и в других местах слова и мнения представляют мало отрадного; впрочем qui vivra verra.— Я очень рад, что жена Ваша приехала [6]; благодарите ее за память и поклонитесь ей от меня; мне очень хочется увидеть ее и Вас — и как только охота даст мне денька два-три свободного времени, тотчас отъявляюсь к Вам до 1-го сентября [7]. Напишите мне, где именно Вы живете и как к Вам проехать, напр. из Черни [8]. Теперь я только что вернулся с неудачной (по причине густоты трав) охоты на тетеревов — и еду на дупелей.— Вы спрашиваете меня о Боткине, я его оставил в Лондоне уже почти совсем превратившегося в англичанина: носит пестрый пиджак, в 6 часов ездит по Rotten Row [9] верхом, подпрыгивая на рыси — и превосходно сквозь зубы выговаривает — Oh yes!

Будете ли Вы дома около 1-го августа? Сейчас прочел в газетах известие о смерти Иванова — и совершенно оглушен этим ударом — особенно после слов Вашего письма [10]. Что значит эта смерть? Уж полно, холера ли это? — Не отравился ли он? Бедный! [11] — Вспоминаю я его ужас при мысли о Петербурге, его предчувствия: они сбылись! — А мы еще так недавно в Петербурге давали в честь его обед, пили его здоровье [12].— Нет, решительно: ни России, ни порядочным русским не везет.

Отвечайте мне поскорее на мой запрос.— Жму Вам и Вашей жене дружески руку — до скорого свидания.

Ваш Ив. Тургенев.

713. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

16 (28) июля 1858. Спасское

Spasskoïé, ce 16/28 juillet 1858.

Chère Paulinette,

Je viens de recevoir ta lettre où tu me laves la tête pour ma négligence: c'est pourtant la quatrième lettre que je t'écris depuis notre séparation. Il n'y a pas encore deux

mois que je t'ai quittée. Ce n'est pas que je veuille me plaindre de tes reproches: au contraire, ils me prouvent que tu penses beaucoup à moi et que tu m'aimes.

Seulement tu en remplis toutes les lettres, et il ne te reste plus de place pour me raconter ce que tu fais, les personnes que tu vois, etc... N'as-tu pas été une fois chez le vieux Tourguéneff? [1] Ou bien chez Mlle Artôt? Il est vrai que tu as dû te trouver tout ce temps-ci dans le feu de tes préparatifs pour le grand jour de la distribution des prix: j'espère que tu en attraperas quelques-uns, ce qui me fera le plus grand plaisir. Quant à moi, ma santé est assez bonne; je vais de temps à autre à la chasse, qui n'est pas très brillante cette année, et je travaille beaucoup. Je compte rester ici longtemps, dans tous les cas jusqu'au mois de novembre. Je te recommande surtout le piano, ne le néglige pas pendant tes vacances à Courtavenel. Attends mon retour avec patience, et sache que je t'aime de tout mon cœur et que je pense bien souvent à toi.

Au revoir, je t'embrasse bien fort; salue de ma part tous les amis de Paris.

Ton père
J. Tourguéneff.

714. ПОЛИНЕ ВИАРДО [1]

9 (21) июля, 18 (30) июля 1858. Спасское

Spasskoïé, ce 9/21 juillet 1858.

Chère et bonne madame Viardot,— je commence ma lettre par une nouvelle affligeante pour tous les Russes: le peintre Ivanoff, dont je crois vous avoir parlé dans mes lettres de Rome, vient de mourir du choléra à St-Pétersbourg [2]. Pauvre homme! après vingt-cinq années de travail, de privations, de misère, de réclusion volontaire, au moment où son tableau venait d'être exposé, avant d'avoir reçu une récompense quelconque, avant même de s'être convaincu du succès de cette œuvre à laquelle il avait voué toute sa vie,— la mort, une mort subite comme un coup d'apoplexie, mais plus cruelle, car elle ne frappe pas à la tête! Un méchant article de journal qui lui disait des injures — des délais, des dédains calculés, voilà tout ce que sa patrie lui a offert dans le court espace de temps qui s'est écoulé entre son retour et sa mort [3]. Quant à son tableau, il appartient certainement à cette époque de l'art où nous sommes entrés depuis un siècle et plus, et qui est, il

faut bien l'avouer, une époque de décadence; ce n'est plus de la peinture pure et simple, c'est de la philosophie, de la poésie, de l'histoire, de la religion; il y a des défauts déplorables, mais c'est pourtant une grande chose, une œuvre sérieuse, élevée, et dont il faut désirer l'influence en Russie, ne fût-ce que comme réaction à l'école fondée par Bruloff [4].

Le 18/30 juin.[a]

Voici ce que j'ai fait, theuerste Freundinn, pendant les 9 jours qui viennent de se passer [5]: j'ai beaucoup travaillé à un roman que j'ai commencé et que j'espère finir pour le commencement de l'hiver [6]; puis je suis allé à la chasse à 150 werstes d'ici et j'y ai perdu inutilement 5 jours, car les marais étaient encore vides; le temps de la migration des doubles et des bécassines n'est pas encore commencé.— Je m'occupe en même temps, avec mon oncle, de l'arrangement de mes rapports avec les paysans: à partir de l'automne, ils serons tous mis à l'*obroc*, c'est-à-dire que je leur céderai la moitié des terres pour une redevance annuelle, et je louerai des travailleurs pour cultiver les miennes. Ce ne sera qu'un état transitoire, en attendant la décision des comités: mais rien de définitif ne saurait être fait d'ici là [7].

Je viens de vous mentionner un roman que je suis en train d'écrire; que j'aurais été heureux de vous en soumettre le plan, de vous exposer les caractères, le but que je me suis fixé, etc.— comme j'aurais receuilli précieusement les observations que vous m'auriez faites! Cette fois-ci, j'ai longtemps médité son sujet, et j'éviterai, je l'espère, ces solutions impatientes et brusques qui vous choquaient à bon droit. Je me sens en veine de travail, et pourtant l'ardeur de la jeunesse est déjà loin de moi; j'écris avec un certain calme qui m'étonne moi-même; pourvu que l'œuvre ne s'en ressente pas! Qui dit froid, dit médiocre.

Je vois assez souvent Feth; il demeure à une quinzaine de verstes de Spasskoïé [8]. Malgré ses ridicules, c'est un très brave garçon, et qui, *en Russe*, a de l'esprit et de l'originalité. Il vous garde un souvenir enthousiaste; je ne lui dis

[a] *Так в подлиннике.*

И. С. ТУРГЕНЕВ.
Рисунок Полины Виардо. 1858 (?)

pas, comme vous pouvez bien le croire, ce qu'on pense de lui chez vous [9].

Je vous écris à Courtavenel, quoique vous ne m'ayez pas encore dit de le faire: mais je suppose que vous ne devez plus être à Londres maintenant [10]. La saison est à sa fin.— Je viens de recevoir l'«Athenaeum» avec un petit article sur vous dans «La Somnambule» [11], qui m'a fait le plus grand plaisir. C'est en anglais, n'est-ce pas, que vous chantez?

Pensez un peu à moi et écrivez-moi pendant votre séjour à Courtavenel. Quant à moi, je pense constamment — je puis le dire sans exagération — même pendant mon travail — à tout ce que j'ai laissé, à tout ce que j'aime en France. Portez-vous bien, vous et tous les vôtres, dites mille choses de ma part à Viardot, et mettez-moi aux pieds de Didie [12]. Je vous serre bien cordialement les mains et suis

votre
J. Tourguéneff.

715. В. А. ЧЕРКАССКОМУ

30 июля (11 августа) 1858. Спасское

С. Спасское.
30-го июля 1858 г.

Спешу отвечать на Ваше милое письмо, любезнейший друг.— Только до 10-го августа я и был [a] свободен — а начиная с 16-го до 25-го я уеду отсюда за 150 верст охотиться на дупелей. И потому я увижу Вас только в Туле, в Александров день (30-го августа) [1]. С величайшей благодарностью принимаю Ваше предложение остановиться у Вас в Туле — привезу с собой железную кровать. Посмотрим, что нам в Туле удастся; здесь всё идет — пока — довольно скверно.— Известие о смерти Шеншина (Вы, вероятно, были с ним знакомы — он был лицом от правительства в Петербургском комитете) — меня огорчило очень [2]; видно, порядочные люди спешат убираться отсюда, видя, что здесь ничего путного не сделаешь. Однако мы постараемся еще подержаться на своих местах.

Благодарю Вашу жену за память и за поклон, коему ответствую целым поясным.— Обязательное соглашение с «Современником» расторгнуто [3], и я с радостью готов участвовать в «Русской беседе» Ив. Аксакова. Если что будет готового, мы посмотрим [4].

Итак, до скорого свидания. Будьте здоровы — это главное — остальное авось придет в свое время.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

716. Н. Х. КЕТЧЕРУ

3 (15) августа 1858. Спасское

Любезный Кетчер,

В письме своем ко мне М. В. Белинская [1] говорит мне о своем желании получить свой капитал с процентами; пишет она мне о том, что взял я у ней деньги 20-го мая 1852 года; но не извещает меня о том, *по какое число* ей проценты заплачены [2]. Полагаю, что она получила их до 20-го мая прошлого года; помнится мне, что я два года тому назад платил ей — да у дяди значится, что ей однажды высланы были проценты 90 руб. серебром. Я даже не помню хорошенько, сколько именно я взял у ней и по скольку назначилось процентов; на всякий случай посы-

---

[a] *Так в подлиннике, очевидно, вместо:* буду

чаю тебе 1000 руб. сер. и прошу тебя, узнав аккуратно, сколько я ей должен — положим по 20-е число августа нынешнего года — 1000 же рублей ей отдать и известить меня, сколько придется ей переслать. Этим ты меня весьма обяжешь, и я надеюсь, что ты сделаешь всё это по возможности скоро. Как М⟨ария⟩ В⟨асильевна⟩ окончательно получит всю сумму — ты возьми у ней и уничтожь вексель. Прилагаю письмо к ней [3].

Благодарю тебя заранее за все хлопоты — и до свидания в октябре.

Твой
Ив. Тургенев.

С. Спасское.
3-го августа 1858-го г.

717. А. В. ДРУЖИНИНУ

25 августа (6 сентября) 1858. Спасское

С. Спасское.
25-го августа 1858.

Любезнейший Александр Васильевич, прежде всего искреннее спасибо за большое и милое письмо [1]. Оно меня очень обрадовало — в особенности потому, что Вы говорите в нем о своем здоровье. Дай бог Вам поправиться окончательно — а зимой не до болезни будет, Вы это увидите. Пузырь мой всё еще меня мучит, но я начинаю привыкать к этой беде в силу французской поговорки: il faut vivre avec son ennemi. Он не мешает мне работать — уж и то хорошо.

С Анненковым я встретился в Дрездене, в комнате Hôtel de Saxe — незабвенное мгновенье!! Потом мы видались в Лондоне и в Париже. Он непременно обещал на зиму возвратиться в Петербург.— Изъявляю свое восторженное согласие на обед [2]. Готов совершить его по римскому обычаю, в хитоне и с венком на голове.

Я точно присутствовал на обеде Litterary Fund [3] — и имел даже в руках книжечку (по-английски a pamphlet) — в которой излагалось всё его прошедшее и т. д. L⟨itterary⟩ F⟨und⟩ основан, как всё в Англии, частным человеком в прошлом столетии; Диккенс ссорится с ним за то, что, по его понятиям, он тратит слишком много денег на администрацию и т. д. Помнится — в этом памфлете доказывалась, между прочим, и неосновательность его упреков. Очень рад исполнить Вашу просьбу и напи-

шу Вам желаемое Вами письмо [4]. Заседание было довольно любопытное (хотя Теккерея, по болезни, не было). Я рад содействовать успеху такого доброго дела, каково основание *Фонда* у нас,— и мне еще приятнее было бы, если б Фонд этот основался дружным и бескорыстным участием литераторов, а не по милости какого-нибудь капризного мецената. К тому же наши меценаты большей частью скупы как жиды.

Я уже два месяца как здесь — и провожу время довольно приятно, хотя охота в нынешнем году — отвратительно неудачна. Фет живет отсюда в 15 верстах, и я часто вижусь с этим милейшим смертным. Он перевел «Антония и Клеопатру» [5] и «Юлия Цезаря» [6] — отлично, хотя попадались стихи безумные и уродливые, вроде следующих (правда, сочиненных мною в виде пародии, но далеко не достигающих красоты оригинала):

«Брыкни коль мог, большого пожелав,
Стать им; коль нет — и в меньшем без препон».

Все эти чудовищные стихи мы постарались выкурить; труд был немалый — однако, кажется, он увенчался успехом. Поздравляю Вас с окончанием «Кориолана» [7], а самого себя и читателей поздравляю с удовольствием прочесть Ваш перевод.

Толстого я видел мельком, раз у него, раз у себя. Он весь теперь погрузился в агрономию, таскает сам снопы на спине, влюбился в крестьянку [8] — и слышать не хочет о литературе. Я его на днях опять увижу в Туле, куда я еду по поводу избраний в Комитет [9].

Сестра Толстого поправилась в своем здоровье: она проживает зиму в имении брата; куда сам Толстой поедет — еще неизвестно. По словам его, он собирается за границу [10].

Я прибуду в Петербург — если буду жив и здоров — к 20-му октябрю. Надеюсь окончить к тому времени довольно большую вещь, над которой сижу теперь [11],— и подвергну ее на суд ареопага, который будет состоять из Вас, Боткина (он тоже хочет вернуться), великого Анненкова и Писемского.

До свиданья; дружески Вас обнимаю и прошу передать мой усердный поклон Вашей почтенной матушке.

Ваш
Ив. Тургенев.

718. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

8 (20) сентября 1858. Спасское

Spasskoïé,
ce 8/20 septembre 58.

Ma chère fillette, il y a deux jours que je suis rentré à la maison [1] — et je me hâte de répondre à ta lettre. Il ne fait pas bon de faire le paresseux avec toi: on risque aussitôt de recevoir un savon soigné. Je suis bien content de te savoir en bonne santé, et j'espère que depuis que Mme Viardot est rentrée Courtavenel n'a plus été le théâtre de discordes intestines [2]. Tu as très bien fait de n'en avoir pas pris ta part, ce n'est pas que je veuille te prêcher l'indifférence — mais il est bon de se tenir un peu à l'écart là où l'on ne peut venir en aide à personne.— J'attends maintenant une autre lettre de toi qui, je l'espère, sera plus gaie.

Mme Viardot t'aura probablement dit ce que j'ai été faire à Toula (chef-lieu de notre gouvernement); je m'imagine que cela ne doit pas t'intéresser beaucoup [3]. J'ai beaucoup discuté, parlé, crié; je suis revenu tout fatigué — mais bien portant. Je reste encore six semaines ou deux mois à Spasskoïé,— je veux travailler ferme et je n'abandonnerai pas la chasse, qui, jusqu'à présent, ne m'a souri que d'un œil; je trouve même qu'elle ne m'a pas souri du tout.

Ma pauvre Diane est morte avant-hier — et nous l'avons enterrée hier matin. J'ai pleuré à cette occasion — et je ne rougis pas de l'avouer; — c'était un ami qui s'en allait — et ils sont rares, à deux pattes comme à quatre.

Ton orthographe est meilleure — pourtant tu mets deux fois qui *dis*, avec un *s* — à la troisième personne.— Je te recommande ton piano, car qui me fera de la musique l'hiver prochain? Il ne suffit pas de jouer passablement deux ou trois morceaux; il faut déchiffrer couramment — il faut pouvoir jouer sa partie dans un trio: c'est alors qu'on s'amuse soi-même et qu'on amuse les autres. A bon entendeur — salut.

Je compte voir souvent Mlle Olga [4] à Pétersbourg. Je te donnerai de ses nouvelles. Mlle Fanny [5] est bien aimable de te dire tant de choses amicales; dis-lui que je l'en remercie de tout mon cœur. J'écrirai à Mme Tourguéneff [6] pour la remercier aussi de l'hospitalité qu'elle t'a donnée à Vert-Bois [7]. Je suis très heureux de voir qu'on

a de l'amitié pour toi; il faut tâcher de la mériter de plus en plus.

Embrasse de ma part tout le monde, à commencer par Viardot. Embrasse Didie[8] spécialement, et dis-lui que j'attends une lettre d'elle. Continue à m'écrire à Spasskoïé. A revoir au mois de mai, chère Paulinette.

Ton père
J. Tourguéneff.

719. А. А. ФЕТУ

9 (21) сентября 1858. Спасское

Очень рад буду Вас видеть — приезжайте в середу вечером и привозите Непира и ружье. Лошадей, которых я Вам показывал — продали; впрочем, кажется, осталась еще пара — Вы посмотрите.

Кланяюсь всем Вашим и до свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

С. Спасское.
Вторник, 9-го сент.

720. Н. А. НЕКРАСОВУ

17 (29) сентября 1858. Спасское

С. Спасское.
17-го сент. 1858.

Милый Некрасов,

Я до сих пор оттого мешкал отвечать на твои письма[1], что всё надеялся, авось пройдет эта гнусная засуха,— но нет! Небо всё по-прежнему медное или каменное — ни одной капли дождя не падает — везде пыль — и *ни одного вальдшнепа нет*, как не было ни одного дупеля. В таком положении дел грешно было бы звать тебя сюда; верно, придется отложить свидание до последних чисел октября в Петербурге. Я оттого так долго намерен здесь пробыть, что мне не хочется выехать, не кончивши большой повести (вдвое больше «Рудина») — которую я писал в теченье лета[2].

Как хороша повесть — *Кохановской* в «Русском вестнике»: «В гостях после обеда». Заметил ты?[3] Отличную статью написал Чернышевский о борьбе партий во Франции[4].— Поклонись ему от меня.— Но какие были помещены у вас ужасные переводы «Мазепы» и «Валленрода»![5]

Поблагодари от меня твоего Василия за исправное доставление мундира. Я в нем щеголял на комитетских выборах в Туле [6].

Будь здоров и до свиданья.

Тв⟨ой⟩
Ив. Тургенев.

721. Ег. П. КОВАЛЕВСКОМУ

25 сентября (7 октября) 1858. Спасское

С. Спасское.
25 сентября 1858.

Любезнейший мой генерал и приятель, пишу к Вам это письмо для того, чтобы зарекомендовать Вам следующее предприятие, в котором я принимаю участие — а именно: с нового года в Москве предполагается издаваться еженедельный политико-литературный журнал (вроде «Сына отечества») — под именем: «Московский вестник» [1]. Правление Московского университета согласилось на его появление, и теперь всё дело зависит от разрешения Вашего брата [2]. Будьте так добры, похлопочите и употребите Ваше влияние — я Вам искренно благодарен буду за это. Издатель (Воронцов-Вельяминов) и участники этого журнала мне знакомые люди — и я Вам за них отвечаю [3]. Вы уже так часто делали хорошие и полезные дела [4] — сделайте это — и Вы сами увидите, что кроме хорошего ничего из этого не выйдет.— Я тоже обещался участвовать в этом журнале.

Надеюсь увидеть Вас в начале ноября — зиму я проживаю в Петербурге [5]. Еще раз поручаю это предприятие Вашему ходатайству, крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

722. А. Н. АПУХТИНУ

29 сентября (11 октября) 1858. Спасское

С. Спасское.
29-го сентября 1858.

Какое Вы мне написали унылое письмо, любезнейший Алексей Николаевич! — Я очень сочувствую Вам — потому что, как Вы справедливо заметили, сам бегал по той же дорожке,— но менее сочувствую Вашей грусти; эта грусть — неизбежная спутница молодости [1], которая оттого именно и бьется так, что не в состоянии совладать с собственным богатством. Это в порядке вещей; но слиш-

ком предаваться этой грусти — вредно; и голос сорокалетнего человека может быть в этом случае — полезен. Отчего Вы грустите? — Оттого ли, что Вы еще не знаете, есть ли у Вас талант? Дайте ему время вызреть; а если его даже не окажется, разве человеку необходим именно *поэтический* талант, чтобы жить и действовать? — Окружающая *среда* тяготит Вас? Но, во-первых, мне кажется, что Вы останавливаетесь на поверхности явлений; а, во-вторых, если Вы теперь, в 1858-м году, отчаиваетесь и грустите, что же бы Вы сделали, если б Вам было 18 лет в 1838-м году, когда впереди всё было так темно — и так и осталось темно? Вам теперь некогда и не для чего горевать; Вам предстоит большая обязанность перед самим собою: Вы должны *себя* делать, человека из себя делать — а там что из Вас выйдет, куда Вас поведет жизнь — это уже предоставьте Вашей природе: Вы будете правы перед самим собою. Думайте меньше о своей личности, о своих страданиях и радостях; глядите на нее пока как на форму, которую должно наполнить добрым и дельным содержанием; трудитесь, учитесь, сейте семена: они взойдут в свое время и в своем месте. Помните, что много молодых людей, подобных Вам, трудятся и бьются по всему лицу России; Вы не одни — чего же Вам больше? Зачем отчаиваться и складывать руки? Ну если другие то же сделают, что же выйдет из этого? — Вы перед Вашими (часто Вам неизвестными) товарищами нравственно обязаны не складывать руки [2].

Что же касается до присланных Вами двух стихотворений, то они точно так же могут быть произведениями молодости истинного поэта, как и молодости искусного дилетанта. Физиономии в них еще нет, а — без нее поэзии, особенно лирической поэзии, нет [3]. Но Вы не хлопочите и не сокрушайтесь об этом. Позвольте Вам представить себя в пример: моя физиономия сказалась под тридцать лет — а, к несчастью, я не в тридцать лет стал писать [4].

Итак, Corraggio, Santo Padre! — Corragio, Signore Alexis! — Работайте стойко, спокойно, без нетерпенья: всякая земля дает только тот плод, который она дать может. Продолжайте писать стихи — кто знает? может быть Ваше призвание — быть поэтом,— но не печатайте их и не предавайтесь *мленью грусти*: это тот же онанизм, такой же вредный, как и физический.

Не знаю, будете ли Вы довольны этим письмом — но оно было внушено мне истинным участием к Вам. В Пе-

тербурге я буду около 10-го ноября и надеюсь видеть Вас часто зимою. До тех пор будьте здоровы.— Жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

723. К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

29 сентября (11 октября) 1858. Спасское

С. Спасское.
29-го сентября 1858

Любезнейший Константин Николаевич, вчера я получил письмо Ваше из Арзамаса и спешу отвечать, чтобы опять не подать моим молчаньем повод к недоразумениям. Письмо Ваше, переданное брату [1], дошло до меня только по возвращении моем в Россию (в июне месяце), так что я не мог воспользоваться данным Вами адрессом. Но теперь наша переписка возобновилась и, надеюсь, не прекратится или, по крайней мере, не перервется на такое долгое время.

Я очень хорошо помню моего бывшего товарища по пожару на «Николае» — и сохранил о нем самое дружеское воспоминание [2]. Пожалуйста, передайте ему мой усердный поклон и скажите, что я очень обрадовался, услыхав хорошие о нем вести. Жену его я, если я не ошибаюсь, видел раза два в обществах. Они постоянно живут в деревне или выезжают на зиму куда-нибудь? Радуюсь также за Вас, что Вы, по Вашим словам, нашли себе спокойное и удобное место; сожалею, что Вы мне ничего не говорите о Ваших литературных трудах [3]. С тех пор, как я знал Вас, Ваш талант должен был окрепнуть и высказаться. Тогда он подавал только надежды, только собирался вылиться в определенную форму, с физиономиею, и потому неудивительно, что публика обратила на него мало внимания; хотелось бы мне теперь прочесть что-нибудь Ваше или, по крайней мере, узнать, чем собственно Вы заняты и какое приняли направление? Сказанное Вами в письме, посланном за границу, не совсем определительно, хотя и намекает на то, к чему Вы идти хотите; в следующем Вашем письме потолкуйте больше об этом и если можете пришлите мне, когда я буду в Петербурге, какое-нибудь Ваше произведение.

Я остаюсь здесь до 20-го октября, с 20-го по 27-е я в Орле, с 27-го ок⟨тября⟩ по 5-е ноября в Туле, а к 10-му

ноябре я в Петербурге и проживаю в нем зиму. Я бы очень был рад увидать Вас, но не знаю, как это удастся.

Вы мне не пишете ничего о Вашем здоровье; надеюсь, что оно удовлетворительно. Мое — так себе; тело понемногу начинает отказываться — проявилась gravelle; ну да это всё в порядке вещей. Дружески жму Вам руку и жду большого письма, на которое отвечу таким же.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

724. А. В. ДРУЖИНИНУ

10 (22) октября 1858. Спасское

С. Спасское.
10-го октября 1858.

Вечные боги! Анненков в Петербурге — а меня там нет! Скажите по крайней мере, любезнейший Александр Васильевич (я из письма Некрасова знаю, что и Вы прибыли в Петербург) [1] — остается ли он там и увижу ли я его? В мое последнее с ним свидание [2] он произносил суровые и таинственно отрывочные намеки о намерении своем *осенью* уехать к себе в деревню, к четвероугольным своим грыбам. Неужели действительно он уедет или, может быть, уже уехал туда? Если он еще в Петербурге — покажите ему с немою горестью это письмо. Да умилостивит оно его сердце! Не то я закажу Беляеву [3] статую во весь рост Анненкова в виде Регула, стремящегося в Карфаген [4], по правую сторону будете Вы, по левую я; все трое мы будем представлены в коротких хламидах, в сандалиях и с обнаженными руками; вот проект фигуры Анненкова:

Объясните ему, как это будет для меня и неприятно, и дорого; употребите Ваше красноречие, пустите в ход лафит, дружбу, ростбиф, литературу, шампанское и обязанность перед отечеством; удержите его в Петербурге — и благодарность пламенного сердца да будет Вашей наградой!

Я сам прибуду в Петербург около 8-го ноября; я ежедневно ожидаю известия от посланного мною вперед человека, что квартера мне нанята.

Милейший Писемский скажет Вам, почему я должен отдать Некрасову повесть, над которой я трудился в теченье лета [5], но могу Вас уверить, что, ставши совершенно свободным, я прежде всех других журналов буду думать о «Библиотеке».

Я все эти дни был болен — я простудился на охоте и провалялся целую неделю в постели; я еще до нынешнего дня не выхожу. Погода стала скверная — пора выбираться вон из деревни.

Парфения я читал при всей моей беспутной петербургской жизни — и нахожу Ваше мнение о нем совершенно справедливым; это великая книга, о которой можно и должно написать хорошую статью [6]. Это не то, что муравьевская ложь [7], которую, за невозможностью отозваться о ней как следует,— следует похоронить молчаньем. Парфений — великий русский художник и русская душа.

А что Вы скажете о повести Кохановской, помещенной в «Русском вестнике», «В гостях после обеда»? Замечательная барыня. Вы, помнится, были с ней в переписке. Где она теперь находится? [8] Сколько я могу судить, ей бы не худо выйти из своего гнезда; провинция отразилась на некоторых частях ее произведения — как-то в рассказе о козле и гусыне и т. д. Это пахнет Квиткой [9],— но вся вещь удивительная и не раз тронула меня, старика, до слез. Толстой, которого я изредка видал и который всё чудит по-прежнему, того же мнения.

Проезжая через Москву, я поговорю с Фетом об его «Юлие Цезаре» для «Б⟨иблиотеки⟩ для ч⟨тения⟩». Впрочем, и «Антоний» его тщательно выправлен. Каждый акт два раза был тщательно пройден нами вместе — и я не спущал ему ни единого слова, так что он иногда стонал в агонии и падал тучным телом на диван [10].

Если Вы вздумаете написать мне — то я еще здесь до 30-го октября. От 20-го до 28-го я буду в Орле; хочу набраться провинциально-дворянской жизни, послушать

толков по Комитету и т. д. Это же самое буду я делать в Туле до 5-го нояб⟨ря⟩. А в Москве я остановлюсь всего дня на два: к 8-му ноября надеюсь быть на берегах Невы.

Кланяюсь всем друзьям и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

725. Н. А. НЕКРАСОВУ

11 (23) октября 1858. Спасское

С. Спасское.
11-го октяб. 1858.

Милый Некрасов,

В ответ на твое письмо [1] пишу тебе несколько строк.— Я только что встал с постели после 8-дневной болезни. Я буду в Петербурге — если бог даст — к 8-му ноября и привезу повесть [2]. Я готов ее дать в «Совр⟨еменник⟩» только с тем, чтобы ты возвратил мне мое позволение печатать 2-ое издание «Зап⟨исок⟩ ох⟨отника⟩» [3]. Так как повесть эта содержит в себе около 10 печатных листов — то она стоит более тех тысячи рублей, которые [a] ты мне дал за вышеозначенное позволение. Я надеюсь, что ты согласишься на это предложение, и тогда повесть может явиться в 1-м № «Совр⟨еменник⟩а» за будущий год. Впрочем, об этом мы переговорим в Пет⟨ербург⟩е, а ты только дай мне знать теперь свое решение — потому что я получил предложение от «Русского вестника» с разными любезностями и т. д. [4]— До 20-го октября я еще здесь, и потому, если ты тотчас напишешь мне ответ,— он меня здесь застанет [5].

Будь здоров — и до скорого свидания. Кланяюсь всем твоим и дружески жму тебе руку.

Твой
Ив. Тургенев.

726. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

11 (23) октября 1858. Спасское

Spasskoïé,
ce 11/23 octobre 1858.

Chère fillette, toutes tes lettres commencent par des plaintes: mais je t'assure que je t'écris plus souvent que tu ne le supposes, ou bien, peut-être, mes lettres ne te parviennent-elles pas. Enfin, que je t'écrive souvent ou rare-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: я тебе

ment — il ne faut pas pour cela te mettre en tête que je t'oublie, que je ne t'aime plus, depuis que je suis dans *ma* Russie, etc.[1] Tout cela, ce sont des folies; je t'ai prouvé que je t'aime et je te le prouverai encore. Tranquillise-toi, prends patience et travaille: tout le reste viendra à son heure.

Je te remercie beaucoup de ta grande lettre, quoiqu'elle soit toute émaillée de fautes d'orthographe et bien difficile à déchiffrer; mais ce n'est pas là-dessus que je veux te faire la guerre aujourd'hui — c'est sur autre chose. J'ai trouvé dans ta lettre l'expression d'un défaut dont il faut que tu mettes tous tes soins à te corriger; je veux parler de ton excessive susceptibilité, qui peut te rendre boudeuse, aigrie, même ingrate. Mme V<iardot> a oublié de t'inviter à la promenade — voyez-vous la grande affaire! Mais crois-tu donc qu'elle n'ait pas de préoccupations, des soucis fort importants peut-être? Ne pourrait-elle pas avoir des mouvements d'humeur, malgré l'égalité si parfaite de son caractère? Tu t'es déjà fait et tu te prépares des souffrances bien inutiles avec cette malheureuse susceptibilité, qui n'est que de l'amour-propre malade.— Qui t'a donné le droit de parler du *dégoût* que Mme V<iardot> aurait eu pour toi? Ne sens-tu pas qu'il y a de l'ingratitude à lui supposer seulement un pareil sentiment pour toi — à elle, qui t'a toujours traitée en mère? — Cette façon de se ravaler, de s'humilier — n'est encore que de l'amour-propre. Corrige-toi de ce vilain défaut, mon enfant, et sois persuadée que s'il y a fort peu de personnes qui vous aiment (et qu'on aime) véritablement — tout le monde est disposé à avoir de l'affection pour quiconque ne blesse et ne chagrine personne. Supposer les autres méchants — c'est avouer que l'on ne se sent pas bon soi-même. Tu t'es gâtée de gaité de cœur tes vacances de 58 — comme tu dis — à Courtavenel; que ceci te serve de leçon!

En voilà une et bien longue — et qui te fera regretter peut-être de tant désirer d'avoir de mes lettres. Enfin j'ai dû le faire — n'en parlons plus. Je dois te dire que j'ai été malade d'une fièvre que j'ai attrapée à la chasse; je suis guéri — mais je ne sors pas encore.— Je quitte Spasskoïé dans quinze jours; je passe l'hiver à Pétersbourg [2].— Écris-moi, jusqu'à nouvel ordre, à l'adresse suivante:

«à St. Pétersbourg, *Russie*,
à la rédaction de la revue: „Le Contemporain"
pour remettre à M. J. T<ourguéneff>».

Il n'y a pas besoin de mettre d'adresse en russe. Je t'écrirai dès mon arrivée à Pétersbourg. Tes promesses de bien travailler me remplissent de joie; fais en sorte qu'à mon retour à Paris tu puisses me jouer couramment une sonate de Beethoven, écrire une grande lettre sans l'ombre d'une faute — et surtout — n'être plus susceptible. C'est alors — pour le coup — que je me mettrai à t'aimer!

Cela n'empêche pas que je ne t'aime déjà beaucoup, mais beaucoup,— à présent. Je te souhaite bonne santé, et bon courage; je t'embrasse bien fort et suis

ton père qui t'aime
J. Tourguéneff.

P. S. Mille amitiés à la famille Tourguéneff; mes respects à Mme Harang. Je te donnerai des nouvelles d'Olga T⟨ourguénef⟩f dès que j'en aurai moi-même.

727. А. А. ФЕТУ

Конец сентября—первая половина октября ст. ст. 1858 (?). Спасское

Что же это значит, милостивый государь? Мы Вас с женою ждали все эти дни. Я был так уверен в Вашей аккуратности, что проиграл пари по Вашей милости — я держал сто франков, что Вы приедете. Графиня Толстая Вас ждала — а Вы не приехали? Она наконец вчера уехала, а вчера я слышал в Мценске, что Вы в воскресение собираетесь в Москву? Если вы с Марьей Петровной не приедете к нам завтра, т. е. в середу, обедать — я на веки вечные с Вами рассорюсь — und damit Punctum!

Пришлите мне, пожалуйста, забытую мною у Вас банку помады в картонном футляре — и до непременного свидания.

Ваш
Вторник. Ив. Тургенев.

728. М. Н. ТОЛСТОЙ

Середина октября ст. ст. 1858. Спасское

Любезная графиня,

Два слова в ответ на Ваше письмецо [1]. Я выздоровел от горячки — совершенно — но у меня на шее вскочил какой-то гадкий прыщ, который мешает мне выходить. Однако я надеюсь, что к концу месяца я буду свободен от всех недугов и 30-го числа явлюсь к Вам в Ясную

Поляну [2]. Все наши Вам кланяются — а я Вам дружески жму руку и желаю Вам ясности духа и спокойствия. Поклонитесь от меня Вашему брату [3] и всем Вашим домочадцам.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

729. И. В. ПАВЛОВУ

16 (28) октября 1858. Спасское

С. Спасское.
16-го окт. 1858.

Любезнейший Иван Васильевич!

Спешу ответить на Ваше письмо [1] и по Вашему желанию откровенно выскажу свое мнение насчет присланных программ «М⟨осковского⟩ в⟨естник⟩а» [2]. Программа Основского мне не нравится положительно; в ней есть что-то неприятно заигрывающее — и она даже на публику подействовать *выгодно* не может; Ваша гораздо лучше — но, может быть, несколько суха. Во всяком случае я подаю за нее голос. Журнал идет в ход не от программы, но от первых номеров.

Мысль Вашей статьи весьма дельная [3]— и дай бог Вам высказать ее вполне и ценсурно. Желаю успеха Вашему предприятию — и для самого предприятия и для Вас. Надеюсь увидеть Вас в Москве. Поклонитесь от меня Основскому; дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. В последнее время так много является журналов, что программа с претензиями может возбудить одно недоверие в публике. Ей нужно только растолковать 2 вещи: что известия она будет получать *снаружи* и *извне* — свежие и обдуманные и что это ей станет очень дешево. Но употреблять такие слова, как: «чуть не баснословно» — не годится. Возвращаю Вам программу О⟨сновского⟩.

730. М. Н. ТОЛСТОЙ

24 октября (5 ноября) 1858. Спасское

Любезная графиня,

Я только что вернулся вчера из Орла, куда я ездил для того, чтобы освободиться от чирея, который засел у меня на затылке. Теперь я почти совсем здоров — и наде-

юсь выехать отсюда 1-го или 2-го ноября — то есть я буду у Вас в Ясной к вечеру 1-го или 2-го числа и надеюсь застать там Льва Николаевича [1]. И потому до скорого свиданья.

Преданный Вам

С. Спасское. Ив. Тургенев.

24-го окт. 1858.

731. И. П. БОРИСОВУ

25 октября (6 ноября) 1858. Спасское

Любезнейший Иван Петрович,

Мой чирий на затылке заставил меня съездить в Орел, где я пробыл 6 дней — и откуда вернулся только вчера вечером. Выезжать я еще не могу и должен сидеть дома; а потому я лишен удовольствия быть у Вас. Но я надеюсь Вас у себя увидеть — во всяком случае прошу Вас быть у меня 28-го октября, во вторник: это день моего рожденья — мне стукнет 40 лет.

Кланяюсь Вашей жене и дружески жму Вам руку [1].

Ваш

С. Спасское. Ив. Тургенев.

25-го окт. 1858.

Суббота.

732. И. П. БОРИСОВУ

28 октября (9 ноября) 1858. Спасское

Любезный Иван Петрович,

Очень мне жаль, что болезнь лишает меня удовольствия видеть Вас у себя сегодня [1] — я остаюсь здесь еще до субботы [2] — и постараюсь сам быть у Вас — благодарю Вашу жену за поклон и сам ей низко кланяюсь — и желаю всего хорошего. Желаю Вам поскорее выздороветь и до свидания.

Преданный Вам

28-го окт. 58. Ив. Тургенев.

С. Спасское.

733. А. А. ФЕТУ

30 октября (11 ноября) 1858. Спасское

Любезнейший Фет,

Пишу к Вам две строки с Колбасиным только для того, чтобы, во-первых, испросить у Вас позволения по-

ставить у Вас на дворе на несколько дней мой тарантас — а во-вторых, чтобы предуведомить Вас о моем приезде в Москву к Вам — 5-го или 6-го ноября [1].

Феодальный обычай, в который не верит Боткин — был упомянут в известной ноте 4-го августа 1789-го г. и находится в полном собрании «Монитéра» [2].

До скорого свидания.

Ваш

С. Спасское. Ив. Тургенев.

30-го окт. 1858.

P. S. Кланяюсь Вашей жене и Боткину.

734. М. Н. ТОЛСТОЙ

5 (17) ноября 1858. Спасское

Любезная графиня,

Мои недуги не сильны — однако доктор велел мне поставить банки — и не хочет мне сказать, когда мне можно будет выехать; вероятно, придется переждать холода. И потому я, к сожалению, никакого определительного ответа дать Вам не могу, не желая Вас напрасно удерживать [1]. Надеюсь свидеться с Вами в Москве и дружески жму руку Вам и всем Вашим.

Преданный Вам

5-го ноября 1858. Ив. Тургенев.

Середа.

735. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

Середина ноября ст. ст. 1858. Петербург

Ma chère Paulinette,

Cette lettre te sera remise par M. Riedel, médecin du p⟨rin⟩ce Orloff, qui part demain pour Paris. Il a bien voulu en même temps se charger d'une somme de 1000 francs dont tu remettras 800 francs à Mme Harang — comme payement de ce que tu lui dois et comme acompte de tes dépenses à venir, et tu garderas 200 francs pour ta toilette. Je t'assigne 500 francs par an pour ce dernier chapitre — j'espère que tu en auras assez et que tu ne feras pas de trop grandes dépenses. Si M. Viardot est à Paris (tu ne m'en dis pas un mot) — tu lui diras tout cela pour qu'il sache à quoi s'en tenir — et tu lui expliqueras que si je ne lui ai pas envoyé cet ar-

gent, c'est que je ne savais pas où il se trouvait. Voici donc l'article finances arrangé; passons à d'autres:

Ta lettre est charmante, raisonnable et sans fautes d'orthographe: elle m'a causé le plus grand plaisir. Il n'y a qu'une seule phrase que j'aurais voulu effacer. Tu me dis que tu regrettes d'avoir été franche avec moi. Mon enfant, il faut que nous nous disions toujours l'un à l'autre tout ce que nous avons sur le cœur. C'est le meilleur moyen de rester bons amis. J'ai pu exagérer tes torts et mes reproches — mais cela vaut mieux que faire de la diplomatie. Elle ne vaut jamais rien et surtout entre nous. Ainsi, je t'en prie, écris-moi toujours avec la plus complète franchise — je te répondrai de même; nous nous aimons bien — nous ne pouvons pas nous blesser, comme tu dis [1].

J'écrirai dès demain une lettre à Mme Tourguéneff — pour la remercier pour ses bontés pour toi. Seulement je crois qu'il faudra que je mette ton adresse, car je ne crois pas qu'elle reste à la campagne à l'heure qu'il est.— Ce que tu me dis sur ton désir de te faire enseigner dans la religion grecque est parfaitement sensé; je me reproche de n'y avoir pas songé pendant que j'étais encore à Paris.— Je crois que notre prêtre, M. Vassilieff, parle le français et c'est un excellent homme.— Je parlerai à M. Tourguéneff dans la lettre que je vais lui écrire et dans laquelle je lui donnerai des nouvelles sur ce qui se passe ici à propos de l'émancipation des paysans [2]. Mme Tourguéneff a eu parfaitement raison de te parler comme elle l'a fait et cela prouve mieux que tout ce qu'elle a fait — l'intérêt qu'elle te porte; je la remercie de tout mon cœur et ne demande pas mieux que tu commences tes leçons dès à présent.— Il te sera peut être difficile d'aller régulièrement à l'église russe, tout cela sera définitivement arrangé au mois de mai, mais pourtant voyez ce qui peut se faire ou plutôt tu feras ce que te dira Mme Tourguéneff. Je lui écrirai sans tarder.

Je suis à Pétersbourg depuis quatre jours, je ne sors pas de ma chambre, j'ai pris un peu froid, mais je vais mieux. Voici mon adresse: St. Pétersbourg, Grande rue des Écuries, maison Weber, № 34.

Ecris-moi le plus tôt, le plus longuement et le plus franchement que tu pourras. Porte-toi bien et travaille ferme.

Je t'embrasse de tout mon cœur et suis pour toujours

ton père qui t'aime
J. Tourguéneff.

736. ПОЛИНЕ ВИАРДО

18 (30) ноября 1858. С.-Петербург

St. Pétersbourg.
le 18/29 novembre 1858.

Il y a un siècle que je n'ai reçu de vos lettres, chère et bonne Mme Viardot; Paulinette m'écrit que vous êtes à Pesth [1], je vous y écris à tout hazard. Je suis à Pétersbourg depuis quatre jours [2] et je n'ai pas encore quitté la chambre; j'ai attrapé une assez forte bronchite en route, je vais mieux, mais je tousse encore beaucoup. Voici mon adresse: St-P⟨étersbourg⟩, Grande Rue des Ecuries, Maison Weber, n⁰ 34. Ecrivez-moi, je vous prie. Etes-vous seule à Pesth ou bien Viardot est-il avec vous? Etes-vous contente de votre public et quel effet vous font les Hongrois? J'ai toujours eu un faible pour cette nation énergique et chevaleresque [3]. Il paraît qu'il faut abandonner tout espoir de vous voir à Pétersbourg; la G⟨ran⟩de Duchesse [4] vient de partir. Le bruit court qu'on vous attend à Varsovie: est-ce vrai ? [5] Combien de temps resterez-vous à Pesth? Toutes ces questions sont très importantes pour moi, et vous seriez bien bonne d'y répondre, sans quoi je prévois avec chagrin un assez long hiatus dans notre correspondance, qu'il ne faudrait pas pourtant laisser mourir, après le temps qu'elle a duré.

Je vous ai écrit quelques jours avant de quitter Spasskoïé, j'espère que ma lettre vous est parvenue, je vous y donnais quelques détails sur l'emploi de mon temps et sur la grave question qui occupe tous les esprits en Russie. La majorité de la noblesse s'oppose non pas à l'émancipation des personnes (là-dessus il n'y a qu'une voix) mais à la cessation d'une partie des terres; cependant, il faut espérer que le gouvernement, appuyé sur la minorité, mènera l'œuvre à bon port. Quant à moi, j'ai arrangé mes affaires de façon à ce que l'émancipation projetée n'ait rien à changer à mes arrangements avec mes paysans. Ce nouvel ordre de choses commencera à fonctionner dès le printemps prochain, et je n'aurai plus sur moi, quand nous nous reverrons, le stigmate de *propriétaire d'hommes*.

Le travail que j'ai rapporté de Spasskoïé (je parle de mon petit roman [6]) est approuvé par mes confrères d'ici [7] et je suis content de voir que je n'ai pas dépensé mon temps en pure perte.

Theuere Freundinn, j'attends de vos nouvelles avec impatience. Ecrivez-moi, ne fût-ce que quatre lignes. Mes

amitiés à Viardot, s'il est avec vous. Je vous souhaite tout ce qu'il y a de meilleur au monde et vous serre bien amicalement les mains.

Votre

J. Tourguéneff.

737. Е. Е. ЛАМБЕРТ

20 ноября (2 декабря) 1858. Петербург

Если Вы слышали о моем приезде, любезнейшая графиня, то, вероятно, пеняете на меня за то, что я до сих пор у Вас не был. По крайней мере мне очень бы хотелось думать, что Вы на меня пеняете. Но, во-первых, я с тех пор, как приехал, болен, сижу дома и раньше недели не выеду; а во-вторых, я только вчера узнал, что Вы здесь. Я осведомлялся об Вас с первого дня моего приезда, но мне Анненков сказал, что Вы за границей.

Известие, что Вы здесь, меня очень обрадовало, и мне моя болезнь показалась вдвое досадней. Дайте мне весточку о себе, о всем Вашем семействе; а я, как только поправлюсь, тотчас отправлюсь в деревянный домик на Фурштатской, где я провел столько приятных часов.

Живу я в Большой Конюшенной, в доме Вебера.

Кланяюсь Вашему супругу, дружески жму Вам руку и остаюсь

душевно Вам преданный

Четверг. Ив. Тургенев.

738. М. Н. КАТКОВУ

10 (22) декабря 1858. Петербург

С. Петербург.

10-го дек. 1858.

Любезнейший Михайла Никифорович, пользуюсь случаем отъезда Основского в Москву, чтобы переслать Вам это письмо. Благодарю Вас за Ваши предложения и не могу не изъявить снова своего сожаления о том, что не виделся с Вами в Москве по милости той самой болезни, которая до сих пор не хочет пройти и заставляет меня сидеть безвыходно в комнате.— Повторяю Вам то, что я сказал Феоктистову [1]: будущую мою повесть пишу для «Русского вестника» [2]; должно надеяться, что она будет готова к осени.— Статью о Гамлете и Д⟨он-⟩Кихоте, за которую я принялся теперь, также готов Вам отдать, если

только г-да редакторы «Соврем⟨енника⟩», которые ее уже два или три р⟨аза⟩ обещали своим подписчикам, согласятся. Я ни одного из них сегодня не видел — а Основский едет завтра; как только я узнаю их решение — а я не думаю, чтобы они стали упорствовать,— сообщу Вам [3].

Прошу Вас верить в искренность моего желания участвовать в Вашем прекрасном журнале — а также и в то чувство истинного уважения, с которым остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Прошу Вас передать мой дружеский поклон графине Сальяс, Лонгинову и Феоктистову.

739. ПОЛИНЕ ВИАРДО

12, 14 (24, 26) декабря 1858, С.-Петербург

St. Pétersbourg,
ce 12/24 décembre 58.

Il y aura dans trois jours un mois que je suis ici, chère et bonne Madame Viardot — et imaginez-vous, je n'ai pas encore bougé de ma chambre — et je ne sais pas quand il me sera permis de mettre le nez dehors. Je suis voué à toutes sortes de maladies extraordinaires.— Je souffre maintenant d'une espèce d'irritation au gosier, qui m'empêche non seulement de parler — de chuchoter; le moindre effort produit une toux convulsive. — C'est fort ennuyeux et me rend sinon maussade, au moins missmuthig ... Cela a fait que je n'ai pas répondu jusqu'à présent à la lettre de Viardot de Pesth, avec le petit mot que vous y avez ajouté [1]. J'ai tellement tardé à le faire que je ne vous suppose plus à Pesth et que j'envoie cette lettre rue de Douai, ne sachant pas où vous êtes, ni ce que vous comptez faire pendant l'hiver.

Je m'étais trompé en vous écrivant que la G⟨ran⟩de Duchesse Hélène avait quitté Pétersbourg [2]; elle est ici et reste ici jusqu'au printemps; mais il paraît que vous avez définitivement abandonné toute idée de voyage en Russie: vous n'êtes pas même allée à Varsovie. J'espère vous voir au mois de mai ou de juin à Londres, si mon irritation passe d'ici là.

Mon ami Annenkoff a lu à tous mes confrères réunis le petit roman que j'ai écrit cet été [3] — et je puis dire que le succès a été grand [4]; reste à savoir ce que dira le public.

Les questions de réforme, d'améliorations sont plus que jamais à l'ordre du jour ici; l'Empereur tient bon, malgré les obstacles qu'on lui suscite; on vient de permettre aux journaux de traiter la question du rachat, seule solution possible. La littérature ou plutôt la presse vient de subir une assez forte bourrasque; ni les écrivains, ni ceux qui les jugent ne sont encore habitués aux allures de la publicité; c'est encore l'Empereur qui empêche la réaction de devenir trop forte — aussi sommes-nous tous devenus plus gouvernementaux que jamais.

J'ai envoyé 1000 francs à Paulinette — avec cet argent elle aura de quoi payer les avances faites par Mme Harang; quant aux 25 000 francs que je lui destine dans le courant de cet hiver, ils ne seront prêts qu'au mois de février [5].— Ecrivez-moi, je vous prie, où sera Viardot entre le 15 février et le 15 mars? — à Paris? — Et vous-même, où serez-vous?

L'opéra n'est pas très fréquenté cette année; Mme Bosio est toujours aimée du public, Tamberlick a beaucoup baissé. On donne du Verdi; on vient de monter «Le Comte Ory» avec Calzolari [6]. Un tragédien nègre, du nom de Aire-Oldridge donne des représentations qui plaisent énormément; — il joue «Othello», «Le Roi Lear», «Le Marchand de Venise» [7]. La maison Wielhorski s'est écroulée [8]— le C⟨om⟩te Matthieu [9] vit très retiré. Je vous dis tout cela par ouï-dire, car je ne quitte pas ma chambre.

Le 14/26 décembre.

Je vais mieux depuis deux jours et mon docteur, qui vient de me quitter, me promet que je pourrai sortir dans quelques jours.— Cette perspective a dissipé mes blue devils — et j'espère que la première lettre que je vous écrirai sera un peu plus animée que celle-ci.

Il paraît que le C⟨om⟩te Matthieu se dispose à aller à Paris.

Je crains, d'après les lettres de Paulinette, qu'elle ne fasse un peu trop la grande et qu'elle ne travaille pas assez.— Ayez la bonté de la chapitrer sur ce texte.

A bientôt.— Portez-vous bien et ne m'oubliez pas.— Mille choses à Viardot (auquel j'écrirai l'un de ces jours) — à Mme Garcia, mille baisers aux enfants, surtout à Didie.— Je vous serre cordialement les deux mains.

Votre
J. Tourguéneff.

740. ПОЛИНЕ ВИАРДО

15 (27) декабря 1858, 30 декабря 1858 (11 января 1859). С.-Петербург

St. Pétersbourg,
ce 15/27 décembre 1858.

Avant toute chose grand'merci pour votre lettre de Weimar, theuerste, liebste Freundinn. Elle m'est parvenue en 6 jours; je venais de vous en expédier une à Paris, me doutant bien que vous ne seriez plus à Pesth.— Vous dites m'avoir écrit deux lettres de Pesth — hélas, je n'en ai reçu qu'une — celle de Viardot [1].

Ce 30 décembre 1858
11 janvier 1859

Je vous demande bien pardon de cette interruption, chère et bonne Madame Viardot.— Ce qui, peut-être, la rendra moins impardonnable à vos yeux, c'est qu'elle a eu ma guérison pour cause — et que je me suis hâté de profiter de la permission de sortir, après 6 semaines de réclusion.— Je n'ai presque pas eu un moment à moi depuis 10 jours — dîners, visites à faire et à recevoir, nouvelles connaissances [2], mon roman à imprimer [3] — enfin ça a été un tourbillon.— Mais comme il est dans la nature de toute chose de revenir à son centre de gravité — me voici de nouveau en présence de votre cher et bon souvenir — et il faut que je cause un peu avec vous.

Les nouvelles politiques d'ici les plus importantes (— je commence par la politique pour se débarrasser d'elle au plus vite, comme d'un importun) — sont: l'admission par le gouvernement de la nécessité du rachat des terres appartenant aux paysans; — l'établissement d'un comité dirigeant pour la littérature, d'une espèce de bureau de la presse [4]; — le chef de la police secrète est un des membres de ce comité... [5] «Segurito va Ud., señor pollo».— Voilà tout pour le moment.

Passons au feuilleton. Le « tragédien nègre » — Ire Oldridge — a eu ici un succès immense dans les rôles d'Othello, du roi Lear; je ne l'ai pas vu, malheureusement, grâce à ma *laryngite*; et je ne le verrai pas, grâce à Mr Sabouroff, qui lui a fait je ne sais quelle avanie [6]. On donne «Le C⟨om⟩te Ory» à l'Opéra avec Mme Bosio et Calzolari [7]: et il faut avouer que l'exécution en est parfaite.— Dieu veuille qu'à l'aide de cette délicieuse partition du maestro par excellence, Verdi devienne un peu moins en-

vahissant, car il n'y a pas de chances de le détrôner [8].— Mme Bosio chante à ravir, quoique sa voix m'ait paru un peu fatiguée et incertaine — le public l'aime toujours beaucoup [9].—

La personne que je vois le plus souvent — c'est une comtesse Lambert, fille du ci-devant ministre des Finances, Cancrine.— C'est une personne âgée déjà et maladive — très sympathique, bonne et spirituelle.— J'ai été une fois chez le C<om>te Matthieu Wielhorski.— Tout ce qui faisait le charme de cette maison — a disparu avec le comte Michel [10]. Il m'a demandé de vos nouvelles.—

Nous sommes ici une quinzaine de vieux amis; nous nous voyons souvent et nous nous tenons fermes [11]. — Quand on devient vieux soi-même — on n'a plus de goût que pour les vieilles choses.— C'est à la jeunesse de se faire des convictions, de changer d'affections — nous avons pris racine — et nous restons à notre place — jusqu'à l'année du moissonneur «qui fauche sans relâche», comme dans votre chanson.— Et à propos de musique, que fait «Le Faust» de Gounod? [12] Et puisque j'ai entamé le chapitre des interrogations — où passez-vous l'hiver? — Et le printemps — et l'été? A quelle époque allez-vous à Londres? Quand je pense que je puis dire: nous nous verrons cette année-ci — s'il plaît à Dieu — voilà qui est bon à dire!

D'après les lettres que je reçois de Paulinette, il me semble qu'il s'opère un changement en elle; elle cesse d'être enfant — et il y a du bon et du mauvais dans ce fait.— Je crois lui découvrir un assez grand penchant pour les plaisirs mondains — il faut tâcher de l'arrêter sur cette pente. Mme Harang fait bien de ne pas la laisser sortir trop souvent — et il ne faut pas qu'elle croie que je la prendrai dès le mois de mai; je la laisserai dans sa pension jusqu'à l'automne — et puis, il faudra réfléchir à l'hiver.— Usez de votre influence sur elle, je vous prie; elle vous aime beaucoup et a confiance en vous.

Parlez-moi un peu de Didie [13] (son *groupe* est délicieux — à faire encadrer) — de Louise [14], de vous surtout.— Je rougis de répéter que j'écri*rai* une lettre à Viardot — mais je le ferai — je le remercie beaucoup de ses deux lettres [15]. Mon oncle vient de m'écrire [16] que j'aurai mon argent dans le courant du mois de janvier; dès que je le toucherai, je l'enverrai à Paris par l'entremise de Stieglitz.

Adieu — à revoir — dans quatre mois [17].— Portez-vous bien, soyez heureuse et laissez-moi baiser tendrement vos belles et chères mains.

Votre
J. Tourguéneff.

741. Е. Е. ЛАМБЕРТ

8 или 15 (20 или 27) декабря 1858. Петербург

Любезнейшая графиня,

Я был всё это время так «missmutig» — вследствие моей глупой болезни, что не имел духа писать к Вам; и теперь берусь за перо только потому, что чувствую как будто маленькое облегчение,— и доктор начинает обнадеживать меня, что я дней через 10, *может быть*, выеду. Представьте, что я даже *шептать* не могу — сейчас поднимается судорожный кашель [1].

А мне так хотелось прочесть Вам мою новую повесть [2] и услышать Ваше мнение, прежде чем она пойдет в печать; теперь придется ее отдать в печать, не подвергнув ее Вашему суду; по крайней мере я надеюсь быть в состоянии привезти Вам корректурные листы (понимаете ли Вы, что это значит?) и, в случае надобности, сделаю перемены.

Анненков за меня (так как у меня нет голоса) прочел мою повесть моим литературным собратьям [3]; они остались вообще довольны [4] — но я хотел бы услышать суд не литератора, именно Ваш суд. Что делать! По крайней мере мне хочется доказать Вам, что у меня в доброй воле недостатку не было.

Я надеюсь, что Вы и все Ваши здоровы: пожалуйста, не будьте больны — хуже этого еще никто ничего не выдумал. Кланяюсь Вам и Вашему мужу дружески и говорю Вам: до свиданья, прежде Нового года.

Преданный Вам
Понедельник вечером. Ив. Тургенев.

742. А. А. ФЕТУ

27 декабря 1858 (8 января 1859). Петербург

27-го дек. 1858.
С. Петербург.

«Amicus Fethus — sed magis amica veritas» [1]. Я выправил ваши стихи, любезнейший друг — и отдам их сегодня Дружинину — но пускай меня «на площади трехвостником дерут» [2] — не могу признать хорошими

стихов вроде:

Иль тот, кто, зародясь, пленять богинь собою
Из недра Мирры шел, одетого корою [3].

и предлагаю уже, кстати, прибавить к ним следующие два, в том же роде:

В чей, приосанясь, зрак,— вид уст приняв живой,
Прелестниц — взор полн нег — игрив вперяет рой [4].

Что же касается до вашего спора о Тютчеве с Марьей Николаевной [5] — о Тютчеве *не* спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии — und damit Punctum. Помните стихи Гёте:

Lasse Dich zu keiner Zeit
Zum Widerspruch verleiten:
Weise fallen in Unwissenheit,
Wenn sie mit Unwissenden streiten [6].

Я начал выезжать — и после долгого затворничества и поста — веду жизнь рассеянную (и, между нами сказать, немного развратную) — и, кажется, опять простудился. Писать много некогда. Что это Толстой не едет? Дружинин его ждет с тоскливым нетерпеньем. Уж не съели ли его медведи? [7]

Все здешние здоровы. На днях Боткин, который весь сладок, как аттический мед — дал нам лукулловский обед с трюфелями etc.

Кланяюсь вашей жене и всем вашим. Жму вам руку.

Преданный вам
Ив. Тургенев.

743. Н. А. ОСНОВСКОМУ

30 декабря 1858 (11 января 1859). Петербург

С. Петербург.
30-го дек. 1858.

Любезнейший Нил Андреевич,

Вам уже известно, что «Московский вестник» разрешен после упорной и кровопролитной битвы в Комитете [1], в которой погиб *один* журнал (из семи). Но дело еще не кончено — надобно отправить бумагу к Вам и т. д. Ковалевский, которому я отдыха не даю [2], дал мне слово, что это будет сделано тотчас после Нового года [3]. Я отдал г-ну Шохину статью Павлова [4], которая мне очень

понравилась; советую ему только поуменьшить число местных слов (не говоря уже о любезном, но невозможном ⟨- - -⟩); эти статьи надобно непременно продолжать — они публике понравятся — и все знающие дело похвалят. Я говорил г-ну Шохину, что, по-моему, не бывши в состоянии начать с 1-го января — Вам бы, может быть, было бы лучше пропустить первое трехмесячие — и начать прямо с апреля [5]— положив 1.50 к. на газету. Впрочем, я могу ошибаться, и Вы на месте сообразите лучше. Статью мою Вы будете иметь к 20-му января во всяком случае [6].

Жму Вам и Павлову руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

744. Н. А. НЕКРАСОВУ

Ноябрь (не ранее 10 ст. ст.)—декабрь 1858. Петербург

Любезный Некрасов, я буду с тобой откровенен — а ты на меня не сердись. Когда я в Москве отказался от предложений Каткова, я это сделал для того, чтобы, во-1-х) сдержать слово, тебе данное [1], а во-2-х) — я знал, что этим ничего не теряю — ибо был уверен, что получу за «Зап⟨иски⟩ ох⟨отника⟩» до 4000 р. сер.[2] Я должен тебе сознаться, что я не в таком положении, чтобы легко отказаться от 1500 р. сер.— и потому — позволь мне оставить дело на прежних основаниях. С твоей стороны ты не лишаешься *затраченных денег, и возможных* прибылей; но ты сообрази также то, что если бы «З⟨аписки⟩ о⟨хотника⟩» были тобою уже проданы, я бы, разумеется, принял предложение Каткова [3]. Всё это на словах сказать неловко, а на бумаге — можно; повторяю, не сердись на меня за мое колебание — а деньги эти все сейчас отправятся в Париж к моей дочери. Мы увидимся, вероятно, у хлыща Бурдина [4], до того времени — до свидания.

Тв⟨ой⟩ Ив. Т.

745. Ег. П. КОВАЛЕВСКОМУ

Декабрь 1858. Петербург

Батюшка и милостивец, Егор Петрович — извините за беспокойство — но не узнали ли Вы чего-нибудь о «Московском вестнике» сегодня? — Одно словечко в ответ было бы великим благодеянием.

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

Середа веч⟨ером⟩.

На обороте:

Его превосходительству Егору Петровичу
Ковалевскому
(от Тургенева).

746. Н. А. НЕКРАСОВУ

Декабрь 1858. Петербург

Возвращаю тебе, любезный Некрасов, статью о протесте [1] — и откровенно тебе скажу, что тон ее мне крайне не нравится. Он может подать не только «Русскому вестнику», но и публике вообще — справедливый повод упрекнуть «Совр⟨еменник⟩» в легкомыслии и глумлении. Доказать необдуманность, пожалуй, вред протеста можно и даже должно — но без этих стишков «зубодробильных» и других ударов — словом, без этих любезностей и кривляний. Докажите людям, в добрых намерениях которых вы не сомневаетесь — что они ошиблись — но сделайте это спокойно, серьезно. Представляется прекрасный случай написать дельную, *горячую* — хоть и небольшую статью — а вы являетесь с вещью, в которой иной, пожалуй, будет иметь право прочесть презрение к русской литературе — и в которой во всяком случае состояние современного общества не понято. О таком деле можно писать кратко, сухо, официально — или горячо, но уже никак не с юмором, тем более, что и юмор-то вышел далеко не первоклассный. Словом, я — коли уж дело пошло на протесты — протестую против публикации этой статьи.

Скажи Панаеву, чтобы он был так добр и прислал мне последние 5, 6 №-ов «Nord» [2].

Твой Ив. Тургенев.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

21. МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

27 марта (8 апреля) 1856. Петербург

Его высокопревосходительству, господину министру народного просвещения, тайному советнику и кавалеру, Аврааму Сергеевичу Норову

Коллежского секретаря Ивана Тургенева

Прошение

Поручик лейб-гвардии уланского полка А. А. Фет получил в начале 1854-го года разрешение посвятить перевод свой Од Горация имени его императорского высочества, государя наследника цесаревича, в удостоверение чего прилагается свидетельство, выданное ему командиром его полка [1]. С тех пор его императорское высочество взошел на прародительский свой престол — и потому, теперь, при выходе в свет оконченного труда своего, г-н Фет, основываясь на уже разрешенной ему милости, осмеливается просить о дозволении посвятить перевод Горациевых Од имени ныне благополучно царствующего государя императора.— Так как он сам не находится в С.-Петербурге и поручил мне издание его перевода, то я и решаюсь, от его имени, обратиться с вышеупомянутой просьбой к Вашему высокопревосходительству, в надежде, что Вы соблаговолите исходатайствовать у его величества подтверждение данного дозволения посвятить его имени труд г-на Фета [2].

Коллежский секретарь Иван Тургенев.

С.-Петербург, 27-го марта 1856-го г.

22. М. А. КОРФУ

6 (18) апреля 1856. Петербург

Ваше высокопревосходительство милостивый государь!

Я не имею чести быть знакомым с Вами лично; но, как литератор, привык высоко уважать Ваше имя и знаю Вашу готовность покровительствовать всякому,

кто бескорыстно посвящает свои силы делу просвещения в нашем отечестве. А потому позволю себе представить на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства прилагаемую к сему статью об И. И. Мартынове, сочинение одного молодого кандидата, Колбасина [1], который желал бы получить место при Императорской библиотеке — и которого осмеливаюсь рекомендовать Вашему снисходительному вниманию. Ласкаю себя надеждою, что Вы не откажетесь удостовериться прочтением его статьи в степени его способностей и той пользы, которую он может принести со временем [2].

Вторично прошу извинения в своей нескромности и имею честь пребывать с совершеннейшим уважением и такою же преданностию

Вашего высокопревосходительства

покорнейший слуга

Иван Тургенев.

С. Петербург.

6-го апреля 1856.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПИСЕМ

378. Полине Виардо (с. 11)

С.-Петербург,
С французского: 10/22 февраля 1855.

Прошло четыре дня с тех пор, как я вернулся из Москвы [1], дорогая и добрая госпожа В⟨иардо⟩. Дома меня ожидало письмо от вас и очень порадовало не столько своим содержанием, сколько тем, что внушило мне уверенность в том, что переписка наша будет иметь продолжение. Увы! Она дышит на ладан, эта бедная переписка, и все-таки, бог свидетель, что никогда еще мои друзья не были мне так дороги! Мне было бы мучительно думать, что память обо мне у вас ослабела, и я очень признателен вам за теплые слова в конце вашего письма... [2]

Во имя неба, избавьтесь поскорее от гриппа и сообщите мне новости о ваших концертах. Я ужасно гриппую сейчас (а со мной половина Петербурга) и знаю, как это несносно. В Москве я пробыл почти месяц [3], очень приятно провел там время, завел много новых знакомств [4]. В голове моей много литературных планов [5]... но сейчас не до литературы. По всей Империи собирается народное ополчение, в нашей губернии выборы офицеров земского ополчения состоятся в апреле. Если я окажусь в их числе, что ж! я без колебаний сменю перо на мушкет и постараюсь исполнить свой долг столь решительно, как только смогу. Для нашей страны настает трудное время — и все мы придем ей на помощь [6].

Извините мне это отступление, но трудно не говорить о том, что наполняет сейчас все русские сердца...

Вы мне ничего не пишете о Полине, надеюсь, что она здорова и не очень ленится. Тысяча благодарностей доброму В⟨иардо⟩ за его милую любезность. Я очень сожалею, что вечно запаздываю с выплатой, но я твердо решил не покидать П⟨етербурга⟩ (это произойдет приблизительно в конце марта) [7] прежде, чем я не вышлю всю годовую сумму вперед. Я много работаю, чтобы обеспечить будущее малышки, и, если бог даст мне жизни, это будет сделано в течение года.

Кажется, г-жа Лагранж не приедет будущей зимой. Поговаривают о г-же Бозио... если... но это «если» совершенно лишено смысла! Не следует позволять себе даже думать о вещах столь приятных и столь невозможных [8]. В опере дела шли весьма плохо, что, впрочем, естественно... Прошу вас не забывать о вашем обещании и рассказывать мне о ваших концертах.

Ваше последнее письмо очень коротко и, простите за выражение, очень сухо! К чему подтрунивать надо мною по поводу м-ль Тургеневой? [9] Вы не говорите мне ничего по поводу г-жи Гарсиа — скажите ей, что я храню о ней самые нежные воспоминания. Поклонитесь от меня г-же Сичес, привет вашему брату... Подумать только, что та малышка Луиза, которую я оставил в Куртавнеле, стала уже совсем большой девочкой 13-ти лет! И впрямь жизнь летит и пролетает слишком быстро... Вот увидите, что если я вернусь в Париж (если я только туда вернусь), то лишь для того, чтобы стать крестным отцом четвертому ребенку вашей младшей дочери.

Совсем ли вы позабыли русский язык?

Я задаю вам этот вопрос вот почему. Один из моих друзей только что выпустил два первых тома великолепного издания Пушкина [10]. Я помню его наизусть, но есть там одно стихотворение, которое, оказавшись вновь перед моими глазами, произвело на меня новое впечатление. Если у вас есть кто-нибудь, кто знает рус-

ский, попросите его перевести эти стихи. Если нет, то я в следующем письме пришлю вам свой перевод: (NB. Попросите объяснить вам каждое слово).

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас...
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего —
Как овдовевшая супруга —
Как друг, обнявший молча друга
Перед изгнанием его [11].

Прощайте, дорогая и добрая госпожа Виардо. Будьте здоровы, будьте счастливы и да хранит вас бог. С нежностью целую ваши дорогие руки. Ваш И. Т.

435. Полине Виардо (с. 59)

С французского:

Спасское,
26 сентября 1855.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, последнее письмо, которое я получил от вас — трехмесячной давности, и я не знаю даже, получили ли вы те два письма, что я послал вам с тех пор [1]. Только благодаря «Атенеуму» [2] я знаю, что вы делаете. Возможно, ваши письма не доходят — и все же мне было бы так приятно собственными глазами убедиться в том, что вы меня не забываете. Умоляю вас написать мне, как только получите это письмо, в Петербург, куда я собираюсь приехать дней через десять (мой адрес — Фонтанка, возле Аничкова моста, дом Степанова) [3].

Лето я провел довольно грустно — но в трудах. Я много работал [4]. У нас была холера, всякие другие болезни, страшная жара и засуха, охота была совершенно ничтожной, да и все известия, которые приходили извне, были не из тех, что внушают веселье — но надо надеяться, что самый тяжелый момент позади. Предвижу очень занятую зиму в Петербурге и не жалуюсь на это.

Я получил письмо от госпожи Аран и от малышки [5]. Если вы ее увидите, будьте добры передать ей, что я напишу ей по приезде в Петербург и пришлю то, о чем она меня просит. Несмотря на то, что вы говорите о ее внешности в настоящее время, я бы не возражал получить ее дагерротип.

Одно из досадных следствий редкости писем состоит в том, что они становятся короткими и незначительными, не знаю уж, отчего это происходит; даю себе слово исправиться, как только обоснуюсь в Петербурге; прошу вас, помогите же мне тогда и вы. Но независимо от того, часто ли я пишу вам или редко,— надеюсь, что вы ни на мгновение не усомнились в моей к вам неизменной привязанности.

Это единственное чувство, поколебать которое во мне ничто не может,— вы должны быть в этом уверены.

Сообщите мне об этой оратории Косты, где вы пели Самуила [6], рассказывайте мне о себе, прошу вас.

Посылаю это письмо на улицу Дуэ, хотя подозреваю, что в настоящий момент вы еще в Куртавнеле. Поклонитесь ему от меня. Не истлела ли еще моя серая куртка?

Тысяча приветов Виардо, г-же Гарсиа, вашему брату, г-же Сичес и ее мужу, всем остальным. Вам же я нежно целую руки и остаюсь навсегда

ваш
И. Тургенев.

437. Полине Тургеневой (с. 61)

С французского:

Для Полины.

Давно я тебе не писал, дорогая Полинетта; но это не должно тебя огорчать — думаю я о тебе не менее часто, и даже очень часто. Вот ты и в новом пансионе [1]— я уверен, что тебе там очень хорошо — надеюсь, что ты будешь усердно заниматься, будешь учтива и послушна. Я к тебе обращаюсь, как к ребенку, а г-жа Виардо пишет, что ты ростом почти с нее, я очень хотел бы повидать тебя, я тебя все-таки узна́ю, несмотря на перемену, происшедшую в тебе за те пять лет, что я тебя не видал. Что касается меня, то я постарел и поседел — время идет быстро. Но когда же мы увидимся? А! Вот это-то и неясно. Я могу поручиться только за одно — это случится, как только появится малейшая возможность; к сожалению, это не зависит от меня [2]. Надо запастись терпением, надо в особенности использовать время, чтобы меня сильнее порадовать при свидании. Вообрази мое удивление, когда я услышу, что ты играешь какую-нибудь прекрасную сонату Бетховена? Вот будет чудесно! Вот тогда-то я тебя крепко расцелую, очень крепко! Госпожа Виардо часто пишет мне, что ты меня очень любишь... От тебя зависит доказать мне это. Постарайся, чтобы госпожа Аран была довольна тобой, и ты тоже будешь довольна мной, уж я тебе обещаю.

Прощай, дитя мое, будь здорова. Нежно тебя обнимаю.

Твой отец
И. Тургенев.

P. S. Я сейчас в деревне в Спасском; на зиму вернусь в Петербург [3] и, если наступит мир [4], поеду весной проведать тебя. Моли бога, чтоб мир наступил.

474. Полине Виардо (с. 85)

С французского:

С.-Петербург,
15/27 апреля 1856.

До сегодняшнего дня я ждал ответа на мое последнее письмо, дорогая госпожа Виардо, письмо, в котором я просил известить меня о том, где вы собираетесь провести лето [1], но либо вы мне не ответили, либо ваш ответ затерялся в дороге. Я покидаю Петербург послезавтра, еду в Москву, а оттуда в Спасское и рассчитываю пробыть там до июля [2]. Затем я поеду в Москву — в это время там должен будет находиться император — и попытаюсь получить разрешение совершить путешествие за границу [3]. Если я его получу, что, между прочим, отнюдь не точно, то рассчитываю быть в Кур-

тавнеле к началу охоты, 1 сентября [4]. Если мне откажут, я возвращусь в Спасское... и тогда, возможно, мы увидимся с вами не так скоро! Но я предпочитаю надеяться... Многие уезжают — все места на пароходах взяты до июля...

Я прочитал в газетах отчеты о нескольких концертах, в которых вы пели. Кажется, вы не входите в труппу Ковент-Гардена? Между тем вы, кажется, должны поехать в Лондон, и я не уверен, что это письмо застанет вас в Париже [5]. Вот уж в Куртавнеле мы помузицируем, если богу будет угодно.... То, о чем я прошу у судьбы, чтобы быть счастливым, — такая малость; может быть, именно поэтому мне будет в ней отказано.

В мартовском номере «Revue des 2 Mondes» я прочитал мою безделицу...[6] Представьте себе, что переводчик нашел ее слишком длинной и сократил наполовину! Я уже не говорю о бессмыслицах, об искажениях, которые встречаются там на каждом шагу. Решительно, быть переводимым — прескверная штука.

Во время поста у нас было довольно много концертов и очень мало музыки [7]. Я слушал 9-ю симфонию с хором Бетховена и, признаюсь, хоровая часть показалась мне более непонятной, чем когда либо. Но скерцо — прекрасно, а также начало [8]. Здесь Глинка [9], который продолжает *пить* и ничего не делать. Если я поеду во Францию, то привезу вам сборник цыганских песен.

Если бы вы знали, как часто я думаю или, вернее, мечтаю о Куртавнеле... Я произвожу странное впечатление на самого себя, когда, поглощенный воспоминаниями, вижу себя среди всех этих молодых и новых лиц. Существует ли еще чучело павлина в бильярдной? Выросли ли мои розы? Не рассыпалась ли еще моя серая куртка?..

До свиданья, theuere Freundinn [а], надеюсь на это... И хочу надеяться до последнего момента. Я напишу вам на другой день после приезда в Спасское. Но и вы должны мне писать. Слишком уж вы от меня отдаляетесь.

Вы знаете мой адрес:
Орловской губернии, в город Мценск,
Ивану Сергеевичу
Тургеневу [б].

29 апреля / 11 мая

Я пропустил еще две недели — по-прежнему ничего нового и нет писем от вас. Завтра уезжаю в Спасское — посылаю вам это письмо в Париж, хотя почти уверен, что вы в Лондоне. Умоляю вас, напишите мне пару слов в деревню и пришлите ваш адрес.

Совершенно преданный вам
И. Тургенев.

499. Полине Виардо (с. 104)

С французского: 10/22 июня 1856.
Спасское.

Я получил ваше письмо из Лондона [1], дорогая и добрая госпожа Виардо, и спешу ответить на него. Для начала сообщу вам приятную новость, которой я уже поделился с вашей матушкой: из Пе-

---

[а] дорогой друг (*нем.*).
[б] *Адрес написан по-русски.*

тербурга мне пишут, что паспорт мой уже подписан [2] и ничто не препятствует моему отъезду. Вы можете представить себе удовольствие, которое доставила мне эта новость; через полтора месяца, если бог даст мне жизни, я буду иметь счастье вновь видеть вас. Я, кажется, говорил вам, что, уезжая из Петербурга, я на всякий случай взял место на пароход из Штеттина на 21 июля (2 августа н. с.) [3]. Я покину Спасское 10 числа следующего месяца; из Штеттина поеду прямо через Берлин, Брюссель и Остенде в Лондон, где рассчитываю быть 10 августа н. с. В конце августа я отправляюсь в Париж, а оттуда в Куртавнель, где мы будем ждать вас, как в былое время... Встречать вас я выйду в своей серой куртке. К сожалению, буду я не только сер, но и сед... Что ж, коли лето наше миновало, постараемся насладиться нашей осенью.

Я очень рад узнать, что вы довольны собой и много работаете в Лондоне. Подумать только: двух месяцев не пройдет — и я Вас услышу.

Перед отъездом я хочу побывать в Калужской губернии, чтобы вволю поохотиться там на глухарей; в сентябре настанет черед куропаток в Бри... Только бы ничто не помешало этим прекрасным замыслам! Я стал суеверным и весьма боязливым в отношении будущего... В конце концов это лучше, чем равнодушие.

У меня нет больше желания «рассказывать вам свою жизнь» на бумаге — я сделаю это лично. Итак, до свидания 10 августа! А до тех пор будьте здоровы и счастливы. Тысяча приветов Виардо. Нежно целую ваши руки.

Ваш И. Тургенев.

P. S. Получили ли вы мое письмо из Спасского со словами «знаменитой певице» на конверте?

507. Неизвестному (с. 112)

С французского:

Дорогой друг, эта вещь будет у меня завтра в 10 ч., целиком переписанная и исправленная. Не зайдете ли вы утром ко мне — вы отнесли бы ее от меня к графу Михаилу. Прошу у вас извинения за все эти затруднения — но вам это по пути.

До свиданья и тысяча приветов.

Ваш И. Тургенев.

Пятница.

515. Полине Тургеневой (с. 116)

С французского:

Ты бранишь меня, Полинетта, за то, что я не писал тебе, и ты права — мои занятия не могут быть оправданием. Ну что ж, если это может тебе доставить удовольствие, целую тебя, как будто под Новый год. Но я уверен, что ты еще больше обрадуешься, узнав, что мы увидимся, если бог продлит нашу жизнь, около середины августа [1]. Нисколько не сомневаюсь, что буду тобой доволен во всех отношениях — и что госпожа Аран сможет мне рассказать о тебе только хорошее. Ты должна знать,— так как становишься уже большой, как сама говоришь,— что хорошая пора для работы —

только пора молодости [2]. Поэтому работай как следует, а потом мы повеселимся в Куртавнеле во время каникул.

Пока обнимаю тебя от всего сердца и остаюсь

твой крепко любящий отец И. Т.

523. Полине Тургеневой (с. 120)

С французского:

Лондон.
4 сентября 1856.
Четверг.

Дорогая Полинетта,

Я получил твое письмо вместе с письмом м-ль Берты, оно доставило мне много радости и обрадовало бы меня еще больше, если бы в нем было меньше орфографических ошибок. Ну что ж, надо надеяться, что со временем ты не будешь их больше делать. Я совершил прекрасное плавание [1] и нашел здесь г-жу и г-на Виардо [2], я их видел один или два раза — сейчас они у г-жи Трумен в Хайгете [3]. В воскресенье г-жа В⟨иардо⟩ отправится в Глостер [4], а г-н В⟨иардо⟩ в Норфольк, где он будет охотиться у г-жи Беринг [5]. В будущую пятницу они рассчитывают быть в Куртавнеле. Я уеду отсюда очень рано утром в воскресенье (через Булонь). В воскресенье вечером буду в Париже и в понедельник вечером, если богу будет угодно, в Куртавнеле [6]. Скажи м-ль Берте, что все ее поручения будут выполнены. Г-жа Ист появится только сегодня, и я сегодня же передам ей письмо.

Я доволен, что купили Далию: для ее глаза, я полагаю, не нужно ничего, кроме свинцовой примочки.

Ты жалуешься на скуку: в твоем возрасте, дитя мое, признаваться, что скучаешь, так же постыдно, как признаться в воровстве. Это в самом деле кража, которую совершаешь у самой себя, и кража непоправимая. Ты крадешь свое время и всё то, чем могла бы его заполнить. Попробуй немного поработать (ты говоришь, что *всё* перепробовала), чтобы избавиться от скуки. Сядь за фортепиано или почитай хорошую книгу,— сто лет проживешь и не найдешь лучшего средства от скуки. Видишь, я поучаю тебя даже издалека— это потому, что люблю тебя издали так же, как и вблизи.

До скорого свиданья — через 4 дня (не считая сегодняшнего). Будьте все без исключения здоровы, целую вас всех и тебя в особенности.

Твой отец
И. Тургенев.

524. Полине Тургеневой (с. 121)

С французского:

Дорогая девочка,

Вот два букета, которые тебе посылают из Куртавнеля с тысячью приветов. Я приеду за тобой в воскресенье рано утром и расскажу тебе, что я делал и видел.

Твой отец
И. Тургенев.

Пятница,
10 ч. утра.

531. Полине Тургеневой (с. 128)

С французского:

Куртавнель.
13 октября 1856.

Дорогая девочка, я пользуюсь этим скверным клочком бумаги для того, чтобы написать тебе пару слов. Здесь все здоровы, думают о тебе часто и в особенности вчера, в день представления «Любовной досады»[1], сожалели о твом отсутствии. Г-жа Виардо сказала мне, что написала тебе, и я полагаю, что она была очень добра к тебе. Что касается меня, то я целую тебя от всего сердца и прошу тебя хорошо работать, не скучать в пансионе, быть послушной,— чтобы к моему возвращению, которое будет менее чем через две недели, я мог тебя побаловать в свое удовольствие, ни в чем себя не упрекая. Будь здорова — передай от меня тысячу приветов г-же Аран — и думай обо мне. Лучший способ доказать мне, что ты это делаешь, это много и хорошо работать.

До скорого свиданья!

Твой отец
И. Тургенев.

533. Полине Тургеневой (с. 130)

С французского:

Четверг,
23 октября 56.
Куртавнель.

Дорогая Полинетта,

Я уезжаю отсюда в воскресенье и буду в Париже только в 10 часов вечера; увижу тебя в понедельник — и заберу тебя в четверг, если будешь умницей. Г-жа Виардо выезжает из Куртавнеля в понедельник[1]. До скорого свиданья, спасибо за твое милое письмо. Я очень рад, что ты хорошо работаешь, и целую тебя от всего сердца.

Твой отец
И. Тургенев.

P. S. Не забудь спросить у г-жи Аран, сможет ли она как и прошлой зимой, начиная с воскресенья, предоставить у себя комнату м-ль Дезире, и попроси ее сообщить об этом сюда[a].

В этом нет необходимости.

550. Кларе Тургеневой (с. 154)

С французского:

Милостивая государыня,

К моему большому сожалению, я не могу принять вашего любезного приглашения на вторник, так как обещал уже в этот день обедать в городе; но я буду иметь удовольствие видеть вас завтра вечером — прежде чем отправиться к г-же Бичер-Стоу, раз вы были так любезны, что предложили мне совершить эту поездку вместе.

Примите, милостивая государыня, уверение в моих лучших чувствах.

Совершенно вам преданный И. Тургенев.

Воскресенье.

---

[a] *От букв* P. S. *до слов* об этом сюда *в подлиннике зачеркнуто.*

573. Даниилу Гарвицу (с. 189)

С немецкого:

Милостивейший государь,

Я нажил себе ревматизм в колене — и должен сидеть дома, вернее лежать.— Наш «матч» все еще откладывается [1]. Вместе с этим посылаю Вам книгу, которую Вы пожелали [2].

Преданный Вам
И. Тургенев.

Среда.
Rue de Rivoli,
206.

На конверте:

Monsieur
Monsieur Harrwitz.
Au Cercle des Echecs.

593. Ксавье Мармье (с. 211)

С французского:

Сударь,

Я нахожусь в непредвиденном затруднении, которое и представляю на ваше благожелательное суждение.

Вы знаете, что я договорился с моим другом Виардо о переводе некоторых моих повестей и что на этот предмет было даже заключено устное соглашение между Тамплие и Виардо. Позднее я решил, что Виардо оставил это намерение ради других литературных работ, но вчера, вернувшись к разговору на эту тему, он мне заявил, что не отказывался от этого и желал бы снова этим заняться, тем более что он, как вы знаете, уже перевел одну повесть. Мне пришлось сказать ему, что вы любезно предложили мне быть моим переводчиком, и я с готовностью согласился, полагая, что Виардо больше не думает об этом. Он поспешил мне ответить, что вовсе не намерен противиться этому, и добавил только, что просит вас дать мне знать, какие повести вы желали бы выбрать в моем сборнике, чтобы не соперничать с вами. Я выполняю его просьбу и прошу вас сообщить мне о своем выборе. У меня есть основания думать, что Тамплие очень охотно выпустил бы два моих тома вместо одного, тем более что том Виардо мог бы содержать, самое большее, три повести [1].

Очень прошу у вас извинения за небольшое беспокойство, которое это может вам причинить, и в ожидании вашего ответа прошу вас верить в чувства глубокого уважения и искренней дружбы, которые к вам питает

совершенно преданный вам И. Тургенев.

Вторник, 24 марта.
Улица Аркад, № 11.

603. Полине Виардо [1] (с. 222)

С французского:

Лондон.
Вторник, 26 мая 1857.

Дорогая госпожа Виардо, надеюсь, это письмо застанет вас еще в Париже. Расскажу коротко, чем я был занят по приезде в Лондон. Все воскресенье я провел у Герцена [1]. Вернулся я от него лишь вче-

ра утром — он читал мне продолжение своих воспоминаний [2] — это необычайно интересно и написано очень просто и умно. Затем я отправился к Мануэлю [3], который отвел меня в свой клуб, где мы пообедали, и там я познакомился с пианистом Галле. Мануэль — все такой же пылкий, нетерпеливый и очаровательный, каким вы его знаете, Галле,— быть может, слишком уж спокоен и слишком джентльмен для артиста. Мы с Мануэлем много болтали о том и о сем, потом отправились к Галле, который сыграл нам адажио из 109-й сонаты Бетховена (для фортепьяно) [4]. По-моему, *мы* не играли этой сонаты в прошлом году в Куртавнеле. Это уже немного «formlos» [a], но исполнено величия, фантазии, мощных порывов, героической скорби. Сыграйте это адажио, когда будете в Куртавнеле, и сообщите мне ваше мнение. Кстати о мнениях,— скажите, как вы находите «Постоялый двор». Этим утром я продолжил нашу последнюю работу и надеюсь через несколько дней выслать ее Виардо [5].

Сегодня я иду к Чорли,— мы снова будем обедать вместе с Мануэлем, а потом пойдем в какой-нибудь театр. Забыл вам сказать, что Мюллер провел все воскресенье у Герцена [6]. Господи! Сколько же он выпил пива! По пути в Лондон он затащил меня в какой-то кабачок, где добавил еще. Когда он *переполнен*, глаза его останавливаются и он начинает кричать, как глухой. Большая новость! Он *наконец* заканчивает свою трагедию [7] — и на этот раз объявил, что доволен ею. Полагаю, что трагедию (простите за весьма *неподходящее* сравнение) можно уподобить солитеру: полностью они никогда наружу не выходят — конец всегда остается внутри.

Не знаю, какая погода стоит сейчас во Франции — здесь же очень холодно и противно. Все зелено и свежо, но в воздухе не чувствуется того цветения лета, которое так приятно. Кажется, в Англии вообще ничто никогда не расцветает.

Вчера я ехал в вагоне с очень милой англичанкой, на которой было *белое* платье с *желтым* узором, *зеленая* шляпка, *голубой* с *черным* шарф, самого нежного *розового* цвета перчатки, а в руках — *коричневый* зонтик! Клянусь, я не изменил и не прибавил ни одного цвета.

Ружье, сделанное Лэнгом, такой красоты, что впору упасть перед ним на колени! А каков прицел! Я сказал ему, что мечтаю о хорошей собаке — он пообещал подыскать для меня самую лучшую. Посмотрим.

Завтра, в среду, я собираюсь в Дерби, посмотреть па большие скачки [8], послезавтра — слушаю большой детский концерт в соборе Св. Павла, напишу вам в пятницу [9]. В следующий понедельник еду в Манчестер.

Жду вашего письма — «Лейстер-сквер, отель Саблоньер, комната № 71».

Тысяча приветов Виардо, всем друзьям.— Ich küsse mit Inbrunst Ihre lieben Hände [б].

Ваш

И. Тургенев.

---

[a] бесформенно (*нем.*).

[б] Горячо целую ваши дорогие руки (*нем.*).

604. Полине Тургеневой (с. 223)

С французского:

Лондон.
30 мая 1857.

Как ты поживаешь, моя дорогая Полинетта? Надеюсь, хорошо,— и работаешь так же? Я рассчитываю пробыть здесь еще дней десять, и если ты хочешь написать мне словечко, адресуй его: «Лейстер-сквер, отель Саблоньер». Госпожа Виардо до сих пор не написала мне, и я даже не знаю, в Париже ли она еще или уже уехала в Куртавнель; будь добра, сообщи мне об этом [1]. Я видел здесь Мануэля, он здоров; мы собираемся совершить завтра, в воскресенье, втроем — Мюллер, он и я — большую прогулку по окрестностям Лондона. Здоровье мое неплохо, я много двигаюсь и видел немало интересных вещей, о которых расскажу тебе во время наших прогулок в Куртавнеле, если богу угодно будет сохранить нам всем жизнь до тех пор [2].

Прощай, дорогая малышка, целую тебя очень нежно и советую упорно работать и *размышлять*.

Твой отец
И. Тургенев.

P. S. Поклонись от меня г-же Аран, г-ну Флемингу и его жене.

605. Р. М. Милнсу (с. 224)

С французского:

Пятница, 5 июня.
Лейстер-Сквер, отель «Саблоньер».

Сударь,

Должно быть, в Вестминстер-Холле имеются два входа — так как, со своей стороны, я тоже прождал до половины шестого у двери напротив Аббатства [1]. Ну что же — делать нечего, сожалею лишь о том, что напрасно вас обеспокоил. В воскресенье меня не будет в Лондоне [2], поэтому не смогу принять ваше любезное приглашение; но поскольку вы были так добры и обещали мне пропуск в Палату в понедельник — я буду вам очень признателен, если вы укажете мне время и место, где мы могли бы встретиться в понедельник [3].

С самыми лучшими чувствами, сударь,

совершенно преданный вам
И. Тургенев.

606. Полине Виардо (с. 224)

С французского:

Лондон,
6 июня 1857.
Суббота.

Продолжаю рассказывать вам свою здешнюю жизнь, день за днем [1], дорогая и добрая госпожа Виардо.

Вторник, 2. Ходил в театр «Олимпия» смотреть актера по имени Робсон в английской переделке «Дочери скупого» [2]. Не знаю, видели ли вы в этой пьесе Буффе. Робсон произвел на меня очень глубокое впечатление. Невозможно играть с большей силой; иногда это граничит с карикатурой, но он потрясает вас — это в буквальном смысле *ужасающе* правдиво. Другие актеры были посредствен-

ны. Деревянные куклы с деревянными жестами и такими же голосами. «Дочь скупого» сопровождалась английским фарсом, an extravaganza [а]. Это было ужасно плоско, и Робсон, игравший там смешную роль — «a wandering minstrel» [б], утрировал все, вплоть до походки, столь нелепым образом, что я ушел, не дождавшись конца. Англичане лопались от смеха, а смеющийся англичанин — зрелище не из приятных. Он похож на разладившийся механизм.

Среда. Я провел вечер у Томаса Карлейля [4]. Он много спрашивал меня о положении России, о покойном императоре Николае, которого он упорно считает великим человеком; мне пришлось говорить по-английски, и, клянусь, это было не так-то просто. В конце концов я кое-как выпутался. Карлейль — человек большого ума и своеобразия, но он стареет и, старея, запутывается в одном парадоксе: дурные стороны свободы, с которыми он сталкивается, кажутся ему невыносимыми, и он принялся проповедовать покорность, покорность вопреки всему. Он очень любит русских, потому что они, согласно его идее, в высшей степени обладают способностью повиноваться, и ему было неприятно услышать от меня, что эта способность не так безоговорочна, как он себе вообразил. «Вы отняли у меня иллюзию»,— воскликнул он [5]. Теперь он пишет историю Фридриха Великого, который с юности был его героем именно потому, что умел подчинять себе других. Есть такая русская пословица: обжегшись на молоке, дуют на воду. Хотел бы я увидеть Карлейля в шкуре русского, хотя бы неделю; он бы запел по-другому. Впрочем, он очень милый и добродушный, как и его жена [6].

Четверг. Утром я отправился к г-ну Трумену. Дома была только м-ль Берта. Мы побеседовали с ней пару часов. Она очень, очень пополнела — решительно, лондонский воздух идет ей на пользу. Затем я отправился обедать к г-же Стенли (вдове норичского епископа, покровителя м-ль Линд). Все были в белых галстуках и т. д., и мне снова пришлось говорить по-английски. Тем не менее, я не скучал. После обеда меня представили знаменитому историку Гроту и его жене — высокой и грузной женщине пахнущей мускусом, с крашеными волосами и высокомерным взглядом. Грот чрезвычайно прост и скромен, тогда как у его жены такой вид, будто она создала не только «Историю» своего мужа, но и самого этого мужа впридачу. Она говорит: «Мы (we) только что получили очень лестный диплом Амстердамского общества» и т. д. Говорят, что это ей принадлежат ужасные статьи в «Times», подписанные «an Englishman» [в] и направленные против французского правительства до 1852[7]. Меня представили также сестре Маколея.

Пятница. Утром был у Герцена, который читал мне свои «Воспоминания» [8]. Погода превосходная. Обед с Мюллером, а вечером мы были на концерте, где слушали сонату (№ 101) Бетховена, которую я не смог понять, затем концерт Баха для двух фортепьяно (Рубинштейн и Клиндворт) — это было восхитительно. Играли также ottetto [г] Рубинштейна, который мне не понравился [9].

[а] нелепостью (*англ.*).

[б] бродячего музыканта (*англ.*).

[в] англичанин (*англ.*).

[г] октет (*итал.*).

Сегодня я иду к г-ну Найтингейлу, но расскажу вам обо всем этом во вторник.

Как вы поживаете? Что поделываете в дорогом, милом Куртавнеле? Погода вам благоприятствует. Если вы не можете ходить, пусть вас, по крайней мере, выносят во двор [10]. Передайте от меня привет всем и всему в Куртавнеле. Будьте здоровы и не забывайте

Вашего И. Ту⟨ргенева⟩.

P. S. Пишите мне, пожалуйста, и подробно. У меня на три номера больше, чем у вас. Und vergessen Sie nicht...[д]

607. Полине Виардо (с. 226)

С французского:

№ 5

Лондон,
10 июня 1857.
Среда.

Theuerste Freundinn, почему вы мне не пишете? Скоро три недели, как я покинул Париж, и только одно письмо [1]! Ну согласитесь, что это не очень мило с вашей стороны, тогда как я пишу вам № 5 [2]. Только бы вы были в добром здравии — не хочу сомневаться в этом и продолжаю my diary [а].

Суббота. 6 июня. Выехав в 3 часа, в 6 я приехал в Эмбли-парк [3], резиденцию семейства Найтингейл. Парк великолепен, чудесные деревья и т. д. Я нашел большое общество, собравшееся в замке (за исключением мисс Флоренс Н⟨айтингейл⟩ [4], которая сейчас в Лондоне). Обед прошел скучно, затем к вечеру немного оживились. Одна дама очень противным голоском спела противные английские песенки, мужчины повторяли припев, как попугаи. Впрочем, все были действительно очень милы, расточали мне приглашения, и я, как мог, благодарил всех, делая на каждом шагу грамматические ошибки. Г-н Найтингейл — в полном смысле слова country gentleman [б]. Его жена — маленькая добрая старушка; у мисс Найтингейл старшей (ей — за 40) вид умный, добрый, деятельный и энергичный. Среди гостей были: 1) сэр Чарлз Тревильян, видный служащий Казначейства, милый, образованный, немного тяжеловесный, но в общем весьма симпатичный, сохранивший какую-то наивность; 2) его жена, сестра знаменитого Маколея, a witty woman [в], хохотунья и болтушка; 3) ее дочь — особа незначительная; 4) г-н Денмен, капитан королевской яхты, с лицом гордым и мужественным, может быть, слегка наглым; 5) его жена, та самая певичка, с правильными чертами лица, бледного и отекшего; 6) полковник Кьюа — Родон Кроули из «Ярмарки тщеславия» [5]; 7) гг. Шоу-Лефевр, Лашингтон — молодые люди из «хорошей» семьи, первый, кажется, добрый малый. Остальные персонажи мало интересны. Мне хорошо спалось в огромной кровати.

Воскресенье 7. Мы совершили поездку в Солсбери. Восхитительный собор, один из самых красивых, которые мне довелось

[д] И не забывайте... (*нем.*).

[а] мой дневник (*англ.*).

[б] помещик (*англ.*).

[в] остроумная женщина (*англ.*).

видеть — восхитительная чистота линий. Долгая служба. Еще более долгая молитва, которую in a whining tone[г] произносил clergyman[д] с прямыми волосами. Обед; беседа — без пения. Воскресенье. В 10 часов вечера в гостиной family prayers[е] при свечах; собираются все; присутствуют и слуги. Я становлюсь на колени, вместе со всеми поворачиваясь к стене лицом в то время, как хозяйка дома истово произносит молитву; голос старой честной женщины, исполненной умиления, волнует меня. Я не разделяю религиозного чувства англичан, но оно не может не поражать — сюда в большой мере примешивается чувство приличия, respectability[ж],— возможно, но оно от этого не становится менее сильным. Обычно полагают, что словами — это смешно — все сказано! Что ж? Смешное — еще не доказательство того, что оно не может быть ни полезным, ни даже великим [6].

Понедельник 8. Возвращение в Лондон. Я присутствовал на заседании Палаты общин. Полное отсутствие всякого театрального эффекта, всякой постановочности меня поразили; speaker[з], наполовину уснувший под своим париком; лорд Палмерстон, в шляпе, надвинутой на нос, который просыпался лишь для того, чтобы произнести несколько никому не слышных слов; эти сюртуки, эта непринужденность... впечатление, однако, большое; чувствуется, что здесь — сердце огромной империи и что это прочно. Обсуждение в этот день было неинтересным, но я увидел почти всех львов.

Вторник 9. У меня было намерение поехать в Манчестер, но я отложил поездку до пятницы. Обедал у г-на Милнза, и там долго беседовал (и все по-английски!) с лордом Эшбартоном, главой дома Берингов; затем отправился в Палату лордов. Г-н Шоу-Лефевр, племянник знаменитого speaker Палаты общин, ввел меня туда, и я присутствовал на заседании, сидя на ступеньках трона — то есть почти на полу. Дизраели появился на одно мгновенье; вид у него умный и весьма тщеславный; манеры первого тенора или модного автора. Обедал с семейством Шоу-Лефевр — пожилой дамой и шестью девицами, хорошенькими и непринужденными. Признаюсь, что англичане в целом мне нравятся; я этого не ожидал. Меня записали в первый здешний клуб — «Атенеум» [7]; не знаю, кто раздобыл для меня приглашение в Географическое общество на сегодняшний вечер. Я обедаю и провожу завтрашний вечер в городе; обо всем этом я вам расскажу. Но пишите же мне, умоляю вас! Нехорошо так молчать. Прощайте; обнимаю всех и целую ваши дорогие и ленивые руки.

Ваш И. Т.

[г] жалобным тоном (*англ*).
[д] священник (*англ*).
[е] семейная молитва (*англ.*).
[ж] респектабельности (*англ.*).
[з] спикер (*англ.*).

608. Р. М. Милнсу (с. 228)

С французского: Понедельник, 15 июня.

Сударь,

Я получил вашу записку лишь вчера вечером, по возвращении из Манчестера [1] — у меня уже не было возможности воспользоваться вашим любезным приглашением. Одновременно я нашел здесь письмо, которое вынуждает меня покинуть Англию намного раньше, чем я думал [2]; в будущее воскресенье меня уже не будет в Лондоне. Но, конечно же, я не уеду отсюда, не поблагодарив вас за гостеприимный и радушный прием, который вы мне оказали и который заставит меня увезти из Англии самые приятные воспоминания.

Совершенно преданный вам
И. Тургенев.

609. А. А. Трубецкой (с. 229)

С французского: Зинциг,
‹*Рисунок.*› 6 июля 1857.

План, приведенный выше, дорогая княгиня, был необходим для того, чтобы вы поняли, где я нахожусь вот уже три дня, поскольку Зинциг не обозначен ни на одной карте [1]. Это совершенная дыра, где есть источник, подобный тому, что в Эмсе. Я предпочел его, дабы избежать сутолоки; и впрямь здесь нет и намека на сутолоку: нас, Kurgäste [a], здесь всего 80 человек, и более 10-ти вместе никогда не увидишь. Как видите, ничто не мешает мне работать [2] — и потому я полон благих намерений. Но благие намерения — это так мало!

Меня послал сюда мой дрезденский доктор — Геденус, я посетил его после того, как проводил Некрасова до Берлина [3]. Он возвращается в Россию, где рассчитывает остаться до зимы. Его красавица сопровождает его [4]. Красавица эта для него — веревка на шее, сущее наказание, к тому же она отнюдь не красива и никогда таковой не была. Во время путешествия я обнаружил у них одну милую привычку, у нее — мучить, у него — мученья испытывать; бог с ними, если это их устраивает! Митридат питался ядами [5]. Но я, признаюсь, в ужасе от этой толстой г-жи Панаевой. Представьте, что у нее случаются нервные припадки с антрактами, которые обусловлены приходом третьего зрителя, модистки и т. п. И Некрасов, с его умом, видит в этом лишь пылкий нрав. Г-жа Панаева будит во мне русского, впору понравиться самому князю [6]: всякий раз, что я ее вижу, во мне пробуждается желание схватить толстую крепкую палку и бить ее по тому месту.., которое для этого всего удобнее; впрочем, таких мест у нее много повсюду!

Я заходил к вам, когда был проездом в Париже [7], но вы были уже в Бельфонтене [8]. Для меня это было доказательством полного выздоровления м-ль Екатерины [9], и с этой точки зрения я порадовался вашему отъезду. Осенью я непременно навещу вас в Бельфонте. Впрочем, не уверен, правильный ли я надписываю адрес. Вот как

---

[a] больных (*нем.*).

он выглядит у меня:

Sinzig, bei Remagen am Rhein,
Regierungsbezirk Coblentz [б].

Мы находимся в самом центре широкой и плодородной равнины, со всех сторон окруженной горами. Единственная неприятность состоит в том, что здесь не хватает тени.

Тысяча приветов князю — кстати, он сейчас не в России? Кланяюсь всем вашим и целую вашу руку; будь я немного старее, поцеловал бы и руку вашей дочери, но удовольствуюсь тем, что дружески пожму ее.

Ваш И. Тургенев.

P. S. Итог второй страницы моего письма [10]:
Спасение — только на торных дорожках! [11]

На конверте:
Frankreich [в]
Госпоже княгине Трубецкой
в замке Бельфонтен
близ Фонтенбло.

611. Полине Тургеневой (с. 232)

С французского:

Зинциг.
9 июля 1857.

Если ты хочешь знать, дорогая Полинетта, где я нахожусь, возьми карту Германии, и затем найди Рейн; поищи на левом берегу город Кобленц — немного далее ты увидишь другой город, который называется Бонн; между этими двумя городами, всё на том же левом берегу, находится небольшое местечко, которое называется Ремаген. Так вот, Зинциг расположен в полулье от Ремагена,— но я очень сомневаюсь, достаточно ли подробна твоя карта, чтобы он на ней значился. Словом, если хочешь написать мне, надпиши адрес: Рейнская Пруссия, Зинциг близ Ремагена на Рейне. Я здесь уже шесть дней — пью много воды, принимаю каждый день ванны,—одним словом, выполняю все предписания врача, чтобы постараться вылечиться и получить возможность покинуть это место через пять недель и приехать за тобой. Здесь очень мало народу и, следовательно, мало развлечений; ничто не мешает мне работать [1]. Впрочем, живем мы здесь в красивой местности — посреди плодородной равнины, окруженной высокими горами; к несчастью, погода не благоприятствует. Однако, я уже совершил две или три прогулки, а погода не всегда же будет плохой.

Что касается тебя, то я не то что надеюсь, а уверен, что ты трудишься со всем усердием, на которое способна; помни о том, что мне нужны хотя бы награды второй степени! После всех этих важных занятий и последнего экзамена мы поедем отдыхать в Куртавнель— представлять комедии и проч., и проч., и проч.

Когда ты будешь писать мне, не забудь сообщить, что известно о здоровье г-жи Виардо [2]. Я написал ей отсюда [3], но еще не получил ответа.

[б] Зинциг, близ Ремагена на Рейне, округ Кобленц (*нем.*).
[в] Франция (*нем.*).

Тебе нет надобности франкировать письма.

До свиданья, дорогая малышка, будь здорова, работай idem [a], обнимаю тебя сердечно.

Твой отец

И. Тургенев.

P. S. Кланяйся от меня г-же Аран и г-ну и г-же Флеминг.

616. Луи Виардо [1] (с. 239)

С французского:

Зинцпг,
24 июля 1857.

Мой дорогой друг,

Для начала обнимаю вас и поздравляю от всего сердца, а уж потом благодарю за то, что вы вспомнили и обо мне [2]. Все-таки прекрасно иметь сына [3] — не так ли — а когда у тебя уже три дочери [4], это еще прекраснее. Конечно, на вашу долю выпало немало тяжелых переживаний, но теперь вы должны быть счастливы: «у нас в небе поют жаворонки», как говорится в русской пословице. Теперь надо постараться, чтобы здоровье матери поправилось как можно скорее — что до малыша, то вот увидите, он пробьет себе дорогу.

Еще раз приношу вам и всем вашим мои самые горячие поздравления.

Иван Тургенев.

617. Полине Виардо (с. 239)

С французского:

Зинциг,
24 июля 57.

Для госпожи Виардо [1]

Ура! Ура! Lebehoch! Vivat! Evviva! Ζήτω! [a] Да здравствует маленький Поль! Да здравствует его мать! Да здравствует его отец! Да здравствует все семейство! Браво! Я же говорил, что все кончится хорошо и что у вас будет сын. Поздравляю и обнимаю вас всех! А теперь прошу вас сообщить мне (конечно, как только вы будете в состоянии это сделать):

1) Подробное описание черт лица, цвета глаз и т. д. и т. д. молодого человека; если возможно, небольшой карандашный рисунок.

2) Перечень наиболее осмысленных слов, которые он быть может произнес уже.

3) Небольшое описание дня 20 июня, революционной даты, избранной маленьким санкюлотом для появления на свет [2].

Я немного заговариваюсь, но это простительно в моем возрасте и если учесть ту радость, которую вызвала во мне эта новость.

Почтальон получил на рейнское (только не на пиво, ни под каким предлогом), чтобы выпить за здоровье юного Поля-Луи-Иоахима; я тоже выпью за его здоровье.

---

[a] так же (*лат.*).

[a] Ура! да здравствует! (*нем.*, *лат.*, *итал.*, *греч.*)

Что касается здоровья матери, то вот увидите, дня через два-три вы не захотите оставаться в постели, а если через неделю не будете танцевать, то лишь потому, что у вас будет в голове нечто иное.

Вы должны быть довольны, не так ли? Вы пожираете глазами это маленькое существо, которое еще вчера было вами и у которого теперь своя жизнь, зачатки мысли и собственной индивидуальности, собственной, не в обиду вам будет сказано. Я становлюсь пророком; я читаю во мраке грядущего, в Conversation's Lexicon [б] 1950 г.:

«Виардо (Поль, Луи, Иоахим), *знаменитый* (пропускаю „кто"), родился в Куртавнеле, в Бри, и т. д. и т. д., сын знаменитой Полины Гарсиа и т. д. и т. д. и одаренного писателя и переводчика „Дон-Кихота"» [3].

Не буду приводить всю статью.

Вы ведь мне напишете несколько слов, как только вам это не будет трудно, не правда ли? А пробуждение утром 21-го, не правда ли оно было сладостным? А крики малыша,— есть ли музыка, сравнимая с этой?

Ну, что ж, все идет хорошо. Завтра или послезавтра напишу вам более вразумительно; а сегодня вновь восклицаю: Vivat! [в] Ура! Вперед, сыны отечества! [4] Алааф Кёльн! (это выражение радости употребляется только в Кёльне, но, по-моему, оно подходит). Алла иль Алла Резул Мохамед Алла!! [5]

Снова обнимаю вас всех, начиная с г-на Поля, и остаюсь ваш

старый друг

И. Тургенев.

619. Эдуарду Дантю (с. 241)

С французского:

Зинциг.
29 июля 57.

Спешу отослать вам корректурные листы [1], дорогой г-н Дантю,— они пришли ко мне только вчера, и я очень опасаюсь, что они не поспеют вовремя. Я исправил лишь немногие фразы,— но эти исправления довольно важны. На странице 422 речь идет не о genêts [а] [1], но, конечно, о guérets [б] (кажется, это именно так), то есть о поле, с которого сжаты хлеба [2]; и так далее...

Надеюсь, что вы [в] одновременно послали эти корректурные листы г-ну Делаво,— потому что я не очень разбираюсь в опечатках и других ошибках набора.

Я покидаю Зинциг через несколько дней и отправляюсь в Дьепп или Булонь через Париж [3]; буду иметь удовольствие вас видеть через 6 или 7 дней [г]; приготовьте мне, пожалуйста, к этому времени еще несколько листов корректуры.

[б] энциклопедическом словаре (*нем.*).
[в] Да здравствует (*лат.*).
[а] сорных травах (дроке) (*франц.*).
[б] жнивьях (*франц.*).
[в] *Далее зачеркнуто*: сделали
[г] *Далее зачеркнуто*: держите

Приветствую вас с самым совершенным почтением.

И. Тургенев.

На конверте:

Frankreich

über Paris [д].

Господину Дантю,

книгопродавцу.

Париж.

В Пале-Рояле. Орлеанская галерея.

620. Полине Виардо (с. 242)

С французского:

Зинциг,

29 июля 57.

Дорогая госпожа Виардо, поскольку зинцигские воды причинили мне более вреда, чем пользы, я решился поехать теперь принимать морские ванны, не дожидаясь истечения 6-ти недель. Действовать я буду следующим образом: завтра я отправляюсь в Баден-Баден, где у меня назначена встреча с графом Толстым [1], покупаю себе собаку (видите — я неисправим!) и направляюсь прямо через Страсбург и Париж в Дьепп или Булонь. В Париже я пробуду ровно столько, чтобы узнать о вас, поцеловать Полинетту и переправить мое новое животное в Куртавнель. Попытаюсь быть на побережье к 4-му числу, дабы у меня имелось полных три недели. Из Парижа я напишу вам, где — в Дьеппе или в Булони — я буду брать морские ванны [2]. До тех пор не пишите мне. Если письмо придет сюда, его мне перешлют.

Уверен, что у всех вас все в порядке и что ваш дорогой новорожденный [3] растет не по дням, а по часам. А еще я надеюсь завтра получить письмо... В любом случае до свидания через 4 недели. Обнимаю вас всех — вижу, как вы уже встали и прогуливаетесь по двору (ведь сегодня уже 9-й день). Целую ваши руки и остаюсь

ваш

И. Тургенев.

625. А. А. Трубецкой (с. 247)

С французского:

Булонь сюр мер.

10 августа 1857.

Я уже давно должен был ответить на ваше милое письмо, дорогая и добрая княгиня [1] — но... но не сделал этого, признаю себя виновным и каюсь. Вот уже неделя, как я здесь; я покинул Зинциг, воды которого причинили мне больше вреда, чем пользы, и теперь принимаю морские ванны. Большой пользы я от них не ожидаю — принимаю их только для очистки совести.

Из Зинцига я не сразу отправился в Булонь, а заехал в Баден-Баден, чтобы повидать Толстого, проигравшего все в рулетку и оставшегося там, как рыба на песке; я выручил его, благодаря любезности одного друга [2] — и отправил в Россию. В настоящее время он, должно быть, уже в Петербурге. В самый день моего приезда в Баден-Баден он получил письмо, из которого узнал о серьезном

[д] Франция, Париж (*нем.*).

событии, происшедшем в его семье: его сестра [3] принуждена была оставить своего мужа [4] и найти убежище у брата [5] (не у того, которого вы видели в Париже [6], а у другого — превосходного и очень разумного малого). Все это мало меня удивило — по логике вещей так оно и должно было случиться — муж сестры Толстого — нечто вроде деревенского Генриха VIII, он даже лицом похож на него,— очень толст, у него много любовниц и десятки незаконных детей.

Причина, вызвавшая скандал,— ссора между двумя фаворитками, одна из которых решилась показать жене письма, где ее супруг строит всякого рода планы и дает обещания в случае кончины бедной графини и т. д. и т. д. Мы говорили о торных дорожках [7] — похоже, что и на них встречаются опасные рытвины и овраги. Все это побудило Толстого тотчас же уехать; он может быть полезен сестре. Бедная женщина была рождена для самой тихой супружеской жизни; удар, выбивший ее из привычной колеи, будет для нее вдвойне тяжел. В душе я полагаю, что такой исход — для нее счастье, если она переживет его, — она чахла со своим мужем, — но этот удар может убить ее. (С нею трое детей.) Толстой обещал написать мне в Париж до востребования [8].

Я рассчитываю пробыть здесь еще дней десять; я совершу однодневную поездку в Лондон — и до 25 числа этого месяца буду в Париже. Мы с Виардо рассчитываем воспользоваться приглашением князя и приехать поохотиться в Бельфонтене. Не исключено, что я увижу вас до того, как отправлюсь в замок [9].

Не будете ли вы так добры написать мне пару слов в Булонь, отель «Императорский павильон», № 62. Князь Орлов [10] сообщил мне, что намерен нанести вам визит — исполнил ли он это намерение? Когда открывается охота в вашем департаменте?

Возможно, я пробуду здесь всего неделю. В этом случае я вернусь во Францию через Дьепп, где проведу 5 или 6 дней у одного из моих друзей — г-на Боткина [11]. Поскольку я очень хочу, чтобы ваше письмо не затерялось, будет лучше, если вы напишете мне в Париж до востребования, если только вы не будете столь любезны, что ответите мне тотчас. Но это было бы поистине слишком благородно!

Кланяйтесь от меня всем вашим — и не лишайте меня, прошу вас, вашей дружбы. Напишите мне о князе и передайте от меня самые сердечные пожелания вашей дочери [12].

Совершенно вам преданный
И. Тургенев.

629. А. А. Трубецкой [1] (с. 252)

С французского:

Куртавнель,
24 августа, 1857.

‹Виардо› «спрашивает, можно ли ему быть в сюртуке (ибо его фрак остался в Париже) — я счел возможным сказать ему, что его сюртук вас не испугает. Теперь слово за вами; только ни 1-го, ни 2-го, ни 3-го сентября мы приехать не сможем, ибо 2-го сентября в Париже состоится свадьба Фета (поэта), где я буду шафером [2].

Вот мой адрес: замок Куртавнель, близ Розе-ан-Бри, Сена-и-Марна.

Я шлю тысячу добрых пожеланий всем вашим и прошу вас принять уверение в моей совершенной преданности.

И. Тургенев.

631. Луи Виардо (с. 253)

С французского:

27 августа 57, четверг.
Бельфонтен [1].

Мой дорогой друг,

Я прибыл сюда в 11 1/2 час., после очень легкого *переезда*, и встретился с князем, прибывшим из России накануне [2]. Он рассчитывает открыть охотничий сезон 4 сентября и приглашает нас 3-го на три-четыре дня. Дичи, кажется, пропасть (я говорил с его егерем); куропатки, зайцы, кролики, фазаны, косули. Надо будет, по его словам, уничтожить от 300 до 400 зайцев, поскольку соседи на них очень жалуются; нечто подобное ждет и остальных. Мне приготовили двух собак, которых я собираюсь испытать, думаю купить одну из них. Вот каким образом устраиваются наши дела; я возвращусь в Куртавнель 29-го или 30-го; а 3-го поедем вместе. В Мелене будем в 10 час., а поезд отходит в 10 1/2 час. Это очень удобно.

Тысяча добрых пожеланий всем и до свиданья.

И. Тургенев.

634. Эдуарду Дантю (с. 255)

С французского:

Милостивый государь,

Я сказал вчера вашему служащему, что приеду в Париж завтра в 10 час. утра,— но боюсь, что это будет для меня невозможно. Вследствие этого я написал Делаво, чтобы он пришел ко мне в *воскресенье*, и мы явимся к вам. Мы вас не застанем, но вы можете оставить инструкции вашему служащему; я ему передам 600 фр., которые должен вам. Он обещал мне держать наготове последние листы корректуры. Мы тотчас же их выправим — и книга сможет выйти в свет, как только вы сочтете это удобным [1].

Примите уверение в моем совершенном уважении.

И. Тургенев.

Париж.
10 сент., пятница.

641. Полине Тургеневой (с. 260)

С французского:

Куртавнель,
воскресенье, 11 октября.

Моя дорогая Полинетта, я уеду отсюда только во вторник [1] — поэтому завтра не ожидай меня. Во вторник в полдень я приеду к тебе, и мы устроим так, чтобы провести в среду весь день вместе.

Целую тебя.

Твой отец
И. Тургенев.

644. Луи Виардо (с. 262)

С французского:

Париж, 16 октября 1857.

Мой дорогой друг,

Наша поездка отложена на день; едем завтра [1]. Я видел Тамплие [2] и говорил с ним о нашем переводе [3]. Он сказал, что не может выпустить его раньше, чем появится перевод Мармье, который несколько запоздает из-за посылки корректур в Рим [4].

В «Journal des Débats» помещена большая статья г-на Ратисбона о Манине, очень хорошо написанная [5].

Прошу вас прибавить в конце рассказа «Полесье» следующие несколько строчек [6]:

«„Ну, что ж ты, Егор! — воскликнул Кондрат, который уже успел поместиться на облучке телеги, — иди, садись со мной; чего задумался? аль о корове все?"

„О корове?" — повторил я и поднял глаза на важное и спокойное лицо Егора. Он действительно, казалось, задумался и глядел куда-то вдаль, в поля, уже начинавшие темнеть.

„Да, — подхватил Кондрат, — у него сегодня ночью последняя корова околела. Не везет ему, надо признаться".

Егор сел молча на облучок, и мы поехали... он-то умел не жаловаться».

Что касается «Трех встреч», то я постараюсь прислать вам их из Рима. Но сборник и так достаточно полон, и вы можете уже сейчас считать его законченным [7].

Тысяча приветствий всему Куртавнелю. Дружески жму вашу руку.

Совершенно преданный вам

Ив. Тургенев.

P. S. Если вы вставите «Соловья», то выбросьте из него фразу: «Бог, дав ему [a] голос, отнял у него ум» [8].

645. Полине Виардо (с. 262)

С французского:

Ницца.

Среда, 21 октября 57.

Дорогая госпожа Виардо, вчера вечером мой спутник и я ступили на итальянскую землю [1]. Встретила она нас угрюмо, ибо здесь уже два дня стоит отвратительная погода, идет дождь, ветрено, холодно. Мы покинули Париж в субботу и трижды ночевали дорогой: в Лионе, Марселе и Драгиньяне. (N. B. Как все-таки безвкусен Марсель!!) Местность между Драгиньяном и Ниццей восхитительна — пересекая Приморские Альпы, на каждом шагу встречаешь чудесные виды. К тому же всегда так приятно, я бы даже сказал — так трогательно чувствовать, что приближаешься к Италии... И лишь одного, увы, нам недоставало!... молодости... Но «ты стенаешь слишком поздно» [2]. Ницца, насколько о ней можно судить сквозь пелену дождя, красивый город; однако дома здесь слишком высокие. (N. B. Сегодня утром я видел, как обрушился один из них, только что построенный; к счастью, никто не пострадал.) Контраст между гигантскими пропорциями этих домов и пустын-

ностью улиц придает им вид одновременно тоскующий и жадный; кажется, что они, раскрыв пасти, поджидают путешественников. Но растительность великолепная. Пальмы, апельсиновые деревья, магнолии, к тому же все эти экзотические и необыкновенные деревья выглядят здесь совершенно естественно и at home [а] ...Не говоря уже о громадных оливах, приморских соснах и т. д. и т. д. Завтра мы уезжаем в Геную, здесь еще очень мало народу, и к тому же мне не терпится оказаться в Риме у себя за рабочим столом [б].

Полагаю, что вы должны быть еще в Куртавнеле, и все-таки пишу это письмо на улицу Дуэ, так как думаю, что, пока оно дойдет, вы уже будете в Париже. Весь день провел с Полиной — мы вместе ходили к итальянцам. У нее доброе сердце, и я часто думаю о ней с большой нежностью.

Вы не послали мне вашего романса [3]! Что же, надеюсь, что вы будете так добры прислать мне его в Рим. Я был бы так счастлив по приезде найти от вас на почте письмо.

Напишите мне, есть ли у вас намерение остаться в Париже до Нового года. Поскольку прусскому королю лучше, возможно, что вы совершите путешествие в Берлин [4].

Я напишу вам из Флоренции. Завтра увижу знаменитую «Корниш» [5]; к несчастью, совсем не похоже, чтобы дождь перестал. Что ж, расскажу вам о том, что удастся увидеть.

Гарибальди приезжает в Ниццу в связи с выборами [6], если бы я был итальянцем, мой голос, несомненно, принадлежал бы ему. Я всегда испытывал к нему большую симпатию.

Прощайте, theuerste Freundinn [в]; будьте счастливы и здоровы. Тысяча приветов Виардо и всем вашим. Нежно целую ваши руки и остаюсь

ваш

И. Тургенев.

646. Полине Виардо (с. 264)

С французского:

Генуя,
27 октября 57.

Пишу вам отсюда два слова, дорогая госпожа Виардо, за час до отплытия в Ливорно и Чивитавеккья. Мы [1] здесь уже четыре дня — это на три дня больше, чем следовало оставаться в Генуе — нас задержал чемодан, забытый провожатым на полдороге, затем не пришел пароход, но сегодня мы, наконец, отправляемся, а послезавтра вечером, si Dios quiere [а], прибудем в Рим [2]. С Корнишью нам повезло, погода была превосходная. Дорога — настоящее чудо, особенно первая половина: вы словно висите между небом и землей, а вокруг — всяческое благоухание, великолепие — какое-то волшебство; вы ощущаете, как красота огромными светлыми потоками через глаза вливается вам в душу, вы купаетесь, плаваете

[а] дома (*англ.*).

[б] *Далее две с половиной строки по-немецки зачеркнуты и не поддаются прочтению.*

[в] самый дорогой друг (*нем.*).

[а] если богу будет угодно (*исп.*).

в красоте. Притом вообразите, что за два дня нашего путешествия мы увидели больше красивых женских лиц, чем за целые годы где бы то ни было. Какая щедрая кровь и какое разнообразие типов! Простая служанка, босиком провожавшая старика в окрестностях Савоны, поразила нас: это было самое восхитительное создание, какое нам когда-либо приходилось видеть.

Генуя — очень красивый город, но женщины в нем (вопреки тому, что говорят об этом *путеводители*) выглядят *отталкивающе*. У всех генуэзцев большая голова, кривые ноги, тяжелые черты лица и предрасположенность к зобу — всего лишь! Весьма красивые дворцы соседствуют здесь с грязными улочками (кстати, я нашел оригинал Риберы, принадлежащего Виардо [3], во дворце Бальби; портрет маркиза Бриньоле на серой лошади кисти Ван Дейка [4] — это «portento» [б]. Описание Генуи в «Даниэле» г-жи Санд [5] очень верно. Если у вас есть намерение прочитать «Даниэлу», не читайте 2-й части — это так плохо, что становится грустно; но в первом томе есть превосходные вещи, хотя характер Даниэлы нереален; я уже не раз замечал, что меньше всего отталкивает французов в произведении искусства — отсутствие правды.

Три раза я был в театре. В «Карло Феличе» я видел «Линду» (с маленьким *красивым* дуэтом, который мне так нравится) [6] и «Напиток» [7]. Роли примадонн исполняла некая г-жа Поджи — голос у нее грошовый, но поет она приятно и не лишена обаяния; остальные — *cani* [в]. Публика была холодна; но не такова была она, к несчастью, на третий вечер в театре «Аполло»! Давали оперу буфф некоего *маэстро* Джиоза («Дон Чекко») [8]. Не могу передать вам, до какой степени все это было «wretched» [г],— Верди самого низкого пошиба [9]! Непрерывные фортиссимо, завывания в унисон, а со стороны публики — неистовые овации! Какая отвратительная глупость! Роль Дона Чекко (тип вечно голодного и холодного бедняги) исполнял молодой парень по имени Чампи, не без таланта, но занятие это ему не по силам. Такой откровенный упадок тяжко видеть — и это родина Россини!

Надеюсь (так уж устроен человек!) найти от вас письмо в Риме — какое это было бы счастье! Напишу вам на другой день после нашего приезда. В Пьемонте было большое наводнение [10], и нам довелось увидеть немало снесенных мостов. Я переправился через одну реку на спине человека, который едва не сбросил меня в воду.

Прощайте, theuerste Freundinn [д]. Тысяча добрых пожеланий Виардо и всем вашим. Поцелуйте за меня Полину и разрешите нежно поцеловать вам руки.

Ваш

И. Тургенев.

[б] чудо (*исп.*).

[в] актеришки, комедианты (*итал.*).

[г] жалко (*англ.*).

[д] самый дорогой друг (*нем.*).

648. **Полине Тургеневой** (с. 266)

С французского:

Рим.
2 ноября 1857.

Дорогая Полинетта,

Вот уже три дня, как я приехал сюда после почти не утомительного и очень приятного путешествия [1].— Я остановился в Английской гостинице, но ты лучше сделаешь, если будешь писать до востребования в Рим (Италия). Стоит прекрасная погода, и не скажешь, что уже ноябрь.— На деревьях еще сохранились почти все листья. Прошу тебя написать мне тотчас по получении моего письма и сообщить мне о г-же Виардо и обо всей ее семье. Я надеялся по приезде сюда найти от нее письмо — но, видно, отсутствующие неправы [2]. Пиши мне о своем здоровье, о своих занятиях — вообще рассказывай мне обо всем, что придет тебе в голову, стараясь писать разборчиво. Газеты сообщают, что м-ль Арто приглашена в Оперу — правда ли это [3]? Если ты ее увидишь, кланяйся ей от меня. Как здоровье г-на Шеффера? Поедет ли г-жа Виардо в Лондон [4]? На все эти вопросы отвечай мне подробно — и быстро.

Сегодня же напишу г-же Виардо.

До свиданья, дорогая девочка,— работай хорошенько.— Я крепко люблю тебя и так же целую.

Твой отец
И. Т.

653. **Полине Тургеневой** (с. 273)

С французского:

Рим.
4 декабря 1857.

Дорогая малышка,

Благодарю тебя за то, что ты время от времени думаешь обо мне. Твои два письма доставили мне большое удовольствие — они порадовали бы меня еще больше, если бы почерк был более разборчив, а орфография менее беспорядочна. Ты знаешь мой старый припев: размышление и внимание! Не торопись так во всем, что ты делаешь,— у тебя много времени впереди.

Княгиня Трубецкая скоро вернется в Париж, она, быть может, пришлет за тобой в одно из воскресений; ты скажешь от моего имени г-же Аран, что я позволяю ей доверить тебя тому, кого пришлет эта дама. Это развлекло бы тебя немножко во время отсутствия г-жи Виардо [1]. Только советую тебе не быть дикаркой. Что это за совет, о котором ты хотела попросить меня в своем первом письме? — Не надо со мной таких недомолвок.

Хорошенько занимайся музыкой и английским языком — если хочешь доставить мне удовольствие.

Напиши мне, не надо ли тебе чего-нибудь.

Кланяйся от меня г-же Аран — целую тебя в обе щеки.

Твой отец
И. Тургенев.

P. S. Мой брат [2] был в Париже — но он уже вернулся в Россию.

657. Луи Виардо (с. 279)

С французского:

Рим,
14 декабря 57.

Мой дорогой друг,

у меня к вам просьба. Дело вот в чем. Я только что получил письмо от г-на Тамплие [1]; кажется, некоторые выражения из предисловия г-на Делаво задели его [2]. Будьте добры сказать ему при встрече, что я не имею к этому ни малейшего отношения, что мне показали это предисловие накануне моего отъезда и я тотчас же отправился к г-ну Дантю (издателю) с просьбой убрать все, что могло быть неприятно г-ну Шаррьеру или издательству Ашетт [3]; г-н Дантю обещался в точности исполнить мою просьбу, но, видно, не выполнил обещания. Мне было бы тяжело думать, что г-н Тамплие, на которого я всегда не мог нахвалиться, считал бы меня способным на недостойное поведение по отношению к нему.

Кажется, он не слишком разбирается в переводе; вы ведь знаете, что это такое; только ввязавшись в эту историю, я обнаружил непригодность Делаво как литератора [4]. Ну что ж, дело сделано, не стоит больше думать о нем; но поскольку я хотел бы доказать г-ну Тамплие, как близко к сердцу я принимаю возможность сохранить те добрые отношения, что существуют между нами, передайте ему, что я вторично предлагаю ему просмотреть перевод Шаррьера и что я сам собираюсь этим заняться (в случае, правда, весьма невероятном, третьего издания), уполномочив его довести этот факт до сведения читателей.

Пожалуйста, напишите мне словечко в ответ; известите меня также, получили ли вы мое письмо с чеком на 300 франков. Сообщите мне новости о госпоже Виардо.

Тысяча приветов всем и дружеское рукопожатие вам.

И. Тургенев.

662. Полине Тургеневой (с. 286)

С французского:

Рим.
7 января 1858.

Дорогая Полинетта, я очень рад узнать, что ты веселишься, и очень благодарен семье Трубецких за их доброту к тебе.— Надеюсь, что все эти забавы не будут тебя слишком отвлекать от занятий — и после окончания каникул ты с новым рвением примешься за работу.

Ты спрашиваешь у меня позволения присутствовать на свадьбе одной из твоих пансионских подруг — потом на балу; не думаю, чтобы к этому были какие-либо препятствия, но тем не менее отсюда не могу судить, прилично ли это — ты можешь поговорить об этом с г-ном Виардо [1]; если г-жа Аран и он не найдут никаких возражений — я безусловно даю тебе отсюда свое совершенное согласие.

Здоровье мое сносно, во всяком случае лучше, чем в Париже. В Риме прекрасная погода, я много гуляю и работаю порядочно. Время течет быстро. Если бог продлит мне жизнь, надеюсь увидеть тебя менее чем через три месяца.

Ты напрасно не сообщила мне ничего о г-же Виардо, так как до сих пор я не получил от нее ни одного письма. Она, вероятно, слишком занята в Варшаве [2], чтобы успевать писать письма куда-либо, кроме Парижа.

Сегодня же я напишу семье Т⟨рубецких⟩[3]; однако если ты увидишь их, то поступишь хорошо, передав от меня тысячу любезностей.

Прощай, дорогая девочка; работай хорошенько и *размышляй;* нежно целую тебя.

Твой отец
И. Тургенев.

P. S. Мое дорогое дитя, прошу тебя впредь подписываться П. Тургенева и передать г-же Аран, чтобы это имя писалось всюду, где речь идет о тебе[4].

665. ⟨**Редактору «Le Nord»**⟩ (с. 289)

С французского:

Рим,
28 января ⟨1858⟩.

Господин редактор,

Чем более велико и заслуженно влияние какой-нибудь газеты, тем больше стараний должна приложить она для того, чтобы устранить из своих корреспонденций все то, что может ввести публику в заблуждение относительно истинного состояния умов, в особенности в такой малознакомой читательской массе стране, как Россия. Надеюсь, милостивый государь, что Вы мне позволите, столько же в интересах истины, сколько, смею сказать, в интересах вашей собственной газеты, внести поправки в некоторые недоброжелательные по отношению к так называемой славянской партии отзывы, проскользнувшие в корреспонденцию из Москвы, помещенную в номере «Le Nord» от 22 января. Будучи чужд этой партии как по своим воззрениям, так и по своей литературной деятельности, я все же не могу согласиться с утверждением вашего корреспондента, будто бы представители славянской партии воздержались от участия в банкете, устроенном в Москве 9 января в честь объявленного императором освобождения труда, из духа оппозиции к недавним благородным начинаниям правительства. Всем в России известно, что в этом важном вопросе правительство идет в ногу с общественной мыслью всей страны. Ни одна литературная или политическая группа не смогла бы и не захотела бы отказать правительству в своем содействии, каким бы ничтожным оно ни было. *Славяне* никогда не оставались чужды подготовляющемуся движению: более того, они принимали в нем участие и продолжают это делать в меру своих сил; и, конечно, в России никому не придет в голову отказывать им в этой заслуге. Зачем же приписывать им в глазах иностранцев чуждые им взгляды? и зачем же изображать перед Европой некий разлад, которого, по счастию, в действительности нет?

Справедливость, доказательства которой вы всегда давали в отношении нашей страны, старания, которые вы прилагаете к тому, чтобы Европа знала всю правду о России, служат мне залогами того, что вы дадите место на столбцах вашей газеты опровержению, продиктованному исключительно любовью к истине и чуждому всяким кружковым интересам и соображениям. Благоволите принять заранее мою благодарность и уверение, и т. д.

И. Тургенев.

669. Полине Тургеневой (с. 296)

С французского:

31 января 1858.
Рим.

Я получил твои два письма, моя дорогая Полинетта; ты хорошо делаешь, что пишешь мне часто [1] — но боже! какие каракули! Тебя становится почти невозможно читать.— Ну же, поработай немного над своим почерком.

Прошу у тебя извинения за то, что забыл сообщить правильный адрес и задал тебе головомойку. Что касается важного вопроса о платье, я с удовольствием разрешаю тебе его заказать. Но коль скоро г-жа Виардо к моменту получения этого письма будет в Париже [2],— предоставляю ей решать, какого оно будет цвета и проч. и определить цену. Я могу уделить до ста франков — но пусть решает она сама. Ты будешь рада вновь ее увидеть, не правда ли? Я хочу дать тебе поручение, которое тебе будет приятно: когда будешь ее благодарить, поцелуй ей покрепче обе руки за меня.

С удовольствием вижу, что семья Трубецких [3] чувствует к тебе расположение; надеюсь, что ты, со своей стороны, также очень любишь их всех.

Что касается до склонности к кокетству, которую ты чувствуешь в себе, то не надо утешать себя, говоря, что все ведут себя так же; надо бороться с этим потому, что, как ни старайся, у тебя всегда останется его довольно; между тем, если ты дашь себе плыть по течению, у тебя будет его слишком много.

Ты мне не говоришь о своей игре на фортепиано, надеюсь, что ты ее не запускаешь.

Расскажи мне про свадьбу и бал, на которых ты будешь присутствовать. Сообщи мне о г-не Виардо,— надеюсь, что болезнь его не серьезна.

Скажи княжне Катрин [4], что я ей напишу на днях письмо. Я рассчитываю быть в Париже около 10 апреля, быть может даже приеду к Пасхе — но не раньше.

А пока целую тебя в обе щеки и прошу тебя думать обо мне и усердно работать.

Твой отец
И. Тургенев.

670. Полине Виардо (с. 297)

С французского:

Рим,
1 февраля 1858.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, я только что получил ваше письмо из Берлина [1] и, преисполненный благодарности за память обо мне, сажусь писать ответ, который посылаю, согласно вашему указанию, в Париж. Надеюсь, что, вернувшись в свое гнездо, вы найдете Виардо совершенно излечившимся от своего прострела, который, кажется, причинил ему много страданий. Дом на улице Дуэ, со всем, что он в себе заключает, станет для вас вдвойне дороже после двухмесячного отсутствия, какими бы волнениями, успехами и триумфами не было наполнено это отсутствие [2]. Наслаждайтесь вашим *home* [a], отдыхайте после трудов праведных, я же, раз вы того хотите, расскажу вам немного свою жизнь.

---

[a] домом (*англ.*).

Она, признаюсь вам, в последнее время была изрядно легкомысленной. Работал я мало, но повидал многое и в особенности многих — русских, англичан и т. д. Тем не менее я нашел время написать довольно большую записку (это между нами) о необходимости основания в России специального еженедельного журнала, предназначенного исключительно для обсуждения вопросов, связанных с освобождением крестьян [3]. Подавляющее большинство дворян боится намерений правительства и готовится оказать ему противодействие; единственное средство их успокоить — прибегнуть, разъяснив все трудности положения, к самой широкой гласности; но это средство противоречит всем застарелым традициям нашей бюрократии, и я сильно сомневаюсь, что моя записка, хотя она и будет прочитана в верхах, сможет что-либо изменить. В конце концов, надо пытаться, а там — будь что будет.

Кажется, я писал вам о том, что был представлен великой княгине Елене. У меня уже был с нею не один долгий разговор. Разговор с княгиней очень похож на экзамен; надо, однако, признать, что она умеет не стеснять своего собеседника [4]. В ее свите есть некая девица Штуббе, которой, по ее словам, вы дали несколько уроков и которая вас почитает и обожает, что вполне естественно [5]. У нее немного резкий и не очень гибкий голос, но она знает толк в музыке и поет с чувством. Она исполняет кое-что из того, что пели вы (между прочим, «Lascia, ch'io pianga» [6]),— вы можете себе представить, что мне это было очень приятно и в то же время слегка грустно.

Я так *рад*, что вы *рады* за наших славянских братьев из Варшавы! Что же касается князя В. [7], которого я не знаю, но с братьями которого знаком, то он принадлежит к семье, известной своими рыцарскими чувствами и душевным благородством. Кроме того, как вы хорошо выразились, он русский, а все русские — ваши подданные.

Вернемся к моей жизни. Никакая римская матрона не послужила для меня моделью, и я, как Антей, не могу покинуть родной земли, не лишившись и тех немногих сил, что имел [8]. Кажется, повесть, которую я послал отсюда в «Современник», имела успех [9], а теперь я приступаю к довольно большому роману, план которого я, по-моему, вам рассказывал как-то вечером в Париже [10]. С тех пор план этот претерпел большие изменения. Кстати, вам известно, как страстно я желаю знать ваше мнение обо всех моих вещах, которые вы читаете. Постарайтесь превозмочь скуку, которую они на вас навевают, и будьте добры сказать мне о них ваше мнение. Bitte, bitte [б]!

Скажите мне, что вы думаете о музыке Гуно к «Лекарю поневоле» [11]? Что это за «Внебрачный сын» Дюма [12]?

Я не хожу здесь в Оперу. Все время дают Верди, к тому же обе труппы плохи. Сальвини я видел единственный раз в невыносимой трагедии Альфьери, неистовство которого лишено огня [13]. Сальвини исполнял роль Ореста, или, вернее, какого-то смешного идиота, который только и думает, как бы напиться крови Эгиста. Он красив и талантлив, но, как все итальянцы, переигрывает и распускает хвост. Он напомнил мне Каратыгина.

Я слушал хорошую церковную музыку в соборе Св. Павла, или, вернее, музыка (одного современного маэстро, некоего г-на Капоччи [14]) была не очень хороша, но исполнение было превосходным.

[б] Пожалуйста, пожалуйста (*нем.*).

В Папской капелле есть замечательные басы и один знаменитый сопранист по имени Мустафа, который поет прекрасно, но, признаюсь, от тембра этих голосов меня мороз по коже подирает.

Итак, theuere Freundinn [в], не ленитесь больше. Пишите мне совсем маленькие письма, если вам будет угодно, но пишите. Я остаюсь в Риме до 19 февраля, потом съезжу на недельку в Неаполь и вернусь в Рим с тем, чтобы окончательно покинуть его 10 марта. К 10-му апреля я буду в Париже, но вы, вероятно, будете уже в Лондоне [15].

Полинетта просит меня заказать ей платье. Я не против, но решите сами, что следует сделать и за какую цену. Вот кто еще будет рад видеть вас! Когда она будет целовать вашу правую руку, подумайте, что я целую левую. Поцелуйте за меня детей. Тысяча приветов Виардо, г-же Гарсиа и всем друзьям. Будьте здоровы и не забывайте Den Ihrigen bis in den Tod [г].

И. Т.

673. Луи Виардо (с. 300)

С французского:

Рим,
8 марта 1858.

Мой дорогой друг, я приехал из Неаполя, где довольно приятно провел две недели [1], и нашел здесь множество писем (в основном из России), меня ожидавших. По зрелом размышлении я решил не пренебрегать обещанием, данным Орлову [2], и приехать в Париж на его свадьбу, что даст мне возможность повидать Полинетту; но я не смогу быть в Париже до начала мая, ибо расписание мое таково: я выезжаю отсюда дней через 5—6, мне понадобится месяц, чтобы через Флоренцию, Милан и Венецию добраться до Вены, где я останусь недели на две-три для консультаций у доктора Зигмунда по поводу моей проклятой болезни, никак не желающей меня покинуть: вы видите, что все это приводит к началу мая [3]. В это время, вы, вероятно, будете в Англии [4]. Если вам (или г-же Виардо) захотелось бы написать мне, я просил бы адресовать ваши письма в Вену, до востребования. Кажется, успех г-жи Виардо в Германии был весьма велик и весьма ощутим — тем лучше [5]!

15 марта.

Дорогой друг, сегодня же я уезжаю во Флоренцию; высылаю вам вексель на 1000 франков (который прилагается), из них 600 — для Полинетты, а остальные 400 прошу вас передать князю Орлову, который вернет их д-ру Риделю, я был их ему должен. Будьте добры сообщить мне в Вену о получении этого письма [6]. Не помню, просил ли я уже вас поблагодарить от меня г-на Тамплие за посланные мне экземпляры перевода Мармье [7]; он был бы очень любезен, если бы переслал один экземпляр нашего перевода в Вену [8]. Г-жа Виардо, должно быть, уже вернулась в Париж [9]; передайте ей мои наилучшие пожелания. Надеюсь, что вы здоровы, целую всех детей и дружески жму вам руку.

Ваш
И. Тургенев.

[в] дорогой друг (*нем.*).

[г] верного вам до гроба (*нем.*).

676. Томасу Карлейлю (с. 303)

С французского:

Милостивый государь,

Может быть, вы забыли о том, что я имел честь посетить вас в прошлом году [1], но я позволяю себе напомнить вам о себе, чтобы иметь в то же время удовольствие рекомендовать вам г-на Боткина, весьма видного литератора, который первый познакомил русскую публику с вашими сочинениями, переведя из них с величайшим искусством несколько отрывков [2]. Он очень хочет познакомиться с вами.— Смею надеяться, что вы примете его с обычным вашим доброжелательством. Прошу вас передать мои почтительные приветствия г-же Карлейль — и верить чувствам уважения и восхищения

совершенно преданного вам
И. Тургенева.

Рим.
12 марта 1858.

677. Мануэлю Гарсиа (с. 304)

С французского:

Querido amigo[a],

Рекомендую вам [1] столь горячо, как только могу, одного из лучших моих друзей, г-на Боткина, который, наряду с прочими хорошими вещами, написал превосходную книгу об Испании [2] и очень сведущ в музыке [3]. Все эти доводы (не говоря о нашей дружбе, которую я называю в первую очередь) должны решительно говорить в его пользу, поэтому я очень рассчитываю на прием, который вы ему окажете. К тому же это очень добрый малый, а это никогда ничему не вредит. Засим обнимаю вас, желаю вам тысячу удач и остаюсь ваш

И. Тургенев.

Рим.
12 марта 1858.

678. Ричарду М. Милнсу (?) (с. 304)

С французского:

Милостивый государь,

Разрешите рекомендовать вам подателя сего письма, г-на Боткина, одного из наших лучших литераторов и критиков, который отправляется в Англию, чтобы провести там два месяца [1]. Радушный и любезный прием, оказанный мне вами, позволяет мне надеяться на подобный же прием и для г-на Боткина, который заслуживает этого во всех отношениях [2]. Пользуюсь этим случаем, чтобы вновь выразить вам чувства высокого уважения, с которыми я остаюсь, милостивый государь,

совершенно преданный вам
И. Тургенев.

Рим.
12 марта 1858.

---

[a] Дорогой друг (*исп.*).

679. Джону Дж. Шоу-Лефевру (?) (с. 305)

С французского:

Милостивый государь,

Одним из самых приятных воспоминаний, которые я вынес из Англии [1], является время, проведенное мною с вами и вашим любезным семейством [2]. Разрешите мне доставить такое же удовольствие одному из моих ближайших друзей, г-ну Боткину, весьма видному русскому литератору, который отправляется в Англию. Если вы продолжаете интересоваться русским языком, он сможет дать вам много ценных сведений [3].

Я не знаю, когда смогу приехать в Англию [4], но прошу вас верить, что я, где бы я ни был, питаю к вам, так же как и ко всему вашему семейству и к вашему сыну, подлинную и искреннюю приязнь. Примите же выражение этой приязни, а также уверение в величайшем уважении

совершенно преданного вам

И. Тургенева.

Рим.
12 марта 1858.

681. Полине Тургеневой (с. 306)

С французского:

Дорогая Полинетта,

Вот пара коралловых сережек и брошь неаполитанской работы, которые я тебе посылаю; надеюсь, что они доставят тебе удовольствие. Я напишу тебе через 3 или 4 дня из Флоренции [1]; теперь довольствуюсь тем, что целую тебя. До свидания.

Твой отец

И. Тургенев.

Рим.
15 марта 1858.

682. Полине Тургеневой (с. 306)

С французского:

Флоренция.
18 марта 1858.

С тех пор как я писал тебе, дорогая Полинетта [1], я побывал в Неаполе и, как видишь, покинул Рим. Давно уже я должен был бы тебе написать,— но уж раз так нехорошо вышло, надеюсь, ты не будешь на меня за это в обиде. Объявляю тебе, что приеду в Париж через 6 — допустим, 5 недель,— и, чтобы ты набралась терпения, посылаю тебе через одного русского господина, моего знакомого, который должен сегодня покинуть Рим, чтобы отправиться прямо в Париж,— пару коралловых сережек и брошь неаполитанской работы [2]. Одновременно прошу тебя тотчас по получении моего письма написать мне немедленно в Венецию (до востребования): 1) вернулась ли в Париж г-жа Виардо; 2) как она себя чувствует и что делает Виардо; 3) что поделываешь ты сама, что делает семья Трубецких, и т. д. и т. д.— Не забудь сообщить мне, когда рассчитывает г-жа Виардо отправиться в Англию [3].— Одним словом, расскажи мне все, что ты знаешь,— и сделай это немедленно, если хочешь, чтобы твое письмо застало меня в Венеции [4],

Надеюсь, что твое здоровье хорошо и что ты работаешь усердно; в ожидании настоящего поцелуя, целую тебя письменно. Тысяча приветов семье Трубецких.— Что поделывают Диди, Луиза и другие дети?

Твой отец
И. Тургенев.

690. Полине Тургеневой (с. 314)

С французского:

Вена,
8 апреля 1858.

Дорогая Полинетта,

Я нахожусь здесь со вчерашнего дня и спешу сообщить тебе о моем приезде. Я нашел два твоих письма, ожидавших меня на почте до востребования. Прежде всего успокою тебя относительно моего возвращения в Париж, оно задержалось —но будь уверена, что я не уеду в Россию тайком, не попрощавшись с тобой и не поцеловав тебя; тебе не следует по этому поводу волноваться. Я буду в Париже в конце этого месяца или в первых числах мая,— ты можешь рассчитывать на это. Твоя привязанность ко мне очень меня радует; однако же тревога, которую ты испытывала, повлияла на твою орфографию, и она сделалась еще более странной. Послушай, Полина, неужели это такая трудная вещь? В наше время шестнадцатилетняя девушка, которая пишет: «ci cela t'arrivais, cela me ferai» и т. д. [a], — существо исключительное. Я слышал, что ты с некоторого времени усердно трудишься и что тобой довольны; я весьма рад этому — но умоляю тебя немного сосредоточивать свое внимание; приучись размышлять, дитя мое, это весьма необходимо в жизни. Настаивать так на орфографии кажется мелочностью, но, помимо того, что мы совершенно вправе судить о чьем-нибудь образовании по тому, как он пишет, мы можем справедливо предполагать, что если внимания недостает в мелочах — его должно еще более недоставать в больших делах.— Одним словом — делать орфографические ошибки — это неопрятность; то же самое, как если бы ты сморкалась пальцами. Но довольно. Целую тебя, чтобы ты не дулась.

Надеюсь, что мой маленький подарок был тебе передан [1]. Ты поступила умно, не пожалев о том, что не пошла на бал; поверь мне — ты ничего не потеряешь, если подождешь немного.

А сейчас старательно трудись; настойчиво упражняйся на фортепиано; развлекаться будем потом. Я пробуду здесь три недели; [2] пиши мне в Вену, в Австрию — до востребования.

Поклонись от меня г-же Аран; если ты увидишь мадемуазель Арто, поклонись ей от меня. Тысяча наилучших пожеланий семействам Трубецких и Виардо. Целую тебя от всего сердца.

Твой отец
И. Тургенев.

P. S. Будь спокойна относительно *четок*, я везу их тебе, освященные насколько возможно.

2-й P. S. Вскрываю это письмо, чтобы сообщить тебе новость, которая, я уверен, доставит тебе удовольствие: я буду в Париже 18, т. е. в следующее воскресенье. Итак, до скорого свидания, целую тебя в твои пухлые щеки.

---

[a] Если бы это с тобой случилось, это мне доставило бы (*с грубыми ошибками в глагольных формах*).

692. **Полине Тургеневой** (с. 316)

С французского:

Лейпциг,
16 апреля 1858.

Моя дорогая Полинетта,

Я здесь со вчерашнего дня и рассчитывал выехать сегодня, чтобы исполнить данное тебе обещание — провести воскресный день с тобой; но я застал здесь г-жу Виардо [1],— желание услышать ее пение в театре меня удержало, и я приеду в Париж только во вторник [2]. Надеюсь, что ты не станешь на меня слишком сердиться и что г-жа Аран разрешит тебе провести весь вторник со мной [3]. Итак — немного терпения — и до свиданья через три дня. Целую тебя очень нежно.

Твой отец
И. Тургенев.

694. **Полине Тургеневой** (с. 318)

С французского:

Мой брат Николай здесь, дорогая Полинетта,— он придет с тобой повидаться. Я видел его только накануне моего отъезда в Лондон, то есть вчера. Прими его любезно; трудись усердно и жди меня в ближайшее время [1].

Передай от меня поклон г-же Аран. Я напишу тебе, как только буду в Лондоне.

Твой отец
И. Тургенев.

Париж.
27 апреля 1858.

695. **Полине Тургеневой** (с. 318)

С французского:

Лондон.
8 мая 1858.

Дорогая Полинетта,

Благодарю тебя за твое письмо и прошу прощения, что не написал тебе; я был очень занят с тех пор, как приехал в Лондон [1]. Мое здоровье довольно хорошо. Целую тебя в обе щеки по случаю дня твоего рождения [2]; пишу Виардо [3], чтобы он дал тебе 25 франков, которые ты можешь, если тебе захочется, хотя бы на ветер бросить; употреби их на угощение твоих подруг — словом, располагай ими, как тебе заблагорассудится. Если В⟨иардо⟩ нет в Париже, ты попросишь г-жу Аран, чтобы она была столь любезна авансировать тебе эту маленькую сумму, записав ее на мой счет. Удивляюсь, что мой брат до сих пор еще не навестил тебя; во всяком случае, ты увидишь его в понедельник, так как он должен принести тебе в этот день мозаичные брошку и серьги. Я только что написал ему об этом [4].

До скорого свиданья, будь здорова, трудись и думай обо мне

Твой отец
И. Тургенев.

P. S. Мой адрес *Холлс*-Стрит, а не Ноллс-Стрит.

699. Морицу Гартману (с. 320)

С немецкого:

Мой дорогой друг,

Я *не* могу ехать в Кельн [1]; может быть, мы увидимся еще сегодня вечером у княгини [2].— Тогда мы смогли бы кое о чем договориться.

Ваш
И. Тургенев.

707. Полине Виардо (с. 324)

С французского:

Спасское, $\frac{7 \text{ июля}}{25 \text{ июня}}$ 1858.

Theuerste Freundinn [a], я вернулся в Спасское после четырехдневного отсутствия и нашел ваше письмо, сообщающее мне печальное известие [1]! Я не решался говорить вам о моих предчувствиях; я пытался убедить себя самого, что все может еще хорошо кончиться,— и вот его нет! Я очень сожалею о нем ради него самого; я жалею обо всем, что он унес с собою; я глубоко чувствую жестокую боль, причиненную вам этой потерей, и ту пустоту, которую вы лишь с большим трудом заполните. Он так вас любил! Виардо и Луиза должны быть оба тоже очень огорчены. Когда смерть бьет по нашим рядам, остающиеся друзья должны еще теснее сплотиться; это не утешение я вам предлагаю, это дружеская рука, которую я вам протягиваю, это — преданное сердце, говорящее вам, чтобы вы рассчитывали на него так же, как на то сердце, которое только что перестало биться. Не могу удержаться, чтобы не думать о моем последнем свидании с Шеффером; он выглядел так хорошо, что мне и в голову не могло прийти, что эта встреча последняя. Он готовился писать Христа с Самаритянкой; я уселся за его спиной, и мы долго беседовали. Я рассказал ему о своем путешествии в Италию (это было в первых числах мая). Никогда я не видел его более любезным и в лучшем настроении. Какой ужасный удар для его дочери [2]!

Я слишком нахожусь под впечатлением этого печального известия, чтобы много говорить вам о себе. Скажу вам в двух словах, что я провел три очень приятных дня у друзей: двух братьев и сестры [3], прекрасной и очень несчастной женщины. Она принуждена была разойтись со своим мужем, своего рода деревенским Генрихом VIII, преотвратительным [4]. У нее трое детей, которые отлично развиваются, особенно с тех пор, как папаши нет с ними. Он, независимо от их поведения, обращался с ними весьма сурово, доставляя себе удовольствие воспитывать их на спартанский лад, сам ведя образ жизни совершенно противоположный. Подобные вещи случаются часто: люди таким образом доставляют себе удовольствие быть и порочными и добродетельными — добродетельными за чужой счет.

Из двух братьев один довольно незначительный [5], другой же [6]— прелестный малый, ленивый, флегматичный, неразговорчивый и в то же время очень добрый, с очень изысканным и тонким вкусом и чувствами, человек действительно своеобразный. Третий брат (граф Л. Толстой, тот, о котором я вам говорил как об одном из *наших*

---

[a] Самый дорогой друг (*нем.*).]

лучших писателей, это заставляет вас улыбнуться и вспомнить о Фете, к которому я завтра поеду, так как он мой сосед [7];— но, что касается Толстого, так это, вполне серьезно, талант выдающийся, и я надеюсь когда-нибудь вас убедить в этом, переведя вам его «Детство» [8]. Закрываю здесь эту нескончаемую скобку). Третий брат, говорю я, который должен был приехать, не приехал.

Сестра довольно хорошая музыкантша; *мы играли* Бетховена, Моцарта и т. д. Es ist die selbe Gräfin, die eine Neigung für mich gehabt hatte; Ich glaube, das alte Feuer glüht noch unter der Asche; was hilft's aber [б] [9]?

Через несколько дней начнется охота. Приметы благоприятствуют; весна пришла рано, и молодые тетерева уже, как будто, подросли. Я буду охотиться в 150 верстах отсюда и возвращусь только дней через десять [10].

Я пишу вам в Лондон, а вы, может быть, уже в Куртавнеле [11]. В таком случае надеюсь, что это письмо вам перешлют.

Сердечно пожимаю вам руку; повторяю: мужество и терпение — желаю вам доброго здоровья и хорошего настроения. Тысяча приветов всем вашим; да хранит вас бог: вот единственная молитва, которую я к нему обращаю.— До свиданья.

Совершенно вам преданный

И. Тургенев.

708. Полине Тургеневой (с. 325)

С французского:

Спасское.

9[а] июля / 29 июня 1858.

Спасибо, дорогая девочка, за твое милое письмецо, с адресом, написанным по-русски, и — право же — очень хорошо! Я рад, что ты хорошо себя чувствуешь, что ты не унываешь. Время разлуки пройдет скорее, чем ты думаешь, особенно если будешь стараться сократить его за работой. Со своей стороны, обещаю тебе часто подавать о себе вести. Таким образом, мы оба доживем до зимы — а потом и до весны — и до того момента, когда вновь увидимся.

Вот я и дома. Мое здоровье хорошо; дом покрашен заново; мебель обита новой материей; теперь все выглядит довольно чисто. Сад великолепен — погода довольно хорошая, хотя и дождливая. Через несколько дней начнется охота, и уж я разгуляюсь. Все мои собаки здоровы, и, кажется, в этом году много дичи.

Я получил письмо от г-жи Виардо, которая сообщает печальное известие о смерти г. Шеффера, это очень тяжелый удар для нее [1]. Напиши мне, как только она вернется в Париж, и сообщи о ее здоровье. Расскажи мне также понемногу обо всем семействе, о м-ль Арто и о твоих подругах, о семействах Тургеневых и о Трубецких.

[б] Это та самая графиня, у которой была ко мне склонность; думаю, что былой огонь теплится еще под пеплом; но к чему все это? (*нем.*).

[а] *Так в подлиннике.*

Передай от меня поклоны м-ль Холинг и г-же Аран. Постарайся заслужить вторую награду по фортепиано. Засим целую тебя от всего сердца и очень крепко. До следующего письма.

Твой отец
И. Тургенев.

713. Полине Тургеневой (с. 328)

С французского:

Спасское, 16/28 июля 1858.

Дорогая Полинетта,

Я получил твое письмо, где ты задаешь мне головомойку за мою небрежность; а между тем вот четвертое письмо, которое я тебе пишу с тех пор, как мы расстались. Не прошло еще и двух месяцев, как я тебя покинул. Всё это не означает, что я хочу жаловаться на твои упреки; напротив, они мне доказывают, что ты много обо мне думаешь и что ты любишь меня.

Только ты заполняешь ими все свои письма, и тебе не остается больше места, чтобы рассказать о том, что ты делаешь, кого ты видишь и т. д. Ведь была же ты хоть раз у старого Тургенева? [1] или у м-ль Арто? Правда, ты всё это время была, должно быть, поглощена приготовлениями к столь важному дню распределения наград: надеюсь, что ты получишь хоть какие-нибудь из них; это мне доставит величайшее удовольствие. Что касается меня, то мое здоровье довольно хорошо; время от времени я хожу на охоту, не очень блестящую в этом году, и много работаю. Я рассчитываю оставаться здесь долго, во всяком случае до ноября. Обращаю твое внимание в особенности на пианино, не запускай его во время каникул в Куртавнеле. Ожидай терпеливо моего возвращения и знай, что я люблю тебя всем сердцем и очень часто думаю о тебе.

До свиданья, целую тебя крепко-крепко; кланяйся от меня всем парижским друзьям.

Твой отец
И. Тургенев.

714. Полине Виардо [1] (с. 329)

С французского:

Спасское, 9/21 июля 1858.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, начинаю мое письмо известием, горестным для всех русских: художник Иванов, о котором я, кажется, рассказывал вам в своих письмах из Рима, только что умер от холеры в С.-Петербурге [2]. Бедняга! после двадцати пяти лет труда, лишений, нищеты, добровольного заточения, в тот самый момент, когда его картина была выставлена, еще до получения какой-либо награды, прежде даже, чем он убедился в успехе этого творения, которому он посвятил всю свою жизнь,— смерть, внезапная, как апоплексический удар, но более жестокая, потому что она не поражает головы! Дрянная газетная статья, оскорбительная для него, отсрочки, точно рассчитанное пренебрежение — вот всё, что дала ему родина за тот короткий промежуток времени, который протек от его возвращения до его смерти [3]. Что касается его картины, то она, конечно, принадлежит к той эпохе искусства, в которую мы вступили немногим более столетия назад, и это, надо в том сознаться, эпоха упадка; это уже не просто живопись: это — фило-

софия, поэзия, история, религия; в картине есть прискорбные недостатки, но это всё же нечто значительное, произведение серьезное, возвышенное, влияния которого нужно желать в России, хотя бы как противодействия школе, основанной Брюлловым [4].

18/30 июня. [а]

Вот что я делал, theuerste Freundinn [б], в течение прошедших 9 дней [5]: я много трудился над романом, который начал и надеюсь окончить к наступлению зимы [6]; потом ездил на охоту за 150 верст отсюда и потерял напрасно 5 дней, потому что болота были еще пусты, время перелета дупелей и бекасов еще не наступило. В то же время я вместе с дядей занимаюсь устройством моих отношений с крестьянами: начиная с осени они все будут переведены на *оброк*, то есть я уступлю им половину земли за ежегодную арендную плату, а сам для обработки моих земель буду нанимать работников. Это будет только переходное состояние, впредь до решения комитетов; но ничего окончательного нельзя сделать до тех пор [7].

Я упомянул вам о романе, который сейчас пишу; как бы я был счастлив, если бы мог изложить вам его план, представить характеры, цель, которую я себе наметил, и проч.; как охотно принял бы я замечания, которые вы бы мне сделали! На этот раз я долго обдумывал сюжет и надеюсь избежать тех внезапных, нетерпеливых решений, которые вас справедливо раздражали. Я чувствую себя в рабочем настроении, а между тем жар молодости уже покинул меня; я пишу с каким-то удивительным для меня самого спокойствием: лишь бы оно не отразилось на самом произведении! Холодность порождает посредственность.

Я довольно часто вижу Фета; он проживает верстах в пятнадцати от Спасского [8]. Несмотря на его смешные стороны, это добрый малый, у которого *для русского человека*, довольно своеобразия и ума. Он вспоминает о вас с восторгом; можете быть уверены, я не сказал ему, что думают о нем в вашем семействе [9].

Пишу вам в Куртавнель, хотя вы еще не велели мне это делать: но предполагаю, что в Лондоне вас уже не должно быть [10]. Сезон заканчивается.— Я только что получил «Атенеум» с небольшой статьей о вашем выступлении в «Сомнамбуле» [11], она доставила мне живейшее удовольствие. Вы ведь поете по-английски, не правда ли?

Думайте немного обо мне и пишите мне во время вашего пребывания в Куртавнеле. Что до меня, то я думаю постоянно — могу сказать это без всякого преувеличения — даже за работой — обо всем, что я оставил, что любимо мною во Франции. Будьте здоровы, вы и все ваши, передайте от меня тысячу добрых пожеланий Виардо и повергните меня к ногам Диди [12]. Сердечно пожимаю вам руки и остаюсь

ваш
И. Тургенев.

[а] *Так в подлиннике.*

[б] самый дорогой друг (*нем.*).

718. Полине Тургеневой (с. 335)

С французского:

Спасское,
8/20 сентября 58.

Дорогая моя девочка, два дня тому назад я вернулся домой [1] и спешу ответить на твое письмо. Нехорошо быть лентяем по отношению к тебе: тотчас рискуешь получить изрядную головомойку! Я очень рад, что ты здорова, и надеюсь, что с тех пор, как вернулась г-жа Виардо, Куртавнель перестал быть ареной внутренних раздоров [2]. Ты очень хорошо сделала, что не приняла в них участия; это не значит, что я склонен проповедовать тебе равнодушие, но лучше держаться немного в стороне, если нельзя никому помочь. Ожидаю теперь от тебя другого письма, которое, надеюсь, будет повеселее.

Г-жа Виардо, вероятно, рассказала тебе, зачем я ездил в Тулу (наш губернский город); думаю, что тебя это не очень интересует [3]. Я много спорил, говорил, кричал, вернулся совсем усталым — но здоровым. Я останусь еще на полтора или два месяца в Спасском,— собираюсь упорно работать и не брошу охоты, которая пока что улыбалась мне только одним глазом; пожалуй, она даже вовсе мне не улыбнулась.

Моя бедная Диана умерла позавчера — и вчера утром мы ее похоронили. Я плакал — и не стыжусь в этом признаться;— это ведь друг покидал меня — а они так редки, на двух ли ногах или на четырех.

Твоя орфография стала лучше,—тем не менее ты пишешь два раза qui dis с окончанием на s — в третьем лице [a].— Обрати внимание на твое фортепиано, потому что кто же будет мне играть будущей зимой? Недостаточно уметь сносно играть две или три вещи; надо уметь бегло разбирать ноты — надо уметь исполнять свою партию в трио: вот тогда доставляешь удовольствие и себе самой и другим. Имеющий уши да слышит.

Надеюсь часто видеть в Петербурге м-ль Ольгу [4]. Я напишу тебе о ней. М-ль Фанни [5] очень добра, что говорит тебе столько приятных вещей; передай ей, что я благодарю ее от всего сердца.— Я напишу г-же Тургеневой [6], чтобы и ее поблагодарить за гостеприимство, которое она тебе оказала в Вер-Буа [7]. Я очень счастлив, что к тебе так расположены; надо стараться все более быть этого достойной.

Поцелуй от меня всех, начиная с Виардо. В особенности поцелуй Диди [8] и скажи, что я жду от нее письма. Продолжай писать мне в Спасское. До свиданья в мае месяце, дорогая Полинетта.

Твой отец
И. Тургенев.

726. Полине Тургеневой (с. 342)

С французского:

Спасское,
11/23 октября 58.

Дорогая девочка, все твои письма начинаются с жалоб; но я уверяю тебя, пишу тебе чаще, чем ты предполагаешь,— или же, может быть, мои письма к тебе не доходят. Наконец, пишу ли я

---

[a] который говорит (*с окончанием второго лица, вместо третьего*).

тебе часто или редко, всё же не следует из за этого вбивать себе в голову, что я забыл тебя, что я не люблю тебя больше с тех пор, как нахожусь в *моей* России, и проч. [1]. Всё это — причуды: я тебе доказал, что люблю тебя, и докажу тебе это еще. Успокойся, вооружись терпением и трудись: остальное придет в свое время.

Я очень благодарю тебя за твое большое письмо, хотя оно все испещрено орфографическими ошибками и его трудно разбирать; но не из-за этого я хочу воевать с тобою сегодня, а совсем по другой причине. Я нашел в твоем письме признаки недостатка, для искоренения которого ты должна приложить все усилия; я говорю о твоей чрезвычайной обидчивости, которая может сделать тебя раздражительной, озлобленной и даже неблагодарной. Г-жа В⟨иардо⟩ забыла пригласить тебя на прогулку — вот так большая беда! Уж не думаешь ли ты, что у нее нет забот, беспокойств, и, быть может, очень важных? Разве у нее не может быть дурного настроения, несмотря на столь совершенную ровность ее характера? Ты уже причинила себе и готовишь себе впредь совсем ненужные страдания из-за своей несчастной обидчивости, которая всего лишь — больное самолюбие. Кто дал тебе право говорить об *отвращении*, которое г-жа В⟨иардо⟩ будто бы питает к тебе? Не чувствуешь ли ты, что будет неблагодарностью хотя бы только подозревать в ней подобное чувство к тебе — в ней, которая всегда относилась к тебе, как мать. Эта манера себя умалять, унижать — тоже не что иное, как самолюбие. Избавься от этого противного недостатка, дитя мое, и будь уверена, что если только очень немногие люди любят нас (и любимы нами) по-настоящему,— то большинство готово питать расположение ко всякому, кто никого не обижает и не огорчает. Предполагать, что другие люди злы — это значит признаваться, что сам не чувствуешь себя добрым. Ты без всякой на то причины испортила себе, как сама говоришь, каникулы 58 года в Куртавнеле; пусть это послужит тебе уроком!

Вот и это урок, и очень длинный — и который, может быть, заставит тебя пожалеть о столь сильном желании иметь от меня письма. Тем не менее я должен был дать его тебе; не будем больше говорить об этом. Должен сказать тебе, что я болел лихорадкой, которую подхватил на охоте; я выздоровел, но еще не выхожу.— Через две недели я покидаю Спасское; зиму проведу в Петербурге [2]. Пиши мне, до нового распоряжения, по следующему адресу:

«В С.-Петербург, *Россия*,
в редакцию журнала „Современник“
для вручения г. И. Т⟨ургеневу⟩».

Нет надобности писать адрес по-русски. Напишу тебе тотчас по прибытии в Петербург. Твои обещания хорошо работать очень радуют меня; постарайся, чтобы к моему возвращению в Париж ты могла сыграть мне бегло сонату Бетховена, написать большое письмо даже без намека на ошибку — и главное — чтобы ты больше не была обидчивой. Вот тогда-то уж я буду тебя любить!

Это не мешает мне очень и очень любить тебя уже и теперь. Желаю тебе доброго здоровья и бодрости. Обнимаю тебя очень крепко и остаюсь

любящий тебя отец
И. Тургенев.

P. S. Тысяча приветов семейству Тургеневых, мое почтение г-же Аран.— Я сообщу тебе известия об Ольге Т⟨ургене⟩вой, как только получу их сам.

735. Полине Тургеневой (с. 347)

С французского:

Моя дорогая Полинетта,

Это письмо будет тебе вручено г-ном Риделем, врачом князя Орлова, который едет завтра в Париж. Одновременно он любезно согласился взять на себя доставление 1000 франков, из которых ты вручишь 800 франков г-же Аран — в уплату за то, что ты должна ей, и как задаток в счет твоих будущих расходов, а 200 франков оставишь себе на одежду. Я назначаю тебе 500 франков в год на эту последнюю статью — надеюсь, что тебе их хватит, и у тебя не будет слишком больших расходов. Если г. Виардо в Париже (об этом ты не пишешь ни слова) — ты сообщишь ему всё это для того, чтобы он знал, как ему поступать, и объяснишь ему, что я не послал ему этих денег лишь потому, что не знал, где он находится. Ну вот, денежный вопрос улажен — перейдем к другим.

Твое письмо прелестно, разумно и без орфографических ошибок: оно доставило мне величайшее удовольствие. Там есть только одна фраза, которую мне хотелось бы вычеркнуть. Ты пишешь мне, что раскаиваешься в своей откровенности со мной. Дитя мое, необходимо, чтобы мы говорили всегда друг другу всё, что у нас на сердце. Это лучшее средство остаться добрыми друзьями. Может быть, я и преувеличил твои недостатки и свои упреки, но это лучше, нежели разводить дипломатию. Она совершенно бесполезна, в особенности же между нами. Итак, прошу тебя, пиши мне всегда с полнейшей откровенностью, и я буду отвечать тем же; ведь мы очень любим друг друга и не можем друг друга обидеть, как ты выражаешься [1].

Завтра же я напишу письмо г-же Тургеневой — чтобы поблагодарить ее за заботу о тебе. Но придется, кажется, писать по твоему адресу, так как я не думаю, чтобы она до сих пор оставалась в деревне.— То, что ты мне пишешь о своем желании быть наставляемой в православии, в высшей степени разумно; мне жаль, что я не подумал об этом тогда, когда был еще в Париже. Кажется, что наш священник, г-н Васильев, говорит по-французски, и к тому же он прекрасный человек.— Я поговорю об этом с г-ном Тургеневым в письме, которое собираюсь ему написать и в котором расскажу ему о том, что происходит здесь в связи с освобождением крестьян [2]. Г-жа Тургенева была совершенно права, говоря с тобою так, как она говорила, и это больше, чем всё, что она сделала, доказывает, как велико ее внимание к тебе; благодарю ее от всего сердца и совершенно согласен с тем, чтобы ты немедленно начала брать уроки.— Возможно, что тебе будет трудно аккуратно посещать русскую церковь — все это будет окончательно устроено в мае,— но пока делайте то, что возможно, или вернее — сделай так, как тебе скажет г-жа Тургенева. Я ей напишу немедленно.

Я уже четыре дня в Петербурге, не выхожу из комнаты, потому что немного простудился, но мне уже лучше. Вот мой адрес: С.-Петербург, Большая Конюшенная, дом Вебера, № 34.

Напиши мне как можно скорее, как можно подробнее и как можно откровеннее. Будь здорова и усердно трудись. Обнимаю тебя от всего сердца и остаюсь навсегда

твой любящий тебя отец

И. Тургенев.

736. Полине Виардо (с. 349)

С французского:

С.-Петербург.
18/29 ноября 1858.

Вот уже целую вечность я не получал от вас писем, дорогая и добрая госпожа Виардо; Полинетта пишет мне, что вы в Пеште [1], на всякий случай пишу вам туда. В Петербурге я уже четыре дня [2], но еще не выходил из комнаты: в дороге схватил довольно сильный бронхит; сейчас мне лучше, но кашель все еще сильный. Вот мой адрес: С.-Петербург, Большая Конюшенная, дом Вебера, № 34. Пишите мне, прошу вас. Вы одна в Пеште или же с вами Виардо? Довольны ли вы публикой и как вам нравятся венгерцы? Я всегда питал слабость к этой энергичной и рыцарственной нации [3]. Кажется, следует оставить всякую надежду увидеть вас в Петербурге; великая княгиня [4] только что уехала. Ходит слух, что вас ждут в Варшаве, правда ли это? [5] Сколько времени вы пробудете в Пеште? Все эти вопросы очень существенны для меня, и, с вашей стороны, было бы большой любезностью на них ответить, иначе я с огорчением предвижу изрядный перерыв в нашей переписке, которой все же не следует дать погибнуть после того, что она так долго продолжалась.

Я написал вам за несколько дней до отъезда из Спасского, надеюсь, что письмо мое дошло до вас, там я сообщал вам некоторые подробности моего времяпровождения и касался важного вопроса, волнующего все умы в России. Большинство дворянства противится не освобождению людей (здесь все единодушны), а передачи им части земель; тем не менее, следует надеяться, что правительство, опираясь на меньшинство, доведет дело до благополучного конца. Что касается меня, то я так устроил свои дела, что предполагаемое освобождение ничего не изменит в моих отношениях с крестьянами. Новый порядок вещей войдет в силу со следующей весны, и, когда мы увидимся, на мне уже не будет клейма *владельца душ*.

Работа, которую я привез из Спасского (я имею в виду свой небольшой роман [6]), одобрена моими здешними собратьями [7], и я рад видеть, что не напрасно терял время.

Theuere Freundinn [a], я с нетерпением жду от вас известий. Напишите мне, хотя бы четыре строчки. Кланяйтесь Виардо, если он с вами. Желаю вам всего самого лучшего и дружески жму вам руки.

Ваш
И. Тургенев.

739. Полине Виардо (с. 351)

С французского:

С.-Петербург,
12/24 декабря 58.

Через три дня исполнится месяц, как я здесь, дорогая и добрая госпожа Виардо, и представьте себе, что я еще не выходил из комнаты и даже не знаю, когда мне будет позволено высунуть нос наружу. Я обречен болеть всякого рода необычными болезнями. На сей раз я страдаю от какого-то першения в горле, мешающего мне не только говорить, но и шептать: малейшая попытка вызывает су-

---

[a] дорогой друг (*нем.*).

дорожный кашель. Это очень неприятно и делает меня если не мрачным, то, по меньшей мере, missmuthig [а] ... Вот причина, по которой я не ответил на письмо Виардо из Пешта с маленькой припиской, сделанной вами [1]. Я так задержался с ответом, что уже не рассчитываю застать вас в Пеште и посылаю это письмо на улицу Дуэ, не зная толком ни где вы находитесь, ни что собираетесь делать зимой.

Я ошибся, написав вам, что великая княгиня Елена покинула Петербург [2], она и останется здесь до весны; но вы, как будто, окончательно оставили мысль о поездке в Россию: вы даже не поехали в Варшаву. Надеюсь повидать вас в мае или июне в Лондоне, если до тех пор поправлюсь.

Мой друг Анненков читал в кругу собратьев по перу роман, написанный мною этим летом [3], и могу сказать, что успех был большой [4]; остается узнать, что скажет публика.

Вопросы реформы, улучшений более, чем когда-либо, стоят сейчас на повестке дня; император проявляет твердость, несмотря на препятствия, которые ему чинят; разрешено обсуждение вопроса о выкупе земель в газетах — это единственное возможное решение. Литература, или, точнее, пресса, испытала довольно сильное потрясение; ни писатели, ни те, кто о них судит, еще не привыкли к условиям гласности; один император препятствует чрезмерному усилению реакции; поэтому мы, более чем когда-либо, сочувствуем правительству.

Я отослал 1000 франков Полинетте — имея эту сумму, она сможет вернуть деньги, которыми снабдила ее некогда г-жа Аран; что до 25 000 франков, предназначенных для нее на эту зиму, они будут приготовлены лишь к февралю [5]. Пожалуйста, напишите мне, где будет Виардо между 15 февраля и 15 марта? В Париже? А где будете вы?

В опере в этом году не слишком многолюдно, публика по-прежнему любит г-жу Бозио, Тамберлик сильно постарел. Дают Верди; недавно был представлен «Граф Ори» [6] с Кальцолари. Негритянский трагик по имени Айра Олдридж дает спектакли, которые необычайно нравятся публике; он играет в «Отелло», «Короле Лире», «Венецианском купце» [7]. Дом Виельгорских развалился [8]. Граф Матвей [9] живет очень уединенно. Рассказываю вам все это по слухам, ибо не покидаю своей комнаты.

14/24 декабря.

Вот уже два дня, как мне лучше, и мой доктор, который только что ушел, обещает, что через несколько дней я смогу выходить. Эта перспектива рассеяла мое blue devils [б], и я надеюсь, что первое же письмо, которое я напишу вам, будет немного более живым, чем это.

Граф Матвей, как будто, намеревается ехать в Париж.

Боюсь, что Полинетта, судя по ее письмам, ведет слишком светскую жизнь и мало работает. Будьте добры пожурить ее за это.

До скорого свидания. Будьте здоровы и не забывайте меня. Тысяча приветов Виардо (в ближайшие дни я напишу ему), г-же Гарсиа, тысяча поцелуев детям, особенно Диди. Дружески жму обе ваши руки.

Ваш

И. Тургенев.

[а] грустным (*нем.*).

[б] мрачное настроение (*англ.*).

740. Полине Виардо (с. 353)

С французского:

С.-Петербург,
15/27 декабря 1858.

Прежде всего большое спасибо за ваше письмо из Веймара, theuerste, liebste Freundinn [а]. Оно дошло до меня за 6 дней; я же отправил вам письмо в Париж только что, очень сомневаясь в том, что вы еще в Пеште. Вы говорите, что написали мне два письма из Пешта — увы, я получил лишь одно — от Виардо [1].

30 декабря 1858
11 января 1859

Прошу извинить мне этот перерыв, дорогая и добрая госпожа Виардо. Может быть, то, что причиной его было мое выздоровление, сделает его более простительным в ваших глазах,— я поспешил воспользоваться разрешением выходить после шестинедельного заточения. В течение почти 10 дней я не принадлежал себе: обеды, визиты, которые я должен был нанести, прием посетителей, новые знакомства [2], печатанье моего романа [3] — это был настоящий водоворот. Но поскольку все в природе стремится к своему центру притяжения — я вновь во власти дорогих и милых воспоминаний о вас, и мне необходимо хоть немного побеседовать с вами.

Наши политические новости (начну с них, чтобы поскорее от них отделаться, как от надоедливого человека) таковы: согласие правительства с необходимостью выкупа земель, принадлежащих крестьянам; учреждение комитета, руководящего литературой, нечто вроде управления по делам печати [4]; одним из членов этого комитета состоит шеф тайной полиции [5]. «Segurito va Ud, señor pollo» [б]. Вот и всё об этом.

Перейдем к литературной смеси. «Негритянский трагик» Айра Олдридж имел огромный успех в ролях Отелло и короля Лира; к сожалению, мне не удалось увидеть его из-за моего *ларингита*; теперь я уже не увижу его из-за г-на Сабурова, нанесшего ему какое-то оскорбление [6]. В опере дают «Графа Ори» с г-жой Бозио и Кальцолари [7]: надо признаться, что исполнение превосходное — дай бог, чтобы с помощью прелестной партитуры этого подлинного маэстро удалось немного потеснить Верди, ибо свергнуть его с престола нет никакой надежды [8]. Г-жа Бозио поет восхитительно, хотя голос ее показался мне немного усталым и вибрирующим; публика по-прежнему очень увлечена ею [9].

Чаще всего я вижусь с княгиней Ламберт, дочерью бывшего министра финансов Канкрина. Она уже немолода и очень болезненна, но симпатична, добра и остроумна. Один раз был у графа Матвея Виельгорского. С графом Михаилом исчезло то, что составляло очарование этого дома [10]. Он спрашивал у меня о вас.

Нас здесь человек 15 старых друзей; мы видимся часто и не сдаемся [11]. Когда стареешь, чувствуешь больше склонности к вещам привычным. Лишь молодости свойственно вырабатывать убеждения, менять привязанности, а мы уже пустили корни и остаемся на прежнем месте, пока не придет жнец, который «косит без отдыха»,

---

[а] самый дорогой и любимый друг (*нем.*).

[б] будьте уверены, сеньор цыпленок (*исп.*).

как поется в вашей песне. Кстати о музыке, что слышно о «Фаусте» Гуно [12]? А раз уж я вступил на путь вопросов — где вы проводите зиму? А весну, а лето? Когда вы отправляетесь в Лондон? И подумать только, что я могу сказать: мы увидимся в этом году, если богу будет угодно — как же это приятно!

Судя по письмам, которые я получаю от Полинетты, в ней, кажется, происходит перемена: она перестает быть ребенком — в этом есть и хорошее и плохое. Мне кажется, она обнаруживает довольно большую склонность к светским развлечениям — надо попытаться ее удержать. Г-жа Аран хорошо делает, что не позволяет ей выезжать слишком часто; ей не следует думать, что уже в мае я возьму ее к себе; она останется в пансионе до осени — а потом надо подумать о зиме. Воспользуйтесь вашим влиянием на нее, прошу вас: она очень любит вас и вам доверяет.

Расскажите мне немного о Диди [13] (ее *группа* так восхитительна, хоть вставляй ее в рамку), о Луизе [14], а особенно о вас. Я краснею, повторяя, что *напишу* Виардо, но сделаю это и очень благодарен ему за два его письма [15]. Дядюшка написал мне [16], что деньги мои дойдут до меня в течение января; как только я получу их, тотчас же вышлю их при посредничестве Штиглица в Париж.

Прощайте — до свидания — через четыре месяца [17]. Будьте здоровы, счастливы и позвольте нежно поцеловать ваши прекрасные и дорогие руки.

Ваш И. Тургенев.

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

Третий том писем И. С. Тургенева включает 376 писем за 1855—1858 годы и два документа за тот же период, отнесенных в раздел «Официальных писем и деловых бумаг», всего 378 эпистолярных текстов, обращенных к 77 адресатам. 353 из них печатаются по автографам (или фотокопиям), находящимся в советских и зарубежных архивохранилищах и частных собраниях. 23 письма, подлинники которых в настоящее время неизвестны, печатаются по наиболее авторитетным публикациям или копиям. 7 писем к П. и Л. Виардо, ранее известные в неполных и неисправных русских переводах, в настоящем издании печатаются во французских оригиналах и полностью. 22 письма к названным адресатам, опубликованные во Франции после выхода в свет первого издания, в Полное собрание сочинений и писем И. С. Тургенева включаются впервые. Впервые сверены с автографами, поступившими в Государственный литературный музей (Москва), письма к М. Н. Лонгинову.

Письма И. С. Тургенева 1855—1858 годов сохранились несколько полнее, чем относящиеся к более ранним периодам, тем не менее пробелы в переписке писателя и в это время значительны. Неизвестны нам, например, письма к писательнице Е. А. Ладыженской, с которой Тургенев переписывался в середине 1850-х годов (сохранилось 20 писем Е. А. Ладыженской к нему), не полностью сохранились письма этого периода к Л. Толстому, Некрасову, Герцену, Фету, Писемскому. По-видимому в это время, неоднократно бывая в Англии, Тургенев вел переписку со своими английскими друзьями, но тем не менее многих из этих писем среди известных нам сегодня мы не находим. Впрочем, это касается, хотя и в несколько меньшей степени, его переписки с литературными деятелями Германии и Франции.

Четырехлетие, отраженное в письмах третьего тома, в биографии Тургенева четко делится на два периода: первый из них протекает в России (Петербург, Москва, Спасское) и характеризуется усиленной литературной деятельностью, осуществлявшейся в тесном сотрудничестве с журналом «Современник», возглавляемым Некрасовым, второй — за границей, преимущественно во Франции и Италии, в отрыве от литературно-общественной жизни России, что усиливает интенсивность переписки, но несколько ослабляет,

особенно в связи с продолжительной болезнью, его творческую активность.

Вернувшись из ссылки в 1853 году, Тургенев быстро включается в литературно-общественную жизнь, входит в близкие отношения с Некрасовым и кругом «Современника», работает над романом «Два поколения» и повестями «Переписка» и «Два приятеля». Правда, первый опыт создания широкого современного социально-психологического романа, каким должны были стать «Два поколения», не был завершен и признан самим автором неудавшимся, но он подготовил Тургенева к осуществлению в 1855 году произведения, хотя и меньшего масштаба, но большого принципиального значения — его первого романа «Рудин», появившегося в «Современнике» незадолго до отъезда автора за границу.

Сближение Тургенева с «Современником» совпало с началом полемики вокруг диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» и его «Очерков гоголевского периода русской литературы», споров между представителями «тенденциозной» и «эстетической» критики, отражавших размежевание общественных сил и начинавшуюся борьбу между революционно-демократической и либерально-дворянской группами в общественной мысли и литературе. В этих спорах о так называемых «гоголевском» и «пушкинском» направлениях Тургенев занимал сложную и во многом противоречивую позицию: он приветствовал восстановление в литературе запретного имени Белинского и оставался приверженцем его литературно-критических принципов, он не разделял взглядов Дружинина и его единомышленников на литературу как на замкнутую в себе чисто эстетическую категорию,— но он не принимал и основного принципа эстетики Чернышевского, заключавшегося в том, что литература должна быть «учебником жизни», считая этот принцип проявлением утилитаризма, умаляющего значение искусства.

Мысль о поездке за границу не оставляла Тургенева, но Крымская война 1854—1856 годов заставила его надолго отложить ее исполнение. Эпистолярные связи с семейством П. Виардо ослабевают, и Тургенев начинает помышлять об устройстве собственного «гнезда». Однако возникшее было намерение жениться на молодой девушке О. А. Тургеневой (в 1854 году) он так и не осуществил, а заключение Парижского мира дало ему возможность 21 июля ст. ст. 1856 года выехать в Париж. Перед отъездом он выпустил трехтомное издание своих «Повестей и рассказов» — итог творческой деятельности более чем за десятилетие, куда вошел и «Рудин», но не были включены— по цензурным причинам — «Записки охотника».

Годы пребывания за границей и путешествий — в Париже и других местах Франции, в Италии, Англии, Австрии, Германии, завершившиеся возвращением в середине 1858 года в Россию и пре-

быванием в Спасском, Петербурге и — на короткие сроки — в Москве— это годы интенсивного творческого труда. В 1857 году написана повесть «Ася», которая вызвала известную статью Чернышевского «Русский человек на rendez-vous», резко подчеркнувшую углубление идейных расхождений между революционными разночинцами-демократами и либеральными литераторами-дворянами. В 1858 году появляется второй из романов Тургенева — «Дворянское гнездо» и пишется роман «Накануне» (опубликован в 1859 году), знаменовавший переход Тургенева от героев рудинского типа к новым героям — «активно-героическим натурам» — и к новым задачам, но вместе с тем и предопределявший назревающий разрыв его с «Современником» и переход в консервативный журнал Каткова «Русский вестник».

Бывая в Лондоне, Тургенев в эти годы встречается с Герценом и негласно сотрудничает в «Колоколе», сообщая материалы из русской общественной жизни. Живя за границей, писатель внимательно и взволнованно следит за первыми робкими шагами русского правительства и дворянства в подготовке крестьянской реформы, а дома, в Спасском, старается, не дожидаясь реформы, осуществить ряд мер для улучшения положения крестьян.

Во время путешествий и пребывания Тургенева за границей укрепляются и расширяются его связи с западноевропейской литературой и общественной жизнью. Об этом свидетельствуют переводы на французский язык «Записок охотника», выполняемые Луи Виардо, Ип. Делаво, Кс. Мармье, а также его письма к М. Гартману, Т. Карлейлю, знакомства с Теккереем, Маколеем, Мериме и другими английскими, французскими, немецкими писателями. В личном плане 1856—1858 годы представляются периодом постоянного общения, личного или эпистолярного, с П. Виардо и ее семейством, с которым теперь тесно связана и воспитывающаяся в Париже дочь Тургенева Полинетта.

Тексты писем третьего тома подготовили к печати и примечания к ним составили:

М. П. Алексеев (676); *А. И. Батюто* (370—372, 375—377, 381, 382, 384, 387, 389—391, 394, 399, 401, 409, 415, 418, 421, 424, 425, 430, 434, 436, 438, 442, 445, 450, 453, 457, 459—462,468, 486, 497, 505, 510, 511, 518, 525—527, 536, 546, 553, 556, 561, 563, 568, 578, 581, 588, 613—615, 632, 651, 659, 661, 663, 675, 700, 706, 719, 727, 733, 734, 742); *К. Ф. Бикбулатова* и *Т. Б. Трофимова* (465, 478, 479—481, 484, 493, 498, 514, 522, 530, 532, 537, 558, 571, 589, 599, 602, 612, 628, 636, 638, 652, 654, 667, 680, 688, 710, 720, 725, 744, 746); *Г. Я. Галаган* (463); *Н. П. Генералова* и *А. Звигильский* (378, 435, 474, 499, 603, 606, 607, 609, 620, 625, 629, 634, 645, 646, 657, 670, 673, 685, 707, 736, 739, 740); *Т. П. Голованова* (410, 443, 471, 494, 560, 569, 582, 583, 594, 671, 672, 684, 698, 712, 715, 721, 745); *Т. П. Ден* и *Р. М. Горохова* (437, 482, 487, 500, 515, 519, 523, 524, 531, 533, 574, 595, 604, 611, 622, 641, 642, 647, 648, 650,

653, 660, 662, 669, 677, 679, 682, 688, 690, 692, 694, 695, 708, 713, 718, 726, 735, 737, 741); *Т. Н. Ден* при участии *Г. Цигенгайста* (699); *Н. В. Измайлов* и *Н. Н. Генералова* (383, 385, 388, 408, 596, 616, 617, 619, 631, 644, 714); *Е. И. Кийко* (416, 417, 423, 427—429, 446, 451, 466, 467, 476, 483, 485, 488—491, 495, 496, 501, 502, 504, 506, 509, 513, 516, 517, 520, 521, 529, 534, 535, 538, 540—542, 544, 547—549, 552, 554, 557, 562, 565, 572, 575, 579, 580, 584, 586, 590, 591, 597, 598, 601, 618, 621, 623, 624, 626, 627, 633, 635, 637, 639, 643, 655, 658, 674, 683, 687, 693, 696, 697, 701, 703, 704, 709, 711, 716, 717, 724, 728—730, 734, 743, Официальные письма и деловые бумаги: 21, 22); *Л. И. Кузьмина* (508); *Ю. Д. Левин* (386); *Н. Н. Мостовская* (576); *Л. Н. Назарова* (373, 374, 379, 380, 395—398, 400, 402—407, 411—414, 419, 420, 422, 426, 431—433, 440, 441, 444, 447—449, 452, 454, 455, 456, 458, 464, 469, 470, 472, 473, 475, 477, 492, 512, 539, 543, 562, 566, 570, 577, 585, 587, 592, 600, 610, 640, 649, 656, 668, 686, 691, 705, 723, 738); *Н. С. Никитина* (507, 550, 593); *Л. Н. Назарова* при участии *Г. Цигенгайста* (393); *Г. В. Степанова* (392); *Е. М. Хмелевская* (722, 731, 732); *Б. М. Эйхенбаум* и *Т. Б. Трофимова* (439, 503, 528, 545, 555, 559, 567, 630, 654, 666, 689); *Е. М. Лобковская* (605, 608).

Техническая подготовка тома осуществлена *Т. Б. Трофимовой*; ею же составлены указатели.

Французские тексты и их переводы печатаются под наблюдением *П. Р. Заборова*, немецкие — *Р. Ю. Данилевского*, английские — *Ю. Д. Левина*.

Редактор тома — *В. Н. Баскаков*.

Редакция издания выражает благодарность проф. *А. А. Гозенпуду* и *Н. М. Чернову* за помощь, оказанную ими при подготовке тома.

1855

370. В. П. Толстому (с. 7)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 29, л. 1.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 1, с. 286.

1 См. письмо 366, примеч. 2 (наст. изд., т. 2).
2 Это письмо М. Н. Толстой к Тургеневу неизвестно.
3 Т. е. с собственной фотографией, которую Тургенев обещал М. Н. и В. П. Толстым.
4 Тургенев уехал из Москвы 3 февраля.

371. О. А. Тургеневой (с. 7)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 31, л. 1.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 252—253.

1 Речь идет о повести «Постоялый двор», написанной еще в 1852 г. ; напечатать ее удалось лишь в 1855 г. (*Совр*, 1855, № 11) с существенными цензурными искажениями. О том, что здесь имеется в виду именно «Постоялый двор», свидетельствует письмо к В. П. Толстому от 3(15) января 1855 г. (№ 370).

372. О. А. Тургеневой (с. 8)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 31, л. 4—5.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 253—254.

1 В этом письме Тургенев подводит итог своим отношениям с О. А. Тургеневой, завязавшимся летом 1854 г. в Петергофе, где О. А. Тургеневу, ее отца и тетку Н. М. Еропкину навещали, кроме Тургенева, Анненков, Панаев, Некрасов, Дружинин (см.: Н а з а р о в а Л. Н. Тургенев и О. А. Тургенева.— *Т сб*, вып. 1, с. 293—299). Вспоминая об этом времени, Дружинин писал Тургеневу: «... теперь только вижу, как мило, тихо и весело проходили вечера в этом доме» (*Т и круг Совр*, с. 186). П. В. Анненков следующим образом оценивал отношения между писателем и О. А. Тургеневой: «Он не отвечал ни на одну из симпатий, которые шли ему навстречу, за исключением разве трогательных связей его с О. А. Т⟨ургеневой⟩ в 1854 году, но и она длилась недолго и кончилась ⟨. . .⟩ мирным разрывом и поэтическим воспоминанием о прожитом времени» (*Анненков*, с. 391).

2 Тургенев имеет в виду распространившиеся слухи о его женитьбе на О. А. Тургеневой. Так, в одном из писем И. С. Аксакова к отцу (от 21 августа ст. ст. 1854 г.) из Харькова читаем: «. . . здесь мне рассказывали про него ⟨Тургенева⟩, что он женится, одни говорят — на какой-то Тургеневой же» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 22—23).

373. Е. А. Черкасской (с. 9)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 327, раздел II, п. 14, № 94.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 221—222, с датой: 17 (29) января 1855 г.

Датируется по связи с письмом к В. А. Черкасскому от 18 или 19 (30 или 31) января 1855 г. (см. № 374), в котором речь идет также о предполагаемой поездке в Абрамцево, и на основании упоминания о рассказе «Переписка», законченном в Петербурге 8 (20) декабря 1854 г., привезенном в Москву в качестве новинки и, как видно из письма, данном в рукописи для чтения Е. А. Черкасской. Так как 20 или 21 января (1 или 2 февраля) 1855 г. Тургенев был уже в Абрамцеве (см. обоснование датировки вышеупомянутого письма к В. А. Черкасскому), настоящее письмо с пометой «понедельник» можно датировать 17(29) января 1855 г. (во второй половине этого месяца понедельники приходились на 17, 24 и 31).

[1] В. А. Черкасский собирался с Тургеневым в Абрамцево, чтобы познакомиться с С. Т. Аксаковым, но на этот раз не осуществил своего намерения. К Аксаковым он приехал лишь 7 августа 1855 г. (см.: Аксакова В. С. Дневник. СПб., 1913, с. 117).

374. В. А. Черкасскому (с. 9)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 327, раздел II, п. 14, № 94.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 222, с приблизительной датировкой: 20-е числа января 1855 г.

Дата может быть уточнена на основании записи в дневнике В. С. Аксаковой от 25 января 1855 г.: «Через пять дней после возврата Константина из Москвы приехал перед обедом Тургенев со Щепкиным; его мы ждали, но не ждали Щепкина» (Аксакова В. С. Дневник. СПб., 1913, с. 40). К. С. Аксаков, о котором идет здесь речь, был в Москве на торжествах по случаю юбилея Московского университета, происходивших 12—14 января, и возвратился в Абрамцево 16 января (там же, с. 37). Таким образом, Тургенев с М. С. Щепкиным приехали к Аксаковым 20 или 21 января. Письмо же написано Тургеневым, очевидно, за день или за два до поездки, т. е. 18 или 19 (30 или 31) января 1855 г.

375. М. Н. Толстой (с. 9)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 27, л. 12.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 1, с. 287.

Адресат устанавливается по обращению: «кумой», «милой кумой», «моей кумой» Тургенев называл в письмах М. Н. Толстую. Это подтверждается и примечанием М. Н. Толстой на втором листе письма: «Я с ним крестила у его спасского доктора Порфирия, к⟨оторый⟩ был крепостной его матери; по просьбе Ив⟨ана⟩ Сер⟨геевича⟩ был послан учиться за границу и был в Берлине в университете». Датируется предположительно временем пребывания Тургенева в Москве в январе 1855 г., а также по связи с другим письмом к М. Н. Толстой (№ 376), содержащим упоминания о болезни, последствия которой беспокоили Тургенева и после отъезда из Москвы (см. № 377).

376. М. Н. Толстой (с. 10)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 27, л. 10.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 1, с. 287.

Мотивировку даты см. в примечании к письму 375. Настоящая записка не могла быть написана позже, чем за 3 дня до выезда Тургенева из Москвы, т. е. до 3 (15) февраля.

377. М. Н. и В. П. Толстым (с. 10)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 156.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 104—105.

[1] Из Москвы 3 (15) февраля.

[2] См. письмо 360, примеч. 8 (наст. изд., т. 2).

[3] Рассказ «Переписка», после того как цензор Бекетов не разрешил его печатать в «Современнике» (см. письмо 406), был отдан в «Отечественные записки» и там напечатан через год (*Отеч Зап*, 1856, № 1). Здесь речь идет о корректуре «Переписки», набранной для «Современника». В. П. Боткин в это время еще принимал близкое участие в делах «Современника».

[4] Следующее свидание с М. Н. и В. П. Толстыми состоялось в Спасском, куда Тургенев приехал 12 (24) апреля.

378. Полине Виардо (с. 11 и 363)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).
Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 78—81.

[1] Тургенев вернулся из Москвы в Петербург 7 (19) февраля.

[2] Упоминаемое Тургеневым письмо неизвестно.

[3] Тургенев был в Москве с 8 (20) января по 3 (15) февраля.

[4] Установить, о каких новых знакомствах идет речь, не удалось. В это время Тургенев присутствовал на юбилейных торжествах Московского университета, навещал Аксаковых в Абрамцеве, часто виделся с М. Н. и В. П. Толстыми, А. Н. Островским, Е. А. и В. А. Черкасскими и др.

[5] Очевидно, имеется в виду повесть «Яков Пасынков», начатая, согласно помете на рукописи, 13 (25) февраля и оконченная 25 февраля (9 марта) (см.: наст. изд., Сочинения, т. 5, с. 402); возможно, речь идет и о переделке «с основания» романа «Два поколения», о которой Тургенев писал С. Т. Аксакову (письмо 405, примеч. 3). О намерении издать переводы Горация, выполненные Фетом, Тургенев сообщал К. Н. Леонтьеву (письмо 380), о больших литературных планах на весну, лето и осень 1855 г. он писал М. Н. Толстой (письмо 387).

[6] См. письмо к М. Н. и В. П. Толстым от 22 марта (3 апреля) 1855 г. (№ 391, примеч. 3).

[7] Тургенев выехал из Петербурга в Спасское 6(18) апреля.

[8] М.-А. Лагранж действительно не приехала в Петербург в следующем, 1856 году. Она выступала в России в сезоны 1853, 1854 и 1855 гг. А. Бозио пела в Петербурге четыре сезона — с 1855 по 1859 г. Надежды Тургенева на возобновление ангажемента П. Виардо в Петербурге не оправдались. Ее последний концерт в Петербурге состоялся 26 апреля 1853 г.

[9] См. письмо 372, примеч. 1.

[10] Речь идет о собрании сочинений Пушкина в семи томах, изданном П. В. Анненковым в 1855—1857 гг. 17 февраля (1 марта) Тургенев присутствовал на обеде, данном Анненкову друзьями по случаю выхода первого тома этого издания (см. письмо 382, примеч. 4, 5).

[11] Цитируемое Тургеневым стихотворение Пушкина «Прощанье», написанное в 1830 г., по своему содержанию и настроению созвучно характеру отношений Тургенева и П. Виардо в это время. У Пушкина последняя строка белового автографа: «Пред заточением его» (*Пушкин*, т. 3, 1948, с. 233). Это стихотворение упоминается в повести «Яков Пасынков» (см.: наст. изд., Сочинения, т. 5, с. 75). Письмо к П. Виардо с переводом стихотворения Пушкина на французский язык неизвестно.

379. **А. Н. Островскому** (с. 13)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, М. 8227/15, л. 1—2.
Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1896, № 12, с. 55.

[1] Тургенев был у Островского в январе 1855 г., когда приезжал в Москву на юбилей университета.

[2] П. С. Федоров в 1853—1879 гг. был начальником репертуарной части петербургских театров. По просьбе Островского Тургенев согласился взять на себя хлопоты перед Федоровым об определении И. Ф. Горбунова в Александринский театр. По-видимому, хлопоты в конце концов увенчались успехом, так как 17 февраля 1856 г. состоялся дебют Горбунова на сцене этого театра.

[3] А. Я. Панаева вспоминает, что сразу после появления комедии Островского «Свои люди — сочтемся» Некрасов «чрезвычайно заинтересовался автором и хлопотал познакомиться с Островским и пригласить [его] в сотрудники „Современника“» (П а н а е в а А. Я Воспоминания. М., 1972, с. 217). Последняя к тому времени пьеса Островского «Не так живи, как хочется» не была, однако, напечатана в «Современнике» вследствие ее славянофильского направления (идеализации патриархальности), и, вероятно, сам Островский не захотел этого, так как «Современник» незадолго до того (в № 5 за 1854 г.) поместил написанную Н. Г. Чернышевским резко отрицательную статью о комедии «Бедность не порок» (*Чернышевский*, т. 2, с. 232—240). Пьеса «Не так живи, как хочется» появилась впервые в «Москвитянине» (1855, т. V, № 17 и 18, сентябрь, кн. 1 и 2, с. 17—70).

[4] Иллюстрации П. М. Боклевского к комедиям Островского были изданы в виде литографий в 1859—1860 гг. (см.: К у з ь м и н с к и й К. Художник-иллюстратор П. М. Боклевский, его жизнь и творчество. М., 1910, с. 9).

[5] 13 января 1855 г. датировано прошение А. Ф. Писемского на имя Л. А. Перовского о зачислении на службу по Министерству уделов (см.: *Писемский*, с. 79—80).

380. **К. Н. Леонтьеву** (с. 14)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, № 4855/12, л. 1—2.
Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1886, № 12, с. 76—77.

[1] Эти письма Леонтьева к Тургеневу неизвестны.

[2] Тургенев возвратился в Петербург 7 (19) февраля (см. письмо 377).

[3] «Лето на хуторе» Леонтьева было опубликовано в пятой книжке «Отечественных записок» за 1855 г.

[4] Вероятно, Тургенев имеет в виду комедию в четырех действиях «Трудные дни» (см.: Леонтьев К. Страницы воспоминаний. СПб., 1922, с. 35).

[5] См. письмо 340, примеч. 2 (наст. изд., т. 2).

[6] Еще 1 ноября 1853 г. Леонтьев писал Краевскому: «Очень рад, что „Ночь па пчельнике“ понравилась Вам» (*ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 81).

[7] Леонтьев никак не предполагал, что и этот его очерк («Ночь на пчельнике») будет запрещен цензурой. В письме к Краевскому от 14 октября 1853 г. он указывал, имея в виду это произведение: «〈. . .〉 допустить запрещение цензурой было бы совершенно не в порядке вещей!» (*ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 79). Впоследствии очерк «Ночь на пчельнике» был опубликован в «Московских ведомостях» (1857, № 146, с подписью «К. Л.»).

[8] Возможно, что речь идет о двух главах из большой повести Леонтьева «Второй брак», которая значительно позже, в 1860 г., была опубликована в четвертой книжке «Отечественных записок». Упоминание об этом произведении см. в кн.: Леонтьев К. Страницы воспоминаний, с. 35.

[9] Не ясно, о каких именно произведениях идет речь, так как письмо Леонтьева к Тургеневу, в котором он писал о них, неизвестно.

[10] Тургенев не совсем точно и с пропуском второго стиха,— очевидно, по памяти,— цитирует «Фауста» Гёте, где в «Vorspiel auf dem Theater» («Пролог в театре») эти слова произносит Lustige Person (комик, шут):

Greift nur hinein ins volle Menschenleben!
Ein jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt,
Und wo ihr's packt, da ist's interessant.

Перевод Тургенева в «Литературных и житейских воспоминаниях»: «Запускайте руку (лучше я не умею перевести) внутрь, в глубину человеческой жизни! Всякий живет ею, не многим она знакома.— И там, где вы ее схватите, там будет интересно!» (наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 94).

[11] «Оды Квинта Горация Флакка в четырех книгах в переводе с латинского А. Фета» вышли отдельным изданием в начале 1856 г. (ценз. разр. 16 марта). См. также письмо 459, примеч. 1.

[12] Тургенев выехал из Петербурга 6(18) апреля, а в Спасское прибыл 12(24) апреля 1855 г. (см. письмо 403).

381. **А. А. Краевскому** (с. 15)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 182—183.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 31—32, с примечанием: «Письмо это без означения времени написания; по всему вероятию, оно относится к 1856 году».

Датируется на основании: 1) сопоставления с письмом Тургенева к К. Н. Леонтьеву от 11 (23) февраля 1855 г. (№ 380), где говорится, что конфликт между Краевским и М. Л. Михайловым произошел 8 или 9 февраля ст. ст. 1855 г. Следовательно, письмо написано не ранее этих чисел; 2) Тургенев пишет: «Посылаю Вам стихотворение Фета» — конечно, для напечатания, а не для отзыва.

За 1855 г. в «Отечественных записках» напечатаны только три стихотворения Фета: два в майском номере и одно в мартовском. Естественно предположить, что именно это последнее — «Амимона» — с одобрения Тургенева и было напечатано (*Отеч Зап*, 1855, № 3, ценз. разр. 4 марта ст. ст.); 3) понедельники после 8 или 9 февраля 1855 г. приходились на 14, 21 и 28 числа ст. ст. этого месяца. Последние два исключаются, так как Тургенев в этом письме отмечает, что еще не выходит после болезни. Между тем известно, что 17 февраля ст. ст. он уже смог присутствовать на обеде в честь Анненкова (см. письмо 382, примеч. 5). Таким образом, дата настоящего письма определяется с точностью до одного дня.

[1] Стихотворение А. А. Фета «Амимона», см. выше.

[2] Речь идет о конфликте Краевского с Михайловым. Испытывая крайнюю нужду, Михайлов попросил у Краевского «денег вперед» и встретил отказ (см. письма 380 и 386, примеч. 3).

382. **М. Н. и В. П. Толстым** (с. 16)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 157. Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 105—106.

[1] Цитата из стихотворения Пушкина «Зимнее утро».

[2] Очевидно, речь идет об одном из очередных представлений пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок» на сцене Малого театра в Москве. Премьера этой пьесы состоялась 25 января ст. ст. 1854 г. и прошла с большим успехом.

[3] Имеется в виду второе, шеститомное издание «Сочинений Н. В. Гоголя» (М., 1855—1856), выпущенное Н. Трушковским. После смерти Гоголя цензура долгое время препятствовала изданию Сочинений, и только 2 июня 1855 г. ее разрешение было получено. Возможно, что Тургенев располагал сведениями о предварительном решении цензуры.

[4] Речь идет о труде П. В. Анненкова «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина», составляющем I том «Сочинений Пушкина», который вышел в свет в конце января ст. ст. 1855 г.

[5] Во время обеда, данного 17 февраля (1 марта) 1855 г., друзья Анненкова преподнесли ему I том «Сочинений Пушкина» (см. выше, примеч. 4), переданный впоследствии в Симбирский музей и хранившийся там до Октябрьской революции. В описании экспонатов Симбирского музея отмечалось: «Этот экземпляр из библиотеки покойного П. В. Анненкова представляет большой автографический интерес по имеющейся в нем рукописной странице, на которой значится: „Автору образцовой биографии Пушкина и добросовестному издателю сочинений великого нашего поэта Павлу Васильевичу Анненкову от его литературных друзей и знакомых, в память обеда 17-го февраля 1855 года“. Далее следуют подлинные подписи: „Иван Тургенев, Иван Панаев, Василий Боткин, Ник. Некрасов, Александр Дружинин, Мих. Михайлов, Михаил Авдеев, Алексей Писемский, А. Майков, Г. Геннади, В. Гаевский, Е. Корш, М. Языков, А. Жемчужников, гр. Алексей Толстой, Арапетов, Н. Гербель, Я. Полонский“» (Каталог музея Симбирской губернской ученой архивной комиссии. Симбирск, 1905, с. 69). В настоящее время этот экземпляр находится в Государственном литературном музее (см. сообщение «18 автографов на одной книге», напечатанное в газете «Вечерняя Москва» от 13 августа 1960 г.).

[6] В комментарии к первой публикации настоящего письма этот Ермолов ошибочно раскрыт как Алексей Петрович Ермолов (*Сб ГБЛ*, с. 118). А. П. Ермолов был начальником ополчения, но не петербургского, а московского. Здесь же подразумевается «уволенный из полковников генерал-майором» Дмитрий Николаевич Ермолов, «высочайшим повелением» назначенный начальником одной из дружин петербургского ополчения (см.: *СПб Вед*, 1855, 15 марта). В своем письме Тургенев сообщает только о предварительных выборах командного состава ополчения, состоявшихся на собрании петербургского дворянского общества 13 февраля ст. ст. 1855 г., т. е. накануне написания письма к Толстым.

[7] Очевидно, князь И. Л. Шаховской, сосед М. Н. и В. П. Толстых. Тургенев был знаком с Шаховским и вместе с ним бывал у Толстых (*Т сб*, вып. 2, с. 254). Однако в цитированном выше (см. примеч. 6) «высочайшем повелении» имя И. Л. Шаховского не упомянуто.

[8] А. В. Зиновьев в 1853 г. еще состоял в штабе гвардии резервного кавалерийского корпуса. О его назначении в командный состав петербургского ополчения см.: *СПб Вед*, 1855, 15 марта; см. также в «Сборнике биографий кавалергардов» (СПб., 1908, с. 154.)

[9] «Вещица» — повесть «Яков Пасынков», начатая, согласно помете на рукописи, 13 февраля 1855 г. (*Mazon*, p. 56).

383. **В. П. Боткину** (с. 17)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60900.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 46.

Датируется по связи содержания с письмами Боткина к Тургеневу от 24 февраля (8 марта) 1855 г. (*Боткин и Т*, с. 46—48) и Тургенева к Боткину от 4 (16) марта 1855 г., а также на основании пометы: «Вторник»; этот день приходился в 1855 г. на 15 и 22 февраля, 1 и 8 марта ст. ст. Наиболее вероятная дата — 22 февраля ст. ст.

[1] Боткин провел несколько дней, между 8 и 19 февраля ст. ст. 1855 г., в Петербурге, живя на квартире у Тургенева. 17 (20) февраля Тургенев и Боткин принимали участие в обеде, данном друзьями П. В. Анненкову в ознаменование выхода в свет первого тома семитомного собрания сочинений Пушкина с материалами для его биографии, приготовленного и изданного Анненковым (см. письмо 382, а также: *ИВ*, 1907, № 8, с. 512). Восклицание Тургенева: «А в какой ты день уехал!» — намекает на смерть Николая I (18 февраля) и вступление на престол Александра II (19 февраля ст. ст.).

384. **М. Н. и В. П. Толстым** (с. 17)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 30, л. 1.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 1, с. 288.

[1] Тургенев имеет в виду смерть Николая I (18 февраля ст. ст. 1855 г.). В его восприятии это событие было потрясающим прежде всего своей неожиданностью, а также возможными последствиями: за мрачной эпохой реакции, завершавшейся со смертью Николая I, возникали надежды на лучшее будущее, общественный подъем и социальные реформы. Вполне возможно, что в словах Тургенева содержится намек и на то, что, по распространившимся сразу после смерти царя слухам, его смерть была самоубийством. По словам био-

графа Николая I, «в столице тотчас же начала ходить молва о том, что государь, не пережив последних огорчений, отравился 〈. . .〉 До настоящего времени нет достаточно данных, чтобы судить, насколько все эти слухи были обоснованы» (Полиевктов М. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918, с. 376; ср.: Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л., 1950. Т. 2, с. 342—353).

[2] Подразумевается письмо 382.

385. **В. П. Боткину** (с. 18)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60901.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 48, с ошибочной датой — 25 февраля.

Ответ на письмо Боткина от 24 февраля (8 марта) 1855 г. (*Боткин и Т*, с. 46—48).

386. **М. Л. Михайлову** (с. 18)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 1111, оп. 2, № 45, л. 2.

Впервые опубликовано: *Орл сб*, *1960*, с. 210.

Датируется второй половиной февраля 1855 г. как следующее после письма к А. А. Краевскому от 14 (26) февраля (см. письмо 381).

[1] Речь идет о ходатайстве Тургенева за Михайлова перед Краевским (см. письмо 381, примеч. 2).

[2] Ответное письмо Краевского неизвестно.

[3] Позднее Тургеневу удалось примирить Михайлова и Краевского, как это видно из недатированного письма Михайлова: «Тургенев сообщил мне, почтеннейший Андрей Александрович, что Вы, снисходя к моему крайне грустному положению, решились забыть неосторожные и опрометчивые выражения, которые могли огорчить Вас в моей к Вам записке, и хотите помочь мне по мере возможности» (*Орл сб*, *1960*, с. 210). Однако сотрудничество Михайлова в «Отечественных записках» после конфликта с Краевским фактически прекратилось. В дальнейшем он опубликовал там только несколько переводов («Дифирамб». Из Шиллера — 1855, № 8; Песни Гейне: «Безбрежное море кругом», «Объятый туманными снами», «Как из облачного дыма» — 1857, № 12).

[4] Очевидно, речь идет о М. В. Авдееве. Михайлов и Авдеев были знакомы по Нижнему Новгороду, где они служили до 1852 г. Авдеев, выйдя в отставку, поселился в своей деревне в Уфимской губернии, но часто приезжал в Петербург. В частности, в Петербурге он находился в конце 1854 — начале 1855 г. (см. письма Е. Вердеревскому к нему от 6 декабря 1854 г. и 12 января 1855 г.: *Рус Ст*, 1902, № 8, с. 272—276).

387. **М. Н. Толстой** (с. 18)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 145.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 106—107.

[1] Тургенев не только делился литературными планами с М. Н. Толстой, но и читал или давал ей на отзыв свои готовые произведения («Постоялый двор», «Переписку», «Рудина», «Фауста»).

388. В. П. Боткину (с. 19)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60902.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 48—49.

[1] Письмо 383, отправленное, очевидно, вместе с посылкой и со вложением квитанции на нее.

[2] Вторник на Фоминой неделе в 1855 г. приходился на 5 (17) апреля. Тургенев выехал из Петербурга в Москву и затем в Спасское одним днем позже, в среду 6 (18) апреля (см. письмо 393).

[3] Графиня — М. Н. Толстая, находившаяся в это время в Москве. О плохом ее самочувствии, физическом и моральном, вследствие разлада с мужем — гр. В. П. Толстым, Боткин сообщал Тургеневу в письме от 24 февраля (8 марта) 1855 г. (*Боткин и Т*, с. 46—47); на вопрос Тургенева «о здоровье графини» Боткин отвечал 12 (24) марта (там же, с. 49—51).

[4] «Все здешние» — очевидно, общие друзья Тургенева и Боткина, близкие к редакции «Современника»,— Некрасов, Панаев, Григорович, Дружинин. Анненков и др.

389. А. А. Краевскому (с. 20)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 190.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 24—25, с предположительной датировкой — конец 1854 — начало 1855 г.

Датируется на основании сопоставления с письмом 390 (к Краевскому от середины марта ст. ст. 1855 г.), из которого видно, что в этом письме идет речь также о «Якове Пасынкове». Авторские пометы на рукописи повести свидетельствуют о том, что она начата 13 (25) февраля 1855 г., окончена 25 февраля (9 марта) 1855 г. (см. *Mazon*, р. 56). Всё это вместе взятое позволяет датировать настоящее письмо концом февраля — началом марта ст. ст. 1855 г.

[1] Повесть — «Яков Пасынков».

[2] Тургенев не хотел, чтобы об этом узнала редакция «Современника», также рассчитывавшая на его сотрудничество (см. письмо 351, примеч. 2 — наст. изд., т. 2).

390. А. А. Краевскому (с. 20)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 192.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 25—26, с предположительной датировкой — начало марта ст. ст. 1855 г.

Датируется на основании пометы на письме, сделанной Краевским: «Послано 125 р. 17 марта ⟨ст. ст.⟩ 1855 г.» Таким образом, поскольку письмо местное, его можно датировать серединой марта ст. ст. 1855 г.

[1] Речь идет о повести «Яков Пасынков», напечатанной в «Отечественных записках» (1855, № 4).

391. М. Н. и В. П. Толстым (с. 21)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 30, л. 3.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 1, с. 288—289.

[1] Тургенев выехал в Москву и в Спасское 6 (18) апреля 1855 г. (см. письма 392 и 393).

[2] Любовь Антоновна и Александр Антонович Дельвиги.

[3] Предположение Тургенева о зачислении его в ополчение весной 1855 г. имело под собой реальную почву, так как назначенный в ополчение его брат Н. С. Тургенев участия в нем не принял (см.: Чернов Н. М. Тема крымского ополчения 1855 года у Тургенева.— *Т сб*, вып. 5, с. 225—227).

392. **Е. Я. Колбасину** (с. 21)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 408, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Сочинения*, т. 15, с. 195.

Письмо датируется по содержанию и по сопоставлению с письмом С. Т. Аксакова к Тургеневу от 16(28) мая 1855 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 25) и ответным письмом Тургенева от 2(14) июня 1855 г. (№ 403), из которых следует, что Тургенев виделся с В. А. Соллогубом до своего отъезда из Петербурга в Спасское. Письмо датируется ближайшими понедельниками, предшествующими выезду Тургенева из Петербурга (в среду 6(18) апреля 1855 г.). В Спасское должен был выехать и Колбасин, в связи с чем Тургенев и известил его о переносе дня выезда.

393. **А. Ф. Видерту** (с. 22)

Печатается по копии: *ГПБ*, ф. 865, И. А. Шляпкина, № 10, л. 88.

Впервые опубликовано: Вестник всемирной истории, 1900, № 6, с. 90.

Подлинник, находившийся до Второй мировой войны в архиве Фарнгагена фон Энзе, в Прусской государственной библиотеке в Берлине (теперь Немецкая государственная библиотека), в настоящее время неизвестен.

[1] Тургенев приехал в Спасское 12(24) апреля 1855 г., о чем писал С. Т. Аксакову 2(14) июня 1855 г. (письмо 403).

[2] Письмо Видерта к Тургеневу от 25 марта (6 апреля) 1855 г. Хранится в *Bibl Nat*, отдел рукописей, Slave 81, Manuscrits de Tourguénev VIII, Correspondance 2, л. 53—54 об.

[3] Речь идет о рецензиях на немецкий перевод первой части «Записок охотника», выполненный Видертом (Aus dem Tagebuche eines Jägers, von I. Turghenev, Deutsch von A. Viedert. Berlin, 1854). Эти рецензии начали появляться в немецких газетах в первой половине ноября н. ст. 1854 г. Одна из них была написана известным немецким писателем, впоследствии знакомым Тургенева, П. Гейзе; она появилась в «Literaturblatt des Deutschen Kunstblattes» (1854, № 23, 16 ноября, п. 96). 8 декабря н. ст. 1854 г. Видерт писал Тургеневу: «Я собрал уже более двадцати рецензий и почти через день является новая». В частности, рецензии на немецкий перевод «Записок охотника» появились в таких изданиях, как «Allgemeine Zeitung» (Augsburg), «Deutsches Museum», «Europa», «Nationalzeitung» (Berlin), «Blätter für literarische Unterhaltung» (Leipzig). Далее Видерт указывал, что перевод первой части «Записок охотника» «имеет такой успех, что книгопродавец ⟨. . .⟩ вероятно, скоро пожелает издать и вторую часть» (*Bibl Nat*, отдел рукописей, Slave 81, л. 46 об.— 47). О переводе Видертом на немецкий язык «Записок охотника» см. подробно: Алексеев М. П. Мировое значение

Записок охотника».— В сб.: «Записки охотника» И. С. Тургенева. 1852—1952. Орел, 1955, с. 49—53. 26 ноября (8 декабря) 1854 г. Видерт из Берлина сообщил В. П. Гаевскому: «Книга Тургенева нашла здесь очень много обожателей...» (см.: Levin Ju. D., Nazarova L. N. Briefe A. Viedert über die erste deutsche Ausgabe der «Aufzeichnungen eines Jägers».— В сб.: I. S. Tourgenev und Deutschland. Berlin: Academie-Verlag, 1965, B. 1, S. 179).

[4] Н. А. Некрасов приехал позднее. 19 апреля 1855 г. он сообщил Тургеневу из Ярославля: «...завтра буду в деревне» (*Некрасов*, т. 10, с. 221).

[5] К Тургеневу в Спасское Некрасов в мае 1855 г. не приезжал. В письме к нему от 30 июня — 1 июля ст. ст. Некрасов писал: «Слышал я от Боткина и других друзей, как они славно провели у тебя в деревне время. Я тоже порывался к вам, да был в такой хандре, что мог только испортить общее веселье» (*Некрасов*, т. 10, с. 224).

[6] Некрасов действительно собирался в этом году за границу для лечения. 12 августа ст. ст. 1855 г. он писал Тургеневу: «Мне предстоит или уехать как можно скорее за границу, или на 8 месяцев запереться в четырех стенах. На днях на что-нибудь решусь...» (*Некрасов*, т. 10, с. 232). Но осуществить эту поездку ему удалось лишь в следующем году.

[7] Мирный трактат был подписан в Париже в марте 1856 г., но слухи о возможном заключении мира стали распространяться еще за год до того, после смерти Николая I, в связи с Венской конференцией послов (см.: Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л., 1950, Т. 2, гл. 12).

[8] Видерт работал над переводом «Записок охотника» с 1851 г. и в различных немецких газетах и журналах опубликовал отдельные рассказы еще в 1852—1853 гг. Однако, как упоминалось выше (см. примеч. 3 к данному письму), ему в 1854 г. удалось напечатать одну лишь первую часть своего перевода. Что же касается второй части, то она вышла в переводе другого лица (А. Больтца) в следующем году, причем переводчик допустил массу ошибок. К большому неудовольствию Видерта, в 1858 г. переводы обеих частей книги Тургенева были перепечатаны вместе (см. об этом: Алексеев М. П. Первый немецкий перевод «Ревизора».— В сб.: Гоголь. Статьи и материалы. ЛГУ, 1954, с. 223—224).

[9] Л. Пич— друг Тургенева. В своих воспоминаниях о Тургеневе он, между прочим, пишет: «Молодой русский немец Видерт, лично знакомый с Тургеневым, весьма увлеченный талантом поэта, тщательно перевел „Записки охотника" на немецкий язык 〈. . .〉 Большинство читающей публики в Германии не поняло сначала всех достоинств этих рассказов 〈. . .〉 Между прочим, молодой Пауль Гейзе был горячо увлечен ими...» (Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1884, с. 155—156. См. также: Iwan Turgenjew. Briefe an Ludwig Pietsch. Herausgegeben von Christa Schultze. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1968, S. 151).

394. А. А. Фету (с. 22)

Печатается по тексту первой публикации: *Фет*, ч. 1, с. 104, где дано в отрывке.

Подлинник неизвестен.

Датируется на основании следующих данных. Новое собрание стихотворений Фета, о котором здесь идет речь, появилось в печати с предисловием Тургенева, датированным февралем 1856 г.; дата

цензурного разрешения этого издания — 11 февраля 1856 г. Таким образом. настоящее письмо могло быть написано не позднее 1855 г. В середине 1855 г. редакционная подготовка нового сборника стихотворений Фета уже велась (см. письма Тургенева к В. П. Боткину, а также письмо Боткина к Тургеневу от 10 (22) июля 1855 г.— *Боткин и Т*, с. 63), между тем в настоящем письме Тургенев еще только испрашивает у Фета разрешение на такого рода подготовку. Письмо, надо полагать, написано зимою 1855 г., между 8 (20) февраля и 6 (18) апреля, когда Тургенев жил в Петербурге (см. письма 383 и 396) и встречался со всеми названными в письме лицами. Косвенные данные в подтверждение того, что письмо написано зимой 1855 г., находим в воспоминаниях Фета; он пишет: «Около этого времени у меня завязалась оживленная переписка с Тургеневым...» (*Фет*, ч. 1, с. 104). Но «около этого времени» была именно зима 1855 г. (см. там же, с. 103).

[1] Фет вспоминал впоследствии: «Конечно, я усердно благодарил кружок, и дело в руках его под председательством Тургенева закипело. Почти каждую неделю стали приходить ко мне письма с подчеркнутыми стихами и требованиями их исправлений. Там, где я не согласен был с желаемыми исправлениями, я ревностно отстаивал свой текст, но по пословице: „один в поле не воин“ — вынужден был соглашаться с большинством, и издание из-под редакции Тургенева вышло настолько же очищенным, насколько и изувеченным» (*Фет*, ч. 1, с. 104—105). Подробнее об этом см.: Благой Д. Д. Тургенев — редактор Фета.— Печать и Революция, 1923, № 3; Бухштаб Б. Я. Судьба литературного наследства А. А. Фета.— *Лит Насл*, т. 22—24. М., 1935.

[2] Это письмо Фета до нас не дошло.

395. **А. Н. Островскому** (с. 23)

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ*, ф. А. Н. Островского, № 20011.

Впервые опубликовано: *Из архива Островского*, с. 585, с ошибочной датировкой — 1855, январь.

Письмо несомненно написано 7 (19) апреля 1855 г., так как Тургенев приехал в Москву именно в этот день, о чем свидетельствует его письмо к А. Ф. Видерту из Петербурга от 5 (17) апреля 1855 г. (№ 393), в котором сообщается о выезде из столицы 6 (18) апреля.

396. **Н. А. Некрасову** (с. 23)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, 21173, л. 4.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 5-6, с. 31—32.

[1] Тургенев имеет в виду письмо к нему Некрасова от 19 апреля ст. ст. 1855 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 221).

[2] В своем письме Некрасов сообщал Тургеневу о смерти сына (от А. Я. Панаевой) Ивана, которую он тяжело переживал. На это обстоятельство и намекает Тургенев.

[3] В письме от 30 июня — 1 июля ст. ст. 1855 г. Некрасов сообщал Тургеневу, что здоровье его «крайне худо», но тем не менее ему хочется «ехать в Севастополь» (*Некрасов*, т. 10, с. 222).

[4] Тургенев выехал из Спасского на охоту 18 (30) апреля (см. письмо 403).

[5] Петров день — 29 июня ст. ст.— начало сезона летней охоты.
[6] Е. Я. Колбасин в это время жил у Тургенева в Спасском.
[7] «Стихотворения Н. Некрасова» вышли в 1856 г. в Москве (ценз. разр. 14 мая).

397. **Д. Я. Колбасину** (с. 24)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, № 264.

Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1894, № 6706, 29 октября (10 ноября).

[1] Е. Я. Колбасин в это время гостил у Тургенева в Спасском.
[2] П. В. Анненков летом 1855 г. в Спасское не приезжал.
[3] В ответном письме от 13 (25) мая 1855 г. Д. Я. Колбасин сообщал Тургеневу: «Деньги, высланные Вами 〈. . .〉 я получил, и лекарства противухолерические уже высланы 〈. . .〉 отправлял на почту Гаугер, ибо от частных лиц жидкостей не принимают...» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 27).
[4] В цитированном выше письме Д. Я. Колбасин сообщал: «„Современник“», несмотря на мои просьбы, выслан обыкновенным образом...» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 28 об.).
[5] Далее следует приписка Е. Я. Колбасина, текст которой не приводится ввиду его незначительности.

398. **П. В. Анненкову** (с. 24)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 97, л. 5.

Впервые опубликовано: *Н Мир*, 1927, № 9, с. 159.

[1] Это — ответ на письмо Анненкова от 1 (13) мая 1855 г. Речь идет о рекомендательном письме, которое Тургенев написал к А. К. Толстому (см. письмо 399) по просьбе Анненкова (см. *Труды ГБЛ*, вып. III, с. 53—54).
[2] О пребывании в Спасском В. П. Боткина, Д. В. Григоровича и А. В. Дружинина Тургенев более подробно сообщал Анненкову 2 (14) июня 1855 г. (письмо 404). См. также: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961, с. 137—142.
[3] А. М. Тургенев и его дочь О. А. Тургенева.

399. **А. К. Толстому** (с. 25)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, 8950, LIб. 1.

Впервые опубликовано: *Т сб* (*Кони*), с. 197—198, с приблизительной датировкой — апрель — июнь 1855 г.

Датируется на основании письма к П. В. Анненкову от 13 (25) мая 1855 г. (№ 398).

[1] М. А. Языков к этому времени растратил свое небольшое состояние на «Комиссионерскую контору» и другие сомнительные предприятия (см.: Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1972. с. 207—209) и, занимая небольшую должность на петербургском стеклянном заводе, нуждался.
[2] Это письмо уже не застало А. К. Толстого в Петербурге. 28 марта (9 апреля) он был зачислен майором в «стрелковый полк императорской фамилии», а 14 (26) мая 1855 г. находился на пути

к стоянке батальона в окрестностях Новгорода (см.: Кондратьев А. А. Граф А. К. Толстой, материалы для истории жизни и творчества. СПб., 1912, с. 34—35).

400. Н. А. Некрасову (с. 26)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, 21173, л. 6.
Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 5-6, с. 32.

[1] Д. В. Григорович, В. П. Боткин и А. В. Дружинин гостили в Спасском с 12 (24) мая по 1(13) июня 1855 г. (см. письма 398 и 404).

[2] Тургенев имеет в виду свое письмо к Некрасову от 29 апреля (11 мая) 1855 г. (№ 396); оно было ответом на письмо поэта от 19 апреля ст. ст. 1855 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 221).

[3] По-видимому, речь идет о выдаче редакцией «Современника» денег за литературную работу Е. Я. Колбасина, находившегося в это время в Спасском, его брату — Д. Я. Колбасину (см. письмо 411, примеч. 2). В ответ на просьбу Тургенева Некрасов писал ему из Москвы 30 июня — 1 июля 1855 г.: «Колбасину кланяйся. Покуда ни у меня, ни в Петербурге нет денег. В августе я буду в Петербурге — и тогда добуду для него» (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 225).

401. М. Н. Толстой (с. 26)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 146.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 107, с пропуском полной авторской даты, приписки о Дельвиге и адреса.

[1] Спасские литераторы — В. П. Боткин, Д. В. Григорович и А. В. Дружинин, гостившие в Спасском с 12 (24) мая по 1 (13) июня 1855 г. и разыгравшие на домашней сцене при участии Тургенева фарс «Школа гостеприимства» и сцену, пародировавшую трагедию В. А. Озерова «Эдип в Афинах» (см. письма 403 и 404). Какую «пословицу» прислала М. Н. Толстая — неизвестно. Она не была разыграна.

[2] Спектакль в Спасском состоялся 26 мая (7 июня) 1855 г. (см.: *Т*, *Первое собрание писем*, примечание на с. 14).

[3] Очевидно, Александр Антонович Дельвиг играл какую-то второстепенную роль в спектакле «Школа гостеприимства».

402. Д. Я. Колбасину (с. 27)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, № 264.
Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1894, № 6706, 29 октября (10 ноября).

[1] О поручениях см. в письме 397.

[2] В ответном письме от 7 (19) июня 1855 г. Д. Я. Колбасин писал: «Очень рад, Иван Сергеевич, что Вы веселитесь и что гости Спасского в таком приятном настроении, что доказывает устройство домашнего театра. Скажите, что играли, кто играл...» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 29).

[3] Д. Я. Колбасин в цитированном выше письме сообщал Тургеневу: «Поручение Ваше относительно 〈. . .〉 *юноши* исполнено,

только он поместился в столовой, а не в комнате Захара, говоря, что ему там темно работать, — впрочем, с него взято обещание не баловать кистями и стен не пачкать...» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 29).

403. С. Т. Аксакову (с. 27)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 47—48. Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 489—490.

[1] Тургенев имеет в виду «Школу гостеприимства» (см. о ней: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961, с. 139—141).

[2] С. Т. Аксаков 16 (28) мая 1855 г. писал Тургеневу: «...только сегодня получил я 〈. . .〉 рукопись „Постоялого двора" и увидел в конце рассказа вашу собственноручную подпись» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 25).

[3] «Два поколения». Не возобновляя работы над этим романом, Тургенев уже 5 июня ст. ст. начал писать «большую повесть», т. е. роман «Рудин».

[4] Ответ на цитированное выше письмо С. Т. Аксакова, который, между прочим, сообщал Тургеневу: «Я приготовляю окончательно к печати мою книгу и с 1-го сентября начну хлопотать в цензуре; хочу послать ее в Петербург: там лучше понимают настоящее направление, а здесь набрали цензоров неимоверно глупых» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 25). Речь идет о «Семейной хронике и Воспоминаниях», вышедших, однако, не в Петербурге, как того хотел автор, а в Москве (ценз. разр. 15 октября 1855 г.).

[5] Тезка — И. С. Аксаков.

[6] Тургенев действительно в октябре приехал в Москву, где присутствовал на похоронах Т. Н. Грановского, но в Абрамцево заехать не смог (см. письмо 441).

404. П. В. Анненкову (с. 28)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 97, л. 6—7.
Впервые опубликовано: *Н Мир*, 1927, № 9, с. 159—160.
Стр. 29. если уж говорить о Панаеве (*франц.*).

[1] Текст этой «пародированной сцены» из трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах» неизвестен (Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961, с. 140—141); о содержании коллективного фарса «Школа гостеприимства» можно судить по его прозаическому варианту (см.: Григорович Д. В. Полн. собр. соч. СПб., 1884, Т. 8, с. 43—108).

[2] Неясно, о каком Исакове идет речь, так как в Петербурге в 50-х годах были два книгопродавца — В. А. и Я. А. Исаковы. Анненков в неизданном письме, которое, судя по содержанию, следует датировать маем 1855 г., сообщал Тургеневу о ходе работы над «Сочинениями Пушкина»: «Только недавно направил я на торную дорогу издание, по которой оно теперь и тянется, листов, однако ж, по 10 в неделю, а надо их 80» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 54).

[3] Речь идет о братьях Беленковых, соседях Тургенева по Орловской губернии, участниках обороны Севастополя. Тургенев через Анненкова хлопотал об утверждении их в дворянстве в связи с представлением к офицерскому чину за личную храбрость. Анненков в цитированном выше письме сообщал: «Чтоб дать вам средство, любезнейший Тургенев, прослыть без труда благодетельным сосе-

дом,— цели, которой вы уже много раз достигали, я заставил брата моего ⟨И. В. Анненкова⟩ писать к сенатскому прокурору о Беленковых и просить его о благоприятном решении, на которое и можно надеяться» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 54).

[4] Имеется в виду письмо к А. К. Толстому от 13 (25) мая 1855 г., (№ 399), которое Тургенев послал Анненкову вместе со своим письмом к нему, датированным тем же числом.

[5] Речь идет о Ф. П. Волковой. Анненков в том же письме, цитированном выше, сообщал Тургеневу о ее беременности (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 54).

[6] О диссертации Н. Г. Чернышевского Анненков писал Тургеневу: «Чернышевский написал книгу для магистра себе: об эстетическом отношении искусства к действительности наподобие Руссо: о вреде просвещения. Недурно, и нелепостями играет очень ловко. Замечательно, что он защитил бесполезность науки и ничтожество искусства в Университете» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 54 об.). Диссертация Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», защищенная в Петербургском университете 10 мая 1855 г., тогда же была издана отдельно.

[7] В пятой книжке «Современника» за 1855 г. была опубликована повесть Е. Я. Колбасина «В деревне и в Петербурге». Тургенев имеет в виду неизвестный нам отзыв Анненкова об этом произведении Колбасина, содержавшийся, очевидно, в том его неизданном письме к Тургеневу, которое сохранилось лишь частично (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 54).

[8] Тургенев возвратился в Петербург, по-видимому, 14 (26) октября 1855 г., о чем свидетельствуют его письма к Н. А. Некрасову от 11 (23) октября из Москвы (№ 440) и к М. Н. и В. П. Толстым от 17 (29) октября из Петербурга (№ 442).

[9] Анненков 14 (26) июня 1855 г. сообщал Тургеневу: «Смирнова живет в Царском Селе, на даче Новосильцова» (*Труды ГБЛ*, вып. III, с. 56).

405. **И. И. Панаеву** (с. 30)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, 3926, л. 5—6.
Впервые опубликовано: *Панаев*, 1888, т. 6, с. 398—399.

[1] Ответ на просьбу Панаева в его письме к Тургеневу от 1(13) мая 1855 г.: «Да присылай мне замечания па „Современник“. Твои замечания и советы мне важны и необходимы» (*Т и круг Совр*, с. 31).

[2] Стихотворение А. А. Фета «Памяти Дмитрия Львовича Крюкова» появилось в «Современнике» (1855, № 7, отд. I, с. 12) без опечаток. Оно было написано в связи с тем, что в 1855 г. (5 марта) исполнилось 10 лет со дня смерти Д. Л. Крюкова. Фет, будучи студентом Московского университета, слушал лекции Крюкова по римской словесности.

[3] Имеется в виду стихотворение Фета «Больной», напечатанное в «Современнике» (1855, № 4, отд. I, с. 316). В фельетоне «Русская журналистика», помещенном в «С.-Петербургских ведомостях» (1855, № 85, 20 апреля), содержался довольно резкий отзыв об этом стихотворении: «*Больной* г. Фета выражается очень странно; вряд ли кто-нибудь поймет даже первые его два стиха:

Его томил недуг. Щедушный зной печей,
Казалось, каждый звук оспаривал у груди...»

Действительно, так оно и напечатано в «Современнике»; только во втором стихе было не «оспаривал», а «оспоривал». В «Стихотворениях» (СПб., 1856, с. 169) эти два стиха появились уже в несколько иной редакции:

Его томил недуг. Тяжелый зной печей,
Казалось, каждый вздох оспаривал у груди...

406. И. И. Панаеву (с. 31)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, 3926, л. 7.
Впервые опубликовано: *Панаев*, 1888, т. 6, с. 399—400.

[1] Речь идет о письме Панаева к Тургеневу от 3 (15) июня 1855 г. (см.: *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 108).

[2] 5 июня 1855 г. Тургенев начал писать повесть под названием «Гениальная натура» и окончил ее 24 июля того же года. Впоследствии повесть получила название «Рудин».

[3] Может быть, речь идет о рассказе «Поездка в Полесье», работа над которым была окончена, однако, лишь 26 февраля (10 марта) 1857 г. (см. *Mazon*, p. 57). Впервые «Поездка в Полесье» была напечатана в октябрьской книжке «Библиотеки для чтения» за 1857 г.

[4] Панаев показывал «Переписку» цензору В. Н. Бекетову, который «пропускает все, только выкидывает безделицу!! — *последнее письмо* за слишком резкий его тон... Актрису, говорит, любить нехорошо, или об такой любви не надо говорить с увлечением... Что будешь делать?.. А я, признаюсь, посягал на „Переписку“, зная, что от тебя не скоро добьешься чего-нибудь...» (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 108).

[5] Повесть «Переписка» появилась в первой книжке «Отечественных записок» за 1856 г. (отд. I, с. 1—28).

[6] В. П. Боткин в эти годы занимался переводами из Карлейля. Его статья «О героях и героическом в истории. Соч. Т. Карлейля» была опубликована в «Современнике» вместе с переводом работы английского писателя (1855, № 9, отд. II, с. 92—93, 94—118). В 1856 г. был напечатан в том же журнале перевод другой статьи Карлейля — «Героическое значение поэта. Дант» (отд. II, с. 33—54).

[7] В пятой книжке «Современника» были напечатаны стихотворения Н. А. Некрасова «Извозчик», «Я сегодня так грустно настроен», перевод первой части романа «Тяжелые времена» Диккенса, повесть Е. Я. Колбасина «В деревне и в Петербурге» и др.

[8] В шестой книжке «Современника» появились повесть Е. Нарской «Первое знакомство со светом», «Севастополь в декабре месяце» Л. Н. Толстого, вторая часть романа «Тяжелые времена» Диккенса, стихотворения Некрасова «Русскому писателю», «Влас» и др.

[9] Тургенев принужден был отказаться от июньской поездки из-за холерной эпидемии, о чем писал Боткину 9 (21) июля 1855 г. (письмо 416), но в конце августа он совершил охотничью экскурсию (см. письмо 431). Даты его пребываний в Спасском и выездов из него в 1855 г. определяются сроками охоты летом и осенью. Пробыть в Спасском до ноября, как он предполагал, Тургеневу не удалось, так как в октябре он был в Москве на похоронах Т. Н. Грановского, а затем проехал в Петербург.

[10] Письмо Тургенева к А. Ф. Базунову неизвестно.

407. П. В. Анненкову (с. 32)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 97, л. 8—9.
Впервые опубликовано: *Н Мир*, 1927, № 9, с. 161—162.

[1] Речь идет о письме Анненкова от 31 мая (13 июня) 1855 г. (см.: *Труды ГБЛ*, вып. III, с. 54—55).

[2] Тургенев имеет в виду О. А. Тургеневу и ее отца; Анненков в письме от 14 (26) июня 1855 г. сообщал: «О⟨льга⟩ А⟨лександровна⟩ живет в Каширском уезде Тульской губернии, а писать к ним, кажется, в Серпухов» (*Труды ГБЛ*, вып. III, с. 56).

[3] В том же письме Анненков сообщал: «По сношению с Герольдией брат (И. В. Анненков.— *Ред.*) утвердил ваших Беленковых ⟨. . .⟩ в дворянстве по 3-ей книге — и молодые люди могут быть теперь произведены» (*Труды ГБЛ*, вып. III, с. 55). Речь идет о производстве в офицеры братьев Беленковых.

[4] Тогда же Анненков писал: «Летом я вас уже не увижу,— поскачу стремглав в деревню, где засуха. Осенью увижу» (*Труды ГБЛ*, вып. III, с. 56).

[5] См. письмо 404, примеч. 5.

[6] Общий штурм Севастополя, предпринятый 6 (18) июня 1855 г., был отбит благодаря героизму гарнизона и инициативе таких начальников, как П. С. Нахимов и С. А. Хрулев, с огромными потерями для противника. Анненков писал об этом Тургеневу: «Отбитый Севастопольский штурм поднял над всем головы» (*Труды ГБЛ*, вып. III, с. 56).

[7] Речь идет о работе над «Рудиным».

[8] Тургенев имеет в виду один из эпизодов в «Божественной комедии» Данте («Ад», песнь 33-я, в которой Уголино рассказывает о заточении его с детьми в Голодной Башне).

[9] Абаза Эраст Аггеевич. *Mme Милютин* — его сестра, Мария Аггеевна, жена Н. А. Милютина.

[10] Рассказ Л. Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце» был напечатан в шестой книге «Современника» за 1855 г.

[11] Две статьи А. В. Дружинина «А. С.Пушкин и последнее издание его сочинений» были напечатаны в третьей и четвертой книжках «Библиотеки для чтения» за 1855 г. В статье второй автор утверждал, что «нельзя всей словесности жить на одних „Мертвых душах“. Нам нужна поэзия. Поэзии мало в последователях Гоголя, поэзии нет в излишне реальном направлении многих новейших деятелей... Против того сатирического направления, к которому привело нас неумеренное подражение Гоголю,— поэзия Пушкина может служить лучшим орудием» (*Б-ка Чт*, 1855, т. CXXX, № 4, отд. III, с. 79).

408. В. П. Боткину (с. 33)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60903.

Впервые опубликовано: в отрывке — «XXV лет. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (СПб., 1884, с. 481—482); полностью — *Боткин и Т*, с. 53—56.

Стр. 34. где жмет сапог Гоголя (*франц.*).
Стр. 34. «После стольких несчастий ты ль это, Радамист?» (*франц.*)

[1] В. П. Боткин, Д. В. Григорович и А. В. Дружинин уехали из Спасского, где они гостили у Тургенева (см. письма 400, 406),

в имение Григоровича Дулебино, Каширского уезда Тульской губернии. Письмо их к Тургеневу с юмористическим описанием путешествия из Спасского в Дулебино неизвестно.

[2] Повесть — роман «Рудин», работа над которым была начата 5 (17) июня 1855 г. в Спасском, согласно помете «в черновой тетради Тургенева, содержащей Рудина» и бывшей в руках Анненкова, но теперь неизвестно, где находящейся (см.: *Анненков*, с. 408). Говоря о том, что это «последняя попытка», Тургенев имел в виду и первую попытку — роман «Два поколения», рассматривавшийся им как опыт перехода от рассказа к большой форме повествования, к которой принадлежал и «Рудин».

[3] См. письмо 407, примеч. 11.

[4] Боткин передал Дружинину отзыв Тургенева о его статье в письме к нему от 27 июня (9 июля) 1855 г. (*Письма к Дружинину*, с. 35).

[5] Цитата из трагедии Кребильона-старшего «Радамист и Зенобия» («Rhadamiste et Zénobie», 1711), д. III, сц. V (слова Зенобии).

[6] Наша пьеса — комедия-фарс «Школа гостеприимства» (см. письмо 403, примеч. 1).

[7] Это письмо И. И. Панаева в печати неизвестно. Тургенев отвечал на него 13(25) июня (письмо 406). О статьях Боткина о Карлейле см. письмо 406, примеч. 6.

[8] Имение Дружинина в селе Мариинском находилось в Гдовском уезде Петербургской губернии. Почтовый адрес его Боткин прислал Тургеневу в письме от 10 июля ст. ст. 1855 г. (*Боткин и Т*, с. 63).

409. А. А. Краевскому (с. 34)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 178.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 26—27.

[1] См. письма 398 и 404.

[2] Тургенев действительно приехал в Петербург в октябре и привез готового «Рудина».

[3] Вопрос Тургенева касается ожиданий, связанных с недавним назначением А. С. Норова министром народного просвещения и касавшихся облегчений цензурного режима. Краевский в неопубликованном ответном письме к Тургеневу от 6(18) июля 1855 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 144, л. 6) с восторгом отзывался о Норове, выражая мнение либеральных кругов. Ожидания эти, однако, не сбылись вследствие нерешительности и беспринципности Норова, боявшегося даже мелких реформ (ср. ряд замечаний в «Дневнике» А. В. Никитенко, воспоминания М. М. Попова в «Русской старине», 1896, № 3, и пр.).

[4] Повесть Е. Я. Колбасина, предлагаемая Тургеневым Краевскому,— «Академический переулок». В ответном письме к Тургеневу от 6(18) июля 1855 г. Краевский писал: «За повесть г. Колбасина скажу большое спасибо. Да что тут спрашивать? Послали бы ее по почте на мое имя и давно успели бы получить ответ, будет ли она напечатана, и если будет, то когда именно» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 144, л. 5). Несмотря на это, Краевский в дальнейшем уклонялся от опубликования повести; 5(17) марта 1857 г. Д. Я. Колбасин писал Тургеневу о Е. Я. Колбасине: «Курганов его напечатан, а Переулочек еще нет» (*Т и круг Совр*, с. 330). «Академический переулок» в конце концов был напечатан в августовской книжке «Библиотеки для чтения» за 1858 г.

[5] Перед Кронштадтом крейсировала англо-французская эскадра. Серьезных военных действий на Балтийском море не было. Штурм севастопольских укреплений 6(18) июня 1855 г., который, как были уверены союзники, должен был привести к взятию города, окончился полным поражением англо-французских войск, понесших большие потери. Это поражение отсрочило падение Севастополя (Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л., 1950. Т. II, с. 398—437).

410. Я. П. Полонскому (с. 35)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, собрание ОЛДП, № Q 250, л. 1.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 11—12.

[1] Имеется в виду не дошедшее до нас письмо Полонского к Тургеневу (из Москвы) с припиской И. Ф. Золотарева (*Т*, *Первое собрание писем*, с. 11—12).

[2] В 1855 г. Полонский предпринял издание сборника своих стихотворений в типографии Фишона и вскоре уехал в Москву, поручив все дела по изданию Г. П. Данилевскому. 28 апреля Данилевский сообщил Полонскому, что издание почти кончено, отпечатан весь текст, но для окончательной расплаты с Фишоном не хватило средств, что и задерживает выпуск книги в свет. Данилевский советовал Полонскому воспользоваться денежной помощью, предложенной графиней Толстой, или затормозить издание (см.: *ИРЛИ*, архив Я. П. Полонского, № 12050). Очевидно, оба эти решения не удовлетворили Полонского, и он обратился к Тургеневу с просьбой загладить «нелепость» Данилевского и поддержать издание материально. Кроме того, Данилевский писал Полонскому, что взял на себя смелость «по общему совету» (в организации издания принимали участие Мей, Щербина, Гербель, Михайлов) «изгнать» вовсе из книги стихотворение «Грузинка», а остальные сгруппировать таким образом, чтобы устранить особое заглавие перед кавказским циклом. Очевидно, к этому решению и относится фраза Тургенева «испортил Ваше издание» в письме к Полонскому. Однако собрание стихотворений Полонского 1855 г. получило общее одобрение. Впоследствии Полонский и сам иначе оценил роль Данилевского в издании. В письме к Полонскому от 21 февраля ст. ст. 1859 г. Данилевский писал: «...перечитывая Ваши письма в деревне, прочел записочку из Москвы, по случаю изданной моими хлопотами книги Ваших стихотворений,— где стоят такие слова: „Я у Вас в долгу, и буду счастлив, если когда-нибудь отслужу Вам за Ваши хлопоты“» (*ИРЛИ*, ф. 274, № 180, л. 4).

[3] См. письма 400 и 403, примеч. 1.

[4] Н. А. Некрасов приехал в Москву из Ярославля в конце мая 1855 г. и жил там в гостинице Шевалье до середины июня, а затем переехал на дачу к В. П. Боткину в Петровский парк. В письмах Некрасова этого периода нет никаких упоминаний о встрече с Полонским.

[5] И. Ф. Золотарев — друг и сослуживец Полонского по Кавказу, где занимал должность чиновника особых поручений при кавказском наместнике кн. М. С. Воронцове (до 1854 г.). Затем переехал в свое красносельское имение под Москву. Туда в конце 1854 или в начале 1855 г. приехал к нему в гости Полонский (см. неопубликованное письмо Золотарева к Полонскому от 15 декабря 1854 г.: *ИРЛИ*, архив Я. П. Полонского, № 12103, л. 30).

[6] Тургенев был в Москве с 7 по 13 октября ст. ст. 1855 г.
[7] По всей вероятности, имеется в виду повесть Полонского «Груня», опубликованная в «Современнике» (1855, № 4, отд. I, с. 397—434).

411. Д. Я. Колбасину (с. 36)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, № 264.
Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1894, № 6706, 29 октября (10 ноября).

[1] Речь идет о письме к И. И. Панаеву от 27 июня (9 июля) 1855 г. (№ 412).
[2] Редакция «Современника» должна была заплатить Е. Я. Колбасину за его повесть «В деревне и в Петербурге», опубликованную в пятой книжке «Современника» за 1855 г., а также за работы в библиографическом отделе журнала.
[3] Речь идет о какой-то семье мелкопоместных дворян, соседей Тургенева по Спасскому. Говоря о «наших Шаламовых», писатель имеет в виду семью С. Д. Шаламова, в частности В. С. Шаламову, о которой см. в письме 348.
[4] Речь идет о Соломатине (см. письмо 402). Д. Я. Колбасин в письме от 17 (29) июля 1855 г. отмечал: «Юному живописцу строго-настрого наказано вести себя хорошо, посему насчет столовой не сумневайтесь, тем паче, что он масляными красками не пишет» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 31 об.).

412. И. И. Панаеву (с. 37)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 9.
Впервые опубликовано: *Панаев*, 1888, т. 6, с. 400.

[1] Речь идет о письме Панаева к Тургеневу от 15 (27) июня 1855 г. (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 109—110).
[2] Рассказ Л. Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце», подписанный Л. Н. Т., был перепечатан «Русским инвалидом» (1855, № 122, 5 июня) из шестой книжки «Современника», с предисловием, в котором говорилось: «Редакция „Инвалида“ считает долгом познакомить нашу военную публику с этой истинно превосходной статьею».
[3] Речь идет о «Рудине».
[4] См. письмо 406.
[5] Тургенев имеет в виду повесть Е. Я. Колбасина «В деревне и в Петербурге» (*Совр*, 1855, № 5).

413. П. В. Анненкову (с. 37)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 97, л. 10.
Впервые опубликовано: *Н Мир*, 1927, № 9, с. 162.

[1] См. письма 404, примеч. 3, и 407, примеч. 3.
[2] Д. Я. Колбасин.
[3] Совет поручить Ф. П. Волкову попечениям Д. Я. Колбасина дал Тургеневу сам Анненков, который писал ему 14 (26) июня 1855 г.: «Да, бедная Феоктиста. Истинно бедная 〈. . .〉 Не поручите ли вы ее Колбасину — не в виде ухаживателя, а покровителя, потому что я в ней заметил совершенный ужас от приближающегося одиночества» (*Труды ГБЛ*, вып. III, с. 56—57). Одиночество — в связи с разры-

вом отношений с Тургеневым, не считавшим, что он является отцом ожидаемого Феоктистой ребенка (см. письмо 404).

[4] См. письмо 416, примеч. 2.

[5] Имеется в виду диссертация Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», напечатанная в апреле 1855 г. отдельной брошюрой и защищенная Чернышевским 10 мая того же года. Отрицательное отношение Тургенева к книге Чернышевского в значительной степени объяснялось тем, что он приписывал ее автору стремление разрушить всякую эстетику. В действительности же, борясь в своей диссертации против идеалистического понимания искусства, Чернышевский создавал основы новой, материалистической эстетики. Тургенев, живший с середины апреля 1855 г. в Спасском, не был на диспуте и прочитал книгу лишь во второй половине июля.

[6] Из письма к Анненкову от 25 июля (6 августа) 1855 г. (№ 422) известно, что в июле Тургенев на охоту не ездил.

[7] Речь идет о «Сочинениях Пушкина» в семи томах, вышедших в 1855—1857 гг.

[8] Тургенев имеет в виду свое увлечение, в недавнем прошлом, М. Н. Толстой.

414. **Д. Я. Колбасину** (с. 38)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, № 264.

Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1894, № 6706, 29 октября (10 ноября), с неверной датой — 2 июня.

[1] Д. Я. Колбасин в ответном письме от 17 (29) июля 1855 г. сообщал: «Недоумительно несколько, уважаемый Иван Сергеевич, что письмо Ваше о 40 руб. отправлено ко мне без оных? Прождав сих 40 руб. три дня и три ночи, решаюсь о сем Вам доложить, а так же, что Анненков, объяснивший мне, в чем состоит *злополучие* Феоктисты, 15 числа уехал из Питера, снабдив *злополучную* небольшими деньгами, и, называя Вас эгоистом, уговорился со мною поместить ее, на время злополучия, к повивальной бабке, что я и принял на себя и только жду денег, да кстати сообщите и адресс, потому что Анненков, второпях, позабыл сие учинить» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 31). «Злополучие» Феоктисты — ее беременность.

[2] В том же письме Д. Я. Колбасин сообщал: «Расписки о 200 руб. за квартиру и об удовлетворении скромно намекающего швейцара — хранятся у меня, впрочем, если они нужны, то я пришлю» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 31).

415. **Н. М. Еропкиной** (с. 39)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 12.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 288.

[1] Об М. Н. Еропкиной см.: Воспоминания К. Я. Грота об О. А. Тургеневой и Н. М. Еропкиной (*Т сб*, 1, с. 299—303).

[2] Речь идет о романе «Рудин».

416. **В. П. Боткину** (с. 40)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60904.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 57—59.

[1] Письмо является ответом на письмо Боткина от 18(30) июня 1855 г. (*Боткин и Т*, с. 56), в котором Боткин сообщал, что «машинку для обливания» он купил и отправил в Мценск на имя Тургенева; о том же «инструменте для обливания себя водою, складного устройства», Боткин писал Тургеневу 14 (26) июня (см. там же, с. 52) в ответ на неизвестное письмо Тургенева, написанное около 10 июня ст. ст.

[2] Повесть, подписанная «Е. Нарская»,— «Первое знакомство со светом». В ответ на вопрос Тургенева Боткин писал: «Нарская— есть собственно княжна Шаликова, сестра жены Каткова. Она девушка, лет около 40. Живет в деревеньке, в 45 верстах от Москвы: очень бедная. Зимой или часть зимы живет у сестры — Катковой. Говорят, что она, к сожалению, нехороша собой. Но какая умная и милая натура!» (*Боткин и Т*, с. 60).

[3] 10 (22) июля 1855 г. Боткин писал Тургеневу: «Я живу с Некрасовым в Парке (т.е. в Петровском парке под Москвою,— *Ред.*), на даче, обращенной в поле. Перед нами лес и рожь. Уединенно и славно» (*Боткин и Т*, с. 62). К этому же письму имеется приписка Некрасова.

[4] Стихотворения Н. А. Некрасова «Русскому писателю» (отрывок из стихотворения «Поэт и гражданин») и «Влас» были напечатаны в «Современнике» (1855, № 6, отд. I, с. 219, 329—331).

[5] В ответном письме Боткин писал: «Я не отсылал к тебе этого письма потому, что хотелось самому разузнать дело от Белинской. Нет, Кетчер не переврал. Она показывала мне твое заемное письмо на 1080 руб. сер. Тютчев заплатил ей только проценты с 20 мая 1853 г. по 20 мая 1854 г. Следовательно, ты должен Белинской проценты с 20 мая 1854 г. по 20 мая 1855 г., т. е. 86 руб. Кроме этого, ты должен ей остаешься по заемному письму 1080 руб. Тютчев заплатил ей только за библиотеку 300 руб. сер.» (*Боткин и Т*, с. 61). Долг свой М. В. Белинской Тургенев возвратил в августе 1858 г. (см. письмо № 716).

[6] См. письмо 413, примеч. 5. Прозвище Чернышевскому придумано было, очевидно, Григоровичем (см. письмо 417). Отзыв в «Современнике», о котором пишет Тургенев — авторецензия Чернышевского на свою диссертацию, подписанная Н. П-ъ (*Совр*, 1855, № 6, отд. III, с. 23—50). В ответ на отзыв Тургенева о книге Чернышевского Боткин писал: «По мне, большая заслуга Чернышевского в том, что он прямо коснулся вопроса, всеми оставляемого в стороне» (*Боткин и Т*, с. 61).

[7] Речь идет о работе над романом «Рудин».

[8] См. письмо 408.

[9] Стихотворения А. А. Фета, вышедшие в 1850 г., в кружке «Современника» решено было переиздать с исправлениями и дополнениями (см. письмо 394, примеч. 1).

417. А. В. Дружинину и Д. В. Григоровичу (с. 41)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 167, оп. 4, № 9, л. 1—2.
Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 12—14.

Стр. 42. панибратство (*франц.*).
Стр. 42. повесься, храбрый Бурдилов! (*франц.*).
Стр. 42. Приношу свои извинения (*франц.*).
Стр. 43. Пустой человек! (*древнееевр.*).

[1] Настоящее письмо является ответом на совместное письмо А. В. Дружинина и Д. В. Григоровича от 27 июня ст. ст. 1855 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 175—179).

[2] Село Мариинское, принадлежавшее Дружинину, находилось в Гдовском уезде Петербургской губернии.

[3] Имя П. И. Шаликова стало нарицательным для обозначения слащавой чувствительности.

[4] Речь идет о пребывании Дружинина и Григоровича в с. Дулебине, в Москве, Петербурге и Нарве, где они побывали по пути из Спасского в с. Мариинское (см.: *Т и круг Совр*, с. 175—176).

[5] Тургенев имеет в виду нарушения Григоровичем, откладывавшим работу над романом «Переселенцы», взятых на себя перед А. А. Краевским обязательств.

[6] В письме от 27 июня 1855 г. Григорович писал Тургеневу: «...я весь погружен в комбинации, имеющие предметом переделку нашей классической комедии, „Школа гостеприимства“,— в повесть для „Библиотеки для чтения“. Разговоры останутся те же, прибавится только описательная часть» (*Т и круг Совр*, с. 179). О «Школе гостеприимства» см. письмо 403, примеч. 1.

[7] «Переселенцы» — роман Григоровича; печатался в «Отечественных записках» в 1855—1856 гг., вышел отдельным изданием в 1857 г.

[8] Речь идет о статье «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений», напечатанной в «Библиотеке для чтения» (1855, № 3 и 4). В ответном письме к Тургеневу от 28 июля ст. ст. 1855 г. Дружинин писал: «Боткин передал мне ваш отзыв ранее письма вашего ко мне, и я ему крайне порадовался, совершенно уважая ваш взгляд на Гоголя, но не имея возможности вполне с ним согласиться» (*Т и круг Совр*, с. 184). В статьях Дружинина Пушкин представлен поэтом «чистого искусства», стоящим выше литературных школ и общественной борьбы. По мнению Дружинина, влияние творчества Пушкина должно было вытеснить из литературы гоголевское сатирическое направление. Статьи Дружинина о Пушкине вызвали ожесточенную полемику между либерально-дворянской и революционно-демократической критикой о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях (см. письмо 429, примеч. 4).

[9] Тургенев имеет в виду то место из статьи Дружинина, где он говорит, что «мировая муза» сходит к певцам «как высшая награда за жизнь не попусту прожитую» (*Б-ка Чт*, 1855, № 4, отд. III, с. 102).

[10] См. примеч. 8, а также письмо 407, примеч. 11.

[11] Как пишет в своих воспоминаниях Григорович, на дальнем конце Васильевского острова, в доме гаванского чиновника Михайлова, Дружинин нанимал специально для увеселений небольшое помещение (см.: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. Л., 1961, с. 147). В доме Степанова, находившемся на Фонтанке близ Аничкова моста (ныне дом № 38), в 50-х годах жил Тургенев.

[12] Речь идет о намерении Дружинина и Григоровича «изобразить в живописно юмористическом роде» историю их летней поездки, «с описанием дома Боткина, села Лутовинова, сел. Дулебина, с. Мариинского и с прибавлением разных нелепых приключений». «В английской литературе,— писал далее Дружинин в письме к Тургеневу от 27 июня 1855 г.,— подобных рассказов гибель, например знаменитый рассказ В. Ирвинга о поездке в Абботсфорт» (см.: *Т и круг Совр*, с. 176).

[13] Григорович писал: «Боткин был великолепен в роли ворчливого статского советника» (Григорович Д. В. Литературные воспоминания, с. 141). В «Школе гостеприимства» Боткин исполнял роль Щепетильникова. Судя по примечаниям редактора к изданию: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 13—14, Бурдилов — действующее лицо в «Школе гостеприимства», роль которого исполнял Григорович. В изложении содержания комедии в дневнике Е. А. Штакеншнейдер (см.: Дневник и записки (1854—1886). М.; Л: Academia, 1934, с. 118—119) и в переделке Григоровича (*Б-ка Чт*, 1855, № 9, отд. I, с. 12—76) действующего лица с фамилией Бурдилов нет.

[14] Е. Я. Колбасин гостил в Спасском у Тургенева и принимал участие в спектакле.

[15] У М. Н. Толстой.

[16] Речь идет о рассказе Л. Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце», который Тургенев сначала прочитал в «Русском инвалиде» (1855, № 122, 5 июня), о чем сообщал ранее в письме к И. И. Панаеву от 27 июня (9 июля) 1855 г., а теперь вторично в июньском номере «Современника» за 1855 г.

[17] См. письмо 416, примеч. 2.

[18] См. письмо 416, примеч. 6.

[19] Речь идет о диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (см. письмо 416, примеч. 6).

[20] Имеется в виду авторецензия Чернышевского (*Совр*, 1855, № 6, с. 23—54). Тургенев думал, что автором ее был А. Н. Пыпин (рецензия подписана «Н. П-ъ»). Об этом см. письмо 420.

[21] Тургенев, очевидно, имеет в виду следующее место из Евангелия: «А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: рака (пустой человек), подлежит синедриону (Верховному судилищу), а кто скажет: безумный, подлежит геенне огненной» (Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 22).

[22] В приписке к письму Дружинина от 27 июня 1855 г. Григорович писал: «В Нарве я купил чудный резной голландский шкап. Неужели же коллекция моя и с этим новым приобретением пойдет за 201 р. с полтиной?» (*Т и круг Совр*, с. 179). Григорович коллекционировал фарфор и старинную мебель (см. письмо А. В. Дружинина к Тургеневу от 28 июля (9 августа) 1855: *Т и круг Совр*, с. 185).

[23] Матери Дружинина, Марии Павловне (см.: Григорович Д. В. Литературные воспоминания, с. 144).

418. **А. А. Краевскому** (с. 43)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 177.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 27—28.

[1] См. письмо 409, примеч. 3.

[2] В письме к Тургеневу от 6 (18) июля 1855 г. Краевский сетовал: «„Современник“ уже объявил, что скоро напечатает вашу повесть, а я лишен этого удовольствия!» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 144, л. 6). Объявление о повести Тургенева (подразумевался, конечно, «Рудин») было помещено в июльском номере «Современника» за 1855 г. Очевидно, не надеясь на то, что Тургенев закончит повесть в срок, Краевский не воспользовался данным ему правом: объявление в «Отечественных записках» не появилось.

[3] Речь идет о цензоре А. И. Фрейганге.

[4] См. письмо 409, примеч. 4.

[5] Тургенев имеет в виду резко полемическую рецензию С. С. Дудышкина на «Эстетические отношения искусства к действительности» Н. Г. Чернышевского, напечатанную в июньском номере «Отечественных записок» за 1855 г., в разделе «Библиографическая хроника».

[6] См. письмо к А. В. Дружинину и Д. В. Григоровичу от 10 (22) июля 1855 г. (письмо 417).

[7] Подразумевается статья «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений» (*Б-ка Чт*, 1855, №№ 3 и 4). Оценку статей Дружинина о Пушкине см. также в письмах 407 и 417.

[8] Речь идет о романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ», начатом еще в 1853 г. и напечатанном в «Отечественных записках» (1858, № 1—6). О работе над романом Писемский неоднократно писал А. Н. Майкову, А. А. Краевскому, А. Н. Островскому (см. *Писемский*, с. 75—77, 83). Свой еще не оконченный роман Писемский часто читал в петербургских салонах. Так, в письме к Островскому (март 1855) он сообщал: «Милейший Тургенев скоро едет в Москву ⟨. . .⟩ и расскажет тебе, как я подвизаюсь в чтении у разных сильных мира сего моего нового романа „Тысяча душ“...» (там же, с. 80). Письма Тургенева к Писемскому, относящиеся к этому времени, неизвестны, однако и Писемский, подобно Тургеневу, свидетельствует о том, что переписка была: «От Тургенева я получил письмо . . .» (там же, с. 97).

[9] См. письмо 314, примеч. 2 (наст. изд., т. 2).

[10] В Петербург Тургенев приехал не позднее 16 (28) октября 1855 г. (см. письмо 441).

[11] См. выше, примеч. 6.

419. Н. А. Некрасову (с. 44)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, 21173, л. 8—9.
Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 5-6, с. 32—34.

[1] Ответ на письмо Некрасова от 30 июня — 1 июля 1855 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 222—226).

[2] «Рудин».

[3] Некрасов в указанном письме сообщал Тургеневу, что здоровье его «крайне худо», что «едва ли не всего кислее в жизни и смерти — это медленное умирание...» (там же, с. 222).

[4] Речь идет о стихотворении «К *» («Давно отвергнутый тобою...»), которое Некрасов послал в своем письме Тургеневу (там же, с. 225).

[5] Поэма Некрасова «Саша» была опубликована в первой книжке «Современника» за 1856 г. с посвящением Тургеневу.

[6] Это ответ на следующее место из письма Некрасова к Тургеневу: «Мне пришло в голову писать для печати, но не при жизни моей, свою биографию, т. е. нечто вроде признаний или записок о моей жизни — в довольно обширном размере.— Скажи: не слишком ли это — так сказать — самолюбиво?» (там же, с. 223). В действительности Некрасов лишь в 1872 г. продиктовал для «Русской старины» по просьбе М. И. Семевского несколько отрывков своих воспоминаний о годах юности. Попытки поэта написать более подробную автобиографию относятся к периоду его предсмертной болезни (см.: *Некрасов*, т. 2, с. 11—25, 349—365).

[7] Л. Н. Толстой посвятил Тургеневу рассказ «Рубка леса» (см.: *Толстой*, т. 59, с. 316). См. письмо 420, примеч. 5.

[8] Тургенев имеет в виду рассказ «Севастополь в декабре месяце».

[9] В цитированном выше письме Некрасов сообщал Тургеневу: «...у меня явилось какое-то болезненное желание познакомиться хоть немного с Бернсом, ты когда-то им занимался ⟨. . .⟩ вероятно, тебе не трудно будет перевесть для меня одну или две пьесы прозой (по своему выбору). Приложи и размер подлинника, означив его каким-нибудь русским стихом (ибо я далее ямба в размерах ничего не понимаю), — я, может быть, попробую переложить в стихи» (*Некрасов*, т. 10, с. 223).

[10] В. П. Боткин. Некрасов и Боткин жили вместе в Петровском парке под Москвой.

[11] Тургенев имеет в виду стихотворение Р. Бернса «To a Mountain Daisy on turning one down with the plough», переведенное на русский язык И. И. Козловым под названием «К полевой маргаритке, которую Роберт Бернс, обрабатывая свое поле, нечаянно срезал железом сохи в апреле 1786» (см.: Стихотворения Ивана Козлова. Изд. А. Смирдина. СПб., 1855. Т. 2, ч. 2, с. 134—136).

[12] Это — ответ Некрасову, писавшему Тургеневу: «Слышал я от Боткина и других друзей, как они славно провели у тебя в деревне время ⟨. . .⟩ И пьеса, которую вы сочинили и сыграли, мне пересказана» (*Некрасов*, т. 10, с. 224).

[13] См. письмо 407, примеч. 11.

[14] См. письма 417, примеч. 20 и 420.

[15] Некрасов уехал за границу значительно позже: 11 августа 1856 г.

[16] Тургенев намекает на балладу Шиллера «Ritter Toggenburg», переведенную В. А. Жуковским под названием «Рыцарь Тогенбург» (герой баллады ежедневно ожидает, безнадежно и терпеливо, появления в окне отвергнувшей его любимой и умирает под ее окном).

[17] Тургенев имеет в виду свое письмо к Боткину от 9 (21) июля 1855 г. (№ 416).

420. **И. И. Панаеву** (с. 46)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 11.
Впервые опубликовано: *Панаев*, 1888, т. 6, с. 400—401.

[1] Речь идет о письме Панаева к Тургеневу от 1 (13) июля 1855 г. (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 112—113).

[2] См. письмо 416, примеч. 2.

[3] См. письма 417, примеч. 20 и 418, примеч. 5.

[4] Рассказ Л. Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце» был напечатан в шестой книжке «Современника» за 1855 г.

[5] Н. А. Некрасов писал Тургеневу 30 июня — 1 июля ст. ст. 1855 г.: «Толстой посвятил тебе повесть „Юнкер“, которую прислал в „Современник“» (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 223). Под названием «Рубка леса (рассказ юнкера)» повесть была опубликована в девятой книжке «Современника» с подписью Л. Н. Т. и с посвящением Тургеневу (см. письмо 439, примеч. 2).

[6] В Прибавлении к № 69 «Московских ведомостей» (9 июня 1855 г., с. 607) было объявлено о выходе в свет шестой книжки «Современника» с кратким перечнем публикуемых в ней материалов.

[7] Толстой находился в действующей армии, на бастионах Севастополя.

[8] Это стихотворение Некрасова под заглавием «Русскому писателю» было напечатано в шестой книжке «Современника» за 1855 г. Впоследствии его строфы 3—5 вошли в стихотворение «Поэт и граж-

данин», причем первый стих третьей строфы был изменен и печатался в такой редакции:

Будь гражданин! служа искусству...

Предположение Тургенева о возможности опечатки в тексте «Современника» было ошибочным. Поправка, которую предлагал Тургенев, противоречила бы мысли Некрасова, выраженной, впрочем, не вполне ясно.

[9] П. С. Нахимов был смертельно ранен 28 июня 1855 г., во время осмотра бастионов Севастополя, и умер 30 июня.

[10] Тургенев приехал в Петербург несколько позже, чем предполагал. 11 (23) октября 1855 г. он был еще в Москве и оттуда сообщал Некрасову, что выедет «послезавтра» и, следовательно, будет в столице 14 (26) октября.

[11] Ответ на слова Панаева, который писал Тургеневу: «Твой хваленый студент с повестью „Лето на хуторе" — очень плох. Это, брат, мы решили единогласно. Ты очень слаб к начинающим» (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 113). Резко отрицательный отзыв Панаева об этой повести К. Н. Леонтьева, опубликованной в пятой книжке «Отечественных записок» за 1855 год, см. также в «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики» («Современник», 1855, № 6, отд. V, с. 266, 267—268).

[12] Панаев в цитированном письме сообщал Тургеневу: «Михайлов обстриг коротко волосы и отпустил бороду. Вообрази, как он хорош!» (*Лит Насл*, т. 73, кн. 1, с. 113).

421. **М. Н. Толстой** (с. 47)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 27, л. 8.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 1, с. 289.
Обоснование принятой здесь датировки дано при первой публикации (см. там же, с. 289—290). Оно подтверждается также письмами Тургенева к О. А. Тургеневой (№ 424 и 430).

[1] После этих слов рукою Толстой вписано примечание: «belle-soeur его дяди». Речь идет о сестре жены Н. Н. Тургенева, А. С. Белокопытовой.

[2] Неточная цитата из «Евгения Онегина» (гл. 2, строфа XXXIX).

[3] После этого слова рукою Толстой вписано примечание: «Фауст». Это ошибка; на самом деле речь идет о «Рудине». Об ее отношении к «Рудину» см. письмо 425, примеч. 1.

422. **П. В. Анненкову** (с. 48)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 104а, л. 9.
Впервые опубликовано: Былое, 1925, № 1 (29), с. 83—84.

[1] «Сочинения Пушкина», издание П. В. Анненкова, в шести томах, 1855.

[2] Письма Анненкова к Тургеневу за июнь-июль 1855 г. неизвестны (за исключением одного, датированного 1 (13) июня).

[3] Очевидно, имеется в виду неизданное письмо А. Ф. Писемского к Тургеневу от 18 (30) июля 1855 г., которое хранится в *Bibl Nat*.

[4] «Рудин».

[5] В действительности Тургенев 3 (15) октября 1855 г. был в селе Покровском у В. П. и М. Н. Толстых. См. его письмо оттуда к Л. Н. Толстому, датированное этим числом (№ 439).

[6] Речь идет о Н. М. Еропкиной и ее племяннице О. А. Тургеневой.

[7] Тургенев приехал в Петербург несколько позже, по-видимому, 14 (26) октября 1855 г. (см. письмо 440).

423. **В. П. Боткину и Н. А. Некрасову** (с. 48)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60905.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 65—67.

[1] Письмо В. П. Боткина с припиской Н. А. Некрасова к Тургеневу см.: *Боткин и Т*, с. 59—65.

[2] Некрасов, в приписке к письму Боткина, звал Тургенева с собою на охоту в одну из своих деревень: Ярославскую («там ждет тебя *изрядное число дичи* и тьма поклонников твоих „Записок" и тебя») или во Владимирскую («там не знаю, есть ли твои поклонники,— зато дичи *бездна*») (там же, с. 65).

[3] В письме от 10 (22) июля 1855 г. Боткин дает подробный и очень сочувственный отзыв о повести Е. Нарской «Первое знакомство со светом» (см. письмо 416, примеч. 2: «〈. . .〉 это,— по словам Боткина,— премилая повесть, лучше всех до сих пор напечатанных женских повестей. Кроме прелести рассказа и сюжета, задуманного очень умно и искусно,— в ней есть некоторый юмор и веселость, которые возбуждают невольную симпатию читателя к автору» (там же, с. 59).

[4] Боткин писал в том же письме о книге Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности»: «Представь себе дикую странность мою: ведь я не совсем согласен с тобою относительно диссертации Чернышевского. В ней очень много умного и дельного. Дико только его определение искусства, „как суррогата действительности". Но неоспоримо и то, что прежние понятия об искусстве — очень обветшали и никуда не годятся, вследствие изменения нашего воззрения на природу и действительность...» (там же, с. 61).

[5] «Рудин».

[6] См. письмо 419, примеч. 9, 11.

[7] Об этом см. письмо 416, примеч. 9.

[8] Об этом см. письмо 416, примеч. 5.

424. **О. А. Тургеневой** (с. 50)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 31, л. 6—7.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС* и *П*, *Письма*, т. II, с. 302.

[1] Письмо Тургеневой неизвестно.

[2] См. письмо 407, примеч. 2.

[3] П. В. Анненков в Спасское не приезжал, хотя Тургенев неоднократно приглашал его (см. письмо 422).

[4] Речь идет о «Рудине», законченном 24 июля (5 августа) 1855 г.

[5] *Mme Milutine*— М. А. Абаза, вышедшая замуж за Н. А. Милютина в апреле 1855 г. Ей принадлежат воспоминания «Из записок Марии Аггеевны Милютиной» (*Рус Ст*, 1899, № 1, 2, 3).

[6] Н. М. Еропкина.

[7] Письмо неизвестно.

425. М. Н. Толстой (с. 51)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 147.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 107—108.

Датируется на следующих основаниях: «Рудин» окончен 24 июля ст. ст. 1855 г. Следовательно, письмо написано не раньше этой даты. С другой стороны, письмо не могло быть написано после первых чисел августа ст. ст. 1855 г. (см. ниже, примеч. 2).

[1] Письмо М. Н. Толстой с отзывом о «Рудине» до нас не дошло. В ее воспоминаниях,— в записи Стаховича, озаглавленной «В 1903 году о 1853»,— читаем о «Рудине»: «Мы были поражены небывалой тогда живостью рассказа и содержательностью рассуждений. Автор беспокоился, вышел ли Рудин действительно умным среди остальных, которые больше умничают. При этом он считал не только естественной, но и неизбежной растерянность этого „человека слова“ перед сильнейшей духом Наташею, готовой и способной на жизненный подвиг» (Орловский вестник, 1903, № 224).

[2] Е. Я. Колбасин «явился» к Толстым в Покровское до 6 (18) августа 1855 г., следовательно, настоящее письмо написано не позднее начала августа ст. ст. 1855 г. (см. письмо 428).

[3] На охоту Тургенев выехал не через три или четыре дня, а около 16—17 августа ст. ст. 1855 г. (см. письма 428, 429).

[4] Ивана Антоновича Дельвига.

[5] «Антон Горемыка» — повесть Д. В. Григоровича.

[6] «Детство» — повесть Л. Н. Толстого.

426. С. Т. Аксакову (с. 52)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 49—50.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 490—492.

[1] Тургенев имеет в виду свое письмо С. Т. Аксакову от 2 (14) июня 1855 г. (№ 403).

[2] «Рудин».

[3] См. письма 403, примеч. 6 и 441.

[4] И. С. Аксаков, вступивший в Московское ополчение, находился в это время в походе по маршруту: Брянск — Нежин — Козелец — Киев, о чем его отец сообщил Тургеневу в письме от 11 (23) августа 1855 г. (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 26—27).

[5] Речь идет о брошюре К. С. Аксакова «О русских глаголах», напечатанной в Москве в 1855 г. (ценз. разр. 8 апреля). В. С. Аксакова отметила в своем дневнике 10 (22) апреля того же года: «...*статья о глаголах* Константина после *двухгодичного* цензурованья выпущена наконец 〈...〉 Какова цензура!» (Аксакова В. С. Дневник. СПб., 1913, с. 103). В цитированном выше письме С. Т. Аксаков, между прочим, сообщал, что сын его надписал Тургеневу экземпляр этой статьи, которая посылается вместе с письмом.

[6] С. Т. Аксаков был в таком же восторге от рассказа Л. Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце», как и Тургенев, о чем писал в том же письме от 11 (23) августа 1855 г.

[7] В том же письме к Тургеневу он сообщил, что «Хроника и Воспоминания» переписываются набело и рукопись должна быть готова к 1 (13) сентября 1855 г.

[8] П. А. Вяземский с 1855 по 1858 г. был товарищем министра народного просвещения и членом Главного управления цензуры.

[9] А. С. Норов в 1850—1858 гг. был сначала товарищем министра, а затем министром народного просвещения.

427. В. П. Боткину (с. 53)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60906.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 70.

[1] О занятиях Тургенева по просьбе Н. А. Некрасова стихотворениями Бернса см. письма 419, 423.

428. Е. Я. Колбасину (с. 54)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, оп. 1, № 73.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 22—23.

В первой публикации адресатом письма ошибочно указан Д. Я. Колбасин, и оно неверно датировано серединой июля ст. ст. 1856 г.

Письмо датируется временем между 7 (19) и 12 (24) августа 1855 г. и должно быть переадресовано Е. Я. Колбасину на основании следующих данных: адресат в это время гостил у М. Н. Толстой в Покровском, куда и направлено письмо. Из братьев Колбасиных там был только Е. Я. Колбасин в июле — начале августа 1855 г. (см. письма 417, 425), тогда как Д. Я. Колбасин впервые познакомился с обитателями Покровского в конце мая 1856 г., когда он, по словам Тургенева, провел у него в Спасском 48 часов (см. письмо 495). Письмо, однако, не может быть отнесено к 1856 г. потому, что в нем Тургенев просит прислать ему экземпляр «Современника», в котором напечатано «Затишье», чтобы сделать в этой повести дополнения для перепечатки ее в «Повестях и рассказах» (изд. 1856 г.). Из письма 488 видно, что эти дополнения к маю 1856 г. уже были сделаны, а в июне того же года из типографии поступила первая корректура I части «Повестей» (см.: *Т и круг Совр*, с. 253). Следовательно, просьба прислать текст повести «Затишье» для дополнений может быть отнесена только к 1855 г. Письмо написано между двумя церковными праздниками, причем второй из них Успение. Этот праздник приходится на 15 (27) августа, а перед ним, 6 (18) августа,— Преображение. К тому же Тургенев сообщает, что намерен отправиться на трехдневную охоту «завтра». Об охоте на дупелей, на которую он едет «завтра», сообщается и в письме к В. П. Боткину от 9 (21) августа 1855 г. (см. письмо 427). Следовательно, всего вероятнее, что оба письма написаны в один день.

[1] Очевидно, речь идет о предстоявшей поездке Тургенева с Н. Н. Толстым на охоту «стрелять дупелей» в Карачевский уезд (см. письма 429, 430).

[2] Новый рассказ Л. Н. Толстого — «Ночь весною 1855 года в Севастополе», напечатанный в «Современнике» (1855, № 9, отд. I, с. 1—30), т. е. «Севастополь в мае». О нем Писемский писал Тургеневу 6 (18) августа 1855 г., сравнивая его с предыдущим очерком «Севастополь в декабре месяце» (*Совр*, 1855, № 6): «...на днях я слышал новый очерк Толстого из севастопольской жизни. Он мне понравился меньше того, по отношению автора к действующим лицам рассказа 〈. . .〉 Общая же картина, как и там, превосходна, хотя и составляет повторение!» (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2. М., 1964, с. 145).

Об этом же очерке Писемский писал А. Н. Островскому 26 июля (7 августа) 1855 г. (см.: *Писемский*, с. 82).

[3] Тургенев имеет в виду пребывание Е. Я. Колбасина в Спасском до отъезда в Покровское.

[4] О дополнениях, сделанных Тургеневым в тексте «Затишья» (*Совр*, 1854, № 9) при подготовке издания «Повестей и рассказов» 1856 г., см.: наст. изд., Сочинения, т. 4, с. 637.

[5] Персонаж из «Записок сумасшедшего» Гоголя.

429. А. В. Дружинину (с. 55)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 16467, л. 1—2.

Впервые опубликовано: Атеней, 1926, кн. III, с. 118—121.

[1] Имеется в виду письмо А. В. Дружинина от 28 июля (9 августа) 1855 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 183—186).

[2] Тургенев прибыл в Петербург из Москвы 14 (26) октября 1855 г.

[3] В 1855 г. под редакцией С. П. Шевырева вышли «Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти». В качестве приложения ко второй части «Мертвых душ» была опубликована рукопись Гоголя, названная редактором «Авторской исповедью». В рецензии на это издание Н. Г. Чернышевский писал об «Авторской исповеди»: «Статья эта написана по поводу неблагоприятных для автора отзывов о „Переписке с друзьями“ с целью служить ему оправданием, объяснением происхождения его книги и органической связи, соединяющей это странное явление с его прежними произведениями, которых отрицание видела критика во многих письмах» (*Чернышевский*, т. 3, с. 774).

[4] Спор о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях в русской литературе обострился в середине 1850-х годов в связи с выходом в свет анненковского издания сочинений Пушкина, второй части «Мертвых душ» Гоголя, книги Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», статей Дружинина о Пушкине и др. Дружинин был сторонником «чистой художественности» и отрицал прогрессивное значение гоголевского направления, с чем не мог согласиться Тургенев, ратовавший за органическое слияние в литературе «пушкинских» и «гоголевских» элементов. Спор, теоретический и практический, о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях был спором о дальнейшем пути развития русской литературы и отражением борьбы либерально-дворянской и революционно-демократической тенденций в общественно-литературной жизни России.

[5] Речь идет о шести статьях Дружинина, напечатанных в № 11 и 12 за 1855 г. и № 1, 2, 3 и 5 за 1856 г. «Современника» под названием «Георг Крабб и его произведения».

[6] Дружинин в письме от 28 июля (9 августа) 1855 г. просил Тургенева извиниться перед М. Н. Толстой за то, что во время пребывания у Тургенева в Спасском он и его спутники не нанесли ей визита (см.: *Т и круг Совр*, с. 184).

[7] Дружинин справляется о болховском помещике и писателе-агрономе И. В. Лаврове, усадьба которого находилась вблизи Спасского-Лутовинова. Во время своего пребывания у Тургенева Боткин, Григорович и Дружинин были гостями Лаврова в селе Кривцово (см.: Громов В. А., Чернов Н. М. Тургенев и болховский помещик И. В. Лавров.— *Т сб*, вып. 1, с. 281—284).

[8] Речь идет о М. Н. Каткове и его журнале «Русский вестник» (см.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. 3, с. 209). С. Т. Аксаков в письме от 11 (23) августа сообщал Тургеневу, что «в Москве получено позволение издавать журнал и газету кому-то из кружка Грановского...» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 27). Журнал начал выходить с января 1856 г. и был в первые годы издания органом умеренно-либерального западничества.

[9] «Два поколения».

[10] «Рудин»; работу над ним Тургенев закончил 24 июля (5 августа) 1855 г.

[11] См. письмо 425.

430. О. А. Тургеневой (с. 56)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 31, л. 9—10.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 309.

[1] Повесть — «Рудин»; «два характера» — сам Рудин и, может быть, Наталья, но возможно и Лежнев.

431. Н. А. Некрасову (с. 57)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 10—11.
Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 5-6, с 34.

[1] Тургенев имеет в виду два письма к нему Некрасова, от 12 и от 18 августа ст. ст. 1855 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 232—233 и 235—236).

[2] В письме от 18 августа ст. ст. 1855 г. Некрасов сообщал Тургеневу о новом диагнозе его болезни, поставленном врачом Шипулинским (*Некрасов*, т. 10, с. 235).

[3] См. письмо 422, примеч. 7.

[4] Имеется в виду «Рудин».

[5] Некрасов писал Тургеневу 12 августа ст. ст. 1855 г.: «Знаешь ли, теперь можно тиснуть твоего „Нахлебника“ — да и „Постоялый двор“» (*Некрасов*, т. 10, с. 232). «Постоялый двор» был напечатан в «Современнике» (1855, № 11).

[6] Отзыв о «Двух приятелях» в августовских письмах Некрасова к Тургеневу не содержится. Это произведение было опубликовано в первой книжке «Современника» за 1854 г. и, следовательно, не могло быть новостью для Некрасова в середине 1855 г. Возможно, что имеется в виду отзыв Некрасова не о повести «Два приятеля», а о романе «Два поколения», о котором поэт писал Тургеневу: «...я решительно утверждаю, что первые его четыре главы превосходны и носят на себе характер той благородной деятельности, от которой, к прискорбию, так далеко отошла русская литература» (*Некрасов*, т. 10, с. 232).

[7] В. А. Милютин застрелился 5 августа 1855 г. после того, как его тяжелую болезнь признали неизлечимой. О его смерти Тургенев узнал, видимо, из неподписанного некролога, помещенного в «Современнике» (1855, № 9).

[8] Об этом же Тургенев писал Некрасову еще 29 апреля (11 мая) 1855 г. (письмо 396). «Стихотворения Н. Некрасова» вышли в Москве в 1856 г. (ценз. разр. 14 мая).

432. С. Т. Аксакову (с. 58)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 51.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 492.

[1] Письмо С. Т. Аксакова к Тургеневу от 11 (23) августа 1855 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 26—27).

[2] 27 августа (8 сентября) 1855 г. 120-тысячная армия союзников предприняла общий штурм полуразрушенного Севастополя с 50-тысячным обессиленным гарнизоном. Французам удалось овладеть Малаховым курганом — центральным узлом обороны. После этого русские войска оставили Севастополь.

[3] См. письмо 441.

[4] Тургенев имеет в виду поражение прусской армии под Иеной 14 октября 1806 г., которое вызвало патриотический подъем и прогрессивное общественное движение в Германии.

[5] Речь идет о брошюре К. С. Аксакова «О русских глаголах» (М., 1855).

[6] О своем знакомстве с Н. В. Киреевским, «каким-то богачом, очень добрым человеком и горячим охотником», писал отцу 25 августа (6 сентября) 1855 г. и сам И. С. Аксаков, прибавляя, что «Киреевскому лет 60, и он ведет постоянно журнал своей охоты» (см.: И. С. Аксаков в его письмах, том третий и последний. Письма 1851—1860 годов. М., 1892, с. 153). Подробнее об отношениях Тургенева и Киреевского см.: Громов В. А. Н. В. Киреевский — знакомый Тургенева и Л. Н. Толстого.— *Т сб*, вып. 1, с. 284—292.

[7] И. С. Аксаков 4 (16) сентября 1855 г. находился еще в Новгороде-Северском, но зимовать ополчение должно было в Киеве (см.: Аксакова В. С. Дневник. СПб., 1913, с. 128—129).

[8] Журнал «Русский вестник». См. письмо 429, примеч. 8.

433. И. И. Панаеву (с. 59)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 13.
Впервые опубликовано: *Панаев*, 1888, т. 6, с. 401.

[1] Это ответ на письмо Панаева от 2 (14) сентября 1855 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 42—44).

[2] «Постоялый двор».

[3] Речь идет о романе «Тысяча душ», который А. Ф. Писемский «продал за лишнюю тысячу Краевскому», хотя прежде обещал его в «Современник» (см. письмо Некрасова к Тургеневу от 18 августа ст. ст. 1855 г.— *Некрасов*, т. 10, с. 236). Роман был опубликован в 1858 г.

[4] Тургенев имеет в виду известия о падении Севастополя.

434. В. П. Толстому (с. 59)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 29, л. 7.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 1, с. 290—291. Обоснование датировки изложено в комментарии к этой публикации.

[1] Л. Н. Толстой с ноября 1854 г. находился в Севастополе, участвуя в обороне города до момента его оставления.

435. Полине Виардо (с. 59 и 364)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 70—71.

[1] Эти письма Тургенева, как и упоминаемое им письмо П. Виардо, неизвестны.

[2] Летом 1855 г. Виардо с успехом гастролировала в Англии, она пела в «Севильском цирюльнике» Россини, «Пророке» Мейербера, «Трубадуре» Верди, а также дала немало концертов. Тургенев мог найти подробности о ее выступлениях в лондонском журнале «Athenaeum», который, благодаря сотрудничеству в нем Г. Чорли — близкого друга семьи Виардо и поклонника таланта певицы, откликался не только на английские гастроли П. Виардо, но и на ее выступления за пределами Англии. В летний лондонский сезон 1855 г. в «Athenaeum»е появилось несколько корреспонденций, очевидно, принадлежавших Чорли. Так, в № 1443 (1855, June 23) давался подробный разбор «Севильского цирюльника», где Виардо исполняла столь любимую ею и публикой, полную «блеска и юмора» партию Розины. Отмечая разносторонность таланта певицы, автор корреспонденции писал, что П. Виардо «стоит ⟨...⟩ выше всех своих нынешних коллег по оперной сцене и выше большинства своих предшественниц» (p. 738). В статье, посвященной первому в 1855 г. представлению «Пророка» «Athenaeum» сообщал, что «госпожа Виардо никогда еще не исполняла партию Фидес с большим вдохновением и голос ее не звучал еще столь свободно и изящно» (1855, № 1449, August 4, p. 907).

[3] Тургенев прибыл в Петербург 14 (25) октября вместе с В. П. Боткиным.

[4] Летом 1855 г. Тургенев закончил роман «Рудин», который, по свидетельству Анненкова, был начат 5 (17) июня и закончен 24 июля (5 августа) (см.: А н н е н к о в, М., 1983, с. 398).

[5] В 1855 г. Полина Тургенева перешла из пансиона г-жи Ренар в пансион м-ль Мерижо и Барлас (см. письмо 437, примеч. 1). Директрисой этого пансиона была г-жа Аран, упоминаемое письмо которой неизвестно.

[6] Новая оратория М. Коста «Илия» была впервые представлена на фестивале в Бермингеме и получила высокую оценку. Сюжет оратории заимствован из первых четырех глав Первой книги Самуила. Илия был, согласно Библии, 40 лет судьей Израиля, но не ему, а юному его помощнику Самуилу удалось объединить народ, провозгласив королем Саула, и одержать победу над филистимлянами. По замыслу автора, Саул должен был олицетворять беззаботную и необузданную юность, а Илия — мудрость и осторожность, свойственные возрасту. О выступлении П. Виардо в этой оратории автор корреспонденции в «Athenaeum»е (очевидно, Г. Чорли) писал: «Во второй части появилась госпожа Виардо, и появилась к большой выгоде всей постановки, придавая музыке „Самуила“ то поэтическое чувство, ту утонченность и сдержанность экспрессии, которые ставят ее в ряд немногочисленных на все века артистов, чье совершенство подтверждалось разносторонностью их таланта. В исполнении сакральной музыки эта певица навсегда останется непревзойденной» (1855, № 1563, September 1, p. 1009).

436. **В. П. Толстому** (с. 61)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, л. 5—6.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 1, с. 290.

Датируется предположительно сентябрем ст. ст. 1855 г. на том основании, что в этом месяце начинается осенняя охота на вальдшнепов (см.: *Звенья*, т. 1, с. 290). В начале октября ст. ст. 1855 г. Тургенев уже покинул Спасское (см. письмо 439).

437. **Полине Тургеневой** (с. 61 и 365)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 2—3.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 16—17. Перепечатано: *Séménoff*, p. 34—36.

Письмо не датировано (вероятно, было послано в письме к П. Виардо); написано, по-видимому, в сентябре 1855 г., поскольку в нем говорится о пятилетней разлуке с дочерью (Тургенев расстался с нею в октябре 1850 г.), о предстоящем отъезде из Спасского и о возможном заключении мира. В Москву Тургенев приехал из Спасского ко дню похорон Т. Н. Грановского 7 (19) октября 1855 г. (см. письмо 441).

1 В 1855 г. Полина Тургенева училась в пансионе, который принадлежал Мерижо и Барлас, на улице Амстердам (*Н Вр*, 1910, 11 (24) августа, № 12361). С директрисой пансиона, г-жой Аран (*Harang*), у Тургенева установились дружеские отношения. В письмах к дочери Тургенев пишет ее фамилию то Harang, то Harend.

2 Речь идет о Крымской войне.

3 В 1855 г. Тургенев прожил в Спасском с 12 апреля (см. письмо 403) по 2 октября ст. ст. (см. письмо 439).

4 По окончании Крымской войны мир был заключен в марте 1856 г. в Париже. 21 июля (2 августа) 1856 г. Тургенев выехал из Петербурга морем за границу (см. письмо 520).

438. **А. А. Краевскому** (с. 62)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 184.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 29—30, с предположительной датировкой — 1856 г.

Датируется на основании следующих данных: 1) «Повесть Колбасина» — это, несомненно, «Академический переулок». В письме к Тургеневу от 6 (18) июля 1855 г. Краевский просил прислать эту повесть и обещал быстро дать свое заключение о ней (см. письмо 409, примеч. 4). Таким образом, настоящее письмо могло быть написано только после того, как повесть Колбасина была отправлена Краевскому и это стало известно Тургеневу, т. е. не ранее середины июля ст. ст. 1855 г.; 2) упоминаемый роман (очевидно, «Два поколения») Тургенев обещает закончить «к 1 сентября будущего года». В следующем письме к Краевскому (№ 461) Тургенев сообщает, что не сможет в течение года закончить его. Из этого следует, что настоящее письмо написано не позднее сентября ст. ст. Год написания определяется тем, что 20 июля ст. ст. 1856 г. Тургенев заявил Краевскому о прекращении своего сотрудничества в «Отечественных записках» в связи с «обязательным соглашением» (см. письмо 518).

Следовательно, настоящее письмо написано годом раньше — не ранее середины июля и не позднее сентября ст. ст. 1855 г., в Спасском. Следует добавить, что летом 1855 г. у Тургенева появилось желание «приняться снова» за роман «Два поколения» и «переделать его с основанья» (см. письмо 403).

439. **Л. Н. Толстому** (с. 62)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, ф. 302, оп. 3, № 739.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1915, № 5, с. 208—209 (по копии); впервые по подлиннику: *Толстой и Т*, с. 11—12, с датой — 9 октября 1855 г. Дата исправлена М. К. Клеманом на том основании, что 9 октября Тургенев был в Москве, а начертание 9 у писателя обычно близко к начертанию 3 (*Клеман*, *Летопись*, с. 79).

[1] Тургенев гостил в имении сестры Л. Н. Толстого Марии Николаевны Покровском, в 20 верстах от Спасского. Отсюда он собирался ехать в Петербург, но задержался в Москве до 13 (25) октября; 7 (19) октября он был на похоронах Т. Н. Грановского, который умер 4 (16) октября 1855 г.

[2] Рассказ Толстого был напечатан в «Современнике» (1855, № 9): «Рубка леса. Рассказ юнкера (Посвящается И. С. Тургеневу)». В письме к И. И. Панаеву от 14 июля ст. ст. 1855 г. Толстой сообщал, что дня через три пошлет ему «Рассказ юнкера»: «Ежели Тургенев в Петербурге, то спросите у него позволения на статье „Рассказ юнкера“ надписать: посвящается И. Тургеневу. Эта мысль пришла мне потому, что, когда я перечел статью, я нашел в ней много невольного подражания его рассказам» (*Толстой*, т. 59, с. 316). При перепечатке этого рассказа в сборнике «Военные рассказы графа Л. Н. Толстого» (СПб., 1856) посвящение было снято.

[3] В дневнике Толстого от 21 марта 1855 г. записано: «Получил восхитительное письмо от Маши, в котором она описывает мне свое знакомство с Тургеневым. Милое, славное письмо, возвысившее меня в собственном мнении и побуждающее к деятельности» (*Толстой*, т. 47, с. 40).

[4] После оставления Севастополя (27 августа ст. ст. 1855 г.) Толстой со своей батареей перешел на позицию сначала в Керменчик (близ Бахчисарая), потом у Фотсала.

[5] Тургенев имеет в виду, вероятно, письмо Толстого к Т. А. Ергольской от 4 сентября 1855 г., полученное в Туле 1 октября. Толстой писал (в подлиннике по-французски): «В эти последние дни мысль бросить армию совсем приходит мне в голову все чаще и настойчивее» (*Толстой*, т. 59, с. 335).

[6] Перифраз из стихотворения Пушкина «19 октября» (1825); у Пушкина: «Служенье Муз не терпит суеты».

440. **Н. А. Некрасову** (с. 64)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 12.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 5-6, с. 35.

В подлиннике описка: Тургенев датировал письмо 11 сентября, в то время как оно написано несомненно 11 (23) октября 1855 г., что видно из содержания.

[1] Тургенев был в это время в Москве в связи с похоронами 7 (19) октября 1855 г. Т. Н. Грановского. О том, что Тургенев и Боткин приехали в Петербург, по-видимому, 14 (26) октября 1855 г., см. также в письме 442.

[2] Тургенев имеет в виду письмо Некрасова к Боткину от 8 октября ст. ст. 1855 г., в котором Некрасов выражал свои чувства по поводу скоропостижной смерти Грановского (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 254).

[3] «Рудин».

[4] Далее следует приписка В. П. Боткина: «Дня три или четыре назад я послал тебе письмо,— а вчера получил от тебя. Я не знаю, что и сказать о нашей потере. Всё, что ты пишешь — я то же самое чувствую. Из твоего письма — вижу, что ты сильно всё принял к сердцу. В пятницу тебя увижу — и деньги привезу с собой. Обзор журналов отличный — тон его превосходен. Ах, если б в этом тоне выдержать до Нового года! Очень любопытно знать, какое будет мнение о Карлейле. Статья Писемского о Гоголе очень хороша и дельна; — стихи Полонского начались хорошо — а потом спутались и через это все пропали. Твои действуют на душу, как сырой холодный туман на тело — проникают исподволь и страшно холодят. Пока прощай, милый друг — весь твой В. Боткин». Здесь Боткин говорит о своем письме к Некрасову от 6 (18) октября 1855 г., в котором он писал о кончине Грановского. Под «обзором журналов» подразумеваются «Заметки о журналах за сентябрь 1855 года» (*Совр*, 1855, № 10). Далее упоминаются: статья В. П. Боткина «О героях и героическом в истории. Соч. Т. Карлейля» (там же), статья А. Ф. Писемского «Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти: Похождения Чичикова, или Мертвые души. Том второй (5 глав). Москва, 1855» (*Отеч Зап*, 1855, № 10), стихотворение Я. П. Полонского «На Черном море» (*Совр*, 1855, № 10) и стихотворение Н. А. Некрасова «В больнице» (там же).

441. С. Т. Аксакову (с. 64)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 52—53.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 492—493.

[1] Поездка Тургенева (на дворянские выборы по Тульской губернии) не состоялась.

[2] «Семейная хроника и Воспоминания». С. Т. Аксаков сообщал Тургеневу 30 октября ст. ст. 1855 г.: «Рукопись моя пропущена и печатается» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 29).

[3] См. письмо 440, примеч. 1. С. Т. Аксаков, отвечая на это письмо Тургенева, писал: «Смерть Грановского и меня поразила» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 29).

[4] На вопрос Тургенева, кто является автором статьи о Грановском «Два слова ученика о наставнике (Т. Н. Грановский)», помещенной в «Московских ведомостях» (1855, № 122, 11 (23) октября), подписанной «Студент ***», С. Т. Аксаков отвечал, что ему это не известно (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 29). Статья была написана Н. М. Павловым, который впоследствии включил ее в свой сборник «Наше переходное время» (М., 1888, с. 465—467).

[5] Статья Тургенева «Два слова о Грановском. Письмо к редакторам „Современника“» была опубликована в одиннадцатой книжке «Современника» за 1855 г. С. Т. Аксаков писал Тургеневу: «Надеюсь скоро прочесть в „Современнике“ вашу статью и уверен, что она будет очень хороша. Я недавно перечел ваши строки о смерти Гоголя, и они сильно на меня подействовали, а Грановского вы знали ближе и любили, вероятно, больше» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 29).

[6] Речь идет о первой части «Рудина».

[7] С. Т. Аксаков в том же письме к Тургеневу сообщал о сыне, что он — в связи с тем, что Смоленское и Московское ополчения приписаны к армии А. Н. Лидерса,— не сможет оставаться более в должности казначея и квартирмейстера, ему придется «поступать в строевые офицеры, не имея ни малейшего понятия о военной службе» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 29).

442. **М. Н. и В. П. Толстым** (с. 65)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 30, л. 4.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 1, с. 291.

[1] Из Москвы, см. письмо 441.

[2] О болезни Н. А. Некрасова М. Н. и В. П. Толстые узнали от Тургенева же несколько раньше. 17 (29) сентября 1855 г. Некрасов послал Тургеневу в Спасское письмо, в котором писал о своем здоровье (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 250).

[3] Тургенев читал «Рудина» в кружке «Современника» в первой половине октября ст. ст. 1855 г. О том, каковы были замечания слушателей, узнаем из письма Некрасова к Боткину от 24 ноября (6 декабря) 1855 г.: «А Тургенев славно обделывает „Рудина". Ты дал ему лучшие страницы повести, натолкнув его на мысль развить студенческие отношения Лепицына и Рудина. Прекрасные, сердечнотеплые страницы и — необходимейшие в повести! 〈...〉 Теперь Тургенев работает за концом, который также должен выйти несравненно лучше. Словом, повесть будет и развита и закончена» (там же, с. 259). Лепицын позднее получил имя Лежнева.

[4] В. П. Боткин и А. В. Дружинин познакомились с М. Н. и В. П. Толстыми в пору своего пребывания в Спасском с 12 (24) мая по 1 (13) июня 1855 г.

[5] С 1842 г. по октябрь 1855 г. П. А. Клейнмихель был главноуправляющим путей сообщения. Постройка под его руководством Николаевской железной дороги ознаменовалась многочисленными человеческими жертвами и безудержным казнокрадством.

[6] Речь идет о рассказе «Севастополь в мае», напечатанном в изуродованном цензурой виде в сентябрьской книжке «Современника» за 1855 г. без подписи автора. В связи с этим Некрасов писал Толстому 2 (14) сентября 1855 г.: «Возмутительное безобразие, в которое приведена Ваша статья, испортило во мне последнюю кровь. До сей поры не могу думать об этом без тоски и бешенства 〈...〉 Не буду Вас утешать тем, что и напечатанные обрывки Вашей статьи многие находят превосходными; для людей, знающих статью в настоящем виде,— это не более как набор слов без смысла и внутреннего значения. Но нечего делать!» (там же, с. 240—241).Тургенев имел, очевидно, рукопись или корректуру рассказа, полученную из редакции «Современника» в еще не испорченном цензурой виде.

[7] Очевидно, Тургенев сам собирался еще раз писать Л. Н. Толстому, но не написал, боясь, что письмо уже не застанет Толстого на месте (Толстого со дня на день ожидали в Петербурге).

443. **Я. П. Полонскому** (с. 66)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 25272, л. 1.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 8, с. 157.

Датируется по содержанию с учетом карандашной пометы неизвестной рукой: «24-го окт.». День рождения Тургенева — 28 октяб-

ря — приходился на пятницу в 1855 г. Следовательно, записка, помеченная понедельником, написана 24 октября (5 ноября) 1855 г.

Эта датировка подтверждается сообщением в газете «С.-Петербургские ведомости» о том, что в среду, 26 октября 1855 г., на сцене Александринского театра шла комедия Тургенева «Завтрак у предводителя».

444. **П. А. Вяземскому** (с. 66)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2884, л. 7.

Впервые опубликовано: *Центрархив*, *Документы*, с. 22, с датой — ноябрь 1855 г.

Датируется серединой 20-х чисел октября ст. ст. 1855 г. по содержанию письма, в котором речь идет о корректуре статьи Тургенева «Два слова о Грановском», печатавшейся в одиннадцатой книжке «Современника»; Тургенев хотел представить статью на рассмотрение Вяземского, чтобы предупредить цензурные затруднения (ценз. разр. книжки «Современника» — 31 октября 1855 г.).

1 См. письмо 426, примеч. 8.

445. **Н. Н. Тургеневу** (с. 66)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 377, № 582, л. 6—7.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 15—16.

1 Тургенев пишет о рождении второй дочери Н. Н. Тургенева.

2 Речь идет о Е. Я. Колбасине, незадолго до этого (весной и летом 1855 г.) гостившем в Спасском.

3 А. В. Дружинин познакомился с Н. Н. Тургеневым летом 1855 г., когда он вместе с Д. В. Григоровичем и В. П. Боткиным гостил в Спасском.

4 Александр II в это время был в Николаеве. В Царское Село он возвратился в первых числах ноября ст. ст. 1855 г.

5 См. письмо 365, примеч. 2 (наст. изд., т. 2).

6 Имеется в виду отставка Н. С. Тургенева из земского ополчения (*Т сб*, вып. 5, с. 227).

446. **П. А. Плетневу** (с. 67)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 234, оп. 3, № 665.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 3, с. 187.

Письмо без даты, но с пометой рукою Плетнева: «Получено 13 ноября вечер». При первой публикации оно предположительно было отнесено к 1858 г., что невозможно, так как 13 ноября в 1858 г. была среда.

Следует согласиться с датировкой письма 1855 г., установленной в описании рукописей и переписки Тургенева (*ИРЛИ*, *Бюлл*, с. 61).

Правильность отнесения настоящего письма к 1855 г. подтверждается тем, что зиму 1855 г. Тургенев провел в Петербурге и именно в 1855 г. 13-е ноября было воскресенье.

447. **С. Т. Аксакову** (с. 67)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 54.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 493—494.

[1] Тургенев имеет в виду письмо к нему С. Т. Аксакова от 13 (25) ноября 1855 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 572—573), в котором сообщалось о пятидесятилетии сценической деятельности М. С. Щепкина.

[2] О том, что Тургенев действительно принял самое деятельное участие в проведении юбилея Щепкина, свидетельствует письмо к нему С. Т. Аксакова от 22 ноября (4 декабря) 1855 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 574). См. также письмо 448.

[3] Повесть «Постоялый двор» была опубликована в одиннадцатой книжке «Современника» за 1855 г. С. Т. Аксаков, знакомый с этой повестью в рукописи (см. его письмо к Тургеневу от 16 (28) мая 1855 г.— *Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 25), был огорчен тем, что она напечатана «с такими изменениями, которые уничтожают мысли...» Впрочем, несколько позже, в письме к Тургеневу от 14 (26) декабря 1855 г., С. Т. Аксаков сообщал: «„Постоялый двор“ и в настоящем своем виде признан всеми за лучшее ваше произведение» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 573, 575).

448. П. А. Вяземскому (с. 68)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2884, л. 9.

Впервые опубликовано: *Центрархив, Документы*, с. 22—23.

Датируется 23 ноября (5 декабря) 1855 г. на основании содержания: в письме идет речь о юбилее М. С. Щепкина, который предполагалось отпраздновать в субботу, 26 ноября (8 декабря); письмо имеет помету «Середа», что соответствует 23 ноября (5 декабря) 1855 г.

[1] Н. А. Некрасов 24 ноября (6 декабря) 1855 г. писал В. П. Боткину о том, что М. П. Погодин по телеграфу просил Тургенева принять участие в юбилее Щепкина (*Некрасов*, т. 10, с. 260).

[2] Юбилейный обед был дан Щепкину в Москве 26 ноября (8 декабря) 1855 г. в зале Училища живописи и ваяния.

[3] А. В. Никитенко 24 ноября (6 декабря) 1855 г. записал: «Вчера министр имел личный доклад у государя 〈...〉 Вечером 〈...〉 я поехал к Тургеневу. Там застал много литераторов: Майкова, Дружинина, Писемского, Гончарова, приехавшего из Севастополя Толстого и т. д. 〈...〉 Здешние литераторы написали поздравительный адрес Щепкину, юбилей которого празднуется в Москве в субботу на этой неделе. Я также подписал адрес» (*Никитенко*, т. 1, с. 425).

[4] Вяземский подписал адрес, опубликованный затем в «Современнике» (1855, № 12, отд. V, с. 269—270) под заглавием: «Письмо петербургских литераторов к М. С. Щепкину, по случаю его пятидесятилетнего юбилея, одобренное его высокопревосходительством г. министром народного просвещения». Письмо подписали 27 литераторов, в том числе: Тургенев, Некрасов, Л. Н. Толстой, Гончаров, Писемский, Тютчев, А. Н. Майков, Полонский, М. Л. Михайлов, В. А. Соллогуб и др. Датировано оно 23 ноября ст. ст. 1855 г.

449. М. Н. Каткову (с. 69)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/1. Текст письма поврежден.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 36.

[1] В то время, когда Тургенев писал это письмо, работа над повестью «Призраки», по-видимому, была еще только начата, а закончилась она лишь в 1863 г. («Призраки» появились впервые в «Эпохе», 1864, № 1). Между тем, как видно из данного письма, это произведение было обещано Каткову для первого номера его нового журнала «Русский вестник», начавшего выходить с 1856 г. О недоразумениях между Катковым и Тургеневым вследствие неисполнения последним его обещания см. в письмах к М. Н. Лонгинову (№ 552) и следующих. О творческой истории «Призраков» см.: Пиксанов Н. К. История «Призраков».— *Т и его время*, с. 164—192; Азадовский М. К. Три редакции «Призраков».— Учен. зап. ЛГУ, № 20, сер. филол. Л., 1939, вып. 1, с. 123—154.

450. М. Н. Толстой (с. 69)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, Бп. 100. 7192.

Впервые опубликовано: *Толстой*, т. 61, с. 371—372.

Письмо является припиской к письму Л. Н. Толстого к М. Н., В. П. и Н. Н. Толстым от 30 ноября (12) декабря 1855 г., что дает основание для точной его датировки.

[1] Письмо М. Н. Толстой неизвестно.

[2] Письмо написано под свежим впечатлением знакомства Тургенева с Толстым, которое состоялось 19 ноября (1 декабря) 1855 г. Приехав в Петербург курьером из-под Севастополя, Толстой остановился на квартире у Тургенева (см.: *Толстой*, т. 61, с. 370—372).

451. В. П. Боткину (с. 69)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60907.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 74—75.

Стр. 70. другие хотят занять это место (*франц.*).

[1] Речь идет о письме Боткина от 30 ноября ст. ст. 1855 г., датированном в автографе (*ИРЛИ*, № 5799, № 18) ошибочно «30 декабря» и так же с ошибочной датой напечатанном в издании: *Боткин и Т*, с. 72—73. Поэтому обещание Боткина, о котором говорится в этом его письме,— закончить статью о Карлейле для «Современника» «к 15 декабря» — является не опиской вместо «января», как объяснено в примечании к этой публикации, но точным указанием.

[2] Портрет Тургенева был послан Боткину в конце ноября; Боткин благодарил за него Тургенева в письме от 30 ноября (см. выше) и писал: «Взглянешь на него — и хорошо сделается на душе: словно ты со мной и смотришь на меня так тихо и приветливо, как ты иногда смотришь — и словно между нами идет тихий и задушевный разговор» (*Боткин и Т*, с. 72). Очевидно, речь идет о переснимке с дагерротипа, снятого в Париже в 1848—1849 гг., так как только к нему подходит определение Боткина.

[3] Л. Н. Толстой 21 ноября ст. ст. 1855 г. записал в дневнике: «Я в Петербурге у Тургенева» (*Толстой*, т. 47, с. 64).

[4] См. письмо 442, примеч. 3.

[5] Толстой приехал в Петербург в качестве курьера по служебным делам. Очевидно, обстоятельство, задержавшее его,— служебного характера. Толстой уехал в отпуск в Москву и Орел только 1 (13) января 1856 г. (см.: *Толстой*, т. 59, с. 336).

[6] В письме от 30 ноября ст. ст. 1855 г. Боткин писал Тургеневу: «...а я всё один и люблю быть один. Мне только и хочется видеть

тебя да Некрасова, а вы далеко. А из всех здешних господ, кажется, лет хоть десять никого не увижу и на одиннадцатый также видеть не захочется»,— и далее дал ироническую характеристику «Ареопага», составленного «*мрачными дамами* (гр. Е. В. Салиас и ее кругом,— *Ред.*)», где царит «самый удушливый воздух» (*Боткин и Т*, с. 73).

[7] Турецкая крепость Карс сдалась русским войскам под начальством генерала Н. Н. Муравьева 16 (28) ноября 1855 г., после пятимесячной осады и неудачного штурма 17 сентября ст. ст., повлекшего большие потери. Взятие Карса, явившееся последним крупным событием Крымской войны (1853—1856), оказало значительное и благоприятное для России влияние на исход мирных переговоров, закончившихся заключением Парижского мирного договора 1856 г.

[8] Надежда Николаевна — вероятно, та «прелестная полька», о которой Тургенев пишет в этом же письме.

452. **Н. А. Некрасову** (с. 70)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 17.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 5-6, с. 38 (без даты).

Датируется предположительно 5—6 (17—18) декабря 1855 г. по сопоставлению с письмами к М. Н. и В. П. Толстым от 8 (20) декабря и П. В. Анненкову от 9 (21) декабря 1855 г., в которых Тургенев также писал о своей болезни и о том, что он уже подвергся операции. С другой стороны, вряд ли это письмо могло быть написано до 3 (15) декабря 1855 г., так как в этот день Тургенев писал В. П. Боткину и ни словом не упомянул о своей болезни.

[1] См. письма 450, примеч. 2, и 451, примеч. 3, 5.

453. **М. Н. и В. П. Толстым** (с. 71)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 158.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 108—109, с пропуском одного слова.

[1] См. письмо 450, примеч. 2, и 451, примеч. 3.

[2] См. письмо 451, примеч. 5.

[3] Это — открывки из «Юности» и «Романа русского помещика»; последний отрывок напечатан под заглавием «Утро помещика» (см. письмо 454, примеч. 4 и письмо Н. А. Некрасова к В. П. Боткину — *Некрасов*, т. 10, с. 259—260).

[4] Было несколько братьев Иславиных. Л. Н. Толстой особенно был расположен к К. А. Иславину.

[5] Обед в честь строителя укреплений Севастополя, генерала Э. И. Тотлебена, был дан в Обществе любителей шахматной и военной игры 5 (17) декабря 1855 г.; отчет об обеде опубликован в *СПб Вед*, 1856, 3 (15) января.

[6] А. Н. Майков читал на обеде стихи, написанные в честь Тотлебена. Тургенев не совсем точно цитирует одно из четверостиший его стихотворения (см.: *СПб Вед*, 1856, 3 (15) января).

[7] Можно предположить, что «дерзкие речи» крупного ученого были вызваны его раздражением против невежественности и косности военного командования и высшей бюрократии. Изобретения Якоби, которые могли бы сыграть выдающуюся роль в войне в Крыму (гальванические подводные мины, воздушный электрический телеграф и пр.), не были применены, и сам Якоби даже был отстранен

от разработки методов минной обороны, а его лаборатория и мастерская закрыты (см.: Радовский М. И. Борис Семенович Якоби. Биографический очерк. Л.; М., 1953, с. 176—180, 182—183, 201—203).

[8] Так, например, Некрасов писал Боткину о своем впечатлении от Толстого: «Что это за милый человек, а уж какой умница! ⟨...⟩ Милый, энергический, благородный юноша — сокол!.. а может быть, и — орел» (*Некрасов*, т. 10, с. 258—259).

[9] См. письма Л. Н. Толстого к М. Н. Толстой (*ГБЛ*, *Записки*, вып. 4, с. 23—25).

[10] Воспитанный на старой и современной ему оперной классике (Россини, Беллини, Доницетти, позднее — Мейербер), Тургенев в 40-х годах резко отрицательно относился к драматической музыке Верди и стал признавать ее лишь с большим трудом. Впрочем, отрицательное отношение к Верди разделялось в то время многими, в том числе, например, А. Н. Серовым и Г. А. Ларошем. Гений Верди был оценен позднее, представителями следующего поколения. Отголоском критического отношения к Верди является иронический отзыв о «Травиате» в XXXIII главе «Накануне». Последняя сцена «Трубадура», понравившаяся Тургеневу,— одна из вершин в творчестве композитора.

[11] Речь идет о Е. Я. Колбасине и его статье «Ив. Ив. Мартынов, переводчик греческих классиков» (*Совр*, 1856, № 3-4). И. И. Мартынов в 1823—1829 гг. издал 26 томов переводов греческих классиков.

454. П. В. Анненкову (с. 73)

Печатается по тексту первой публикации: Литературная газета, 1931, № 13 (112), 9 марта.

Подлинник неизвестен. В *ИРЛИ* имеется машинописная копия, принадлежавшая М. К. Клеману. Она содержит некоторые разночтения по сравнению с текстом «Литературной газеты». В частности, в приведенном Тургеневым черновом варианте стихотворения Н. А. Некрасова «Замолкни, Муза мести и печали!..» в стихе 21 вместо «возрожденья» стоит «вдохновенья». В конце письма — «мой адрес Пбрг», а не «мой адрес тот же» и др.

Стр. 73. в полном сборе (*франц.*).
Стр. 73. шедевр (*франц.*).
Стр. 73. нейтральная почва (*франц.*).

[1] Письма Анненкова к Тургеневу за вторую половину 1855 г. неизвестны.

[2] Тургенев жил в Петергофе летом 1854 г.

[3] Цитата из «Горя от ума» А. С. Грибоедова (д. IV, явл. 4), Репетилов — Чацкому: «А у меня к тебе влеченье, род недуга...»

[4] Работу над повестью «Юность» Л. Н. Толстой начал в марте 1855 г., находясь в Крыму, а закончил в Ясной Поляне в сентябре 1856 г. «Юность» была опубликована в первой книжке «Современника» за 1857 г.

[5] «Роман русского помещика».

[6] Поэма Н. П. Огарева «Зимний путь» была напечатана с посвящением П. В. А., т. е. П. В. Анненкову (*Рус Вестн*, 1856, февраль, кн. 1, с. 397—413). Она стала известна в петербургских литературных кругах еще до появления в печати, чему немало способствовал Тургенев (см.: Алексеев М. П. Письма И. С. Тургенева к А. В. Никитенко.— *Лит Арх*, т. 4, с. 186—187).

[7] Стихотворение Некрасова «Замолкни, Муза мести и печали!..», которое приложено Тургеневым к данному письму, в действительности было написано не «вчера», т. е. 8 декабря 1855 г., а несколько раньше. Во всяком случае, В. П. Боткин писал о нем Некрасову 7 декабря того же года (Евгеньев-Максимов В. Е. Н. А. Некрасов и люди 40-х гг.— *Гол Мин* 1916, № 9, с. 177).

[8] Тургенев под воздействием друзей (в частности, Боткина и Некрасова) несколько раз в конце 1855 г. перерабатывал роман «Рудин».

[9] Вариант 5—6 стихов печатного текста:

К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!

[10] Вариант 9—10 стихов печатного текста:

Всему конец. Ненастьем и грозою
Мой темный путь недаром омрача,

[11] Вариант 24 стиха печатного текста:

Я звал тебя,— теперь уж не зову!

[12] Черновая редакция стихотворения Некрасова «Замолкни, Муза мести и печали!..», приведенная Тургеневым в его письме, содержит восемь стихов (13—20: «Зачем в тюрьму с тяжелыми замками ∾ Другую музу позвал бы на пир»), которые в печати были опущены (*Совр*, 1856, № 3) и до публикации настоящего письма в 1931 г. не были известны.

455. **Н. А. Некрасову** (с. 75)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 19.
Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 5-6, с. 40 (без даты).
Датируется предположительно 10—11 (22--23) декабря 1855 г. на основании содержания и по сопоставлению с письмом к М. Н. и В. П. Толстым от 8 (20) декабря того же года (Тургенев писал в нем, что просидит дома из-за болезни еще дней шесть).

[1] 1-я часть «Рудина» (главы I—VI) появилась в январской книжке «Современника» за 1856 г.

[2] Под «импровизацией» Рудина Тургенев разумеет его речь в гостиной Д. М. Ласунской (глава III).

456. **М. Н. Каткову** (с. 75)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 262, оп. I, № 16, л. 1.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 331.

Стр. 75. неожиданное препятствие (*нем.*).

[1] Письмо Каткова неизвестно.

[2] Речь идет о «Призраках». Обещание прислать это произведение в редакцию «Русского вестника» не позднее 20 декабря 1855 г. (1 января 1856 г.) Тургенев дал Каткову в письме от 28 ноября (10 декабря) 1855 г. (№ 449).

[3] Поездка Тургенева не состоялась. В 1855 г. «Призраки» не были написаны.

[4] Тургенев, связанный с 1856 г. обязательствами с «Современником», стал деятельным сотрудником «Русского вестника» лишь

после разрыва с Некрасовым, с 1861 г. В «Русском вестнике» были опублпкованы романы «Накануне», «Отцы и дети», «Дым».

457. **А. В. Никитенко** (с. 76)

Печатается по подлинннпку: *ИРЛИ*, № 18718, л. 8.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 4, с. 186, с одной неточностью: вместо «Огарев читает у меня» — «Огарев читает у нас».

Датируется на основании письма Н. А. Огаревой к родным от 14 декабря ст. ст. 1855 г., в котором сказано: «Ог‹арев›теперь на вечере у Тург‹енева›; опять читает „Зимний путь“» (*Рус Пропилеи*, т. 4, с. 143).

458. **Н. А. Некрасову** (с. 76)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 14.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 5-6, с. 38.

Датируется предположительно 14—15 (26—27) декабря 1855 г. на основании содержания и по сопоставлению с соседними письмами к тому же адресату.

[1] Л. Н. Толстой обедал у Некрасова 14 (26) декабря 1855 г. (см.: Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890 М., 1958, с. 103).

459. **А. В. Никитенко** (с. 77)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 18718, л. 5.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. II, с. 332.

Датируется на основании сопоставления данных этого письма с воспоминаниями А. А. Фета. Тургенев пишет, что Фет «сам сюда приехать не может». Фет, в качестве офицера, не мог приехать до окончания войны. Военные действия были прекращены в ночь с 14 на 15 декабря ст. ст. 1855 г. (см.: Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л. 1950. Т. 2, с. 541). Фет взял отпуск из армии и приехал в Петербург «в первых числах января ‹ст. ст.› 1856 года» (*Фет*, ч. 1, с. 126). Таким образом, это письмо написано до приезда Фета и, может быть, даже до прекращения военных действий. В пользу последнего предположения свидетельствует следующий факт. В своих воспоминаниях Фет пишет: «Между тем военные действия прекратились, и Тургенев писал мне ‹...› что если я всё еще желаю поднести его величеству свой перевод од Горация, то для этой цели мне необходимо воспользоваться, с наступлением мира, возможностью получить отпуск» (там же). Это не дошедшее до нас письмо к Фету следует отнести ко второй половине декабря ст. ст. 1855 г. Оно безусловно написано позднее, нежели настоящее письмо к Никитенко, так как в нем Тургенев, благодаря прекращению военных действий, уже верил в возможность приезда Фета в Петербург.

[1] Речь идет о переводе од Горация, выполненном Фетом и вышедшем отдельным изданием в начале 1856 г. (ценз. разр. 16 марта ст. ст. 1856 г.). Об отношении Тургенева к этим переводам см. в его письмах 289, 314 (наст. изд., т. 2), 418.

Тургенев обратился со своей просьбой к Никитенко потому, что тот был близок с министром народного просвещения А. С. Норовым. Кроме того, Тургенев не мог не знать о положительной оценке перевода од Горация Фетом, данной Никитенко еще в 1853 г.

(см.: *Никитенко*, т. 1, с. 377). Наконец, из неопубликованного письма А. А. Краевского к Никитенко (от 22 октября ст. ст. 1856 г.) видно, что Никитенко имел непосредственное отношение к делу «о посвящении Фетом Горация государю». Краевский писал:

«Препровождаю к вам, почтеннейший Александр Васильевич, *Горация*, в переводе Фета, вместе 1) с свидетельством полкового командира о соизволении наследника (ныне государя) на посвящение перевода его имени и 2) с указанием тех од, которые нужно прочесть Аврааму Сергеевичу ‹Норову›.

Сделайте одолжение, поспешите пустить в ход сего певца Августа, да не содрогнется тень его от скифских когтей немца Фрейганга!» (*ИРЛИ*, № 18566, л. 70).

Вопрос о посвящении был разрешен в благоприятном для Фета смысле еще до приезда его в Петербург (см.: *Фет*, ч. 1, с. 129, а также прошение Тургенева, обращенное к А. С. Норову,— наст. том, Офиц. письма и делов. бумаги, № 21).

460. **Н. П. Огареву** (с. 77)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. № 359, оп. 1, № 116, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Пропилеи*, т. 3, с. 346, с предположительной датировкой — весна 1856 г.

Датируется на основании сопоставления с письмами Тургенева к П. В. Анненкову от 9 (21) декабря 1855 г. (№ 454) и к А. В. Никитенко от 14 (26) декабря 1855 г. (№ 457).

[1] Речь идет о поэме «Зимний путь», которую Тургенев очень ценил, всячески способствуя продвижению ее в печать. Характеристику поэмы Огарева см. в письме 454.

461. **А. А. Краевскому** (с. 77)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 187.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 32—33, с предположительной датировкой — 1856 г.

Датируется по сопоставлению с письмом к Краевскому, написанным не ранее середины июля и не позднее сентября ст. ст. 1855 г. (см. письмо 438 и обоснование его датировки). Из этого сопоставления видно, что настоящее письмо также следует отнести к 1855 г. Но оно написано уже по возвращении Тургенева из Спасского в Петербург, т. е. после 14 (26) октября, так как четверг — «приемный» день на петербургской квартире Краевского.

[1] Роман «Два поколения» окончен не был и в печати не появлялся.

462. **А. А. Фету** (с. 78)

Печатается по тексту первой публикации: *Фет*, ч. 1, с. 105, где дано в отрывке.

Подлинник неизвестен.

Письмо датируется на основании следующих данных. В нем идет речь о строке из «Фантазии» Фета, вошедшей в новое собрание его стихотворений, которое редактировали Тургенев, А. В. Дружинин, В. П. Боткин и др. К 8 (20) февраля 1856 г. все стихотворе-

ния этого сборника уже были «приведены в порядок и ⟨...⟩ поступили в цензуру» (см. письмо 467, примеч. 5). Таким образом, настоящее письмо написано во всяком случае не позднее 8 (20) февраля 1856 г.

«В первых числах января 1856 года» Фет приехал в Петербург и был радушно встречен редакторами своего сборника. Вспоминая об этом, он писал: «Между прочим и Дружинин с улыбкою, протягивая мне обе руки, громко воскликнул:

„На суку извилистом и чудном!“

— повторяя мой, спасенный его разъяснениями, стих» (*Фет*, ч. 1, с. 126). Отсюда видно, что настоящее письмо Тургенева написано ранее первых чисел января ст. ст. 1856 г., потому что к этому времени «спасение» Дружининым строки стихотворения уже имело некоторую давность. Остается предположить, что письмо написано в один из последних месяцев 1855 г., но не ранее 14 (26) октября — дня приезда Тургенева в Петербург (см. письмо 441).

[1] Фет предлагает несколько вариантов этого стиха, которые поочередно были отвергнуты его редакторами (см.: Печать и революция, 1923, № 3, с. 57).

463. В. Ф. Одоевскому (с. 78)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 539, оп. 2, № 1088, л. 3.
Впервые опубликовано: *Сб ГПБ*, с. 73.

Датируется предположительно — по содержанию и характеру бумаги. Письмо не могло быть написано ранее середины 40-х годов, когда состоялось знакомство Тургенева с Одоевским и А. Н. Майковым. Листы бумаги с вдавленной овальной печатью имп. Петергофской бумажной фабрики, с монограммой Николая I в центре печати, выпускались с 1844 по 1849 г. (см.: Клепиков С. А. Филиграни и штемпели. М., 1959, с. 103). Датирование письма 1846 г. (до отъезда Тургенева за границу) первой половиной 50-х гг. подтверждается его содержанием: речь в нем идет, по-видимому, о розыгрыше альбома в благотворительных целях для «Общества посещения бедных просителей в Петербурге» (существовавшего с 1846 по 1855 г.), председателем которого был Одоевский (см.: Путята Н. Князь В. Ф. Одоевский и Общество посещения бедных просителей в Петербурге.— В кн.: В память о князе В. Ф. Одоевском. М., 1869, с. 13—32). Из этого периода исключаются годы пребывания Тургенева за границей (1847 — середина 1850 г.) и время его ареста и ссылки (середина апреля 1852—1853 г.).

[1] Альбом с записью Тургенева неизвестен.

1856

464. С. Т. Аксакову (с. 79)

Печатается по тексту первой публикации: Орловский вестник, 1903, № 224, 22 августа.
Подлинник неизвестен.

[1] Тургенев смог приехать в Москву лишь в начале мая 1856 г. (см. письмо 484).

[2] Речь идет о «Семейной хронике и Воспоминаниях» С. Аксакова (М., 1856).

[3] Тургенев имеет в виду первую часть «Рудина» (*Совр*, 1856, № 1) и «Переписку» (*Отеч Зап*, 1856, № 1). Опасения его частично оправдались. С. Т. Аксаков в ответном письме от 7 (19) февраля 1856 г. писал: «Я прочел оба ваши сочинения в „Отечественных записках" и в „Современнике". Я поговорю подробно и откровенно с вами об этом предмете при свидании; притом же „Рудин" не кончен, и серьезная сторона только что начала развиваться. Я не вижу, почему вам не совладать с задачей? Вы принялись за нее очень хорошо; но скажите ради бога, как при вашем вкусе, такте и чувстве приличия могла написаться известная страница (я разумею: бурчанье в животе и пах...)» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 577—578). Речь идет о том месте из II главы «Рудина», где Пигасов рассказывает о смерти племянника своей соседки Чепузовой: «... и вообразите себе, говорит она, приходит ко мне мой племянник и говорит: тетенька, говорит, я что-то нездоров... А у самого внутри так и переливает: бу, бу, бу, бу, бу, бу, бу... у... у... у... бу, бу, бу... у... у... у... Он мне говорит: живот, тетенька, у меня болит, а я ему, врешь: это у тебя пах болит! пах! пах!» (*Совр*, 1856, № 1 отд. 1, с. 19). Тургенев учел замечание С. Т. Аксакова, и этот эпизод был исключен им из «Рудина» при подготовке к изданию в том же году третьей части «Повестей и рассказов».

465. **Н. А. Некрасову** (с. 80)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 21.

Впервые опубликовано: *Т и круг Совр*, с. 119—120.

Датируется декабрем 1855 г.— январем 1856 г. ст. ст. на основании содержания: «Рудин» был напечатан в первой и второй книжках «Современника» за 1856 г., вышедших с опозданием (ценз. разр. первой из них 31 декабря 1855 г., второй — 5 февраля 1856 г.).

[1] А. М. и О. А. Тургеневы.

466. **В. П. Боткину** (с. 80)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60908.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 75—76.

Датируется на основании письма В. П. Боткина от 3 (15) февраля 1856 г. (*Боткин и Т*, с. 76—78), из которого явствует, что оно послано до получения Боткиным письма Тургенева и разошлось с ним и что посылка, о которой идет речь в данном письме, им еще не получена; в следующем же письме Тургенева к Боткину, от 8(20) февраля 1856 г. (№ 467), высказано предположение, что Боткин уже получил посылку. Отсюда можно сделать заключение, что настоящее письмо написано в начале февраля ст. ст. 1856 г.

[1] Е. А. Ладыженская печаталась под псевдонимом «С. Вахновская» (см.: Лето в Гапсале.— *Рус Вестн*, 1856, т. 2, № 4, кн. 2 — с посвящением И. С. Тургеневу; Рассказы и очерки. М., 1859, и др.). С Е. А. Ладыженской Тургенев познакомился в январе 1855 г. и несколько раз бывал у нее (см. письма Е. А. Ладыженской к Тургеневу — *ИРЛИ*, № 5807). Начинающая писательница неоднократно обращалась к Тургеневу с просьбой дать отзыв об ее сочинениях. Из ее писем видно, что она посылала Тургеневу следующие произве-

дения: «Из воспоминаний лекаря», «Две женщины», какой-то роман, отвергнутый писателем, и рассказ. О Ладыженской см. также: *Боткин и Т*, с. 327—328.

[2] Это письмо Тургенева к Е. А. Ладыженской, пересланное через Боткина в конце января ст. ст. 1856 г., неизвестно. В. П. Боткин в письме от 3 (15) февраля писал: «Удивило меня письмо твое для передачи Лодыженской — вчера был я у нее и просидел часа полтора» (*Боткин и Т*, с. 76).

[3] «Филантроп» — стихотворение Некрасова (*Совр*, 1856, № 2, отд. 1, с. 237—242). Цензурное разрешение февральского номера «Современника» — 31 января и 5 февраля. «Филантроп» был опубликован с многочисленными цензурными искажениями: изменены все стихи, указывающие на графский титул филантропа, а также резкие выражения в адрес чиновничества. Некрасову пришлось присочинить несколько строф, свидетельствующих, что «нынче» положение бедняков стало легче. При перепечатках часть изменений была восстановлена.

[4] Какую именно повесть Ладыженской возвращал Тургенев, установить не удалось.

467. **В. П. Боткину** (с. 80)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60909.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 78—80.

Стр. 81. первым любовником (*франц.*).
Стр. 81. стал снова неприступным и дерзким (*франц.*).

[1] Речь идет о письме В. П. Боткина от 3(15) февраля 1856 г. (*Боткин и Т*, с. 76—78).

[2] О повести Ладыженской см. письмо 466. В своем письме от 3(15) февраля Боткин следующим образом характеризовал Е. А. Ладыженскую: «Вообще она показалась мне несколько странною,— но в сущности очень хорошею женщиной 〈. . .〉 К литературе, кажется, она имеет великую страсть — и едва ли счастливую. Худо то особенно, что она уже мечтает получать деньги за свои повести! Сколько я мог заметить, в натуре ее нет поэтического, а головного раздражения немало. Кажется, она весьма ограниченно образована и развита и вообще мало была с действительно порядочными людьми 〈. . .〉 В одном положительно я убежден, что перед Екатер. Алекс. с уверенностью можно поставить +, не —» (*Боткин и Т*, с. 76—78).

[3] О какой именно Гагариной идет речь, установить не удалось.

[4] О споре, который разгорелся между Тургеневым и Толстым по поводу Ж. Санд на обеде в редакции «Современника», пишет в своих воспоминаниях Д. В. Григорович: «Толстой был довольно молчалив, но к концу он не выдержал. Услышав похвалу новому роману Ж. Занд, он резко объявил себя ее ненавистником, прибавив, что героинь ее романов, если б они существовали в действительности, следовало бы, ради назидания, привязывать к позорной колеснице и возить по петербургским улицам» (Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961, с. 148). Л. Н. Толстой в своем дневнике записал 7(19) февраля 1856 г.: «...поссорился с Тургеневым» (*Толстой*, т. 47, с. 67).

[5] Фет приехал из Валки, где стоял его полк, в Петербург в начале января и к 13(25) февраля 1856 г. вернулся к месту службы (см.: *Фет*, ч. 1, с. 105—108, 126, 135). Дата цензурного раз-

решения «Стихотворений А. А. Фета» (СПб., 1856)—11(23) февраля 1856 г.

[6] «Рудин» был напечатан в «Современнике» в 1856 г. (№ 1 и 2). Кроме «Рудина», во второй книжке «Современника» за 1856 г. были напечатаны: из путевых заметок И. А. Гончарова «Острова Бонин-Сима» (очерк, впоследствии вошедший в книгу «Фрегат Паллада»— т. 1, гл. VIII), стихотворения Фета, Некрасова, А. М. Жемчужникова, А. К. Толстого, рассказ М. Л. Михайлова «Деревня и город», статьи А. В. Дружинина (о Краббе), В. П. Боткина (о Шекспире), Чернышевского («Очерки гоголевского периода русской литературы», статья вторая). Очевидно, свое окончательное мнение о «Рудине» и мнение «москвичей» В. П. Боткин сообщил Тургеневу лично при встрече в Петербурге (см.: *Чернышевский*, т. 1, с. 738—739). Известны отзывы о «Рудине» С. Т. Аксакова (об этом см. письма 464, примеч. 3, и 470, примеч. 1). К. С. Аксаков сообщил Тургеневу свои суждения о «Рудине» в письме от 18(30) июня 1856 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 587).

[7] Тургенев имеет в виду первую февральскую книжку «Русского вестника» за 1856 г., в которой были напечатаны стихотворения Н. П. Огарева, Дельвига, статья Б. Н. Чичерина «Сельская община в России» и др.

[8] А. Н. Островский приехал в Петербург 7(19) февраля 1856 г. и пробыл до начала апреля того же года. Очевидно, Островский и члены кружка «Современника» произвели друг на друга благоприятное впечатление. 14(26) февраля 1856 г. у Некрасова в честь Островского был дан обед, 20 февраля (3 марта) Островский читал у Тургенева «Семейную картину» и драму «Не так живи, как хочется»; кроме того, в этот приезд Островский подписал совместное с Тургеневым, Л. Н. Толстым и Григоровичем так называемое «обязательное соглашение» об исключительном сотрудничестве в «Современнике».

[9] Подробности о постановке «Школы гостеприимства» см.: Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854—1886), М.; Л.: Academia, 1934, с. 117—120; Григорович Д. В. Литературные воспоминания, с. 149—150.

[10] «Чиновник» — благонамеренно-обличительная пьеса В. А. Соллогуба (1856), в которой дан образ «идеального чиновника», послуживший образчиком для целой галереи подобных «героев» либерального «обновления» России. Такая направленность пьесы обеспечила ей, с одной стороны, официальный успех и популярность, с другой — сатирические выступления Салтыкова-Щедрина (в рассказах «Озорники» и «Приезд ревизора») и критику Добролюбова. В письме речь идет о генеральной репетиции спектакля, поставленного на домашней сцене в доме Макшеевых. Инициатором спектакля была Н. В. Макшеева, рожд. Самойлова, к тому времени оставившая сцену; главную роль исполняла, по желанию Соллогуба, ее сестра В. В. Самойлова, которая, выйдя в 1855 г. замуж за офицера Мичурина, вынуждена была покинуть сцену императорского Александринского театра. Спектакль пользовался успехом и был повторен один раз во дворце вел. кн. Марии Николаевны, а другой — в театре Эрмитажа по желанию вдовствующей императрицы Александры Федоровны (см.: Крылов Виктор. Сестры Самойловы.— *ИВ*, 1898, № 2, с. 535—537).

[11] Gymnase — театр в Париже, на сцене которого шли легкие современные комедии (Скриба и др.).

[12] Во дворце у вел. кн. Марии Николаевны (см.: *Никитенко*, т. 1, с. 430—431).

468. А. А. Краевскому (с. 82)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 180.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 30, с предположительной датой — апрель 1856 г.

Датируется по содержанию и на основании сопоставления с письмом Тургенева к В. П. Боткину от 8(20) февраля 1856 г. (см. письмо 467).

Как известно, Тургенев помогал Фету в его работе над переводом од Горация своими советами и критическими замечаниями. В данном случае речь идет об очередной части перевода, просмотренной Тургеневым перед отправлением в печать. Цензурное разрешение майского номера «Отечественных записок» за 1856 г., в котором началось печатание перевода третьей книги од Горация, датировано 1 мая ст. ст. 1856 г. Этот факт и дал основание первому комментатору настоящего письма датировать его предположительно апрелем ст. ст. 1856 г. Однако при этом комментатор не учел содержания письма в целом. Далее Тургенев пишет, что собрание стихотворений Фета «явится 〈. . .〉 в половине марта». Ясно, что здесь говорится об издании «Стихотворения А. А. Фета» (СПб., 1856), которое вышло в свет приблизительно в срок, указанный Тургеневым (ценз. разр. 11 февраля ст. ст. 1856 г.). Следовательно, письмо написано не позднее первой половины марта ст. ст. 1856 г. Сопоставление же настоящего письма с письмом к Боткину от 8(20) февраля 1856 г. (№ 467) позволяет сделать вывод, что оно написано в тот же день. В обоих письмах говорится об одном и том же издании стихотворений Фета и выражается уверенность в скором появлении их в печати. В обоих же письмах сообщается о приезде А. Н. Островского в Петербург, с той лишь разницей, что в письме к Боткину при этом указывается точная дата. Наконец, 8(20) февраля 1856 г. была среда — день, которым помечено письмо Тургенева к Краевскому.

[1] Тургеневу принадлежала главная роль в редактировании сборника стихотворений А. А. Фета. Зная об этом, Краевский обратился к Тургеневу с просьбой написать статью о Фете для «Отечественных записок». Как видно из настоящего письма, Тургенев охотно на это согласился и написал рецензию. Подробнее см. в статье А. Батюто «Неизвестная рецензия И. С. Тургенева» (Вопросы литературы, 1957, № 3).

[2] В январской книжке «Отечественных записок» за 1856 г. была помещена повесть «Переписка». В дальнейшем, в течение всего 1856 г., ни одно произведение Тургенева в «Отечественных записках» напечатано не было.

469. П. А. Вяземскому (с. 82)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2884, л. 3.

Впервые опубликовано: *Центрархив, Документы*, с. 23, с неправильной датировкой — ноябрь-декабрь 1855 г.

Датируется 24 февраля (7 марта) 1856 г. на основании следующих соображений. А. В. Никитенко 29 февраля того же года писал в дневнике: «На днях был на двух литературных чтениях: у князя Вяземского, где читал свое произведение граф Лев Толстой, и у Тургенева, где читал Островский...» (*Никитенко*, т. 1, с. 431). Письмо

Тургенева помечено пятницей, а чтение состоялось на другой день в субботу. В конце февраля 1856 г. пятница приходилась на 24-е.

[1] Л. Н. Толстой читал на этом вечере у П. А. Вяземского рассказ «Метель».

470. С. Т. Аксакову (с. 82)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 56.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 494.

[1] Это — ответ на слова С. Т. Аксакова в его письме к Тургеневу от 18 февраля (1 марта) 1856 г.: «Конец первой части „Рудина" и почти вся вторая мне очень понравились. Много тонкого, умного и глубоко подмеченного в человеке высказано вами прекрасно. Я не хочу знать, чистый ли вымысел характер Рудина, или нет. Я принимаю его, как тип таких людей 〈. . .〉 я даже видал на моем веку людей, подобных Рудину, и слыхал приговоры о них именно таких же нравственных людей, как Лежнев» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 580). В образе Рудина современники усматривали некоторые черты М. А. Бакунина. Не отрицал этого и сам Тургенев, но копией с Бакунина он Рудина никогда не считал (см. наст. изд., Сочинения, т. 5, с. 475—476).

[2] В том же письме С. Т. Аксаков с огорчением сообщал: «В „Петербургских ведомостях" нашел разбор моей книги. Не касаясь до похвал и осуждений, я желал бы только, чтобы кто-нибудь из добрых людей сказал г. критику, что это верх неделикатности — печатно уверять, что лица, выведенные в „Хронике", тождественны с лицами в моих „Воспоминаниях". Неужели слова мои, что „Хроника" ничего не имеет общего с „Воспоминаниями", не заслуживают уважения пишущих о моей книге» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 580). Подобного рода утверждение действительно содержалось в анонимном фельетоне «Русская литература» (*СПб Вед*, 1856, № 37, 15 февраля).

[3] Анненков в большой рецензии на «Семейную хронику и Воспоминания» С. Аксакова расценивал эту книгу как «одно из важных приобретений отечественной литературы» (*Совр*, 1856, № 3, отд. III, с. 1). В письме к Тургеневу от 12(24) марта 1856 г. С. Т. Аксаков сообщал: «Вы справедливо сказали 〈. . .〉 что я вполне буду доволен статьей Анненкова 〈. . .〉 Если он в Петербурге, то скажите ему от меня мою душевную благодарность...» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 582).

[4] С. Т. Аксаков 18 февраля (1 марта) 1856 г. писал Тургеневу: «Поклонитесь графу Л. Н. Толстому. Не напишет ли он что-нибудь для „Русского вестника"? Какое бы это было доброе дело!» Свое мнение о новой повести Толстого, помещенной в третьей книжке «Современника», С. Т. Аксаков сообщил Тургеневу 12(24) марта 1856 г.: «„Метель" — превосходный рассказ»,— добавляя, однако, что «подробностей слишком много; однообразие их несколько утомительно» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 581, 583).

[5] См. письмо к Н. А. Некрасову от 5(17) мая 1856 г. (№ 484).

471. Г. П. Данилевскому (с. 83).

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 236 (Г. П. Данилевского).
Впервые опубликовано: *Сб ГПБ*, 1955, с. 71.
Датируется февралем — началом апреля ст. ст. 1856 г. на сле-

дующих основаниях: 1) по адресу, указанному в письме, Л. Н. Толстой проживал в Петербурге с 29 января 1856 г. до 17 мая — времени его отъезда в Москву; 2) 4 мая 1856 г. и Тургенев был уже в Москве; 3) Г. П. Данилевский в конце марта или начале апреля выехал из Петербурга в южные приазовские губернии России по командировке Морского министерства.

[1] О каких брошюрах идет речь, нельзя считать окончательно установленным. Р. Б. Заборова, опубликовавшая это письмо в сборнике *ГПБ*, предполагает, что Тургенев рассылал в это время оттиски статьи «Два слова о Грановском» и рассказа «Постоялый двор», напечатанных в № 11 «Современника» за 1855 г.

[2] П. А. Вяземский в это время был товарищем министра народного просвещения и членом Главного управления цензуры.

[3] В конце 1840-х — начале 1850-х годов П. П. Сухонин был чиновником особых поручений при товарище министра просвещения А. С. Норове. Когда эту должность занял Г. П. Данилевский (июнь 1851 г.), Сухонин перешел в другое ведомство и затем служил по министерству финансов. В 1856 г., когда написано данное письмо, он занимал должность начальника отделения в департаменте разных податей и сборов.

472. П. А. Вяземскому (с. 84)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2884, л. 5.

Впервые опубликовано: *Центрархив, Документы*, с. 23—24 (с датировкой: январь — май 1856 г.).

Датируется предположительно 15(27) марта 1856 г. на основании того, что в письме говорится о поэме Н. П. Огарева «Зимний путь», вошедшей в книгу: Стихотворения Н. Огарева, изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М., 1856 (ценз. разр. 22 марта),— а также в связи с упоминанием о билете на концерт. По-видимому, имеется в виду вокальный и инструментальный концерт Санкт-петербургского филармонического общества, устроенный с благотворительной целью именно 15(27) марта, в четверг (см.: *Сев Пчела*,1856, № 60, 15 марта). Никаких других благотворительных концертов Филармонического общества в феврале и марте этого года не было. Между тем Тургенев благодарит Вяземского явно за «пожертвование», т. е. за билет, приобретенный на благотворительный концерт.

[1] Поэма Огарева «Зимний путь» впервые полностью, но с цензурными купюрами, была напечатана: *Рус Вестн*, 1856, № 2, кн. 1, с. 397—413. При подготовке к печати этого произведения для сборника «Стихотворения Н. Огарева» (М., 1856) автор, желая восстановить хотя бы часть стихов, выброшенных цензурой при публикации в «Русском вестнике», по-видимому, обратился к посредничеству Тургенева, чем и было вызвано данное письмо Тургенева к Вяземскому. О том, что ходатайство Тургенева имело успех, можно судить на основании сличения текстов поэмы «Зимний путь», напечатанных в «Русском вестнике» и в сборнике «Стихотворения Н. Огарева» (М., 1856). См. также примечания С. А. Рейсера в кн.: Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. Л., 1956, с. 854.

[2] Тургенев имеет в виду то, что Вяземский — не просто крупный чиновник, товарищ министра народного просвещения, но и сам литератор, в молодости дружески связанный с Пушкиным и другими писателями того времени.

473. **П. А. Вяземскому** (с. 84)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2884, л. 6.
Впервые опубликовано: *Центрархив*, *Документы*, с. 24, с датой — апрель 1856 г.

Датируется 3(15) апреля 1856 г. на основании содержания (см. также примеч. 4 к данному письму) и с учетом того, что в начале апреля вторник приходился именно на это число.

[1] Анненков издал «Повести и рассказы И. С. Тургенева» (СПб., 1856) в трех частях.

[2] Рассказ «Муму» вошел в состав II части (ценз. разр.— 8 июня 1856 г., подписано И. Гончаровым). Тургенев ошибался, приписывая П. А. Ширинскому-Шихматову, бывшему в 1850—1853 гг. министром народного просвещения, замечания относительно «Муму» (в действительности его имя связано с цензурной историей «Записок охотника»).

[3] Появление «Муму» в мартовской книжке «Современника» за 1854 г. (т. е. еще при Николае I) в охранительных кругах расценивалось как результат цензурного недосмотра. 16 марта ст. ст. 1854 г. официальный рецензент журнала писал: «Рассказ под заглавием „Муму“ я нахожу неуместным в печати, потому что в нем представляется пример неблаговидного применения помещичьей власти к крепостным крестьянам» (см.: О к с м а н Ю. Г. И. С. Тургенев. Исследования и материалы. Одесса, 1921, вып. 1, с. 52).

[4] И. А. Гончаров 11 апреля 1856 г. в рапорте на имя председателя С.-Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусина-Пушкина писал, что из-за некоторых замечаний, сделанных цензору В. Н. Бекетову в связи с опубликованием «Муму», он не считает себя «вправе одобрить помянутую повесть к вторичному напечатанию без разрешения начальства». Далее, однако, Гончаров указывал, что он в то же время не находит «удобным исключить ее из полного собрания сочинений г. Тургенева, как уже однажды появившуюся в печати» (там же, с. 54). В заключение Гончаров спрашивал разрешения Мусина-Пушкина на вторичное напечатание «Муму» вместе с другими произведениями Тургенева. Возможно, что рапорт явился следствием данного письменного обращения Тургенева к Вяземскому, в результате чего последний дал соответствующие указания Гончарову.

474. **Полине Виардо** (с. 85 и 365)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*
Впервые опубликовано: *Т*, *Lettres inéd*, р. 72—73.

[1] Упоминаемое письмо к П. Виардо неизвестно.

[2] Тургенев приехал в Москву 4 (16) мая 1856 г., затем выехал в Спасское 6 (18) мая, где пробыл с 7(19) мая по 11(23) июля 1856 г.

[3] При содействии кн. О. С. Одоевской, сестры министра внутренних дел С. С. Ланского, Тургенев получил заграничный паспорт уже в мае 1856 г. и 21 июля (2 августа) выехал за границу.

[4] Из Парижа Тургенев на несколько дней ездил в Лондон. В Куртавнеле он был к концу августа (см. письмо к Д. Я. и Е. Я. Колбасиным (№ 521) и примеч. 2).

[5] В Ковент-Гарденском театре П. Виардо в тот сезон не пела, поскольку помещение театра сгорело в марте 1856 года и было восста-

новлено лишь два года спустя (о пожаре в Ковент-Гарденском театре см.: «Athenaeum», 1856, № 1480, March 8, p. 304; *СПб Вед*, 1856, № 51, 4 марта). В апреле — июле 1856 г. П. Виардо пела в Лондоне. Вернувшись ненадолго во Францию, она в конце августа вновь отправилась на гастроли в Англию для участия в музыкальном фестивале в Бирмингеме, Бредфорде и Глостере, где с успехом выступала в ораториях Генделя, Мендельсона, М. Коста, в «Реквиеме» Моцарта и др. (см.: *Розанов*, с. 106—107).

[6] Речь идет о повести Тургенева «Муму», перевод которой («Moumounia») был опубликован в «Revue des Deux Mondes» (1856, t. 2, livraison du 1-er mars), переводчик—Шарль де Сент-Жульен.

[7] Во время великого поста в 1856 г. в Петербурге действительно состоялось много концертов, в которых принимали участие известные исполнители — С. Монюшко, А. Контский, Гауман, Вильма Неруда, Карл Шуберт и др. Исполнялись произведения Бетховена, Глюка, Ф. Давида, но более всего Моцарта в связи с недавним юбилеем — 100-летием со дня рождения композитора. Однако исполнительский и музыкальный уровень большинства концертов был невысок, так что автор одной из корреспонденций в «С.-Петербургских ведомостях», отмечая, что «никогда еще ⟨. . .⟩ не бывало в Петербурге такого огромного числа концертов», назвал это явление «концертобесием» и призывал публику, среди которой усиленно распространялись пригласительные билеты, «принять какие-нибудь меры против этого» (1856, № 69, 25 марта). Печальную известность приобрели концерты «друга Россини» А. Лазарева, бездарного автора «Сотворения мира», «Страшного суда» и др. произведений, получивших резкую оценку А. Серова.

[8] 9 симфония Бетховена (d-moll, op. 125) — одно из высших достижений музыкального искусства — не встретила при первом исполнении, да и позднее, полного понимания. Грандиозные масштабы симфонии, глубина философского замысла и введение в финал хора (на текст стихотворения Шиллера «К радости», чему не было прецедентов в инструментальной музыке) поставили многих в тупик. Музыкальные «староверы» усмотрели в произведении разрыв с классической традицией и разрушительные симптомы, чреватые грядущим упадком искусства. Об этом писал А. Улыбышев в книге о Моцарте (1843), этот «тезис» он позднее развил в книге «Beethoven, ses critiques et ses glossateurs» (1857). Точка зрения Улыбышева вызвала бурную полемику, в которой приняли участие многие музыкальные критики, в том числе А. Серов, посвятивший восторженную статью 9-й симфонии Бетховена (1856). Споры о Бетховене и, в частности, о его величайшем создании занимали большое место в русской печати 50-х годов, и Тургенев не мог их не знать. Понравились ему первая часть симфонии — Allegro non troppo — и вторая часть (скерцо) — Molto vivace.

[9] П. Виардо была горячей почитательницей М. И. Глинки (см. письмо к В. Н. Кашперову от 5(17) января 1857 г.— № 569).

475. А. И. Давыдову (с. 86)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, Щ. 249/99.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 343.

Адресат устанавливается на основании содержания письма, явно обращенного к книгопродавцу; так как Тургенев называет его по имени и отчеству («Алексей Иванович»), то это Давыдов.

Датируется 1856 г. по содержанию: в письме идет речь о двух изданиях, вышедших в начале 1856 г.; 18(30) апреля приходилось на среду именно в этом году.

[1] Стихотворения А. А. Фета, СПб., 1856 (ценз. разр. 11 февраля).

[2] Тургенев имеет в виду «Стихотворения Кольцова. С портретом автора, его факсимиле и статьею о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским» (М., 1856; ценз. разр. 4 февраля).

476. Л. Л. Добровольскому (с. 87)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 22.

Впервые опубликовано: *Центрархив*, *Документы*, с. 32.

Датируется 27 апреля (9 мая) 1856 г. по помете на письме—очевидно, рукою адресата: «Получено 27 апреля 1856», т. е. в тот же день, в который Тургенев написал письмо (пятница приходилась именно на это число).

[1] Издание «Повестей и рассказов» в 3 частях, охватывающее произведения И. С. Тургенева с 1844 г. по 1856 г., было предпринято по инициативе П. В. Анненкова и вышло в свет в начале ноября 1856 г.

[2] См. письмо 473. примеч. 2, 4.

[3] Егор Петрович Ковалевский.

[4] Заключение Главного управления цензуры от 5 мая 1856 г. (суббота) о пропуске «Муму» было подписано министром народного просвещения А. С. Норовым только 31 мая 1856 г., о чем сообщил И. С. Тургеневу приехавший к нему в Спасское Д. Я. Колбасин (см.: П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892, с. 570).

477. П. А. Вяземскому (с. 87)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 2884, л. 1.

Впервые опубликовано: *Центрархив*, *Документы*, с. 25.

[1] Тургенев выехал из Петербурга 3(15) мая 1856 г.

[2] Тургенев обращался к Вяземскому как к товарищу министра народного просвещения и члену Главного управления цензуры по поводу разрешения напечатать «Муму» в «Повестях и рассказах» (СПб., 1856). См. письма 473, 476.

478. Н. А. Некрасову (с. 88)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 27.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 10, с. 92.

Датируется по содержанию второй половиной апреля 1856 г. в связи с упоминанием переговоров о Григорьеве. В апреле 1856 г. В. П. Боткин предпринял попытку уговорить Некрасова заменить Чернышевского на посту ведущего критика «Современника» Аполлоном Григорьевым. 19 апреля ст. ст. 1856 г. Боткин писал Некрасову: «При твоем контроле Григорьев был бы кладом для журнала: это единственный человек, у которого есть то, что нужно для журнала и чего, кроме него, нет ни у кого. Притом он во всем несравненно нам ближе Чернышевского. Переговори-ка об этом с Тургеневым,— а право об этом стоит подумать» (*Гол Мин*, 1916, № 10, с. 93). Очевидно, об этом же писал Боткин и Тургеневу (это письмо

неизвестно), рекомендуя ему воздействовать на Некрасова. Содержание переговоров неизвестно, но 5 мая ст. ст. 1856 г. Тургенев, будучи в Москве, сообщил Некрасову, что он намеревается повидаться с Григорьевым и о результатах этого свидания сообщит Некрасову (см.письмо 484); письмо Тургенева, в котором он писал Некрасову о результатах переговоров с Григорьевым, до нас не дошло. Однако замена Чернышевского Григорьевым не состоялась, более того, Григорьев даже не был привлечен к сотрудничеству в «Современнике» (см.: Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 73—74; Н. А. Некрасов и люди 40-х гг.— *Гол Мин*, 1916, № 10, с. 92—97).

479. Н. А. Некрасову (с. 88)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 15.
Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 5-6, с. 38.
Датируется по содержанию январем — апрелем 1856 г., так как именно в это время появился в литературных кругах Петербурга упоминаемый в письме поэт З. В. Тур. 26 апреля ст. ст. 1856 г. И. И. Панаев писал о нем Боткину: «У нас появился новый талант: стихотворец г. Тур. Стишки его точно недурны, но еще молоды» (*Т и круг Совр*, с. 375). В ноябрьской книжке «Отечественных записок» за 1856 г. напечатан ряд стихотворений Тура, на которые Е. Я. Колбасин обращает внимание Тургенева в письме от 2 декабря ст. ст. 1856 г.: «В последней... книжке „Отеч. зап.“ самая капитальная вещь стихотворения Тура — есть превосходные вещи. Помещено их довольно много — XXI стихотворение, в числе которых некоторые стоило бы совсем выбросить» (*там же*, с. 300). Резко отрицательные отзывы Добролюбова о пустоте, бледности, мелочности эротических или же описательных пьесок Захария Тура, представляющих собой «нечто среднее между подражанием и пародией», см. в рецензиях на сочинения А. И. Подолинского и «Перепевы. Стихотворения обличительного поэта. СПб., 1860» (*Добролюбов*, т. 2, с. 592—593).

480. Н. А. Некрасову (с. 88)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 23.
Впервые опубликовано: *Т* и *круг Совр*, с. 127.
Письмо написано, вероятно, в первой половине (до мая) 1856 г., когда Тургенев жил в Петербурге и, будучи в дружеских отношениях с Некрасовым, часто обедал у него.

481. Н. А. Некрасову (с. 89)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 35.
Впервые опубликовано: *Т и круг Совр*, с. 120—121.
Датируется предположительно январем — апрелем 1856 г. на основании того, что с начала 1856 г. возник вопрос о втором издании «Записок охотника» (см. ниже), а 3(15) мая 1856 г. Тургенев уехал из Петербурга в Спасское.

[1] Тургенев имеет в виду те 1000 руб., которые Некрасов выплачивал ему за право второго издания «Записок охотника» (о последующей истории этого издания см.: Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 303—305; *Т и круг Совр*, с. 123—125).

[2] С начала 1856 г. в цензурном ведомстве обсуждался вопрос о втором издании «Записок охотника» (см.: Mazon A. Un maître du roman russe. Ivan Gontscharov. Paris, 1904, p. 344—356). И. А. Гончаров в то время (в конце декабря 1855 г.) был назначен цензором Петербургского цензурного комитета. При просмотре «Записок охотника» для второго издания, предполагавшегося в 1856 г., цензоры Бекетов и Фрейганг не осмелились дать разрешение на печатание. Издание было разрешено лишь в 1859 г. по представлению Гончарова. Книга вышла (с цензурным разрешением, подписанным им 7 февраля ст. ст. 1859 г.) с небольшими пропусками по сравнению с первым изданием, несмотря на то, что на титульном листе значилось: «без перемен» (см. статью «Секретное следствие о „Записках охотника“ в 1852 г.» в кн.: Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Исследования и материалы. Саратов, 1959, с. 281—285; см. также: *Т и круг Совр*, с. 281).

482. Н. А. Долгорукому (?) (с. 90)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 113. Подлинник хранится в Институте литературы АН УССР в Киеве (РО, ф. 30, № 11).

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 195.

Адресат устанавливается предположительно — по его имени и отчеству в обращении. Записка относится, вероятно, к периоду знакомства Тургенева с Долгоруким в Петербурге — не ранее декабря 1855 г. (см. письмо 454); датировка ее определяется также периодом одновременного пребывания в Петербурге Тургенева (до начала мая 1856 г.) и семьи Л. Н. Вакселя (до середины 1858 г.) (см. письма А. П. Милюкова к Л. Н. Вакселю: *ГПБ*, Собр. Вакселя, ф. 124, № 2825).

483. Б. Н. Чичерину (с. 90)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 334, раздел II, п. 21, № 4.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 138—139, с ошибочным отнесением записки к периоду встреч Тургенева с Чичериным в Москве.

Записка датируется на основании свидетельства Б. Н. Чичерина, который в воспоминаниях, относящихся к пребыванию в Петербурге в конце 1854 — начале 1855 г., пишет: «Я познакомился в Петербурге с тамошними литераторами. Грановский дал мне письмо к Тургеневу. Он жил тогда на хорошенькой квартире у Аничкова моста, обыкновенно обедал дома и любил собирать у себя маленький кружок приятелей. Я часто у него бывал, когда наезжал в Петербург, и находил всегда большое удовольствие в этих беседах» (Чичерин Б. Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929, с. 135—136). С конца ноября 1854 г. вплоть до отъезда за границу 21 июля ст. ст. 1856 г. Тургенев жил в Петербурге в доме Степанова на Фонтанке у Аничкова моста (за исключением тех месяцев, которые он проводил в Спасском). Следовательно, настоящая записка должна датироваться сроком между декабрем 1854 и апрелем 1856 г. (3 мая ст. ст. 1856 г. Тургенев уехал через Москву в Спасское).

[1] Речь идет о доме М. Ю. Виельгорского, который в 1830—1840-х и начале 1850-х годов был средоточием артистической жизни

в Петербурге. В доме М. Ю. Виельгорского, знатока музыки и композитора, бывали Пушкин, Гоголь, Лермонтов, давались симфонические концерты, исполнялись музыкальные новинки и выступали приезжие знаменитости. Берлиоз, Шуман, Лист бывали у М. Ю. Виельгорского и вели с ним переписку. В. А. Соллогуб, женатый на дочери М. Ю. Виельгорского и живший в его доме, собирал у себя литераторов. В воспоминаниях он пишет: «У меня в то время собирались все музы русской литературы. Я уже называл Тютчева, Вяземского, Гоголя; кроме них, часто посещали меня добрейший и всеми любимый князь Одоевский, Некрасов, Панаев, которого повести были в большой моде в то время, Бенедиктов, Писемский. Изредка в зверинце появлялась высокая фигура молодого Тургенева...» (С о л л о г у б В. А. Воспоминания. М.; Л.: Academia, 1931, с. 413).

484. Н. А. Некрасову (с. 91)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 28.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 5, с. 35.

В дате письма, проставленной Тургеневым, допущена ошибка: в мае 1856 г. суббота (по ст. ст.) приходилась на 5, а не на 6 число. Дата исправляется предположительно— по дню недели, а не по числу.

[1] 3(15) мая Тургенев выехал из Петербурга в Москву, а 7(19) мая 1856 г.— из Москвы в Спасское, где собирался пробыть недель шесть.

[2] 7(19) февраля 1856 г. С. Т. Аксаков писал Тургеневу, что, ожидая критики на свою «Семейную хронику», он всего более интересуется мнением Некрасова (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 577). В «Заметках о журналах» за апрель 1856 г. (*Совр*, 1856, № 5), написанных Некрасовым и содержащих благожелательный отзыв о новом славянофильском органе — журнале «Русская беседа»,— отмечаются попутно два превосходных, по мнению Некрасова, стихотворения И. Аксакова («Усталых сил я долго не жалел» и «Добро б мечты...»). Очевидно, приехав в Москву, где еще не был получен майский номер «Современника» (ценз. разр. 5 мая 1856 г.), Тургенев рассказал Аксаковым содержание «Заметок о журналах», чем и было вызвано его сообщение в письме к Некрасову. В очередном журнальном обозрении «Современника» Некрасов приветствовал появление нового журнала (*Некрасов*, т. 9, с. 401—402, 405—410).

[3] Имеется в виду заметка В. И. Даля «Мысли по поводу статьи: о воспитании, в „Морском сборнике“, 1856, январь», напечатанная в майском (7) номере «Морского сборника» за 1856 г. (СПб., 1856. Т. 22, с. 179—189. Часть неофициальная). В очередной номер «Современника» эта статья не вошла, но была перепечатана (возможно, также не без рекомендации Тургенева) в майском номере «Москвитянина» (1856, № 2, кн. 2, с. 156—164).

[4] См. письмо 478.

[5] Тургенев провел в Кунцеве у Боткина 2 дня около 13—14 (25—26) июля (см. письмо 517). Свиданье в Кунцеве с Некрасовым не состоялось из-за болезни последнего. 24 мая ст. ст. 1856 г. Некрасов писал Тургеневу: «В Москву я вряд ли поеду. Идет лечение изрядно, так прерывать его нет смыслу» (*Некрасов*, т. 10, с. 275).

485. Д. Я. Колбасину (с. 91)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, № 264.

Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1894, № 6706, 29 октября (10 ноября).

[1] Речь идет о бумагах, необходимых Тургеневу для получения заграничного паспорта (см. письмо 491). Тульский губернский предводитель дворянства — А. Н. Арсеньев.

[2] О цензурной истории рассказа Тургенева «Муму» см. письмо 473, примеч. 4. Второе издание «Записок охотника» задержалось почти на три года и вышло только весной 1859 г. (см. письмо 481, примеч. 2).

[3] Родственник — брат Д. Я. Колбасина, Е. Я. Колбасин, который летом 1855 г. гостил у Тургенева в Спасском и познакомился с графиней М. Н. Толстой.

[4] «Для легкого чтения. Повести и рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей» — периодическое ежемесячное издание, выходившее в Петербурге в 1856—1859 гг. Издатель — А. И. Давыдов, редактор — Н. А. Некрасов. В сборниках «Для легкого чтения» помещались произведения Тургенева, Гончарова, Л. Н. Толстого и других писателей, перепечатывавшиеся из периодических изданий. Тургенев, очевидно, имеет в виду первый том, который вышел в апреле 1856 г.

486. **М. Н. Толстой** (с. 92)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 27, л. 14—16.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 1, с. 292.

Датируется 8(20) мая 1856 г. на основании следующих соображений. Тургенев познакомился с М. Н. и В. П. Толстыми в октябре 1854 г., и поэтому письмо не может быть датировано этим годом. 1855 г. также отпадает, так как день приезда Тургенева в Спасское в 1855 г. известен совершенно точно — это 12(24) апреля (см. письмо 403), а выехал Тургенев оттуда в начале октября (см. письмо 439). Между тем именины дяди (Николая Николаевича Тургенева), которые приходились, как это видно из данного письма, на «завтра», могли быть только 9 мая или 6 декабря. Выражения «Вчера приехал сюда» в этом письме, «Я прибыл сюда вчера вечером» — Д. Я. Колбасину, 8(20) мая (№ 485), «Я приехал сюда третьего дня» — Е. Е. Ламберт, 9(21) мая 1856 г. (№ 487) позволяют датировать первое из них 8(20) мая 1856 г. О 6 декабря не может быть и речи, так как Тургенев уехал из Спасского 11(23) июля 1856 г. (см. письмо 514) и не возвращался туда до 1858 г.

487. **Е. Е. Ламберт** (с. 92)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 27.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1914, № 10, с. 193—195. Перепечатано: *Письма к Ламберт*, с. 3—5.

Стр. 92. светского обхождения (*франц.*).
Стр. 93. урывками (*франц.*).

[1] Тургенев выехал из Москвы в Спасское 6(18) мая 1856 г. (см. письмо 484).

[2] Тургенев имеет в виду перевод книги Ж. М. Де Жерандо «Нормальный курс для первоначальных наставников, или Руководство к физическому, нравственному и умственному воспитанию в первоначальных школах» (СПб., 1838). Е. Е. Ламберт интересовалась этой книгой, так как была помощницей попечительницы Николаевского приюта в Петербурге.

[3] Н. Н. Тургенев.

[4] С. Я. Веригина — приятельница Е. Е. Ламберт. Позднее, обладая хорошим голосом, С. Я. Веригина участвовала в певческом кружке, руководимом А. Г. Рубинштейном. Члены этого кружка устраивали музыкальные вечера у самой С. Я. Веригиной, у А. И. Гирс, Н. А. Неведомской и др. Тургенев бывал на этих вечерах (*Рус Ст*, 1906, № 12, с. 669).

[5] В 1856 г. Е. Е. Ламберт проводила лето в Ревеле (см. ее письмо к Тургеневу: *ИРЛИ*, № 5836).

488. **Д. Я. Колбасину** (с. 94)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, оп. 1, № 73. Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 16—17.

[1] Об этом см. письмо 485.

[2] В письме к Тургеневу от 24 мая (5 июня) 1856 г. Некрасов писал: «... вчера я видел Краснокутского, который мне сказал, что ты можешь явиться или прислать кого-нибудь за получением заграничного паспорта» (*Некрасов*, т. 10, с. 274). Позднее Н. А. Краснокутский явился одним из прототипов Василия Васильевича Чекмезова (*Mazon*, p. 23), указанного Тургеневым в первоначальном списке действующих лиц романа «Дым» (см. примечания Ю. Г. Оксмана: *Т*, *Соч*, т. 9, с. 418—419).

[3] П. Н. Игнатьев был в это время Петербургским генерал-губернатором и от него зависело получение Тургеневым заграничного паспорта, что, после ссылки писателя и ввиду недавнего окончания Крымской войны (1853—1856), могло вызвать некоторые трудности.

[4] См. письма 473, примеч. 4, и 481, примеч. 2.

[5] Это письмо неизвестно.

489. **В. П. Боткину** (с. 94)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60910. Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 80—82.

Стр. 94. Дорогой Д⟨он⟩ Базилио (*испанск.*).

[1] Комический персонаж из оперы Россини «Севильский цирюльник» и «Свадьбы Фигаро» Моцарта. Этим именем друзья называли В. П. Боткина.

[2] Тургенев прибыл в Спасское 7(19) мая 1856 г.

[3] Боткин приглашал Дружинина (см.: *Письма к Дружинину*, с. 45), Некрасова (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 279), Григоровича, Панаева, Тургенева провести лето у него на даче в Кунцеве, под Москвою. Из приглашенных у Боткина были Дружинин, Панаев и Григорович. Тургенев, хотя и дал Боткину предварительное согласие приехать (см.: *Т и круг Совр*, с. 376), от поездки в мае, как видно из настоящего письма, отказался. В первопечатном тексте (*Боткин и Т*, с. 80) ошибочно, вместо «300 верст» (расстояние от Спасского до Москвы), напечатано «900 верст».

[4] Об этом см. письмо 488.

[5] С Боткиным Тургенев встретился в середине июля 1856 г. по дороге в Петербург и провел у него в Кунцеве два дня.

[6] Некрасов в письме к Тургеневу от 24 мая (5 июня) 1856 г. писал: «Мой паспорт тоже готов, но я не еду покуда: два мои доктора советуют залечить здесь горло...» (*Некрасов*, т. 10, с. 274).

[7] Осенью 1885 г. Тургенев обещал дать М. Н. Каткову для основанного им «Русского вестника» (начал выходить с 1856 г.) повесть

«Призраки» и подтвердил свое обещание (см. письмо 449), обязуясь закончить повесть к 15—20 декабря 1855 г. О конфликте между Тургеневым и М. Н. Катковым в связи с обещанием, которое Тургенев дал и не исполнил, см. письмо 551.

[8] Двенадцать томов «History of Greece» («Истории Греции») Джорджа Грота вышли в свет в 1845—1855 гг.

[9] Графиня — М. Н. Толстая.

[10] Речь идет о П. Н. Тургеневе, дяде писателя, проживавшем в Москве.

490. В. П. Боткину (с. 95)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60911.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 82.

[1] Письмо 489.

[2] Речь идет, очевидно, о долге Тургенева Боткину.

[3] См. письмо 489, примеч. 6.

[4] См. письмо 416.

491. Д. Я. Колбасину (с. 96)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, оп. 1, № 73.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 17—20.

[1] Это письмо Д. Я. Колбасина к Тургеневу неизвестно.

[2] О цензурной истории «Муму» см. письма 473 и 476.

[3] О том, что в «Затишье» и в «Пасынкове» «сделаны необходимые прибавления», Тургенев писал в предисловии к первой части издания «Повестей и рассказов» (СПб., 1856).

[4] Об этом см. письмо 488.

[5] См. письмо 494; письмо О. С. Одоевской к Тургеневу неизвестно.

[6] Тургенев, как и предполагал, отправился за границу 21 июля (2 августа) из Петербурга морем.

[7] «Родственник» — Е. Я. Колбасин. См. письмо 485, примеч. 3.

[8] В письме к Тургеневу от 24 мая (5 июня) 1856 г. Некрасов сообщал: «...портрет мой в хорошей рамке посылается на днях графине Толстой» (*Некрасов*, т. 10, с. 275). В письме к Тургеневу от 25 июня (7 июля) 1856 г. Е. Я. Колбасин спрашивал: «Получен ли Толстыми портрет Некрасова и цел ли он?» (*Т и круг Совр*, с. 253).

[9] Речь идет о книжном магазине в Петербурге, принадлежавшем А. И. Давыдову.

[10] Очевидно, второй том «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (1851—1879).

[11] См. письмо 485, примеч. 4.

[12] В № 5 «Современника» за 1856 г. были напечатаны «Два гусара» Л. Н. Толстого, «Свадьба Кречинского» А. В. Сухово-Кобылина, «Петербургское утро» — стихотворение Н. А. Некрасова, «Одинокий дуб» — стихотворение А. А. Фета, последняя статья А. В. Дружинина «Георг Крабб и его произведения», «Библиографическая редкость» Мих. Лонгинова, «Заметки Нового поэта» и пр.

[13] См. письмо 489, примеч. 3.

[14] Очевидно, речь идет о повести Е. Я. Колбасина «Академический переулок», которая впоследствии была напечатана в «Библиотеке для чтения» (1858, т. 150, № 8) с посвящением Тургеневу. Это

предположение подкрепляется восклицанием Тургенева в письме 502: «Кланяйтесь брату... Бедный переулочек!» Есть основания предполагать, что «Академический переулок», по рекомендации Тургенева (см. письмо 409), был отдан Е. Я. Колбасиным А. А. Краевскому для опубликования в «Отечественных записках». В письме 438 Тургенев спрашивал: «...да, что повесть Колбасина Вами еще не прочтена?».

492. **С. Т. Аксакову** (с. 98)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 58—59.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 495—496.

[1] С. Т. Аксаков 4(16) июня 1856 г. писал Тургеневу о том, что его письмо он успел получить еще в Москве (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 583).

[2] См. письмо 489, примеч. 8.

[3] Под продолжением «Семейной хроники» Тургенев подразумевает отрывок четвертый — «Молодые в Багрове», который был опубликован во второй июньской книжке «Русской беседы». С. Т. Аксаков в упомянутом выше письме благодарил Тургенева за его отзыв о продолжении «Семейной хроники» (см. *Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 583).

[4] К. С. Аксаков 18(30) июня 1856 г. писал Тургеневу: «... спор о мире желал бы продолжать с вами изустно, но, пожалуй, и письменно» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 588).

[5] С. Т. Аксаков 4(16) июня 1856 г. писал Тургеневу: «Что же касается до Константина, то пусть он отвечает сам. Скажу только, что я горбат больше в вашу сторону» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 584).

[6] В том же письме С. Т. Аксаков подтверждал: «Иван точно был вызван князем Васильчиковым в Петербург и 31-го мая уже уехал в Крым. Все говорят, что Васильчиков — прекраснейший человек, но не рано ли вы радуетесь и за дело, и за моего Ивана? Дело так трудно, что дерзко надеяться какого-нибудь успеха...» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 584). В. И. Васильчиков возглавлял комиссию для раскрытия злоупотреблений по интендантству южной и крымской армий.

[7] Тургенев по памяти и потому не совсем точно приводит последние строчки стихотворения И. С. Аксакова «Усталых сил я долго не жалел» (1850). Правильное чтение:

Когда же власть, скажи, твоя пройдет,
О молодость, о тягостное бремя?..

493. **Н. А. Некрасову** (с. 99)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 30—31.
Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 5, с. 36.

[1] См. ответ Некрасова на это письмо (*Некрасов*, т. 10, с. 276).

[2] Из дневника Л. Н. Толстого видно, что 8 мая ст. ст. он обедал у Д. Н. Блудова, а 15 мая ст. ст. 1856 г. написал письмо Тургеневу (*Толстой*, т. 47, с. 69, 72), которое неизвестно. Речь идет о втором издании «Записок охотника», цензурного разрешения которого Тургенев с нетерпением ждал в это время (см. письмо 481, примеч. 2).

[3] См. письмо 485, примеч. 1.

[4] См. письмо 491, примеч. 6.

[5] В Париж Тургенев прибыл в середине августа по новому стилю. 4(16) августа Герцен писал М. К. Рейхель из Лондона о приезде Тургенева в Париж (*Герцен*, т. 26, с. 18).

[6] Тургенев выехал из Спасского в Москву 11(23) июля 1856 г.

[7] Васенька — В. П. Боткин.

[8] 16 и 17 (28 и 29) июля 1856 г. (проездом за границу) Тургенев провел у Некрасова в Ораниенбауме.

[9] Это письмо Фета не сохранилось. Незадолго до этого вышло собрание его стихотворений (ценз. разр. 11 февраля 1856 г.), фактическим редактором которого был Тургенев, написавший к нему небольшое предисловие (см. предисловие Фета к сб. «Вечерние огни», вып. 3-й. М., 1888. Ср.: *Фет*, ч. 1, с. 105). Очевидно, в упоминаемом письме Фет благодарил Тургенева за помощь.

[10] Письмо Тургенева к Фету не сохранилось или не было написано.

[11] Отзыв А. С. Хомякова о Некрасове неизвестен и, вероятно, был высказан устно.

[12] См. письмо 491, примеч. 8.

[13] См. письмо 495, примеч. 5.

[14] См. письмо 485, примеч. 4.

[15] Известное Некрасову выражение Тургенева. В письме к нему из Ораниенбаума 24 мая ст. ст. 1856 г. Некрасов писал: «Журнал идет хорошо. Менее сотни осталось от 3400 экз. Вульф перенял твое выражение и, принося повестки, всегда говорит: нет, последний подписчик еще не прозвенел» (*Некрасов*, т. 10, с. 275).

494. **О. С. Одоевской** (с. 100)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 359 (В. Ф. Одоевского), оп. 2, № 1411, л. 1.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1904, № 8, с. 423—424.

[1] Тургенев благодарит О. С. Одоевскую, сестру министра внутренних дел С. С. Ланского, за помощь, которую она ему оказала при получении заграничного паспорта (см. письмо 491).

[2] В. Ф. и О. С. Одоевские в 1856 г. проводили лето в Ораниенбауме. Тургенев приехал в Ораниенбаум 16—17 (28—29) июля к Некрасову, который жил там же и бывал у Одоевских. См. письмо Некрасова к Тургеневу от 27 июня (9 июля) 1856 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 281).

[3] В. Ф. Одоевскому.

495. **В. П. Боткину и А. В. Дружинину** (с. 101)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60912.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 83—84, с ошибкой в дате — «26-го мая» вместо «28-го».

[1] На подмосковной даче В. П. Боткина в Кунцеве в это время гостил А. В. Дружинин.

[2] Письмо В. П. Боткина и А. В. Дружинина к Тургеневу из Кунцева, написанное силлабическими стихами, в печати неизвестно.

[3] Речь идет о письме, полученном Тургеневым от О. С. Одоевской. Ответное письмо — 494.

[4] См. письмо 491, примеч. 6.

[5] Некрасов изменил свое намерение и 11(23) августа 1856 г. уехал за границу.

[6] Речь идет об издании «Повестей и рассказов» И. С. Тургенева в 3 частях (СПб., 1856).

[7] Статья В. П. Боткина «Стихотворения А. А. Фета» была опубликована в «Современнике» (1857, № 1, отд. III, с. 1—42).

[8] Речь идет о переводе А. В. Дружининым трагедии Шекспира «Король Лир» (опубликован с предисловием и примечаниями переводчика: *Совр*, 1856, № 12, отд. 1, с. 169—342).

[9] Е. А. Ладыженская в письме к Тургеневу, о котором идет речь, спрашивала, в связи со своими размышлениями по поводу статьи Евгении Тур о Жорж Санд: «Напишите мне Ваше мнение об аналитическом направлении нашего века, по-Вашему ведет ли оно к пользе или ко вреду?» (*ИРЛИ*, № 5807, л. 45 об).

[10] Очевидно, речь идет о выплате процентов М. В. Белинской— см. письма 416 и 490.

[11] Л. Н. Толстой приехал в Покровское 30 мая (11 июня) 1856 г. и пробыл до 2(14) июня 1856 г.; 31 мая (12 июня) Толстой провел у Тургенева в Спасском, 1(13) и 2(14) июня Л. Н. Толстой и Тургенев гостили в Покровском (см.: *Толстой*, т. 47, с. 77—78).

496. Е. Я. Колбасину (с. 102)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, оп. 1, № 73.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 21—22, здесь дата письма прочтена ошибочно — *2 июля* 1856. Правильность прочтения — *2 июня* 1856 — подтверждается дневниковыми записями Л. Н. Толстого, из которых следует, что во время его пребывания в Покровском с 30 мая по 3 июня ст. ст. 1856 г. там же гостил Тургенев 1 и 2 июня (см. *Толстой*, т. 47, с. 78).

[1] Д. Я. Колбасин, который, как пишет Тургенев в письме 495, имел казенное поручение в Болхов и заехал к нему на 48 часов.

[2] Речь идет о корректуре «Повестей и рассказов» Тургенева.

[3] «Три встречи» были заново пересмотрены и исправлены Тургеневым при подготовке их к печати для издания «Повестей и рассказов» (1856).

497. О. А. Тургеневой (с. 102)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 31, л. 12—13.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 361—362.

[1] Эту новость Тургенев узнал из письма к нему О. С. Одоевской (см. письмо 491).

[2] Жребий брошен — слова Юлия Цезаря при переходе через Рубикон. После февральской революции 1848 г., состоя членом временного правительства, Ламартин часто выступал в Национальном собрании с пышными речами. В том же году он был изгнан из правительства президентом, будущим императором Наполеоном III. Иронические упоминания Тургенева о Ламартине встречаются и раньше (см. наст. изд., Письма, т. 1, именной указатель).

[3] См. письмо 493, примеч. 6. В деревню к О. А. Тургеневой Тургенев не заезжал.

[4] См. письмо 495, примеч. 11.

498. **Н. А. Некрасову** (с. 103)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 32.
Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 5, с. 37.

[1] Письмо Некрасова от 24 мая 1856 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 274—275).

[2] В указанном выше письме Некрасов писал Тургеневу: «Ведь прав Ковалевский: очень худо жить. Я-таки хандрю» (*Некрасов*, т. 10, с. 275)

[3] Речь идет о комедии «Завтрак у предводителя»; на сцене она была поставлена еще в 1849 г., но появилась в печати (из-за цензурных затруднений) только в 1856 г. (*Совр*, № 8).

[4] В письме от 24 мая 1856 г. Некрасов сообщил Тургеневу: «Чудеса! Генерал Пушкин на прощанье мои стихи без помарок сплошь велел племяннику подмахнуть. И тот подмахнул» (*Некрасов*, т. 10, с. 275). Пушкин — председатель Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусин-Пушкин, уволенный в отставку в середине апреля 1856 г. Его родственник, цензор В. Н. Бекетов, разрешил к печати сборник стихотворений Некрасова 14 мая 1856 г. Слова Тургенева являются, быть может, цитатой из письма А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому около 7 ноября 1825 г. (*Пушкин*, т. 13, с. 239). Письмо было опубликовано впервые П. И. Бартеневым (*Рус Арх*, 1874, № 1, с. 419—421), но Тургенев мог знать об этих словах Пушкина от Анненкова.

[5] Тургенев имеет в виду вопрос о разрешении второго издания «Записок охотника» (см. письмо 481, примеч. 2).

[6] Некрасов заключил в 1855 г. условие на издание своих стихотворений с московским издателем К. Т. Солдатенковым; впоследствии поэт пытался расторгнуть этот договор, но книга, вопреки его желанию, была издана в Москве (вышла в свет 19 октября 1856 г. .

[7] Тургенев помогал Фету в его работе над переводом од Горация. Какую именно из од имеет в виду Тургенев в данном случае — неизвестно (письма Фета к Тургеневу этих лет не сохранились).

[8] 13—14 (25—26) июля Тургенев провел у Боткина в Кунцеве, затем выехал в Петербург. 16—17 (28—29) июля Тургенев был в Ораниенбауме у Некрасова (см. письмо 517).

499. **Полине Виардо** (с. 104 и 366)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (*Париж*). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (*Париж*).
Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 81—82.

[1] Письмо П. Виардо из Лондона неизвестно.

[2] См. письмо 474, примеч. 3.

[3] 21 июля (2 августа) Тургенев действительно выехал из Петербурга через Штеттин в Берлин морем.

[4] Это письмо Тургенева из Спасского неизвестно.

500. **Е. Е. Ламберт** (с. 105)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 28.
Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1914, № 10, с. 195—196.
Перепечатано: *Письма к Ламберт*, с. 6—8.

Стр. 106. вино налито, так надо его пить (*франц.*)

[1] Письмо Е. Е. Ламберт из Ревеля написано 24 мая (5 июня) 1856 г. (см.: *ИРЛИ*, № 5836). А. Гранжар, опубликовавший письма Е. Е. Ламберт к Тургеневу, не включил это письмо в свою книгу.

[2] В этом письме Е. Е. Ламберт пишет Тургеневу: «Любила я ваши речи, ваш светлый ум, люблю особенно ваше милое письмо... Вы из тех людей, которых надо полюбить сейчас или никогда; вас нельзя изучать. Вы Протей, ускользающий от наблюдения; — а иногда ребенок с такою чудной простотой, что только сердцем можно догадаться (ум высокомерен и не любит уроков), сколько кроется тонкой иронии в добродушном сознании о неведении вашем в житейских делах или обязанностях света...».

[3] Речь идет о книге Де Жерандо (см. письмо 487, примеч. 2).

[4] В этих словах можно видеть намек на окончательный отказ Тургенева связать свою судьбу с О. А. Тургеневой и на предстоящее возвращение к «чужому гнезду» — в семейство Виардо.

[5] Пожар в Спасском произошел в 1839 г. (см наст. изд., Письма, т. 1, письмо 16 — Т. Н. Грановскому). Описание Спасской усадьбы см.: *Рус Вестн*, 1885, № 1, с. 349—350.

[6] В указанном письме к Тургеневу Е. Е. Ламберт писала: «Мы думали — что делает Иван Сергеевич? — Забыл нас...— живет Евгением Онегиным — пленяет соседок».

[7] Е. Е. Ламберт ошибочно отождествила даму, которая, по рассказу Тургенева, «разочаровала» его своим разговором в ресторане, с П. Виардо.

[8] Большинство писем Е. Е. Ламберт написаны на русском языке. В письме к Тургеневу в декабре 1859 г. она писала, что человек «чувствует потребность говорить и писать на собственном языке» (*Granjard*, p. 64).

[9] Рассуждение Тургенева является ответом на следующее место ее письма: «Зачем вы посетили нас! Впрочем, все к лучшему. Я вас видела не более пяти раз, но знаю вас почти совершенно.— Перейдя весеннюю пору, в которой женщина должна сжимать в себе просящиеся на волю мысли и чувства, она приобретает наконец, поздно и дорого, право отступать иногда от обычаев, принятых в общежитии. На скате лет ей можно оказывать некоторое преимущество достоинству ценить прекрасное, высокое» (см.: *ИРЛИ*, № 5836).

[10] Е. Е. Ламберт в том же письме писала Тургеневу: «Я бы приняла ваш совет заняться Пушкиным, хоть бы для того, чтоб иметь с вами что-нибудь общее,— но бог знает, что мне ничего не следует читать кроме акафиста. В душе моей часто бывает темно ⟨...⟩ Пушкин⟨...⟩ пробуждает лишь одни страсти — не потому ль его любят женщины и поэты? В нем есть жизнь, любовь, тревога, воспоминания. Я боюсь огня». Эти высказывания Е. Е. Ламберт нашли отражение в повести «Фауст».

[11] Ср. в рассказе «Поездка в Полесье»: «... я понял жизнь природы... Тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья в каждом отдельном существе — вот самая ее основа, ее неизменный закон».

[12] В статье «Гамлет и Дон-Кихот» Тургенев дает несколько иную характеристику современных Дон-Кихотов: «... на своем веку в наших странствованиях видали людей, умирающих за столь же мало существующую Дульцинею или за грубое и часто грязное нечто, в котором они видели осуществление своего идеала».

[13] Двадцать три года спустя Тургенев в речи, произнесенной на обеде профессоров и литераторов в Петербурге 13(25) марта

1879 г., заявил о том, что в современном обществе у молодого и старого поколения «есть, наконец, идеал не отдаленный и не туманный, а определенный, осуществимый и, может быть, близкий, в который они одинаково верят. Еще недавно, очень недавно нельзя было это сказать; но теперь это истина, это факт, видимый не предубежденному глазу...»

501. **В. П. Боткину** (с. 107)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60913.

Впервые опубликовано: отрывок — «XXV лет. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». СПб., 1884, с. 493—494; полностью — *Боткин и Т*, с. 84—87.

Стр. 107. брат мой, дорогой Д⟨он⟩ Базилио (*испанск.*
Стр. 108. обозреватель (*франц.*).
Стр. 108. между нами говоря (*франц.*).

[1] Это письмо В. П. Боткина к Тургеневу до нас не дошло.

[2] Речь идет о Л. Н. Толстом, который провел у Тургенева в Спасском 31 мая (12 июня) 1856 г., и его сестре — М. Н. Толстой.

[3] По словам Тургенева, в годы ссылки в Спасское (1852- 1853) В. Каратеев был ему «самым близким человеком». Во время пребывания Каратеева в Крыму (1855—1856) в качестве офицера ополчения Тульской губ. (см. письмо 429) распространился слух о его смерти. В действительности Каратеев умер в своем имении в 1859 г., о чем Тургенев сообщает в своих письмах 1859 г. (см. № 764, 783). В. Каратеев в числе прочих 105 дворян Тульской губернии поставил свою подпись под документом, опубликованным в «Современнике» под названием «Мнение 105 Тульских дворян о наделе крестьян землею» (1858, № 12, отдел «Современные заметки»). В предисловии к собранию романов в издании сочинений 1880 г. Тургенев дал Каратееву подробную характеристику, но, запамятовав, писал, что он умер от тифа на стоянке близ Гнилого моря во время Крымской войны.

[4] Поэма «Две липки» была опубликована в «Отечественных записках» (1857, № 1, отд. 1, с. 4—16) с посвящением Тургеневу. Некрасов по поводу этой поэмы писал Тургеневу: «Он ⟨Фет⟩ написал поэму „Липки“, по-моему плохую до значительной степени. Я за ней не погнался. Нет, поэмы — не его дело» (*Некрасов*, т. 10, с. 275). Стихотворение А. А. Фета «Петербургская ночь» было напечатано в «Современнике» (1856, № 11, отд. 1, с. 68) под названием «Ответ И. С. Тургеневу».

[5] Речь идет о статье А. В. Дружинина «Критика. Стихотворения А. А. Фета.— Зимний путь. Поэма Н. П. Огарева» (*Б-ка Чт*, 1856, № 5, отд. V, с. 1—30).

[6] Речь идет об увлечении Некрасова игрой в карты (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 276, 278).

[7] Об этом Некрасов писал Тургеневу 24 мая (6 июня) 1856 г. (см. *Некрасов*, т. 10, с. 274—275).

[8] Дядя — Н. Н. Тургенев.

[9] См. письмо 495, примеч. 9.

502. **Д. Я. Колбасину** (с. 109)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, оп. 1, № 73.
Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 21.

[1] Это письмо Тургенева к Д. Я. Колбасину неизвестно и, возможно, не было написано. О посещении Спасского Л. Н. Толстым и М. Н. Толстой см. письмо 501, примеч. 2.

[2] Очевидно, речь идет о повести Е. Я. Колбасина «Академический переулок», с опубликованием которой у автора были затруднения (см. письмо 491, примеч. 14).

503. Л. Н. Толстому (с. 109)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив Л. Н. Толстого, папка 114.

Впервые опубликовано: *Толстой и Т*, с. 14—15.

[1] Письмо Л. Н. Толстого, на которое отвечает Тургенев, неизвестно (см.: *Толстой*, т. 60, с. 512). Судя по ответу, его содержание было близко к содержанию письма Толстого к Некрасову от 12 июня 1856 г. (там же, с. 68—69).

[2] Тургенев гостил у М. Н. Толстой в Покровском.

[3] Тургенев уехал из Спасского на охоту 24 июня. Толстой приехал в Покровское 3 июля, а 4 июля было послано в Спасское за Тургеневым, который приехал в Покровское 5 июля (см.: *Толстой*, т. 47, с. 85).

[4] «Записки вашего брата» — очерки Н. Н. Толстого «Охота на Кавказе». В письме к Некрасову от 29 июня ст. ст. 1856 г. Толстой писал: «Получил я от брата Николая Записки охотничьи его — листа 3 печатных. На днях покажу Тургеневу, но по-моему прелестно» (*Толстой*, т. 60, с. 70).

[5] В письме к Некрасову от 12 июня 1856 г. Толстой писал: «Дела мои с крестьянами так плохи, что я до октября не еду за границу» (*Толстой*, т. 60, с. 69). Ср. записи в дневнике Толстого от 9 и 10 июня 1856 г. (там же, т. 47, с. 80) и «Описания, относящиеся к проекту освобождения яснополянских крестьян» (*Толстой*, т. 5, с. 241—258).

[6] См. в дневнике Толстого записи от 8, 10, 11 и 12 июня 1856 г. (*Толстой*, т. 47, с. 79—81). В письме к Некрасову от 12 июня 1856 г. Толстой писал: «На беду еще 4 дня тому назад устроил я у себя гимнастику, да не совсем ловко стал прыгать и свихнул себе поясницу, так что насилу хожу и приехал нынче в Тулу советоваться с докторами» (*Толстой*, т. 60, с. 69).

[7] В «Библиотеке для чтения» (1856, № 9, отд. VI, с. 16—25) напечатана (без подписи) рецензия на сборник «Для легкого чтения», т. II (СПб., 1856). В библиографической работе В. С. Спиридонова (Л. Н. Толстой. Био-библиография. Том первый. 1845—1870. М.; Л., 1933, с. 64) эта рецензия приписана А. В. Дружинину; на самом деле, как видно из письма Е. Я. Колбасина к Дружинину (*Письма к Дружинину*, с. 156), она написана Е. Я. Колбасиным. На стр. 22—24 рецензии речь идет о Л. Н. Толстом (в связи с напечатанным в сборнике рассказом «Записки маркера»). Колбасин дает очень высокую оценку таланту Толстого как автора «Детства» и «Отрочества»: «Если автор так же будет чист и правдив в изложении своей юности и в дальнейших эпохах развития человека, то станет на ряду первоклассных русских писателей. Такое сочинение, соединенное вместе, представит оригинальнейший труд, подобного которому ничего не имеет наша литература в этом роде. Это материк новый, материк графа Толстого». Надо думать, что, говоря о «превосходной рецензии Колбасина», Тургенев имел в виду именно эту рецензию и что, следовательно, она была известна и ему и Толстому еще до появления в печати. В пользу этого предположения говорят

и слова Е. Я. Колбасина в письме к Тургеневу от 29 сентября (11 октября) 1856 г. о «Детстве и отрочестве» Толстого: «... перечитывая с братом корректурные листы 〈для отдельного издания〉, я снова восхитился ими до седьмого неба — что за роскошная вещь!» (*Т и круг Совр*, с. 271).

[8] Под «оврагом» (очевидно, выражение Толстого в письме к Тургеневу) разумелась разница натур и взглядов, приводившая к «недоразумениям». В письме к Некрасову от 12 июня ст. ст. 1856 г. Толстой писал о Тургеневе: «Его надо показывать в деревне. Он там совсем другой, более мне близкий, хороший человек» (*Толстой*, т. 60, с. 69).

504. И. А. Гончарову (с. 110)

Печатается по копии, снятой Гончаровым (в черновой рукописи «Необыкновенной истории»): *ГПБ*, ф. 209 (архив И. А. Гончарова), № 5, л. 96, об.— 97.

Впервые опубликовано: *Сб РПБ*, т. 2, с. 154 (Отрывок).

[1] Гончаров был цензором Петербургского цензурного комитета с 1856 по 1860 г.

[2] Речь идет о замысле «Обрыва».

505. М. Н. Толстой (с. 110)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 148.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 110.

[1] См. письмо 510, примеч. 3.

[2] С. С. Урусов вскоре после окончания Крымской войны вышел в отставку и жил в Москве и под Москвой, где у него частым гостем бывал Л. Н. Толстой. Здесь речь идет о крупном проигрыше Л. Н. Толстого накануне отъезда из действующей армии в Петербург (см.: *Толстой*, т. 47, с. 64, 298—299).

[3] Граф — В. П. Толстой.

506. В. П. Боткину (с. 111)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60914.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 87.

[1] Тургенев выехал из Спасского не 12, а 11 июля ст. ст.; в остальном план был, по-видимому, выполнен в точности. См. следующее письмо к Боткину (№ 509).

507. Неизвестному (с. 112 и 367)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 1463, № 6.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 195—196.

Датируется по содержанию, так как упоминаемый в письме «Comte Michel» («граф Михаил») — несомненно граф М. Ю. Виельгорский, в музыкальном салоне которого Тургенев часто бывал в начале 1850-х годов (см.: наст. изд., Письма, т. 1, по указателю). Вещь, о которой идет речь в письме,— вероятно, ноты какого-либо музыкального произведения, возможно — Ш. Гуно, творчеством которого интересовались оба Виельгорских, Михаил и Матвей.

508. Н. А. Степанову (с. 112)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 4235.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 196.

Датируется предположительно, на следующих основаниях: по означенному в письме адресу Степанов жил с 1852 по 1869 г.; время наиболее близкого знакомства Тургенева с ним — середина 1850-х годов, от возвращения писателя из ссылки (в декабре 1853 г.) до выезда за границу (21 июля ст. ст. 1856 г.), в периоды пребывания его в Петербурге (см. запись Тургенева в альбом С. Н. Степанова (сына): наст. изд., Сочинения, т. 12). Не исключена, впрочем, и более поздняя датировка — концом 1850-х — началом 1860-х годов, когда Тургенев печатался в «Искре» Степанова (см. его пародию «Шестилетний обличитель»: наст. изд., Сочинения, т. 12).

509. В. П. Боткину (с. 112)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60915.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 87—88.

[1] Это письмо Боткина к Тургеневу, от конца июня ст. ст., неизвестно.

[2] См. письмо 506, примеч. 1.

[3] Тургенев имеет в виду написанную вчерне в Спасском повесть «Фауст».

510. В. П. Толстому (с. 113)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 29, л. 2.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 1, с. 292—293.

[1] Тургенев выехал в дальнюю поездку на охоту 24 июня (6 июля) 1856 г. (см. письмо 506).

[2] См. письмо 506, примеч. 1.

[3] С Л. Н. Толстым и его сестрой Тургенев встретился на следующий день, 5(17) июля 1856 г., в Покровском (см.: *Толстой*, т. 47, с. 85).

511. О. А. Тургеневой (с. 113)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 31, л. 15.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 373.

На подлиннике отчетливо рукою Тургенева проставлена дата: «3-го июня 1856». Эта дата ошибочна, так как на конверте есть штемпель: «Получено 12 июля 1856 г.». Датировка июлем подтверждается и письмами 497, 514.

[1] Это письмо до нас не дошло.

[2] См. письмо 517.

[3] Н. Н. Тургеневым.

[4] Весь 1857 г. и часть 1858 г. Тургенев провел за границей. С О. А. Тургеневой он встречался в Париже и в 1857, и в 1858 гг.— см. его письма к Н. А. Некрасову от 9(21) сентября 1857 г. и к В. П. Боткину от 13(25) мая 1858 г.

512. С. Т. Аксакову (с. 114)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. ф. 3, оп. 13, № 70, л. 60.
Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1900, № 8626, 3(16) марта.

[1] Тургенев имеет в виду письмо к нему К. С. Аксакова от 18(30) июня 1856 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 586—588).

[2] В этом письме К. С. Аксаков, между прочим, писал: «Неужели вы и нынешнюю зиму думаете проводить в поганом Петербурге, который народ называет „Пятибрюх"?.. Покуда вам будет казаться возможным жить в Петербурге, по тех пор мы с вами на разных путях, по тех пор вы будете слабы и шатки» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 588).

[3] Обещанное письмо Тургенева к К. С. Аксакову неизвестно и, вероятно, вообще не было написано.

[4] Во втором томе «Русской беседы» за 1856 г. было напечатано продолжение «Семейной хроники» С. Аксакова: отрывок четвертый — «Молодые в Багрове».

[5] Тургенев имеет в виду книгу С. Аксакова «Семейная хроника и Воспоминания», М., 1856.

513. Д. Я. и Е. Я. Колбасиным (с. 115)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, № 264.

Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1894, № 6706, 29 октября (10 ноября).

[1] Известно одно письмо Е. Я. Колбасина к Тургеневу от 25 июня (7 июля) 1856 г. (*Т и круг Совр*, с. 250—253), ответом на которое является настоящее письмо.

[2] Это письмо Тургенева неизвестно.

[3] В своем письме Е. Я. Колбасин спрашивал разрешения поселиться в квартире Тургенева на время его путешествия за границу, если только он намеревается оставить ее за собою (см.: *Т и круг Совр*, с. 250).

514 Н. А. Некрасову (с. 115)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 33.
Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 5, с. 37.

[1] См. письмо 498, примеч. 8.

[2] В письме к Тургеневу от 15—17 июня ст. ст. 1856 г. Некрасов писал: «Думаю при себе еще составить 9-ую книжку и написать объявление о подписке на 1857 год, которое обсудим с тобой вместе» (*Некрасов*, т. 10, с. 278). Это объявление Тургенев и называет «программой».

[3] В письме от 15—17 июня ст. ст. 1856 г. Некрасов просил у Тургенева разрешения напечатать «Где тонко, там и рвется». Комедия эта появилась в сборнике «Для легкого чтения» (СПб., 1856. Т. 4).

[4] В письме от 27 июня ст. ст. 1856 г. Некрасов предлагал Тургеневу, если он может, задержаться на три недели и ехать за границу вместе с ним, сдав взятый Тургеневым билет на пароход. Совместная поездка не состоялась: 21 июля выехал за границу Тургенев, а 11 августа — Некрасов.

515. **Полине Тургеневой** (с. 116 и 367)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 8.
Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 17—18. Перепечатано: *Séménoff*, 1933, p. 35—36. Письмо не датировано. По-видимому, оно написано в Спасском в первой половине июля ст. ст. 1856 г., незадолго до выезда Тургенева за границу.

[1] Тургенев, выехав из Петербурга 21 июля (2 августа), должен был действительно приехать в Париж к середине августа.
[2] В повести Тургенева «Первая любовь», содержащей много автобиографических черт, доктор Лужин говорит герою повести: «Вам бы надобно учиться, работать — пока вы молоды».

516. **А. В. Веневитинову** (с. 116)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 48, п. 45, № 37а.
Впервые опубликовано и датировано: *Сб ГБЛ*, с. 16.
Датируется на основании даты смерти И. В. Киреевского (11(23) июня 1856 г.) и даты отъезда в этом году Тургенева за границу — 21 июля (2 августа).

[1] О каком «пакете» идет речь и получил ли его Тургенев — установить не удалось.

517. **А. В. Дружинину** (с. 116)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 167, оп. 4, № 10, л. 1.
Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 23—24.

[1] Обещанная в «Библиотеку для чтения», редактором которой с осени 1856 г. стал Дружинин, повесть Тургенева «Поездка в Полесье» была закончена только в марте 1857 г. и появилась в десятой книжке журнала за этот год.
[2] Отзыв Тургенева о программе «Библиотеки для чтения» см. в письме 542. Дружинин в это время, расходясь все более с направлением «Современника», возглавил группу литераторов и критиков — противников Чернышевского и сторонников так называемого «чистого» искусства. Тургенев занимал колеблющуюся позицию, не разделял взглядов Чернышевского, но и не порывал еще с «Современником», хотя его согласие участвовать в «Библиотеке для чтения» было нарушением «обязательного соглашения».
[3] См. письмо 514.

518. **А. А. Краевскому** (с. 117)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 181.
Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 33—34.

[1] По всей вероятности, упоминаемые здесь «повесть», а в письме 468 «рассказ» — одно и то же обещанное Тургеневым произведение (см. письмо 468, примеч. 2).
[2] См. письмо 520.
[3] Речь идет о так называемом «обязательном соглашении», по которому Тургенев, Толстой, Григорович и Островский обязались, начиная с 1857 г., печатать свои произведения только в «Сов-

ременнике». «Обязательное соглашение» с редакцией «Современника» было заключено еще в начале 1856 г., но объявление о нем появилось только в ноябрьской книге «Современника» за 1856 г.

[4] Речь идет о не дошедшем до нас письме Тургенева к П. В. Анненкову. В 1856 г. Анненков издавал «Повести и рассказы» Тургенева и должен был в связи с этим уплатить ему тысячу рублей. Эти деньги Тургенев и предполагал употребить на уплату долга Краевскому (см. письма 521 и 541).

519. **Е. Е. Ламберт** (с. 118)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон № 2, № 29.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1914, № 10, с. 197. Перепечатано: *Письма к Ламберт*, с. 9.

[1] Тургенев имеет в виду свое письмо к Е. Е. Ламберт от 10(22) июня 1856 г. (№ 500).

520. **В. П. Боткину** (с. 118)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В.П. Боткина, № 60916.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 88—89.

Стр. 118. Моя лодка на берегу, И мой корабль в море (*англ.*).
Стр. 119. прощальное письмо (*франц.*).

[1] Неточная цитата из стихотворения Байрона «To Thomas Moore (July, 1817)»; у Байрона:

My boat is on the shore,
And my bark is on the sea.

[2] Отзывы Некрасова о «Фаусте» Тургенева см. в письме к Л. Н. Толстому от 22 июля (3 августа) 1856 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 283) и в письме к Фету (там же, с. 287). «Фауст» был напечатан в «Современнике» (1856, № 10, отд. 1, с. 91—130).

[3] Летом 1856 г., на даче в Ораниенбауме, Некрасов написал стихотворения: «Поэт и гражданин», «Тургеневу», «Самодовольные болтуны» и др.

[4] См. письмо 518.

521. **Д. Я. и Е. Я. Колбасиным** (с. 119)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редкой книги, № 264.

Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1894, № 6706, 29 октября (10 ноября).

[1] Это письмо Тургенева неизвестно.

[2] Тургенев прибыл в Лондон 19(31) августа и уехал из Лондона 27 августа (8 сентября) 1856 г. (см.: *Герцен*, т. 26, с. 22, 24).

[3] См. письмо 522.

[4] О получении рукописи «Фауста» Панаев известил Тургенева в письме от 27 августа (8 сентября) 1856 г. (см.: *Лит Насл*, т. 73, с. 114).

[5] Е. Я. Колбасин писал в ответном письме Тургеневу: «Предложение Ваше, любезный Иван Сергеевич, принимаю с удовольствием. Только не знаю, нужно ли Вам сообщать заметки про „Современник“, так как Панаев уверяет, что он устроит все с почтамтом и

„Современник“ Вам будет высылаться в Париж» (*Т и круг Совр*, с. 270). О литературных новостях и о частных делах и литературных предприятиях Тургенева Д. Я. и Е. Я. Колбасины сообщали уже в письме к нему от 31 августа (12 сентября) 1856 г.(см.: *Т и круг Совр*, с. 255—263).

[6] Речь идет о письме Некрасова к Тургеневу от 30 июля (11 августа) 1856 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 285—286).

[7] 30 июля (11 августа) 1856 г. Некрасов писал Тургеневу: «Если промедлишь написать в Петербург, то, будь друг, пиши в Венецию, на мое имя, poste restante — и свой адрес напиши и как поживаешь, напиши» (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 286). Написал ли Тургенев Некрасову — неизвестно.

[8] Д. Я. Колбасин по этому поводу отвечал Тургеневу: «Анненков приедет в конце сентября и денег Ваших до сих пор не переслал» (*Т и круг Совр*, с. 261).

[9] Д. Я. Колбасин следующим образом объяснял затруднение с пересылкой журнала: «„Современник“, говорят, очень трудно выслать Вам, если Вы не обратитесь с просьбою в парижский почтамт, который должен сообщить Ваше желание здешнему почтамту, и тогда дело пойдет на лад — попробуйте» (*Т и круг Совр*, с. 262). В скором времени пересылка «Современника» Тургеневу в Париж была налажена.

522. **И. И. Панаеву** (с. 120)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 15—16.
Впервые опубликовано: *Панаев*, 1888, т. 6, с. 402.

[1] Повесть «Фауст» была прочитана Тургеневым Боткину в Кунцеве 13—14 (25—26) июля (см. письмо 498, примеч. 8; ср. с письмом Боткина к Дружинину от 26 июня ст. ст. 1856 г.: «XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». СПб., 1884, с. 495—497). Некрасов и Панаев ознакомились с «Фаустом» во время пребывания Тургенева (проездом за границу) у Некрасова в Ораниенбауме 16—17 (28—29) июля. «Фауст» был напечатан в октябрьской книжке «Современника» за 1856 г.

523. **Полине Тургеневой** (с. 120 и 368)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп.1, № 44, л. 4—5.
Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 18—19. Перепечатано: *Séménoff*, p. 36—37.

[1] См. письмо 521, примеч. 2.

[2] Полина и Луи Виардо издавна были тесно связаны с Англией, где имели много знакомых и друзей. П. Виардо выступала в лондонской опере и в концертах, Л. Виардо изучал музеи Англии и охотился.

[3] Хайгет — северный район Лондона.

[4] В Глостершире (графство в юго-западной Англии) Л. и П. Виардо гостили неоднократно у богатого английского землевладельца. Луи Виардо, не упоминая его имени, подробно описывает свое пребывание в его имении в 1846 г. (V i a r d o t L. Souvenirs de chasse. Paris, 1849, p. 57—73).

[5] В Норфольке (графство в юго-восточной Англии) Л. и П. Виардо бывали у г-жи Беринг, француженки по рождению, жены

крупного финансиста, коллекционера и мецената Т. Беринга. Пребывание четы Виардо у Беринга в 1848 г. подробно описано Л. Виардо (см.: Viardot L. Souvenirs de chasse, p. 306—313).

[6] П. Виардо должна была приехать в Куртавнель 12 сентября н. ст. 1856 г. Тургенев не мог приехать в Куртавнель в понедельник 8 сентября н. ст., так как в этот день выехал из Лондона (см.: *Герцен*, т. 26, с. 24 и 32).

524. **Полине Тургеневой** (с. 121 и 368)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 9.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. III, с. 9.

Письмо не датировано. Написано, очевидно, 31 августа (12 сентября) 1856 г., по приезде Тургенева в Куртавнель из Лондона, откуда писатель выехал 27 августа (8 сентября) 1856 г. Именно на это число приходилась пятница. «Два букета», о которых идет речь в письме, по-видимому, послали П. Тургеневой Л. и П. Виардо.

525. **А. А. Фету** (с. 121)

Печатается по тексту первой публикации: *Фет*, ч. 1, с. 149 (отрывок).

Подлинник неизвестен.

Датируется на следующих основаниях: Фет в своих воспоминаниях пишет, что получил это письмо «недели через две» после отъезда Тургенева из Парижа (см.: *Фет*, ч. 1, с. 149). В письме Тургенева к Герцену от 10(22) сентября 1856 г. сообщается, что Фет уже «приезжал сюда», т. е. в Куртавнель, «дня на два» (см. № 526). Таким образом, настоящее письмо Тургенева написано в первых числах сентября 1856 г. (по ст. ст.) — приблизительно через две недели после его отъезда из Парижа, состоявшегося 18 или 19(30 или 31) августа 1856 г.

[1] Тургенев встречался с Фетом в Париже (куда приехал не позднее 4(16) августа 1856 г.), затем уехал в Куртавнель, а из Куртавнеля — к Герцену в Лондон. «Хозяин дома» в Куртавнеле — Луи Виардо. Описание пребывания Фета в Куртавнеле см. в его воспоминаниях (*Фет*, ч. 1, с. 149—161).

[2] Тургенев приехал из Куртавнеля в Париж около 20 октября ст. ст. 1856 г. (см. письмо 538).

526. **А. И. Герцену** (с. 122)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 3.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 90.

Стр. 122. ничегонеделанием (*итал.*).

[1] Речь идет о повести «Фауст», оставленной Герцену и Огареву во время пребывания Тургенева в Лондоне во второй половине августа ст. ст. 1856 г. В ответном письме от 26 сентября н. ст. Герцен писал Тургеневу: «Прочти безгневно замечания Огар⟨ева⟩. Он их написал резко, потому что очень болен и хандрит; но я должен тебе признаться, что я во многом делю его мнение. После первого письма — chef d'oeuvre слога во всех отношениях — я не того ждал. Куда нам заходить в романтическое Замоскворечье, — мы люди земляные —

жиляные да костяные» (*Герцен*, т. 26, с. 32). К этому письму была приложена приписка Огарева с отзывом о «Фаусте» (*Совр*, 1913, № 6, с. 7—8).

[2] Герцен переехал в Путней — пригород Лондона — 30 августа (10 сентября) 1856 г.

[3] Во второй книге «Полярной звезды» на 1856 г. были напечатаны первые семь глав «Былого и дум» Герцена. О «неверностях в языке» Герцена см. письмо 568.

[4] «Мемуары» Аксакова — «Семейная хроника». Краткий отзыв Тургенева о «Семейной хронике» см. в письме 492. Тургенев «уговаривал старика Аксакова продолжить свои мемуары», очевидно, в письме от 22 января (3 февраля) 1856 г. (№ 464). Кроме того, он мог это делать во время личных свиданий с С. Т. Аксаковым в Абрамцеве (в середине мая ст. ст. 1854 г.) и в Москве (4—6 мая ст. ст. 1856 г.) — см.: письма 337 (наст. изд., т. 2) и 484.

[5] О поездке Фета в Куртавнель см. письмо 525. Книжка стихов Фета — собрание его стихотворений, отредактированное Тургеневым и вышедшее в свет весной 1856 г. Вскоре Фет переслал эту книгу Герцену (см.: *Герцен*, т. 26, с. 47).

527. М. Н. Толстой (с. 122)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 149. Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 110—111.

[1] См. письмо 521, примеч. 2.

[2] Упоминаемое здесь письмо Л. Н. Толстого к Тургеневу до нас не дошло. Тургенев ответил Толстому 13(25) сентября 1856 г. (см. письмо 528).

[3] С Кавказа Н. Н. Толстой вернулся летом 1858 г. Тургенев цитирует стихотворение Пушкина «Подъезжая под Ижоры».

[4] Тетки Л. Н. Толстого — Т. А. Ергольская и П. И. Юшкова. Подробнее о них см.: *Толстой*, т. 46, с. 246—247. Толстой жил в Ясной Поляне до самого конца октября ст. ст. 1856 г. (*Толстой*, т. 60, с. 95, 99).

[5] Тургенев читал «Фауста» М. Н. Толстой еще летом 1856 г. В воспоминаниях ее, записанных М. А. Стаховичем, рассказывается об этом чтении и передаются слова Тургенева: «„Мне давно надо было написать одну вещицу. Вот я и написал. Если хотите, я Вам вечерком прочитаю“. В тот же вечер он прочел нам эту повесть. Она называлась „Фауст“». Далее Стахович пишет уже от себя: «... стал вспоминать слышанное мною раньше и от нескольких лиц, что „Фауст“ 〈. . .〉 был написан для нее и про нее» (Орловский вестник, 1903, № 224).

[6] Очевидно, «гнев» В. П. Толстого был вызван тем, что издатель и редактор «Русского вестника» М. Н. Катков, слишком ревниво относился к сотрудничеству Л. Н. Толстого в «Современнике». Несколько позднее, когда в десятой книжке «Современника» за 1856 г. появилось объявление о так называемом «обязательном соглашении», Катков обвинил Толстого и Тургенева в неисполнении обещаний, данных редакции «Русского вестника» (см.: *Моск Вед*, 1856, № 140). Из письма Толстого к М. Н. Каткову (см.: *Толстой*, т. 60, с. 132—134) видно, что это обвинение было необоснованным.

[7] В «Современнике» (1856, № 10) была напечатана повесть Тургенева «Фауст», ошибочно принятая Катковым за ранее обещанную для «Русского вестника» повесть «Призраки». В связи с этим Е. Я. Колбасин писал Тургеневу 31 августа ст. ст. 1856 г.: «Москов-

ские тупцы, как говорит Панаев, хотят ополчиться против Вас и напечатать письмо, в котором Вы обещаете им статью, с приличными комментариями. Каковы? Пусть их печатают — посмотрим, кто останется в дураках» (*Т и круг Совр*, с. 263).

528. **Л. Н. Толстому** (с. 124)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив Л. Н. Толстого, папка 114.

Впервые опубликовано: *Толстой и Т*, с. 16—18.

[1] Письмо Толстого неизвестно (см.: *Толстой*, т. 60, с. 513).

[2] Из Спасского Тургенев выехал в Москву 11(23) июля 1856 г.; перед отъездом он был у В. П. и М. Н. Толстых в Покровском (*Толстой*, т. 47, с. 85).

[3] Тургенев имеет в виду те страницы «Эмиля» Руссо (глава IV), где говорится о дружбе.

[4] Первая встреча Тургенева с Толстым произошла на квартире у Тургенева (на Фонтанке, у Аничкова моста, в доме Степанова — ныне дом № 38) 19 ноября 1855 г.— в день приезда Толстого из Крыма в Петербург (см. письмо Л. Н. Толстого к М. Н. Толстой от 20 ноября (2 декабря) 1855 г.: *ГБЛ*, *Записки*, вып. 4, с. 23).

[5] Т. е. «Казаки».

[6] Речь идет об очерке Н. Н. Толстого «Охота на Кавказе» — *Совр*, 1857, № 2.

[7] Н. Н. Толстой служил в Кавказской армии в 1845—1853 гг.; в 1853 г. вышел в отставку, но в августе 1855 г. вернулся на службу и пробыл на Кавказе до июля 1858 г., когда снова вышел в отставку.

[8] В «Современнике» (1856, № 10) была напечатана повесть Тургенева «Фауст». В дневнике Толстого от 28 октября 1856 г. записано: «Прочел 〈. . .〉 „Фауста“ Тургенева. Прелестно» (*Толстой*, т. 47, с. 97).

[9] См. письмо Некрасова от 16(28) августа 1856 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 289).

529. **В. П. Боткину** (с. 126)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60917.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 89—91.

Стр. 126. сбиваться с дороги (*франц.*).

[1] Тургенев ездил в Лондон на свидание с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, после чего вернулся в Париж (см. письмо 521, примеч. 2) и оттуда в Куртавнель, поместье Виардо.

[2] Речь идет о коронации Александра II, которая состоялась в Москве 26 августа ст. ст. 1856 г.

[3] Боткин сообщил Тургеневу, что во втором номере «Русской беседы» помещена статья И. Киреевского «О необходимости и возможности новых начал для философии», а в третьем — статья Ап. Григорьева «О правде и искренности в искусстве» (*Боткин и Т*, с. 92—93).

[4] Слух о том, что Катков хочет напечатать письмо Тургенева с обещанием повести для журнала, снабдив его «приличными комментариями», сообщил Тургеневу Е. Я. Колбасин (см.: *Т и круг Совр*, с. 263). В ответ на вопрос Тургенева Боткин писал: «Действительно Катков сильно жалуется на тебя, но я не слыхал о том, будто бы он хотел напечатать твое к нему письмо с своими комментариями»

(*Боткин и Т*, с. 93). Катков все же напечатал письмо Тургенева со своими замечаниями, что в свою очередь вызвало возражение Тургенева (об этом см. письма 552 и 565).

[5] Речь идет о письме от 16(28) августа 1856 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 289).

[6] В ответном письме Боткин писал Тургеневу, что, по его мнению, отсутствие Некрасова не повредит «Современнику». «Библиография Чернышевского решительно начинает обращать на себя внимание,— с удовлетворением отмечал Боткин.— Вообще я не думаю, чтобы занятие Панаева журналом могло повредить „Современнику“. Главное дело в повестях,— если они будут,— книжки выйдут недурные. А литературного вкуса я даже полагаю более в Панаеве, чем в Некрасове» (*Боткин и Т*, с. 93).

[7] В том же письме Боткин рассказывал Тургеневу о своих встречах с Ап. Григорьевым, о его претенциозном костюме в русском духе и заканчивал характеристикой Ап. Григорьева: «Добрый, милый, даровитый и несколько полуумный человек» (*Боткин и Т*, с. 92).

[8] В начале июля 1856 г. в г. Калязине Островский попал под тарантас и повредил ногу (см.: *Островский*, т. 11, с. 77). О состоянии его здоровья Боткин сообщал Тургеневу в письме от 29 сентября ст. ст. 1856 г. (*Боткин и Т*, с. 91—92).

[9] Письмо Л. Н. Толстого к Тургеневу неизвестно, ответное письмо Тургенева — № 528.

[10] Боткин писал: «Положительно можно сказать, что он 〈„Фауст“〉 встретил здесь самый симпатический прием и даже у людей, которые не имеют к тебе расположения... Но скажу тебе также и то, что ты всего менее должен приписывать этот успех своему искусству и мастерству — весь успех на стороне натуры твоей, на симпатичности рассказа, на общем созерцании, на поэзии чувства, на искренности, которая в первый раз, как мне кажется, дала себе некоторую волю» (*Боткин и Т*, с. 101—102). Ср. с отзывом о «Фаусте» в письме Боткина к И. И. Панаеву (*Т и круг Совр*, с. 392).

[11] О поездке Фета в Куртавнель и его пребывании там см.: *Фет*, ч. 1, с. 149—162.

[12] Речь идет об А. И. Герцене и Н. П. Огареве.

[13] Адмирал Ч. Непир в 1854 г. был командующим английским флотом в Балтийском море и потерпел неудачу в операциях против Кронштадта и Финского побережья; в июле 1856 г., вскоре после заключения мира, он, с разрешения русского правительства, посетил Петербург и Кронштадт. См.: Т а р л е Е. В. Крымская война. 2-е изд. М.; Л.: АН СССР, 1950. Т. 2, с. 49, 51 и сл.

530. И. И. Панаеву (с. 127)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 17—18.
Впервые опубликовано: *Панаев*, 1888, т. 6, с. 402—403.

Стр. 127. обозрений (*франц.*).

[1] 18(30) августа 1856 г. Тургенев отослал Панаеву из Парижа рассказ «Фауст» (см. письмо 522).

[2] Ср. с письмом 532.

[3] Комедия «Нахлебник» была написана еще в 1848 г., но к печати не была допущена тогдашней цензурой. В 1856 г., в связи с изменением политической обстановки, Тургенев вновь взялся за работу над комедией. Комедия появилась в «Современнике» (1857, № 3) под названием «Чужой хлеб».

[4] Некрасов в августе 1856 г. уехал лечиться за границу; фактическими редакторами «Современника» остались Чернышевский и Панаев.

[5] См. письмо 518, примеч. 3.

[6] А. А. Краевский в 1852 г. взял (совместно с А. Н. Очкиным) в аренду «С.-Петербургские ведомости» и редактировал эту газету до 1862 г.

[7] Тургенев подразумевает, вероятно, выступление, готовившееся против него, по слухам, редактором московского журнала «Русский вестник» Катковым (см. письмо 529, примеч. 4).

[8] Это письмо Толстого к Тургеневу неизвестно; ответ Тургенева — письмо 528.

531. **Полине Тургеневой** (с. 128 и 369)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 6—7.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 19—20. Перепечатано: *Séménoff*, p. 37—38.

[1] «Любовная размолвка» («Le Dépit amoureux») — комедия Мольера в 5 актах (1656). Возможно, что в домашнем театре в Куртавнеле «Любовную размолвку» Мольера ставили в сокращении Андрие (Andrieux) в одном акте. В воспоминаниях Фета, посетившего в сентябре 1856 г. Куртавнель, рассказывается о чтении ролей из Мольера Полиной Тургеневой и дочерьми П. Виардо для спектакля в домашнем театре (см.: *Фет*, ч. 1, с. 157).

532. **И. И. Панаеву** (с. 129)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 19—20.

Впервые опубликовано: *Панаев*, 1888, т. 6, с. 403—404.

[1] См. письмо 530.

[2] Это письмо Панаева неизвестно.

[3] Тургенев переехал в Париж 14(26) октября 1856 г.

[4] Осенью 1856 г. Тургенев начал писать «Дворянское гнездо»; роман был закончен осенью 1858 г. и был напечатан в «Современнике» (1859, № 1).

[5] О комедии Тургенева «Нахлебник» см. письмо 530, примеч. 3.

[6] В августе 1856 г., в не дошедшем до нас письме, Л. Н. Толстой обещал Некрасову в скором времени доставить в «Современник» «Юность». Содержание этого письма известно из ответа Панаева Толстому от 16 августа ст. ст. 1856 г. (Красная новь, 1928, № 9, с. 225—226). Первая половина «Юности» Толстого напечатана: *Совр*, 1857, № 1. Под «Кавказской повестью» разумеется начатая, но еще далекая до окончания повесть «Казаки».

[7] Письмо 528.

[8] «Охота на Кавказе» — очерки Н. Н. Толстого, напечатанные в «Современнике» (1857, № 2). Участники журнала высоко ценили очерки Н. Н. Толстого; Некрасов находил даже, что он тверже владеет языком, чем сам Лев Николаевич (*Некрасов*, т. 10, с. 333).

[9] Статья «Гамлет и Дон-Кихот» была закончена лишь в 1859 г. (рукопись датирована 28 декабря (9 января): *Mazon*, p. 58) и напечатана: *Совр*, 1860, № 1.

[10] Рассказ Тургенева «Фауст», высланный им Панаеву 18 (30) августа (*Совр*, 1856, № 10).

[11] Принадлежащий А. Н. Струговщикову перевод первой части

«Фауста» Гёте был напечатан в той же десятой книжке «Современника», что и рассказ Тургенева «Фауст». Чернышевский писал Некрасову 24 сентября ст. ст. 1856 г.: «Тургеневу это, может быть, не понравится. Вы оправдаете „Современник“ перед ним в этом совершенной необходимостью» (*Чернышеский*, т. 14, с. 311—317). См. также письмо 535, примеч. 9.

[12] См. письма 530, 542.

[13] См. письмо 529, примеч. 8.

[14] Речь идет о «Поездке в Полесье». Этот рассказ был отправлен в «Библиотеку для чтения» только в марте 1857 г. и появился в десятой книжке этого журнала за 1857 г. Дружинин послал Тургеневу свой адрес в письме от 13 октября ст. ст. 1856 г. (*Т и круг Совр*, с. 189—194).

[15] «Король Лир» Шекспира в переводе А. В. Дружинина был опубликован: *Совр*, 1856, № 12.

[16] «Очерки гоголевского периода русской литературы» печатались в «Современнике» (1856, № 1, 2, 4, 7, 9, 10, 11 и 12). Высокой оценкой, данной в них Белинскому, «Очерки» примирили Тургенева с Чернышевским и почти сгладили отрицательное впечатление от диссертации последнего (см. письма 534, 535).

533. **Полине Тургеневой** (с. 130 и 369)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 7а.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 20. Перепечатано: *Séménoff*, p. 38.

[1] На зиму семья Виардо переезжала из Куртавнеля в Париж, где жила в собственном доме на улице Дуэ (Douai).

534. **Д. Я. и Е. Я. Колбасиным** (с. 130)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редкой книги, № 264.

Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1894, № 6706, 29 октября (10 ноября).

[1] Тургенев отвечает на письма Д. Я. Колбасина от 28 сентября (10 октября) 1856 г. и Е. Я. Колбасина от 29 сентября (11 октября) 1856 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 267—269 и 270—278).

[2] Е. Я. Колбасин в своем письме спрашивал адрес Некрасова.

[3] Е. Я. Колбасин писал: «Известно ли Вам, что вместе с Вашим „Фаустом“ будет напечатан в октябрьской книжке „Фауст“ Гёте? Панаев говорит об этом с гордостью, но мне, скажу Вам откровенно, это кажется страшно неловким, о чем я и заметил Панаеву» (*Т и круг Совр*, с. 277). Тургенев также сомневался в целесообразности помещения в одной и той же книжке «Современника» перевода «Фауста» Гёте, сделанного Струговщиковым, и его одноименной повести, о чем он писал уже И. И. Панаеву (см. письмо 532). Замечание Тургенева не могло уже быть принято во внимание, так как цензурное разрешение октябрьского номера «Современника» помечено 30 сентября 1856 г.

[4] О Н. Ф. Щербине Е. Я. Колбасин писал, что он «находится в горестном положении», без средств к существованию, и «лежит в больнице» (*Т и круг Совр*, с. 276).

[5] Статья Чернышевского — «Очерки гоголевского периода русской литературы. Статья шестая» (*Совр*, 1856, № 9). Очерки Н. В. Берга — «Из Крымских заметок» (там же, № 8).

[6] Лайбов — псевдоним Н. А. Добролюбова. Его статья «Собеседник любителей российского слова» была напечатана: *Совр*, 1856, № 8, 9.

[7] «Дедушка» — Д. Я. Колбасин.

[8] В своем письме от 28 сентября (10 октября) 1856 г. Д. Я. Колбасин просил Тургенева получить у Герцена разрешение на издание его сочинений отдельною книгой (см.: *Т и круг Совр*, с. 267—268).

[9] Вероятно, Д. И. Каменский. Е. Я. Колбасин мог к нему обращаться с просьбой об устройстве на службу.

[10] Д. Я. Колбасин заведовал печатанием «Повестей и рассказов» Тургенева (СПб., 1856), право на издание которых приобрел П. В. Анненков. У П. В. Анненкова и Д. Я. Колбасина были между собой денежные расчеты.

535. **В. П. Боткину** (с. 132)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60918.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 97—101.

Стр. 133. на яркий свет гласности (*франц.*).
Стр. 133. (между нами говоря) (*франц.*).
Стр. 133. Надо, чтобы ты принял всё это под свою высокую руку (*франц.*).
Стр. 133. заискивания (*лат.*).
Стр. 133. Г-на де Марса, главного редактора «Revue des 2 Mondes» (*франц.*).
Стр. 133. якобы женой (т. е. гражданской женой, *лат.*).

[1] Письмо Боткина от 29 сентября (11 октября) 1856 г. (*Боткин и Т*, с. 91—96).

[2] Цитата (первые два стиха) из стихотворения Пушкина без названия (1825), посвященного, по-видимому, П. А. Осиповой. В словах Тургенева о том, что он «очень был счастлив всё это время» — намек на встречу с Полиной Виардо в августе 1856 г. после долгой разлуки.

[3] Имеется в виду работа над «Дворянским гнездом».

[4] О хлопотах по выписке «СПб. ведомостей» для Галиньяни см. в письмах 534, 541.

[5] Об этом см. письмо 537, примеч. 2.

[6] В пятой статье «Очерков гоголевского периода русской литературы (*Совр*, 1856, № 7) Н. Г. Чернышевскому впервые было разрешено назвать имя Белинского.

[7] См. письмо 534, примеч. 6.

[8] Об этом см. письмо 529, примеч. 6.

[9] Об огромном успехе «Фауста» в России сообщал Тургеневу Е. Я. Колбасин (*Т и круг Совр*, с. 282—283). Он же писал о намерении Панаева напечатать его повесть «Фауст» в одной книжке журнала с «Фаустом» Гёте (см. письмо 534, примеч. 3).

[10] См. письмо 529, примеч. 10.

[11] Об этом см. письмо 529, примеч. 1.

[12] Первый, неудовлетворительный перевод «Записок охотника» Тургенева на французский язык принадлежит Э. Шаррьеру (1854). Делаво при непосредственном участии Тургенева выполнил новый перевод «Записок охотника», который вышел в свет в 1858 г. Об этом см.: наст. изд., Сочинения, т. 3, с. 424—426.

[13] Знакомства Тургенева с французскими литераторами относятся к зиме 1856/57 г. 23 февраля (7 марта) 1857 г. он писал М. Н. Лонгинову: «Я познакомился со многими литераторами, и с Мериме...» (см. письмо 585).

[14] Речь идет о письме Некрасова от 9—17 (21—29) октября 1856 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 298—300).

[15] О домашних спектаклях в доме Виардо см.: *Фет*, ч. 1, с. 157—158, а также письмо 531. Здесь имеется в виду постановка трагедии Ж. Расина «Iphigénie en Aulide» («Ифигения в Авлиде», 1669).

[16] Игрою в портреты-загадки в семье Виардо увлекались и в 1860-е годы. См. «профили», нарисованные Тургеневым в Баден-Бадене, с подписями к ним, в книгах: *Mazon*, р. 165—174; *Письма к Пичу*, с. 233—239. «Игра в портреты» с сопровождающими статьями и комментарием напечатана: *Лит Насл*, т. 73, кн. 1. М., 1964, с. 425—576.

[17] В письме от 29 сентября (11 октября) 1856 г. Боткин сообщал Тургеневу о том, что Островский написал повесть. Речь идет о рассказе «Не сошлись характерами», который Островский обещал в «Современник». Рассказ при жизни Островского не был опубликован; напечатан: К а ш и н Н. П. Этюды об Островском. М., 1912. Т. 2, с. 401—410. Ср.: С и н ю х а е в Г. Т. Труды и дни Островского.— В сб.: Островский. Новые материалы, письма... М.; Пг., 1924, с. 326, 327, 412. Рассказ был переделан Островским в драматические сцены и в таком виде опубликован: *Совр*, 1858, № 1, отд. 1, с. 85—118. Драматическая хроника «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», задуманная осенью 1856 г., была закончена лишь в конце (9 декабря) 1861 г., а напечатана: *Совр*, 1862, № 1.

[18] Роман «Тысяча душ» напечатан: *Отеч Зап*, 1858, № 1—6.

[19] В ответном письме Боткин сообщил, что Ап. Григорьев напечатал в третьей книжке «Русской беседы» «длиннейшую статью „Об искренности в искусстве“, которую поймут едва ли 10 человек, а в ней есть много дельного и хорошего, а много и — пустого» (*Боткин и Т*, с. 104). До 1859 г., т. е. до времени основания журнала Кушелева-Безбородко «Русское слово», Ап. Григорьев не был прочно связан ни с одним журналом.

[20] См. письмо 527. Л. Н. Толстой болел в сентябре 1856 г. В дневнике 13(25) сентября 1856 г. имеется запись: «Кажется, я умру» (*Толстой*, т. 47, с. 92). Болезнь его оказалась не опасной.

536. А. И. Герцену (с. 135)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 4—5.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 90—92.

Стр. 135. Кстати об итальянцах (*франц.*).
Стр. 135. который меня покорил (*франц.*).
Стр. 135. на досуге (*франц.*).
Стр. 136. разрешение (*франц.*).

[1] «Англии» — очевидно, шуточное прозвище какого-то английского оружейного мастера, придуманное совместно Тургеневым и Герценом.

[2] См. «Мертвые души», т. 1, гл. XI («Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу...»).

[3] Речь идет о намерении Д. Я. Колбасина напечатать в России

сочинения Герцена (см.: *Т и круг Совр*, с. 267—268, 295). В письме к Тургеневу от 27 октября (8 ноября) 1856 г. Герцен согласился на это, оговорившись, однако, что такое разрешение он в шутку дал и Н. Г. Писаревскому. В дальнейшем Герцен выслал Д. Я. Колбасину через Тургенева письменное разрешение на издание своих сочинений (см.: *Герцен*, т. 26, с. 46—47, 49), но издание это не состоялось. После цензурных гонений на «Современник», вызванных перепечаткой стихотворений Некрасова, Д. Я. Колбасин не отважился хлопотать о разрешении цензуры на печатание сочинений Герцена (см.: *Т и круг Совр*, с. 296—297).

[4] Речь идет о подзаголовке статьи Герцена «Еще вариации на старую тему», написанной как письмо к Тургеневу (см.: *Герцен*, т. 12, с. 563). Критикуя здесь «мещанство» Западной Европы и противопоставляя ей Россию с сохранившимся в ней общинным устройством, Герцен полемизирует с Тургеневым. Статья появилась в третьей книге «Полярной звезды» на 1857 г. с измененным подзаголовком: «(Письмо к...)».

[5] В письме к Тургеневу от 27 октября (8 ноября) 1856 г. Герцен писал: «Ты познакомился, кажется, с Пинто. Он очень хороший человек, но откуда у него геймве к России» (*Герцен*, т. 26, с. 47). «Геймве» (от нем. Heimweh) — тоска по родине.

[6] В ответном письме к Тургеневу от 1(13) ноября 1856 г. Герцен сообщал: «Саффи был налицо (он живет в Оксфорде, где он профессор) — я сообщил твой поклон,— он шлет свой. Это единый святой в проклятом Западе» (*Герцен*, т. 26, с. 49).

[7] Поэмы Огарева «Ночь» и «Господин» были напечатаны в третьей книге «Полярной звезды» на 1857 г. Герцен и Огарев присылали их Тургеневу на отзыв. Мнение Тургенева об этих поэмах и других стихотворениях Огарева см. в последующих письмах его к Герцену. Очевидно, об одной из этих поэм Огарева Тургенев послал в Лондон особый, развернутый отзыв, так как Герцен в письме к Тургеневу от 11 января н. ст. 1857 г. сообщал: «Огарев чистит твоей ваксой свою поэму» (*Герцен*, т. 26, с. 69).

[8] Речь идет о трехтомном собрании повестей и рассказов Тургенева, изданных П. В. Анненковым в 1856 г. В письмах Герцена и Огарева к Тургеневу нет отзывов об этом издании.

[9] В Лондоне Тургенев жил с 12(24) мая до начала июня ст. ст. 1857 г., но на родину в этом году ему съездить не удалось.

[10] Разрешение на издание сочинений Герцена в России (см. выше, примеч. 3).

[11] Ответное письмо Герцена от 1(13) ноября 1856 г. см.: *Герцен*, т. 25, с. 48—49.

537. И. И. Панаеву (с. 136)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 21—22.
Впервые опубликовано: *Панаев*, 1888, т. 6, с. 404.

[1] Статья шестая «Очерков гоголевского периода русской литературы» (*Совр*, 1856, № 9).

[2] Характеризуя «дружеские круги» Станкевича и Огарева, а также Белинского, Чернышевский писал, что с Белинским разделяли честь быть распространителями новых идей в русской публике Галахов, Катков, Кетчер, Корш, Кудрявцев и др. Из новых людей, которые присоединились к направлению этих деятелей или выросли под их влиянием, Чернышевский упоминает Анненкова, Григоровича, Кавелина, Некрасова, Панаева, Тургенева, Краевского. На

«нецеремонность» Чернышевского в связи с этой статьей Тургенев сетует также в письмах 535, 538, 545. Возможно, что «нецеремонность» Чернышевского Тургенев видел в приводимых в статье отрицательных отзывах других лиц о здравствующих писателях. Ср. письма к Тургеневу Дружинина от 13 октября 1856 г., Е. Я. Колбасина от 18 октября 1856 г. (*Т и круг Совр*, с. 194, 284) и др.

[3] В «Современнике» № 8 за 1856 г. были помещены очерки Н. В. Берга «Из Крымских заметок». Во время Крымской кампании Берг состоял переводчиком при штабе главнокомандующего русской армией в Крыму кн. М. Д. Горчакова. Его письма с театра военных действий вышли потом отдельными изданиями: «Записки об осаде Севастополя» и «Севастопольский альбом» (1858).

[4] Псевдоним Н. А. Добролюбова; см. письмо 534, примеч. 6.

[5] В письме 535 Тургенев сообщает о полученных из России письмах, в которых говорится, что его «Фауст» «нравится». В письме 542 он также отмечает, что большинство приятелей хвалит его последнюю повесть.

[6] Речь идет о статье «Гамлет и Дон-Кихот», которая была закончена только в 1859 г. и помещена в «Современнике» (1860, № 1).

[7] «Дворянское гнездо».

538. **А. В. Дружинину** (с. 137)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 167, оп. 4, № 10, л. 2—3 об.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 24—27.

Стр. 137. в воздухе (*франц.*).

[1] Письмо Дружинина от 13(25) октября 1856 г. из Петербурга (см.: *Т и круг Совр*, с. 189—194).

[2] Подробно о литературных новостях и о Дружинине Е. Я. Колбасин писал Тургеневу 18(30) октября 1856 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 282—292).

[3] См. письма 408, 417.

[4] В письме к Тургеневу от 13(25) октября 1856 г. Дружинин писал: «Дела мои идут хорошо, материалу запасено на несколько месяцев,— конечно, от господ вроде Соллогуба, Авдеева и т. д., но имеется кое-что и более свежее, явились и начинающие господа не без таланта» (*Т и круг Совр*, с. 190).

[5] Повесть Тургенева «Поездка в Полесье», над которой он работал с 1853 г., была напечатана: *Б-ка Чт*, 1857, № 10. Относительно «обязательного соглашения» Тургенева с редакцией «Современника» см. письмо № 518, примеч. 3.

[6] Дружинин писал: «Прочел Вашего „Фауста“, он очень хорош» (*Т и круг Совр*, с. 194).

[7] Дружинин писал Тургеневу: «Окончание ⟨„Фауста“⟩ очень важно: не усидели вы на Жорж Санде! Понатужьтесь и скакните еще — да прочтите книгу Льюэза о Гёте — вот это пища» (*Т и круг Совр*, с. 194). Повесть «Фауст» заканчивается смертью героини, которая, в противоположность героиням Жорж Санд, будучи замужем, не нашла в себе решимости свободно отдаться чувству любви. Противопоставление «субъективного» творчества Жорж Санд и Шиллера «объективному» направлению творчества Гёте отражало полемику по поводу «пушкинского» и «гоголевского» направлений, в которой Тургенев занимал самостоятельную позицию. Он считал, что оба эти направления исторически оправданы (см. письмо 429).

[8] См. письмо 537, примеч. 1, 2.

[9] В своем письме Дружинин сообщал новости бытового характера об Островском, Писемском, Ап. Григорьеве, Анненкове, Л. Толстом. О Григоровиче Дружинин писал, что у него «открылся дивный талант на карикатуры» (*Т и круг Совр*, с. 190—193).

[10] «Король Лир» Шекспира в переводе А. В. Дружинина с его вступлением и примечаниями был опубликован в «Современнике», 1856, № 12, отд. 1, с. 169—338.

[11] Дружинин сообщал, что он переводит «Кориолана» Шекспира (см.: *Т и круг Совр*, с. 194). В словах Тургенева — шутливый намек на аристократический консерватизм римского патриция Кориолана, родственный настроениям Дружинина.

539. **С. Т. Аксакову** (с. 139)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 62—63 об.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 496—497.

[1] «Здешний священник» — И. В. Васильев.

[2] Речь идет о четвертом отрывке из «Семейной хроники» С. Аксакова — «Молодые в Багрове», напечатанном во второй книге «Русской беседы» за 1856 г.

[3] С. Т. Аксаков в ответном письме от 16(28) ноября 1856 г. подчеркивал: «Мне очень приятно, что книгу мою читают мои земляки даже и за границей, и я с большим нетерпением ожидаю отчета о ней в „Revue des Deux Mondes“; этим отчетом, вероятно, я буду обязан вашей дружбе» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 590). Статья Делаво о «Семейной хронике и Воспоминаниях» С. Аксакова была опубликована: Revue des Deux Mondes, 1857, t. 9, 15 juin, p. 875—907. В № 9 «Современника» за 1857 г. в разделе «Заграничные известия» был помещен перевод отрывков из рецензии Делаво.

[4] Повести и рассказы И. С. Тургенева. СПб., 1856 (в трех частях).

[5] И. С. Аксаков в это время еще не возвратился в Москву. 1(13) ноября 1856 г. датировано его письмо к родителям из Николаева (см.: И. С. Аксаков в его письмах, том третий и последний. Письма 1851—1860 годов. М., 1892, с. 297). Его отец в ответном письме сообщал Тургеневу: «Иван был здоров, но уже третью неделю не имею от него писем» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 591).

[6] С. Т. Аксаков 16(28) ноября 1856 г. отвечал Тургеневу: «Константин кое-что делает, а более хлопочет около меня. У „Русской беседы“ 850 подписчиков» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 591).

[7] Тургенев имеет в виду ряд мероприятий правительства Александра II после окончания Крымской войны, в частности, возвращение (по манифесту 26 авуста 1856 г.) сосланных декабристов и облегчение участи петрашевцев, некоторое ослабление цензуры и пр.

[8] «Хомяков и Самарин в деревне и воротятся к Рождеству»,— сообщал С. Т. Аксаков (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 591).

540. **Д. Я. Колбасину** (с. 141)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редкой книги, № 264.

Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1894, № 6710, 2(14) ноября, с пропуском перечисления опечаток.

[1] Тургенев ждал ответа на свое письмо к Герцену, в котором передавал просьбу Колбасина о разрешении ему издать в России сочинения Герцена (см.: *Т и круг Совр*, с. 267, а также письмо 534, примеч. 8).

[2] Просьба Тургенева об исправлении опечаток, допущенных в «Современнике» в тексте повести «Фауст», при помещении ее в «Повестях и рассказах» не могла быть выполнена, так как печатание «Повестей...» к этому времени уже было закончено. В письме к Тургеневу от 6(18) ноября 1856 г. Д. Я. Колбасин писал: «Повести Ваши поступили в продажу...» (*Т и круг Совр*, с. 295). Об этом же писал в своем письме и Е. Я. Колбасин: «... к сожалению, ваши замечания были получены слишком поздно, когда книжка поступила в продажу» (там же, с. 305). Список опечаток по требованию Тургенева был опубликован в «Современнике» (1856, № 12, отд. Библиографии, с. 50). В издании сочинений писателя 1860 г. эти опечатки были устранены.

[3] Речь идет об уставах и отчетах годовых операций марсельского и парижского обменных банков.

[4] Об этом Герцен писал Тургеневу 27 октября (8 ноября) 1856 г. (см.: *Герцен*. т. 26, с. 47).

[5] См. письмо 536.

[6] Письменное разрешение Герцена на издание его сочинений Д. Я. Колбасиным было получено (см.: *Т и круг Совр*, с. 296).

[7] Письмо Е. Я. Колбасина от 18(30) октября 1856 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 282—292).

[8] В указанном выше письме Е. Я. Колбасин поздравлял Тургенева с «огромным успехом „Фауста"» не только в Петербурге, но и в Москве (*Т и круг Совр*, с. 282—283).

[9] В письме к Тургеневу от 18(30) октября 1856 г. Е. Я. Колбасин выписал из второй книжки «Русского вестника» стихи Ап. Майкова «Звуки ночи», назвав их «гадкими» (*Т и круг Совр*, с. 287—288).

[10] Речь идет о камердинере Тургенева Иване Соколове; последний, по-видимому, является прототипом камердинера Петра в «Отцах и детях», который тоже произносил вместо «обеспечен» — «обюспючен» (см. наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 186).

[11] В письме от 6(18) ноября 1856 г. Д. Я. Колбасин сообщал Тургеневу: «Анненков пишет к Вам тоже...» (см.: *Т и круг Совр*, с. 295). Письмо П. В. Анненкова от 7(19) ноября 1856 г. см.: *Труды ГБЛ*, вып. 3, с. 58—60.

[12] Д. Я. Колбасин писал 6(18) ноября 1856 г.: «...повести Ваши поступили в продажу, 3 экземпляра отправлены Вам» (*Т и круг Совр*, с. 295).

[13] См. письма 527 и 528. В ответ на этот вопрос Д. Я. Колбасин извещал Тургенева: «Толстой получил Ваше письмо и говорит, что два раза к Вам писал» (*Т и круг Совр*, с. 296). Эти письма Л. Н. Толстого к Тургеневу неизвестны.

[14] «Толстяк-Самоед» — В. П. Толстой.

[15] Д. Я. Колбасин писал Тургеневу 27 ноября (9 декабря) 1856 г.: «Не дождавшись ответа от Вашего дядюшки, добрейший Иван Сергеевич, отвечаю на последнее письмо Ваше. Впрочем, приехавший сюда В. П. Боткин успокоил меня на этот счет, он говорит, что дядюшка Ваш был в Москве и говорил, что отправляет Вам деньги, которые Вы верно уже получили?» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 41).

[16] В письме от 18(30) октября 1856 г. Е. Я. Колбасин писал: «Последняя книжка „Отечественных записок" плоха... Но самое

интересное — это, разумеется, сердитое нападение на коалицию „Современника". (Я хотел для Вас списать эти курьезные строки, да Панаев уверяет, что он вырежет и отправит Вам печатные листки,— значит, об этом распространяться нечего.)» (*Т и круг Совр*, с. 284). Речь идет о той части «Литературных и журнальных заметок» «Отечественных записок» (1856, № 10, с. 77—79), где высмеивалось объявление об издании «Современника» в 1857 г., напечатанное в «Московских ведомостях» (1856, № 114). Особое внимание автора «Заметок» привлекло выражение «обязательное соглашение».

541. Д. Я. Колбасину (с. 143)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редкой книги, № 264.

Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1894, № 6710, 2(14) ноября.

[1] См. письмо 540, примеч. 3.

[2] Об этом см. письмо 540, примеч. 1.

[3] В письме от 27 ноября (9 декабря) 1856 г. Д. Я. Колбасин писал Тургеневу: «...Ваши повести, сочинения Толстого и Некрасова... высланы к Вам» (*Т и круг Совр*, с. 296).

[4] 27 ноября (9 декабря) 1856 г. Д. Я. Колбасин сообщал Тургеневу: «Как устроить подписку на „СПБ. ведомости", я Вам писал, самое лучшее подписаться в Ахене» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 41 об.).

[5] «„Записки охотника" до сих пор не прошли, еле говорят: приходите через неделю»,— писал Д. Я. Колбасин (*Т и круг Совр*, с. 297). Главное управление цензуры разрешило издание «Записок охотника» только 5 февраля ст. ст. 1859 г.

[6] В. П. Толстой.

[7] Об этом см. письмо 540, примеч. 13.

[8] Как сообщал Д. Я. Колбасин, долг Тургенева Краевскому был им погашен (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 41 об.).

542. М. Н. Лонгинову (с. 144)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 23292.

Впервые опубликовано: *Сб ПД 1923*, с. 146—150.

[1] Речь идет о письме Лонгинова от 23 октября (4 ноября) 1856 г. (*Сб ПД 1923*, с. 141—146).

[2] Имеется в виду повесть Тургенева «Фауст», которую М. Н. Лонгинов находил «неестественной» (см. письмо М. Н. Лонгинова к Тургеневу: *Сб ПД 1923*, с. 142—143). Александр Иванович — Герцен. «Приятели», которые «хвалили» повесть Тургенева: Дружинин, Боткин, Панаев, Некрасов, Толстой (ср. письмо Е. Я. Колбасина к Тургеневу: *Т и круг Совр*, с. 282—293).

[3] «Дворянское гнездо», которое было завершено только в конце 1858 г.

[4] «Поездка в Полесье» (*Б-ка Чт*, 1857, № 10).

[5] Тургенев имеет в виду приложенное к «Библиотеке для чтения» (1856, № 11) «Объявление об издании журнала „Библиотека для чтения" с 1857 года», в котором новый редактор журнала — А. В. Дружинин сообщил об общем направлении издания и о статьях, заготовленных на 1857 г.

[6] По этому поводу в ответном письме М. Н. Лонгинов писал: «Замечание твое о Дружинине и „Библиотеке для чтения" совершенно справедливо. У нас не может еще наступить период успеха для бес-

страстия и сопряженной с ним бесцветности, хотя бы на это потратилось и много знаний и таланта. Притом же с Дружининым читатели будут en pleine (perfide) Albion ⟨в недрах коварного Альбиона, т. е. Англии⟩, а для нас свои бобыли, бирюки и пр. привлекательнее и любезнее, как-ни полезно сближать нас с духом и произведениями означенного коварного острова» (*Сб ПД 1923*, с. 156).

[7] М. Н. Лонгинов в письме к Тургеневу от 23 октября (4 ноября) 1856 г. сообщал: «Стихотворения Некрасова вышли в свет 19-го октября. Они у всех в руках и производят, как и быть надлежало, сильное впечатление, впрочем еще не успевшее высказаться. Едва ли это не самая многознаменательная книга нашего времени» (*Сб ПД 1923*, с. 143).

[8] См. письмо 536, примеч. 8.

[9] С аналогичной просьбой Тургенев обратился также к Е. Я. Колбасину (см. письмо 557). Подробный разбор «Повестей и рассказов» Тургенева написал А. В. Дружинин (*Б-ка Чт*, 1857, № 2; см. письмо 587). Свое мнение о повестях Тургенева М. Н. Лонгинов сообщил в письме от 22 ноября (4 декабря) 1856 г.: «Я уже говорил тебе, какое впечатление, истинно услаждающее вкус и шевелящее мысли и чувства, произвело лично на меня собрание воедино этих добрых друзей, которые называются повестями И. С. Тургенева» (*Сб ПД 1923*, с. 154—155).

[10] «Русская беседа» — журнал, издававшийся в Москве в 1856—1860 гг. кружком славянофилов. В ответном письме М. Н. Лонгинов писал о ней: «Что же касается до „Беседы“, то и она и ее направления убиты наповал в общем мнении: „cause jugée et perdue“ ⟨дело, разобранное (в суде) и проигранное⟩; несостоятельность славянофильства и его сподвижников совершенно обнаружилась, когда им сделалось вольготно писать, и они сами не сумели высказать (как и должно было ожидать), что такое русское воззрение? т. е. то, о чем хлопотали» (*Сб ПД 1923*, с. 158). Активные участники и вдохновители «Русской беседы», братья Аксаковы, до основания этого журнала сотрудничали в «Русском вестнике». Об их уходе из журнала редакция сообщила в «Московских ведомостях» (1856, № 138, 17 ноября) и в объявлении об издании «Русского вестника» в 1857 г.

[11] В письме, на которое отвечает Тургенев, М. Н. Лонгинов писал: «Я поживаю как нельзя лучше и счастлив и женою и дочерью» (*Сб ПД 1923*, с. 146).

[12] Тургенев вернулся в Россию в начале июня 1858 г.

[13] Письмо Тургенева от 25 октября (6 ноября) 1856 г. (№ 535) Боткин получил и ответил на него 10(22) ноября 1856 г. (см.: *Боткин и Т*, с. 101—105).

[14] В ответном письме М. Н. Лонгинов сообщал: «Гр. Ламберт, сколько мне известно, в Петербурге» (*Сб ПД 1923*, с. 167).

543. **А. Н. Островскому** (с. 146)

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ*, ф. А. Н. Островского, № 20 020.

Впервые опубликовано: *Из архива Островского*, с. 585—588.

[1] Еще 11(23) сентября 1856 г. Островский сообщал И. И. Панаеву: «Московские хирурги нашли, что нога моя была переломлена в двух местах и от дурного леченья теперь в весьма опасном положении» (*Островский*, 11, с. 85).

[2] Тургенев имеет в виду письмо к нему Боткина от 29 сентября (12 октября) 1856 г., в котором тот писал: «Из твоего письма вижу, что ты почти au courant ⟨в курсе⟩ всего, что делается в литературе, включая сюда и преломление ноги Островского. Я был у него на днях,— ему лучше ⟨. . .⟩ он написал повесть» (*Боткин и Т*, с. 91—92). Речь идет о повести «Не сошлись характерами» (см. письмо 535, примеч. 17).

[3] Историческая хроника Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» была напечатана лишь в 1862 г.: *Совр*, № 1.

[4] Этого намерения Тургенев не осуществил и лето 1857 г. провел за границей.

[5] Речь идет о романе Писемского «Тысяча душ», который позднее был напечатан в «Отечественных записках» (1858, № 1—6).

[6] А. А. Григорьев с 1851 г. был членом так называемой «молодой редакции» «Москвитянина», позднее — автор большой статьи «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа: „Дворянское гнездо“» (*Рус Сл*, 1859, № 4, 5, 6, 8). О встрече с Тургеневым в Италии весной 1858 г. Григорьев сообщал М. П. Погодину 10(22) марта этого года: «Приехал Тургенев, и мы с ним сидим ночи и говорим, говорим. Я читал ему написанное мною за границей. Он ⟨. . .⟩ сказал, что: 1) только у меня, в настоящую минуту, есть сила, что только во мне есть полнота какого-то особенного учения, которое вовсе не исключительно, как славянофильство... 2) что, для успеха, я должен *долбить*, как покойник Виссарион, ограничить себя, повторять без малейшего зазрения совести: одним словом, долбить, долбить, долбить, 3) что долбить мне, в настоящую минуту, негде, ибо ни к одному из существующих направлений я пристать не могу...» (Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии /Под ред. В. Княжнина. Пг., 1917, с. 227—228).

[7] После поездки с литературной экспедицией на верхнюю Волгу в апреле — июне 1856 г. Островский написал «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» (Морской сборник, 1859, № 2). Что же касается Писемского, то его путевые очерки печатались в «Морском сборнике» в 1856 и 1857 гг. и в «Библиотеке для чтения» в 1858 и в 1860 гг. (см. также: Писемский А. Ф. Сочинения. СПб., 1867. Т. 4).

[8] Некрасов писал Тургеневу из Рима 25 ноября (7 декабря) 1855 г.: «Если б ты знал, как мы с Фетом ждем тебя! У нас только и речи, что о тебе» (*Некрасов*, т. 10, с. 301).

544. **И. А. Гончарову** (с. 147)

Печатается по копии Гончарова в черновой рукописи «Необыкновенной истории»: *ГПБ*, ф. 209 (И. А. Гончарова), № 5, л. 96 (извлечения из письма).

Впервые опубликовано: *Сб РПБ*, т. 2, с. 154—155.

Подлинник неизвестен.

В рукописи Гончарова и в первопечатном тексте допущена ошибка в дате: «11(29)» вместо «11(23)» ноября, что является несомненной опиской Гончарова.

Стр. 147—148. молчание г-на Гончарова — общественное бедствие (*франц.*).

[1] Тургенев перефразирует слова Мирабо в одной из речей конца 1790 г. в Национальном собрании Франции, обращенные к Сийесу, который, стремясь сохранить личное благополучие, отошел

в это время от активного участия в политической борьбе. Слова эти стали широко известным изречением.

[2] «Обломов» был напечатан в «Отечественных записках» в 1859 г. Начиная с 1855 по 1857 г. в «Отечественных записках» печатались путевые очерки Гончарова «Фрегат „Паллада“», поэтому Тургенев говорит о втором *художественном* романе, которым стал законченный только в 1867 г. «Обрыв».

545. Л. Н. Толстому (с. 148)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив Л. Н. Толстого, папка 114.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 27—29, с пропусками.

Стр. 149. вырядившийся (*франц.*).

[1] 13(25) октября 1856 г. Толстой получил письмо Тургенева от 13(25) сентября, которое, как он отметил в дневнике, ему «не понравилось». 15(27) октября Толстой написал ответное письмо, оно не сохранилось (см.: *Толстой*, т. 47, с. 95; т. 60, с. 513).

[2] В письмах и дневниковых записях этого времени Толстой часто жалуется на здоровье. 13 сентября 1856 г. в дневнике записано: «Опять гораздо хуже. Кажется, я умру» (*Толстой*, т. 47, с. 92).

[3] В дневнике Толстого есть записи и о здоровье сестры, Марии Николаевны Толстой (см.: *Толстой*, т. 47, с. 88 и сл.); в конце октября 1856 г. она поехала лечиться в Москву.

[4] См. письмо 528, примеч. 7.

[5] Толстой приехал в Москву 1(13) ноября 1856 г.

[6] Тургенев намекает на свои впечатления от Парижа во время революции 1848 г. (см. в «Литературных и житейских воспоминаниях» очерки «Человек в серых очках» и «Наши послали!», а также письма к П. Виардо 1848 и 1849 гг.: наст. изд., Письма, т. 1).

[7] Семейство Виардо.

[8] Некрасов выехал из Петербурга 11(23) августа 1856 г. и по совету венских профессоров поехал в Рим, где провел всю зиму. Письма его к Тургеневу (от 3 октября н. ст. и от 21—29 октября н. ст.) см.: *Некрасов*, т. 10, с. 293, 298.

[9] Путевые записки Фета — очерк «Из-за границы» в «Современнике» (1856, № 11).

[10] См. письмо 535, примеч. 6.

[11] П. В. Анненков писал Тургеневу 7(19) ноября: «Я слышал, что вы в восторге от статьи Чернышевского. А мы здесь слегка ее побраниваем. Нам кажется, что уже теперь можно соединить участие и энтузиазм к прошлым деятелям с истиной и дельным обсуждением. Возгласы, вскрики, фрондировка нам не кажутся здесь вещами важными теперь,— а в отдалении они, правда, должны казаться возвышенным голосом...— что год тому назад было *поступком*, то теперь отсталая манера» (*Труды ГБЛ*, вып. 3, с. 59). Речь идет о шестой статье Чернышевского (*Совр*, 1856, № 9). Письмо Анненкова выражало взгляды сторонников «эстетической» критики (Дружинина, Боткина и др.), стремившихся ограничить влияние революционно-демократической концепции Белинского, которой они были не только чужды, но и враждебны.

546. А. И. Герцену (с. 150)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 6—7.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 92—93.

Стр. 151. «Исповедь опиумоеда» (*англ.*).
Стр. 151. буквально (*франц.*).

[1] «Амнистия» — «Разбор манифеста 26 августа 1856 года», написанный Н. П. Огаревым и напечатанный в третьей книжке «Полярной звезды» на 1857 г. В письме от 1(13) ноября 1856 г. Герцен спрашивал Тургенева: «Получил ли амнистию, т. е. статью, я послал ее третьего дня» (*Герцен*, т. 26, с. 49). Считая Герцена одним из авторов этой статьи, стиль которой, надо полагать, ему не понравился, Тургенев уклонился от отзыва на нее. Косвенное подтверждение этому можно найти в одном из писем Н. А. Мельгунова, который, живя в то время в Париже и часто встречаясь с Тургеневым, писал Герцену в середине ноября 1856 г.: «Я был в том уверен, что разбор манифеста не тобою писан. Ex unguae leonem ⟨по когтям узна́ют льва⟩, а тут когтей-то и не видать. Но все-таки хорошо и спасибо. Жаль только, что несколько длинновато, растянуто и что написано не совсем чистым языком. Последнее обстоятельство почти лишает его права критиковать манифест литературно. Прости за откровенность. Кто бы мог быть этот парижанин? Тургенев думает, что это Николай Платонович и ты вместе, а я так думаю, что нет. Или Николай Платонович очень спешил и не успел отделать слог?» (*Лит Насл*, т. 62, с. 330).

[2] См. письмо 536, примеч. 9.

[3] Подробности свидания Герцена с Тургеневым в статье «Еще вариация на старую тему» не упоминаются. Узнав из этого письма Тургенева, что Н. А. Мельгунову кажется опасным обозначение адресата даже начальными буквами, Герцен писал Тургеневу: «Я сам думал, что, может, лучше уанонимить твое письмо; — порядочные люди узнают, а непорядочным не нужно» (*Герцен*, т. 26, с. 51).

[4] В письме от 27 ноября ст. ст. 1856 г. Д. Я. Колбасин благодарил Тургенева «за присылку записки из Лондона» (см.: *Т и круг Совр*, с. 296). Издание сочинений Герцена в России не состоялось (см. письмо 536, примеч. 3).

[5] Тургенев имеет в виду письмо В. П. Боткина от 10(22) ноября 1856 г. (*Боткин и Т*, с. 104).

[6] См. письмо Некрасова к Тургеневу, посланное из Рима 17(29) октября 1856 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 298—300).

[7] В связи с «латиноманией» Тургенева Герцен советовал: «Если ты копаешься в римских писателях — так прочти же Момсена истор⟨ию⟩, что я в ней читал (ex⟨empli⟩gr⟨atia⟩, о Цезаре) — превосходно» (*Герцен*, т. 26, с. 52).

[8] «Confessions of an English opium-eater» («Исповедь англичанина-опиумоеда») — произведение английского писателя Томаса де Квинси, опубликованное анонимно в 1821 г. В 1856 г. вышло второе издание этого произведения, более полное. В ответном письме Тургеневу (25 декабря н. ст. 1856 г.) Герцен писал: «... я тотчас приобрел „Opium-eater'a“. Да, это превосходная книга⟨...⟩ Так искренно, так откровенно не умеет писать ни один француз — и смело» (*Герцен*, т. 26, с. 60). Перевод книги де Квинси на русский язык появился в 1834 г.; автором «Исповеди...» издатель, из спекулятив-

ных целей, назвал английского писателя Чарлза Роберта Метьюрина, автора «Мельмота-скитальца» (см.: Исповедь англичанина, употреблявшего опиум. Сочинение Матюрина. СПб., 1834). О связи «Исповеди...» с русской литературой см. статьи: Алексеев М. П. Достоевский и книга де Квинси «Confessions of an English opium-eater».— Учен. зап. высшей школы г. Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук, 1922. Т. 2. с. 97—102; Виноградов В. В. О «литературной циклизации». «Невский проспект» Гоголя и «Confessions of an English opium-eater» де Квинси.— Поэтика, № 4, М.: Academia, 1928, с. 114—125.

547. В. П. Боткину (с. 152)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60919.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 105—108, с неверной датой — «1-го декабря» вместо «7-го», как в подлиннике.

Стр. 152. Всё (у древних) было местным, рассчитанным на данный момент — и потому стало вечным; мы пишем в туманную даль для всех людей и для милого потомства — и потому ни для кого (*нем.*).

Стр. 152. на местное (*нем.*).

Стр. 153. Твое стремление, твое неуклонное направление состоит в том, чтобы придать действительному поэтический образ; другие же пытаются превратить так называемое поэтическое, воображаемое в действительное, но из этого ничего, кроме глупости, не получается (*нем.*).

Стр. 153. Иоганн Гейнрих Мерк. Памятник, издал д-р Адольф Штар. Ольденбург (книгоиздательство Шульце) (*нем.*).

Стр. 153. «Исповедь англичанина-опиумоеда» (*англ.*).

1 Письмо Боткина к Тургеневу от 10(22) ноября 1856 г. из Москвы (см.: *Боткин и Т*, с. 101—105).

2 В письме Боткина содержалось сочувственное рассуждение о творчестве Тургенева вообще и рекомендация продолжать писать в духе только что напечатанной в «Современнике» повести «Фауст», успех которой, писал Боткин, «на стороне натуры твоей, на симпатичности рассказа, на общем созерцании, на поэзии чувства, на искренности», ибо «ты же собственно лирик и только то удается тебе, к чему ты расположен субъективно». Боткин рассматривал «Записки охотника» как пройденный Тургеневым этап («Да тебе 〈...〉 стыдно выезжать на подобных мелодраматических сюжетах»), отрицательно отзывался о «натурализме» типа Писемского и, заканчивая свои замечания, писал: «...Я думаю, что твоя настоящая литературная деятельность только еще начинается и чем более будет вырабатываться в тебе жизненное (а не философское) сознание,— тем лучше и благотворнее будут твои произведения» (*Боткин и Т*, с. 101, 102, 103).

3 Об этой книге см. письмо 546, примеч. 8.

4 По поводу французского перевода «Фауста» Тургенева Боткин писал: «Прочел я по-французски твоего „Фауста“, но он мне по-французски показался очень бледным — вся прелесть изложения пропала — словно скелет один остался» (*Боткин и Т*, с. 111—112).

5 Письмо Я. П. Полонского к Тургеневу в печати неизвестно.

6 Речь идет о письме 545.

7 В ответном письме Боткин писал: «О „Юности“ его еще не

могу ничего сказать тебе; я знаю ее только по немногим отрывкам,— но в этих отрывках есть места удивительные...» (*Боткин и Т*, с. 111). Е. Я. Колбасин в письме к Тургеневу от 15(27) января 1857 г. сообщил отзыв Боткина о прочитанной им полностью «Юности»: «Я был свидетелем, когда Василий Петрович сказал ему самую колоссальную лесть: *каждая строчка*, сказал он Толстому, *написана на меди*» (*Т и круг Совр*, с. 316).

[8] Боткин сообщал Тургеневу в своем письме от 10(22) ноября 1856 г., что проездом из деревни в Петербург у него был Толстой. «Одинокая жизнь в деревне принесла ему много добра, он положительно стал лучше, т. е. проще, правдивее и сознательнее; кажется и внутренней тревожности стало в нем меньше» (*Боткин и Т*, с. 103).

[9] См. письмо 546.

[10] О том, что «Повести и рассказы» И. С. Тургенева в 3 частях (1856) высланы ему в Париж, сообщал в своем письме от 27 ноября (9 декабря) 1856 г. Д. Я. Колбасин (*Т и круг Совр*, с. 296). Е. Я. Колбасин несколько позднее, 7(19) февраля 1857 г., писал Тургеневу, что его «Повести» не вызвали большого интереса (там же, с. 327; см. письмо 580, примеч. 7). Своего мнения о «Повестях и рассказах» Тургенева В. П. Боткин в ответных письмах не высказал.

548. **Н. А. Мельгунову** (с. 154)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 68, л. 1.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П*, т. III, с. 48.

Датируется на основании упоминания в письме о книжке «Современника», в которой напечатана повесть Тургенева «Фауст»: эту — октябрьскую — книжку Тургенев получил 1(13) ноября 1856 г. (см. письмо 540).

549. **Н. А. Мельгунову** (с. 154)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 281.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 196.

Датируется по связи с письмом, которому оно предшествует.

Стр. 154. нет писем (*франц.*).

[1] «Фауст» Тургенева, появившийся в октябрьском номере «Современника» за 1856 г., был переведен на французский язык Делаво и напечатан в декабрьской книжке парижского журнала «Revue des Deux Mondes» за тот же год (см. письмо 547; наст. изд., Сочинения, т. 5, с. 426—427).

[2] Первая строка стихотворения Ф. И. Тютчева, написанного в 1848 г. Романс Н. А. Мельгунова на этот текст был издан в Москве Шейерманом в 1855 г. (см.: Русская поэзия в отечественной музыке. М., 1966. Вып. 1, с. 356).

550. **Кларе Тургеневой** (с. 154 и 369)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4708.

Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 230.

Датируется предположительно — по возможной связи с письмом 554, в котором Тургенев сообщал А. В. Дружинину о том, что был представлен г-же Бичер-Стоу. Характер комментируемого пись-

ма позволяет предположить, что оно было написано накануне знакомства Тургенева с Бичер-Стоу, состоявшегося, вероятно, в конце октября-ноябре 1856 г. Имя Бичер-Стоу упомянуто Тургеневым еще раз в письме к А. И. Герцену от 23 октября (4 ноября) 1860 г.

551. Письмо к редактору ‹«Московских ведомостей»› (с. 155)

Печатается по тексту первой публикации: *Моск Вед*, 1856, № 151, 18 декабря с исправлением ошибки в публикации («в № X» вместо «в № IX»).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *Т*, *Сочинения*, т. 12, с. 375—376.

Автограф неизвестен.

Осенью 1855 г. Тургенев обещал М. Н. Каткову принять участие в основанном им журнале «Русский вестник» (начал выходить с 1856 г.). 28 ноября (10 декабря) 1855 г. писатель сообщил Каткову, что он готовит для его журнала рассказ «Призраки» и надеется завершить его к новому, 1856 году (см.: наст. изд., Письма, т. 3, № 449). В объявлении об издании «Русского вестника» на 1856 г. Катков, в числе произведений, которые должны быть напечатаны в журнале в течение года, назвал и «Призраки» Тургенева. Однако, увлекшись новым замыслом, Тургенев оставил работу над «Призраками» и написал повесть «Фауст», появившуюся в октябрьской книжке «Современника» за 1856 г.

Катков принял повесть «Фауст» за ненаписанные еще «Призраки» (см. письмо 552) и в объявлении об издании «Русского вестника» на 1857 год публично обвинил Тургенева в том, что он не выполнил взятое на себя обязательство и напечатал в «Современнике» повесть, обещанную ранее ему (см.: *Моск Вед*, 1856, № 140, 22 ноября, приложение). Текст объявления об издании «Русского вестника», вырезанный из «Московских ведомостей», был отправлен М. Н. Лонгиновым Тургеневу в Париж, и писатель счел необходимым разъяснить возникшее недоразумение.

В продолжавшуюся между ним и Катковым полемику вступил Н. Г. Чернышевский, который в статье «Заметки о журналах» (*Совр*, 1857, № 1, отд. V, с. 184—185; *Чернышевский*, т. 4, с. 694—695), защищая интересы Тургенева, привел письмо Тургенева и выдержки из ответа Каткова.

Посылая второе письмо в редакцию «Московских ведомостей» по поводу «Призраков» (см. наст. том, письмо 564), Тургенев писал Лонгинову: «Вся эта тревога из вздорной повести мне кажется очень смешною и нелепою,— и чем ее скорее прекратить, тем лучше. Кажется, на мой ответ возражения нельзя ожидать. Да и что возражать? Вину я беру на себя» (см. письмо 565).

Однако предположение Тургенева не оправдалось. Катков выступил еще с одним письмом (см.: *Моск Вед*, № 11, 24 января), но Тургенев оставил его без ответа.

Письма Тургенева к редактору «Московских ведомостей» вместе с ответами на них Каткова перепечатаны: *Рус Вестн*, 1857, январь, кн. 2, с. 152—158.

552. М. Н. Лонгинову (с. 156)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 23292, л. 3.
Впервые опубликовано: *Сб ПД 1923*, с. 167—170.

[1] Речь идет о письме М. Н. Лонгинова от 18(30) ноября 1856 г.

(см.: *Сб ПД 1923*, с. 150—152). Предыдущее письмо Тургенева к Лонгинову датировано 7(19) ноября 1856 г. (см. письмо 542).

[2] К письму от 18(30) ноября 1856 г. М. Н. Лонгинов приложил объявление об издании «Русского вестника» на 1857 г., которое было напечатано: *Моск Вед*, 1856 № 138, 17 ноября. В этом объявлении редакция «Русского вестника» обратилась к своим читателям с пространным объяснением по поводу того, почему в 1856 г. на страницах журнала не был напечатан обещанный рассказ Тургенева. Редакция обвинила Тургенева в том, что он якобы напечатал в сентябрьской книжке «Современника» рассказ «Фауст», который прежде был обещан под названием «Призраки» в «Русский вестник». Об этом см. в письме 554.

[3] См. письмо 551.

[4] См. письмо 553, примеч. 6.

[5] В письме к Тургеневу от 18(30) декабря 1856 г. Некрасов сообщал, что хотел бы возвратиться в Россию в июле 1857 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 309).

553. А. И. Герцену (с. 156)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 8—9.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 93—95, с опечаткой в дате.

[1] Герцен писал Тургеневу 25 декабря н. ст. 1856 г.: «„Барнума и Ораса“ ведь я тебе читал — но, пожалуй, пришлю, если найду. А как же ты это выдумал, что и Марью Каспар⟨овну⟩ не знаешь...» (*Герцен*, т. 26, с. 61). (Тургенев был знаком с М. К. Рейхель с 1848 г.). Затем Герцен писал самой М. К. Рейхель 30 декабря н. ст. 1856 г.: «Посылаю вам покаместь “Барнума и Ораса“ — прочитавши, передайте Тургеневу и Мельгунову, а потом пришлите мне назад» (там же, с. 62). Статья Герцена «Барнум и Орас», под заглавием «Оба лучше», с подзаголовком «Отрывок» и с подписью «В. Б.», была напечатана: *СПб Вед*, 1856, № 206, 20 сентября.

[2] Речь идет о стихотворениях Н. П. Огарева, напечатанных в третьей книжке «Полярной звезды» на 1857 г.

[3] «Воспоминания» — несколько страниц из большого отрывка «Былого и дум», через некоторое время помещенного в третьей книжке «Полярной звезды» на 1857 г.

[4] См. письмо 526.

[5] 25—27 июля (8—9 августа) 1856 г. Герцен писал Тургеневу: «Мел⟨ьгунов⟩ писал насчет Поггенполя, я с тех пор читал всякий № „Le Nord“—скажи Мел⟨ьгунову⟩, чтоб он отсоветовал Пог⟨генпо⟩лю предлагать мне участие: я ему напишу в ответ дерзкое письмо. Это — самый подлейший орган и с каждым № хуже и хуже — посмотрите его статьи о Неаполе и Невшателе» (*Герцен*, т. 26, с. 52; о Поггенполе и его газете «Le Nord» см. еще там же, с. 352—353). Возможно, что некоторые черты Поггенполя (льстивый «интриган», «русский немец», существо морально нечистоплотное и корыстолюбивое) нашли отражение в образе Ратча в повести Тургенева «Несчастная».

[6] В «Современнике» (1856, № 11) были перепечатаны из книги «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856) три стихотворения — «Поэт и Гражданин», «Забытая деревня» и «Отрывки из путевых записок графа Гаранского». Инициатором перепечатки считали И. И. Панаева, в действительности же это сделал не он, а Н. Г. Чернышев-

ский (см.: *Чернышевский*, т. 14, с. 335, 338), не по неосторожности, а желая перепечаткой этих стихотворений на страницах лучшего и наиболее читаемого журнала эпохи подчеркнуть гражданские и антикрепостнические мотивы поэзии Некрасова и усилить ее воздействие на широкие передовые слои русского общества. О цензурном гонении на «Современник» Тургенев узнал из писем к нему А. В. Дружинина и М. Н. Лонгинова (см.: *Т и круг Совр*, с. 197; *Сб ПД 1923*, с. 162—163).

[7] Цензор «Современника» В. Н. Бекетов 14(26) мая 1856 г. подписал стихотворения Некрасова к печати, но сделал это, заручившись согласием М. Н. Мусина-Пушкина. Тургенев узнал об этом из письма Некрасова от 24 мая ст. ст. 1856 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 275).

[8] Слова, взятые в кавычки, принадлежат Герцену. В письме к Тургеневу от 8—9 декабря н. ст. 1856 г. Герцен писал: «Некрасов в Риме. Это что-то звучит вроде щуки в опере» (*Герцен*, т. 26, с. 52).

[9] Тургенев имеет в виду письма к нему М. Н. Лонгинова, П. В. Анненкова, Е. Я. Колбасина и др. Вот некоторые характерные выдержки из этих писем. 7 ноября ст. ст. 1856 г., П. В. Анненков: «Стихотворений Некрасова успех колоссальный — экземпляры пропадают в лавках, как только появятся» (*Труды ГБЛ*, вып. 3, с. 59); 2 (14) декабря 1856 г., Е. Я. Колбасин: «Книжка его с самого появления покупалась нарасхват: по словам Базунова, один только Гоголь так быстро расходился, ну а теперь и подавно» (*Т и круг Совр*, с. 306).

[10] В сентябре 1856 г. в кантоне Невшатель (Швейцария) вспыхнуло монархическое восстание, зачинщики которого были связаны с прусскими монархистами. Восстание было подавлено, а его руководители и наиболее активные участники арестованы швейцарским правительством, что вызвало конфликт между Швейцарией и Пруссией. 4(16) декабря 1856 г. во французской газете «Moniteur» появилась статья, в которой была изложена точка зрения французского правительства на этот конфликт. Французское правительство встало на сторону Пруссии и предложило Швейцарии удовлетворить ее требования. Статья в «Moniteur» заканчивалась недвусмысленной угрозой по адресу Швейцарии: «Итак, Швейцария не должна удивляться, если при дальнейшем ходе событий не найдет более той доброжелательности, которую ей так легко было обеспечить за собою ценой весьма легкой жертвы» (полный перевод статьи «Moniteur'а» см.: *СПб Вед*, 1856, № 274, 14 декабря). Английские газеты «Times», «Morning Post» и др. в конфликте между Пруссией и Швейцарией встали на сторону последней и осудили позицию французского правительства. В связи с этим в «С.-Петербургских ведомостях» (1856, № 280, 21 декабря) появилось такое резюме: «Статья „Монитера“ о Швейцарии считается нравственным вмешательством Франции, против которого лорд Пальмерстон не может протестовать, вопреки всей ярости лондонских газет».

[11] Положительный отзыв Герцена об этом издании см.: *Герцен*, т. 26, с. 78.

554. **А. В. Дружинину** (с. 158)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 167, оп. 4, № 10, л. 4—5 об.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 30—32.

Стр. 158. Кстати о (*франц.*).

[1] От этого письма Дружинина (18 (30) ноября 1856 г.) сохранилась только приписка (см.: *Т и круг Совр*, с. 197).

[2] Тургенев имеет в виду письмо к нему Писемского от 27 ноября (9 декабря) 1856 г. (см.: *Лит Насл*, т. 73, с. 147—148). Ответное письмо Тургенева неизвестно.

[3] Комиссионерская контора, через которую Тургенев получал русские журналы.

[4] Статья А. В. Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (*Б-ка Чт*, 1856, № 11 и 12).

[5] См. письмо 552, примеч. 2.

[6] См. письмо 551.

[7] См. письмо 553, примеч. 6.

[8] Из Рима 25 ноября (7 декабря) 1856 г. Некрасов писал Тургеневу: «Я не писал к тебе потому, что работал. 24 дни ни о чем не думал я, кроме того, что писал» (*Некрасов*, т. 10, с. 300).

[9] Имеется в виду «Современник».

[10] Речь идет, вероятно, о Е. П. Вяземской.

[11] «Литературихами» Тургенев,— вероятно, повторяя выражение Дружинина,— называет женщин-писательниц. В первой публикации напечатано ошибочно: «до литературы» (см. исправление: *Письма к Дружинину*, с. 323). Обстоятельства знакомства Тургенева с Бичер-Стоу недостаточно известны; распространявшиеся по этому поводу слухи Тургеневым опровергались (см. письмо к А. И. Герцену от 23 октября (4 ноября) 1860 г.).

[12] Эти стихи Фета присланы Тургеневу Некрасовым в его письме из Рима от 25 ноября (7 декабря) 1856 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 302); позднее они были опубликованы: *Совр*, 1857, № 2.

[13] Васенька — В. П. Боткин. Тургенев имеет в виду письма 528 и 545. Свое мнение о третьей части трилогии Толстого — «Юность» — Дружинин изложил в письме к автору от 6 (18) октября 1856 г. (см.: Чуковский К. Люди и книги шестидесятых годов. Л., 1934, с. 257—258).

[14] Очевидно, речь идет о пьесе Жорж Санд «Comme il vous plaira» («Как вам будет угодно»), поставленной в театре Comédie Française 12 апреля н. ст. 1856 г. Эта пьеса — переделка одноименной пьесы Шекспира — выдержала в 1856 г. только 10 представлений, после чего была снята с репертуара.

555. Л. Н. Толстому (с. 160)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив Л. Н. Толстого, папка 114.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 33—35.

[1] Это письмо Толстого, написанное 1 (13) декабря 1856 г. (см.: *Толстой*, т. 47, с. 103), не сохранилось.

[2] Речь идет, по-видимому, о намерении Толстого жениться на В. В. Арсеньевой (см.: *Толстой*, т. 60, с. 33—34).

[3] Подразумевается статья А. В. Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (см. письмо 554). В конце 1856 г. Толстой, под влиянием Тургенева, начал отходить от эстетических концепций Дружинина и пережил период сильного увлечения идеями Белинского (см.: Эйхенбаум Б. Наследие Белинского и Лев Толстой.— Вопр. лит., 1961, № 6, с. 124—148).

[4] Это письмо Тургенева неизвестно; ответное письмо Некрасова от 6 (18) декабря 1856 г. начинается словами: «Письмо твое застигло меня в самом разгаре работы и как варом обдало» (*Некрасов*, т. 10, с. 303).

[5] «Юность» напечатана в «Современнике» (1857, № 1); перевод «Короля Лира», сделанный Дружининым,— там же: *Совр*, 1856, № 12.

[6] Для Дружинина (т. е. для «Библиотеки для чтения») Тургенев написал рассказ «Поездка в Полесье» (появился в десятой книжке за 1857 г.).

[7] Под «коалицией» Тургенев подразумевает «обязательное соглашение», заключенное редакцией «Современника» с четырьмя писателями (см. письмо 518).

[8] Вероятно, княжна Е. Н. Мещерская.

556. А. И. Герцену (с. 162)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 10.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 95—96.

Стр. 163. восковой зонд (*франц.*).

[1] П. М. Грибовский принадлежал к симбирскому кругу друзей Н. П. Огарева. В письме к Тургеневу от 16 декабря н. ст. 1856 г. Герцен писал о Кашперове и Грибовском: «При сем рекомендуем тебе добрых и отличных соотечественников, которые привезут свежую весть» (*Герцен*, т. 26, с. 54).

[2] Еще один отзыв П. Виардо о музыке Кашперова Тургенев сообщил ему 5 (17) января 1875 г. (см. письмо 569).

[3] Герцен писал Тургеневу 8—9 декабря н. ст. 1856 г.: «...сделай ты мне отеческое благодеяние, подари мне твое замечание о Иакове Ростовцеве, я его поместил очень забавно — причем заметил, что граф Строганов и состарился, а всё Сергей Григорьевич— ведь это их бесит» (*Герцен*, т. 26, с. 51—52). Речь идет о замечании, сделанном Тургеневым в личной беседе с Герценом (очевидно, в его приезд в Лондон в августе 1856 г.) о «славянизации» имен государственных деятелей и в частности Я. И. Ростовцева, печально известного тем, что он донес 13 декабря 1825 г. будущему царю Николаю Павловичу о готовившемся восстании. Замечание Тургенева было обработано Герценом и приведено в качестве подстрочного примечания к отрывку из «Былого и дум», напечатанному в «Полярной звезде». Герцен писал: «С производством в чины и с приобретением силы при дворе меняются буквы в имени; так, например, граф Строганов остался до конца дней *Сергей Григорьевичем*, но князь Голицын всегда назывался *Сергий Михайлович*. Последний пример производства по этой части мы заметили *в известном* по 14 декабрю генерале Ростовцеве: во всё царствование Николая Павловича он был Яков, так, как Яков Долгорукий, но с воцарения Александра II он сделался Иаков, так, как брат божий!» (*Полярная звезда*, 1857, кн. 3, с. 90; см. также: *Герцен*, т. 8, с. 330).

[4] См. письмо 553, примеч. 1.

[5] См. письмо 536, примеч. 7.

[6] По всей вероятности, речь идет о введении, предпосланном «Разбору манифеста 26 августа 1856 г.» (Полярная звезда, 1857, кн. 3).

557. Е. Я. Колбасину (с. 163)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, оп. 1, № 73.
Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 35—37.

[1] Тургенев отвечает на письмо Д. Я. Колбасина от 27 ноября (9 декабря) 1856 г. и Е. Я. Колбасина от 2 (14) декабря 1856 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 296—307).

[2] В своем письме Е. Я. Колбасин извещал Тургенева, что он только что «поднялся с постели после продолжительной трехнедельной болезни» (*Т и круг Совр*, с. 298).

[3] Очевидно, Тургенев имеет в виду то, что Е. Я. Колбасин с возмущением писал ему о недостойном поведении по отношению к Некрасову и к самому Тургеневу В. П. Боткина, которого Тургенев в своих письмах иногда называл змеей коброй-капеллой, и об А. А. Краевском (см.: *Т и круг Совр*, с. 299, 305).

[4] См. письмо 553, примеч. 6.

[5] Поправки к опечаткам в «Фаусте» (см. письмо 540) были помещены: *Совр*, 1856, № 12, библиография, с. 50. «Обер-свистун» — И. И. Панаев.

[6] К этому месту письма при его первой публикации в Первом собрании писем Е. Я. Колбасин сделал следующее примечание: «Тургенев просил меня сообщать ему письменно, в виде рефератов, обо всем, что делается в русской литературе. Зная, что я был завален срочными журнальными работами, Иван Сергеевич упрямо настаивал на каком-либо вознаграждении, несмотря на то, что я упорно от этого отказывался. Наконец, мы согласились покончить на 10 рубл., о чем пишет Иван Сергеевич» (*Т*, *Первое собрание писем*, с. 36).

[7] Об этом см. письмо 552, примеч. 2.

[8] Тургенев отвечал на сообщение Е. Я. Колбасина о том, что «в последней (ноябрьской) книжке „Отечественных записок“ самая капитальная вещь — стихотворения Тура,— есть превосходные вещи» (*Т и круг Совр*, с. 300). Помимо «Отечественных записок», З. В. Тур печатался в «Современнике» (см. письмо 479).

[9] Речь идет о М. Н. Толстой. Е. Я. Колбасин писал: «По словам Левушки — графиня в безнадежном положении; у ней, несчастной, кажется, чахотка» (*Т и круг Совр*, с. 306).

[10] Тургенев имеет в виду первую из двух статей Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения», направленных против Белинского и Чернышевского. Полемизируя с «дидактической» теорией искусства, Дружинин упрекал «критику гоголевского периода» в том, что для нее был характерен «дух исключительной нетерпимости» и что в ней не было «примиряющего» и «согласующего» элементов.

[11] Речь идет о книге: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.

[12] В письме к Тургеневу от 7 (19) ноября 1856 г. П. В. Анненков, сообщая о распределении доходов по изданию «Повестей и рассказов» Тургенева, писал, что издание продано А. Ф. Базунову за 8000 р. сер. (*Труды ГБЛ*, вып. 3, с. 58).

558. И. И. Панаеву (с. 165)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 23—24.
Впервые опубликовано: *Панаев, 1888*, т. 6, с. 405.

[1] Письмо Панаева от 6 декабря 1856 г., на которое отвечает Тургенев (*Т и круг Совр*, с. 58—60).

[2] Имеется в виду роман «Дворянское гнездо», который Тургенев задумал осенью 1856 г.; впервые был опубликован: *Совр*, 1859, № 1.

[3] Замысел «небольшого рассказа» для «Современника» не был осуществлен.

[4] См. письмо 532, примеч. 9.

[5] «Детство», «Отрочество» и «Военные рассказы» Л. Н. Толстого, вышедшие в Петербурге в 1856 г.

[6] См. письма 540, примеч. 2 и 557, примеч. 5.

[7] См. письмо 552, примеч. 2, 3. Рассказ «Призраки» появился лишь в 1864 г. в журнале «Эпоха» (кн. 1).

[8] Перепечатано в *Совр*, 1857, № 1, отд. «Заметки о журналах», с. 184—185.

[9] Панаев писал Тургеневу, что «Юность» Толстого появится в первом номере «Современника» за 1857 г.: «Мы видаемся очень часто. Толстой делается проще и легче для меня» (*Т и круг Совр*, с. 58—60).

[10] Существование «Современника» в ноябре 1856 г. подверглось серьезной опасности в связи с перепечаткой в нем трех стихотворений Некрасова (см. письмо 553, примеч. 6). Журнал получил предостережение. Цензор Бекетов был отстранен от цензурования «Современника» и заменен И. И. Лажечниковым.

[11] Лажечников был приглашен в цензурный комитет одновременно с Гончаровым в январе 1856 г. Деятельностью цензора Лажечников очень тяготился и в 1858 г. оставил ее.

[12] Статью о современной французской литературе Тургенев не написал.

[13] См. письма к В. П. Боткину (№ 535), С. Т. Аксакову (№ 539), М. Н. Лонгинову (№ 585).

559. Л. Н. Толстому (с. 166)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив Л. Н. Толстого, папка 114.

Впервые опубликовано: *Толстой и Т*, с. 27—29.

Стр. 167. прочих подобных (*итал.*).

[1] Имеется в виду письмо Толстого, написанное, по-видимому, около 10 декабря ст. ст.; оно неизвестно (см. «Список писем Толстого, не имеющихся в распоряжении редакции»: *Толстой*, т. 60, с. 516).

[2] Тургенев писал Толстому 16 (28) ноября и 8 (20) декабря (см. письма 545 и 555).

[3] См. письмо 518, примеч. 3.

[4] Под «фетишизмом» Чернышевского Толстой подразумевал его преклонение перед памятью Белинского. Это выражение Толстой взял из статьи Дружинина «Критика гоголевского периода» («критический фетишизм»).

[5] «Спекулятором» Тургенев называет издателя «Отечественных записок» А. А. Краевского.

[6] Над этими словами чьею-то рукою написано: «ошибка только в цифре — 20, а не 10». Эта надпись была сделана впоследствии, возможно рукою Л. Н. Толстого, после примирения и свидания с Тургеневым в августе 1878 г.

[7] В «Библиотеке для чтения» (1856, № 11) была напечатана первая часть статьи А. В. Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения».

[8] Дружинин вспоминает о том, как Марлинский «из любимейших и прославленных повествователей» был превращен «в олицетворение напыщенной, уродливой, высокопарной бездарности», статьей Белинского. «Марлинский,— писал Дружинин,— при его уме, гибкости и наглядности, при славе, им добытой, при живой поэтической струе, его наполнявшей, мог легко уразуметь свои ошибки, возобновить свою литературную деятельность, отказаться от мишурной реторики, так ему вредившей,— одним словом, мог бы сделать многое для себя и для публики, если б урок был ему дан не столь жестокий».

[9] «Гуляровая (или гуляфная) вода»: «Слово *гуляфная* есть русское прилагательное, произведенное от персидского названия розовой воды» («Энциклопедический лексикон» Плюшара. СПб., 1838. Т. 15, с. 236).

[10] Ср. в «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенева («Литературный вечер у П. А. Плетнева»).

[11] В «Библиотеке для чтения» (1856, № 12) напечатан рассказ Толстого «Встреча в отряде с московским знакомым. Из кавказских записок князя Нехлюдова» (первоначальное заглавие, не пропущенное цензурой,— «Разжалованный»). В № 12 «Отечественных записок» 1856 г. напечатано «Утро помещика».

[12] Первое прошение об отставке Л. Н. Толстой подал 30 сентября 1856 г., второе — 19 октября того же года. В дневнике 28 ноября 1856 г. записано: «Отставка вышла»; свидетельство об отставке Толстой получил 28 декабря того же года. В письме к В. В. Арсеньевой от 1 декабря 1856 г. он писал, что об отставке надо еще похлопотать, «хотя она уже есть в приказе» (*Толстой*, т. 60, с. 130).

[13] Тургенев приехал в Россию только через год — в июне 1858 г.

[14] Толстой получил это письмо 1 января ст. ст.: «Проснулся в 12-м часу, получил сухое, но милое письмо от Тургенева» (*Толстой*, т. 47, с. 108).

560. Я. П. Полонскому (с. 168)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, собрание ОЛДП, № Q 250, л. 2—3 об.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 38—39.

[1] Стихотворение Я. П. Полонского «Наяды» опубликовано впервые в сборнике его стихотворений 1859 г. (Дополнение к стихотворениям, изданным в 1855 г. СПб., с. 50).

[2] Полонский изменил этот стих по совету Тургенева, напечатав «Заунывные песни отчизны моей».

[3] Полонский выбросил в новом варианте два стиха, о которых писал Тургенев.

[4] В опубликованном варианте у Полонского — по совету Тургенева — текст изменен на «Бедные нимфы морей».

[5] Полонским добавлена следующая концовка:

> Не титан я, бессмертного мира творец.
> Обманули вас песни отчизны моей!
> Испугал вас ревнивый отец!

[6] О каких стихотворениях идет речь, установить не удалось.

[7] По всей вероятности, Полонский сообщал Тургеневу о работе над сценами в белых стихах «Больной писатель», где изображается журнальная среда 1840-х годов: больной писатель, имеющий

черты Белинского; редактор-эксплуататор, напоминающий Краевского; цензурные гонения с упоминанием конкретного имени цензора «Отечественных записок» Фрейганга. Содержание произведения ближайшим образом интересовало Тургенева.

[8] Л. П. Шелгунова; познакомилась с Полонским, а затем с Тургеневым зимой 1855/56 г. (см.: Шелгунова Л. П. Из далекого прошлого. СПб., 1901, с. 55—57; см. также дневник Полонского: *Гол Мин*, 1919, № 1—4, с. 103 и сл.). 1856-й год Шелгуновы провели за границей — в Германии, Швейцарии и Франции. Полонский находился в переписке с Л. П. Шелгуновой; см. письма Полонского к Шелгуновой в газете «Русская земля» (1904, № 3) и письма Шелгуновой к Полонскому в *ИРЛИ* (архив Полонского).

[9] Некрасов жил в Риме с 20 сентября (8 октября) 1856 г. до 8—9 (20—21) января 1857 г. Письма Некрасова к Тургеневу, относящиеся к этому периоду, см.: *Некрасов*, т. 10, с. 293—314.

[10] И. П. Клюшников в 1829 г. был домашним учителем Тургенева (см.: Тихонравов Н. С. И. С. Тургенев в Московском университете.— *ВЕ*, 1894, № 2, с. 712). В 1830-х годах И. П. Клюшников был известен Тургеневу как поэт и член кружка Станкевича, друг Белинского и Бакунина (см.: Бродский Н. Л. Поэты кружка Станкевича.— Изв. II отд. Академии наук, 1912, т. 17, кн. 4, с. 6—32). В начале 1840-х годов Клюшников переехал на Украину, в собственный хутор Криничный Сумского уезда Харьковской губернии; этот адрес, очевидно, Полонский и сообщил Тургеневу. Полонский познакомился и близко сошелся с Клюшниковым в годы своего учения в Московском университете, в конце 1830-х годов (см.: Полонский Я. П. Мои студенческие воспоминания.— В сб.: Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1956, с. 231). Клюшников выведен в поэме Полонского «Свежее предание» и в произведениях Тургенева («Андрей Колосов», «Гамлет Щигровского уезда» — см. об этом в кн.: Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1961, с. 484).

[11] Увлечение живописью, о котором сообщал Полонский Тургеневу, в 1857 г. привело поэта к решению поселиться в Женеве и учиться изобразительному искусству у швейцарских мастеров. Усиленные (но не слишком успешные) занятия живописью в Женеве, Ницце и Риме продолжались до 1858 г.

[12] Послал ли Полонский Тургеневу сделанные им поправки в «Наядах», неизвестно.

[13] «Наяды» не были напечатаны в «Современнике».

561. **М. Н. Толстой** (с. 169)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 150.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 111—113.

Стр. 170. уравновешенности (*франц.*).

[1] Это письмо до нас не дошло.

[2] Об этом Тургеневу писали Е. Я. и Д. Я. Колбасины (см.: *Т и круг Совр*, с. 295, 296, 306).

[3] Записка В. П. Толстого к Тургеневу до нас не дошла.

[4] Тургенев вернулся в Россию только в 1858 г.

[5] Известны три письма Тургенева к Л. Н. Толстому, относящиеся к ноябрю-декабрю 1856 г. (письма 545, 555, 559). Ответные письма Толстого до нас не дошли, но о них известно из письма Д. Я. Колбасина к Тургеневу от 27 ноября ст. ст. 1856 г., в котором сообща-

лось: «Толстой получил Ваше письмо и говорит, что два раза к Вам писал» (*Т и круг Совр*, с. 296).

[6] В письмах к Л. Н. Толстому Тургенев прямо предостерегал его от сближения с Дружининым — натурой, по определению Тургенева, не «энтузиастической», бесстрастной. Увлечение Л. Н. Толстого Дружининым скоро прошло.

[7] См. письмо 527, примеч. 3.

[8] Повесть Е. Я. Колбасина «Академический переулок» упоминается в «Объявлении об издании журнала „Библиотека для чтения" с 1857 года». Напечатана она была только в августовской книжке «Библиотеки для чтения» за 1858 г., с подзаголовком «Очерк» и с посвящением И. С. Тургеневу. «Хи-ха-хо» — так смеется Харузов, главный персонаж повести Е. Я. Колбасина «В деревне и в Петербурге» (СПб., 1857; первоначально — *Совр*, 1855, № 5).

[9] Экземпляр «Повестей и рассказов», вышедших в 1856 г., должен был выслать М. Н. и В. П. Толстым П. В. Анненков, у которого на руках был составленный Тургеневым «реестр лиц, удостоенных посылки» (см.: *Труды ГБЛ*, вып. 3, с. 58, а также список в письме 540).

562. С. Т. Аксакову (с. 171)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 64—65 об.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 497—499.

[1] Тургенев имеет в виду М. Дюкана и его «Les Chants modernes» (1855). О сильном впечатлении, произведенном ими на современников, и о возникшей полемике см.: Grant E. M. French Poetry and modern industry 1830—1870. Cambridge, Mass., 1927, ch. 4, p. 97—113. В 1868 г. в предисловии к переводу на русский язык романа Дюкана «Утраченные силы» Тургенев, положительно оценив это произведение, упомянул и о том, что автор его «начал свое литературное поприще стихотворениями, в которых —в противность многим романтическим и другим поэтам — прославлял так называемую „прозу" века, успехи цивилизации, науки, даже индустрии...»

[2] Речь идет о Леконте де Лиле. В 1852 г. вышел первый сборник его стихотворений «Poèmes antiques» («Античные стихотворения»), предисловие к которому было принято как манифест новой, парнасской школы. Леконт де Лиль пытался возродить французскую поэзию, приблизив ее к древнегреческим образцам.

[3] Художественный стиль В. Гюго (прозаика и поэта), стиль писателя-романтика, был совершенно чужд Тургеневу и воспринимался им как архаизм. (Подробно об отношении Тургенева к творчеству Гюго см.: Алексеев М. П. В. Гюго и его русские знакомства.— *Лит Насл*, т. 31—32, с. 868—879.)

[4] Тургенев нередко иронически отзывался о произведениях Ламартина. К концу 1850-х годов дарование Ламартина действительно иссякало, а прежняя слава потускнела.

[5] Этот резкий отзыв Тургенева находится в противоречии с теми неизменно высокими оценками творчества Жорж Санд, которые содержатся во многих его письмах. В частности, в письме к Э. Дюрану от 20 июня (2 июля) 1876 г. Тургенев указывал, что Жорж Санд «останется одной из великих фигур современной литературы» (*«Т, ПСС и П*, (*Письма*, т. XI, с. 284, 410). История взаимоотношений Тургенева с Жорж Санд освещена в статье Вл. Каренина «Тургенев и Жорж Санд» (*Т сб* (*Кони*), с. 87—129). Резкий отзыв

в данном письме вызван, быть может, отрицательным впечатлением от пьесы Жорж Санд «Comme il vous plaira» (см. письмо 554, примеч. 14).

[6] О Бальзаке как главе французской реалистической школы, основные представители которой — Флобер, Золя и Гонкур, Тургенев писал позже (1876) в предисловии к переводу книги Л. Кладеля «Очерки и рассказы».

[7] Речь идет об О. С. Аксаковой. С. Т. Аксаков писал Тургеневу 16(28) ноября 1856 г.: «Я расстроен душевно и телесно усилившеюся болезнью нашей больной дочери, страдающей уже 14 лет...» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 590).

[8] Статья Делаво о «Семейной хронике и Воспоминаниях» — «Les seigneurs d'Aksakova. Chronique d'une famille russe sous Catherine II» (Semeinaïa Khronika i Vospominanïa (Chronique et Souvenirs) par M. Aksakof, Moskou, 1856) — была напечатана: Revue des Deux Mondes, 1857, t. 9, 15 juin, p. 875—907.

[9] Это — ответ на сообщение С. Т. Аксакова в его письме к Тургеневу от 16(28) ноября 1856 г.: «Я пишу книгу для детей, разумеется, не маленьких, а таких, которым около 12-ти лет. Я ничего не придумал лучшего, как написать историю ребенка, начав ее со времени баснословного доисторического и проведя его сквозь все впечатления жизни и природы, жизни преимущественно деревенской» (*Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 590). Речь идет о «Детских годах Багрова внука», вышедших отдельной книгой в 1858 г. в Москве.

[10] Отрывок пятый из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова — «Жизнь в Уфе» — был напечатан: *Рус Вестн*, 1856, № 8, кн. 1.

[11] Называя кн. Н. И. Трубецкого «приятелем Константина Сергеевича», Тургенев вспоминает сатирическое изображение Трубецкого в пьесе К. С. Аксакова «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» (написана в 1851 г.).

[12] В «Русской беседе» (1856, № 4) появились «Литературные и театральные воспоминания» С. Т. Аксакова.

[13] А. И. Васильчиков. Его брат — В. И. Васильчиков — возглавлял комиссию для раскрытия злоупотреблений по интендантству южной и крымской армий; в работе комиссии участвовал И. С. Аксаков (см. письмо 492).

[14] «Жаль» потому, что И. В. и П. В. Киреевские, с которыми Тургенев был хорошо знаком, умерли оба в 1856 г. (Иван — 11 июня, Петр — 25 октября).

563. **А. И. Герцену** (с. 173)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 11—12.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 96—97.

Стр. 173. восковой зонд (*франц.*).
Стр. 174. ночной ужин (*франц.*).
Стр. 174. полусвет (*франц.*).
Стр. 174. чистейшей воды (*нем.*).

[1] Письмо Тургенева к Огареву с замечаниями о поэме последнего неизвестно.

[2] См. письмо 553, примеч. 3.

[3] См. письмо 553, примеч. 1.

[4] Очевидно, речь идет о переводе на французский язык «Былого и дум» (см. ниже, примеч. 7). Паньер — издательская фирма, основанная Д. Паньером.

[5] В письме от 25 декабря н. ст. 1856 г. Герцен упрекал Тургенева: «...что твой сапожник J. S. André смыслит, как тебе самому не стыдно у него лечиться, это известный шарлатан» (*Герцен*, т. 26, с. 60).

[6] В ответном письме к Тургеневу Герцен писал: «Зачем же ты ездишь к m-me Дегу — лучше уж досматривай старых деми-мун у Мельгунова, нежели у них самих» (*Герцен*, т. 26, с. 69). Д'Агу — Дегу — игра слов: dégout — отвращение. В 1830-е годы графиня д'Агу была в дружеских отношениях с Жорж Санд, но потом они разошлись; Жорж Санд сатирически изобразила ее в лице виконтессы де Шайи в романе «Орас». Образ графини д'Агу нашел отражение в творчестве Бальзака: она явилась прототипом Беатрисы в одноименной его повести.

[7] Жюль Мишле — автор «Истории Франции», «Истории французской революции», «Истории XIX века» — был в хороших отношениях с Герценом. Положительный отзыв Тургенева о сочинениях Мишле см. в письме Тургенева к П. Виардо от 14(26) ноября 1847 г. (см.: наст. изд., Письма, т. 1, № 77). В данном случае желание Тургенева познакомиться с Мишле диктовалось, возможно, и практическими соображениями. Выше Тургенев говорит о переговорах по поводу напечатания во Франции книги Герцена (очевидно, «Былого и дум»). Мишле принимал деятельное участие в переговорах, так как очень высоко ценил это произведение (см. письмо Ж. Мишле к Герцену от 15 ноября н. ст. 1856 г.: *Герцен*, *Лемке*, т. 8, с. 375). В ответное письмо к Тургеневу (от 18 января н. ст. 1857 г.) Герценом было вложено рекомендательное письмо к Мишле. В связи с этим Герцен отмечал: «Письмо к Мишле я запечатал от пюдера ⟨стыдливости⟩ — я уж очень тебя расхвалил, стыдно» (*Герцен*, т. 26, с. 71). Однако Тургенев — сначала по болезни, а потом в связи с поездкой в Куртавнель — не воспользовался этой рекомендацией и у Мишле не был (см. письмо Герцена к Ж. Мишле от 25 мая н. ст. 1857 г.: там же, с. 93—94).

[8] Речь идет о первой половине статьи А. В. Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (*Б-ка Чт*, 1856, № 11). Аналогичные отрицательные отзывы Тургенева о статье Дружинина см. в письмах 557 и 559. В ответном письме к Тургеневу от 11 января н. ст. 1857 г. Герцен писал: «...пришли мне ⟨. . .⟩ „Биб⟨лиотеку⟩ для чтения“, где статья Дружинина, дай мне его затерзать, уязвить за Белинского — если рука подойдет. Что такое журнал консервативный ⟨. . .⟩ Я с тобой совершенно согласен» (*Герцен*, т. 26, с. 68—69).

[9] Понятие demi-monde обозначает среду, стремящуюся подражать «большому свету», то есть аристократии и буржуазной верхушке. Само слово «demi-monde», а вернее понятие, с ним связанное, получило распространение благодаря пьесе А. Дюма-сына «Demi-monde» (1856).

1857

564. Письмо к редактору «Московских ведомостей» (с. 175)

Печатается по тексту первой публикации: *Моск Вед*, 1857, № 7, 15 января.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *Т*, *Сочинения*, т. 12, с. 376—377.

[1] Предшествующее письмо о предполагаемой для «Русского вестника» повести было напечатано в «Московских ведомостях» 4(16) декабря 1856 г. (см. № 565).

565. **М. Н. Лонгинову** (с. 176)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 23292.
Впервые опубликовано: *Сб ПД 1923*, с. 173—177.

Стр. 176. определенно, точно (*франц.*).

[1] Речь идет о письмах М. Н. Лонгинова от 22 ноября (4 декабря) и 18(30) декабря 1856 г. (см.: *Сб ПД 1923*, с. 154—167, 171—172). К «маленькому» письму была приложена вырезка из «Московских ведомостей» от 18 декабря 1856 г. (№ 151), содержащая письмо Тургенева к редактору газеты. См. письмо 551.

[2] Это письмо М. Н. Лонгинова неизвестно. Ответ редактора «Русского вестника» Каткова на письмо Тургенева был напечатан: *Моск Вед*, 1856, № 152, 20 декабря.

[3] Прилагаемое второе письмо Тургенева к редактору «Московских ведомостей» было напечатано в газете от 15 января 1857 г., № 7 (см. письмо 564).

[4] Предположение Тургенева не оправдалось. М. Н. Катков выступил еще с одним письмом (*Моск Вед*, 1857, № 11, 24 января), которое Тургенев оставил без ответа, так как оно было направлено главным образом против «Заметок о журналах» Чернышевского (*Совр*, 1857, № 1); об этом см. письмо № 551.

[5] Цитата из «Горя от ума» А. С. Грибоедова (д. III, явл. 6).

[6] Тургенев имеет в виду экспромт С. А. Соболевского, приведенный М. Н. Лонгиновым в письме от 22 ноября (4 декабря) 1856 г. (*Сб ПД 1923*, с. 166).

[7] К письму М. Н. Лонгинова от 18(30) декабря 1856 г. сделана приписка рукою С. Д. Полторацкого, подписанная ребусом, образованным из его фамилии: «Преданный вам 1 1/2-цкий» (см.: *Сб ПД 1923*, с. 172).

[8] «Поездка в Полесье» была отправлена Анненкову для передачи Дружинину 26 февраля (10 марта) 1857 г. и опубликована: *Б-ка Чт*, 1857, № 10.

[9] А. И. Герцен, запретная фамилия которого, как всегда, зашифрована в письме.

[10] В письме к И. С. Тургеневу от 26 ноября (8 декабря) 1856 г. Герцен писал: «Некрасов в Риме. Это что-то звучит вроде щуки в опере» (*Герцен*, т. 26, с. 52).

[11] Первая строка стихотворения М. Ю. Лермонтова «Благодарность» (1840).

566. **П. В. Анненкову** (с. 177)

Печатается по тексту первой публикации: Наша старина, 1914, № 11, с. 987—989.
Подлинник неизвестен.

Стр. 177. во что бы то ни стало (*франц.*).
Стр. 177. между нами будь сказано (*франц.*).
Стр. 178. краткое изложение (*франц.*).
Стр. 178. временного правительства (*франц.*).
Стр. 179. вроде Беллини (*франц.*).
Стр. 179. вроде Одри (*франц.*).
Стр. 179. Прощайте, дорогой Анненковиш!

Не съешьте всей телятины! (*итальянские и итальянизированные русские слова*).

[1] Дружеская эпиграмма на Анненкова принадлежит, очевидно, самому Тургеневу; «богом опечаток» Анненков назван потому, что в изданных им «Сочинениях Пушкина» (СПб., 1855) оказалось много серьезных опечаток. «Главнейшие» из них, «вкравшиеся в отдел стихотворений», пришлось исправить «вводом новых перепечатанных листов во все экземпляры» издания. Оставшиеся неисправленными «некоторые погрешности» в стихотворных текстах Пушкина II, III и IV томов были помещены в конце IV тома и заняли три страницы.

[2] Это письмо Тургенева к Анненкову неизвестно.

[3] Речь идет об «Отрывке из поэмы» («Несчастные»), опубликованном: *Совр*, 1857, № 3. Анненков в ответном письме от 25 января ст. ст. сообщал: «...комиссии ваши исполнены — стихи Некрасова отданы в „Современник“» (*Труды ГБЛ*, вып. 3, с. 64).

[4] А. И. Герцен. См. письмо 565, примеч. 10.

[5] Рассказ — «Поездка в Полесье».

[6] Имеется в виду «обязательное соглашение» между Григоровичем, Островским, Тургеневым, Л. Н. Толстым и редакцией «Современника», по которому эти писатели с 1857 г. обязывались «принимать в „Современнике“ исключительное и постоянное участие» (письмо 518, примеч. 3).

[7] См. примеч. 1—4 к письму 565, а также *Сб ПД 1923*, с. 150 и сл. В своем втором письме в редакцию «Московских ведомостей», которое было напечатано в «Литературном отделе» этой газеты (№ 7 от 15 января 1857 г.), Тургенев подтверждал, что он действительно надеялся доставить Каткову «Призраки» в начале 1856 г. и что «всю ответственность за неисправность» он принимает на себя.

[8] Тургенев имеет в виду повесть «Призраки», обещанную в «Русский вестник», которую он, однако, напечатал гораздо позднее, в 1864 г., в «Эпохе».

[9] Письма Л. Н. Толстого к Тургеневу за вторую половину 1856 г. неизвестны.

[10] Повесть Л. Н. Толстого «Детство» впервые была переведена на французский язык (с английского) лишь в 1866 г. Э. Д. Форгом (Forgues).

[11] Работа Анненкова «Н. В. Станкевич. Биографический очерк» печаталась: *Рус Вестн*, 1857, № 2, кн. 1—2; № 4, кн. 1.

[12] Н.П.Огарев в 1857 г. написал поэмы:«Сны»,«Ночь»,«Nocturno».

[13] Творчеству В. Беллини наряду с романтической приподнятостью свойственна и меланхолия, на что намекает Тургенев.

[14] Комический актер Одри. По словам современников, он имел нос, напоминающий по форме пробку от графина.

[15] Отзыв Д. Н. Дубенского о Пушкине вложен был впоследствии Тургеневым в уста одного из его героев — Пунина (см. главу II повести «Пунин и Бабурин»).

[16] В ответном письме от 25 января ст. ст. 1857 г. Анненков по поводу «Повестей и рассказов И. С. Тургенева» (СПб., 1856) сообщал, что о них «готовятся статьи». При этом он критиковал две уже напечатанные статьи С. С. Дудышкина (первая из них появилась в январской книжке «Отечественных записок») и с похвалой отзывался о статье А. В. Дружинина (напечатана в февральской книжке «Библиотеки для чтения»), написанной, по его мнению, «дельно, хорошо, даже без затхлости, сопровождающей все его статьи» (*Труды ГБЛ*, вып. 3, с. 64).

567. Л. Н. Толстому (с. 179)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, ф. 302, оп. 3, № 739.

Впервые опубликовано (по копии): *Гол Мин*, 1915, № 5, с. 209—211, с неточностями и искажениями. Перепечатано по подлиннику: *Толстой и Т*, с. 31—33.

Стр. 181. «Ах, французский читатель не мог бы этого допустить!» (*франц.*).

[1] Письма Толстого, о которых говорит Тургенев, неизвестны; как видно по дневнику Толстого, он писал Тургеневу 21 декабря 1856 г. (2 января 1857 г.) (см.: *Толстой*, т. 47, с. 106).

[2] Это письмо М. Н. Толстой неизвестно; ответ Тургенева — письмо 561.

[3] Слухи о смерти Луи Виардо и о предстоящей женитьбе Тургенева на Полине Виардо сообщались, очевидно, друзьями Тургенева в письмах из России, нам неизвестных. О том, что «Фауст» не понравился Полине Виардо, Тургенев писал и Боткину 25 ноября (7 декабря) 1856 г. (см. письмо 547).

[4] Отдельное издание: Детство и отрочество. Сочинение графа Л. Н. Толстого. СПб., 1856.

[5] В письме от 26 декабря 1856 г. (7 января 1857 г.) Дружинин сообщал Тургеневу, что Толстой уже «понимает Лира и пил за здоровье Шекспира» (*Т и круг Совр*, с. 202).

[6] Е. Н. Мещерская.

[7] Г. Б. Оппенгейм.

568. А. И. Герцену (с. 181)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 13—14.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 104—106.

Стр. 182. Кстати о (*франц.*).
Стр. 182. (это между нами) (*франц.*).
Стр. 182. «Куда только не забирается добродетель!» (*франц.*).

[1] Речь идет о первых семи главах третьей части «Былого и дум» (в позднейших изданиях — главы XIX—XXI, XVIII, XXII—XXIV); этот отрывок был напечатан в третьей книжке «Полярной звезды» на 1857 г.

[2] Тургенев имеет в виду отрывки из писем Н. А. Захарьиной (Герцен) к А. И. Герцену, приведенные во II, III и V главах третьей части «Былого и дум» (нумерация глав по «Полярной звезде»; в позднейших изданиях — главы XX, XXI, XXII).

[3] «Последняя глава» — глава VII по нумерации «Полярной звезды» (третья книжка за 1857 г.; в позднейших изданиях — глава XXIV). Несколько ранее Герцен писал Тургеневу: «...я сделал, думаю, очень смелую вещь в последней главе, где женщина, публич⟨ная⟩ девка и Мадонна — вышли как-то естественным trio. За эту главу я особенно боюсь, и особенно стою» (*Герцен*, т. 26, с. 60). Говоря о том, что эта глава «возбудит негодование», Тургенев, возможно, имел в виду и саркастические намеки Герцена на современников, например, на Александра Дюма-сына и его нашумевшую пьесу (переделанную из романа) «Дама с камелиями» (1852).

[4] В ответном письме Герцен писал Тургеневу: «Спасибо за строжайший выговор; вот что — если в самом деле опасно выражение

о Кет⟨чере⟩, то ведь книга еще не вышла, я могу перепечатать четверть листа. А то я и сам испугался» (*Герцен*, т. 26, с. 70—71). Очевидно, Герцен переделал этот отрывок, так как в третьей книжке «Полярной звезды» на 1857 г. (см. с. 119) упоминание о «тоске по революции» у Кетчера отсутствует (ср. главу XXIII позднейших изданий).

[5] Тургенев указывает страницы третьей книжки «Полярной звезды» на 1857 г. Ни одно из этих замечаний Тургенева Герценом учтено не было; в последующих переизданиях «Былого и дум» эти выражения оставлены без изменений.

[6] Об архиепископе Владимирском Парфении, содействовавшем Герцену при его тайной женитьбе на Н. А. Захарьиной, Герцен пишет в главе VI «Былого и дум» — «Третье марта и девятое мая 1838 года» (глава XXIII — в позднейших изданиях).

[7] См. письмо № 563, примеч. 8.

[8] Речь идет о книге: Стихотворения Н. Некрасова. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М., 1856. 11 января н. ст. 1857 г. Герцен писал Тургеневу: «Некрасова получил — от кого? Ты, что ли, мне прислал? Я нахожу и находил в нем сильный талант, хотя сопряженный с какой-то злой сухостью и угловатой обрывчатостью» (*Герцен*, т. 26, с. 69).

[9] Слова Мольера, обращенные к нищему, отказавшемуся от золотой монеты; приведены в качестве характерного анекдота Вольтером в его «Vie de Molière» («Жизнь Мольера») (см.: Œvres complètes de Voltaire. Paris, 1832, t. 65, p. 18).

[10] В письме от 18 января 1857 г. Герцен отвечал Тургеневу: «Как же не знать Оппенгейма — еще с 1849 г. знакомый» (*Герцен*, т. 26, с. 71).

[11] Слова из басни И. А. Крылова «Любопытный». У Крылова:

Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!

[12] В тексте глав «Былого и дум», напечатанных в третьей книжке «Полярной звезды» на 1857 г., слово «безразличный» встречается только один раз, на с. 106 (гл. IV, «Владимир»); здесь Герцен пишет: «Всякий начальник у нас считает высшей обязанностью нет, нет да и представить какой-нибудь проект, изменение, обыкновенно к худшему, но иногда просто безразличное».

569. **В. Н. Кашперову** (с. 183)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 62, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1895, № 12, с. 926—927.

Стр. 183. «высокопарны» (*франц*.).

[1] Это письмо В. Н. Кашперова к Тургеневу неизвестно.

[2] По всей вероятности, имеется в виду опера Кашперова «Цыганы» (либретто Н. П. Огарева по поэме Пушкина), начатая в 1850 г. и в основном законченная в сентябре 1855 г. (*Лит Насл*, т. 62, с. 149). Кашперов продолжал, по-видимому, работать над этой оперой и в 1856 г., когда с ней познакомился М. И. Глинка (см.: Кашперов В. Воспоминание о М. И. Глинке.— *Рус Арх*, 1869, № 7—8, стлб. 1142—1143).

[3] Тургенев познакомился с Кашперовым в Париже в начале декабря 1856 г. по рекомендации Герцена.

[4] Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «Поэту» (1830).

[5] Речь идет о «Повестях и рассказах» Тургенева, вышедших из печати 3(15) ноября 1856 г. в Петербурге.

[6] Т. е. к Герцену. См. письмо Тургенева к нему от 9(21) декабря 1856 г. (№ 556).

[7] 7(19) декабря 1856 г. Н. А. Мельгунов писал Герцену о визите Грибовского и Кашперова. Последний уезжал в тот день из Парижа в Берлин (см.: *Лит Насл*, т. 62, с. 333).

[8] М. И. Глинка, который жил тогда в Берлине, был очень близок с В. Н. Кашперовым, называл его «милым сынком», руководил вместе с Зигфридом Деном музыкальными занятиями молодого композитора. Кашперов, в свою очередь, ухаживал за больным учителем, развлекал его и, в частности, читал ему произведения Тургенева (Кашперов В. Воспоминание о М. И. Глинке, стлб. 1141—1143).

[9] Тургенев и его старший брат Н. С. Тургенев жили вместе в 1834—1835 гг. в Петербурге. Тургенев тогда учился в Петербургском университете, а Н. С. Тургенев — в Артиллерийском училище (см.: Новости, 1883, № 167, 17 сентября, воспоминания д-ра Вальтера). М. И. Глинка в 1834 г. вернулся из-за границы в Россию и жил с осени этого года в Петербурге, на Вознесенской улице, в доме, принадлежавшем школе гвардейских подпрапорщиков, у А. С. Стунеева, работая над оперой «Иван Сусанин» (Глинка М. Записки. Л.: Музгиз, 1953, с. 102). В 1842 г. братья Тургеневы также жили вместе в Петербурге, но вероятнее всего, что Тургенев вспоминает именно о середине 30-х годов, так как позднее, в начале 40-х годов, Глинка вел замкнутый образ жизни.

[10] Опера Глинки — «Иван Сусанин» («Жизнь за царя»); готовилась к постановке в Берлинском Королевском театре, но не была поставлена целиком. 9(21) января 1857 г. в придворном концерте было исполнено трио из эпилога «Ивана Сусанина» (дирижировал Мейербер).

570. П. В. Анненкову (с. 184)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 1.

Впервые опубликовано: Наша старина, 1914, № 11, с. 989—990.

[1] См. письмо 566.

[2] Имеется в виду письмо Анненкова от 29 декабря (10 января) 1857 г.— см.: *Труды ГБЛ*, вып. 3, с. 62—63.

[3] Среди произведений, обещанных в пятый том сборника «Для легкого чтения», издававшегося в приложении к «Современнику», действительно был упомянут «Помещик» Тургенева (*Совр*, 1856, № 12, отд. IV, с. 49).

[4] Константина Сергеевича.

[5] А. И. Давыдов по договору с Некрасовым и Панаевым, был издателем сборников «Для легкого чтения».

[6] Тургенев приводит четыре стиха их XXVIII строфы «Помещика», впервые опубликованного в «Петербургском сборнике» (1846). К. С. Аксаков дал резко отрицательный отзыв об этой поэме в рецензии, которая за подписью «Имя-рек» была помещена в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год» (М., 1847, с. 37). Ср. ниже, письма 571, 575, 652.

[7] Это — ответ Анненкову, который писал Тургеневу 29 декабря ст. ст. 1856 г. о том, что пьесу «Нахлебник» не удалось поставить в бенефис М. С. Щепкина. «При том же цензор Нордстрем

⟨...⟩ заметил, что пьеса скорее могла бы быть допущена на сцену, если бы была *напечатана*. Как вы думаете?» — спрашивал Анненков (*Труды ГБЛ*, вып. 3, с. 63). Комедия «Нахлебник» (под названием «Чужой хлеб») была напечатана: *Совр*, 1857, № 3, с переделками, вызванными требованиями цензуры.

[8] Т. е. Панаева и Давыдова — издателей сборников «Для легкого чтения».

[9] См. выше письма 565, 566.

571. **И. И. Панаеву** (с. 185)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 25—26.

Впервые опубликовано: *Панаев, 1888*, т. 6, с. 406.

Стр. 186. человек предполагает, а пузырь располагает (*франц.*).

[1] Тургенев отвечает на письмо от 3(15) января 1857 г., в котором Панаев настойчиво, хотя и в шутливом тоне, просил Тургенева о присылке материалов для «Современника»: «Тургенев, на тебя я не теряю еще надежды —и бился с одним из общих наших приятелей (фунт конфет), что ты Дон-Кихота (т. е. статью „Гамлет и Дон-Кихот“.— *Ред.*) вышлешь ко 2 №.— Он против, я — за тебя ⟨...⟩ Неужели я останусь без Дон-Кихота во 2 № и без фунта конфет ⟨?⟩» (*Т и круг Совр*, с. 70—71).

[2] Ср. письмо к И. И. Панаеву от 3(15) октября 1856 г. (№ 532).

[3] Рассказ «Поездка в Полесье», предназначавшийся для «Библиотеки для чтения».

[4] См. письмо 570, примеч. 7.

[5] 29 января (10 февраля) 1857 г. Толстой выехал из Москвы за границу и возвратился 30 июля (11 августа); следовательно, желание Тургенева, чтобы Толстой правил корректуру «Нахлебника», не могло быть исполнено. Письмо Толстого к Тургеневу, написанное 4(16) января 1857 г. (*Толстой*, т. 47, с. 109), неизвестно; Тургенев, вероятно, не успел на него ответить: 9(21) февраля Толстой приехал в Париж и увиделся с Тургеневым.

[6] См. письма 570, примеч. 6; 575, примеч. 6; 652, примеч. 4.

[7] Рассказ, обещанный Дружинину,— «Поездка в Полесье».

[8] Тургенев, перефразируя известную поговорку «l'homme propose (или: suppose) et Dieu dispose» (человек предполагает, а бог располагает), ошибочно дважды написал «dispose».

572. **А. В. Дружинину** (с. 187)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 167, оп. 4, № 10, л. 6—7 об.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 42—45.

Стр. 187. буквально (*франц.*).

Стр. 187. (чего я опасаюсь, между нами будь сказано) (*франц.*)

[1] От 26 декабря 1856 г. (7 января 1857 г.) (см.: *Т и круг Совр*, с. 199—202).

[2] «Поездка в Полесье».

[3] «Король Лир» Шекспира в переводе А. В. Дружинина и с его вступительной статьей напечатан: *Совр*, 1856, № 12, отд. 1, с. 169—342. О Кенте в статье говорится: «...охарактеризовать Кента можно немногими словами: это тип преданного слуги, идеал истинного верноподданного».

[4] Статья Дружинина — «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (*Б-ка Чт*, 1856, № 11 и 12); аналогичные отзывы Тургенева о статье см.: письма № 557, примеч. 10; № 559, примеч. 7.

[5] Встреча Тургенева с Л. Толстым в Париже состоялась почти через месяц. В письме к В. П. Боткину из Парижа 10(22) февраля 1857 г. Толстой писал: «Вчера приехал я в Париж ⟨...⟩ и застал тут Тургенева и Некрасова» (*Толстой*, т. 60, с. 158).

[6] Цитата из стихотворения Пушкина в альбом княжне А. Д. Абамелек (1832), кончающегося словами:

И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь.

[7] Напечатано: *Отеч Зап*, 1856, № 12, отд. I, с. 524—572.

[8] Андриас — прозвище А. А. Краевского в литературном кругу.

[9] Тургенев имеет в виду рецензию С. С. Дудышкина (*Отеч Зап*, 1856, № 11, отд. III, с. 11—18) на «Военные рассказы» и «Детство» и «Отрочество» Л. Н. Толстого, автор которой видел слабость таланта Толстого в его пристрастии к кропотливому психологическому анализу и к «портретной живописи» в ущерб якобы изображению «общих картин» жизни.

[10] Дружинин 26 декабря ст. ст. 1856 г. писал Тургеневу, что Писемский «жаждет составить труппу для великолепнейшего разыграния чего-нибудь из Гоголя, при помощи Стаховича, Садовского и разных литераторов. Этот спектакль, о котором уже слухи разнеслись по городу, есть дело весьма важное для театра, для сближения публики с литературой и так далее» (*Т и круг Совр*, с. 200). Письмо об этом Писемского Тургеневу, если оно было написано, неизвестно.

[11] «Поездку в Полесье».

573. Даниилу Гарвицу (с. 189 и 370)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 18.

Впервые опубликовано: *Центрархив*, *Документы*, с. 31.

Датируется периодом между 25 октября (6 ноября) 1856 г. и 26 января (7 февраля) 1857 г. на основании первого упоминания Тургеневым в письме к В. П. Боткину о переезде на Rue de Rivoli, 206, откуда было послано письмо Гарвицу, а также сообщения в письме к Е. Я. Колбасину о перемене квартиры.

[1] Имеется в виду шахматный «матч».

[2] Какую книгу имел в виду Тургенев — неизвестно.

574. Е. П. Вяземской (с. 189)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 53.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. III, с. 86.

На подлиннике помета рукой неизвестного: «Billet au crayon écrit dans l'antichambre de la Princesse Catherine Viasemsky, à laquelle il apportait ses ouvrages, dont il lui recommande quelques-uns particulièrement. Paris, Janvier 1857,— donné à M. de Knoring par M. Jean Novosiltzow, frère de la princ⟨esse⟩ Viasemsky». («Записка карандашом, написанная в передней княгини Екатерины Вяземской, которой он принес свои произведения, особенно рекомендуя ей некоторые из них. Париж, январь 1857, дана г-ну Кнорингу Иваном Новосильцевым, братом кн. Вяземской».)

Записка датируется серединой января 1857 г. на основании приведенной выше надписи, а также по упоминанию о произведениях Тургенева.

[1] Тургенев, очевидно, принес Е. П. Вяземской свою книгу «Повести и рассказы».

[2] Тургенев, по-видимому, имеет в виду приезд брата Е. П. Вяземской — И. П. Новосильцева.

575. **Е. Я. Колбасину** (с. 189)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, № 73.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 45—46.

При первой публикации письмо было ошибочно адресовано Д. Я. Колбасину, а в тексте письма допущены искажения.

Письмо переадресуется Е. Я. Колбасину на основании следующих данных: Тургенев благодарит своего адресата за сообщенные ему новости и за пересказ статьи Дудышкина о его «Повестях и рассказах». Подробное изложение статьи Дудышкина о Тургеневе содержится в письме Елисея, а не Дмитрия Колбасина (см.: *Т и круг Совр*, с. 310—314). Кроме того, в постскриптуме Тургенев пишет: «При сем прилагается письмо Некрасова к Вашему брату» (письма Некрасова к Колбасиным до нас не дошли), а из письма Тургенева от 16(28) февраля 1857 г. к Д. Я. Колбасину видно, что последний к своему письму к Тургеневу от 5(17) февраля 1857 г. приложил письмо к Некрасову, являющееся, очевидно, ответом на то, о котором упоминает Тургенев (ср. письмо 579).

[1] Речь идет о письме Е. Я. Колбасина от 15(27) января 1857 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 310—318). Статья С. С. Дудышкина о «Повестях и рассказах» Тургенева напечатана: *Отеч Зап*, 1857, № 1.

[2] Имеются в виду цензурные осложнения, связанные с помещением в «Современнике» трех стихотворений Некрасова, перепечатанных из его сборника (см. письмо 553, примеч. 6).

[3] Толстой приехал в Париж 9(21) февраля 1857 г. (см. письмо 572, примеч. 5).

[4] «Поездка в Полесье».

[5] См. письмо 571.

[6] Д. Я. и Е. Я. Колбасины писали Тургеневу 5 и 7 февраля ст. ст. 1857 г., что «Помещик» не будет вовсе перепечатан в сборнике «Для легкого чтения» (см.: *Т и круг Совр*, с. 321, 323); когда же поэма появилась в VII томе сборника за 1857 г., требование Тургенева было удовлетворено, и строфа XXVIII исключена из текста поэмы.

[7] Речь идет о М. Н. Толстой.

576. **П. В. Анненкову** (с. 190)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 360.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 13, кн. 2, с. 197—198.

Стр. 191. «С ужасом просыпаюсь я по утрам» (*нем.*).

Стр. 191. улица Аркад, № 11. Вниманию читателя, т. е. корреспондента (*франц.*).

Стр. 192. горбатого могила исправит; *буквально*: кто пил, тот будет пить (*франц.*).

Стр. 192. сдержанность (*франц.*).

Стр. 192. этот герой-деспот (*франц.*).

Стр. 192. милая родина (*итал.*).

[1] О своем болезненном состоянии Тургенев писал И. И. Панаеву, А. В. Дружинину, Е. Я. Колбасину (см. письма 571, 572, 575). Цитата из «Фауста» Гёте (ч. I, монолог Фауста).

[2] Некрасов жил в Париже вместе с Тургеневым с 25 января по 10 февраля ст. ст. 1857 г. (см.: А ш у к и н Н. С. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.; Л.: Academia, 1935, с. 181—182; см. также письмо 575).

[3] Тургенев встречался с Фетом в Париже в августе 1856 г. (см. письмо 522).

[4] Толстой приехал в Париж позднее. В письме к В. П. Боткину от 10(22) февраля 1857 г. он писал: «Вчера приехал я в Париж ⟨...⟩ и застал тут Тургенева и Некрасова» (*Толстой*, т. 60, с. 158). См. также письма 571, 575.

[5] Это письмо Л. Н. Толстого к Тургеневу неизвестно.

[6] Речь идет о статье С. С. Дудышкина «Повести и рассказы И. С. Тургенева. С 1844 г. по 1856 г. СПб. 1856. Три части», напечатанной в первом номере «Отечественных записок» за 1857 г. Отрывки из этой статьи были сообщены Тургеневу Е. Я. Колбасиным в письме от 15 января ст. ст. 1857 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 310—318). Дудышкин считал, что Тургенев в «Рудине» высказал положения, известные еще во времена Карамзина: «г. Тургенев в 1856 году говорит,— писал критик, — что „космополитизм — чепуха, космополит — нуль, хуже нуля“; Карамзин в 1825 г. сказал, что „вне России для русского — нет гражданина, нет человека, есть только двуножное животное с брюхом“. Нечего доказывать, что смысл этих слов один и тот же» (*Отеч Зап*, 1857, № 1, отд. II, с. 25). См. также: наст. изд., Сочинения, т. 5, с. 506.

[7] Имеются в виду «Повести и рассказы» (ч. I—III), вышедшие в свет в ноябре 1856 г. «Повести Ваши поступили в продажу»,— сообщал Д. Я. Колбасин Тургеневу в письме от 6 ноября ст. ст. 1856 г. (*Т и круг Совр*, с. 295). 7 февраля 1857 г. Е. Я. Колбасин писал Тургеневу, что «к „Повестям“ осталась публика довольно равнодушна, и в книжных лавках беспрерывно спрашивают, когда выйдут „Записки охотника“» (там же, с. 327).

[8] Е. Я. Колбасин писал по этому поводу в письме к Тургеневу от 2 декабря ст. ст. 1856 г.: «Анненков по-прежнему хлопает себя по животу и очень доволен своим положением, т. е. продажею Ваших „Повестей“ Базунову» (*Т и круг Совр*, с. 306). И. В. Базунов — московский издатель и книгопродавец.

[9] О чем идет речь, установить не удалось.

[10] О. А. Тургенева в 1859 г. вышла замуж за С. Н. Сомова. См. статью Л. Н. Назаровой «Тургенев и О. А. Тургенева».— *Т сб*, 1, с. 293—299.

[11] См. № 575.

577. П. В. Анненкову (с. 192)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 34—35.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. III, с. 88—89.

[1] Некрасов выехал из Парижа в Рим 10(22) февраля 1857 г. (см.: *Толстой*, т. 47, с. 114).

[2] Л. Н. Толстой приехал в Париж 9(21) февраля 1857 г. О свидании с Тургеневым он сообщил В. П. Боткину в письме от 10(22) февраля 1857 г. (см.: *Толстой*, т. 60, с. 158) и сделал ряд записей в своем дневнике о встречах с ним (см.: *Толстой*, т. 47, с. 113—116).

[3] Тургенев имеет в виду лирическую, полную пессимизма исповедь рассказчика в «Первом дне» «Поездки в Полесье» (начиная с фразы: «Я закрыл глаза рукою — и вдруг, как бы повинуясь таинственному повелению, я начал припоминать всю мою жизнь...» — и кончая словами: «...не смотри туда, где блаженство, и вера, и сила — там не наше место!»). Анненков 28 февраля ст. ст. 1857 г. писал Тургеневу: «Первый день „Полесья" — отдан Дружинину, который ничего противного в нем не находит, в чем и я с ним согласен. Личный осмотр себя и приличен, и истинен, и не пошл — стало быть, и печатанен. Описание местности и леса — полно и живо» (*Труды ГБЛ*, вып. 3, с. 66).

[4] «Полешским Картушем» Тургенев называет изображенного в «Поездке в Полесье» вора Ефрема, личность которого была окружена легендами по всей округе. Картуш — прозвище знаменитого главаря воровской шайки во Франции в начале XVIII в., ставшее легендарным и сохранившееся в народной памяти.

[5] Столкновение с Катковым в конце 1856 г. из-за «Фауста» и «Призраков» (см. письма 552, 554, 565).

[6] Тургенев цитирует последний стих «Посвящения» к «Полтаве» Пушкина.

[7] «Поездка в Полесье».

578. А. И. Герцену (с. 193)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 15.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 106.

Стр. 194. Сдавайся, храбрый Герцийон! (*франц.*).

[1] Это письмо Герцена к Н. А. Мельгунову неизвестно. Ответ Мельгунова см. ниже, примеч. 3.

[2] Тургенев приехал в Лондон 12(24) мая 1857 г. (см. письмо 602).

[3] В одном из не дошедших до нас писем к Мельгунову Герцен просил узнать у Тургенева о каком-то стихе из поэмы К. Ф. Рылеева «Войнаровский». Мельгунов 28 февраля 1857 г. отвечал Герцену: «Я ему передал твой запрос и получил в ответ следующее: „стиха из „Войнаровского" он не помнит и припомнить не может"» (*Лит Насл*, т. 62, с. 346).

[4] Некрасов жил в Париже вместе с Тургеневым с 25 января по 10 февраля ст. ст. 1857 г. (см.: Ашукин Н. С. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, с. 181—182). О положительном отношении Некрасова к напечатанному в «Полярной звезде» отрывку из «Былого и дум» сообщал Герцену также и Н. А. Мельгунов. «Некрасов и Тургенев,— писал Мельгунов,— *в восторге* от твоих „Записок"» (*Лит Насл*, т. 62, с. 346).

[5] В письме к Тургеневу от 18 февраля (2 марта) 1857 г. Герцен писал: «Очень, очень рад буду познакомиться с Толстым — поклонись ему от меня как от искреннего почитателя его таланта» (*Герцен*, т. 26, с. 77). Поездка Л. Н. Толстого в Лондон к Герцену не состоялась.

[6] В ответ на это Герцен писал: «Ты и Мельгунов — какие-то инквизиторы ⟨...⟩ Ты и он пишете нелепый вопрос: „Ты, верно, слышал о побоище Шевырева...?" Совсем не верно ⟨...⟩ бери перо и пиши» (*Герцен*, т. 26, с. 77). Вслед за этим Тургенев написал Герцену подробное письмо «о побоище Шевырева» (см. письмо 581).

[7] Игра слов, основанная на названии лондонского пригорода, где жил Герцен,— Путней (Putney) — и сравнительной степени от прилагательного «путный».

[8] Тургенев, по-видимому, пародирует широко известное полулегендарное обращение одного из английских генералов в битве при Ватерлоо (18 июня н. ст. 1815 г.) к последнему каре наполеоновской гвардии, которым командовал генерал Камбронн: «Braves français, rendez-vous» («Храбрые французы, сдавайтесь!»),— на что Камбронн, по одним свидетельствам, ответил короткой репликой «Merde!» («Дерьмо!»), а по другим — словами: «La garde meurt, mais ne se rend pas» («Гвардия умирает, но не сдается»). Эпизод этот позднее был воспроизведен в романе В. Гюго «Отверженные» (1862).

579. **Д. Я. Колбасину** (с. 194)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редкой книги, № 264.

Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1894, № 6710, 2(14) ноября.

[1] От 5(17) февраля 1857 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 321).

[2] См. примеч. к письму 575.

[3] «Нахлебник» был напечатан в «Современнике» (1857, № 3) под измененным названием: «Чужой хлеб».

[4] Д. Я. Колбасин к одному из своих писем к Тургеневу приложил письмо к Подлинскому с просьбой отправить его в Константинополь. О судьбе этого письма он спрашивал Тургенева (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 43 об.).

[5] «Родственник» — брат адресата, Е. Я. Колбасин, который взял на себя обязанность посылать Тургеневу периодические «отчеты» о литературно-общественной жизни в России.

[6] Речь идет о повести Е. Я. Колбасина «Академический переулок» (см. письмо 658, примеч. 4).

[7] В письме к Тургеневу от 7(19) февраля 1857 г. Е. Я. Колбасин писал: «Скажу Вам откровенно, что к „Повестям" осталась публика довольно равнодушна и в книжных лавках беспрерывно спрашивают, когда выйдут „Записки охотника"» (*Т и круг Совр*, с. 327).

[8] О свадьбе Феоктисты Петровны (в замужестве Волковой) Д. Я. Колбасин, который был «посаженным отцом», сообщал Тургеневу в письме от 5(17) февраля 1857 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 43 об.).

580. **В. П. Боткину** (с. 195)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60920.

Впервые опубликовано: отрывок — в книге «XXV лет. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», СПб., 1884, с. 500—501; полностью — *Боткин и Т*, с. 114—116.

Стр. 195. настроенность (*нем.*).
Стр. 196. но я умываю руки (*франц.*).

[1] Некрасов уехал из Парижа в Рим 10(22) февраля 1857 г. (см. письмо 578, примеч. 1).

[2] Речь идет о «Поездке в Полесье».

[3] Намерение Тургенева отказаться от литературного творчества не было в достаточной мере серьезным и вызвано, очевидно, сообщением о равнодушии публики к изданию «Повестей», о чем

Е. Я. Колбасин писал Тургеневу 7(19) февраля 1857 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 327; см. также письмо 579). Это место из письма Тургенева Боткин процитировал с тревогой в своем письме к Дружинину (см.: *Письма к Дружинину*, с. 52—53), на что Дружинин отвечал ему успокоительно, ссылаясь на сравнительно оптимистический тон более поздних писем Тургенева к Анненкову и к нему (см.: *Письма к Дружинину*, с. 53, примеч. 10, а также письма 586, 587).

[4] М. Е. Салтыков начал печатать в «Русском вестнике» 1856 г. (№ 8—12; 1857, № 1) «Губернские очерки» под литературным псевдонимом «Н. Щедрин».

[5] Речь идет об обязательстве, принятом Тургеневым, Толстым, Островским и Григоровичем перед редакцией «Современника» с 1857 г. печатать свои произведения исключительно и постоянно в этом журнале.

[6] Это намерение Тургенева, связанное с его интересом к испанскому языку и литературе (см.: Алексеев М. Тургенев и испанские писатели.— Литературный критик, М., 1938 с. 136—141), не было осуществлено.

[7] Статья Боткина о стихотворениях Фета напечатана: *Совр*, 1857, № 1, отд. III, с. 1—42.

[8] Есть основания предполагать, что краткая рецензия на стихотворения Фета, напечатанная анонимно (*Отеч Зап*, 1856, № 5, отд. III, с. 1—4), написана Тургеневым (см.: Батюто А. Неизвестная рецензия И. С. Тургенева.— Вопр. лит. 1957, № 3, с. 195—202).

581. А. И. Герцену (с. 196)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 16—17.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 107—108.

Стр. 197. кстати (*франц.*).

[1] Сведения о «побоище», происшедшем на заседании совета Московского художественного общества 14 января ст. ст. 1857 г., Тургенев получил из писем М. Н. Лонгинова (см.: *Сб ПД 1923*, с. 179, письмо от 20 января ст. ст. 1857 г.) и П. В. Анненкова (см. *Труды ГБЛ*, вып. 3, с. 65, письмо от 25 января ст. ст. 1857 г.). Более подробные сведения об этом событии Тургеневу мог сообщить Л. Т. Толстой, который жил в Москве с 13 по 29 января ст. ст. 1857 г., а в Париже с 9(21) февраля по 27 марта (8 апреля) 1857 г. (см.: Гусев Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. М.: Гослитиздат, 1958, с. 140—143, 144—151). 5 февраля ст. ст. 1857 г., за несколько дней до приезда Л. Н. Толстого в Париж, Д. Я. Колбасин писал Тургеневу: «Толстой Вам расскажет, как это было» (*Т и круг Совр*, с. 321). Описание «побоища» см. также у Н. П. Барсукова (*Барсуков*; *Погодин*, кн. 15, с. 321—330).

[2] Иверская — часовня в Москве, в которой находилась «чудотворная» икона Иверской божией матери. Часовня, снесенная в 1930-х годах, стояла посредине проезда на Красную площадь со стороны Большой Тверской-Ямской улицы (теперь ул. Горького). Тургенев намекает на то, что «под Иверской» всегда собиралось много сомнительного люда — попрошаек, бродяг, пьяниц и т. п.

[3] А. Д. Чертков состоял вице-президентом, а затем президентом Общества истории и древностей российских в Москве.

[4] Статья К. С. Аксакова «Богатыри времен великого князя Владимира, по русским песням» была напечатана: *Рус Беседа*, 1856, № 4.

[5] Лорд адмиралтейства Роберт Пиль присутствовал в Москве на коронации Александра II (1856). Возвратившись в Англию, он произнес несколько речей, направленных против России, вследствие чего вынужден был уйти в отставку, так как премьер-министр лорд Пальмерстон опасался осложнения отношений с Россией (1857).

[6] С. П. Шевырев был женат на «воспитаннице» (побочной дочери) кн. Б. В. Голицына — Софии Борисовне Зеленской.

[7] Намек на побочное происхождение первого графа Бобринского — Алексея Григорьевича, сына Екатерины II от Г. Г. Орлова.

[8] О донесении А. А. Закревского Александру II см.: *Барсуков, Погодин*, кн. 15, с. 322—323.

[9] Мемуары Е. Р. Дашковой, переведенные с английского языка на русский в 1859 г., вышли в Лондоне с предисловием Герцена («Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой»). Предисловие Герцена к изданию — «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова»,— посланное Тургеневу в отрывке на отзыв, было напечатано полностью, в виде статьи, в «Полярной звезде» на 1857 г. (кн. III, Лондон, 1857). Относительно фразы, упоминаемой Тургеневым (см. там же, с. 209; *Герцен*, т. 12, с. 363), Герцен его спрашивал в письме от 2 марта н. ст. 1857 г.: «...ты заметил ли в предисловии ⟨...⟩ характеристику императ⟨орской⟩ власти: „родная мать, палач и сержант...“?» (*Герцен*, т. 26, с. 78).

582. **Я. П. Полонскому** (с. 198)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, собрание ОЛДП, № Q250, л. 4.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 47.

[1] В письме Полонского к Тургеневу от 29 января (10 февраля) 1857 г. из Петербурга (см.: *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 211—212).

[2] И. П. Клюшников жил в это время на хуторе Криничном (деревня Никифоровка) Сумского уезда Харьковской губернии. Письмо Тургенева к Клюшникову неизвестно.

[3] В Лондон Тургенев приехал 12(24) мая 1857 г. и пробыл там до середины июня. Затем возвратился в Париж и жил за границей (в Германии, Италии, Франции, Англии) еще год — до начала июня 1858 г.

[4] М. Л. Михайлов с ноября 1855 по апрель 1857 г. по поручению Морского министерства находился в Оренбургском крае, изучая быт и историю приуральского казачьего и башкирского населения на берегах Урала, Белой, Уфы, Дёмы и других рек (см.: Михайлов М. Л. Уральские очерки. (Из путевых заметок 1856—1857 гг.).— Морской сборник, 1859, № 9, ч. 3, с. 1—29).

583. **В. Н. Кашперову** (с. 198)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 62, л. 3.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1895, № 12, с. 927—928.

[1] Письмо Кашперова к Тургеневу неизвестно.

[2] М. И. Глинка умер в Берлине 3(15) февраля 1857 г. на руках у Кашперова. В мае того же года прах Глинки был перевезен в

Россию и похоронен в Александро-Невской лавре в Петербурге.

[3] Имеется в виду тяжелое нервное расстройство, которым страдал Глинка в последние годы жизни.

[4] В письме от 25 февраля (9 марта) Кашперов отвечал Тургеневу: «Мне здесь не пусто и не скучно,— а потому я спокойно доканчиваю здесь свой теоретический курс и вероятно в июле отправлюсь в Милан на практический» (*Т сб*, вып. 1, с. 388).

[5] П. М. Грибовский уехал из Парижа в Рим, к Некрасову, в феврале 1857 г. (см. письмо Некрасова к Тургеневу от 17 февраля (1 марта) 1857 г.— *Некрасов*, т. 10, с. 321).

[6] Кашперов рассказал о смерти Глинки в письме к Тургеневу от 25 февраля (9 марта) 1857 г. (см. примеч. 4).

[7] О каком романсе Кашперова идет в данном случае речь — неизвестно. В 1856 г. В. Н. Кашперов издал серию своих романсов на слова Кольцова, Лермонтова, Огарева и Тютчева под названием «Романсы и песни» (№ 1—8, ценз. разр. 15 февраля — 11 сентября 1856 г.).

584. **М. Н. Лонгинову** (с. 199)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 23292.

Впервые опубликовано: *Сб ПД 1923*, с. 185—189.

[1] Тургенев не отвечал М. Н. Лонгинову на его письмо: от 20 января (1 февраля) 1857 г. (*Сб ПД 1923*, с. 177—182), к которому было приложено опубликованное в «Московских ведомостях» (1857, № 7, 15 января) второе письмо Тургенева к редактору газеты (№ 564), и от 28 января (9 февраля) 1857 г. (*Сб ПД 1923*, с. 182—184). К последнему письму Лонгинов приложил вырезку из «Московских ведомостей» (1857, № 11, 24 января), содержащую новый ответ М. Н. Каткова. По поводу ответа Каткова Лонгинов писал: «Вчера нечаянно увидел я прилагаемое новое возражение Каткова и высылаю его немедля. Оно касается больше „Современника“, чем тебя, тем более, что К⟨атков⟩ говорит, что „стратагема „Современника“ вызвала его на новое объяснение“. Поэтому я полагаю, что переписка ваша в „Ведомостях“ кончится» (*Сб ПД 1923*, с. 182—183). О полемике с Катковым см. письма 552, 554, 565.

[2] В письме от 20 января (1 февраля) 1857 г. Лонгинов сообщал Тургеневу о защите магистерской диссертации западником Б. Н. Чичериным на тему «Об областных учреждениях в XVI в.» и о разгоревшейся по поводу нее «войне славянофилов с западниками», о содержании последних номеров «Русского вестника» и «Отечественных записок», о встрече с Салтыковым и пр. (см.: *Сб ПД 1923*, с. 177—182).

[3] О «ратоборстве» графа Бобринского с С. П. Шевыревым см. в письме к Герцену (№ 581). «Ратоборство» кончилось тем, что по «высочайшему повелению» Шевыреву предложено было отказаться от звания члена Московского художественного общества, подать прошение об увольнении от должности профессора Университета и выехать из Москвы в Ярославль. «Графу же Бобринскому повелено было оставить столицу и жить безвыездно в своей деревне» (*Барсуков. Погодин*, кн. 15, с. 321—323; см. также письма С. П. Шевырева: *Рус Ст*, 1890. № 9, с. 627—630).

[4] Речь идет об А. Я. Панаевой.

[5] Речь идет о Наполеоне III и его жене императрице Евгении.

585. П. В. Анненкову (с. 201)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив Л. Н. Толстого, Бп 69/5747.

Впервые опубликовано: Наша старина, 1914, № 11, с. 990—992.

Стр. 202. рисейский сыр (*франц.*).
Стр. 202. улица Аркады (*франц.*).
Стр. 202. Кстати (*франц.*).

[1] Дижон — старинный французский город в 315 км к юго-востоку от Парижа, столица Бургундии, до 1477 г. бывший самостоятельным герцогством.

[2] Луи Виардо был уроженцем Дижона и, очевидно, сохранил в этом городе семейные связи.

[3] Под «большой повестью» разумеется рассказ Л. Н. Толстого «Пропащий» («Альберт»), который позднее был опубликован в августовской книжке «Современника» за 1858 г. О пребывании в Дижоне см. записи Толстого в его дневнике от 26, 27, 28 февраля и 1, 2 марта 1857 г. (*Толстой*, т. 47, с. 117).

[4] Речь идет о «Втором дне» рассказа «Поездка в Полесье», обещанного Дружинину для «Библиотеки для чтения».

[5] «L'Etoile du Nord» («Северная звезда») — опера в трех действиях, текст Э. Скриба, музыка Мейербера. Впервые была поставлена в Париже 16 февраля н. ст. 1854 г. Это была новая редакция оперы «Лагерь в Силезии». Мейербер превратил Фридриха II, главного героя первой редакции оперы, в Петра I. Исторические события в опере искажены. Петр, переодетый плотником, встречает в Выборге маркитантку Екатерину, которая проникает в лагерь заговорщиков и спасает жизнь этому плотнику, оказавшемуся русским императором. Расставшись с ним, Екатерина сходит с ума, и разум возвращается к ней лишь после того, как Петр в Петербурге снова одевается плотником. Резко отрицательно отзывался об этой опере А. Н. Серов.

[6] А. А. Горяинов. О каком эпизоде, связанном с ним, говорит Тургенев, установить не удалось.

[7] Речь идет о Париже.

[8] Далее следует приписка Л. Н. Толстого (см.: Наша старина, 1914, № 11, с. 992; *Толстой*, т. 60, с. 114).

586. А. В. Дружинину (с. 202)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 167, оп. 4, № 10, л. 7—8 об.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 48—49.

Стр. 203. это — ясновидение (*франц.*).

[1] Речь идет о «Поездке в Полесье». Приведенные Тургеневым «слова старой песни» представляют собою два стиха из заключительной строфы широко известной плясовой песни «По улице мостовой», впервые напечатанной в сборнике Львова-Прача «Собрание русских народных песен с их голосами», изданном в 1790 г. (под № 37). В ответном письме Дружинин писал: «Повесть Вашу я получил, ее можно печатать смело, да и как могли Вы в том сомневаться? Форма „Записок охотника“ при Вас навсегда, Вы в ней хозяин, и как бы неохотно Вы ни писали в этом роде, все-таки будет очень хорошо» (*Т и круг Совр*, с. 209).

[2] В статье о «Повестях и рассказах» И. С. Тургенева (СПб., 1856) Дружинин писал, что Колосов (в рассказе «Андрей Колосов»), вопреки замыслу автора, который хотел изобразить его как натуру «смелую, ясную, откровенную, глядящую на дело жизни прямо и чистосердечно»,— «есть человек, не носящий в себе спасительных цепей долга, эгоист, глядящий на жизнь несерьезно или вовсе о ней не помышляющий» (*Б-ка Чт*, 1857, № 2, с. 44, 42).

[3] Подавленное душевное состояние Тургенева объясняется, по мнению Л. Н. Толстого, тем, что «бедный Тургенев очень болен и физически и еще серьезнее морально. Несчастная его связь с госпожой В⟨иардо⟩ и его дочь задерживают его в Париже. Климат здешний ему вреден, и он жалок ужасно» (*Толстой*, т. 60, с. 175).

[4] В «Библиотеке для чтения» (1857, № 2) были напечатаны стихотворения В. Д. Ахшарумова «Сон», «Басня», «Ночь», «Сказка для девушек» и стихотворение Н. П. Жандра «Отрывок из романа „Свет“».

[5] Повесть Д. В. Григоровича — «Столичные родственники», статья Е. Я. Колбасина — «Курганов и его „Письмовник“».

[6] От 17 февраля (1 марта) 1857 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 319—321).

[7] Это письмо Некрасова к Дружинину неизвестно.

[8] Л. Н. Толстой в это время работал над рассказом «Пропащий» («Альберт»).

[9] Речь идет о «Воспоминаниях о Гоголе» П. Анненкова (*Б-ка Чт*, 1857, № 2, отд. III—IV, с. 109—148); ср. с письмом 587.

587. П. В. Анненкову (с. 204)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 36—37 об.

Впервые опубликовано: Наша старина, 1914, № 12, с. 1069—1071.

Стр. 204. таким же, как и был (*франц.*; *букв.*: толстый Жан, как и прежде — *поговорка*).
Стр. 205. каракулей (*франц.*; *букв.*: мушиных лапок).
Стр. 206. втроем (*франц.*).
Стр. 206. Прощайте, дражайший (*итал.*).

[1] См. письмо 585.

[2] Имеется в виду первая часть статьи Анненкова «Воспоминания о Гоголе» (см. письмо 586).

[3] Описывая «грациозный древний храмик Дианы» в Италии (на пути из Венеции в Рим), Анненков отмечал: «Нельзя было выбрать лучшего места для жилища чистой богини и мертвая тишина, царствовавшая как в долине, так и вокруг самого храмика,казалась еще остатком благоговейного уважения и *культа* (курсив наш.— *Ред.*), которыми некогда окружали это святилище» (*Б-ка Чт*, 1857, № 2, отд. II, с. 117).

[4] Статья первая о «Повестях и рассказах» И. С. Тургенева, написанная Дружининым (*Б-ка Чт*, 1857, № 2; подпись «Редактор»).

[5] «Поездка в Полесье».

[6] Л. Н. Толстой читал Тургеневу в Дижоне 1(13) марта 1875 г. рассказ «Пропащий» («Альберт») и в своем дневнике в связи с этим отметил, что Тургенев «остался холоден» (*Толстой*, т. 47, с. 117).

[7] Описание Рима — в «Воспоминаниях о Гоголе».

[8] Письмо Некрасова к Тургеневу от 17 февраля (1 марта) 1857 г. В письме нет выражения «голубчик», но есть обращение, еще более выразительное: «Милый Тургенев, право я тебя очень люблю — в счастливые мои минуты особенно убеждаюсь в этом» (*Некрасов*, т. 10, с. 320).

[9] Письма Станкевича вошли в книгу Анненкова «Н. В. Станкевич. Переписка его и биография» (М., 1857; ценз. разр. 7 декабря).

[10] Слухи о том, что Дружинин, Боткин и Григорович едут за границу, дошли также до Некрасова, который запрашивал об этом первого из них в письме от 2(14) марта 1857 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 324). Поездка состоялась, но без участия Григоровича.

[11] Речь идет, вероятно, о письме Тургенева к Боткину от 17 февраля (1 марта) 1857 г. (№ 580).

[12] О. А. Тургенева в 1859 г. вышла замуж за С. Н. Сомова.

588. **И. Ф. Миницкому** (с. 206)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека, № 121298, л. 9—10.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1909, № 8, с. 636—637.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Тургенев, очевидно, намекает на свои отношения с П. Виардо.

[3] Этого намерения, вызванного болезнью и тяжелыми личными переживаниями зимой 1856/57 г., Тургенев не думал серьезно выполнять и вернулся в Париж, после поездок в Лондон и в Германию, в августе того же года.

[4] План поездки в Одессу никогда не был осуществлен, несмотря на то, что неоднократно эта мысль высказывалась Тургеневым и раньше (см.: *Т, ПСС и П, Письма*, т. I, № 61; т. II, № 283, 315, 323).

[5] Колбасин, ставший «литератором»,— Елисей Яковлевич, печатавший свои произведения в «Современнике», «Отечественных записках», «Библиотеке для чтения»; «всесветный издатель» — Дмитрий Яковлевич Колбасин (см. письма 536, 546; см. также письмо-инструкцию Н. А. Некрасова (без даты).— Архив села Карабихи. М., 1916, с. 276—277).

[6] Весь 1857 г. Тургенев провел за границей.

589. **И. И. Панаеву** (с. 207)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 28.

Впервые опубликовано: *Панаев, 1888*, т. 6, с. 407 — в таком же неполном виде.

[1] Этим письмом Тургенев отвечает на письмо Панаева от 24 января ст. ст. 1857 г. (*Т и круг Совр*, с. 75—78).

[2] Это письмо К. И. Вульфа к Тургеневу неизвестно.

[3] Речь идет о комедии Тургенева «Нахлебник», разрешенной к печати (*Совр*, 1857, № 3) под названием «Чужой хлеб».

[4] Панаев в указанном выше письме, упрекая Тургенева за неисполнение обязательств перед редакцией «Современника», писал ему о том, что «в первом году и надо было показать, что это „обязательное соглашение“ не пуф ⟨. . .⟩ а то публика к концу года может посмеяться над этим соглашением» (*Т и круг Совр*, с. 75—76).

[5] Панаев в том же письме сообщил о пари, которое предложил Боткин, прося написать об этом Тургеневу: Боткин утверждал, что Тургенев и не начинал статью «Гамлет и Дон-Кихот» (*Т и круг Совр*, с. 78). Ср. письмо 571, примеч. 1.

[6] См. оценку Тургеневым № 2 «Библиотеки для чтения» в письме 587. В № 2 «Современника» критика и библиография были представлены слабо, но в этой книжке были напечатаны очерки Л. Н. Толстого «Охота на Кавказе», высоко оцененные самим Тургеневым, стихотворения Фета и Полонского, пьеса Островского «Праздничный сон — до обеда», «Письма об Испании» Боткина и т. д. В отношении Тургенева к «Современнику всё отчетливее начинает проявляться отчуждение, приведшее через некоторое время к разрыву.

[7] Очевидно, речь идет о повести Л. Н. Толстого «Альберт» (см. письмо 587, примеч. 6).

590. **И. А. Гончарову** (с. 208)

Печатается по копии Гончарова в черновой рукописи «Необыкновенной истории»: *ГПБ*, ф. 209 (И. А. Гончарова), № 5, л. 100.

Впервые опубликовано: *Сб РПБ*, 1924, т. 2, вып. 1, с. 155.

Текст представляет собою отрывок из письма, подлинник которого неизвестен.

В рукописи И. А. Гончаров ошибочно поставил 1856 г.; в первой публикации год опущен.

[1] Тургенев имеет в виду свои письма к И. А. Гончарову (см. письма 504, 544).

[2] О своей болезни, тяжелом настроении и невозможности работать Тургенев писал во всех письмах зимы и весны 1857 г.

591. **Е. Я. Колбасину** (с. 208)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, № 73.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 50—51.

[1] На письмо от 7(19) февраля 1857 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 322—327).

[2] Тургенев приехал в Лондон только 12(24) мая 1857 г.

[3] Этот отзыв Тургенева характерен только для его восприятия начального периода литературной деятельности М. Е. Салтыкова в 1856—1857 гг. Впоследствии он высоко оценил творчество русского сатирика и пропагандировал его произведения за границей (см.: наст. изд., Сочинения, т. 10, с. 262—265 и 544—546).

[4] В письме от 6(18) марта 1857 г. (№ 589).

[5] Статья Е. Я. Колбасина «Курганов и его „Письмовник“» напечатана: *Б-ка Чт*, 1857, № 1. Мнение Тургенева о ней Е. Я. Колбасин спрашивал еще в своем письме от 15(27) января 1857 г. (см. *Т и круг Совр*, с. 318).

[6] Очевидно, письмо от 17 февраля (1 марта) 1857 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 319—321).

[7] В письме от 7(19) февраля 1857 г. Е. Я. Колбасин просил Тургенева узнать у Некрасова, получил ли он его письмо, адресованное в Рим (см.: *Т и круг Совр*, с. 327). Это письмо в печати неизвестно.

[8] «Неприятность», случившаяся с «Русским вестником», заключалась в том, что редакция его получила строгий выговор от

министра народного просвещения за опубликование в журнале (1857, № 1) статьи «Пугачевщина. (Из записок Дмитрия Борисовича Мертваго)» (см.: *Никитенко*, т. 1, с. 457).

592. **П. В. Анненкову** (с. 209)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 38—39.

Впервые опубликовано: Наша старина, 1914, № 12, с. 1071—1073.

Стр. 209. Кстати о (*франц.*).

Стр. 211. что я не знаю, как к нему подойти (*франц. Буквально*: как его взять).

[1] Тургенев имеет в виду письмо к нему Анненкова от 28 февраля ст. ст. 1857 г., в котором тот сообщал свое мнение о лирическом монологе в «Первом дне» «Поездки в Полесье» (см.: *Труды ГБЛ*, вып. 3, с. 66).

[2] В том же письме Анненков писал об И. И. Панаеве: «Сердце захватывает при мысли, что у него есть признаки рака на губе» (там же, с. 66).

[3] Прозаический пересказ двух последних стихов из строфы XXXVIII главы второй «Евгения Онегина»:

И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас!

[4] Тургенев перефразирует стихи А. Ф. Мерзлякова:

Среди долины ровныя
На гладкой высоте
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

[5] Анненков в указанном выше письме спрашивал у Тургенева его мнение по поводу «статей о Гоголе и Станкевиче»: «А, признаюсь, впечатление этого прищуренного глазочка, которым вы читаете книжки,— весьма бы любопытно знать» (там же, с. 66).

[6] В письме 587.

[7] Речь идет о статье Анненкова «Н. В. Станкевич. Биографический очерк», начало которой было напечатано: *Рус Вестн*, 1857, № 2.

[8] В первой, январской книжке «Русского вестника» за 1857 г. продолжалось печатанье «Губернских очерков» Н. Щедрина. Столь же резкие отзывы Тургенева об этом произведении см. в письмах 580 и 591.

[9] «Старая барыня» Писемского была опубликована: *Б-ка Чт*, 1857, № 2. Очень высоко оценил этот рассказ и Чернышевский (см.: *Чернышевский*, т. 4, с. 722).

[10] «Третий день» «Поездки в Полесье» не был написан.

[11] О сеансе Юма в доме Трубецких, где Юм «и сделал и не сделал», пишет Л. Н. Толстой в дневнике от 4(16) марта 1857 г. (см.: *Толстой*, т. 47, с. 118).

[12] См.: письмо 595.

593. **Ксавье Мармье** (с. 211 и 370)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании М. Партюрье (*Париж*).

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 198.

Год написания определяется по указанному в письме адресу и по содержанию письма, по которому устанавливается и адресат.

[1] Переводы произведений Тургенева были изданы Тамплие в 1858 г. в двух томах под общим названием «Scènes de la vie russe» («Сцены из русской жизни»). Первый из них составили переводы Ксавье Мармье; второй — переводы Луп Виардо, выполненные им в сотрудничестве с Тургеневым (подробнее см.: письмо № 644, примеч. 2—4).

594. **В. Н. Кашперову** (с. 212)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 62, л. 4—5.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1895, № 12, с. 928—929, с цензурными пропусками фразы, начинающейся словами «Беда в том», и определения «высочайшей» к слову «протекции».

[1] Письмо В. Н. Кашперова к Тургеневу от 25 февраля (9 марта) 1857 г. с описанием смерти М. И. Глинки опубликовано Т. П. Головановой: *Т сб*, вып. 1, с. 388—391.

[2] Это суждение Тургенева о Глинке основано на содержащихся в письме Кашперова сведениях о последних днях жизни и о смерти композитора. Характеристика нравственного состояния Глинки, которую дает Кашперов, не вполне объективна. Как и многие современники, сталкивавшиеся с композитором в последний период его жизни, Кашперов не сумел разобраться во взглядах Глинки, учесть его болезненное состояние, отделить существенное от несущественного (ср. воспоминание Н. А. Мельгунова о последних минутах Глинки: *Лит Насл*, т. 62, с. 346). Тургенев встретился с Глинкой в Берлине незадолго до его смерти, когда композитор находился уже в беспомощном и крайне нервозном состоянии (К а ш п е р о в В. Воспоминание о М. И. Глинке.— *Рус Арх*, 1869, № 7—8, стлб. 1141—1143).

[3] Кашперов в письме от 25 февраля (9 марта) 1857 г. просил Тургенева «снабдить его» книгой Б. Н. Чичерина «О частном праве» и «Рассказами Щедрина» (т. е. «Губернскими очерками»).

[4] «Губернские очерки» Щедрина были выпущены отдельным изданием в трех томах в 1857 г. (ценз. разр. 11 января 1857 г.).

[5] Шутка Тургенева о «первоапрельском» обмане основана на том, что Н. А. Мельгунов, оказавшийся без средств, взял в долг у П. М. Грибовского 320 талеров с обязательством вернуть эту сумму в феврале. Долг был возвращен в мае 1857 г. (см.: *Лит Насл*, т. 62, с. 345 и 360).

[6] Тургенев заехал в Берлин в середине июня ст. ст. по пути из Парижа в Зинциг. Сведений о его встрече с Кашперовым в это время не имеется.

595. **Е. Е. Ламберт** (с. 213)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 30.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1914, № 10, с. 197—199. Перепечатано: *Письма к Ламберт*, с. 10—12.

[1] Письмо, о котором говорит Тургенев, было им написано 20 июля (1 августа) 1856 г. (см. № 519).

[2] Тургенев имеет в виду «Повести и рассказы» в трех частях, вышедшие в свет 3(15) ноября 1856 г.

[3] О книге Де Жерандо см. письмо к Е. Е. Ламберт от 9(21) мая 1856 г. (№ 487).

[4] Сын Е. Е. Ламберт — Яков Иосифович.

596. **И. П. Клюшникову** (с. 215)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 295.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 199.

[1] Сведения о Клюшникове Тургенев получил от Я. П. Полонского, знавшего Клюшникова с конца 1830-х годов (см. письма 560, 582).

[2] Ответ Клюшникова и дальнейшая переписка с ним Тургенева неизвестны. Вероятнее всего, письмо Клюшникова (если оно было) не застало Тургенева в Лондоне, где писатель пробыл с 12(24) мая до середины июня ст. ст., и публикуемое письмо осталось единственным (внучка Клюшникова, А. Н. Кассандрова, сохранившая его, других писем не имела).

[3] Тургенев вспоминает 1829—1830 гг.— время, когда Клюшников преподавал ему и его брату. «Из прежних учителей своих И. С. с благодарностью вспоминает ⟨. . .⟩ об И. П. Клюшникове, довольно известном тогдашнем литераторе, подписывавшем свои стихи буквою Θ» (Автобиография 1875 г.: наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 203). Первое произведение, доставившее известность Гоголю,— «Вечера на хуторе близ Диканьки» (книга первая),— вышло в сентябре 1831 г.; Луи-Филипп воцарился во Франции 9 августа 1830 г., в результате поражения Июльской революции; первая напечатанная В. Г. Белинским рецензия — «О Борисе Годунове, сочинении А. Пушкина. Разговор» (Листок, 1831) — прошла незамеченной, затем до 1834 г., когда появились «Литературные мечтания», он ничего не печатал; написанная в 1830—1831 гг. драма «Дмитрий Калинин» не могла быть известна Тургеневу; Г.-В. Ф. Гегель умер 14 ноября 1831 г.

[4] Зимою 1856/57 г. Тургенев, живя в Париже, пережил период тяжелой депрессии, отразившейся в ряде писем этого времени.

597. **В. П. Боткину и А. В. Дружинину** (с. 216)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60921.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 116—117.

[1] Письмо А. В. Дружинина к Тургеневу от 13(25) марта 1857 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 209—210).

[2] Намек на Герцена и Огарева, свидание с которыми составляло главную цель поездки Тургенева в Лондон в середине мая ст. ст. 1857 г. Л. Н. Толстой в Лондон в это время не приезжал. Его встреча с В. П. Боткиным и А. В. Дружининым состоялась в Турине 3(15) июня того же года.

[3] Манчестерская художественная выставка была выдающимся культурно-общественным явлением. На ней было собрано «всё,

что только есть замечательного по части искусств в общественных и частных галереях Англии, Шотландии и Ирландии» (*Совр*, 1857, № 8, отд. XIII, с. 316). На выставке было представлено более тысячи картин старинных мастеров и около семисот произведений новейшей живописи.

598. Н. А. Мельгунову (с. 217)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 68.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. III, с. 115.
Датируется на основании дневниковой записи Л. Н. Толстого, из которой следует, что его брат С. Н. Толстой и Д. А. Оболенский 20 марта (1 апреля) 1857 г. уехали из Парижа (см.: *Толстой*, т. 47, с. 120).

[1] Дмитрий Александрович Оболенский.
[2] Сергей Николаевич Толстой.
[3] Николай Иванович Трубецкой.
[4] Льва Николаевича Толстого.
[5] Речь идет о семье Георгия Владимировича Львова.

599. И. И. Панаеву (с. 217)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 29—30.
Впервые опубликовано: *Панаев*, *1888*, т. 6, с. 407—408.

[1] Письмо Панаева к Тургеневу от 16(28) марта 1857 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 84—86).

[2] В предыдущем письме (№ 589) Тургенев просил Панаева выслать ему напечатанную в № 3 «Современника» комедию «Чужой хлеб» (т. е. «Нахлебник»).

[3] Денежное условие, установленное «обязательным соглашением» между редакцией «Современника» и его четырьмя главными сотрудниками, состояло в том, что полистный гонорар определялся лишь в 75 руб., но зато они участвовали в ежегодных дивидендах по журналу (см.: *Т и круг Совр*, с. 88).

[4] В указанном выше письме Панаев просил Тургенева кланяться Л. Н. Толстому и сказать, что он с нетерпением ждет его рассказа («Альберт») к 4-й или 5-й книжке «Современника». Однако Толстой только 26 ноября 1857 г. послал рукопись «Альберта» (под названием «Погибший») Некрасову. 16 декабря Некрасов вернул Толстому уже набранный рассказ (в письме к Толстому от 17(29) января 1858 г. Тургенев выражает недоумение по этому поводу — см. письмо 666). В переработанном виде рассказ был напечатан: *Совр*, 1858, № 8.

[5] Статья «Гамлет и Дон-Кихот» была закончена только в конце 1859 г. и помещена: *Совр*, 1860, № 1.

[6] Тургенев пробыл в Лондоне около месяца — с 12(24) мая до середины июня ст. ст. 1857 г. Сведений о литературной работе его за это время нет.

[7] В письме от 16(28) марта 1857 г. Панаев сообщал Тургеневу, что почти здоров и долечивается от болезни, которая было «превратила его в скелет» (*Т и круг Совр*, с. 84—86).

[8] Некрасов с А. Я. Панаевой был в это время в Италии, жил в Риме, выехал на три недели в Неаполь и 25 марта (7 апреля) возвратился в Рим. См. его письмо к Тургеневу от 26 марта (7 апреля) 1857 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 326—328), написанное, как видно, в тот же день, когда Тургенев писал Панаеву.

600. П. В. Анненкову (с. 218)

Печатается по тексту первой публикации: Наша старина, 1914, № 12, с. 1073—1074.

Подлинник неизвестен.

Стр. 219. Довольно об этом! (*итал.*).
Стр. 220. в увеличенном виде (*франц.*).
Стр. 220. прощайте (*итал.*).

[1] Л. Н. Толстой выехал из Парижа в Женеву 28 марта (9 апреля) 1857 г. (см.: *Толстой*, т. 47, с. 122).

[2] Это письмо Толстого к Тургеневу неизвестно.

[3] Речь идет о комедии А. Н. Островского «Доходное место», напечатанной в первой книге «Русской беседы» (1857). Высокая оценка пьесы содержится в его письме к Тургеневу от 14(26) марта 1857 г. (*Труды ГБЛ*, вып. 3, с. 68).

[4] Речь идет, вероятно, о семействе кн. Н. И. Трубецкого или о семействе Львовых.

[5] Впоследствии Тургенев высоко ценил творчество Островского (впрочем, находя его неровным и критикуя некоторые пьесы); он много содействовал переводу на французский язык произведений русского драматурга.

[6] См. письмо 566, примеч. 11.

[7] Тургенев имеет в виду, вероятно, следующую фразу из второй статьи Анненкова об Н. В. Станкевиче («Период службы и жизни Станкевича до отправления за границу с 1834—1837»): «Теперь порывы к какому-то необъятно полному существованию улеглись; душевные стремления и фантазии обрели, вместе с высоким понятием о действительности, свои границы и, в этих границах, разумность и положительные цели» (*Рус Вестн*, 1857, № 2, кн. 2, с. 728).

[8] Речь идет о письмах Н. В. Станкевича, вошедших позднее в отдельное издание статьи Анненкова о нем.

[9] Письмо от 26 марта (7 апреля) 1857 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 326—328).

[10] Некрасов приехал в Париж в конце апреля — начале мая 1857 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 332—334).

[11] Вероятно, имеется в виду Александр Дюма-сын.

[12] Дружинин был известен как автор эротических поэм, стихотворений, рассказов, ходивших в дружеском литературном кругу под общим названием «чернокнижия».

[13] «Фиаммина» («Fiammina») — драма Марио Юшара, поставленная на сцене одного из парижских театров в марте 1857 г., где она имела блестящий успех.

[14] «Question d'Argent» («Денежный вопрос») — комедия в пяти действиях Дюма-сына, впервые поставленная в Париже 31 января 1857 г.

[15] Письмо 595.

601. Д. Я. и Е. Я. Колбасиным (с. 220)

Печатается по тексту первой публикации: Н Вр 1894, № 6710, 2(14) ноября.

Подлинник неизвестен.

[1] Письмо Е. Я. Колбасина от 6(18) апреля 1857 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 330—333).

[2] Это письмо неизвестно.

[3] О комедии А. Н. Островского «Доходное место» (отзыв П. В. Анненкова и мнение Тургенева) см. в письме к Анненкову от 3(15) апреля 1857 г. (№ 600). Свое мнение о «Доходном месте» Л. Н. Толстой, очевидно, сообщил Тургеневу в устных беседах. Его восторженный отзыв об этой комедии см. в письмах к В. П. Боткину от 29 января (10 февраля) 1857 г. и к А. Н. Островскому от того же числа (*Толстой*, т. 60, с. 156, 158).

[4] «Старая барыня» — повесть А. Ф. Писемского (см. письмо 592, примеч. 9).

[5] Е. Я. Колбасин писал о А. Ф. Писемском: «Представьте себе, какая у него уловка: в присутствии своей жены он боится пить и обыкновенно говорит: „Выйди, душенька, я хочу сказать неприличное слово". Жена выйдет, и он поспешно выпьет рюмку водки» (*Т и круг Совр*, с. 332—333).

[6] Речь идет о статье Е. Я. Колбасина «Заметки о современной французской литературе», напечатанной без подписи: *Б-ка Чт*, 1857, № 4 (см.: *Т и круг Совр*, с. 331).

602. **И. И. Панаеву** (с. 221)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 32.

Впервые опубликовано: *Панаев, 1888*, т. 6, с. 408, в том же неполном виде.

[1] См. письмо к Панаеву из Зинцига от 4(16) июля (№ 612).

[2] В Зинциге Тургенев начал работать над повестью «Ася», которую закончил и отослал в «Современник», однако, лишь 30 ноября (12 декабря) 1857 г.

[3] 28 июня (10 июля) Панаев писал Боткину: «От Тургенева получил я ⟨. . .⟩ не статью, а картинку Грёза — прелестнейшую головку» (*Т и круг Совр*, с. 425). См. письмо 612, примеч. 3.

[4] 16(29) октября 1857 г. Панаев, сообщая Боткину о своей новой квартире на углу Бассейной и Литейной, писал: «Тургеневский Грёз висит у меня в гостиной и сохранится ему в целости» (*Т и круг Совр*, с. 430).

[5] Некрасов 7(19) мая сообщал Панаеву: «...лечит меня теперь доктор Райе, весьма умный и знаменитый» (*Некрасов*, т. 10, с. 337; см. также в его письме к Тургеневу от 19(31) мая: там же, с. 339).

[6] Некрасов приехал в Лондон 3(15) июня. Главной причиной его приезда было желание встретиться с Герценом. Но Герцен передал через Тургенева отказ принять Некрасова и расписку на 1000 р.,— сумму, которой он снабдил Некрасова в 1846 г. на основании «Современника». 28 июня (10 июля) Герцен писал Некрасову, что не принял его, считая причастным к так называемому «огаревскому делу» (см.: Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. Дело Огаревой—Панаевой. По архивным материалам (ч. 1 и 2). М.; Л.: Academia, 1933). По свидетельству Н. А. Огаревой (Тучковой), в продолжение трех дней Тургенев уговаривал Герцена увидеться с Некрасовым, но принужден был увезти последнего, так и не добившись свидания (*Тучкова-Огарева*, с. 288—289. *Некрасов*, т. 10, с. 340—341, 342, 347—349, 350, 351, 352). В середине (не позднее 15) июня Тургенев вместе с Некрасовым вернулись в Париж, а затем Тургенев проводил Некрасова и А. Я. Панаеву до Берлина (см. письмо 609, примеч. 4).

603. Полине Виардо (с. 222 и 370)

Публикуется по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 73—75.

[1] Тургенев приехал в Лондон 12(24) мая 1857 г.

[2] Тургенев имеет в виду «Былое и думы».

[3] Мануэль Гарсиа — брат Полины Виардо.

[4] Адажио из сонаты Бетховена (ор. 109, № 30, E-dur). Адажио из этой сонаты, показавшееся Тургеневу несколько бесформенным,— первая часть произведения, написанного в 1820 г., т. е. в последний период творчества композитора, и вызвавшего противоречивую оценку критиков.

[5] Тургенев имеет в виду работу над переводами своих произведений для книги «Scènes de la vie russe, par I. Tourguéneff. Deuxième série, traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot». Paris, 1858. В этот сборник вошло шесть повестей, созданных в 1850-е годы, среди них — «Постоялый двор».

[6] Мюллеру-Штрюбингу Герцен посвятил несколько страниц в VII главе «Былого и дум» (*Герцен*, т. 11, с. 168—177).

[7] По-видимому, речь идет о трагедии Мюллера-Штрюбинга «Эрик». В «Былом и думах» Герцен иронически писал об авторе, «двадцать шестой год дописывающем трагедию „Эрик" 〈. . .〉» (*Герцен*, т. 11, с. 184).

[8] Дерби — ежегодные скачки в Эпсоме, близ Лондона. Тургенев присутствовал на скачках с сыном Герцена Александром. «Дети в восхищенье,— писал А. И. Герцен М. Ф. Корш 15(27) мая 1857 г.— Кроме Саши, он на скачках в Epsom, и Тургенев там же» (*Герцен*, т. 30, кн. 2, с. 580).

[9] Это письмо Тургенева неизвестно.

604. Полине Тургеневой (с. 223 и 372)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 10.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 20—21. Перепечатано: *Séménoff*, p. 39—40.

[1] Весной 1857 г. между Тургеневым и П. Виардо был период отдаления, когда их переписка прерывалась (см.: *Séménoff*, p. 42—62).

[2] Имеется в виду, вероятно, прежде всего посещение Тургеневым промышленной и художественной выставки в Манчестере, а также встречи с английскими писателями и общественными деятелями.

605. Р. М. Милнсу (с. 224 и 372)

Печатается по подлиннику: Тринити Колледж (Кембридж).

Впервые опубликовано: *New Z Sl J*, 1975, № 2, p. 66.

Датируется 1857 г. на основании того, что 5 июня н. ст. приходится на пятницу в этом году, а также по связи с письмами 603, 607 и др.

[1] Эта записка является ответом на не дошедшее до нас письмо Милнса. Как предполагает П. Уоддингтон, Тургенев и Милнс должны были, по-видимому, накануне, 4 июня, встретиться для осмотра здания Парламента (об отношениях Тургенева и Р. Милнса см. в публикации П. Уоддингтона — *New Z Sl J*, 1975, № 2, p. 61—76).

[2] Тургенев провел субботу и воскресенье (6—7 июня н. ст.) в загородном поместье Эмбли Парк, в Гэмпшире, по приглашению У. Э. Найтингейла (см. письмо 607).

[3] Тургенев посетил Палату общин в понедельник 8 июня 1857 г. Впечатления от этого посещения изложены им в письме к П. Виардо от 10 июня н. ст. 1857 г. (№ 607).

606. **Полине Виардо** (с. 224 и 372)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 82—84.

[1] Из пяти писем, посланных Тургеневым из Лондона, известно три: № 1 — от 14(26) мая 1857 г. (письмо 603), № 4 (письмо 606) и № 5 (письмо 607).

[2] «Дочь скупого» — комедия-водевиль в 2-х актах Ж.-Ф. Байяра и П. Дюпора (1835) по роману Бальзака «Евгения Гранде».

[3] Ф. Робсон особенно отличался в гротесковых ролях, в фарсах, был мастером пародий и певцом. Упоминаемая Тургеневым роль — это Беггс в фарсе Генри Мейхью (H. Mayhew) «The Wandering Minstrels» («Бродячие менестрели»), поставленном впервые в Лондоне в 1834 г.

[4] Тургенев познакомился с Т. Карлейлем, возможно, при посредстве Герцена, в этот свой приезд в Лондон.

[5] Аналогичный обмен мнениями произошел между Карлейлем и Герценом. В письме к Герцену от 13 апреля 1855 г. Карлейль писал, что предпочитает «самый царизм и великий тюркизм — чистой анархии», и выражал надежду, что Россия «имеет талант, в котором она первенствует и который даст ей мощь 〈. . .〉 *талант повиновения...*» (см.: *Герцен*, т. 11, с. 537). Герцен в ответном письме резко отверг доводы Карлейля в пользу монархии и «повиновения»: «Талант повиновения в согласии с нашей совестью — добродетель. Но талант борьбы, когда нас заставляют повиноваться против нашего убеждения,— тоже добродетель» (там же, т. 25, с. 256—257).

[6] Имеется в виду Джейн Карлейль, рожденная Уэлш, автор воспоминаний.

[7] Речь идет о Гарриет Грот, рожденной Левин, авторе биографии Дж. Грота («The personal life of George Grote». London, 1873). Личность корреспондента «Times», о котором идет речь, до сих пор не установлена. По сведениям А. Звигильского, полученным им от В. Ф. Спенсера, профессора истории в университете Джорджии США, им мог быть сам Дж. Грот или историк Джордж Кинглейк (см.: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 84).

[8] «Былое и думы». Герцен мог читать Тургеневу еще неопубликованные главы четвертой и пятой частей.

[9] Концерт Баха для двух фортепьяно — один из трех, сочиненных им для данного состава. Скорее всего это наиболее популярный концерт C-dur, написанный между 1727 и 1730 гг. Сочинен он был для клавесина, так как Бах считал несовершенный в ту пору механизм для фортепьяно грубым. Но исполняли этот концерт Рубинштейн и Клиндвордт на двух роялях. Упоминаемый здесь Октет Рубинштейна (ор. 9, g-moll) — одно из ранних произведений композитора.

[10] Полина Виардо была тогда на 7 месяце беременности.

607. Полине Виардо (с. 226 и 374)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 85—87.

[1] Упоминаемое Тургеневым письмо П. Виардо неизвестно.

[2] Из пяти пронумерованных писем Тургенева из Лондона сохранились только № 1, 4 и 5.

[3] Эмбли-Парк — владения, расположенные в графстве Гэмпшир близ Солсбери.

[4] Возможно, Тургенев хотел познакомиться с Флоренс Найтингейл, первой сестрой милосердия, основавшей в Париже школу медицинских сестер. Деятельность Ф. Найтингейл во время Крымской войны привлекла к себе общественное внимание.

[5] Полковник Родон Кроули — персонаж романа Теккерея «Ярмарка тщеславия» (1847). Тургенев познакомился с Теккереем в этот свой приезд в Лондон.

[6] *Обычно полагают* ∽ *ни даже великим.*— Сходные мысли содержатся в статье Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», над которой писатель работал в это время. Отмечая комическую сторону образа Дон-Кихота, Тургенев одновременно утверждал «великое значение этого лица» (наст. изд., Сочинения, т. 5, с. 347): «... нам кажется,— писал Тургенев— что главное дело в искренности и силе самого убежденья...» (там же, с. 336).

[7] Как предполагает П. Уоддингтон, Тургенев был записан в клуб «Атенеум» при содействии Р. Милнса, который был членом этого клуба (см.: *New Z Sl J*, 1975, № 2, p. 69).

608. Р. М. Милнсу (с. 228 и 376)

Печатается по подлиннику: Тринити Колледж (Кембридж).

Впервые опубликовано: *New Z Sl J*, 1975, № 2, p. 69.

Датируется 1857 г., так как в этом году Тургенев посетил Манчестер.

[1] Записка неизвестна. Тургенев ездил в Манчестер на художественную выставку (см. письма 597, 610).

[2] Это письмо неизвестно.

609. А. А. Трубецкой (с. 229 и 376)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 321—323.

[1] Почти такой же рисунок содержится в письме к П. В. Анненкову от 27 июня (9 июля) 1857 г. (см. письмо № 610).

[2] В Зинциге Тургенев начал работать над повестью «Ася», о чем свидетельствует запись в черновом автографе: «Ася. Рассказ. Начат в Зинциге на берегу Рейна 30-го июня/12 июля 1857 в воскресенье ...» (см.: наст. изд., Сочинения, т. 5, с. 438).

[3] Некрасов уехал лечиться за границу 11 августа 1856 г. Он побывал в Италии, Англии, Франции. Между 15 и 20 июня ст. ст. Некрасов и А. Я. Панаева в сопровождении Тургенева выехали из Парижа в Берлин.

[4] Имеется в виду А. Я. Панаева, сопровождавшая Некрасова. «Не очень-то хотелось мне ехать в Париж, но нельзя было оставить

больного человека без знания языка, и я скрепя сердце поехала» (Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1972, с. 234). Отношения Панаевой и Тургенева были недружелюбными, о чем свидетельствуют многочисленные высказывания их друг о друге в переписке, а также в мемуарах современников. Не очень лестный портрет Тургенева дала Панаева в своих «Воспоминаниях».

[5] Митридат — правитель Понта с 123 по 63 г. до н. э. Постоянно окруженный придворными заговорами и интригами, он, по преданию, настолько изучил действие ядовитых растений и привык к ним, что не боялся даже самых сильных ядов.

[6] Имеется в виду князь Н. И. Трубецкой, муж А. А. Трубецкой.

[7] Трубецкие жили в Париже на ул. Клиши, д. 49.

[8] Замок Бельфонтен — имение Трубецких близ Фонтенбло.

[9] Имеется в виду княжна Е. Н. Трубецкая, которой Тургенев симпатизировал.

[10] Тургенев имеет в виду ту часть письма, которая посвящена отношениям Некрасова и Панаевой.

[11] Возможно, перефразировка слов одного из героев повести Ф.-Р. Шатобриана «Рене» Шактаса: «Il n'y a pas de bonheur que dans les voies communes» («Счастье возможно лишь на проторенных путях») (Chateaubriand F. R. René. Paris, 1907, p. 174). Эта же фраза в несколько видоизмененном виде содержится в письме Пушкина к Н. И. Кривцову от 10 февраля 1831 г. (*Пушкин*, т. 14, с. 151).

610. П. В. Анненкову (с. 230)

Печатается по тексту первой публикации: Наша старина, 1915, № 1, с. 77—78.

Подлинник неизвестен.

[1] Это — ошибка Тургенева, так как четверг в 1857 г. приходился на 9, а не на 7 июля н. ст. Кроме того, в письме к П. Тургеневой, датированном 9 июля н. ст. 1857 г. и написанном, очевидно, в тот же день, что и настоящее письмо, Тургенев также указывает, что он «уже шесть дней» в Зинциге (см. письмо 611).

[2] Об этом городе и пребывании в нем Тургенева см.: Дорнахер К. Тургенев в Зинциге.— В сб.: И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1982, с. 95—98.

[3] Сабуров и его сестра в некоторой степени послужили Тургеневу прототипами Гагина и Аси в повести «Ася», работу над которой писатель начал в Зинциге 30 июня (12 июля) 1857 г. (см.: *Mazon*, p. 58).

[4] См. о них в статье: Партридж М. Новые материалы для изучения круга английских друзей Тургенева.— Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976, с. 443—446.

[5] Тургенев посетил художественную выставку в Манчестере.

[6] Тургенев, Некрасов и А. Я. Панаева приехали из Лондона в Париж не позднее 15(27) июня 1857 г., так как «27 июня» помечено письмо Некрасова к Герцену из Парижа (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 342). Ср. письмо 602, примеч. 6.

[7] Некрасов и А. Я. Панаева, выехав вместе с Тургеневым из Парижа между 15 и 20 июня ст. ст., приехали в Россию (на дачу близ Петергофа) 28 июня (10 июля) 1857 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 343).

[8] Л. Н. Толстой приехал в Женеву 28 марта (9 апреля) 1857 г. и 9(21) апреля того же года переехал в Кларан (Clarens), поселив-

шись в пансионе сначала Perret (Перре), а потом Кетерера (см.: *Толстой*, т. 47, с. 122, 124, 445).

[9] Письма Толстого к Тургеневу из Кларана и Тургенева к Толстому из Зинцига, о которых идет речь, неизвестны.

[10] Братья Василий и Владимир Петровичи Боткины, а также Дружинин, в апреле 1857 г. выехавшие из Москвы за границу, 3(15) июня в Турине (Северная Италия) встретились с Толстым, отправились с ним в Кларан и затем совершили совместное путешествие по Швейцарии, посетив Лозанну и Женеву (см.: *Толстой*, т. 47, с. 237).

[11] Ковалевский — Егор Петрович. Plombières (Пломбьер) — курорт в Вогезских горах (Франция).

[12] «Знакомые наши» — А. И. Герцен и Н. П. Огарев, фамилии которых, как политических изгнанников, не могли быть названы в письме, адресованном в Россию.

611. Полине Тургеневой (с. 232 и 377)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, он. 1, № 44, л. 11—12.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 21—22. Перепечатано: *Séménoff*, p. 40—41.

[1] 30 июня (12 июля) Тургенев начал писать повесть «Ася», действие которой происходит в городке «В», т. е. в том же Зинциге, описанном очень детально и точно.

[2] П. Виардо ожидала в это время рождения ребенка — сына Поля (см. письма 616, 617).

[3] Это письмо неизвестно.

612. И. И. Панаеву (с. 233)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 34—35.

Впервые опубликовано: *Панаев*, *1888*, т. 6, с. 408—409.

[1] Письмо Тургенева к Некрасову неизвестно.

[2] Речь идет о повести «Ася».

[3] См. письмо 602, примеч. 3. Панаев в письме к Тургеневу от 14 июля ст. ст. 1857 г. сообщал, что уже писал ему о приезде Некрасова и о получении картины Грёза; это письмо, однако, неизвестно (см.: *Т и круг Совр*, с. 97).

[4] Отвечая на вопрос Тургенева, Панаев приложил к письму от 14 июля ст. ст. 1857 г. «Ведомость» о числе подписчиков на «Современник» (см.: *Т и круг Совр*, с. 95). Из нее видно, что на 30 июня журнал имел всего (с даровыми) 3992 подписчика. «Ведомость» была выслана Тургеневу, как члену «обязательного соглашения», участвующему в доходах журнала.

613. М. Н. Толстой (с. 234)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 151.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 113—115, с пропуском одного слова и с ошибочной датой, проставленной самим Тургеневым.

Датировка письма *июнем* — явная описка Тургенева. Письмо должно датироваться 4(16) *июля*: во-первых, из писем Тургенева, написанных 27 июня (9 июля) П. В. Анненкову и дочери Полине, следует, что он приехал в Зинциг 21 июня (3 июля) (см. письма 610,

611), а это соответствует его словам о том, что он здесь «уже две недели»; во-вторых, четверг, которым помечено письмо, приходился в 1857 г. на 4(16) июля, а не июня.

Стр. 235. между нами будь сказано (*франц.*).

[1] Получив это письмо, М. Н. Толстая писала Л. Н. Толстому: «Я получила очень милое письмо от Тургенева, пишу ему в Пруссию, но, может быть, мое письмо его не застанет, то скажи ему, чтоб он написал, чтоб его прислали,— а он около 15 авг. вашего стиля будет в имении г-жи Виардо, ты ему туда напиши» (*Сб ГБЛ*, с. 122). Снежедь (а не «Снежед», как пишет Тургенев) — река, на которой стояла усадьба М. Н. и В. П. Толстых.

[2] О ком идет речь — установить не удалось.

[3] На самом деле Тургенев уже 19(31) июля выехал из Зинцига в Баден, а 21 июля (2 августа) отправился из Бадена во Францию (см. письмо 618, примеч. 3; письма 621—633).

[4] О В. П. Толстом, муже М. Н. Толстой.

[5] Ольга Петровна — Охотницкая.

[6] О Толстом, брате М. Н. и Л. Н. Толстых.

[7] Очерки Н. Н. Толстого («Охота на Кавказе. Рассказы Н. Н. Т.») были напечатаны: *Совр*, 1857, № 2.

[8] Это письмо Тургенева к Л. Толстому неизвестно (см. письмо 610, примеч. 7).

[9] Деятельной подготовкой освобождения своих крестьян в связи с приближающейся реформой Тургенев начал заниматься значительно позже — в 1859 г.

[10] Убеждение в том, что «Современник» «хромает», было порождено у Тургенева усиливающимся в редакции влиянием Чернышевского. См. письма к Анненкову, Боткину, Дружинину (№ 529, 535, 547, 554 и др.).

[11] Портрет Тургенева, выполненный Никитиным, хранится в *ГЛМ*; он воспроизведен в издании: *Письма к Дружинину*, с. 220, с не вполне точной аннотацией: «с акварели Арс. Никитина 1856 г.» (следует читать: «Аркадия Никитина» и «1857 г.»); см. фронтиспис к настоящему тому.

614. А. И. Герцену (с. 236)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, 110, л. 18—19.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 108—109.

[1] Письмо Делаво к Тургеневу неизвестно. Дело касается, вероятно, расчетов Тургенева с Делаво за его переводы рассказов Тургенева.

[2] Речь идет о повести «Ася».

[3] Некрасов в это время жил на даче близ Петергофа (см. его письмо к Тургеневу от 30 июня (12 июля) 1857 г.: *Некрасов*, т. 10, с. 343). В Петербург Некрасов переехал во второй половине июля (ст. ст.) 1857 г. (см. там же, с. 347).

[4] Первый номер «Колокола» вышел 1 июля н. ст. 1857 г. и произвел очень сильное впечатление при дворе Александра II, так как в нем была помещена статья «Августейшие путешественники», в которой Герцен едко и остроумно высмеял вдовствующую императрицу Александру Федоровну. О реакции Зимнего дворца на эту статью см.: К а в е л и н К. Д. Собр. соч. СПб., 1898. Т. 2, с. 1174. Отчасти по этой причине на «Колокол» вскоре был наложен арест в

Германии (см.: *Герцен*, т. 25, с. 108). «Проступок» Герцена не был забыт даже в 1869 г. 4(16) марта 1869 г. Тургенев писал Герцену: «...не забудь, ты оскорбил *семью* — (*самый твой непростительный méfait* ⟨промах⟩ — статья об Александре Федоровне) — это тебе не забудут».

[5] Князь В. А. Долгоруков, один из главных деятелей реакционно-крепостнической «партии», был в 1856 г. назначен шефом жандармов и начальником III отделения на место кн. А. Ф. Орлова.

[6] Об огромном успехе «Полярной звезды» с частями «Былого и дум» и других изданий Герцена у читателей — русских, живших за границей и перевозивших книги в Россию при возвращении,— см.: *Герцен*, т. 25, с. 103, 106.

[7] Тургенев выполнил свое намерение, но только почти годом позже — в мае 1858 г. (см.: *Герцен*, т. 26, с. 174, 178).

615. А. И. Герцену (с. 237)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 20—21.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 109—111.

Стр. 239. бандеролью (*франц.*).

[1] См. письмо Герцена к Тургеневу от 8(20) июля 1857 г. (*Герцен*, т. 25, с. 106).

[2] Резкий тон Герцена и Тургенева по отношению к Некрасову был вызван не столько трениями в связи с изданием «Записок охотника», сколько еще свежими впечатлениями от так называемого «огаревского дела». Герцен, Огарев, а отчасти и Тургенев считали Некрасова главным виновником в этом деле. В действительности же деньги Огарева были присвоены Н. С. Шаншиевым и А. Я. Панаевой, «грех» которой Некрасов самоотверженно принял на себя. Подробности об «огаревском деле» см.: *Некрасов*, т. 10, с. 340—342, 365, 493. См. также: Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.: Л.: Academia, 1933; Бессонов Б. Л. Документы «огаревского дела».— *Некрасовский сб*, т. VIII, Л., 1983, с. 154—176.

[3] Приехав в Петербург, Некрасов 20 июля (1 августа) писал Тургеневу об их взаимных денежных расчетах по второму изданию «Записок охотника», отмечая при этом: «Вопрос о дозволении их в том же положении, как и был, но дозволение вероятно» (*Некрасов*, т. 10, с. 349). Цензурное разрешение на издание было получено только 7(19) февраля 1859 г.

[4] Письмо неизвестно.

[5] 20 июля (1 августа) Некрасов писал Тургеневу: «Что касается до „З⟨аписок⟩ о⟨хотника⟩“, то — хоть я говорил и имел намерение отдать тебе половину барыша — дело это и в таком случае еще так выгодно, что отстаивать его за собою мне неудобно — решай сам как знаешь. Всего лучше, я думаю, так: напечатаю я ... а деньги возьмешь ты — или, еще лучше: отдадим их дочери Белинского» (*Некрасов*, т. 10, с. 348—349). Однако на этом дело не кончилось. В 1858 г. Тургенев и Некрасов все еще вели переговоры по поводу второго издания «Записок охотника». В конце концов право на это издание осталось за Тургеневым (см.: письма от 18(30) марта 1859 г. (К. И. Вульфу) и от 13(25) апреля 1859 г. (Н. Ф. Щербине); *Т и круг Совр*, с. 123—124; Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959, с. 296).

[6] Речь идет о доставлении письма Герцена к Некрасову от 28 июня (10 июля) 1857 г. (см.: *Герцен*, т. 26, с. 104—105). 8(20) июля 1857 г. Герцен писал Тургеневу: «Прилагаю письмо — которое отошли ему с первой оказией. Если же ты не имеешь средств, то я напечатаю его в „Колоколе" — а потому советую постараться» (там же, с. 106).

[7] Письмо Дружинина к Тургеневу неизвестно. Дружинин заезжал к Тургеневу в Зинциг в конце июля 1857 г. и провел у него три дня. См. письмо 618.

[8] Константин Николаевич — великий князь. Тургенев советовал Герцену не нападать на него в «Колоколе», так как не считал великого князя реакционером (см.: *Герцен*, т. 13, с. 490). Герцен угрожал Некрасову поместить в «Колоколе» разоблачающий материал в связи с «огаревским делом» (см. выше, примеч. 2, и примеч. 6 к письму 602).

[9] О расчетах между Тургеневым, Делаво и Герценом см. письмо 614.

[10] Т. е. «Русскую беседу», «Русский вестник» и «Библиотеку для чтения», получавшиеся в Париже кн. Н. А. Орловым. Герцен не мог выписывать их из России на свое имя.

616. **Луи Виардо** (с. 239 и 378)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (*Париж*). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (*Париж*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ*, 1911, № 9, с. 225—226; во французском оригинале — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 15—16.

[1] 21 июля 1857 г. Луи Виардо сообщил Тургеневу о рождении сына Поля Луи Иоахима (автограф этого письма хранится в коллекции Болье, Париж).

[2] В письмах к Виардо Тургенев неоднократно просил известить его о рождении ребенка в семье Виардо.

[3] Имеется в виду Поль Виардо, родившийся 8(20) июля 1857 г. в Куртавнеле (см. письмо № 617).

[4] Луиза, Клоди и Марианна Виардо.

617. **Полине Виардо** (с. 239 и 378)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (*Париж*). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (*Париж*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ*, 1911, № 9, с. 226—227; во французском оригинале — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 87—89.

[1] Это письмо было послано Тургеневым одновременно с письмом к Луи Виардо (см. письмо 616).

[2] В действительности Поль Виардо родился 20 июля. Следует согласиться с мнением А. Звигильского, который считает, что ошибка Тургенева носит преднамеренный характер: Тургенев намекает на события 20 июня 1792 г., когда состоялась демонстрация парижских народных масс перед Национальным собранием и королевским дворцом, что было преддверием событий 10 августа 1792 г., в результате которых была свергнута монархия. Упоминание о дне 20 июня содержит также намек на республиканские убеждения семьи Виардо,

об этом же свидетельствует и приводимая Тургеневым в конце письма строка из «Марсельезы».

[3] Предсказание Тургенева сбылось. Поль Виардо стал известным скрипачом, он был также дирижером Парижской оперы и директором Алжирской консерватории. Поль Виардо — автор известных воспоминаний («Mémoires d'un artiste». Paris, 1910).

[4] Первая строка «Марсельезы» К. Ж. Руже де Лиля (революционного гимна Великой французской революции, впоследствии национального гимна Франции).

[5] Арабская фраза в латинской транскрипции: «Аллах! Един Аллах и Магомет пророк Аллаха!»

618. **В. П. Боткину** (с. 240)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60922.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 117—118, с неверной датой: «29 июня» вместо «29 июля». Правильность последней даты (написанной в подлиннике неясно) доказывается сопоставлением с другими письмами этого времени, а также тем, что Боткин в письме к Тургеневу от 7 августа н. ст. прямо говорит о полученном им письме Тургенева «Из Зинциха от 29 июля» (*Боткин и Т*, с. 122).

[1] Письмо Боткина к Л. Н. Толстому в печати неизвестно.

[2] Письмо Л. Н. Толстого к Тургеневу неизвестно.

[3] 19(31) июля 1857 г. Толстой записал в своем дневнике: «Приехал Тургенев. Нам славно с ним» (*Толстой*, т. 47, с. 148).

[4] Вместо Фекана Тургенев из Бадена отправился 21 июля (2 августа) 1857 г. (см.: *Толстой*, т. 47, с. 148) через Париж в Булонь, объясняя это необходимостью поездки в Лондон. Л. Н. Толстой по семейным обстоятельствам должен был неожиданно вернуться в Россию (см. письмо 621).

[5] Из Бадена Тургенев Боткину не писал (см. письмо 621).

619. **Эдуарду Дантю** (с. 241 и 379)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 41.

Впервые опубликовано: *Отчет ИПБ* за 1895 г., с. 249—250.

[1] Речь идет о корректурных листах издания «Записок охотника» в переводе Ип. Делаво, печатавшегося издателем-книгопродавцем Э. Дантю: Récits d'un chasseur, par Ivan Tourguénef, traduits par H. Delaveau. Illustrations de Godefroy Durand. Seule édition autorisée par l'auteur. Paris. E. Dentu, libraire-éditeur. Palais-Royal, 13, Galerie d' Orléans. 1858, XVII и 562 p. (Рассказы охотника, Ивана Тургенева, переведенные И. Делаво. Рисунки Годфруа Дюрана. Единственное издание, утвержденное автором. Париж. Э. Дантю, книгопродавец-издатель. Пале-Рояль, 13, Орлеанская галерея. 1858). В предисловии переводчика к изданию перепечатано было — очевидно, по желанию Тургенева — письмо последнего от 7(19) августа 1854 г. в редакцию «Journal de St. Pétersbourg» с протестом против искажения текста «Записок охотника» в переводе Э. Шаррьера (см. наст. изд., Письма, т. 2, с. 553). Корректурные листы издания Дантю посылались Тургеневу по мере изготовления для просмотра и окончательного исправления перевода (от технической корректуры Тургенев, как видно, сам отказывался, не

зная французских правил, и поручал ее Делаво). Об этом издании см.: П р и й м а Ф. Я. Новые данные о «Записках охотника» Тургенева во французской литературе. 1. «Записки охотника» Тургенева во французском переводе Ипполита Делаво.— *Орл сб*, *1955*, с. 331—351. Неполная рукопись (автограф) перевода Делаво находится в *ИРЛИ* (Р. I, оп. 29, № 168).

[2] Имеется в виду фраза в заключение рассказа «Свидание» («Le rendez-vous»). Она исправлена в издании по указанию Тургенева и читается так: «Un vent inégal venait à ma rencontre en passant sur les guérets jaunes et desséchés qui couvraient les champs» (в русском тексте: «Порывистый ветер быстро мчался мне навстречу через желтое, высохшее жнивье»).

[3] Тургенев, ускорив свой отъезд, выехал из Зинцига 19(31) июля в Баден и оттуда через Страсбург и Париж проехал в Булонь (см. письмо 621). В Париже он был 22 июля (3 августа) и прибыл в Булонь 23 июля (4 августа).

620. Полине Виардо (с. 242 и 380)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *Т*, *Lettres inéd*, р. 75—76.

[1] Тургенев приехал в Баден-Баден 19(31) июля по просьбе Л. Н. Толстого, проигравшегося в рулетку и просившего у Тургенева взаймы 500 франков (см. письмо 618).

[2] Тургенев вместе с Толстым выехал из Баден-Бадена 21 июля (2 августа). Около 22 июля (3 августа) он был проездом в Париже, и не позднее 23 июля (4 августа) приехал в Булонь.

[3] Имеется в виду Поль Виардо, родившийся 20 июля 1857 г.

621. В. П. Боткину (с. 243)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60923.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 119—121.

[1] См. письмо 618.

[2] Тургенев, предполагавший той же осенью вернуться в Россию, хотел перед отъездом увидеться с Герценом. Но эти планы изменились, и поездка в Лондон тогда не состоялась.

[3] Это письмо от 17 (29) июля 1857 г. (№ 618) Боткин получил с большим опозданием и поэтому не написал Тургеневу (см.: *Боткин и Т*, с. 121, 122).

[4] Боткин встречался с братом Л. Н. Толстого, Н. Н. Толстым, во время пребывания в Спасском вместе с Григоровичем и Дружининым в мае 1855 г.

[5] Л. Н. Толстой выехал из Баден-Бадена 22 июля (3 августа) 1857 г. и прибыл в Петербург пароходом 30 июля (11 августа) 1857 г. Письмо к нему «из дома» (по-видимому, от Н. Н. Толстого), о котором идет речь, неизвестно.

[6] Н. М. Смирнов; А. О. Смирнова послужила прототипом Тургеневу при создании образа Дарьи Михайловны Ласунской в «Рудине» (особенно для сатирической ее характеристики в начале II главы). Ироническое отношение к ней писателя выразилось также в замечании Базарова о доме Одинцовой: «С тех пор, как я здесь, я препакостно себя чувствую, точно начитался писем Гоголя к калужской

губернаторше» («Отцы и дети», глава XXV). Этим отношением к ней Тургенева объясняется неодобрительный отклик Боткина на сообщение о займе (*Боткин и Т*, с. 122).

[7] Речь идет о рассказе «Люцерн» (*Совр*, 1857, № 9). Ироническое упоминание об этом рассказе содержится в письме Тургенева к Л. Н. Толстому (см. письмо 654, примеч. 7).

[8] Имеется в виду античный морально-аллегорический рассказ Продика «Геракл на распутье», по которому боги предоставили Гераклу сделать выбор жизненного пути между суровой добродетелью и наслаждениями порока; герой избрал первый из этих путей.

622. **Е. Е. Ламберт** (с. 244)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 31.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1914, № 10, с. 199—200. Перепечатано: *Письма к Ламберт*, с. 13—14.

[1] Тургенев, приехав в Зинциг около 22 июня (4 июля) («три недели тому назад»), выехал оттуда раньше, чем предполагал,— 19(31) июля — в Баден, а затем, через Париж, в Булонь, куда прибыл 23 июля (4 августа) и где закончил это письмо (см. письма 618, 621).

[2] Одобрение Е. Е. Ламберт, по-видимому, относится к изданию «Повестей и рассказов» Тургенева в трех частях; оно было передано ей по поручению писателя (см. письмо 595, примеч. 2).

623. **В. П. Боткину** (с. 245)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60924.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 124—125.

Стр. 245. одно за другим (*франц.*).

[1] Два письма Боткина к Тургеневу, написанные оба в один день — 26 июля (7 августа), утром и вечером,— см: *Боткин и Т*, с. 121—124.

[2] Эта поездка в Лондон не состоялась в связи с плохим состоянием здоровья Тургенева (см. письмо 626).

[3] В. П. Боткин в письме от 26 июля (7 августа) 1857 г. сообщил Тургеневу, что Фет должен скоро приехать к нему в Дьепп, так как женится на его сестре, М. П. Боткиной (см.: *Боткин и Т*, с. 123). Тургенев не точно цитирует строчку из стихотворения Фета «Еще майская ночь» (впервые опубликовано: *Рус Вестн*, 1857, № 11, кн. 2, с. 443). У Фета: «И в воздухе за песнью соловьиной разносится тревога и любовь».

[4] В письме к Тургеневу от 26 июля (7 августа) 1857 г. Боткин высказывал опасение, что Л. Н. Толстой, вмешавшись в дело развода своей сестры М. Н. Толстой с ее мужем В. П. Толстым, по своей горячности наделает «каких-нибудь нелепостей, дуэли и тому подобное» (*Боткин и Т*, с. 122—123).

[5] В письме от 5(17) августа 1857 г. Е. Я. Колбасин извещал Тургенева, что Толстой еще в Петербурге (см.: *Т и круг Совр*, с. 335).

[6] Сестра Боткина Мария Петровна, невеста А. А. Фета, находилась в это время вместе с братом в Дьеппе, куда должен был приехать и Фет, чтобы затем ехать в Париж, где была назначена свадьба (см.: *Боткин и Т*, с. 123, 129; см. также: *Фет*, ч. 1, с. 187—209).

624. Д. Я. и Е. Я. Колбасиным (с. 246)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редкой книги, № 264.

Впервые опубликовано: Новое время, 1894, № 6710, 2(14) ноября, без постскриптума.

[1] Некрасов и Дружинин, с которыми Тургенев встречался за границей, уже вернулись к этому времени в Россию.

[2] Е. Я. и Д. Я. Колбасины провели два месяца в г. Ананьеве Херсонской губ. (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 46).

[3] Пробыв в Куртавнеле около полутора месяцев (с 23 августа до середины октября н. ст.), Тургенев, изменив свои планы, отправился вместе с Боткиным в Италию и вернулся в Петербург только в июне 1858 г.

[4] Речь идет о квартире в доме Степанова на Фонтанке, близ Аничкова моста, которую Тургенев занимал в 1855 г.

[5] Ответные письма Е. Я. Колбасина от 5(17) августа 1857 г. и Д. Я. Колбасина от 20 августа (1 сентября) 1857 г. см.: *Т и круг Совр*, с. 334—338.

[6] Л. Н. Толстой отплыл из Штеттина на пароходе 27 августа (8 сентября) 1857 г. и прибыл в Петербург 30 августа (11 сентября) 1857 г.

[7] Сестра — М. Н. Толстая; «Самоед» — ее муж, гр. В. П. Толстой.

[8] См. письмо 622, начатое в Зинциге и оконченное в Булони 26 июля (7 августа).

625. А. А. Трубецкой (с. 247 и 380)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 323—324.

[1] Упоминаемое Тургеневым письмо А. А. Трубецкой неизвестно.

[2] Тургенев занял необходимую Л. Н. Толстому сумму у Н. М. Смирнова, мужа А. О. Смирновой-Россет, об этом он писал В. П. Боткину 23 июля (4 августа) (см. письмо 621, примеч. 6).

[3] Речь идет о М. Н. Толстой, которой некоторое время был увлечен Тургенев. Исследователи считают, что Мария Николаевна Толстая, возможно, послужила прототипом героини повести «Фауст» Веры Николаевны Ельцовой (см. об этом: наст. изд., Сочинения, т. 5, с. 415—417).

[4] Имеется в виду В. П. Толстой.

[5] Тургенев имеет в виду Н. Н. Толстого, старшего брата Л. Н. Толстого, автора рассказов, высоко оцененных Тургеневым.

[6] Речь идет о С. Н. Толстом.

[7] См. письмо 609, примеч. 11.

[8] Неизвестно, о каком письме идет речь, возможно, имеется в виду письмо Л. Н. Толстого к Тургеневу из Дрездена, о получении которого Тургенев уведомил в письме № 630.

[9] Тургенев приехал в Бельфонтен 15(27) августа.

[10] Имеется в виду русский посол в Париже князь Н. А. Орлов, будущий зять Трубецких.

[11] Поездка не состоялась из-за болезни Тургенева (см. письмо 626).

[12] Речь идет о Е. Н. Трубецкой.

626. **В. П. Боткину** (с. 249)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60925.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 126—127.

Стр. 249. замок Куртавнель, близ Розе-ан-Бри, Сена-и-Марна.
Стр. 249. я не пригоден ни к тому, чтобы на меня смотреть, ни к тому, чтобы меня слушать; я — только дерьмо (*франц.*).

[1] Тургенев отвечает на письмо Боткина из Дьеппа от 28 июля (9 августа) 1857 г. (см.: *Боткин и Т*, с. 125).

[2] См. письмо 623, примеч. 6.

[3] Ответ Боткина на это письмо — от 7(19) августа 1857 г.— см.: *Боткин и Т*, с. 131.

627. **В. П. Боткину** (с. 249)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60926.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 130—131.

Стр. 250. дорожным мешком (*франц.*).

[1] Письмо Боткина к Тургеневу от 5(17) августа 1857 г. из Дьеппа — см.: *Боткин и Т*, с. 128—130.

[2] Письмо из Куртавнеля, от Полины Виардо, или — что менее вероятно — из Парижа, от дочери — Полины Тургеневой, в печати неизвестно.

[3] Описка Тургенева: очевидно, он хотел написать не «выезжаю сегодня», но «выезжаю *отсюда*», так как из Булони он намеревался выехать 9(21) августа, о чем и писал выше.

[4] Эта записка не сохранилась.

628. **Н. А. Некрасову** (с. 250)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2486, л. 11—12.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1902, № 1, с. 121—122.

[1] Письма Некрасова от 14, 20 и 21 июля ст. ст. 1857 г. Возможно, имеется в виду также письмо от 30 июня ст. ст. 1857 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 343—345, 347—349, 351—352).

[2] Это письмо Тургенева неизвестно.

[3] Недоразумение было вызвано денежными отношениями Тургенева с Герценом и с Некрасовым (см. письма 602, 615). В письме к Тургеневу от 20 июля (1 августа) 1857 г., ответом на которое является настоящее письмо, Некрасов объяснял Тургеневу, что «не умышленное посягательство на чужое добро, а причины менее гадкие затянули уплату» (*Некрасов*, т. 10, с. 347—348).

[4] Упоминаемое письмо Тургенева к Н. Н.Тургеневу неизвестно.

[5] По-видимому, сам Тургенев уничтожил до отправки письма ту часть его, где продолжались объяснения по поводу денежных счетов с Некрасовым.

[6] В письме от 14 июля Некрасов предостерегал Тургенева от поездки в Париж: «.. а если заедешь, то сделаешь великую глупость» (*Некрасов*, т. 10, с. 347). Ср. письмо Некрасова от 15—17 июня 1856 г. (там же, с. 276—277). В этих письмах, как и в настоящем письме Тургенева, имеются в виду отношения Тургенева с Полиной Виардо.

[7] Повесть — «Ася».

[8] Говоря о «нас», Тургенев имеет в виду участников «обязательного соглашения» с редакцией «Современника» — Григоровича, Островского, Толстого и себя,— очень плохо выполнявших принятые обязательства.

[9] Поручение братьям Колбасиным о найме квартиры в Петербурге было передано (очевидно, устно) через Дружинина, уезжавшего в Россию, при свидании с ним в Зинциге, и подтверждено в письме к Колбасиным от 27 июля (8 августа) 1857 г. (см. письмо 624)

629. **А. А. Трубецкой** (с. 252 и 391)

Печатается по тексту неполной публикации П. Уоддингтона: *New Z Sl J*, 1979, № 1, p. 2—3.

Впервые опубликовано: Bernard Quaritch, catalogue N 938, item. 187.

Подлинник неизвестен.

[1] Публикуемый отрывок, по сообщению П. Уоддингтона, является частью письма Тургенева к А. А. Трубецкой.

[2] Тургенев намеревался поехать на охоту в имение Трубецких Бельфонтен, по приглашению князя Н. И. Трубецкого, вместе с Луи Виардо (см. письмо 625, примеч. 9), просьбу которого он излагает в приводимом отрывке (см.: *New Z Sl J*, 1979, № 1, p. 2). Однако по неизвестным причинам совместная поездка Тургенева и Л. Виардо не состоялась, и Тургенев приехал в Бельфонтен 15(27) августа один (см. письмо 632). В письме, написанном в этот же день, Тургенев сообщал Виардо о приглашении князя Н. И. Трубецкого приехать в Бельфонтен 3-го сентября на 3-4 дня.

[3] О свадьбе Фета и М. П. Боткиной см. письма 628 и 630, а также: *Фет*, ч. 1, с. 201—203.

630. **Л. Н. Толстому** (с. 252)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив Л. Н. Толстого, папка 114.

Впервые опубликовано: *Толстой и Т*, с. 37—38.

[1] Письмо Толстого из Дрездена (где он пробыл на обратном пути 5 и 6 августа н. ст.) неизвестно; в Петербург Толстой приехал 30 июля (11 августа), а в Ясную Поляну — 8(20) августа.

[2] Невестой, потом женой Фета была сестра В. П. Боткина, Мария Петровна.

[3] См. письмо 613.

[4] Т. е. Некрасова и Панаева.

631. **Луи Виардо** (с. 253 и 382)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано (с некоторыми неточностями) во французском оригинале: Revue Bleue, 1906, № 26, 30 juin, p. 802; в русском переводе — *Н Вр*, 1906, № 10 879, 28 июня (10 июля), иллюстрированное приложение. С исправлениями и уточнениями опубликовано П. Уоддингтоном (*New Sl J*, 1983, p. 227).

[1] Бельфонтен (Bellefontaine) — «Красивый источник» — усадьба кн. Н. И. Трубецкого близ Фонтенбло, на юго-восток от Парижа, в 16 км от Мелена (Melun) и невдалеке от Куртавнеля.
[2] Князь — Н. И. Трубецкой.

632. М. Н. Толстой (с. 254)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 27, л. 5.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 1, с. 293—294, с пропусками, по тому же дефектному подлиннику.
Датируется по содержанию. Письмо М. Н. Толстой от 25 июля ст. ст. 1857 г. не могло идти больше десяти дней, а Тургенев пишет, что получил его «не более десяти дней тому назад». В этом письме, до нас не дошедшем, М. Н. Толстая сообщала Тургеневу о разрыве с мужем, который произошел в июле 1857 г.

[1] Л. Н. Толстой, получив известие о семейной драме сестры, 22 июля ст. ст. 1857 г. выехал из Баден-Бадена в Россию; 8 августа ст. ст. он уже был в Ясной Поляне, а на следующий день встретился в Пирогове с М. Н. Толстой и братьями, Сергеем Николаевичем и Николаем Николаевичем (см.: *Толстой*, т. 47, с. 148, 150, 151).
[2] На реке Снежеди было расположено имение Толстых.

633. В. П. Боткину (с. 255)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60927.
Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 134.

Стр. 255. денежный перевод (*франц.*).

[1] Тургенев обращается, кроме Боткина, к его сестре М. П. Боткиной, А. А. Фету и, очевидно, к И. А. Гончарову, жившему в это время в Париже.
[2] Роман Гончарова «Обломов», начатый еще в 1847 г., был написан весь вчерне во время пребывания Гончарова за границей, в июле-августе 1857 г. В следующем году писатель вновь пересмотрел роман, значительно сократив его, что было сделано в известной мере по указанию читавших его или слушавших чтение литераторов — Тургенева, Боткина и других. Чтение Гончаровым своего романа перед Тургеневым, Фетом и Боткиным происходило 19 и 20 августа (31 августа и 1 сентября), в Париже (см. письмо И. А. Гончарова к И. И. Льховскому от 22 августа (3 сентября) 1857 г.: *Лит Арх*, т. 3, с. 127).

634. Эдуарду Дантю (с. 255 и 382)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 41.
Впервые опубликовано: *Отчет ИПБ* за 1896 г., с. 199, с предположительным, но несомненно справедливым отнесением к Дантю (в публикации: Дентю).
Год написания определяется содержанием письма; однако 10 сентября н. ст. приходилось на пятницу не в 1857, а в 1858 г., когда Тургенев находился в России; здесь, по-видимому, нередкая у Тургенева ошибка в датировке; возможно, что следует читать: пятница, 9 сентября.

[1] Письмо относится к изданию «Записок охотника» в переводе Делаво, печатавшемуся книгопродавцем-издателем Эдуардом Дантю под постоянным и тщательным наблюдением Тургенева. См. предыдущее письмо к Дантю (№ 619).

635. **В. П. Боткину** (с. 255)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60928.
Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 135.

[1] Иванов — Александр Андреевич.
[2] Боткин, собиравшийся ехать в Италию в сентябре (вероятно, вместе с Ивановым), отложил из-за болезни свой отъезд и выехал лишь 5(17) октября вместе с Тургеневым (см.: *Боткин и Т*, с. 135, 137, и письма 639, 643, 644).
[3] Письмо Некрасова — от 29 августа (10 сентября) 1857 г.; см.: *Некрасов*, т. 10, с. 359.
[4] Тургеневы — Александр Михайлович и его дочь Ольга Александровна. Очень сочувственную характеристику Тургеневых, у которых он «провел вечер сладчайший», дает Боткин в ответном письме к Тургеневу от 9(21) сентября 1857 г. (см.: *Боткин и Т*, с. 136).

636. **Н. А. Некрасову** (с. 256)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2486, л. 13—14.
Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1902, № 1, с. 122.

[1] Письмо Некрасова Тургеневу от 29 августа (10 сентября) 1857 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 359).
[2] Н. Н. Тургеневу. Это письмо к нему Тургенева неизвестно.
[3] См. письмо 628.
[4] «Обломов» был напечатан: *Отеч Зап*, 1859, № 1—4.
[5] Повесть «Ася».

637. **Е. Я. и Д. Я. Колбасиным, Н. А. Некрасову и П. В. Анненкову** (с. 257)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, № 73.
Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 51—54.

Стр. 253. Анненковиус почтенный! (*лат.*, шутл.).

[1] Тургенев был в Риме в 1840 г. и провел там около полутора месяцев — с конца февраля до 12(24) апреля, когда уехал в Неаполь (см. его письма этого времени в наст. изд., т. 1). С тех пор он не бывал в Италии.
[2] В. П. Боткин был признанным знатоком и ценителем западноевропейского, в частности итальянского и античного, искусства, и потому его общество в путешествии по Италии было особенно ценно для Тургенева.
[3] Повесть «Ася» была действительно закончена вчерне в Риме 15(27) ноября 1857 г.; 30 ноября (12 декабря) того же года Тургенев выслал рукопись в редакцию «Современника».
[4] В тексте *Т*, *Первое собрание писем* — опечатка: вместо «пять дней» — «пять лет». Еще 9(21) сентября 1857 г. Тургенев писал Некрасову о своем скором возвращении в Россию (см. письмо 636).

[5] В ответ на это Писемский писал Тургеневу 11(23) ноября 1857 г.: «... все еще оставалась какая-то слабая надежда, что, авось, вы отдумаете ехать в Рим и приедете к нам 〈. . .〉 Слезы готовы брызнуть у меня от досады, что вас здесь нет: я *убежден*, что вы здесь были бы здоровы! Бросьте Рим, приезжайте к нам, бога ради!» (*Лит Насл*, т. 73, с. 150).

[6] Подробности об отношении Степана к Тургеневу см. в примечаниях Е. Я. Колбасина к настоящему письму (*Т*, *Первое собрание писем*, с. 53). Тургенев распорядился, чтобы его дядя Н. Н. Тургенев, который управлял имениями писателя, дал повару Степану вольную (см. письмо 687).

[7] Захар — камердинер Тургенева.

638. **Н. А. Некрасову** (с. 258)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2486, л. 15.
Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1902, № 1, с. 123.

[1] См. письмо 637.

[2] Некрасов с нетерпением ожидал возвращения Тургенева в Россию, так как беспокоился о судьбе «Современника», которому участники «обязательного соглашения» доставляли материал весьма нерегулярно. Многие письма Некрасова к Тургеневу, относящиеся к этому периоду, говорят о трудном положении журнала и содержат убедительные просьбы приезжать поскорее. См.: *Некрасов*, т. 10, с. 345, 347, 355—356, 359, 362. К письму Некрасова от 27 июля (8 августа) было приложено циркулярное обращение редакторов «Современника» — Панаева и Некрасова — к участникам «обязательного соглашения», где указывалось на невыполнение ими своих обязательств (*Некрасов*, т. 12, с. 70—71).

[3] В Риме Тургенев окончил повесть «Ася», написал письмо-очерк «Из-за границы» (однако не для «Современника», а для нового журнала Е. Ф. Корша — «Атеней»), начал работу над «Дворянским гнездом».

639. **В. П. Боткину** (с. 259)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60930.
Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 140.

Стр. 259. будь здоров и люби меня (*лат.*).

[1] Письмо это — ответ на письмо В. П. Боткина от 18(30) сентября 1857 г. из Парижа (см.: *Боткин и Т*, с. 137—140).

[2] Намерение ехать вместе с Боткиным в Италию, куда незадолго до того уехал из Парижа художник А. А. Иванов; последний, по просьбе Боткина, должен был приготовить в Риме квартиру для обоих путешественников (см.: *Боткин и Т*, с. 140).

640. **П. В. Анненкову** (с. 260)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1885, № 3, с. 8—9. Подлинник неизвестен.

[1] Письмо Некрасова к Тургеневу от 10(22) сентября 1857 г.; к нему было приложено циркулярное обращение Некрасова о предполагаемом издании сборника в память В. Г. Белинского, весь до-

ход от которого предназначался дочерп покойного критика (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 361—362 и т. 12, с. 71—72). Издание сборника не было, однако, осуществлено вследствие того, что этого не пожелала вдова Белинского, как видно из письма к ней Некрасова от 27 октября ст. ст. 1857 г. (см. там же, т. 10, с. 369—370) и из ответа ее Некрасову (Архив села Карабихи. М., 1916, с. 82). «Воспоминания о Белинском» были написаны Тургеневым значительно позже и впервые опубликованы: *ВЕ*, 1869, № 4.

[2] Речь идет о седьмом, дополнительном томе «Сочинений Пушкина» (изд. П. В. Анненкова), вышедшем в Петербурге в 1857 г. (ценз. разр. 5 июля).

641. Полине Тургеневой (с. 260 и 382)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 401.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 807, 1 février, p. 563. Перепечатано: *Séménoff*, p. 121.

Письмо датируется 1857 г. по содержанию; кроме того, 11 октября н. ст. приходилось на воскресенье в 1857 г.

[1] Тургенев первоначально собирался приехать в Париж 28 сентября (8 октября) для встречи с В. П. Боткиным (см. письмо 639), но приехал только 12 октября н. ст. в понедельник; В. П. Боткин в письме к брату Д. П. Боткину 13 октября сообщал: «Вчера вечером приехал Тургенев 〈. . .〉 Завтра буду обедать с его дочерью, которую я маленькой, запуганной дворовой девочкой сажал в Москве в почтовую карету, когда ее отправляли в Париж. Теперь это стала милая девушка 〈. . .〉 Она еще находится здесь в пансионе, а вакационное время и праздники проводит у Виардо». Обед состоялся не 14, а 15 октября, и 16 октября Боткин писал Д. П. Боткину: «Вчера обедал я с дочерью Тургенева — ничего не осталось в ней русского, и язык совершенно забыла. Только славянская физиономия сохранилась и славянская тихость и простодушное выражение» (*ИРЛИ*, ф. 365, оп. 1, № 68, л. 12).

642. С. П. Галаховой (с. 261)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 22598.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. III, с. 156.

Письмо датируется 3(15) октября 1857 г., так как написано в четверг, накануне предложенного отъезда И. С. Тургенева в Рим; отъезд был назначен на пятницу, 4(16) октября, но состоялся 5(17) октября 1857 г.

[1] Зимой 1857/58 г. Тургеневу не удалось приехать в Петербург, так как он до весны пробыл в Италии; Галаховы также остались за границей.

643. В. П. Боткину (с. 261)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60930 а.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 141.

Записка датируется на следующих основаниях: 1) она написана в момент одновременного пребывания Тургенева и Боткина в Париже, что могло быть именно в октябре 1857 г., перед их совместной поездкой в Италию; 2) отъезд из Парижа в Италию, как видно из

писем Боткина к Тургеневу от 18(30) сентября (см.: *Боткин и Т*, с. 139), Тургенева к Боткину от 21 сентября (3 октября) и Тургенева к С. П. Галаховой от 3(15) октября (см. письма 639, 642), намечался на 4(16) октября (Тургенев должен был приехать в Париж 12 октября н. ст. с тем, чтобы выехать через три дня); 3) о том, что отъезд откладывается на один день, Тургенев пишет и Луи Виардо в письме, написанном в тот же день, что и комментируемое письмо к Боткину (см. письмо 644).

[1] Лувр — старинный дворец французских королей в Париже, строительство которого было начато в конце XII в. В эпоху революции 1789—1794 гг. был обращен в музей французского и мирового классического искусства (см., например: Калитина Н. Н. Музеи Парижа. М.; Л., 1967, с. 11—164).

644. Луи Виардо (с. 262 и 383)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «oui» («да» — *франц.*).

Впервые опубликовано (с некоторыми неточностями): во французском оригинале — Revue Bleue, 1906, № 26, 30 juin, p. 802, в русском переводе: Новое время, 1906, № 10879, 28 июня (10 июля), иллюстрированное приложение.

[1] Речь идет о совместном с В. П. Боткиным путешествии в Италию.

[2] Издательство Ашетт (Hachette), одним из директоров которого был Тамплие (Templier), выпускало серию под названием «Библиотека лучших иностранных романов» («Bibliothèque des meilleurs romans étrangers»); в нее входит и двухтомный сборник повестей и рассказов Тургенева «Сцены из русской жизни» (см. ниже, примеч. 3).

[3] Речь идет о переводе, сделанном Тургеневым при участии Луи Виардо (формально — ими обоими совместно), некоторых из повестей, рассказов и пьес Тургенева, выпущенном под заглавием: Scènes de la vie russe, par M. I. Tourguéneff. Deuxième série, traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot. Paris, Librairie de L. Hachette et C-ie, 1958 (Сцены из русской жизни, И. Тургенева. Вторая серия, перевод Луи Виардо в сотрудничестве с автором. Париж, издательство Л. Ашетта и К°, 1858). В сборник вошли: «Постоялый двор» («L'auberge de grand chemin»), «Затишье» («L'Antchar»), «Нахлебник» («Le pain d'autrui»), «Переписка» («Une correspondance»), «Поездка в Полесье» («Deux journées dans les Grands Bois»), «Завтрак у предводителя» («Le partage»). Список заглавий этих повестей и комедий (за исключением «Поездки в Полесье», вместо которой назван рассказ «Три встречи») записан Тургеневым в сокращенной форме на обороте письма к нему Боткина от 9(21) сентября 1857 г. (см.: *Боткин и Т*, с. 135 и 304); он датируется концом сентября, когда состав сборника еще не вполне определился.

[4] Перевод Кс. Мармье из Тургенева (Scènes de la vie russe, par M. I. Tourguéneff. Nouvelles russes, traduites avec l'autorisation de l'auteur par M. X. Marmier. Paris, Libraire de L. Hachette et C-ie, 1858) — первый выпуск того же издания Ашетта «Сцены из русской жизни», вторую серию которого составили указанные выше переводы Тургенева и Виардо. В сборник, переведенный Кс. Мармье,

вошли «Два приятеля», «Яков Пасынков», «Муму», «Фауст», «Бретёр» («Le Férailleur»), «Три портрета». О готовящемся издании этого перевода незадолго до того узнал живший в Париже В. П. Боткин, который 9(21) сентября писал Тургеневу: «Слухи есть, что Кс. Мармье ужасающим образом перевел твои повести» (*Боткин и Т*, с. 137).

[5] Некрологическая статья Луи Ратисбонна о Даниеле Манине, умершем в Париже 22 сентября 1857 г., появилась 14 октября 1857 г. в «Journal des Débats». Семью Виардо и Д. Манина связывала общность политических симпатий. В неопубликованном письме к П. Виардо от 25 декабря 1851 г. Д. Манин просил ее содействия в собирании подписей под сускрипционным листом (*Bibl Nat*). Известно, что бумаги Д. Манина были изъяты при обыске на парижской квартире Виардо после государственного переворота 2 декабря 1851 г. Мнение П. Виардо о Д. Манине содержится в ее письме к Ю. Рицу от 21 июля 1859 г. (Revue Pleyel, 1925, avril, p. 13A). Возможно, Тургенев был лично знаком с Д. Манином. Известия о смерти Д. Манина появились и в русских газетах. Так, «Северная пчела» сообщала о том, что «известный итальянский демагог Манини умер от болезни в сердце на 53-м году от рождения» (№ 204, 19 сентября 1857 г., с. 968). Похороны Манина вылились в демонстрацию. Демократическая газета «Siècle» открыла подписку на сооружение надгробного памятника итальянскому революционеру. В связи с кончиной Ари Шеффера «С.-Петербургские ведомости» сообщали, что художник похоронен «рядом с Манен (Manin), его знаменитым другом, и с девицею Эмилией Манен, умершею за несколько дней до ее отца. Да, Ари Шеффер предложил этим двум изгнанникам, отцу и дочери, гостеприимное убежище в его собственной гробнице, в ожидании счастливого дня, когда Италия возвратит должные почести его праху» (№ 155, 17 июля 1858 г.).

[6] Рассказ «Поездка в Полесье» напечатан впервые в «Библиотеке для чтения» (1857, № 10), т. е. тогда, когда печатался сборник переводов Тургенева и Л. Виардо. В журнальном тексте конец рассказа, данный Тургеневым в письме к Виардо по-французски, отсутствует и введен лишь в издании: *Т*, *Соч*, *1860—1861*, т. 1, с. 330—331. Французский текст окончания рассказа, приведенный в письме, не совпадает с текстом издания 1860 г. и имеет ряд существенных отличий от печатного текста «Scènes de la vie russe» 1858 г. (p. 290—291). Новые чтения перевода были введены, очевидно, уже в корректуре Тургеневым, а может быть и Л. Виардо, так как они в некоторых случаях отдаляются от окончательного русского текста и ухудшают перевод.

[7] Рассказ «Три встречи» не вошел в сборник переводов Тургенева — Виардо, хотя и указан в составленном Тургеневым списке (см. выше, примеч. 3).

[8] Очерк «О соловьях» напечатан был впервые в приложении к книге С. Т. Аксакова «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (М., 1855). В сборник переводов Тургенева — Виардо очерк не вошел и вообще не был переведен на французский язык. Фраза, приведенная по-французски Тургеневым, отсутствует в обоих предшествующих русских изданиях книги С. Т. Аксакова — 1855 и 1856 гг.,— так же как и в последующих изданиях в составе «Сочинений» Тургенева, и место ее в очерке неясно.

645. Полине Виардо (с. 262 и 383)

Печатается по фотокопии из собрания А.Звигильского (*Париж*). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (*Париж*).

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 89—90.

[1] В Италию Тургенев приехал с В. П. Боткиным. Впечатления от этой поездки содержатся в письмах Боткина к А. А. Фету, которые последний воспроизвел в своих воспоминаниях (см.: *Фет*, ч. I, с. 211—213).

[2] Источник цитаты не установлен.

[3] Неизвестно, о каком романсе П. Виардо идет речь.

[4] П. Виардо успешно выступала в Берлине в марте—июне 1858 г. (см.: *Розанов*, с. 111). Певица поехала на гастроли в Пруссию после выступлений в Варшаве в декабре 1856 г. «С.-Петербургские ведомости писали по этому поводу: «〈. . .〉 27 января в большом зале „Академии пения" П. Виардо дала концерт, на который съехалась вся дворянская и артистическая аристократия столицы Пруссии. „Дивный талант великой артистки,— пишут оттуда,— по-видимому нисколько не стареет; голос ее по-прежнему гибок, могуществен и симпатичен"» (1858, № 16, 28 февраля). В одной из корреспонденций той же газеты сообщалось, что берлинская дирекция даже отменила представление оперы Вагнера «Лоэнгрин», «ссылаясь на то, что дебюты г-жи Виардо до такой степени поглощают всеобщее внимание, что всякое представление, данное без ее участия, было бы совсем некстати. И в самом деле г-жа Виардо в Берлине имеет теперь самый восторженный успех» (1858, № 59, 15 марта). В Париж Виардо вернулась лишь в конце марта 1858 г.

[5] Дорога в Альпах.

[6] До 1860 г. Ницца принадлежала Италии, пока по требованию Наполеона III решением итальянского парламента не была передана вместе с Савойей Франции в обмен на присоединившиеся к Италии Тоскану, Модену, Романью, Парму и Лукку, где весной 1860 г. состоялось всеобщее голосование по вопросу о присоединении. Гарибальди, возможно, избирался депутатом от Ниццы в Итальянский парламент.

646. Полине Виардо (с. 264 и 384)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 76—78.

[1] Имеется в виду В. П. Боткин, с которым Тургенев путешествовал по Италии.

[2] Тургенев и Боткин приехали в Рим 18(30) октября 1857 г.

[3] В письме от 21 ноября 1857 г. Луи Виардо писал по этому поводу Тургеневу: «Кстати, почему вы решили, что видели в Генуе оригинал моего Риберы? У моего Риберы нет оригинала, поскольку он сам им является, а оригинал — это вы, поскольку вы его нашли». Как считают А. Гранжар и А. Звигильский, речь идет о картине Хосе де Риберы «Философ», находящейся в настоящее время в экспозиции дворца Брионьоль Сале (теперь дворец Россо). В коллекции Л. Виардо находилась картина Риберы под названием «Платон», которая была объявлена среди других произведений, продававшихся в 1863 г. (см.: *T*, *Lettres inéd*, p. 78).

[4] Речь идет о большом конном портрете маркиза Антонио Джулио кисти Ван Дейка, находящемся в настоящее время во дворце Россо в Генуе.

[5] Опубликованный в 1857 г. роман Ж. Санд «Даниэла» (с описанием Генуи в пятой главе) явился предметом оживленной полемики во французской прессе, поводом к которой послужило письмо сотрудника газеты «Le Siècle», написанное от имени итальянцев, которое подписали известный итальянский революционер Д. Манин, Ари Шеффер и др. Авторы письма обвинили Ж. Санд в том, что она оскорбила борющуюся за свое освобождение Италию и изменила собственным политическим убеждениям, встав на сторону врагов Италии. Основанием для подобных обвинений явились слова одного из героев романа: «Италия ⟨...⟩ девственница, продавшаяся разбойникам всего мира, нетленная красота, которую ничто не может разрушить, но ничто не может и очистить», а также фраза, заимствованная писательницей у Ж. де Местра: «Народ всегда достоин своих правителей». В своих ответных письмах, публиковавшихся в газете «La Presse», Ж. Санд возражала против превратного толкования этих слов и против того, чтобы судить художественное произведение и слова его героев с политических позиций. В одном из писем к друзьям, касаясь этого вопроса, Ж. Санд писала, что посреди нищеты и забитости, в которых прозябает народ Италии, она не может наслаждаться произведениями Микельанджело, и восклицала: «Бог знает, люблю ли я его, когда вижу вокруг себя эти призраки людей. Я мнила себя художником: а я, быть может, и не художник вовсе, раз мое сердце так способно страдать там, где надо было бы обо всем забыть» и «наслаждаться великими творениями» (*Sand G. Corr.*, t. XIV, p. 299). Очевидно, Тургенев не только читал этот роман, но и обсуждал его с В. П. Боткиным, который, возможно, под впечатлением от этого романа написал А. А. Фету из Рима горькие строки, истолкованные Фетом как «минутное впечатление» и «каприз»: «Всяческой мерзостью и гадостью охватило нас, когда мы вступили на великую землю Рима ⟨. . .⟩ Это какая-то прокаженная, проклятая земля. И в народе, как в земле этой, все выгорело, все выродилось» (*Фет*, ч. 1, с. 212). О полемике во французской прессе по поводу романа см.: *Sand G. Corr.*, t. XIV, а также: Karénin Wladimir. George Sand, sa vie et ses œuvres. Paris, 1926. T. IV, p. 361—370.

[6] Имеется в виду опера Г. Доницетти «Линда из Шамуни» (1842) на либретто Н. Росси. *Красивый дуэт* — дуэт Линды и ее возлюбленного Артура из 1-го действия оперы.

[7] Комическая опера Доницетти «Любовный напиток».

[8] «Дон Чекко» — опера-буфф современного Тургеневу итальянского композитора Никола ди Джиоза (1820—1885), ученика Цингарелли и Доницетти. Успехом пользовалась только эта опера Н. ди Джиоза, написанная в Неаполе в 1850 г.

[9] Тургенев критически относился к творчеству Верди, предпочитая ему Беллини, Моцарта, Глюка и др. Музыка Верди была чрезвычайно популярна в это время как в Европе, так и в России. О «неограниченном господстве Верди в Италии» писали и в русской прессе (см., например: *СПб Вед*, 1858, № 11, 13 января; статью В. Кашперова «Музыка в Италии» — *СПб Вед*, 1858, № 130, 17 июля и др.).

[10] По поводу наводнения в Италии газета «Северная пчела» писала: «В Турине получаются неблагоприятные известия, заставляющие забывать о политике. От проливных дождей произошли

страшные наводнения в стране от Альп до Аппенинов ⟨. . .⟩ по всем железным дорогам, исключая Сузской, сообщения были прерваны ⟨. . .⟩ Два или три каменных моста снесены ⟨. . .⟩» (1857, № 231, 22 октября).

647. **А. А. Иванову** (с. 265)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 365, оп. 2, № 57.

Впервые опубликовано: *Т сб* (*Бродский*), с. 20.

Датируется на основании сообщения о приезде «сегодня» в Рим и пометы «пятница»: В. П. Боткин и Тургенев приехали в Рим в пятницу, 18(30) октября 1857 г., как видно из письма Боткина к А. А. Фету от 1 ноября н. ст. (см.: *Фет*, ч. 1, с. 211).

[1] А. А. Иванов работал в Риме с 1837 г. над картиной «Явление Христа народу» в особой мастерской, которая до 1848 г. была открыта для всех желающих; позднее в нее допускались только избранные посетители (см.: Боткин М. Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. СПб., 1880, с. XVIII). Ко времени приезда в Рим Тургенева и Боткина картина была почти закончена и готовилась к отправке в Россию (см.: Алпатов М. Александр Иванов. М., 1959, с. 234—239).

648. **Полине Тургеневой** (с. 266 и 386)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 13—14.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 37—38. Перепечатано: *Séménoff*, p. 63.

[1] Тургенев вместе с В. П. Боткиным совершил путешествие из Парижа в Рим через Лион, Марсель, Ниццу, вдоль берега Средиземного моря в Геную, где провел пять дней (см.: *Фет*, ч. 1, с. 211—212). Подробное описание путешествия содержится в неизданных письмах В. П. Боткина к Д. П. Боткину (см.: *ИРЛИ*, № 9029, л. 104—111).

[2] Французская поговорка — «Les absents ont toujours tort», т. е. отсутствующие всегда неправы.

[3] В «Journal des Débats» от 26 октября 1857 г. была напечатана заметка: «М-ль Дезире Арто, племянница г. Арто, знаменитого бельгийского скрипача, умершего несколько лет тому назад, получила ангажемент в оперу в качестве сопрано и меццо-сопрано».

[4] П. Виардо не поехала в Лондон, но в ноябре 1857 г. отправилась на гастроли в Германию и в Варшаву (см. письмо 662).

649. **П. В. Анненкову** (с. 266)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1885, № 3, с. 9—12.

Подлинник неизвестен.

Стр. 268. северный ветер (дующий «из-за гор») (*итал.*).

[1] Письмо Анненкова к Тургеневу от 15(27) октября 1857 г. (см.: *Труды ГБЛ*, т. 3, с. 69—71).

[2] В указанном письме Анненков просил Тургенева: «... вы должны будете написать статью для нового журнала Корша: „Атеней“ (выходит с генваря), и именно статью о ваших парижских и англий-

ских знакомствах» (*Труды ГБЛ*, т. 3, с. 70). Тургенев написал только одну такую статью: «Из-за границы. Письмо первое» (Атеней, 1858, № 6).

[3] В том же письме Анненков высказал предположение о том, что «новости ... пишутся» Тургеневу «со всех сторон» (*Труды ГБЛ*, т. 3, с. 70).

[4] «Явление Христа народу». Свои впечатления от знакомства с художником Тургенев изложил позднее в статье «Поездка в Альбано и Фраскати. (Воспоминание об А. А. Иванове)» (Век, 1861, № 15).

[5] Тургенев отрицательно относился к К. П. Брюллову в живописи, так же как и к А. А. Бестужеву (Марлинскому) в литературе; по его мнению, оба они принадлежали к числу людей «бесспорно даровитых, но на даровитости которых лежал общий отпечаток риторики, внешности...» В общей для них «ложно-величавой», по выражению Тургенева, школе «что-то не истинное, что-то мертвенное чувствовалось ⟨. . .⟩ даже в минуты ее кажущегося торжества — и ни одного живого, самобытного ума она себе не покорила безвозвратно» («Воспоминания о Белинском»).

[6] Речь идет о Г. Г. Гагарине. Тургенев имеет в виду то обстоятельство, что этот художник расписал в византийском стиле восковыми красками Сионский собор в Тифлисе (в 1853 г.). Стремление художника насаждать в русском искусстве эпигонские условные приемы псевдовизантийской живописи и архитектуры было реакционным, особенно в условиях острой идейной борьбы, разгоревшейся в Академии художеств в 1860-е годы.

[7] Вероятно, именно Е. С. Сорокина подразумевал Тургенев, когда писал в статье «Поездка в Альбано и Фраскати»: «Иванов глубоко сожалел о современном направлении наших художников (один из них при мне величал Рафаэля *бездарным*...)».

[8] Об этом эпизоде Тургенев рассказывает и в статье «Поездка в Альбано и Фраскати. (Воспоминание об А. А. Иванове)».

[9] О. А. Тургеневу.

[10] Князя В. А. Черкасского и его жену кн. Е. А. Черкасскую.

[11] Анненков писал Тургеневу 15(27) октября 1857 г.: «В декабре выйдет 7-ой том Пушкина, переписка Станкевича, вторая большая моя статья о Гоголе — куда и как всё это переслать Вам — уведомьте аккуратнее» (*Труды ГБЛ*, т. 3, с. 70). Речь идет о VII (дополнительном) томе «Сочинений Пушкина» в издании Анненкова, книге «Н. В. Станкевич. Переписка его и биография» (М., 1857; ценз. разр. 7 декабря) и статье Анненкова «Воспоминания о Гоголе», вторая часть которой была опубликована: *Б-ка Чт*, 1857, № 11, отд. II, с. 1—50).

[12] Первоначальное намерение — жить в Риме вместе с Боткиным, по предложению последнего — было, таким образом, оставлено.

[13] Анненков 16(28) ноября 1857 г. сообщал Тургеневу из Петербурга: «На днях уехал отсюда Толстой, пробыв недельку. Сестра его развелась с мужем ⟨. . .⟩ и живет с братом в Москве, где и сей последний основался» (*Труды ГБЛ*, т. 3, с. 71).

[14] Имеется в виду рассказ «Люцерн», опубликованный в сентябрьской книжке «Современника» за 1857 г. Анненков, отвечая Тургеневу, писал о Толстом: «... повесть его, ребячески восторженная, мне не понравилась ⟨. . .⟩ Другая его повесть о музыканте ⟨„Альберт“⟩ будет хорошая вещь, если он поймет созерцание свое музыканта, а то выходит, что спать на улице и драться с мальчишка-

ми есть участь избранных. Старая и ложная песня! Если он не от мира сего, то надо, чтоб имел свой полный, разумный мир, отвечающий за самого себя» (*Труды ГБЛ* т. 3, с. 72).

[15] Имеется в виду «Römische Geschichte» Т. Моммзена, тома I—III, которые вышли в 1854—1856 гг.

[16] А. Ф. Базунов. Речь идет о «Повестях и рассказах И. С. Тургенева», в 3-х частях (СПб., 1856). Отвечая Тургеневу, Анненков писал: «А о убытках Базунова — это глупость, распространенная сплетней: повести давно ему окупились и приносят барыши» (*Труды ГБЛ*, т. 3, с. 73). Со своей стороны, Некрасов уже 10(22) сентября 1857 г. сообщал Тургеневу из Петербурга: «До нас в Париже доходили слухи, что твои повести тихо идут. Это пустяки — осталось от 3000 всего 300 экз.!» (*Некрасов*, т. 10, с. 362).

650. Е. Е. Ламберт (с. 268)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 32.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1914, № 10, с. 200—201. Перепечатано: *Письма к Ламберт*, с. 15—17.

Стр. 270. Г-жа Веригина (*франц.*).

[1] Тургенев имеет в виду свое письмо к Е. Е. Ламберт, начатое в Зинциге 13(25) июля и посланное из Булони 26 июля (7 августа) (см. письмо 621).

[2] В. П. Боткин.

[3] Помехой для творческой работы в этот период явились прежде всего колебания Тургенева в оценке характера и направления его литературной деятельности. Кроме того, ему мешала продолжительная болезнь, начавшаяся в Париже осенью 1856 г., а также кризис его отношений с П. Виардо (см.: *Séménoff*, p. 43—62).

[4] Ср. высказывания Тургенева о творческом кризисе и об отказе от деятельности «беллетриста» в ряде писем его 1856—1857 гг. к друзьям — Анненкову, Боткину, Дружинину, Колбасину и др. Признания в этом очень откровенном письме к Е. Е. Ламберт свидетельствуют о постепенном выходе Тургенева из тупика, в котором он себя чувствовал в предшествующие месяцы. Однако тяжелое состояние переходного периода отразилось в глубоко пессимистическом тоне начатого в Риме «Дворянского гнезда».

[5] Тургенев в Риме встречался с людьми, заинтересованными начинавшейся подготовкой крестьянской реформы,— вел. кн. Еленой Павловной, кн. В. А. Черкасским, Н. Я. Ростовцевым и др.; см. письмо 668 к П. В. Анненкову.

[6] Тему заграничной скуки Тургенев разработал в очерке «Из-за границы. Письмо первое», написанном для «Атенея» в Риме после настоящего письма.

[7] Речь идет о толках, вызванных в русском обществе мероприятиями правительства, направленными на отмену крепостного права.

[8] Тургенев еще до завершения реформы подготовлял для крепостных крестьян в Спасском переход с барщины к оброку и труду по найму. Этот проект был осуществлен к началу 1860 г., о чем писатель сообщал в письме к Н. И. Тургеневу от 10(22) февраля 1860 г.

[9] В письмах к П. В. Анненкову Тургенев неоднократно предлагал ему познакомиться с Е. Е. Ламберт. Когда состоялось их знакомство, неизвестно.

651. А. А. Фету (с. 270)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 214—215, с искажениями и с пропуском отрицательного отзыва Тургенева о стихотворении Фета «Аполлон» (о пристрастном редактировании Фетом писем Тургенева см.: Бродский Н. Фет — редактор Тургенева.— *Звенья*, т. 2, с. 469—479).

Стр. 271. я принял решение без хозяина (*франц.*).

[1] Речь идет о письмах В. П. Боткина к Тургеневу от 3 января, 7 августа, 9 августа, 17 августа и 19 августа 1857 г., напечатанных в издании: *Боткин и Т*.

[2] Незадолго до этого — 16(28) августа 1857 г.— Фет женился на сестре В. П. Боткина, Марии Петровне Боткиной. Свадьба была в Париже, и Тургенев на этой свадьбе был шафером Фета (см. письма 628, 636; *Фет*, ч. 1, с. 202—203). Упомянутое здесь «письмецо» Фета к Тургеневу до нас не дошло.

[3] Парижские покупки, в том числе приданое жены Фета, погибли при пожаре на железной дороге (см.: *Фет*, ч. 1, с. 211).

[4] Легенда о перстне, принесенном тираном Самосским Поликратом в дар богам, чтобы избавиться от их зависти, записана Геродотом. Этим сюжетом воспользовался Ф. Шиллер для своей баллады «Поликратов перстень» (1797), переведенной Жуковским в 1831 г.

[5] К этим словам Фет сделал примечание: «Мы с женою обещали угостить Тургенева на новоселье (в Москве.— *Ред.*) любимым его супом с потрохами» (*Фет*, ч. 1, с. 214).

[6] Боткина, с которым Тургенев отправился из Парижа в Рим. Тургенев имеет в виду, между прочим, письмо Боткина к нему от 18(30) сентября 1857 г., в котором читаем: «С какой стороны я ни посмотрю на нашу поездку — она меня радует и покоит душу. Поверь мне, ты получишь страсть к работе и душа проснется от вековых и меланхолических аккордов Рима. Не для себя зову я тебя туда,— а для тебя» (*Боткин и Т*, с. 139).

[7] Л. Н. и М. Н. Толстые в это время жили в Москве.

[8] Фет был в Риме в ноябре-декабре ст. ст. 1856 г. (см.: *Фет*, ч. 1, с. 172, 174). Впечатления Фета от путешествия по Западной Европе изложены им в очерках «Из-за границы»: *Совр*, 1856, № 11; 1857, № 2 и 8. Часть очерков, посвященная итальянским впечатлениям, почему-то в печать не попала; возможно, она затерялась в редакции «Современника» (см.: *Фет*, ч. 1, с. 169). Судя же по воспоминаниям Фета, его отношение к Риму и Италии в целом не совпадало с восприятием Тургенева (см.: *Фет*, ч. 1, с. 170). См. также стихотворения Фета «Италия» и «На развалинах цезарских палат».

[9] Стихотворение Фета «Аполлон Бельведерский» написано в 1856 или в 1857 г. По всей вероятности, оно было послано Тургеневу в не дошедшем до нас «письмеце» Фета (см. выше) и, вследствие отрицательного отзыва Тургенева, при жизни Фета в печати не появилось. Во всяком случае, в предисловии к одному из своих сборников (см.: Вечерние огни, выпуск третий неизданных стихотворений. М., 1888, с. IV) Фет отметил: «... не было примера, чтобы мы навязали сборнику что-либо не одобренное знатоками дела». Стихотворение «Аполлон Бельведерский» впервые было напечатано только в «Полном собрании стихотворений А. А. Фета» (СПб., 1901. Т. 1, с. 199).

[10] Стихотворение Фета «Венера Милосская» было напечатано: *Совр*, 1857, № 10.

[11] Речь идет об античных статуях Аполлона Бельведерского в Риме и Венеры Милосской в Лувре, в Париже. Последнюю Тургенев считал мерилом «абсолютной» красоты.

[12] В ближайшие полтора-два месяца это письмо не было написано, что подтверждается письмом С. Т. Аксакова к Тургеневу от 20 декабря ст. ст. 1857 г.. где С. Т. Аксаков сообщает и свой московский адрес — «на Тверском бульваре, в доме княгини Юсуповой» (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 594, 595). Очевидно, по этому адресу и было отправлено не дошедшее до нас письмо Тургенева к Аксаковым, написанное из Рима, т. е. не позднее 2(14) марта 1858 г. (см. в письме Тургенева к Л. Н. Толстому, № 689: «Аксаковым я писал еще из Рима»).

[13] О том, что́ именно имел в виду Тургенев, говоря о «поведенце» Писемского и Островского, дают представление некоторые письма современников, относящиеся к тому же приблизительно периоду: Е. Я. Колбасина (*Т и круг Совр*, с. 332—333; ср. выше, письмо 601, примеч. 5); А. А. Григорьева (А. А. Григорьев. Материалы для биографии / Под ред. В. Княжнина. Пг., 1917, с. 186).

[14] А. А. Григорьев в это время был в Италии, во Флоренции (см.: *Фет*, ч. 1, с. 224). Очевидно, в следующем не дошедшем до нас письме Фет сообщил Тургеневу адрес Григорьева, и Тургенев написал ему, но это письмо неизвестно (см. ниже, письмо 683). В письме к М. П. Погодину от 10 марта 1858 г. из Флоренции А. Григорьев сообщал: «Приехал Тургенев и мы с ним сидим ночи и говорим, говорим» (А. А. Григорьев. Материалы для биографии, с. 227).

652. Н. А. Некрасову (с. 272)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2486, л. 17—18.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1902, № 1, с. 123—124.

[1] Повесть «Ася».

[2] Тургенев отослал рукопись «Аси» в редакцию «Современника» 30 ноября (12 декабря). Повесть была напечатана: *Совр*, 1858, № 1.

[3] В словах Тургенева о «благоприятных» слухах есть, несомненно, доля скрытой иронии (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 374; см. также: *Т и круг Совр*, с. 338).

[4] См. письма к П. В. Анненкову (№ 570), И. И. Панаеву (№ 571), Е. Я. Колбасину (№ 575). Строфа XXVIII, о которой говорит Тургенев, была исключена при перепечатке «Помещика» в 7 томе сборника «Для легкого чтения» (см. наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 476—478).

[5] «Для легкого чтения», т. 6. СПб., 1857. Комедия впервые была опубликована: *Отеч Зап*, 1851, № 1. Список опечаток, составленный Тургеневым, Краевский поместил в следующем номере журнала вместе с письмом Тургенева (см.: наст. изд., Письма, т. 2, № 169, а также статью: Г о л о в а н о в а Т. П. История одного текста (о комедии И. С. Тургенева «Провинциалка»).— Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1957, т. 16, вып. 4, с. 360—365). Опечатки, указанные Тургеневым, не были исправлены при перепечатке комедии в сборнике «Для легкого чтения».

[6] Комедия «Месяц в деревне» была впервые опубликована: *Совр*, 1855, № 1. Отдельное издание комедий, которое задумывал Тургенев, было осуществлено им только в 1869 г. (*Т*, *Соч*, 1869, ч. 7. Сцены и комедии (1848—1851); см.: наст. изд., Сочинения, т. 2, с. 556).

653. Полине Тургеневой (с. 273 и 386)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 15.
Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 38—39. Перепечатано: *Séménoff*, p. 64.

[1] П. Виардо в это время находилась на гастролях в Германии.
[2] Н. С. Тургенев.

654. Л. Н. Толстому (с. 274)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив Л. Н. Толстого, папка 114.
Впервые опубликовано: *Толстой и Т*, с. 39—41.
Ошибка Тургенева в датировке письма (несоответствие чисел старого и нового стилей) исправляется в сторону нового стиля, так как, находясь в Риме, Тургенев скорее мог сделать ошибку в вычислении старого стиля, чем в новом, по которому он жил за границей.

[1] Тургенев отвечает на письмо Толстого от 21 октября (2 ноября) — 1(13) ноября 1857 г.; оно было адресовано В. П. Боткину и И. С. Тургеневу (см.: *Толстой*, т. 60, с. 231—235).
[2] Тургенев хотел ехать в Фекап из Бадена в начале августа 1857 г., но поехал вместо этого в Булонь (см. письмо 621). В своем письме Толстой спрашивал Тургенева: «Получили ли вы мое длинное письмо в Fécamps?» Письмо это не сохранилось.
[3] Т. е. П. Виардо и ее семью, а также дочь Полину.
[4] Речь идет о повести «Ася».
[5] Эти слова написаны в связи с тем, что́ Толстой писал Тургеневу о своих отношениях с сестрой Марией Николаевной.
[6] «Жених. Картина провинциальных нравов». Эта повесть Щедрина была напечатана: *Совр*, 1857, № 10. Под «юридическим» направлением литературы Тургенев подразумевал социально-обличительную и сатирическую литературу — например, «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина, а также ряд других произведений, появившихся в печати после ослабления цензурных условий в 1856—1857 гг.
[7] Тургенев так оценивает рассказ Толстого «Из записок кн. Д. Нехлюдова. (Люцерн, 8 июля)» (*Совр*, 1857, № 9). Он прочитал этот рассказ еще до его появления в печати, и эта «вещь» ему «не понравилась» (см. письмо 621).
[8] Т. е. «Казаков».
[9] Об этом Толстой заявил в письме к В. П. Боткину от 21 октября (2 ноября) 1857 г. (*Толстой*, т. 60, с. 224). Ср. ниже, в письме 656, примеч. 9.
[10] Тургенев имеет в виду очерк Н. Н. Толстого «Охота на Кавказе».
[11] См. о том же в письме к Е. Е. Ламберт (№ 650); ср. в очерке Тургенева «Поездка в Альбано и Фраскати» и в письмах к П. В. Анненкову (№ 649, 656).

655. Д. Я. и Е. Я. Колбасиным (с. 276)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редкой книги, инв. № 264.
Впервые опубликовано: *Н Вр*, № 6710, 2(14) ноября.

[1] Агасфер, или Вечный жид — персонаж средневековых легенд,

осужденный богом на вечное скитание за то, что не дал Христу отдохнуть на пути к месту распятия.

[2] Дядя — Н. Н. Тургенев, управлявший, по просьбе Тургенева, Спасским и другими его имениями. О том, что Н. Н. Тургенев разоряет крестьян, Е. Я. Колбасин уже писал Тургеневу 5(17) августа 1857 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 336).

[3] Это письмо Тургенева до нас не дошло.

[4] Желание Тургенева было выполнено: П. В. Анненков прочитал «Асю», хотя и не в рукописи, но в корректуре (см. письмо 656, примеч. 3).

656. П. В. Анненкову (с. 277)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1885, № 3, с. 14—16.

Подлинник неизвестен.

Стр. 277. пресной (*франц.*).
Стр. 278. сени (*франц.*).
Стр. 279. Карфаген должен быть разрушен — Брюллов должен быть разрушен (*лат.*, парод.).
Стр. 279. Итог (*франц.*).

[1] Письмо Анненкова от 16(28) ноября 1857 г. (*Труды ГБЛ*, т. 3, с. 71—73).

[2] Повесть «Ася», оконченная вчерне 15(27) ноября 1857 г. (см.: *Mazon*, р. 58).

[3] См. письмо 655 к Колбасиным. Анненков 21 декабря ст. ст. 1857 г. сообщил Тургеневу: «пишу к вам ⟨...⟩ тотчас по прочтении „Аси“, уже в корректуре, да и переправлять в ней нечего: это одна из самых доделанных вещей ваших» (*Труды ГБЛ*, т. 3, с. 73). Повесть опубликована: *Совр*, 1858, № 1.

[4] Письмо Коршу — «Из-за границы. Письмо первое», статья для журнала Е. Ф. Корша «Атеней». В указанном письме Анненков отвечал: «Как благодарить вас за подарок Коршу? Жду его не по неделям, а по дням» (*Труды ГБЛ*, т. 3, с. 75).

[5] Цитата из стихотворения Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла» (1829).

[6] М. И. Железнов в своих воспоминаниях о К. П. Брюллове («Значение Брюллова в искусстве») писал: «Брюллов очень хорошо понимал Рафаэля и назвал его всеобщим учителем; но он в то же время говорил, что „художник всё должен найти в себе самом, что он должен изучать древних художников, но дразнить никого из них не должен, потому что древние художники были сами по себе, а мы должны быть сами по себе“. Этот взгляд Брюллова на художника очень важен» (*Совр*, 1856, № 7, отд. II, с. 5).

[7] Тургенев пародически использует известное изречение Катона Старшего, который каждую свою речь заканчивал словами: «Caeterum censeo Carthaginem delendam esse» («Впрочем, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен»), видя в разрушении Карфагена основную историческую задачу своего времени. Тургенев видел главное условие развития русского реалистического искусства в разрушении влияния Брюллова. Отзвуки споров о Брюллове и Иванове среди русских, живущих в Риме, сохранились в неизданных письмах Алексея Бакунина. «Иванов (известный), которого картина, выставленная в течение 5 дней, породила толков без конца — и самых противоположных — присутствовал при прении ⟨Александра Бакунина и других⟩ за идеал и осуждении натурализ-

ма со всеми его порождениями, а на другой день мне только говорил, что никогда еще он не провел такого занимательного вечера...», — писал он родным 27 января н. ст. 1858 г.

[8] Анненков 16(28) ноября 1857 г. писал Тургеневу о том, что Л. Н. Толстой «приезжал показывать ⟨...⟩ свой проект заселения всей России лесами» (*Труды ГБЛ*, т. 3, с. 71). «Сам Л. Н. Толстой распустил тогда слух о том, будто он предполагает заняться лесоразведением в южной России», — пишет Анненков в своих воспоминаниях (см.: *Анненков*, с. 418).

[9] Л. Н. Толстой в письме к В. П. Боткину и И. С. Тургеневу 21 октября (2 ноября) 1857 г. действительно заявил: «Слава богу, я не послушал Тургенева, который доказывал мне, что литератор должен быть только литератор» (*Толстой*, т. 60, с. 234). См. письмо 654, которое имеет в виду Тургенев.

[10] Швейцарская повесть Толстого — «Из записок кн. Д. Нехлюдова. Люцерн».

[11] См. письмо 649, примеч. 11.

657. **Луи Виардо** (с. 279 и 387)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 234—235.

[1] Письмо Тамплие неизвестно.

[2] И. Делаво, автор единственного авторизованного перевода «Записок охотника» на французский язык, высказал ряд замечаний в предисловии к своему переводу в адрес первого переводчика «Записок охотника» Э. Шаррьера. Эти замечания могли задеть Тамплие, одного из директоров издательства «Ашетт», в котором появился перевод Шаррьера (Mémoires d'un seigneur russe ou Tableau de la situation actuelle des nobles et des paysans dans les provebces russes. Traduit du Russe par Ernest Charrière. Paris, Hachette, 1854).

[3] Об отношениях Тургенева и И. Делаво см. в статье: П р и й м а Ф. Я. Новые данные о «Записках охотника» Тургенева во французской литературе.— *Орл сб*, *1955*, с. 331—351.

[4] Второе издание «Записок охотника» в переводе Э. Шаррьера вышло уже в 1855 г. («Mémoires d'un seigneur russe» par M. Ivan Tourguénief, traduit par Ernest Charrière. Nouvelle édition, revue et complétée. Paris, Hachette, 1855). В этом издании были частично учтены замечания, высказанные И. С. Тургеневым в его письме в редакцию «Journal de St. Pétersbourg» от 7(19) августа 1854 г. по поводу перевода Э. Шаррьера (см.: наст. изд., Письма, т. 2, № 336; см. также: К л е м а н М. К. «Записки охотника» и французская публицистика 1854 г.— Сборник к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, с. 305—314). Третье издание перевода Шаррьера появилось в 1869 г., но в целом этот перевод переиздавался во Франции более 14 раз, в то время как перевод И. Делаво лишь дважды (см. об этом: А л е к с е е в М. П. Мировое значение «Записок охотника».— *Орл сб*, *1955*, с. 84). Публикуемое в русском переводе впервые это письмо Тургенева к Луи Виардо несколько расширяет наши представления об отношении писателя к переводам «Записок охотника» и к самим переводчикам. Любопытно, что в статье М. П. Алексеева еще в 1955 г. высказывалось предположение, что Тургенев, возможно, постепенно разочаровавшись в Делаво, «вынужден был признать и сам» преимущества перевода Шаррьера (там же, с. 64). Вряд ли, конечно, Тургенев отдавал пред-

почтение Шаррьеру, его реверанс в сторону издательства Ашетт, прозвучавший в этом письме, мог быть вызван и другими причинами, но очевидно, что, убедившись в непригодности Делаво как литератора, Тургенев стал более терпимо относиться к Шаррьеру. Впрочем, уже в начале этого года Тургенев писал П. В. Анненкову о Делаво как об «унылом Делаво» (см. письмо 566).

658. Д. Я. и Е. Я. Колбасиным (с. 280)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, № 73.
Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 54—55.

[1] Речь идет о «Сборнике, издаваемом студентами императорского С.-Петербургского университета» (СПб., 1857. Вып. 1). Об этом сборнике Е. Я. Колбасин писал Тургеневу: «Что это Вам вздумалось читать „Сборник студентов"? Кроме великолепного письма от Пирогова, больше ничего не найдете...» (*Т и круг Совр*, с. 340).

[2] См. письмо 649, примеч. 11.

[3] См. письмо 655. Повесть — здесь и далее — «Ася».

[4] «Академический переулок» — очерк Е. Я. Колбасина, напечатанный с посвящением Тургеневу: *Б-ка Чт*, 1858, № 8; «Два зайца. Дневник армейского офицера» — повесть его же, посвященная Н. Ф. Щербине: *Совр*, 1857, № 11. Е. Я. Колбасин в ответном письме от 21 декабря ст. ст. 1857 г. сообщил об успехе у читателей обоих этих произведений (см.: *Т и круг Совр*, с. 343).

[5] «Из-за границы. Письмо первое» — статья для журнала Е. Ф. Корша «Атеней» , помеченная в печати «Рим 19/31 декабря 1857». См. письмо 649, примеч. 2.

659. А. И. Герцену (с. 281)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 22.
Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 113—115.

[1] Приложенное Тургеневым к письму «дело» было напечатано в «Колоколе» (л. 7, 1 января 1858 г.) с предисловием Герцена, озаглавленным: «Что значит суд без гласности». Суть «дела» заключалась в следующем. В июне 1853 г. крупный полтавский помещик кн. Л. В. Кочубей выстрелом в грудь ранил своего управляющего, австрийского подданного Игнатия Зальцманна. Кочубей не признал своей вины; наоборот, «виновным» оказался его управляющий, которого сразу же после ранения власти взяли под стражу и освободили только через несколько месяцев. Кто был автором корреспонденции, переданной через Тургенева Герцену,— неизвестно.

[2] Л. В. Кочубей избирался полтавским губернским предводителем дворянства в течение нескольких трехлетий, начиная с 1853 г. 30 августа 1856 г., в связи с коронацией Александра II, Кочубей был награжден орденом св. Анны 1-й степени.

[3] См. комедию Гоголя «Ревизор» (д. 4, явл. XV): «Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей богу врет. Она сама себя высекла». Цитата из Гоголя очень точно соответствует обстоятельствам «дела», в изложении которого, в частности, говорится: «... князь же Кочубей показал, что он никогда Зальцманна к себе не приглашал, что он в кабинете его. князя, не был, а выстрелил в себя в его доме, для того, чтоб возвести на него, князя, ложный извет в таком преступлении» (Колокол, 1858, 1 января, л. 7, с. 56).

[4] Предисловие Герцена напечатано без эпиграфа.

[5] В «деле» сообщается о том, что «после 19-месячного заключения освобожден из-под стражи и сам Зальцманн, не по распоряжению суда, а точно так же, как и был посажен, по ходатайству генерал-адъютанта К.» (Колокол, 1858, 1 января, л. 7, с. 58).

[6] В письме от 31 декабря н. ст. 1857 г. Герцен писал Тургеневу: «Благодарю за присылку,— она выйдет в печати к 15 янв⟨аря⟩— с небольшим введением» (*Герцен*, т. 25, с. 149).

[7] 3(15) января 1858 г. А. В. Никитенко отметил в своем дневнике: «Вообще многим из нынешних главных начальств не нравится литературное бичевание мерзостей, совершающихся в их ведомствах. Они находят, что это повлечет неуважение к правительству. Гласность и усиление общественного мнения в делах общественных они находят вредным, особенно граф Панин» (*Никитенко*, т. 2, с. 5). В предисловии к присланному Тургеневым «делу» о Кочубее и Зальцманне Герцен отметил: «Еще хуже с гласностью в суде. Панины и компания умели остановить проекты, заставили молчать об этих жизненных вопросах» (*Герцен*, т. 13, с. 181).

660. **Е. Е. Ламберт** (с. 282)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 33.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1914, № 10, с. 201—203. Перепечатано: *Письма к Ламберт*, с. 18—21.

[1] Эти письма неизвестны.

[2] Анненков едва ли смог познакомить Е. Е. Ламберт с рукописью «Аси», так как повесть уже к 21 декабря 1857 г. (2 января 1858 г.) прошла корректуру для напечатания в «Современнике» (*Труды ГБЛ*, т. 3, с. 73).

[3] «Большая повесть» — роман «Дворянское гнездо», в котором получили развитие многие мысли, намеченные Тургеневым в переписке с Е. Е. Ламберт. См. письмо № 500, *Granjard*, p. 15—20; ср. письмо 742.

[4] Тургенев имеет в виду строившийся в то время в Англии гигантский пароход «Левиафан» (позднее названный «Great Eastern» — «Грейт-Истерн»). Возможность сооружения такого огромного судна, величайшего тогда в мире, обсуждалась в печати. В переносном смысле Тургенев разумел под «Левиафаном» Россию, готовившуюся вступить на путь реформ, прежде всего — крестьянской реформы.

[5] Впечатления от Рима и других мест Италии (в 1840 и 1857—1858 гг.) нашли отражение в творчестве Тургенева в целом ряде произведений: «Параша», «Три встречи», «Переписка», «Накануне», «Призраки», «Поездка в Альбано и Фраскати», «Вешние воды», «Песнь торжествующей любви», «Нимфы», «Лазурное царство» (см.: Гревс И. М. Тургенев и Италия. Л., 1925, с. 47—100).

661. **А. И. Герцену** (с. 284)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 23—24 об.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 115—117, с пропуском двух слов.

Стр. 284. бандеролью (*франц.*).
Стр. 284. так же (*лат.*).
Стр. 285. вино налито, так надо его пить (*франц.*).

Стр. 285. с тяжелым сердцем (*нем.*).
Стр. 286. для широкой публики (*франц.*).

[1] Письмо Герцена к Тургеневу от 19(31) декабря 1857 г.: *Герцен*, т. 26, с. 149—150.

[2] Колокол, 1857, 1 декабря, л. 6.

[3] «Книга о Корфе» — «14-ое декабря 1825 года и император Николай»,— составленный Герценом и Огаревым разбор сочинения М. А. Корфа, одобренного Александром II, «Восшествие на престол императора Николая I» (изд. в начале 1857 г.), где в верноподданническом духе описано восстание декабристов и суд над ними, причем история тайных обществ представлена подтасованно и искаженно, вплоть до намеренной клеветы на участников декабрьского движения. См.: «Письмо к имп. Александру II» и предисловие к книге (*Герцен*, т. 12, с. 35 и 67).

[4] «Charivari» — французский еженедельный сатирический журнал, издававшийся с 1832 года; в журнале сотрудничали лучшие мастера карикатуры того времени, но по своему содержанию он был скорее юмористическим, чем сатирическим изданием.

[5] «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)» было напечатано в «Колоколе» (1857, 1 октября, л. 4).

[6] Тургенев имеет в виду подготовку крестьянской реформы.

[7] Рескрипты о первых подготовительных шагах к освобождению помещичьих крестьян были даны Александром II на имя виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора В. И. Назимова (20 ноября 1857 г.) и петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатьева (5 декабря 1857 г.). Дополнением к ним был циркуляр министра внутренних дел С. С. Ланского губернаторам.

[8] Французская поговорка, равнозначная русской: «Назвался груздем — полезай в кузов».

[9] Заметка Герцена о Беринге (А. А. Тимашеве-Беринге) — «Москва» — напечатана в «Колоколе» (1857, 1 декабря, л. 6). Разоблачению жестокостей Беринга — избиения студентов, издевательства над солдатом, прогнанным сквозь строй и погибшим под палками за то, что осмелился доказывать свою невиновность и защищаться от побоев полицеймейстера,— отведено много места в «Колоколе» (1857, 1 ноября, л. 5).

[10] Тургенев ошибается, говоря о замене Беринга Ахматовым. Беринг был уволен в отставку позднее — в 1858 г., а его место занял флигель-адъютант князь А. И. Крапоткин.

[11] «Дело» Кочубея и Зальцманна было напечатано в «Колоколе» (1858, 1 января, л. 7). См. письмо 659.

[12] Источник информации Тургенева об А. М. Гедеонове и М. С. Щепкине неизвестен.

[13] «Статейка», которая понравилась «обопм», т. е. Герцену и Огареву,— рассказ «Поездка в Полесье». В письме к Тургеневу от 19(31) декабря 1857 г. Герцен писал: «Читал я твою превосходнейшую вещь в „Библ⟨иотеке⟩ для чтения“ — кроме одного места, где ты уже очень много налиризничал,— удивительно хорошо» (*Герцен*, т. 26, с. 149). В приписке к этому письму Герцена Н. П. Огарев также высказал свое положительное отношение к «Поездке в Полесье». «Крепко обнимаю вас,— писал он,— за ваш глубоко поэтический рассказ в „Библиот⟨еке⟩ для чтения“. Это одна из ваших наисимпатичнейших вещей, которая так елеем по сердцу и прошла» (Современник, 1913, № 7, с. 14).

[14] Речь идет о художнике А. А. Иванове. В письме к Тургеневу от 19(31) декабря 1857 г. Герцен писал: «Я с Ивановым знаком —

кланяйся ему, он все просит хороший гид в Сирию — рекомендуй ему, пожалуйста» (*Герцен*, т. 26, с. 150).

[15] Убеждая Герцена «не бранить» Александра II, Тургенев имеет в виду, например, такого рода герценовские его характеристики: «Закревский отстоял Беринга, и он остается московским оберполицмейстером! Вот вам и либеральный император, вот вам и сила общественного мнения! — Там, где нет гласности, там, где нет прав, а есть только царская милость, там не общественное мнение дает тон, а козни передней и интриги алькова» (Колокол, 1857, 1 декабря, л. 6, с. 43); или: «А вы рассуждаете о том, сечь или не сечь мужиков? Секите, братцы, секите с миром! А устанете, царь пришлет флигель-адъютанта на помощь!!!» (там же, с. 50).

[16] «Реаки» — реакционеры, крепостники.

[17] По-видимому, речь идет о портрете Тургенева, литографированном с фотографии, снятой Левицким в 1856 г. (см.: *ПД*, *Описание*, с. 87, № 543). В письме от 19(31) декабря 1857 г., похвалив Тургенева за «Поездку в Полесье», Герцен продолжает: «Недаром в Петербурге продают твой контрофей — как я начитал в „От⟨ечественных⟩ зап⟨исках⟩"» (*Герцен*, т. 26, с. 149). Герцен ошибся: о портрете Тургенева он «начитал» не в «Отечественных записках», а в «Заметках нового поэта», напечатавшихся в «Современнике». «В заключение,— отмечалось там,— мы рекомендуем любителям таланта И. С. Тургенева только что вышедший литографированный портрет его, сделанный учеником В. Ф. Тимма, г. *Барышевым*. Г. Барышев умел в высшей степени уловить сходство. Это один из лучших литографированных портретов, изданных в последнее время...» (*Совр*, 1857, № 12, с. 284). «Контерфей» (или, как пишет Герцен, «контрофей») — портрет (нем. Konterfei); возможно, что Герцен и Тургенев придают термину и иное значение — контрафакции, т. е. незаконного переиздания в целях наживы (франц. contrefaçon).

662. Полине Тургеневой (с. 286 и 387)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 65.
Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 39—40, с пропусками и искажениями. Перепечатано полностью: *Séménoff*, p. 65—66.

[1] Луи Виардо во время отсутствия И. С. Тургенева являлся опекуном П. Тургеневой.

[2] П. Виардо была до середины января н. ст. 1858 г. в Варшаве на гастролях и имела шумный успех (см.: Штейн В. И. Великосветская артистка.— *ИВ*, 1910, № 9, с. 970).

[3] Письмо Тургенева к Н. И. Трубецкому в печати неизвестно.

[4] Под какой фамилией числилась П. Тургенева в пансионе до 1858 г.— неизвестно. Вопрос о том, какую фамилию будет она носить, обсуждался Тургеневым в письмах к П. Виардо еще в 1850 г., но не был тогда решен.

663. А. А. Фету (с. 287)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 3—4.
Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 228—230.

Стр. 288. и с тяжелым сердцем (*нем.*).

[1] Эти письма Фета неизвестны.

[2] Цитата из «Мертвых душ» Гоголя о «господах средней руки» (т. 1, гл. IV).

[3] В своих воспоминаниях Фет пишет: «Тургенев был прав, предсказывая мне из Рима прелестное деревенское лето. Действительно, лето пролетало в частых дружеских и совершенно безоблачных сближениях» (*Фет*, ч. 1, с. 274).

[4] Тургенев намекает на подготовку крестьянской реформы. Эти строки он пишет под явным впечатлением только что полученного письма от С. Т. Аксакова. Призывая Тургенева поскорее возвратиться домой, Аксаков писал: «Важность события требует, чтобы каждый русский, образованный и благонамеренный человек, был на своем месте ... Теперь надобно говорить направо и налево, объяснять трудный и запутанный предмет и по возможности упрощать его понимание» (письмо от 20 декабря ст. ст. 1857 г.: *Рус Обозр*, 1894, № 12, с. 595).

[5] Цитата из стихотворения Фета «Еще майская ночь». У Фета:

Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной — и последней, может быть.

[6] Речь идет о предсмертном стихотворении Беранже («О Франция! Мой час настал, я умираю») в переводе Фета (*Совр*, 1858, № 1). Так как цензурное разрешение этого номера датировано 10 января ст. ст. 1858 г., можно предполагать, что перевод сначала был послан в рукописи на отзыв Тургеневу, а потом в редакцию «Современника».

[7] Фет был занят в это время переводом трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра»; летом 1858 г. он вчерне закончил перевод и неоднократно читал его Тургеневу (см.: *Фет*, ч. 1, с. 275).

[8] «Поездка в Полесье», начатая еще в апреле ст. ст. 1853 г., была закончена лишь в 1857 г. То же определение работы над ней «с тяжелым сердцем» Тургенев употребил в письме к Герцену (см. письмо № 661).

[9] Повесть — «Ася». См. письмо № 675, примеч. 5.

[10] Тургенев выехал из Рима 2 (14) марта 1858г., побывал последовательно во Флоренции, Вене, Дрездене, Лондоне, Париже, Берлине и в самом начале июня ст. ст. 1858 г. приехал в Петербург.

[11] Письмо Тургенева и Боткина к А. А. Григорьеву, о котором идет речь, неизвестно.

1858

664. **И. И. Панаеву** (с. 289)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 37—38.
Впервые опубликовано: *Панаев*, *1888*, т. 6, с. 409.

[1] Повесть — «Ася».

[2] Книги — седьмой, дополнительный том «Сочинений Пушкина», изданных П. В. Анненковым (СПб., 1857), и книга «Н. В. Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым» (М., 1857).

[3] Говоря об «окончательном расчете», Тургенев имеет в виду условие «обязательного соглашения», по которому его участники должны были получать, кроме полистного гонорара за произведения, напечатанные в «Современнике», и известный дивиденд, сооб-

разно числу подписчиков журнала; этот дивиденд уплачивался по окончании года. В письме от 17(29) января 1858 г. Панаев, отвечая на все «пункты», писал Тургеневу: «Расчет дивидента и проч. делается теперь. Я уведомлю тебя тотчас о том, что будет следовать тебе» (*Т и круг Совр*, с. 104).

[4] «Большая повесть» — «Дворянское гнездо». О работе над статьей «Гамлет и Дон-Кихот» см. письмо к В. П. Боткину № 701, примеч. 2.

665. **Редактору «Le Nord»** (с. 289 и 388)

Печатается по первой публикации: Le Nord, 1858, № 37, 6 février.

В собрание сочинений включено в издании: *Т*, *Сочинения*, т. 12, с. 377—379.

Автограф неизвестен.

[1] Письмо к редактору официозной газеты «Le Nord», издававшейся в Брюсселе на счет русского правительства, было вызвано помещенной в № 22 этой газеты от 10 (22) января 1858 г. корреспонденцией из Москвы (датирована 30 декабря ст.ст. 1857 г. и подписана «N») об обеде, состоявшемся в Коммерческом клубе 28 декабря ст. ст. 1857 г. по случаю первых шагов правительства к освобождению крестьян. На этом обеде присутствовали редакторы газет, профессора университета и литераторы всех направлений, кроме славянофильского. Письмо Тургенева было опубликовано со следующим объяснением от редакции: «Не имея возможности установить всюду постоянный контроль над всеми известиями и заключениями, сообщаемыми нашими корреспондентами, мы будем считать выражением сочувствия нам доставление возможности исправлять ошибочные сведения. С особенным удовольствием будем мы принимать поправки, адресованные нам столь осведомленными и уважаемыми лицами, как автор нижеследующего письма, с которым мы спешим ознакомить наших читателей». В начале января 1858 г. Тургенев находился в Риме и тесно общался с группой русских либеральных деятелей, центром которой была вел. кн. Елена Павловна. Оказавшись в сфере русской общественной мысли, близкой к славянофильству, Тургенев через кн. В. А. Черкасского был информирован о московских делах, в том числе и об обеде, устроенном литераторами и профессорами Московского университета (см. письмо № 668). 21 января (2 февраля) 1858 г. Черкасский писал из Рима А. И. Кошелеву: «... я душевно сожалею, что славяне в нем ⟨обеде⟩ не участвовали; эта ошибка, вроде фальшивой ноты, влияние на молодежь будет иметь нехорошее; тем более, что московский корреспондент „Nord“ не поскупился на намеки так, чтобы потопить славян зараз в глазах и власти и публики. Я уговорил Тургенева написать от себя письмо для напечатания в „Норде“ в виде протеста беспристрастного лица, уверенного в сочувствии славян к поднятому государем вопросу освобождения крестьян» (Т р у б е ц к а я О. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. М., 1901. Т. I, с. 94—95). Письмо Тургенева в свою очередь вызвало протест со стороны автора анонимной корреспонденции из Москвы, который, в частности, писал: «Почтенный г. Тургенев ошибается, полагая, что я хотел опорочить целую литературную партию, представляя ее нерасположенной к прогрессу отечества» (Le Nord, 1858, 27 Février, № 58).

[2] Для Тургенева славянофилы были одной из активных сил в борьбе за освобождение крестьян с землею. И хотя он не разделял

взглядов славянофилов на крестьянскую общину как на лучшую, исторически сложившуюся форму землевладения, ему было ясно, что в конце 1850-х годов интересы борьбы за реформу требовали единения сил. В это время и Н. Г. Чернышевский выступил в «Современнике» с рядом статей, содержавших призыв пересмотреть «холодное, отчасти насмешливое, отчасти даже неприязненное» отношение к славянофилам и их журналу «Русская беседа». Заметки о мартовских и апрельских номерах журналов за 1857 год Чернышевский почти полностью посвятил разъяснению того, чем полезны обществу славянофилы, обращая внимание на их горячую любовь к России. Аналогичные взгляды высказывал А. И. Герцен. В письме к И. С. Аксакову от 8 ноября н. ст. 1858 г. он писал: «...несмотря на все разномыслия, в одном мы соединены вполне — в общей искренней любви к России, в страстном желании освобождения крестьян с землею, и во имя этих двух баз мы горячо жмем руку вам и С⟨амарину⟩» (*Герцен*, т. 26, с. 220). Беседы на эту тему велись у Герцена и с Тургеневым, о чем свидетельствует их переписка и неоднократные встречи в 1856—1858 гг. в Лондоне. О содержании этих бесед полнее всего говорит открытое письмо Герцена к Тургеневу «Еще вариация на старую тему» (1857), написанное как продолжение недавнего спора. Герцен убеждал Тургенева в необходимости предать забвению мелочные споры со славянофилами, потерявшие интерес в преддверии экономического переворота, и способствовать этим уничтожению «заборов, мешающих свободному развитию народных сил» (*Герцен*, т. 12, с. 423—436; см. также: *Т сб*, вып. 3, с. 82—92). Рассказывая в письме к Анненкову от 19(31) января 1858 г. о выступлении газеты «Le Nord», Тургенев сделал принципиальную оговорку, что он заступается за славянофилов исключительно как за страстных и активных поборников освобождения крестьян.

666. Л. Н. Толстому (с. 290)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив Л. Н. Толстого, папка 114.

Впервые опубликовано: *Толстой и Т*, с. 43—45.

Стр. 292. под пару (*франц.*).

[1] Письмо Толстого, на которое отвечает Тургенев, неизвестно.

[2] Речь идет о рескриптах Александра II В. И. Назимову и П. Н. Игнатьеву, в которых было официально заявлено о необходимости начать подготовку к освобождению крестьян от крепостной зависимости (см. письмо 661, примеч. 7).

[3] Этот план был осуществлен, но с некоторым запозданием из-за болезни, вынудившей Тургенева заехать в Вену. В Россию он вернулся в начале июня ст. ст.

[4] Тургенев имеет в виду написанную им в Риме 9(21) января 1858 г. записку об издании журнала «Хозяйственный указатель». В письме к А. В. Головнину от 19(31) января 1881 г. он вспоминал, как провел зиму 1857/58 г. в Риме вместе с кн. В. А. Черкасским, В. П. Боткиным, Н. Я. Ростовцевым и другими соотечественниками: «Первые вести о намерении правительства освободить крестьян застали нас в Риме — и мы, под влиянием этих вестей, устроили сходки, на которых обсуждались все стороны этого жизненного вопроса, произносились речи (особенным красноречием отличался кн. Черкасский), наконец возникла мысль основать тот журнал, о котором я говорю в моей записке» (*Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 13, кн. 1, с. 44).

[5] Письмо Тургенева к губернскому предводителю дворянства — орловскому, В. В. Апраксину, или тульскому, А. Н. Арсеньеву,— неизвестно.

[6] Ср. в письме Тургенева к Анненкову от 1(13) декабря 1857 г. (№ 656).

[7] «Музыкант» — одно из первоначальных заглавий повести «Альберт». Толстой послал рукопись этой повести Некрасову в ноябре 1857 г. для декабрьского номера «Современника», но повесть не понравилась Некрасову (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 372) и появилась в «Современнике» (1858, № 8) после значительных переделок.

[8] Тургенев имеет в виду, очевидно, журнал «Военный листок», задуманный во время Крымской войны кружком офицеров-артиллеристов во главе с Толстым. О новом замысле журнала, посвященного «исключительно художеству», см.: *Толстой*, т. 60, с. 248.

[9] Проект Толстого отражал его общественно-литературное направление тех лет, складывавшееся под некоторым влиянием Фета и Дружинина и шедшее вразрез с направлением руководителей «Современника» — Некрасова и Чернышевского. Главной задачей журнала, очевидно, должна была быть борьба с материалистической эстетикой Чернышевского и с «гоголевским» (т. е. общественно-сатирическим) направлением в литературе. Тургенев, занимавший самостоятельную позицию и не разделявший в полной мере взглядов ни Чернышевского, ни его противников, отнесся к проекту Толстого очень сдержанно.

[10] Повесть Тургенева в «Современнике» — «Ася». См. о ней запись Толстого в дневнике от 19 января ст. ст. 1858 г. (*Толстой*, т. 48, с. 4) и в письме к Некрасову от 21 января ст. ст. того же года (*Толстой*, т. 60, с. 252).

[11] См. письмо 664, примеч. 3.

[12] Т. е. с их редакторами — М. Н. Катковым и Е. Ф. Коршем.

[13] В Севастополе Толстой встречался с Александром Александровичем Бакуниным; другой Бакунин — Алексей Александрович.

[14] Это письмо неизвестно.

667. Н. А. Некрасову (с. 293)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2486, л. 19—20 об.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1902, № 1, с. 124—125.

[1] Имеется в виду письмо Некрасова от 25 декабря 1857 г. (6 января 1858 г.) (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 374—376).

[2] Речь идет о начинающейся подготовке к крестьянской реформе, участие в которой Тургенев считал обязательным для всей дворянской интеллигенции и прежде всего для себя.

[3] Некрасов в указанном выше письме сообщал Тургеневу о слабости художественного отдела «Современника», о падении подписки и о предпринятых им шагах для поддержания журнала. Кроме того, Некрасов отмечал, что «обязательный союз» (т. е. «Соглашение» 1856 г.) начинает тяготить его, и он ждет Тургенева для решения этого вопроса.

[4] Некрасов в указанном выше письме так отзывается об «Асе»: «Обнимаю тебя за повесть и за то, что она прелесть как хороша. От нее веет душевной молодостью, вся она — чистое золото поэзии. Без натяжки пришлась эта прекрасная обстановка к поэтическому сюжету, и вышло что-то небывалое у нас по красоте и чистоте» (*Некрасов*, т. 10, с. 374).

[5] Речь идет о романе «Дворянское гнездо».

[6] См. письмо 701, примеч. 2.

[7] Этот план подвергся некоторым изменениям (ср. в письме 666). Проведя вместе с Боткиным две недели в Неаполе, Тургенев вернулся в Рим около 24 февраля (8 марта). 3(15) марта Тургенев выехал из Рима во Флоренцию, где провел «десять пленительных дней», затем отправился через Геную, Милан и Триест в Вену. 31 марта (12 апреля) он выехал из Вены через Прагу в Дрезден и затем в Лондон; 8(20) мая прибыл из Лондона в Париж, откуда около 27 мая (8 июня) отправился в Россию и в первых числах июня ст. ст. был в Петербурге.

[8] «Одна особа» — Полина Виардо. Тургенев отзывается на неоднократно выражавшиеся Некрасовым опасения, что он,— если будет с Виардо в Париже,— не сможет с нею расстаться. Ср. также письма 628, 688 и др.

[9] В указанном выше письме 25 декабря 1857 г. (6 января 1858 г.) Некрасов сообщал Тургеневу, что, по его мнению, после «указа о трех губерниях»,— т. е. рескрипта Александра II виленскому, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору В. И. Назимову от 20 ноября (2 декабря) 1857 г. об учреждении в этих трех губерниях комитетов для обсуждения крестьянского вопроса,— второе издание «Записок охотника» несомненно будет дозволено (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 375). Цензурное разрешение этого издания было, однако, дано лишь 7(19) февраля 1859 г.

[10] О перепечатке поэмы Тургенева «Помещик» в сборнике «Для легкого чтения» см. письма 570, 571, 575 и др., а также наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 476—478.

668. **П. В. Анненкову** (с. 294)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1885, № 3, с. 17—19.

Подлинник неизвестен.

Стр. 295. сахарная болезнь (*франц.*).
Стр. 296. недомоганья (*франц.*).

[1] См.: *Труды ГБЛ*, т. 3, с. 73—75.

[2] Обещанные для «Атенея» письма «Из-за границы» № 2 и № 3 не были отосланы. Возможно, что Тургенев их и не написал.

[3] Речь идет о статье Тургенева, помещенной в «Атенее» под названием «Из-за границы. Письмо первое».

[4] См.: *Труды ГБЛ*, т. 3, с. 76—77.

[5] Вопрос, занимающий всю Россию,— начавшаяся подготовка крестьянской реформы. «Серьезная работа» Тургенева — составление записки об издании журнала «Хозяйственный указатель» (см. письмо 666, примеч. 4).

[6] 21 декабря 1857 г. (2 января 1858 г.) Анненков писал Тургеневу о повести «Ася»: «Это одна из самых доделанных вещей ваших» (*Труды ГБЛ*, т. 3, с. 73).

[7] Тургенев приводит часть строки из стихотворения Пушкина «Арион» (1827):

И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Сравнивая себя с мифическим певцом, который «на берег выброшен грозою», Тургенев имел в виду тяжелый психологический кри-

зис, испытанный им зимой и весной 1856—1857 гг.; о нем не раз идет речь в письмах к друзьям этого периода.

[8] Великая княгиня Елена Павловна считалась в предреформенные годы главой либерально-аристократической партии в вопросе освобождения крестьян. Вокруг нее группировались в Риме перечисленные ниже Тургеневым умеренно-прогрессивные деятели, из которых иные были близки к славянофилам (кн. В. А. Черкасский и его жена), другие (большинство) — к либеральному западничеству. Ср. в письме Тургенева к А. В. Головнину 1881 г., процитированном в примечании 4 к письму 666.

[9] Акварельный портрет Тургенева, написанный А. П. Никитиным, воспроизведен в настоящем томе (см. фронтиспис). См. также письмо 613, примеч. 11.

[10] Анненков 8(20) января 1858 г. сообщил Тургеневу об обеде, устроенном московскими профессорами и литераторами в связи с обнародованием рескриптов, положивших официальное начало разработке крестьянской реформы. В московской корреспонденции, опубликованной в газете «Le Nord», сообщалось, что на этом обеде были «представлены все литературные партии, за исключением славянофилов. Было произнесено много речей и провозглашено много тостов в честь новой и благодетельной реформы» (1858, № 22, 22 янв. н. ст.). Заметка вызвала возмущение в кругах, близких к славянофилам. По просьбе В. А. Черкасского Тургенев написал к редактору «Le Nord» письмо (см. № 665, примеч. 1, 2).

[11] Речь идет о седьмом, дополнительном, томе «Сочинений Пушкина», изданных Анненковым (вышел в 1857 г.).

[12] Имеется в виду О. А. Тургенева.

[13] Это — ответ на сообщение Анненкова о состоянии здоровья Дружинина (см.: *Труды ГБЛ*, т. 3, с. 75); последний через шесть лет (в 1864 г.) умер от туберкулеза. В Зинциге Тургенев и Дружинин виделись 25—28 июля н. ст. 1857 г.

[14] См. письмо 655.

[15] Екатерине Петровне.

[16] Отзыв Е. Е. Ламберт о повести «Ася» неизвестен. С этой же просьбой Тургенев обращался и к ней самой в письме от 22 декабря 1857 г. (3 января 1858 г.) (№ 660).

669. **Полине Тургеневой** (с. 296 и 389)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 18—19.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802. 15 novembre. p. 40—41. Перепечатано: *Séménoff*, p. 66—67.

[1] Эти два письма, как и большинство писем дочери к Тургеневу, неизвестны.

[2] П. Виардо в январе 1858 г. находилась в Варшаве (см. письмо 662).

[3] Семья Трубецких — кн. Н. И. Трубецкой, его жена А. А. Трубецкая и дочь, княжна Екатерина (позднее кн. Орлова).

[4] Е. Н. Трубецкая.

670. **Полине Виардо** (с. 297 и 389)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (*Париж*). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (*Париж*).

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 90—93.

[1] Это письмо П. Виардо неизвестно.

[2] В декабре 1857 и январе 1858 г. П. Виардо с успехом выступала в Большом театре в Варшаве. «Г-жа Полина Виардо с величайшим успехом дебютировала в Варшаве в опере Беллини «Норма» — сообщали в газетах.— Вместо шести представлений, как прежде было предположено, она даст двенадцать, с платою по 500 руб. сер. за каждое и с бенефисом в ее пользу, на который билеты заранее разобраны по баснословным ценам» (*СПб Вед*, 1858, № 6, 9 января).

[3] Речь идет о написанной Тургеневым в Риме записке об издании журнала «Хозяйственный указатель» (наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 349—356). Подробнее см. письмо 666 и примеч. 4 к нему.

[4] См. также письмо к П. В. Анненкову от 19(31) января 1858 г. (№ 668).

[5] Очевидно, речь идет об А. И. Гирс (рожд. Буниной), музыкальный салон которой посещали М. И. Глинка, А. Г. Рубинштейн, А. С. Даргомыжский и другие известные музыканты. В воспоминаниях Фета содержится восторженный отзыв об исполнении А И. Гирс и ее сестрами — Верой Ивановной и Надеждой Ивановной романсов Глинки, однако Фет, вероятно ошибочно, относит этот эпизод к 1856 г., что подтверждается письмом Тургенева к А. И. Гирс от 3(15) апреля 1860 г. (см.: *Фет*, ч. 1, с. 130).

[6] Ария Альмирены «Дай мне выплакаться» из оперы «Ринальдо» Генделя.

[7] Как считает А. Звигильский, есть основания полагать, что речь идет об И. И. Васильчикове, военном губернаторе Киева и Подольска в 1856—1862 гг. По сообщению Звигильского, в неопубликованном письме к мужу от 14 января 1858 г. из Варшавы Полина Виардо упоминает князя Васильчикова («prince Wassiltchikoff») (частное собрание). Тургенев был знаком с его братьями — Александром и Виктором (см. письмо к С. Т. Аксакову от 27 декабря 1856 г. (8 января 1857 г.) — № 562).

[8] Сын Посейдона и Геры Антей отличался неодолимой силой, которую давала ему мать, богиня земли. Гераклу удалось победить Антея, лишь оторвав его от земли и подняв высоко над ней.

[9] Речь идет о повести «Ася» (*Совр*, 1858, № 1), получившей высокую оценку у современников (см.: наст. изд., Сочинения, т. 5, с. 450—458).

[10] Тургенев имеет в виду роман «Дворянское гнездо», который был задуман в начале 1856 г. Беседовать о нем с П. Виардо Тургенев мог в конце лета — начале осени этого года.

[11] «Лекарь поневоле» («Le médecin malgré lui») — комическая трехактная опера Ш. Гуно на либретто Ж. Барбье и М. Карре по одноименной комедии Мольера, была написана по просьбе директора Лирического театра в Париже Карвальо ко дню рождения Мольера. К этому времени композитором была написана почти половина оперы «Фауст», и ему пришлось прервать работу для выполнения этого заказа. Первое представление оперы состоялось в день рождения Мольера 15 января 1858 г. (см. об этом: Гуно Ш. Воспоминания артиста. М., 1962, с. 103—105). В русских газетах сообщалось об этой постановке, которая превратилась в настоящее чествование великого французского комедиографа, что побудило автора корреспонденции сожалеть, что в России подобных обычаев не существует и воскликнуть: «Не худо бы другим народам перенимать у французов не одни кринолины, но и уважение к именам даровитых писателей» (*СПб Вед*, 1858, № 24, 30 января).

[12] «Внебрачный сын» («Le fils naturel») — пятиактная комедия

А. Дюма-сына, шла на многих сценах не только во Франции, но и за ее пределами, на нее было сочинено несколько пародий. О постановке этой комедии в Париже газета «С.-Петербургские ведомости» писала, что, несмотря на успех пьесы, у нее есть и недостатки, так, «герой А. Дюма не подходит к идее, которую всякий составляет себе при имени „незаконного сына", существа отверженного, одинокого, без подпоры, без родства...» (1858, № 24, 30 января).

[13] Тургенев имеет в виду трагедию В. Альфьери «Орест» (1783).

[14] Противопоставляя в статье «И мое мнение об игре г. Каратыгина» «талант природный» и «талант случайный» на примере Мочалова и Каратыгина, Белинский высказывал мысли о сценическом искусстве и актерском мастерстве, во многом схожие с теми, которые содержатся в письмах Тургенева к П. Виардо.

[15] Этот план подвергся некоторым изменениям (см. письмо 667, примеч. 7). В марте — июне 1858 г. П. Виардо выступала в Берлине, Лейпциге и Дрездене, а летом была на гастролях в Лондоне. Впечатление от ее выступлений в Лондоне содержатся в письме В. П. Боткина к М. П. и А. А. Фетам от 1 июля 1858 г. (см.: *Розанов*, с. 111).

671. Е. А. Черкасской (с. 299)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 327 (Черкасских), разд. 2, п. 14, № 94, л. 68.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 222.

Датируется январем ст. ст. 1858 г. по времени совместного пребывания в Риме Тургенева, В. П. Боткина и Черкасских, с которыми тогда писатель сошелся «очень близко» (см. письмо 668). Позднее, в феврале 1858 г., Тургенев, Боткин и Черкасские проживали совместно в Неаполе, где постоянно общались (см. примеч. к письму 672), и в этот период вряд ли могла идти речь о визите, который упоминается в комментируемом письме.

672. В. А. Черкасскому (с. 299)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 327 (Черкасских), разд. 2, п. 14, № 95, л. 27.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 223.

Датируется 6(18) или 13(25) февраля 1858 г. по содержанию. Письмо написано в Неаполе, о чем можно судить по упоминанию Везувия. Тургенев и В. П. Боткин 4(16) февраля выехали из Рима в Неаполь, куда вслед за ними прибыли и Черкасские, и вернулись в Рим 24 февраля (8 марта) 1858 г. (об этом сообщается в неизданных письмах В. П. Боткина к брату Дмитрию Петровичу от 14, 15 февраля и от 10 марта н. ст. 1858 г.: *ИРЛИ*, ф. 365, оп. 1, № 68). Письмо Тургенева помечено четвергом. В указанный период времени на четверг приходились три даты — 6(18) февраля, 13(25) февраля и 20 февраля (4 марта). Поскольку в письмах Боткина говорится не о встрече, а о длительном общении с Черкасским («мы были в Неаполе с Черкасскими»), то и данная записка Тургенева относится к одному из первых четвергов, проведенных в Неаполе.

673. Луи Виардо (с. 300 и 391)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 423. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 235—236.

[1] См. письмо 672.
[2] Тургенев имеет в виду обещание быть шафером на свадьбе кн. Н. А. Орлова и Е. Н. Трубецкой, которая состоялась 9(21) мая 1858 г. «Видно, быть шафером мне уже на роду написано»,— не без грусти писал он Фету 26 февраля (10 марта) 1858 г., намекая на то, что и на свадьбе Фета он тоже был шафером (письмо 675).
[3] Из Вены Тургенев поехал в Дрезден, возможно, для того чтобы присутствовать на выступлениях П. Виардо, с которой он виделся в Лейпциге (см. письмо 692). Затем писатель отправился в Лондон, откуда вернулся в Париж лишь 8(20) мая 1858 г.
[4] Летом 1858 г. П. Виардо в последний раз была на гастролях в Лондоне.
[5] В марте — июне 1858 г. Виардо «произвела решительный фурор» в Берлине, Лейпциге и Дрездене (*Розанов*, с. 166).
[6] Письмо Луи Виардо неизвестно.
[7] Имеется в виду перевод К. Мармье произведений Тургенева, вышедших под названием «Сцены из русской жизни» («Scènes de la vie russe». Paris, 1858). В книгу вошли «Яков Пасынков», «Муму», «Бретёр», «Два приятеля», «Фауст» и «Три портрета».
[8] Речь идет о книге «Scènes de la vie russe, par I. Tourguéneff. Deuxième série, traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot» (Paris: Hachette, 1858). Этот перевод сделан самим Тургеневым при незначительном участии Луи Виардо, не знавшего русского языка.
[9] В феврале Полина Виардо была в Париже, откуда в марте отправилась на гастроли в Германию.

674. Д. Я. и Е. Я. Колбасиным (с. 301)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, оп. 1, № 73.
Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 55—56.
Датируя письмо, Тургенев допустил ошибку в соотношении старого и нового стилей. Принимаем как наиболее верную дату нового стиля, по которому Тургенев жил за границей; такая датировка подтверждается и указанием в письме на то, что он «на днях» вернулся из Неаполя (см. примеч. к письму 672). В опубликованном тексте письмо датировано 24 февраля без указания стиля, что вызвало такую же ошибочную датировку и у М. К. Клемана, не имевшего подлинника письма (см.: *Клеман*, *Летопись*, с. 98).

[1] Тургенев выехал из Рима во Флоренцию 3(15) марта — см. его письмо к дочери (№ 681).
[2] О письмах «Из-за границы», обещанных Е. Ф. Коршу для его журнала «Атеней», см. письмо 668, примеч. 2.
[3] Трудно сказать, на чем основывался Тургенев, говоря о провале своей повести «Ася» (*Совр*, 1858, № 1). Напротив, ряд данных свидетельствовал, что повесть была оценена, за редкими исключениями, очень положительно, и именно в писательской среде. См. сообщения Е. Я. Колбасина (*Т и круг Совр*, с. 346, 348, 349—350), восторженные отзывы Некрасова и Чернышевского (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 374), И. И. Панаева, который писал Тургеневу об «Асе», всех «приводящей в восторг — и публику, и литераторов, даже г-на Щедрина» (*Т и круг Совр*, с. 103). Положительная оценка «Аси» содержалась также в письме Е. Я. Колбасина к Тургеневу от 16(28) января 1858 г. Колбасин писал: «... для меня „Ася“ Ваша отлично хорошая вещь. По-моему, хотя она и ниже „Фауста“, но такая же

пахучая, и именно пахучая, точно в душе Вашей какой-то цветок растет...» (*Т и круг Совр*, с. 346).

Отрицательно отнеслись к новой повести Тургенева Л. Н. Толстой, В. П. Боткин и Фет. Толстой писал Некрасову: «„Ася“ Тургенева, по моему мнению, самая слабая вещь из всего, что он написал», и этот отзыв был передан Тургеневу Е. Колбасиным (см.: *Толстой*, т. 60, с. 252; ср.: *Т и круг Совр*, с. 350); Боткин считал, что «лицо Аси не удалось — и вообще вещь имеет прозаически придуманный вид» (*Фет*, ч. 1, с. 236); об отрицательном отзыве Фета см. письмо 675. Но это были отдельные голоса. На замечание Тургенева о провале «Аси» Е. Я. Колбасин 17(29) марта отвечал: «Откуда вы взяли, что „Ася“ с треском шлепнулась? Нимало; особенного впечатления не произвела ... однако весьма многие, как в литературном кружке, так и в публике, ее заметили» (*Т и круг Совр*, с. 354). Об оценке «Аси» русской критикой см.: наст. изд., Сочинения. т. 5, с. 450—455.

[4] В письме от 17(29) марта 1858 г. Некрасов сообщил Тургеневу, что дивиденд ему будет выслан, но что редакция «Современника» сочла необходимым с 1858 г. уничтожить «обязательное соглашение» (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 382). О прекращении обязательного соглашения, а также о том, что «дивиденды все получили», писали Тургеневу Д. Я. Колбасин (см.: *Т и круг Совр*, с. 352) и Е. Я. Колбасин (см. там же, с. 354). По расчетной ведомости «Современника» Тургеневу причиталось дивиденда по 143 р. 40 к. за каждый помещенный в 1857 г. печатный лист; общая сумма составила 475 р. 1 к. (см. там же, с. 358).

[5] Повесть Е. Колбасина «Два зайца. Дневник армейского офицера», с посвящением Н. Ф. Щербине, была напечатана: *Совр*, 1857, № 11.

675. А. А. Фету (с. 302)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 515, оп. 1, № 34, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 424—425.

Об ошибке Тургенева в датировке письма см. примеч. к письму 674, написанному в один день с настоящим письмом к Фету.

[1] И «первое письмо» Фета к Тургеневу, и второе неизвестны.

[2] Тургенев присутствовал в качестве шафера на свадьбе князя Н. А. Орлова с Е. Н. Трубецкой, состоявшейся в Париже 9(21) мая 1858 г. (*Герцен*, т. 26, с. 178).

[3] Тургенев 16(28) августа 1857 г. был шафером на свадьбе Фета в Париже. Шафером, по обычаю, мог быть лишь холостой мужчина, и слова Тургенева содержат намек на его судьбу — оставаться одиноким, привязанным к «чужому гнезду» Виардо.

[4] Старославянская форма дательного самостоятельного, употреблявшаяся в письмах Тургенева.

[5] Критические замечания Фета об «Асе», очевидно, были изложены в его не дошедшем до нас письме к Тургеневу. См. письмо 674, примеч. 3.

[6] Тургенев цитирует строку из стихотворения Фета «Тургеневу» (*Б-ка Чт*, 1859, № 1, с. 51). Фет не переделал эту строку при перепечатке в отдельном издании своих «Стихотворений» (М., 1863). Задуманное, по-видимому, Фетом при участии Тургенева издание новых стихотворений зимой 1858/59 г. не состоялось.

[7] Фет в это время работал над переводом трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра» и пользовался советами Тургенева.

[8] О возможной женитьбе Толстого на дочери поэта Ф. И. Тютчева Екатерине Федоровне Тургенев спрашивал самого Толстого в письме от 27 марта (8 апреля) 1858 г. (см. № 689; ср.: *Толстой*, т. 47, с. 166).

[9] Это письмо Толстого не сохранилось.

[10] Очевидно, речь идет об отрывке «Сон», посланном Толстым в письме к В П. Боткину от 4(16) января 1858 г. Здесь Толстой писал: «Ежели Тургенев еще с вами, то прочтите это ему и решите, что это такое, дерзкая ерунда или нет» (*Толстой*, т. 60, с. 248). В основу содержания отрывка положен сон, рассказанный Толстому его братом Н. Н. Толстым (см. там же, т. 47, с. 164 и 166. Отрывок напечатан там же, т. 7, с. 117—119).

676. **Томасу Карлейлю** (с. 303 и 392)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 162.

Подлинник хранится в Национальной библиотеке Шотландии в Эдинбурге (National Library of Scotland).

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. III, с. 199.

[1] Из письма Тургенева к П. В. Анненкову от 27 июня (9 июля) 1857 г. (№ 610) мы знаем, что знакомство его с Карлейлем произошло в бытность его в Англии между 24 мая и 27 июня н. ст. этого года (ср. письма 602, 604), скорее всего через посредство Герцена (см.: Алексеев М. П. Письмо А И. Герцена к Томасу Карлейлю.— *Лит Насл*, т. 61, с. 229—232). Сколь ни мимолетна была эта встреча, но она, несомненно, хорошо запомнилась как Тургеневу, так и Карлейлю. В доме Карлейля Тургенева знали как писателя (см.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX вв. М.; Л., 1960, с 317). Уже находясь в Лондоне, Боткин 12(24) мая 1858 г. писал Тургеневу: «Оставленную тобою книгу твою и письмо к Карлейлю думаю отвезти сам вместе с твоим рекомендательным письмом» (*Боткин и Т*, с. 146. «Рекомендательное письмо» — комментируемое письмо Тургенева, данное Боткину в Риме; другое письмо Тургенева к Карлейлю неизвестно). Визит этот состоялся в воскресенье 11 июля н. ст. того же года, но самого писателя Боткин не застал, и его принимала жена Карлейля. Рассказ об этом посещении существует в нескольких вариантах. Один из них записан Е. М. Феоктистовым (Феоктистов Е. М. Воспоминания. Л., 1929, с. 9—10),— по утверждению мемуариста,— со слов Тургенева. Подробный рассказ о визите Боткина сообщен самой Джейн Уэлш Карлейль в письме к ее мужу в самый день этого посещения — 11 июля 1858 г. (Lettres and Memorials of J. W. Carlyle. London, 1883, V. 2, p. 355—357; ср. упоминание об этом письме, полном иронии и забавных подробностей, в рассказе М. А. Стиль (Милютиной): И. С. Тургенев в записках и письмах к М. А. и Н. А. Милютиным.— *Рус Ст*, 1884, т. 41, с. 176, примеч. 1).

[2] Сообщая Карлейлю, что Боткин первый познакомил с его сочинениями русских читателей, Тургенев имел в виду вольные переводы нескольких очерков Карлейля: «О героях и героическом в истории, соч. Т. Карлейля» (*Совр*, 1855, № 10, с. 92—118); «Героическое значение поэта. Дант. Из Т. Карлейля» (*Совр*, 1856, № 1, с. 33—54); то же, статья вторая — «Шекспир» (там же, № 2, с. 92—104) (ср.: *Боткин*, т. 2, с. 352—394).

677. Мануэлю Гарсиа (с. 304 и 392)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 54.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. III, с. 199—200.

Адресат письма устанавливается по его содержанию (см. ниже).

[1] Это рекомендательное письмо было написано Тургеневым для В. П. Боткина ввиду предстоящей его поездки в Англию, одновременно с тремя другими письмами — Карлейлю, Милнсу и Шоу-Лефевру (см. письма 676, 678, 680). Судя по испанскому обращению и по содержанию (упоминаниям о работах Боткина, касающихся Италии и музыки), адресатом письма является несомненно Мануэль Гарсиа — брат Полины Виардо, бывший тогда профессором лондонской консерватории. Письмо не было передано адресату и осталось в бумагах Боткина.

[2] «Письма об Испании» В. П. Боткина были напечатаны: *Совр*, 1847, № 3, 10, 12; 1848, № 11; 1849, № 1, 11, а затем изданы отдельной книгой (в 1857 г.). Ср.: *Боткин*, т. 1, с. 35—283.

[3] Пять музыкальных статей Боткина, напечатанных в 1838, 1840 и 1850 гг. в «Отечественных записках», включены в издание: *Боткин*, т. 3, с. 1—84.

678. Ричарду М. Милнсу (?) (с. 304 и 392)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 102.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. III, с. 200.

Адресат письма устанавливается предположительно. Настоящее рекомендательное письмо, написанное для В. П. Боткина в один день с письмами к Т. Карлейлю (№ 676), М. Гарсиа (№ 677) и Д. Д. Шоу-Лефевру (№ 679), адресовано, по всей вероятности, Ричарду Монктону Милнсу. Письмо не было использовано Боткиным в 1858 г. и осталось в его бумагах. Знакомство Боткина с Милнсом состоялось в следующем, 1859 г., благодаря также рекомендательному письму Тургенева, написанному вторично. Это письмо нам неизвестно. «Благодаря знакомому Тургенева, г. М. М., к которому я имел от него рекомендательное письмо, доступ в нижнюю палату стал для меня нетрудным»,— пишет Боткин (см.: *Боткин*, т. 1, с. 310—311).

П. Уоддингтон предполагает, что письмо может быть адресовано менее близкому знакомому Тургенева,чем был к тому времени Р. Милнс, например, Найтингейлу или Теккерею. Основанием для этого предположения является, по мнению П. Уоддингтона, обращение «Monsieur» вместо «Cher Monsieur», как это мы видим в других письмах Тургенева к данному адресату (см.: *New Z Sl J*, 1975, № 2, p. 82).

[1] В. П. Боткин провел в Лондоне в 1858 г. более двух месяцев: он приехал во второй половине мая н. ст. (см. его письмо к Тургеневу от 30 апреля (12 мая): *Боткин* и *Т*, с. 144) и уехал 19(31) июля (см.: *Герцен*, т. 26, с. 194).

[2] Тургенев имеет в виду встречи с Милнсом в 1857 г. во время своего пребывания в Лондоне.

679. Джону Дж. Шоу-Лефевру (?) (с. 305 и 393)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. III, оп. 1, № 2034.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС* и *П*, *Письма*, т. III, с. 200—201.

Адресат письма устанавливается предположительно, по содержанию. Упоминание об интересе адресата к русскому языку дает возможность с наибольшей вероятностью считать, что оно адресовано Д. Д. Шоу-Лефевру.

Это рекомендательное письмо написано Тургеневым для В. П. Боткина в один день с письмами к Т. Карлейлю (№ 676), М Гарсна (№ 677) и Р. М. Милнсу (№ 678). Так же как письма к М. Гарсна и Р. М. Милнсу, оно не было передано Боткиным адресату в 1858 г. и осталось в его бумагах. Вторичное рекомендательное письмо к Шоу-Лефевру, данное Тургеневым Боткину в 1859 г. и переданное по назначению (см.: *Боткин*, т. 1, с. 299),— неизвестно.

[1] Тургенев имеет в виду свое пребывание в Англии в 1857 г., с 12(24) мая до конца июня н. ст., когда он познакомился со многими английскими политическими деятелями и писателями.

[2] Семья Шоу-Лефевра состояла из его жены, Рэчели Эмили Шоу-Лефевр, и сына — Джорджа Джона Шоу-Лефевра.

[3] Д. Д. Шоу-Лефевр был полиглотом, свободно читал на 14 языках, имел русскую библиотеку (см.: *Боткин*, т. 1, с. 299).

[4] Тургенев в 1858 г. приехал в Лондон около 16(28) апреля и уехал 8(20) мая. Его пребывание в Лондоне не совпало с пребыванием Боткина, который приехал в начале июня н. ст.

680. **Н. А. Некрасову** (с. 305)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2486, л. 21—22.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1902, № 1, с. 125—126.

[1] См. письмо 667, прим. 7.

[2] На эту просьбу Тургенева Некрасов отвечал 17(29) марта: «Тотчас по получении твоего письма 〈. . .〉 высылаю тебе 2500 фр. Счет твой сделаем завтра и пришлем» (*Некрасов*, т. 10, с. 381).

[3] Говоря о «некоторых выражениях» Некрасова, Тургенев, по-видимому, имеет в виду следующие строки из его письма от 25 декабря 1857 г. (6 января 1858 г.): «Должен я тебе сказать, что обязат〈ельный〉 союз меня начинает тяготить, связывая мне руки: всякий чрезвычайный расход обращается в выгоду обязательных и в неизбежный убыток мне» (*Некрасов*, т. 10, с. 375). Новые условия редакции «Современника» с участниками «соглашения» были составлены 10(22) февраля 1858 г. и разосланы участникам (см.: *Некрасов*, т. 12, с. 72—75; т. 10, с. 379). Эти условия, по-видимому, не были введены в действие, и «соглашение» распалось (см. письма 687, примеч. 5, 688, 689, примеч. 2).

[4] О ходе подписки на «Современник» сообщал Тургеневу И. И. Панаев в письмах от 10(22) января и 17(29) января 1858 г.: к последней дате «Современник» имел 2823 подписчика и занимал второе место среди журналов после «Русского вестника» (см.: *Т и круг Совр*, с. 100 и 104).

[5] Некрасов отвечал в письме от 17(29) марта: «... я своеручно вырезал и дал ему (К. И. Вульфу.— *Ред.*) отправить полтора месяца тому назад экз〈емпляр〉 „Аси“, но оказывается, что он этого не сделал...» (*Некрасов*, т. 10, с. 381).

681. **Полине Тургеневой** (с. 306 и 393)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 20.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 41. Перепечатано: *Séménoff*, p. 67.

[1] Из этого письма следует, что Тургенев выехал из Рима во Флоренцию 3(15) марта, а не 2(14), как собирался (см. письмо 674) и как считает М. К. Клеман (*Клеман, Летопись*, с. 98). См. письмо 682.

682. **Полине Тургеневой** (с. 306 и 393)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 21. Впервые опубликовано с пропусками: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 41—42. Перепечатано: *Séménoff*, p. 68.

[1] Имеется в виду, очевидно, письмо от 19(31) января 1858 г. из Рима (№ 669).

[2] Поручение Тургенева мог выполнить либо Я. П. Полонский, либо кн. В. А. Черкасский, которые в это время находились в Риме, встречались с Тургеневым и собирались ехать в Париж, причем Черкасский, как это видно из письма Тургенева к Е. А. Черкасской (№ 684), ехал туда один, оставив жену в Риме.

[3] Тургенев предполагал приехать из Вены прямо в Лондон, думая встретить там Полину Виардо. Однако певица не поехала тогда в Англию, а в начале апреля н. ст. приехала в Берлин, о чем сообщал Тургеневу Анненков в письме от 4 апреля н. ст. 1858 г. (*Труды ГБЛ*, т. 3, с. 81). Из Берлина она должна была ехать в Штеттин и Лейпциг; здесь, в Лейпциге, Тургенев встретился с ней 3(15) апреля (см. письмо 692).

[4] Короткое пребывание Тургенева в Венеции по пути из Милана в Триест, не оставившее следов в его переписке, нашло отражение в романе «Накануне» (глава XXXIII).

683. **В. П. Боткину** (с. 307)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60931.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 141, с неверным прочтением фамилии: Тинау вместо Murray.

Датируется временем пребывания Тургенева во Флоренции и на основании его писем: к дочери Полине от 3(15) марта (№ 681), написанного в день отъезда из Рима, к ней же от 6(18) марта из Флоренции (№ 682) и к Е. А. Черкасской от 13(25) марта из Пизы (№ 684). См. также письмо А. А. Григорьева к М. П. Погодину от 10(22) марта 1858 г., в котором сказано: «Приехал Тургенев, и мы с ним сидим ночи и говорим, говорим» (А. А. Григорьев. Материалы для биографии / Под ред. В. Княжнина. Пг., 1917, с. 227).

[1] Тургенев сообщает точные сведения о местонахождении анонимной в то время картины,— приписывавшейся, однако, Рафаэлю,— под названием «Портрет женщины с вуалью» (см.: Guide de la Galerie Royale du Palais Pitti par l'inspecteur Egisto Chiavacci. Florence, 1875, p. 115). Несомненная принадлежность этого портрета кисти Рафаэля была установлена позднее (см.: Guide de la Galerie Royale du Palais Pitti par le commandeur Egisto Chiavacci, revu et augmenté par Eugène Pieraccini. Prato, 1881, p. 67—68). Дрезденская мадонна — «Сикстинская мадонна».

[2] Очевидно, речь идет о путеводителе из популярной серии «Guides du voyageur. (Handbooks for travellers)», выпускавшейся английской фирмой, во главе которой стоял John Murray.

684. **Е. А. Черкасской** (с. 307)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. III, оп. 2, № 1923.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П. Письма*, т. III, с. 204—205.

Стр. 308. «Собственноручное писание духов» (*франц.*).
Стр. 308. Признаюсь, я нахожу этот подарок столь же трогательным, как и смешным (*франц.*).
Стр. 309. это не компрометирует (*франц.*).

[1] Письмо адресовано, очевидно, в Рим, где Тургенев провел зиму в тесном общении с мужем и женой Черкасскими. В. А. Черкасский должен был к этому времени уехать из Рима в Париж, а оттуда вернуться в Россию, чтобы принять участие в подготовке крестьянской реформы (см. письма 682 и 712, примеч. 6; Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. М., 1901. Т. 1, кн. 1, с. 99).

[2] Родственница Н. Я. Ростовцева – вероятно, М. С. Ольхина (см. письмо к В. П. Боткину, № 683).

[3] Друзья Тургенева в Риме — члены русского либерально-дворянского кружка, группировавшиеся вокруг вел. кн. Елены Павловны.

[4] Княгиня Воронцова — по всей вероятности, Е. К. Воронцова, которая находилась в свите вел. кн. Елены Павловны.

[5] Мнение Е. А. Черкасской о повести Тургенева «Ася» было высказано, вероятно, в письме к В. П. Боткину, нам неизвестном.

[6] Возможно, что речь идет о В. А. Олсуфьеве и его семье. Какую именно свою фотографию послал Тургенев А. А. Васильчикову, установить не удалось.

[7] Встреча Тургенева с В. А. и Е. А. Черкасскими и с П. А. Васильчиковым в России намечалась в тульском (Веневского уезда) имении Черкасских — Васильевском, куда писатель обещал заехать по пути в Спасское. Намерение это, однако, не осуществилось.

[8] Картина А. А. Иванова «Явление Христа народу» к этому времени была закончена, и ее готовили к отправке в Россию.

[9] Письма Тургенева к Н. Я. Ростовцеву неизвестны.

[10] Имеются в виду крестьянские волнения, ожидавшиеся в связи с началом подготовки крестьянской реформы, ход которой был постоянным предметом обсуждений между Тургеневым, Черкасским и другими членами русской колонии в Риме.

685. **Н. А. Орлову** (с. 309)

Печатается по ксерокопии из собрания А. Звигильского (*Париж*).

Подлинник хранится в собрании Дины Верни (*Франция*).

Стр. 309. но это неопределенно (*франц.*).

[1] О свадьбе князя Н. А. Орлова см. письма 675, примеч. 2; 686, примеч. 3; 696, примеч. 1.

[2] Доктор Ридель, врач князя Орлова.

[3] О повести «Ася» см. письмо 674, примеч. 3.

686. **П. В. Анненкову** (с. 309)

Печатается по тексту первой публикации: *BE*, 1885, № 3, с. 20—21.

Подлинник неизвестен.

[1] Письмо Анненкова к Тургеневу от 23 марта (4 апреля) 1858 г. из Берлина (*Труды ГБЛ*, т. 3, с. 80—81); Анненков писал: «... сейчас узнал от Виардо, который приехал сюда, что вы в Вене‹. . .› Сию же минуту, сию же секунду пишите мне в Берлин ... где нам съехаться».

[2] Анненков в Вену не приезжал. Встреча его с Тургеневым состоялась в Дрездене — см. письмо 691.

[3] Свадьба князя Н. А. Орлова и кн. Е. Н. Трубецкой состоялась в Париже несколько позднее, 9(21) мая 1858 г. Тургенев выехал из Лондона, чтобы быть на ней, 8(20) мая, о чем А. И. Герцен писал М. К. Рейхель (см.: *Герцен*, т. 25, с. 178.)

687. **Д. Я. и Е. Я. Колбасиным** (с. 310)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редкой книги, № 264.

Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1894, № 6716, 8(20) ноября, с опечаткой в дате: 1859 г.

[1] Письма Д. Я. Колбасина от 25 февраля (9 марта) 1858 г. и Е. Я. Колбасина от 17(29) марта 1858 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 352—355).

[2] См. письмо 686, примеч. 3, и письмо 685.

[3] Д. Я. Колбасин в неизданной части письма от 25 февраля (9 марта), на которое отвечает Тургенев, писал: «Кстати, здесь ходят слухи, что Ваш дядя рубит лес и перевозит в свое имение, а также разобрал и перевез Ваш флигель, бывший в лесу, а главное, что будто бы подал или подает ко взысканию заемное письмо, которое, говорят, вы ему дали; не знаю, насколько это всё справедливо, но считаю не лишним вас уведомить» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 53 об.).

[4] См. письмо 637, примеч. 6.

[5] Речь идет об отмене «обязательного соглашения» с начала 1858 г. (см. письмо 680, примеч. 3; письма Некрасова к Л. Толстому от 22 февраля ст. ст. (*Некрасов*, т. 10, с. 379) и к Тургеневу от 17(29) марта (там же, с. 381—382); указанные выше письма Д. Я. и Е. Я. Колбасиных). Е. Я. Колбасин писал Тургеневу: «Коалиция, как вам известно, рушилась, и вы, вероятно, уж получили циркуляр от редакции с предложением новых условий» (*Т и круг Совр*, с. 354).

[6] Речь идет об Е. Я. Колбасине.

[7] Е. Я. Колбасин сообщал Тургеневу: «Апухтин написал великолепную пародию на стихотворение Фета, напечатанное в „Рус‹ском›вестн‹ике›“» (*Т и круг Совр*, с. 354). Апухтин пародировал стихотворение Фета «Лесом мы шли по тропинке единственной» (*Рус Вестн*, 1858, № 1, кн. 2, с. 397). Пародия Апухтина была напечатана анонимно: Иллюстрация, 1858, № 12, с. 187 (см.: Апухтин А. Н. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1961, с. 358—359; то же — *Т и круг Совр*, с. 356).

[8] Д. Я. Колбасин писал: «Захар поживает благополучно и изъявляет опасения, что Вы с приездом Анненкова за границу останетесь там еще и весной не возвратитесь» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 53).

688. **Н. А. Некрасову** (с. 311)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2486, IXм. 1, л. 23.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1902, № 1, с.126, с пропусками.

[1] Письмо Некрасова к Тургеневу от 17(29) марта 1858 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 381—382).

[2] См. письмо 680, а также письмо Некрасова к Л. Толстому от 22 февраля ст. ст. 1858 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 379—380; в примечании к последнему письму ошибочно сказано, что циркуляр о прекращении действия «обязательного соглашения» в печати неизвестен; см. его текст (без начала) в том же издании: т. 12, с. 72—74).

[3] Тургенев в это время работал над «Дворянским гнездом». Роман был закончен 27 октября (8 ноября) 1858 г. (см.: *Mazon*, p. 63) и напечатан: *Совр*, 1859, № 1.

[4] Намек на отношения с Полиной Виардо. Цитируется отрывок из LII строфы седьмой главы «Евгения Онегина».

[5] Некрасов писал Тургеневу: «О себе говорить не хочется, скажу только, что спокойствие душевное и здоровье телесное у меня одинаково ненадежны» (*Некрасов*, т. 10, с. 382).

[6] Сходство Тургенев находил, очевидно, в неустроенности личной жизни и в отношениях своих с Полиной Виардо и Некрасова — с А. Я. Панаевой.

689. **Л. Н. Толстому** (с. 312)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив Л. Н. Толстого, папка 114.

Впервые опубликовано: *Толстой и Т*, с. 48—50.

[1] Имеется в виду повесть «Ася» — см. письмо 674, примеч. 3; отрицательный отзыв о повести дан в одном из писем Л. Н. Толстого к Некрасову (см. письмо 666, примеч. 10).

[2] Об отказе редакции «Современника» от заключенного в 1856 г. «обязательного соглашения» см. в письмах 680, 687, 688.

[3] «Погибший» — одно из первоначальных заглавий повести Л. Толстого «Альберт». Е. Я. Колбасин в письме от 17(29) марта 1858 г. сообщал Тургеневу о том, что Толстой «привез переделанного своего „Погибшего" и, желая, вероятно, упечь Некрасова за неблагосклонный первый прием повести, хочет по 200 рублей от листа» (*Т и круг Совр*, с. 353). См. письмо 666, примеч. 7.

[4] Тургенев имеет в виду письмо Толстого к В. П. Боткину от 4(16) января 1858 г. (см.: *Толстой*, т. 60, с. 246—250). Ср. письмо 666, примеч. 9.

[5] Это письмо неизвестно.

690. **Полине Тургеневой** (с. 314 и 394)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 22—23.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 ноября, с. 43—44. Перепечатано: *Séménoff*, p. 70—71.

[1] Тургенев имеет в виду брошь и серьги, посланные дочери из Рима.

691. **П. В. Анненкову** (с. 315)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1885, № 3, с. 22. Подлинник неизвестен.

Стр. 315. «свечи» (*франц.*).

[1] От этого плана длительного лечения Тургенев, однако, отказался,— вероятно, под влиянием известий из России, волновавших его,— и выполнил, с небольшим опозданием, намеченную ранее программу. Отъезд из Вены, где он намеревался пробыть не менее трех недель, был ускорен также и стремлением поскорее приехать в Лейпциг, где в это время гастролировала П. Виардо (см. письмо 692).

[2] Эта телеграмма не сохранилась.

[3] Комментируя это письмо, Анненков писал: «На другой же день (после получения письма Тургенева.— *Ред.*) ... я был уже в Дрездене...» (*ВЕ*, 1885, № 3, с. 21). Тургенев выехал из Вены, по-видимому, в понедельник, 12 апреля н. ст., и в тот же день прибыл в Прагу, где провел несколько часов, а может быть, и целые сутки. Пребыванием в Праге Тургенев воспользовался для знакомства с Вацлавом Ганкой, в альбоме-дневнике которого он оставил запись, датированную: «Прага, 12-го апреля 1858» (Литературный архив Чешского народного музея в Праге). Пребывание Тургенева в Праге и знакомство его с В. Ганкою не отмечены в изд.: *Клеман*, *Летопись*. См. подробнее: Измайлов Н. В. Тургенев, Вацлав Ганка и Йозеф Фрич.— *Орл сб*, 1960, с. 219—227. Во вторник, 13 апреля, или в среду, 14 апреля н. ст. 1858 г., Тургенев приехал в Дрезден, где и встретился с Анненковым.

692. **Полине Тургеневой** (с. 316 и 395)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 24.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 44. Перепечатано: *Séménoff*, p. 71—72.

[1] О приезде Полины Виардо на гастроли в Лейпциг сообщил Тургеневу П. В. Анненков в письме от 4 апреля н. ст. из Берлина (см. примеч. к письмам 686 и 691). О том же Тургенев мог узнать, конечно, и из газет.

[2] В письме к дочери из Вены от 27 марта (8 апреля) Тургенев обещал приехать в Париж в воскресенье 18 апреля н. ст. (письмо 690), как видно из следующего письма к Д. Я. Колбасину (письмо 693), он прибыл туда во вторник 8(20) апреля 1858 г.

[3] По сообщению подруги П. Тургеневой по пансиону, г-жи Герреншмидт, Тургенев, навещая свою дочь, проходил прямо в комнату Полины, где и беседовал с ней подолгу (см.: *Н Вр*, 1910, № 12361, 11(24) августа).

693. **Д. Я. Колбасину** (с. 316)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редкой книги, № 264.

Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1894, № 6716, 8(20) ноября.

[1] См. письмо 687 (Д. Я. и Е. Я. Колбасиным).

[2] См. письмо 687, примеч. 8.

[3] См. письмо 687, примеч. 3. Письмо Тургенева к Н. Н. Тургеневу неизвестно, за исключением приведенного отрывка.

[4] Т. е. Е. Я. Колбасина.

[5] Д. Я. Колбасин исполнил просьбу Тургенева; как видно из неизданного письма его к Тургеневу от 5(17) июня 1858 г., он жил в Спасском до июля 1858 г. (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 54—55).

[6] Это письмо неизвестно.

[7] Тургенев прибыл в Лондон 16(28) апреля 1858 г. (см. письмо 694); вскоре туда приехали Анненков и позднее Боткин. Под «и проч. и проч.» разумеются Герцен и Огарев.

694. **Полине Тургеневой** (с. 318 и 395)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 25.
Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 44—45. Перепечатано: *Séménoff*, p. 72.

[1] Выехав из Парижа в день написания этого письма, 15(27) апреля 1858 г., Тургенев приехал в Лондон, очевидно, 16(28) апреля. 8(20) мая он выехал обратно в Париж (см.: *Герцен*, т. 26, с. 178).

695. **Полине Тургеневой** (с. 318 и 395)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 26.
Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 ноября, с. 45. Перепечатано: *Séménoff*, p. 72—73.

[1] В самый день приезда в Лондон, 16(28) апреля 1858 г., Тургенев присутствовал на большом годичном обеде Английского литературного фонда под председательством лорда Пальмерстона. Описание этого обеда, в виде письма к А. В. Дружинину, он поместил в «Библиотеке для чтения» (1859, № 1; см. также письмо Мериме к Ж. Дакен от 3 мая 1858 г.: Mérimée P. Lettres à une Inconnue. Paris, 1874. V. 2, p. 8).
[2] Полина Тургенева родилась 26 апреля (8 мая) 1842 г.
[3] Это письмо к Луи Виардо неизвестно.
[4] Письмо Тургенева к Н. С. Тургеневу неизвестно.

696. **В. П. Боткину** (с. 318)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60932.
Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 143—144, с неточной датой: «1858».
Датируется по сопоставлению с письмами В. П. Боткина от 27 апреля (9 мая) 1858 г. (см.: *Боткин и Т*, с. 142—143), ответом на которое является настоящее письмо, и от 30 апреля (12 мая) 1858 г. (там же, с. 144—145), в свою очередь являющимся ответом на него.

Стр. 319. «меблированных комнатах» (*англ.*).
Стр. 319. устраивает ли тебя такое условие (*франц.*).

[1] Тургенев выехал из Лондона 8(20) мая 1858 г. для того, чтобы присутствовать в качестве шафера на свадьбе кн. Н. А. Орлова, которая состоялась в Париже 9(21) мая.
[2] В ответном письме В. П. Боткин писал: «Искренне спасибо тебе за твой скорый ответ: теперь я покоен и непременно постараюсь выехать отсюда 16 и не позже 17» (*Боткин и Т*, с. 144).
[3] Кабман — вернее: кэбмен (*cabman*) — извозчик (*англ.*).
[4] «Старый приятель» — А. И. Герцен. О лондонских встречах с Тургеневым писал 10(22) мая 1858 г. А. Н. Пыпин П. П. Пекарскому: «...я нашел в Лондоне несколько русских, петербургских знакомых: сюда приехали Тургенев, Боткин, Анненков, Каченов-

ский ... Мне случилось провести с своими соотечественниками несколько в высшей степени приятных вечеров» (*ГПБ*, архив П. П. Пекарского, № 355).

697. В. П. Боткину (с. 319)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60933.
Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 146—147.

Стр. 319. полюбуйся тактом Киселева (*франц.*).

[1] Тургенев обедал у русского посла в Париже П. Д. Киселева 10(22) мая 1858 г.

[2] Влиятельное положение Ж. Дантеса-Геккерна — любимца Наполеона III,— его дипломатические связи и заведомо сочувственное отношение к сближению французского правительства с русским (еще в 1850 г. Луи-Наполеон посылал его к Николаю I с дипломатической миссией) объясняют приглашение его русским послом гр. П. Д. Киселевым. Но для большинства присутствующих русских и в особенности для Тургенева эта бестактность была выражением полного презрения русского сановника к русской культуре и русскому народу. В этих обстоятельствах складывались взгляды Тургенева, выразившиеся позднее в изображениях русской придворной аристократии в «Дыме» и «Нови».— А. И. Герцен, узнав (вероятно, из письма Тургенева, сообщенного ему Боткиным) о приглашении Дантеса-Геккерна к русскому послу, с возмущением писал в «Колоколе» (1858, № 23—24, 15 сентября, с. 200): «... всё русское население, гуляющее в Париже, собралось на домашний, русский пир к послу; один иностранец и был приглашен как почетное исключение — Гекерен, убийца Пушкина!

Ну найдите мне пошехонцев, ирокезов, лилипутов, немцев, которые бы имели меньше такта!» (*Герцен*, т. 13, с. 349).

698. Н. И. Тургеневу (с. 320)

Печатается по тексту первой публикации: *Т и его время*, с. 212. Подлинник неизвестен.

Датировано в сборнике *Т и его время* 1858 годом на основании почтового штемпеля и марки городской почты на конверте, который имел в руках первый публикатор письма — А. А. Фомин. Он высказал также предположение, что здесь идет речь о первом посещении писателем (вместе с его дочерью — П. Тургеневой) семьи декабриста, дружески-родственные отношения с которой продолжались затем до самой смерти И. С. Тургенева.

699. Морицу Гартману (с. 320 и 396)

Печатается по подлиннику: Венская городская библиотека (Wiener Stadtbibliothek), № 48758. Фотокопия — в *ИРЛИ*. Записка написана на бумаге с печатным штампом гостиницы «Des trois frères», rue Taitbout (Chaussée d'Antin), в Париже, где в 1858 г. жил М. Гартман (см.: B a m b e r g e r. L. Erinnerungen. Berlin, 1899, S. 272, 276); в другой гостинице на той же улице жил тогда Тургенев (см. письма 697 и 701).

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. III, с. 218.

Написано не ранее 10(22) мая 1858 г., так как 8(20) мая Тургенев выехал из Лондона и 9(21) мая присутствовал вместе с Гарт-

маном на свадьбе князя Н. А. Орлова (см. письмо 685 и 696, примеч. 1), и не позднее 15(27) мая, дня выезда Гартмана из Парижа; кроме того, княгиня Е. Н. Орлова, в неопубликованном письме от 12(24) мая, приглашала Гартмана и Тургенева на следующий день в имение Бельфонтен, где Орловы поселились после свадьбы (Венская городская библиотека, № 54383/28).

[1] М. Гартман выехал из Парижа 15(27) мая и прибыл в Кёльн, 16(28) мая (по неопубликованному дневнику Ф. Гиллера в городском архиве г. Кельна). В Кельне намечался концерт композитора Ф. Гиллера, друга Гартмана (см.: W i t t n e r O. Moritz Hartmanns Leben und Werke. Praga, 1907. Bd. 2, S. 247—248).

[2] Тургенев, по-видимому, имеет в виду княгиню Е. Н. Орлову, рожд. Трубецкую, учебными занятиями которой Гартман руководил в 1850—1853 гг. (см.: Воспоминания Е. М. Феоктистова. Л.: Прибой, 1929, с. 48—49). Е. Н. Орловой Гартман посвятил свою книгу «Märchen und Geschichten aus Osten und Westen» со следующей надписью: «Meiner verehrten Freundin der Fürstin Katherine Orloff, geb. Trubezkoi, zur Erinnerung» (Moritz Hartmann's Gesammelte Werke. Stuttgart, 1873. Bd. 5, S. 259).

700. **А. И. Герцену** (с. 320)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, № 110, л. 25—26.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 117—118.

Стр. 321. повороты, обращения вспять (*франц.*).
Стр. 321. Прощай (*итал.*).

[1] Речь идет о приостановке продажи изданий Герцена в Париже сроком на две недели (в первой половине мая 1858 г. по ст. ст.). По этому поводу Герцен написал статью «Словобоязнь», в которой разоблачал действия III отделения и русского правительства, направленные на то, чтобы «запретить» продажу герценовских изданий даже за границей (см.: Колокол, 1858, 1 июня, л. 16; ср.: *Герцен*, т. 13, с. 281).

[2] Почти весь л. 8 «Колокола» за 1858 г. посвящен вопросу о крестьянской общине в России; в л. 12 «Колокола» была помещена большая статья Н. П. Огарева «Преобразование чиновничества», в которой чиновничество рассматривалось как паразитический слой русского общества; кроме того, в л. 12 «Колокола» был задет Александр II.

[3] «Письма из Франции и Италии» Герцена. Первые четыре письма были впервые напечатаны: *Совр*, 1847, № 10, 11. В 1850 г. вышло гамбургское издание «Писем» на немецком языке. В 1854 и 1858 гг. «Письма» выпущены двумя отдельными изданиями на русском языке в Лондоне (см.: *Герцен*, т. 5, с. 452, 454).

[4] Тургенев имеет в виду перемены, происшедшие в составе воспитателей и преподавателей наследника Николая Александровича (замена В. П. Титова А. Т. Гриммом, удаление К. Д. Кавелина), в ведомстве народного просвещения (отставка Г. А. Щербатова), действия нового министра народного просвещения — Евгр. П. Ковалевского; эти факты свидетельствовали о торжестве реакционной, крепостнической партии, стремившейся отдалить от Александра II все сколько-нибудь либеральные влияния. Поводом к переменам послужила статья К. Д. Кавелина «О новых условиях сельского быта» (*Совр*, 1858, № 4). Герцен отозвался на рассказанные Тургене-

вым события (получив о них обстоятельные сведения от Ю. Ф. Самарина и других лиц) в статье «Черный кабинет» (Колокол, 1858, 1 августа, л. 20; см.: *Герцен*, т. 13, с. 300). Ряд подробностей дают записи в дневнике А. В. Никитенко за 20—26 апреля 1858 г. (*Никитенко*, т. 2, с. 19—20, и примечания, с. 564, где указана и литература; см. также: *Рус Арх*, 1889, № 9, с. 684, 690—691, и 1892, № 12, с. 442).

[5] Дальше следует приписка П. В. Анненкова: «В письме Тургенева спешу сделать приписку, чтоб известить вас, друзья мои, что я переехал пролив — с глубокой благодарностью в душе к вам — очень благополучно. Буду писать к вам подробнее позднее, а теперь замечу следующее: Париж в руинах, люди в немоте, бульвары в блеске и полицейские во многом множестве.

Прощайте. П. Анненков».

В конце приписки Анненков дает сжатую характеристику деспотического режима Второй империи и в частности перепланировки Парижа, производившейся наполеоновским администратором бароном Османом с целью не только украсить город, но и затруднить возможность уличных баррикадных боев. Перепланировка вызвала безудержную спекуляцию участками и домами (что послужило темой для романа Э. Золя «La curée» («Добыча»)).

[6] Тургенев имеет в виду отношения со своими крепостными, которые предстояло упорядочить в связи с приближающейся крестьянской реформой.

701. В. П. Боткину (с. 321)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*, архив В. П. Боткина, № 60934.

Впервые опубликовано: *Боткин и Т*, с. 147—148.

[1] В. П. Боткин писал 22 мая (3 июня) 1858 г. Тургеневу: «...10 фунтов получил я в твоем письме благополучно» (*Боткин и Т*, с. 148).

[2] Замысел статьи «Гамлет и Дон-Кихот» относится к началу 1850-х годов (см.: Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851—1853 годы).— В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., изд-во АН СССР, 1958, с. 164). В письме речь идет о тетради, ныне хранящейся в Парижском архиве Тургенева (*Bibl Nat*). План статьи «Гамлет и Дон-Кихот» предшествует автографу повести «Ася» и следует за черновой рукописью «Поездки в Полесье»,— он записан на следующий день после ее окончания. На первом нумерованном листке, под заглавием «Гамлет и Дон-Кихот», помечено: «Начато 11-го марта (27 февр⟨аля⟩) 1857 в Дижоне, в середу.— Кончено 28-го дек⟨абря⟩ 1859 (8-го янв⟨аря⟩ 1860) в С.-Петербурге, в понедельник.— Писано с большими перерывами» (*Mazon*, p. 58).

702. Д. Я. Колбасину (с. 322)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редкой книги, № 264.

Впервые опубликовано: *Н Вр*, 1894, № 6716, 8(20) ноября.

[1] Тургенев имеет в виду гостиницу Клея (ныне Европейская).

В этой гостинице писатель останавливался неоднократно (см.: Бялый Г. А., Муратов А. Б. Тургенев в Петербурге. Л., 1970, с. 366).

[2] Это письмо к Н. Н. Тургеневу неизвестно.

703. Е. Я. Колбасину (с. 322)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, оп. 1, № 73.
Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 57.

[1] Тургенев выехал из Парижа в Берлин около 27 мая (8 июня) 1858 г. и в Берлине встретился с Е. Я. Колбасиным (см. письмо 704).

704. Е. Я. Колбасину (с. 323)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, оп. 1, № 73.
Впервые опубликовано: *Центрархив*, *Документы*, с. 54.

[1] Письмо Тургенева к Делаво неизвестно, письмо к А. М. и О. А. Тургеневым и к Н. М. Еропкиной — см. № 705.

705. А. М. Тургеневу, О. А. Тургеневой, Н. М. Еропкиной (с. 323)

Печатается по тексту первой публикации: *Центрархив*, *Документы*, с. 54.
Подлинник неизвестен.
Датируется по сопоставлению с письмом 704 к Е. Я. Колбасину, одновременно с которым написано.

[1] К этому времени Е. Я. Колбасин был автором нескольких статей, в частности: «Иван Иванович Мартынов, переводчик „Греческих классиков“» (*Совр*, 1856, № 3 и 4); «Курганов и его „Письмовник“» (*Б-ка Чт*, 1857, № 1); «Деятели прежнего времени. 1. Царь Алексей Михайлович» (*Б-ка Чт*, 1857, № 4),— а также повестей «В деревне и в Петербурге» (*Совр*, 1855, № 5; отд. изд. в 1857 г.) и «Два зайца» (*Совр*, 1857, № 11).

706. А. А. Фету (с. 323)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20293, л. 25.
Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 436.
Датируется по упоминанию о выборах в Орловский дворянский губернский комитет «для составления проекта положения об улучшении и устройстве быта помещичьих крестьян» и по сопоставлению с письмами Тургенева к П. Виардо от 25 июня (7 июля) 1858 г. (№ 707) и В. А. Черкасскому от 9(21) июля 1858 г. (№ 712). В письме к П. Виардо Тургенев сообщает, что последние три дня провел у Толстых, а в письме к В. А. Черкасскому, так же как и в настоящем письме, пишет, что на другой день после приезда в Спасское отправился в Орел на «комитетские выборы». Следовательно, Тургенев был в Орле до поездки к Толстым, т. е. до 21 июня ст. ст. Пятница, упоминаемая в настоящем письме как день приезда в Спасское, приходилась на 13 июня ст. ст. 1858 г. Письмо же, написанное несколькими днями позже (после понедельника), следует датировать временем между 16 и 21 июня ст. ст. 1858 г.

[1] Т. е. в имение Новоселки (семь верст в сторону от Мценска).

707. Полине Виардо (с. 324 и 396)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (*Париж*). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (*Париж*).

Впервые опубликовано не полностью и с некоторыми неточностями: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 7, p. 144—145; в русском переводе — *Моск Вед*, 1898, № 266, 27 сентября (9 октября).

Полностью публикуется впервые.

[1] Речь идет о смерти большого друга семьи Виардо художника Ари Шеффера, скончавшегося в Париже 3 (15) июня 1858 г. Кисти Шеффера принадлежит портрет П. Виардо. Некролог, подписанный Луи Виардо, появился в «Gazette des Beaux-Arts» (1859, 1 janvier, p. 129—141). Позднее Тургенев отметил в письме к П. Виардо, что живопись Делакруа далеко превосходит мастерство Шеффера (см.: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 133—134). Откликаясь на смерть художника, газета «Санкт-Петербургские ведомости» писала, что в лице Ари Шеффера «Франция лишилась великого художника, великого образца для подражания ⟨...⟩» Здесь же говорилось: «Он любил музыку, любил все искусство, в его мастерской красовались голова Листа и полное ума изображение г-жи Виардо, его друга. Он любил ее с отцовской нежностью, и часто она успокаивала своим пением этот трудолюбивый ум, это взволнованное сердце, эту тревожную душу» (1858, № 155, 17 июля).

[2] Корнелия Шеффер, дочь Ари Шеффера, одаренный скульптор и художник, была подругой детства Луизы Эррит-Виардо, которая тепло отзывалась о ней в своих воспоминаниях.

[3] Два брата — Н. Н. и С. Н. Толстые и их сестра — М. Н. Толстая. Тургенев ездил, вероятно, в имение последней, Покровское, неподалеку от Спасского, а не в более отдаленную от него Ясную Поляну.

[4] О муже М. Н. Толстой В. П. Толстом см. письмо 626.

[5] Сергей Николаевич Толстой.

[6] Николай Николаевич Толстой.

[7] А. А. Фет жил в имении Новоселки в семи верстах от Мценска и 17 верстах от Спасского. Тургенев, вероятно, вспоминает о приезде Фета в Париж в октябре 1856 г., когда он произвел на П. Виардо отрицательное впечатление, не соответствующее славе поэта, о которой ей говорил Тургенев. Впечатления от этой встречи сохранились в воспоминаниях Фета (см.: *Фет*, ч. 1, с. 149—162).

[8] Повесть Л. Н. Толстого «Детство» была напечатана в «Современнике» за 1854 г. под заглавием «История моего детства». Сведений о том, что Тургенев переводил «Детство» для П. Виардо, не сохранилось.

[9] Одно время Тургенев был увлечен М. Н. Толстой, которая, как полагают исследователи, послужила прототипом героини повести «Фауст», не понравившейся Полине Виардо. Вероятно, П. Виардо не одобряла увлечения писателя и потому не разрешила публиковать эту часть письма.

[10] Тургенев ездил на охоту между 9(21) и 18(30) июля,— об этой поездке он рассказывал в письме к П. Виардо (№ 714).

[11] В это время П. Виардо находилась на гастролях в Англии. 12 июня 1858 г. лондонский журнал «Атенеум» сообщал, что вскоре ожидается приезд П. Виардо, которая должна сильно поддержать Друриленский театр (№ 1598, p. 761), в следующем номере уже говорилось об ангажементе певицы в «Drury Lane» (19 июня, p. 792)

и давался восторженный отзыв (принадлежащий, по-видимому, перу Г. Чорли) об исполнении Виардо партии Розины в «Севильском цирюльнике», причем отмечалось, что «после нескольких лет спада» голос певицы приобрел «силу, легкость и уверенность» (№ 1599, p. 792). Сравнивая Виардо с А. Бозио, тоже гастролировавшей тогда в Англии, Чорли отмечал, что голос Бозио стал хуже из-за суровой погоды в России, где она пела накануне, возможно, намекая таким образом, что ухудшение голоса П. Виардо тоже было связано с ее гастролями в России. О гастролях П. Виардо в Англии сообщалось и в русских газетах. Так, в № 154 «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали, что «директор Друрилендской Итальянской Оперы ангажировал г-жу Виардо. Великая артистка дебютировала в „Barbiere“ с самым блестящим успехом» (1858, 16 июля).

708. **Полине Тургеневой** (с. 325 и 397)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 27.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 45—46. Перепечатано: *Séménoff*, p. 73—74.

Ошибка Тургенева в датировке, вызывающая несоответствие старого и нового стилей, исправляется согласно старому стилю, так как письмо написано в России и более вероятна ошибка в новом стиле.

[1] См. письмо 707.

709. **Н. Х. Кетчеру** (с. 326)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 281, № 76341.

Впервые опубликовано: *Центрархив*, *Документы*, с. 54—55.

[1] По-видимому, речь идет о рукописи не самого Тургенева, а одного из молодых литераторов, которым он помогал,— возможно, К. Н. Леонтьева (см. письмо к нему от 1(13) января 1859 г., № 748). Приложенная к настоящему письму расписка в печати неизвестна. После столкновения Тургенева с Катковым в 1856 г. по поводу «Призраков» (см. письма 541—552) отношения между писателем и редакцией «Русского вестника» в это время еще не восстановились, и Тургенев избегал писать непосредственно Каткову.

[2] Речь идет о давнишнем долге Тургенева вдове В. Г. Белинского — М. В. Белинской, давшей ему 1000 руб. в мае 1852 г., при высылке его из Петербурга в Спасское, по которому Тургенев уплачивал ежегодно проценты.

[3] Летом 1858 г. Тургенев работал над «Дворянским гнездом».

710. **И. И. Панаеву** (с. 327)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 39.

Впервые опубликовано: *Панаев*, 1888, т. 6, с. 409—410.

[1] Тургенев узнал о том, что 3(15) июля скончался художник А. А. Иванов, из газетных сообщений (см. письмо 712). В разделе «Внутренние известия» «С.-Петербургских ведомостей» от 4(16) июля 1858 г. (№ 144, который к 9 июля должен был быть получен в Спасском) было опубликовано следующее сообщение: «Еще неожиданная и страшная потеря для русского искусства! 3-его июля в 2 часа пополуночи скончался после кратковременной жестокой болезни Александр Андреевич Иванов — знаменитый творец картины

„Явление Христа Спасителя народу“, недавно привезенной в Петербург и составляющей до сих пор предмет удивления всей образованной публики...». 5(17)июля та же газета поместила на первой странице стихотворение П. А. Вяземского «А. А. Иванову» (*СПб Вед*, 1858, № 145), а в разделе «Разные известия» — сообщение о панихиде над гробом художника (там же, с. 2). Предсмертная болезнь Иванова продолжалась всего два дня, и это сделало его смерть «непонятной» и для всех неожиданной. Кроме того, Тургенев знал и о тяжелом душевном состоянии художника, который возвращался в Петербург после почти тридцатилетнего отсутствия «с ужасом и отвращением», был полон мрачных предчувствий и неоднократно говорил о них своим друзьям (см.: *Т и круг Совр*, с. 446—449). Смерть Иванова получила широкое отражение в революционно-демократической публицистике; см.: некролог, написанный Герценом, «А. Иванов» (Колокол, 1858, 1 сентября, л. 22), статью Н. Г. Чернышевского «Заметка по поводу предыдущей статьи», т. е. возражение на статью П. А. Кулиша об Иванове (*Совр*, 1858, № 11), статью Н. П. Огарева «Памяти художника» (Полярная звезда, 1859, с. 238—261).

[2] Ответом явилось письмо И. И. Панаева от 26 июля ст. ст. 1858 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 107—108).

711. **Н. Н. Толстому** (с. 327)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 85.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, т. III, с. 227.

[1] Н. Н. Толстой, выйдя в 1858 г. в отставку, поселился в своем имении Никольское-Вяземское, Чернского уезда Тульской губернии. Имение Фета Новоселки находилось между Орлом и Мценском, в 17 верстах от Спасского. В своих воспоминаниях Фет пишет, что он не в состоянии сосчитать, «сколько раз Тургеневы и Толстые сходились с нами в Новоселках или Спасском» (*Фет*, ч. 1, с. 251—252).

712. **В. А. Черкасскому** (с. 327)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 327 (Черкасских), раздел II, п. 14, № 95, л. 29.

Впервые опубликовано: Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. М., 1901. Т. 1, с. 127.

Стр. 328. поживем — увидим (*франц.*).
Стр. 328. О, да! (*англ.*).

[1] Письмо В. А. Черкасского к Тургеневу неизвестно.

[2] Черкасские и Тургенев одновременно жили в Риме зимой 1857/58 г.

[3] Цитата из «Евгения Онегина» Пушкина («Отрывки из путешествия Онегина»).

[4] Тургенев приехал в Спасское из Петербурга 13(25) июня 1858 г. (см. письмо 706, примеч.).

[5] Губернские комитеты, о которых идет речь, были одной из форм подготовки крестьянской реформы 1861 г. В «Орловских губернских ведомостях» (№ 14 от 5 апреля 1858 г.) был опубликован адрес орловского дворянства министру внутренних дел с ходатайством об открытии губернского комитета для составления проекта положения об улучшении и устройстве быта помещичьих крестьян. Адрес был датирован 1 марта 1858 г. В ответ на это ходатайство в том же номере «Орловских губернских ведомостей» напечатан «Вы-

сочайший рескрипт», данный начальнику Орловской губернии, об открытии губернского комитета и об основных принципах его работы. Одним из обязательных положений в этом рескрипте, подписанном Александром 16 марта 1858 г., было предписание назначать в состав комитетов, кроме избранных членов и кандидатов, двух лиц из «опытных помещиков» по усмотрению начальника губернии. Такими лицами в Орловском губернском комитете были В. К. Ржевский и Н. П. Данилов.

[6] Е. А. Черкасская приехала из-за границы около 13(25) июня 1858 г. (см.: Трубецкая О. Материалы..., с. 110).

[7] 1 сентября в Туле были назначены выборы дворянских депутатов в комитет по улучшению крестьянского быта, а затем и первое собрание губернского комитета. Тургенев собирался заехать к Черкасским до выборов.

[8] В июле 1858 г. В. А. Черкасский жил в городе Клин Московской губернии (см. письмо Черкасского к Ю. Ф. Самарину от 18 июля этого года в названных выше «Материалах...» О. Трубецкой, с. 126).

[9] Rotten Row — дорожка для верховой езды в Гайд-парке в Лондоне.

[10] О смерти А. А. Иванова см. в письме к Панаеву (№ 718), написанном в тот же день, что и письмо к Черкасскому. Упоминаемое письмо Черкасского к Тургеневу неизвестно. Но в письме от 18 июля 1858 г. к Ю. Ф. Самарину Черкасский делился мыслями об Иванове, сходными, по всей вероятности, с теми, которые были высказаны Тургеневу: «А что скажете о смерти Иванова? Видно, и вправь душна атмосфера!.. Уже из Рима, где видел я его каждый день, ехал он сюда к нам как осужденный и живо представлял себе конец. Никогда не забуду его страха при мысли о возвращении в Россию!» (Трубецкая О. Материалы..., с. 127).

[11] А. А. Иванов в последний год жизни страдал нервным расстройством и манией преследования (ср. в очерке Тургенева «Поездка в Альбано и Фраскати», 1861).

[12] Обед в честь Иванова состоялся в Петербурге 7(19) июня 1858 г. На нем присутствовали, кроме Тургенева и Иванова, Н. А. Некрасов, И. А. Гончаров, Н. Г. Чернышевский, А. В. Никитенко, И. И. Панаев, М. А. Языков (см.: *Никитенко*, т. 2, с. 28).

713. **Полине Тургеневой** (с. 328 и 398)

Печатается по тексту первой публикации: Mercure de France, 1931, № 802, 15 ноября, с. 46—47. Перепечатано: *Séménoff*, p. 74—75. Подлинник неизвестен.

[1] «Старый Тургенев» — Николай Иванович, декабрист — эмигрант.

714. **Полине Виардо** (с. 329 и 398)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (*Париж*). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (*Париж*).

Впервые опубликовано как два письма (с некоторыми неточностями и без окончания со слов: «Je vois assez souvent Feth»): во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 7, p. 146—147; в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, Письма, с. 122—124, XXIX—XXX.

Полностью публикуется впервые.

[1] По сообщению А. Звигильского и П. Уоддингтона (см.: *New Z Sl J*, 1979, № 1, p. 3), это письмо было подарено самой Полиной Виардо Жюлю Кларти, главному управляющему Комеди Франсэз, 26 февраля 1897 г. 28 февраля того же года Кларти писал П. Виардо: «Автограф великого романиста будет для меня дорог не больше сопровождающего его милого письма». 18 мая 1976 г. это письмо было куплено А. Ле Сеном на аукционе Hôtel Druot. В публикации Гальперина-Каминского оно было неправомерно разделено на две, хотя и вполне завершенные части. Это объясняется тем, что издатель не видел подлинника письма, а пользовался копией.

[2] О смерти А. А. Иванова см. письма 710, 712.

[3] Тургенев не совсем точен в оценке отношения русской критики к творчеству А. А. Иванова. Так, например, в корреспонденции «Санкт-Петербургских ведомостей» от 15 июня 1858 г. говорилось: «Перед картиною г. Иванова с вами сбывается то же, что было, когда вы в первый раз встретились с „Сикстинскою Мадонною“, с „Преображением“ Рафаэля, или вообще с произведениями прежних великих мастеров: вы долго вглядывались в них прежде, чем прониклись их красотами, но потом они уже окончательно овладевали вами и вы никогда не могли избавиться от их обаятельной власти». Картина Иванова называлась здесь «целой академией живописи для молодых художников» (№ 129). В № 145 той же газеты было помещено стихотворение П. А. Вяземского, посвященное А. А. Иванову, а в № 146 в фельетоне «Петербургская летопись» автор корреспонденции, откликаясь на кончину художника, писал: «Только что возвратившийся в отечество, он умер, не дослушав даже привета братьев, с которыми так долго был разлучен, привета, к которому примешивался уже голос зависти и невежества,— умер 〈. . .〉 в цвете сил, не успев насладиться и малою долею того, для чего живет и трудится художник, что руководит его вдохновением, подкрепляет среди труда, поддерживает среди разочарований и лишений!» (6 июля 1858). Газетная статья, о которой говорит Тургенев,— статья В. Толбина «О картине господина Иванова», напечатанная в еженедельном журнале «Сын отечества» (1858, № 25, 22 июня). Статья выражала взгляды реакционной академической школы живописи, возглавляемой Ф. А. Бруни. Слова Тургенева «des dédains calculés» («рассчитанное пренебрежение») намекают на грубое невнимание, с которым отнеслись петербургские власти (и Академия художеств, возглавляемая сестрой царя — вел. кн. Марией Николаевной, и сам Александр II) к картине Иванова, и на ряд нанесенных ему обид — например, оскорбительное для художника столкновение с гр. А. Д. Гурьевым, о котором рассказывает Герцен в статьях «О бороде А. А. Иванова» и «Иванова борода и Гурьева лоб» (Колокол, 1858, 15 октября, л. 26 и 15 ноября, л. 28 — см.: *Герцен*, т. 13, с. 352 и 391); история эта произошла в мае, и о ней мог рассказать Тургеневу сам Иванов.— Указ о «пожаловании» Иванову 15 000 руб. и ордена Владимира пришел уже после его смерти.

[4] Суждение Тургенева о картине «Явление Христа народу» и о значении творчества Иванова как противодействия школе Брюллова см. в его статье «Поездка в Альбано и Фраскати (Воспоминание об А. А. Иванове)» (1861), напечатанной в газете «Век» (1861, № 15) (см.: наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 75—85). См. также письмо Тургенева к Анненкову от 12 ноября н. ст. 1857 г. (№ 649).

[5] С момента написания первой части письма, т. е. 9(21) июля.

[6] Речь идет о романе «Дворянское гнездо».

[7] О губернских комитетах для подготовки крестьянской реформы см. письмо 712, примеч. 5.

[8] После возвращения в Спасское Тургенев действительно часто виделся с А. А. Фетом, с которым он ездил на охоту. См. об этом в воспоминаниях Фета (*Фет*, ч. 1, с. 254—269, 277—278). «Свидания наши с Тургеневым стали с этого дня весьма часты»,— писал Фет (там же, с. 251).

[9] В своих воспоминаниях Фет писал: «Передавая мне поклон от мадам Виардо, Тургенев сообщил, что она положила несколько моих стихотворений на музыку, которую прелестно поет, правильно выговаривая русские слова, и говорит про меня: „c'est mon poète" 〈„это мой поэт"〉» (*Фет*, ч. 1, с. 250).

[10] В это время П. Виардо была еще в Лондоне (см. письмо 707, примеч. 11).

[11] Речь идет о статье Г. Чорли, посвященной выступлению П. Виардо в «Сомнамбуле» Беллини. Чорли отмечал, что П. Виардо дебютировала в партии Амины «без репетиций» и называл ее выступление «подлинным триумфом». «Время укрепило и усовершенствовало ее голос,— писал Чорли, как бы опровергая слухи о том, что вокальные возможности певицы значительно уменьшились,— придав ему силу и непринужденность, каких дотоле на этой сцене у него не бывало» (Athenaeum, 1858, N 1601, July 3, p. 25). Отзыв об исполнении П. Виардо партии Амины содержится также в письме В. П. Боткина к М. П. и А. А. Фетам от 1 июля 1858 г. (см.: *Розанов*, с. 111).

[12] Имеется в виду Клоди Виардо.

715. **В. А. Черкасскому** (с. 332)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 327 (Черкасских), раздел II, п. 14, № 95, л. 28.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 224.

[1] С 1 по 4 сентября 1858 г. в Туле должно было происходить дворянское собрание для выборов депутатов в губернский комитет по улучшению крестьянского быта. Ср. письма 712, 718, 720.

[2] Н. В. Шеншин умер в Петербурге 20 июля ст. ст. 1858 г.

[3] Н. А. Некрасов сообщил Тургеневу о расторжении «обязательного соглашения» в письме от 8 апреля ст. ст. 1858 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 382).

[4] В. А. Черкасский был сотрудником журнала «Русская беседа», органа славянофилов, до августа 1858 г. возглавлявшегося А. И. Кошелевым, после которого редактором стал И. С. Аксаков. Намерения Тургенева участвовать в этом журнале своими произведениями (что было бы явным выражением его расхождения с «Современником») не осуществились, и Тургенев еще на год остался сотрудником журнала Некрасова.

716. **Н. Х. Кетчеру** (с. 332)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 281, № 76342.

Впервые опубликовано: *Центрархив*, *Документы*, с. 55.

[1] Письма М. В. Белинской к Тургеневу неизвестны.

[2] О долге Тургенева М. В. Белинской см. письмо 709.

[3] Это письмо Тургенева к М. В. Белинской неизвестно.

717. А. В. Дружинину (с. 333)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 167, оп. 4, № 10, л. 9—10.

Впервые опубликовано: *Письма к Дружинину*, с. 327—328.

Стр. 333. нужно уживаться со своим врагом (*франц.*).

Стр. 333. Литературного фонда (*англ.*).

1 Письмо от 10(22) августа 1858 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 211—214).

2 В своем письме Дружинин расспрашивал Тургенева, где и при каких обстоятельствах он встретился с П. В. Анненковым, и предлагал в сентябре, когда Анненков вернется из-за границы, устроить в его честь «обед изумительно роскошный» (*Т и круг Совр*, с. 212).

3 Дружинин писал в указанном письме: «На днях читал я где-то, что вы, в бытность свою в Лондоне, присутствовали на обеде учредителей literary fund... Кто его устроил? На каком основании? Что в нем стоит заимствования? Отчего Диккенс там всё ссорится и как-то гадит?» (*Т и круг Совр*, с. 213). О полемике Диккенса с Литературным фондом см.: Fielding K. J. Dickens and the Royal Literary Fund — 1858.— The Review of English Studies, 1955, № 24, v. 6, p. 383—394.

4 В том же письме Дружинин просил Тургенева «описать (в виде частного письма, путевой заметки и т. п.) обед, на котором вы были» (*Т и круг Совр*, с. 213). Свое обещание Тургенев выполнил, написав статью «Обед в обществе английского литературного фонда» (*Б-ка Чт*, 1859, № 1, с. 81—86; см. также: наст. изд., Сочинения, т. 10, с. 253—258).

5 Трагедия Шекспира «Антоний и Клеопатра» в переводе А. А. Фета напечатана: *Рус Сл*, 1859, № 2. О совместной работе Тургенева и Фета над переводом см. в письме 724, а также в кн.: *Фет*, ч. 1, с. 275.

6 Трагедия Шекспира «Юлий Цезарь» в переводе Фета напечатана: *Б-ка Чт*, 1859, № 3. В рецензии М. Лавренского (Д. Л. Михаловского) на перевод (*Совр*, 1859, № 6, отд. VIII, с. 255—289) было напечатано приводимое в настоящем письме пародийное двустишие Тургенева «Брыкни коль мог...», что вызвало большое недовольство Фета (см.: *Фет*, ч. 1, с. 307).

7 «Кариолан» Шекспира в переводе Дружинина напечатан: *Б-ка Чт*, 1858, № 12.

8 Речь идет об А. А. Базыкиной, крестьянке из дер. Грецовки, которая изображена Толстым в рассказах «Идиллия» и «Тихон и Маланья» в лице Маланьи и в рассказе «Дьявол» в лице Степаниды (см. запись в «Дневнике» Л. Н. Толстого от 10—13 мая 1858 г.: *Толстой* т. 48—49, с. 15).

9 О выборах в Дворянские губернские комитеты для составления проектов улучшения быта помещичьих крестьян см. письма 712, 715, 720.

10 Намерение ехать за границу Толстой осуществил только в июле 1860 г.

11 Имеется в виду работа над романом «Дворянское гнездо».

718. Полине Тургеневой (с. 335 и 400)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 28—29 об.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 47—48. Перепечатано: *Séménoff*, p. 75—77.

[1] Тургенев ездил в Тулу на выборы губернского комитета по крестьянскому делу, происходившие с 1 по 4 сентября ст. ст., и подписал в числе прочих «Мнение 105 тульских дворян о наделе крестьян землею» (*Совр*, 1858, № 12).

[2] П. Виардо с конца 1857 г. по сентябрь 1858 г. была на гастролях в Германии, в Варшаве и других местах. В Куртавнеле в ее отсутствие между ее дочерьми и другими членами семьи Виардо, Гарсиа и Сичес происходили ссоры.

[3] См. выше, примеч. 1. Письмо Тургенева к Полине Виардо о поездке в Тулу неизвестно.

[4] О. А. Тургеневу.

[5] Фанни — дочь Н. И. Тургенева.

[6] Клара Тургенева, жена Н. И. Тургенева.

[7] Семья декабриста Н. И. Тургенева летом жила на своей вилле Вер-Буа («Vert Bois»), или «Зеленая роща», как ее называл Н. И. Тургенев, возле Буживаля, в окрестностях Парижа.

[8] Клоди, вторая из дочерей Л. и П. Виардо, любимица Тургенева.

719. **А. А. Фету** (с. 336)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20293, л. 1.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 436.

Год написания письма определяется, во-первых, упоминанием о собаке Непире, о которой Фет пишет в своих воспоминаниях, относящихся к осени 1858 г. (*Фет*, ч. 1, с. 286). Во-вторых, 9(21) сентября приходилось на вторник в 1858 г.

720. **Н. А. Некрасову** (с. 336)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 134, оп. 11, № 25, л. 4.

Впервые опубликовано: *Т и круг Совр*, с. 121—122.

[1] Письма от конца июля и от 27 августа (ст. ст.) 1858 г.: *Некрасов*, т. 10, с. 386 и 387.

[2] «Дворянское гнездо».

[3] Повесть Н. Кохановской (псевд. Н. С. Соханской) «После обеда в гостях» была напечатана: *Рус Вестн*, 1858, № 8, кн. 2. Высокую оценку повести дал Салтыков-Щедрин (*Совр*, 1863, № 9).

[4] Статья Н. Г. Чернышевского «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», подписанная «Н. Ч.», была опубликована: *Совр*, 1858, № 8 и 9.

[5] Речь идет о поэме Байрона «Мазепа» (*Совр*, 1858, № 5) в переводе Д. М.-х-л. (Д. Л. Михаловского), и о поэме А. Мицкевича «Конрад Валленрод» (*Совр*, 1858, № 6) в переводе И. Шершеневича. Некрасов, отвечая Тургеневу, писал: «„Валленрода“ я тиснул, соблазнившись открывшейся возможностью печатать Мицкевича, а перевод дубовый точно. Но „Мазепу“ хвалят...» (*Некрасов*, т. 10, с. 391—392).

[6] Чтобы участвовать в дворянском собрании для выборов губернского комитета по крестьянскому делу, надо было иметь дворянский мундир. Слуга Некрасова В. Матвеев, по-видимому, неоднократно выполнял хозяйственные поручения Тургенева в Петербурге (ср. письмо Некрасова к Тургеневу от конца июля 1858 г.: *Некрасов*, т. 10, с. 386).

721. Ег. П. Ковалевскому (с. 337)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 356, Е. П. Ковалевского, № 347, л. 1.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1884, № 5, с. 399. Перепечатано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 58.

[1] Еженедельная политическая и литературная газета «Московский вестник» начала выходить в Москве с февраля 1859 г. и выходила до 1861 г.

[2] Разрешение на выход «Московского вестника» было подписано министром народного просвещения Евгр. П. Ковалевским 12(24) января 1859 г. (подробнее см. в примечаниях к письмам 729 и 743 — И. В. Павлову и Н. А. Основскому).

[3] Издателем «Московского вестника» был В. Рудаков, редактором — Н. Н. Воронцов-Вельяминов; основными сотрудниками — Н. А. Основский, И. В. Павлов, А. Н. Плещеев, И. А. Шохин и др.

[4] Ег. П. Ковалевский неоднократно содействовал «Современнику» в его отношениях с цензурой (см. *Некрасов*, т. 10, с. 431), а также устраивал на службу рекомендованных друзьями лиц. В ноябре 1858 г. Ег. П. Ковалевский стал председателем основанного в Петербурге Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

[5] Тургенев приехал в Петербург в конце ноября 1858 г. Встреча с Ег. П. Ковалевским произошла вскоре же — по всей вероятности еще в 1858 г., когда шли «кровопролитные битвы» за разрешение «Московского вестника».

722. А. Н. Апухтину (с. 337)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 1002, оп. 2, № 3.

Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 304—305, с ошибочным указанием адресата: А. Н. Плещееву (та же ошибка повторена в книге: *Séménoff*, p. 83).

Стр. 338. Мужайтесь, святой отец! — Мужайтесь, синьор Алексис! (*итал.*).

[1] Письмо Апухтина к Тургеневу неизвестно. В 1858 г. Тургенев и Фет заезжали в Павлодар, имение матери Апухтина, находившееся в Калужской губернии, неподалеку от Спасского (см.: Чайковский М. Алексей Николаевич Апухтин. (Биографический очерк).— В кн.: Сочинения А. Н. Апухтина. 4-е изд. (и послед.). СПб., 1900, с. X.

[2] Тургенев имеет в виду наступивший после окончания Восточной войны (1853—1856) поворот к правительственным реформам, с которым он связывал большие надежды, и сопоставляет настоящее время с политической реакцией конца 1830-х годов, когда он сам вступал в жизнь и в литературу.

[3] Какие именно стихотворения Апухтин послал Тургеневу — неизвестно. Большинство ранних, еще не очень самостоятельных его стихотворений проникнуто мотивами грусти и разочарования.

[4] Говоря о том, что его «физиономия сказалась под тридцать лет», Тургенев имеет в виду время своей работы над «Записками охотника», которые он начал печатать («Хорь и Калиныч») в 1847 г. в возрасте 29 лет. Первое же крупное литературное произведение Тургенева, поэма «Стéно», было им написано в 1834 г., когда ему было 16 лет.

723. **К. Н. Леонтьеву** (с. 339)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, № 4855/13, л. 1—2.
Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1886, № 12, с. 77—78.

Стр. 340. песок в моче (*франц.*).

[1] Н. С. Тургеневу; это письмо, не дошедшее до нас, было написано Леонтьевым, по-видимому, в январе — апреле 1858 г.

[2] Тургенев имеет в виду свою поездку за границу на пароходе «Николай I», который вышел из Кронштадта 15(27) мая 1838 г. и сгорел близ берегов Германии, почти в виду Любека. Это происшествие впоследствии было описано им в очерке «Пожар на море» (1883). Товарищ, о котором идет речь в письме,— барон Д. Г. Розен. Леонтьев в это время жил в имении Розена в качестве домашнего врача.

[3] Леонтьев, по-видимому, работал над очерком «Сутки в ауле Биюк-Дорте», который был напечатан в «Отечественных записках» (1858, № 7).

724. **А. В. Дружинину** (с. 340)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 167, оп. 4, № 10, л. 11—12.

Впервые опубликовано (факсимиле): *ГЛМ*, *Бюллетени*, с. 29—32.

[1] Письмо от конца сентября 1858 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 390—392).

[2] В Лондоне, в начале мая н. ст. 1858 г.

[3] Беляев — Александр Николаевич.

[4] Тургенев имеет в виду поход Регула на Карфаген в 256 г. до н. э. в период 1-й Пунической войны. Поход этот принес римскому полководцу победу.

[5] «Повесть» — «Дворянское гнездо»; роман был предложен Тургеневым Некрасову для «Современника» в обмен на право второго издания «Записок охотника», уступленное им в 1856 г. Некрасову, за что Некрасов уплатил ему 1000 руб. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 348—349, 391, 392—393, а также письма Тургенева к Некрасову — № 725 и 744). Так как «обязательное соглашение» «Современника» с четырьмя литераторами было уже отменено, то Тургенев, отдав «Дворянское гнездо» Некрасову, мог считать себя свободным и вправе печататься в «Библиотеке для чтения» Писемского и Дружинина.

[6] Речь идет о книге: Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле Постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения. В 4-х ч. 2-е изд. М., 1856. Подробный восторженный отзыв Дружинина об этой книге см. в его письме к Тургеневу от 19 сентября (1 октября) 1858 г. (*Т и круг Совр*, с. 217—218).

[7] Вероятно, Тургенев имеет в виду книгу А. Н. Муравьева «Жития святых российской церкви, также Иверских и Славянских», первое издание которой вышло в 1855—1858 гг.

[8] О повести Кохановской (Н. С. Сохинской) «После обеда в гостях» см. письмо 720. Письма Сохинской (Кохановской) к Дружинину см.: *Письма к Дружинину*, с. 289—294. Писательница почти безвыездно жила на хуторе Макаровка, Купянского уезда, Харьковской губернии.

[9] Тургенев имеет в виду эпизод из повести «После обеда в гостях», в котором рассказано о дружбе «городнического козла и протопопской гусыни», напоминающей аналогичные картины украинского провинциального быта в повести Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» (1840).

[10] См. письмо 717, примеч. 5 и 6.

725. Н. А. Некрасову (с. 342)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 134, оп. 11, № 25, л. 6.

Впервые опубликовано: Некрасовский сборник / Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова. Пг., 1918, с. 95.

[1] Письмо от конца сентября 1858 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 390—392).

[2] «Дворянское гнездо».

[3] См. письмо 724, примеч. 5. Некрасов вначале принял предложение Тургенева, потом отказался от него, а гонорар за «Дворянское гнездо» предложил повысить до 4000 руб. В конце концов, право издания «Записок охотника» было возвращено Некрасовым Тургеневу (см. письмо 724, примеч. 5 и письмо 744).

[4] По-видимому, Катков предложил Тургеневу напечатать «Дворянское гнездо» в «Русском вестнике». Возможно, речь шла также и о втором издании «Записок охотника». Это было возобновлением отношений между Катковым и Тургеневым после столкновения из-за «Призраков» и «Фауста» в 1856 г. Письмо Каткова к Тургеневу, о котором идет речь, неизвестно.

[5] Ответ Некрасова на это письмо от 17(29) октября 1858 г. см.: *Некрасов*, т. 10, с. 392—393.

726. Полине Тургеневой (с. 342 и 400)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 30—31 об.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 48—50. Перепечатано: *Séménoff*, p. 77—79.

[1] Полина Тургенева, которая и в Париже виделась с отцом редко, была недовольна его пребываниями в России.

[2] Тургенев выехал из Спасского в первых числах ноября ст. ст. и, приехав в Петербург в 10-х числах ноября 1858 г., прожил там до второй половины марта 1859 г.; проведя затем месяц в Спасском и несколько дней вновь в Петербурге, он в начале мая ст. ст. 1859 г. приехал в Париж.

727. А. А. Фету (с. 344)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 32, л. 28.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 309, без даты.

Стр. 344. и на этом точка! (*нем.*).

Датируется предположительно концом сентября — первой половиной октября ст. ст. 1858 г. Тургенев в это время жил в Спасском, М. Н. Толстая в Ясной Поляне, а Фет собирался уезжать в Москву (см.: *Фет*, ч. 1, с. 279). Осень 1858 г. наиболее вероятна потому, что осень 1857 и 1860 гг. Тургенев провел вне России, ранее же 1857 г. письмо также не могло быть написано, так как в нем Тургенев при-

глашает Фета приехать вместе с женой, а Фет женился в 1857 г. В 1861—1864 гг. М. Н. Толстая жила за границей; в позднейшие годы встречи Тургенева с М. Н. Толстой маловероятны. В 1859 г. Тургенев жил в Спасском весной очень недолго (с 26 марта по 20 апреля ст. ст.), а осенью за все время своего пребывания в Спасском (с 18 сентября по 12—22 ноября ст. ст.) он ни разу не встречался с М. Н. Толстой (см. письмо 861, наст. изд., т. 4).

728. М. Н. Толстой (с. 344)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 27, л. 3. Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 1, с. 294.

Письмо датируется по связи с письмами 730 (М. Н. Толстой от 24 октября ст. ст. 1858 г.) и 731 (И. П. Борисову от 25 октября ст. ст. 1858 г.).

[1] Это письмо М. Н. Толстой к Тургеневу неизвестно.
[2] Заехать в Ясную Поляну Тургенев не смог (см. письмо 734).
[3] Л. Н. Толстому.

729. И. В. Павлову (с. 345)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 72, л. 6. Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. III, с. 247.

[1] Письмо И. В. Павлова к Тургеневу и присланные им первоначальные тексты программ «Московского вестника» неизвестны. Об издании «Московского вестника» см. письмо 721.

[2] По поводу выработки текста объявления об издании «Московского вестника» И. В. Павлов писал Н. А. Основскому в неизданном письме от 13(25) октября 1858 г.: «Я Ивану Сергеевичу послал твое объявление и копию с прилагаемого сокращения. „Вот де написали мы объявление, и сами чувствуем, что больно *коммерчески*. От сокращения же гляди — подписчиков мало наберешь. Так ка́к Вы, наш милостивец, нам посоветуете?“» (*ГПБ*, собрание русских автографов, К. 19, И. В. Павлов). После получения публикуемого письма Тургенева И. В. Павлов писал Н. А. Основскому: «В объявлении напечатать, что, кроме политического отдела, „Моск⟨овский⟩ в⟨естник⟩“ будет ежемесячно представлять критический обзор замечательнейших статей по крестьянскому вопросу и что этот обзор поручен Редакцией мценскому помещику Ив. Вас. Павлову.

Назвавши сотрудников и поименовавши приобретенные нами статьи, надо оговориться; мы, дескать, все усилия употребим для того, чтобы литературный отдел был занимателен и разнообразен, но мы не обещаем, что в каждом № будет литературный отдел. Наша, мол, главная цель сообщать политические известия за наивозможно дешевую цену, что же касается до литературного отдела, то всякий знает, что литераторы наши заняты и что аккуратности в исполнении обещаний от них требовать нельзя» (там же, К. 19, И. В. Павлов, л. 3).

Объявление об издании «Московского вестника» было помещено в «Современной летописи» «Русского вестника» (1859, № 1, кн. 2, с. 190). В основу напечатанного объявления был положен, очевидно, этот последний вариант И. В. Павлова.

[3] Речь идет о статье И. В. Павлова «Восток и Запад в русской литературе», которая была впоследствии напечатана: *Моск Вестн*, 1859, № 4 и 5.

730. **М. Н. Толстой** (с. 345)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 27, л. 1.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 1, с. 295.

[1] В связи с болезнью, свое намерение посетить Ясную Поляну Тургенев не осуществил (см. письмо 734).

731. **И. П. Борисову** (с. 346)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, Щ/10.76.
Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 358.

[1] Борисов в это время жил в 17 верстах от Спасского, в имении Новоселки, которое он получил в приданое за своей женой Надеждой Афанасьевной Шеншиной, сестрой А. А. Фета (см.: *Фет*, ч. 1, с. 251).

732. **И. П. Борисову** (с. 346)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, Щ/10.77.
Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 359.

[1] Написано в день рождения Тургенева, когда ему исполнилось 40 лет (см. письмо 731).
[2] Тургенев предполагал пробыть в Спасском до субботы 1 (13) ноября, но из-за болезни смог выехать из Спасского после 5(17) ноября (см. письмо 734 — к М. Н. Толстой).

733. **А. А. Фету** (с. 346)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 32, л. 7.
Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 281, с пропуском обращения, фамилии Колбасина, второго абзаца и постскриптума.

[1] Фет, в это время живший в Москве, пишет в своих воспоминаниях: «5 ноября не успели мы окончить кофею, как у нашего крыльца прогремел знакомый мне тарантас, и в дверях передней я встретил взошедшего по лестнице Тургенева» (*Фет*, ч. 1, с. 281). В определении даты приезда Тургенева в Москву Фет ошибается на несколько дней, под влиянием публикуемого тут же письма Тургенева. М. К. Клеман, устанавливая дату приезда Тургенева в Москву в ноябре 1858 г., повторяет ошибку Фета, не учитывая того, что письмо к М. Н. Толстой (№ 734) написано 5(17) ноября 1858 г. из Спасского (см.: *Клеман*, *Летопись*, с. 102).
[2] «Монитер» («Moniteur») — французская официальная газета (1789—1870). Тургенев имеет в виду ноту короля Людовика XVI, прочтенную перед Национальным собранием 4 августа 1789 г., в разгар обсуждения «Декларации прав человека и гражданина». Желая задобрить Национальное собрание, король сообщал в этой ноте о назначении нескольких его членов на важные посты в правительстве (министр юстиции, военный министр, член королевского совета). Кроме того, Людовик XVI уведомлял Национальное собрание о том, что он дает одному из его членов бенефиций (см.: Moniteur, 1789, № 33, 3 и 4 août, p. 139). Обычай давать бенефиций (пожизненное владение землей без права передачи по наследству) в условиях конца XVIII в. являлся пережитком далекой старины и применялся, по-видимому, лишь в исключительных случаях. Очевидно, по этой причине Боткин, по словам Тургенева, «не верил» в него.

734. М. Н. Толстой (с. 347)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 152.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 115.

[1] В письме от 24 октября (5 ноября) Тургенев обещал 1 или 2 ноября ст. ст. приехать в Ясную Поляну (см. письмо 730). Настоящее письмо показывает, что Тургенев смог выехать из Спасского в Москву лишь через несколько дней после 5(17) ноября 1858 г.

735. Полине Тургеневой (с. 347 и 402)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 32—33.
Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, № 802, 15 novembre, p. 50—52. Перепечатано: *Séménoff*, p. 79—81.
Датируется по очевидной связи с письмом 736.

[1] П. Тургенева с 1857 г. стала отдаляться от семьи Виардо и относиться к ней все более сдержанно. По-видимому, недомолвки и намеки в ее письмах имели отношение к этому обстоятельству.
[2] Письма Тургенева к Н. И. и К. Тургеневым от ноября — декабря 1858 г., посвященные воспитанию дочери и вопросу об отмене крепостного права, до нас не дошли.

736. Полине Виардо (с. 349 и 403)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).
Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 93—94.

[1] В ноябре — декабре 1858 г. П. Виардо была на гастролях в Венгрии.
[2] Тургенев приехал в Петербург, по-видимому, 14(26) ноября.
[3] См. письмо к Полине Виардо от 20 июля 1849 г. (наст. изд., *Письма*, т. 1, письмо 115, с. 302—305).
[4] Имеется в виду великая княгиня Елена Павловна, с которой Тургенев неоднократно встречался и беседовал о проблемах отмены крепостного права в России.
[5] Гастроли П. Виардо в Варшаве не состоялись.
[6] Речь идет о романе «Дворянское гнездо».
[7] Роман «Дворянское гнездо» в основном был написан в Спасском летом 1858 г. Публикуемое письмо позволяет уточнить дату первого чтения «Дворянского гнезда» в кругу друзей, о котором сохранились мемуарные свидетельства (см. об этом: наст. изд., Сочинения, т. 6, с. 390—391). Очевидно, чтение и обсуждение романа состоялось между 14(26) и 17(29) ноября 1858 г.

737. Е. Е. Ламберт (с. 350)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 34.
Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1914, № 10, с. 204. Перепечатано: *Письма к Ламберт*, с. 22.

Датируется по содержанию, связи с другими письмами того же времени и помете «четверг». Тургенев приехал из Спасского в Петербург, около 14(22) ноября 1858 г. (см. письмо 736) и остановился

по указанному в настоящем письме адресу; четверги в ноябре 1858 г. приходятся на 13, 20, 27 числа по ст. ст., но письмо написано не сразу, а вскоре после приезда, всего вероятнее — 20 ноября (2 декабря). Ср. письмо 741, к Е. Е. Ламберт.

738. **М. Н. Каткову** (с. 350)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, картон 11, № 21/2. Письмо обгорело по краям, текст немного поврежден.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 36—37.

[1] Е. М. Феоктистов был в это время (с 1856 г.) одним из ближайших сотрудников М. Н. Каткова в «Русском вестнике».

[2] Речь идет о романе «Накануне», появившемся впоследствии в январской книжке «Русского вестника» за 1860 г.

[3] Статья «Гамлет и Дон-Кихот», обещанная автором редакции «Современника» (см. письмо 667), была позднее напечатана в этом журнале, а не в «Русском вестнике».

739. **Полине Виардо** (с. 351 и 403)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 78—80.

[1] Письмо Луи Виардо от 18 ноября 1858 г. с припиской Полины Виардо не опубликовано, хранится в *Bibl Nat* (Paris).

[2] Имеется в виду вел. княгиня Елена Павловна.

[3] Речь идет о романе «Дворянское гнездо» (отзывы о нем см.: наст. изд., Сочинения, т. 6, с. 381—384).

[4] Чтение романа «Дворянское гнездо» состоялось на квартире Тургенева и заняло 2 вечера. Среди присутствовавших литераторов были Некрасов, Дружинин и Анненков, которому Тургенев поручил читать роман, поскольку сам он болел бронхитом и читать не мог (см. об этом: А н н е н к о в П. В. Литературные воспоминания. М., 1983, с. 415).

[5] См. письмо к Полине Тургеневой от 16(28) января 1859 г. (№ 754), которое было отослано месяц спустя. Неизвестно, когда были отосланы деньги и письмо к Луи Виардо.

[6] «Граф Ори» — одна из лучших комических опер Россини, была поставлена в Париже впервые 20 августа 1820 г. В Петербурге она была поставлена в бенефис Кальцолари, который исполнял в ней партию графа Ори, а А. Бозио — партию графини.

[7] По случаю приезда в Петербург негритянского трагика Эйры Олдриджа в немецком театре были поставлены пьесы шекспировского репертуара — «Король Лир», «Венецианский купец» и «Отелло», причем пьесы шли в значительном сокращении и исполнялись на немецком языке, кроме заглавных ролей, которые были исполнены Олдриджем по-английски. Игра этого выдающегося трагика снискала в Петербурге заслуженный успех, однако исполнение Олдриджем роли короля Лира, как о том сообщали газеты, было признано менее удачным, чем роли Отелло и Шейлока (см.: *СПб Вед*, 1858, № 252, 18 ноября, № 257; 23 ноября, № 269, 9 декабря и др.). В целом, помимо двух бенефисов, в которых Олдридж принимал участие, он выступил в Петербурге 20 раз, из них 13 раз — в роли Отелло. Подробнее о гастролях Э. Олдриджа в России и о его творчестве см.: Д у р ы л и н С. Айра Олдридж. М.; Л., 1940, а также

статью И. И. Панаева в журнале «Современник» за 1858 г., т. XXII, кн. 6.

[8] Тургенев имеет в виду смерть графа Мих. Ю. Виельгорского 28 августа 1856 г. П. Виардо была хорошо знакома с Виельгорскими, сохранилась ее переписка с Матв. Ю. Виельгорским (см.: *Муз Насл*, т. II, ч. 2).

[9] Имеется в виду Матвей Юрьевич Виельгорский.

740. Полине Виардо (с. 353 и 405)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 80—82.

[1] Письмо Луи Виардо с припиской П. Виардо от 18 ноября 1858 г. из Пешта хранится в *Bibl Nat*. Другие письма П. Виардо из Пешта неизвестны.

[2] Возможно, Тургенев имеет в виду знакомства, о которых он рассказывал в письме к В. П. Боткину от 10(22) февраля 1859 г.

[3] Речь идет о романе «Дворянское гнездо».

[4] Речь идет об образованном в январе 1859 г. негласном Комитете по делам книгопечатания (Bureau de la presse), просуществовавшем около года и официально упраздненном в январе 1860 г. Первые упоминания о создании этого учреждения, предназначенного заниматься «не административно, а нравственно... направлением литературы», встречаются в «Дневнике» А. В. Никитенко в записи от 5 октября 1858 г. (см.: *Никитенко*, т. II, с. 37). В этот комитет, метко окрещенный Ф. И. Тютчевым «троемужием», первоначально вошли: гр. А. В. Адлерберг (в качестве председателя), товарищ министра народного просвещения Н. А. Муханов и начальник штаба корпуса жандармов, управляющий III отделением А. Е. Тимашев. Позднее в состав комитета был введен А. В. Никитенко. Как писал сам Никитенко, «если б нарочно постарались отыскать самых неспособных для этой роли людей, то лучше не нашли бы» (*Никитенко*, т. II, с. 50). Тургенев мог узнать подробности о создании русского «Bureau de la presse» (задуманного по типу французского) от Никитенко,— в дневнике последнего есть запись от 28 декабря 1858 г. о визите к Тургеневу, где упоминается об обсуждении целей комитета на обеде у гр. Н. А. Орлова, на котором присутствовал Тургенев (*Никитенко*, т. II, с. 51—52). Еще до создания комитета в Петербурге ходили слухи, что в него войдут известные литераторы, среди которых называли и Тургенева (см.: письмо В. А. Долгорукова к Н. В. Путяте от 21 декабря 1858 г. в кн.: Э й д е л ь м а н Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973, с. 304; П л е т н е в П. А. Сочинения и переписка. Под ред. Я. Грота. В 3-х т. СПб., 1885, т. 3, с. 467 и др.). Однако это «новое для цензуры учреждение» проявило себя как негласный правительственный орган, целиком зависящий от воли императора и проводящий, несмотря на старания Никитенко, самые реакционные взгляды. Первоначально при организации этого комитета было решено, что он будет представлять собой V Отделение собственной его императорского величества канцелярии, однако, опасаясь нежелательной реакции общественного мнения, этот орган получил свое окончательное название, сохраняя при этом неограниченные полномочия. Подробнее о деятельности комитета см.: Л е м к е М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, с. 311—368, а также записи в дневнике

Никитенко: *Никитенко*, т. II, с. 37—102. В *ИРЛИ* хранится тетрадь Никитенко под названием «Комитет по делам книгопечатания 1859 г.», которую он вел параллельно с дневником, почти не дублируя его. Записи из этой тетради вошли в издание: *Никитенко*, т. II.

[5] Имеется в виду А. Е. Тимашев, с 1856 г. начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением. О Тимашеве писал в «Колоколе» Герцен (1860, 1 июня, л. 72), на что откликнулся Тургенев в письме к Герцену от 12(24) июня 1860 г.: «Сердцу моему приятны твои заботы о Тимашеве».

[6] Из какого источника Тургеневым получены сведения об оскорблении, нанесенном Олдриджу Сабуровым, установить не удалось. Судя по сообщениям в газетах, гастроли Олдриджа в Петербурге закончились благополучно — 20 декабря был дан бенефис в его честь, где выдающийся актер продемонстрировал не только свое мастерство трагика, но и выступил в комической роли, чем вызвал новый прилив энтузиазма в публике. Это представление, как писали «С.-Петербургские ведомости», «явилось демонстрацией горячего почитания таланта актера», ему были преподнесены венки и различные подарки. В той же газете была опубликована ответная речь Олдриджа, с которой растроганный актер обратился к петербургской публике (см.: *СПб Вед*, 1859, № 3, 4 января). В № 14 от 25 января 1859 г. в той же газете была опубликована восторженная статья М. П. Погодина об игре Олдриджа.

[7] См. письмо 739, примеч. 6. В этот сезон Кальцолари неоднократно выступал на подмостках Итальянской оперы вместе с А. Бозио.

[8] Оценивая зимний сезон 1858—1859 гг., корреспондент «С.-Петербургских ведомостей» писал, что публика слышала «сначала все больше Верди, а потом Верди и „Лючию", „Лукрецию" 〈. . .〉 и проч., и если надлежащим образом сведем счет, то выйдет, что мы прослушали опер более, нежели в какой-либо из предыдущих сезонов. 〈. . .〉 но это разнообразие таково, что мы имели полное основание увольнять читателя от бесед о нем» (1859, № 14, 18 января).

[9] Пение Анджолины Бозио было высоко оценено русской публикой, перед которой певица выступала в зимние сезоны с 1855 по 1859 г. В этот свой последний сезон (певица скончалась в Петербурге 31 марта 1859 г.) она успешно выступала в Москве и в Петербурге. Бозио была очень популярна среди демократически настроенной молодежи, принимала участие в университетских концертах, в различных благотворительных выступлениях. На ее смерть откликнулся Н. А. Некрасов, а Н. Г. Чернышевский писал о пении Бозио в романе «Что делать?».

[10] См. письмо 739, примеч. 8.

[11] Ближайшими друзьями Тургенева в это время были П. В. Анненков, В. П. Боткин, А. В. Дружинин, А. А. Фет, Я. П. Полонский, с которыми писатель часто встречался и переписывался.

[12] Опера Ш. Гуно «Фауст» была впервые поставлена в Париже 19 марта 1859 г., замысел ее возник еще в 1856 г. Известие о том, что Гуно работает над оперой на сюжет трагедии Гёте, вызвало немало скептических прогнозов (см. напр., *Athenaeum*, 1859, № 1630, January 22, p. 122). Однако, после удачной премьеры оперы, успех ее возрастал от представления к представлению, она была поставлена на многих сценах, в том числе и в Петербурге в 1864 г. Существовало 2 редакции оперы. В первой редакции вместо речитативов были разговорные диалоги, а во второй, осуществленной в 1869 г.,— был введен балет «Вальпургиева ночь». История написания оперы

содержится в «Воспоминаниях артиста» Ш. Гуно (М. 1962, с. 102—107).

[13] Клоди Виардо, дочь П. и Л. Виардо.

[14] Луиза Виардо-Эритт, дочь П. и Л. Виардо.

[15] Эти письма Л. Виардо неизвестны.

[16] Упоминаемое Тургеневым письмо неизвестно.

[17] Тургенев выехал из Петербурга 29 апреля (11 мая), в Париже он был около 14(26) мая 1859 г.

741. **Е. Е. Ламберт** (с. 355)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 35.

Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1914, № 10, с. 204. Перепечатано: *Письма к Ламберт*, с. 23—24.

Письмо датируется 8 или 15(20 или 27) декабря 1858 г. по содержанию: оно помечено понедельником и, по-видимому, декабрьским, незадолго до Нового года, прежде которого Тургенев надеется увидеть гр. Ламберт; понедельники в декабре 1858 г. (по ст. ст.) приходились на 1,8, 15, 22,29 числа; но последние два числа исключаются, так как, по сообщению Тургенева, он лишь надеется выйти через 10 дней, между тем как 31 декабря ст. ст. он уже присутствовал на литературном обеде у Гончарова (см.: *Никитенко*, т. 2, с. 53); мало вероятно и 1 декабря как слишком отдаленное от Нового года. Между тем роман «Дворянское гнездо» (*Совр*, 1859, № 1; ценз. разр.— 4 января ст. ст.) в момент написания письма еще не был сдан в печать, а это едва ли могло быть позже 15 декабря ст. ст.

Стр. 355. «не в настроении» (*нем.*).

[1] Тургенев по приезде в Петербург из Москвы в 10-х числах ноября 1858 г. заболел бронхитом: он «завел аспидную доску и вступал посредством нее в беседу с нами» (*Анненков*, с. 425).

[2] «Дворянское гнездо».

[3] Точную дату двухдневного чтения Анненковым «Дворянского гнезда» на квартире Тургенева установить затруднительно. Утверждение М. К. Клемана о том, что чтение происходило 28 и 29 декабря ст. ст. 1858 г. (см.: *Клеман*, *Летопись*, с. 102, со ссылкой на свидетельства Никитенко, Анненкова и Гончарова), несомненно ошибочно и нуждается в уточнении. Никитенко отмечает лишь свое посещение Тургенева и разговор с ним о новом романе, не упоминая вовсе о чтении его: «Был у И. С. Тургенева. Он написал новый роман совершенно в художественном направлении» и т. д. (*Никитенко*, т. 2, с. 51), Анненков (*Анненков*, с. 425) и Гончаров («Необыкновенная история» — *Сб РПБ*, 1924, с. 19—21), рассказывая о чтении, не датируют его даже приблизительно; расходятся они и в определении участников чтения. Но к концу декабря Тургенев уже поправился, а роман был в печати, поэтому и чтение его— очевидно, в рукописи — нужно отнести к первой половине декабря, незадолго до настоящего письма.

[4] Тургенев был удовлетворен отзывами и критическими замечаниями присутствующих и решил посвятить роман П. В. Анненкову (см.: *Анненков*, с. 425).

742. **А. А. Фету** (с. 355)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 32, л. 9.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 1, с. 283—284, с пропусками и сокращениями.

Стр. 355. «Фет — друг, но бо́льший друг — истина» (*лат.*).
Стр. 356. и на этом точка (*нем.*).
Стр. 356. Никогда не позволяй себе
Вступать в пререкание:
Мудрые впадают в невежество,
Когда они спорят с невеждами (*нем.*).

[1] Тургенев перефразирует крылатое латинское выражение «Amicus Plato, sed magis amica veritas» («Платон — друг, но больший друг — истина»), источником которого является диалог Платона «Федон».

[2] Какое произведение цитирует Тургенев — не установлено.

[3] Цитата из стихотворения Фета «Лида» (из А. Шенье) (*Б-ка Чт*, 1859, № 10); при этом первая из приведенных Тургеневым строк по вине наборщика выпала из текста, вторая же осталась непеределанной.

[4] Пародийное двустишие, сочиненное, очевидно, самим Тургеневым, высмеивает тяжелый стиль переводов Фета, напоминающий стиль Тредиаковского и поэтов-эпигонов классицизма.

[5] Сущность спора М. Н. Толстой с Фетом о поэзии Ф. И. Тютчева нам неизвестна; Тургенев всегда считал Тютчева одним из величайших современных поэтов в русском и мировой литературе.

[6] Цитата из сборника стихотворений Гёте «Западно-восточный Диван», «Книга изречений», № 28 (Goethe. West-östlicher Divan, Buch der Sprüche, № 28). Первый стих цитаты приведен Тургеневым неточно. У Гёте: «Lass Dich nur in keiner Zeit...»

[7] Л. Н. Толстой приехал в Петербург 10 марта ст. ст. 1859 г. (см.: Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. М.: Гослитиздат, 1958, с. 198). В декабре 1858 г. он охотился на медведей под Вышним Волочком и был действительно искусан медведицей как раз в эти дни (22 декабря ст. ст.). Описание этой охоты см.: *Фет*, ч. 1, с. 227—228.

743. Н. А. Основскому (с. 356)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 446.
Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 59—60.

[1] «Комитетом» Тургенев, очевидно, называет Главное управление цензуры, где решался вопрос о разрешении «Московского вестника» (см. примеч. 3).

[2] См. письмо 721.

[3] Официальное разрешение Министерства народного просвещения на издание «Московского вестника» было отправлено попечителю Московского учебного округа 12(24) января 1859 г. (см.: *ЦГИАЛ*, ф. 772, оп. 7, № 151974, л. 18).

[4] Речь идет о статье И. В. Павлова «Восток и Запад в русской литературе» (*Моск Вестн*, 1859, № 3).

[5] «Московский вестник» начал выходить с февраля 1859 г. Подписчикам было обещано выдать дополнительное количество номеров газеты за январь. Годовая подписная плата была установлена в 3 р.

[6] В объявлении об издании «Московского вестника» на 1859 г. (*Рус Вестн*, 1859, № 1, кн. 2. с. 190) было указано, что в газете будет помещена статья И. С. Тургенева «Несколько мыслей о современном значении и призвании русского дворянства». Этот замысел Тургенева остался неосуществленным. Черновые наброски хранятся

в *Bibl Nat*; ср.: *Mazon*, p. 98. В № 1 «Московского вестника» 1859 г. был напечатан очерк Тургенева, извлеченный из не завершенного им романа «Два поколения», под заглавием «Собственная господская контора (отрывок из романа)».

744. Н. А. Некрасову (с. 357)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 134, оп. 11, № 25, л. 7.
Впервые опубликовано: *Т и круг Совр*, с. 123.
Датируется по содержанию. Письмо могло быть написано в Петербурге не ранее 10-х чисел ноября ст. ст. 1858 г., когда Тургенев вернулся из Спасского (по дороге заехав в Москву), и не позднее декабря 1858 г., так как «Дворянское гнездо» появилось в январском номере «Современника».

1 См. письмо 725, примеч. 3.
2 Сделка с Некрасовым по поводу 2-го издания «Записок охотника» (см. письмо 724, примеч. 5) тяготила Тургенева, и он неоднократно высказывал свое неудовольствие (см. письмо 615; ср. письмо Некрасова от 20 июля 1857 г.: *Некрасов*, т. 10, с. 347—349, а также письмо 628). Эта история, имевшая материальную подкладку, способствовала ускорению разрыва между Тургеневым и редакцией «Современника», основная причина которого заключалась в идеологических расхождениях участников журнала.
3 См. письмо 725, примеч. 5.
4 Наименование Ф. А. Бурдина «хлыщ» — отзвук фельетонов Панаева, пустившего в обращение это слово. По-видимому, Ф. А. Бурдин был известен в литературных кругах под этим прозвищем.

745. Ег. П. Ковалевскому (с. 357)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 16.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. III, с. 258.
Письмо не имеет даты. В описании рукописей и переписки И. С. Тургенева оно ошибочно отнесено к 1860 г. (*ИРЛИ, Бюллетени*, с. 59). Датируется декабрем 1858 г. по содержанию. В это время Тургенев через Ег. П. Ковалевского хлопотал о разрешении министра народного просвещения Евгр. П. Ковалевского на издание новой газеты «Московский вестник» (см. письма 721, 743).

746. Н. А. Некрасову (с. 358)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 338, оп. 1, № 70, л. 1.
Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 296. Вторично (ошибочно, как первая публикация) напечатано: *Звенья*, т. 5, с. 263—264.

Датируется по содержанию декабрем 1858 г. (см. ниже, а также: *Звенья*, т. 5, с. 262).

1 Речь идет о статье Н. А. Добролюбова, названной сначала «Нечто о литературном протесте», а напечатанной позднее под заглавием «Письмо из провинции» в «Свистке» (1859, № 1, приложение к январскому номеру «Современника», с. 198—210). Выступление Добролюбова было вызвано полемикой по поводу статьи В. Р. Зотова «Западно-русские жиды и их современное положение», помещенной с подписью «Знакомый человек» в журнале «Иллюстрация»

(1858, № 35). Статья была направлена против газеты «Русский инвалид», высказавшейся за расширение гражданских прав евреев, и вызвала отповедь либеральных московских журналов «Русский вестник» и «Атеней», поместивших статьи Чацкина и Горвица. В ходе полемики вопрос о правах евреев отступил на задний план и все дело свелось к частной перебранке. В «Русском вестнике» (1858, № 11, кн. 1) был напечатан протест «русского общества в лице оскорбленных публицистов» против уронившего себя органа печати — «Иллюстрации». Протест был подписан множеством имен, в числе которых были И. С. Тургенев и Н. Г. Чернышевский. Под аналогичным протестом, появившимся в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 258, 25 ноября), также стояла подпись Тургенева. Добролюбов резко осудил в своем выступлении беспредметность и фальшивый пафос протестов. Статья Добролюбова, предназначавшаяся в декабрьский номер «Современника» (но задержанная цензурой и затем переработанная), была, очевидно, показана Некрасовым Тургеневу до представления в цензуру. Письмо Тургенева сохранилось в бумагах Н. Г. Чернышевского, что заставляет предполагать совместное обсуждение его редакторами журнала — Чернышевским и Некрасовым, в результате чего статья, несмотря на возражения Тургенева, была напечатана (см.: Звенья, т. 5, с. 263).

[2] «Le Nord» — полуофициозная газета, издававшаяся в Брюсселе русским правительством под редакцией чиновника — карьериста и интригана (по определению Тургенева) — Поггенполя (см. письмо 553).

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

21. Министру народного просвещения (с. 359)

Печатается по подлиннику: *ЦГИАЛ*, ф. 735, оп. 4, № 22, л. 1.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 386.

[1] К прошению Тургенева приложено свидетельство от 19 апреля 1854 г., выданное Фету командиром полка генерал-майором Курселем, о полученном от наследника согласии «на посвящение исполненного им перевода 1-й книги Од Горация»; согласие было получено, когда перевод еще не вышел из печати, а за время печатания книги наследник стал императором, почему в 1856 г. и потребовалось вторичное разрешение. Кроме свидетельства, в деле имеется справка, написанная самим Фетом и помеченная 30 апреля (по-видимому, 1856 г.), о причине вторичного ходатайства.

[2] Получив все требуемые документы, А. С. Норов 8 мая 1856 г. обратился с докладом к Александру II, и последний 14 мая дал разрешение на посвящение ему перевода, присоединив к разрешению и подарок. Посвящение было напечатано в отдельном издании перевода: Оды Квинта Горация Флакка в четырех книгах. Перевод с латинского А. Фета. СПб., 1856.

22. М. А. Корфу (с. 359)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 728, оп. 1, отдел личных фондов, № 1624, ч. II, л. 294.
Впервые опубликовано: *Лит Вестн*, 1903, № 5, с. 20.

[1] Речь идет о статье Е. Я. Колбасина «Иван Иванович Мартынов, переводчик греческих классиков».— *Совр*, 1856, № 1 и 2, вошедшей в его книгу «Литературные деятели прежнего времени» (СПб., 1859).

[2] М. А. Корф с 1849 по 1861 г. занимал должность директора Императорской публичной библиотеки. Просьба Тургенева не была им удовлетворена.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ[1]

[1] Цифры соответствуют номерам писем.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА С 1855 ПО 1858 ГОД[1]

1855. Петербург — 1—8 (13—20) января.
Москва — 9 (21) января — 3 (15) февраля.
Абрамцево — вторая половина января.
Завидово — 2—5 (14—17) февраля.
Петербург — 7 (19) февраля — 6(18) апреля.
Москва — 7 (19) — 11 (23) апреля.
Спасское — 12 (24) апреля — начало (до 3 (15)) октября.
Юшково (Карачаевского уезда) — 17 (29) августа — 20 августа (1 сентября).
Карачев — 21 августа (2 сентября) — конец августа.
Покровское — около 3 (15) октября.
Москва — около (до) 7 (19) октября — 13 (25) октября.
Петербург — 14 (26) октября — декабрь.
1856. Петербург — январь — 3 (15) мая.
Москва — 4 (16) — 6 (18) мая.
Спасское — 7 (19) мая — 11 (23) июля.
Покровское — 1—2 (13—14) июня — 18 (30) июня.
Москва и Кунцево — 12 (24) — 15 (27) июля.
Петербург — 16 (28) июля — 21 июля (2 августа).
Ораниенбаум — 17 (29) — 18 (30) июля.
Берлин — около 25 июля (6 августа).
Париж — конец июля — 21 августа — 2 сентября.
Лондон — 22 августа (3 сентября) — 27 августа (8 сентября)
Париж — около 27 августа (8 сентября).
Куртавнель — 31 августа (21 сентября) — 18 (30) октября.
Париж — 19 (31) октября — декабрь.
1857. Париж — январь — 12 (24) мая.
Дижон — 25 февраля (9 марта) — 2 (14) марта.
Лондон — 12 (24) мая — около (до) 15 (27) июня.
Париж — около (не позднее) 15 (27) июня.
Берлин — около 20 июня (2 июля).
Зинциг — 21 июня (3 июля) — 19 (31) июля.
Баден-Баден — 19 (31) июля — 21 июля (2 августа).
Париж — 22 июля (3 августа).
Булонь — 23 июля (4 августа) — 9 (21) августа.
Париж — 10—11 (22—23) августа.
Куртавнель — 11 (23) августа — 30 сентября (12 октября).
Бельфонтен — 15 (27) — 17 или 18 (29 или 30) августа.
Париж — 16 (28) августа.
Париж — 19—21 августа (31 августа — 2 сентября).
Париж — 28—30 августа (9—11 сентября).

[1] Неопределенные даты, не имеющие чисел месяца, даются по старому стилю, кроме случаев, особо оговоренных.

Париж — 30 сентября (12 октября) — 5 (17) октября.
Лион — Марсель — Ницца — Генуя (пять дней) — Рим — 5—18 (17—30) октября.
Рим — 18 (30) октября — декабрь.

1858. Рим — январь — 4 (16) февраля.
Неаполь — 5 (17) февраля — 23 февраля (7 марта).
Рим — 24 февраля (8 марта) — 3 (15) марта.
Флоренция — около (до) 6 (18) марта — около (до) 13 (25) марта.
Пиза — 13 (25) марта.
Генуя — Милан — Венеция — конец марта — начало апреля н. ст.
Вена — 26—31 марта (7—12 апреля).
Прага — 31 марта (12 апреля) — 1 (13) апреля.
Дрезден — 1 или 2 (13 или 14) апреля.
Лейпциг — 3 (15) — около 6 (18) апреля.
Париж — 8 (20) — 15 (27) апреля.
Лондон — 16 (28) апреля — 8 (20) мая.
Париж — 8 (20) мая — 27 или 28 мая (8 или 9 июня).
Берлин — 30—31 мая (11—12 июня).
Штеттин — 31 мая (12 июня) (?).
Петербург — 4 (16) (?) июня.
Спасское — 13 (25) июня — около (после) 5 (17) ноября.
Орел — 14—15 (26—27) июня.
Ясная Поляна — 22—25 июня (4—7 июля).
Тула — 1 (13) — около (до) 6 (18) сентября.
Орел — 18—23 октября (30 октября — 4 ноября).
Москва — около (до) 10 (22) ноября.
Петербург — около (после) 10 (22) ноября — декабрь.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА[1]

[1] Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ[1]

[1] Имена лиц, являющихся адресатами писем Тургенева, напечатанных в настоящем томе, отмечены звездочками; отсылки на указатели других томов писем сокращены до указания лишь номера тома.

Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

«Провинциалка», «Где тонко, там и рвется»). Был приказчиком сначала у А. Ф. Смирдина, а потом у Ф. В. Базунова. По поручению Панаева и Некрасова заведовал конторой для подписки на «Современник», при которой открыл книжную торговлю, существовавшую до 1868 г. Известно одно письмо Тургенева к Давыдову (1856). Письма Давыдова к Тургеневу неизвестны — 86, 97, 184—186, *468*, *473*, *475*, *524*, *525*

Дакен (Dacquin) Жанна-Франсуаза (1811—1895), французская писательница; писала под псевдонимом «Léona»; с 1832 по 1870 г. состояла в переписке с П. Мериме, см.: «La célèbre Inconnue de Prosper Mérimée», 1908 — *596*

Даль Владимир Иванович (1801—1872), писатель, этнограф, ученый диалектолог — см. т. 1 — 91, *472*

«Мысли по поводу статьи: о воспитании, в „Морском сборнике“, 1856, январь» — 91, *472*

* *Данилевский* Григорий Петрович (1829—1890), беллетрист, чиновник, с 1881 г. редактировал «Правительственный вестник» и с 1882 г. был членом совета Главного управления по делам печати; автор многих исторических и бытовых романов, рассказов, поэм и стихотворных сборников. Творчество Данилевского встречало чаще всего ироническую или отрицательную оценку в прогрессивной критике (Некрасов, Чернышевский, Салтыков-Щедрин и др.). Тургенев познакомился с Данилевским в начале 50-х годов. Первое упоминание о Тургеневе содержится в письме Данилевского к Я. П. Полонскому от 10 декабря ст. ст. 1850 г. из Петербурга: «Ивана Сергеевича Тургенева теперь нет здесь; он уехал в Москву к умирающей матери» (*ИРЛИ*). О встрече писателей в Москве, 3 ноября ст. ст. 1851 г., на чтении Гоголем «Ревизора» вспоминают и Тургенев, и Данилевский. Тургенев охарактеризовал при этом Данилевского, как «молодого, но уже необыкновенно назойливого литератора». Позднее Данилевский в своих воспоминаниях упрекнул Тургенева в «некоторых неверностях» изображения этой встречи в «Литературных и житейских воспоминаниях» (см.: Данилевский Г. П. Сочинения. СПб., 1901. Т. XIV, с. 105). В 1852 г. Данилевский как чиновник Министерства народного просвещения по просьбе Краевского хлопотал о снятии цензурного запрета с письма Тургенева о смерти Гоголя, но, не добившись этого, опубликовал свою статью о Гоголе в «С.-Петербургских ведомостях». В 1854 г. Тургенев и Данилевский встречались на «средах» у гр. Ф. П. Толстого (см. письмо Данилевского к матери от 22 января 1854 г.: Данилевский Г. П. Сочинения. Т. 1, с. 54). Известно одно письмо Тургенева к Г. П. Данилевскому (1856); письма Данилевского к Тургеневу неизвестны — 35, 83, *432*, *465*, *466*

Данилевский Ростислав Юрьевич, советский литературовед — *412*

Данилов Николай Петрович (?), орловский помещик, по назначению правительства — член Орловского губернского комитета по улучшению быта крестьян — *604*

Данте (Dante) Алигьери (1265—1321) — *429*, *430*, *588*

«Божественная комедия» — 32, *430*

Дантес (д'Антес; d'Anthès) Жорж, барон Геккерн (1812—1895), убийца Пушкина. При Наполеоне III сделал большую административную карьеру, стал сенатором и крупным финансистом (см.: «Пушкин и его современники», вып. XXI—XXVII, 1916)—319, *597*

**Дантю* (Dentu) Эдуард (р. 1830), парижский издатель и книгопродавец, с 1855 г. ставший во главе издательства, основанного

гр. В. П. Толстым. Тургенев познакомился с ней осенью 1854 г., когда в литературных кругах возник острый интерес к творчеству ее брата, начинавшего свою писательскую деятельность, с которым никто из литераторов не был еще знаком. Тургенев часто встречался с М. Н. Толстой в Спасском, Покровском (имении Толстых), а также в Москве. (Описание первых дней знакомства Тургенева с М. Н. Толстой см. в письме Н. Н. Толстого к Л. Н. Толстому: *Лит Насл*, т. 37-38, с. 729.) Одно время Тургенев был увлечен М. Н. Толстой. Из воспоминаний М. Н. Толстой, записанных М. А. Стаховичем, видно, что она явилась прототипом Веры Ельцовой в повести Тургенева «Фауст» (см.: Орловский сборник, 1903, № 224). Известны 25 писем Тургенева к М. Н. Толстой (1854—1859), 8 из которых адресованы М. Н. и В. П. Толстым. Одно неопубликованное письмо М. Н. Толстой к Тургеневу (без даты, не ранее 1865 г.) хранится в *ИРЛИ* — 7, 9, 10, 16—21, 26, 34, 38, 42, 47, 51, 54, 56, 61—63, 65, 69, 71, 91, 92, 94, 95, 97, 100—103, 108—110, 113, 122, 123, 125, 142, 149 («Вашей сестры»), 150, 161 («Вашей сестре»), 164, 168, 169, 179, 180, 190, 234, 243, 244, 247, 248, 252—254, 268, 271, 274—276, 288, 292, 314, 324, 325, 334, 344, 345, 347, 356, 381, 396, 397 («сестра»), *413—415*, *418—421*, *426*, *428*, *432*, *434*, *437*, *440*, *442—444*, *449*, *451*, *454—457*, *473*, *475*, *481—484*, *490*, *491*, *504*, *513*, *516*, *517*, *522*, *527*, *548*, *549*, *555*, *558*, *567*, *569*, *571*, *601*, *611—614*, *619*

Толстая Софья Андреевна — см. *Миллер* С. А.

**Толстой* Алексей Константинович, граф (1817—1875), поэт. Тургенев познакомился с ним в 1852 г. Располагая связями при дворе, А. К. Толстой способствовал облегчению и прекращению спасской ссылки писателя. Тургенев с большим уважением и симпатией относился к А. К. Толстому, но о творчестве его отзывался при его жизни довольно сдержанно. Очень сочувственный отзыв о личности поэта представляет некролог А. К. Толстого, написанный Тургеневым в форме письма к редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу. Известно одно письмо Тургенева к А. К. Толстому (1855); 6 писем А. К. Толстого к Тургеневу (1852—1862) напечатаны в «Новом обозрении», 1901, № 5563 и 5564; перепечатаны: Литературный вестник, 1901, т. 1, № 3 — 24, 25, 29, 160, *418*, *425*, *426*, *428*, *463*

**Толстой* Валерьян Петрович, граф (1813—1865), муж Марии Николаевны Толстой, с которым она в 1858 г. разошлась. Тургенев познакомился с ним осенью 1854 г. Известны 20 писем Тургенева к В. П. Толстому (1854—1856), большинство которых адресованы В. П. и М. Н. Толстым. Письма В. П. Толстого к Тургеневу неизвестны — 7, 10, 16, 17, 19, 21, 52, 55, 59, 61, 65, 71, 92, 97, 111, 113, 124, 142, 143, 150, 170, 171, 235, 243, 247, 249, 381, *413*, *415*, *418*, *419*, *421*, *428*, *440*, *446*, *448*, *451*, *455*, *457*, *473*, *483*, *484*, *490*, *491*, *500*, *501*, *516*, *517*, *549*, *554*, *555*, *558*, *567*, *601*

* *Толстой* Лев Николаевич (1828—1910). Личное знакомство Тургенева с Толстым произошло 19 ноября (1 декабря) 1855 г., когда Толстой приехал из Крымской армии курьером в Петербург и остановился у Тургенева (на Фонтанке, в доме Степанова у Аничкова моста, ныне дом № 38). Это знакомство было подготовлено дружескими отношениями Тургенева с сестрой Толстого, Марией Николаевной (с октября 1854 г.), и с братом его — Николаем Николаевичем (с лета 1855 г.). В 1856—1861 гг. Тургенев часто встречался с Толстым и в России (они были соседями по имениям), и за границей. При всем взаимном уважении разница характеров и мировоззрения писателей делала их отношения неровными и приводила к спорам и столкновениям. 27 мая

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ[1]

Места хранения автографов

ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).

Собрания сочинений, сборники и другие издания

Боткин — Боткин В. П. Сочинения. СПб., 1890—1893. Т. 1—3.
ГЛМ, Бюллетени — И. С. Тургенев. Рукописи, переписка и документы./Под ред. Н. П. Чулкова. М., 1935 (Бюллетени Государственного литературного музея).
Из архива Островского — Неизданные письма к А. Н. Островскому. Из архива А. Н. Островского, по материалам Гос. театрального музея им. А. А. Бахрушина. М.: Academia, 1932 (Памятники литературного и общественного быта).
Н Вр — «Новое время» (газета).
Н Мир — «Новый мир» (журнал).
Островский — Островский А. Н. Полное собрание сочинений. М.: Гослитиздат, 1943—1953. Т. 1—16.
Рус Пропилеи — Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и подготовил к печати М. О. Гершензон. М., 1915—1919. Т. 1—6.

---

[1] В настоящем списке раскрываются условные сокращения, вводимые впервые.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

1855

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

ПРИМЕЧАНИЯ. УКАЗАТЕЛИ

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Тексты подготовили и примечания составили:
М. П. Алексеев, А. И. Батюто, К. Ф. Бикбулатова, Г. Я. Галаган, Н. П. Генералова, Т. Н. Голованова, Р. М. Горохова, Т. Н. Ден, Н. В. Измайлов, Е. И. Кийко, Л. И. Кузьмина, Ю. Д. Левин, Е. М. Лобковская, Н. Н. Мостовская, Л. Н. Назарова, Н. С. Никитина, Г. В. Степанова, Т. Б. Трофимова, Е. М. Хмелевская, Г. Цигенгайст, Б. М. Эйхенбаум

Редактор третьего тома писем
В. Н. БАСКАКОВ

*

Редактор издательства *М. Б. Покровская*
Оформление художника *М. В. Большакова*
Художественный редактор *С. А. Литвак*
Технический редактор *Н. П. Кузнецова*
Корректор *В. Г. Петрова*

ИБ № 32166

Сдано в набор 30.07.85
Подписано к печати 30.04 87
Формат 84 × 108¹/₃₂
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 37,02
Усл. кр. отг. 37,02
Уч.-изд. л. 46,5
Тираж 46300 экз. Тип. зак. 1875
Цена 5 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.